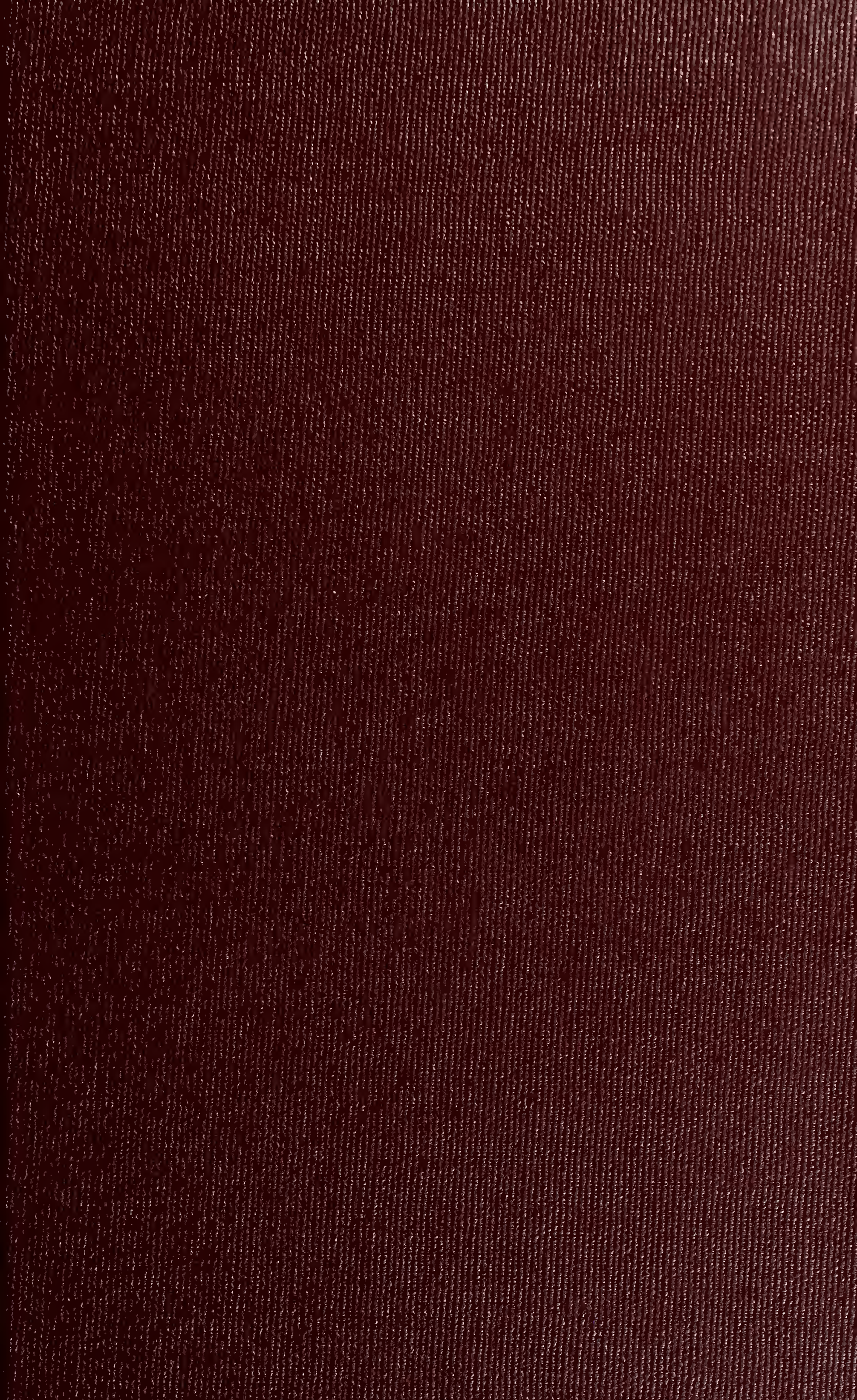

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ двѣнадцатый. АПРѢЛЬ. 1881 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ императора **Александра II Николаевича** и снимокъ съ подписи въ Бозѣ почившаго Монарха. Гравировалъ въ янв. 1880 г., по фотографіи 1878 г., Академикъ-граверъ Л. А. Сѣряковъ, [второе изданіе этого портрета].—II. Указатель личныхъ именъ въ изд. «Русской Старины», въ XXX-мъ томѣ изд. 1881 г.—III. Записки **Семена Порошина,** 1764—1766 гг. [продолж.].

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.
1881.

IV-я книга „Русской Старины" вышла 1-го апрѣля 1881 г.

Калевала Финскій народный эпосъ. Перевелъ Э. Гранстремъ. Спб. 1881. VII+242 стр. въ 8 д. л. Цѣна 2 р. сер.

Для ученаго историка и филолога, знаменитая финская эпопея — нестощимый рудникъ изслѣдованій, толкованій, поясненій и т. п. Связь миѳологіи древнихъ финновъ съ баснословными сказаніями индусовъ, египтянъ и грековъ, проявляется во многихъ эпизодахъ Калевалы, что, весьма естественно, возбуждаетъ въ читателѣ желаніе доискаться, какими путями миѳы древняго востока могли проникнуть на полярныя окраины Европы, преобразясь въ національные типы, обставленные угрюмыми, суровыми красотами сѣверной природы, болѣе ужасающей, нежели воспаляющей воображеніе. Финская космогонія, съ первыхъ-же словъ, напоминаетъ индусскую: финская Ильматаръ и Бгавани—брамаитовъ, почти тождественны; Вейнемейненъ—тотъ-же Аполлонъ, и въ трогательномъ эпизодѣ его сватовства за Айно не трудно угадать преслѣдованіе Аполлономъ Дафны... Однимъ словомъ, финская эпопея, съ обстановкою каждой своей строфы археологическими поясненіями, для читателей просвѣщенныхъ и энциклопедически образованныхъ можетъ быть весьма пріятнымъ и полезнымъ чтеніемъ. Но переводчикъ нынѣ изданной «Калевалы» не задавался мыслію дать русской публикѣ переводъ ученый, комментированный; его задача болѣе скромнѣе: она заключалась лишь въ ознакомленіи русской публики съ народнымъ поэтическимъ творчествомъ древнихъ финновъ, и задачу эту г. Гранстремъ разрѣшилъ удовлетворительно. Его переводъ, написанный языкомъ нашихъ простонародныхъ сказокъ, сокращенъ, именно настолько, что можетъ быть допущенъ къ чтенію даже дѣтей старшаго возраста. Сохранивъ наивность разсказа, переводчикъ отдѣлилъ отъ него патріархальный цинизмъ, свойственный эпопеямъ всѣхъ народовъ древности. «Калевалу» не безъ удовольствія прочтутъ люди, неимѣющіе никакого понятія о финскомъ народномъ эпосѣ.

Внѣшность изданія, исполненнаго типографіей В. С. Балашева, вполнѣ изящна: гравюры, шрифтъ, виньетки и заглавныя буквы могутъ съ успѣхомъ состязаться съ произведеніями типографій заграничныхъ. Читатели, знакомые съ техникою печатнаго дѣла, съ перваго-же взгляда на это изданіе, поймутъ и по достоинству оцѣнятъ многія трудности, которыя пришлось преодолѣть издателю; такъ напримѣръ, красивыя виньетки въ началѣ каждой главы сдѣланы «наборомъ» изъ множества мелкихъ арабесковъ и штриховъ, въ родѣ мозаики: произведенія, въ своемъ родѣ образцовыя. Наконецъ и самая цѣна книги довольно умѣренна и доступна.

П. К.

Статистическое описаніе Сибирскаго казачьяго войска. Составилъ Ѳ. Усовъ. Изд. главн. управл. иррегулярн. войскъ. Спб. 1879. 284+42, съ картою. Ц. 1 р. 50 к.

Настоящій трудъ составленъ по отчетамъ войсковаго начальства и по подлиннымъ, какъ архивнымъ, такъ и текущимъ дѣламъ главнаго управленія Западной Сибири; наконецъ на основаніи данныхъ, нарочно собранныхъ на мѣстѣ и мѣстными учрежденіями, напр., о нѣкоторыхъ подробностяхъ казачьяго хозяйства. При этомъ авторъ воспользовался историческими и статистическими трудами, относящимися къ его задачѣ, давъ значительное мѣсто и историческому элементу. Описаніе обнимаетъ всѣ требуемыя рубрики статистическаго обозрѣнія; но въ историческомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія очерки колонизаціи, народонаселенія, домашняго быта и т. п. Въ концѣ приложены списки населенныхъ мѣстъ.

Черноморье. Сборникъ изслѣдованій по исторической географіи южной Россіи. Ф. Бруна. Ч. II. 1880. 408.

Намъ приходилось въ свое время сообщать о выходѣ I тома настоящаго Сборника (1879); но автору не пришлось уже выпустить въ свѣтъ самому II томъ: онъ скончался 3 іюня 1880 г., на 76 году жизни, оставаясь до конца вѣренъ знамени чи-

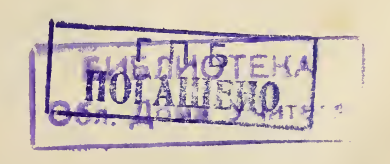
РУССКАЯ СТАРИНА

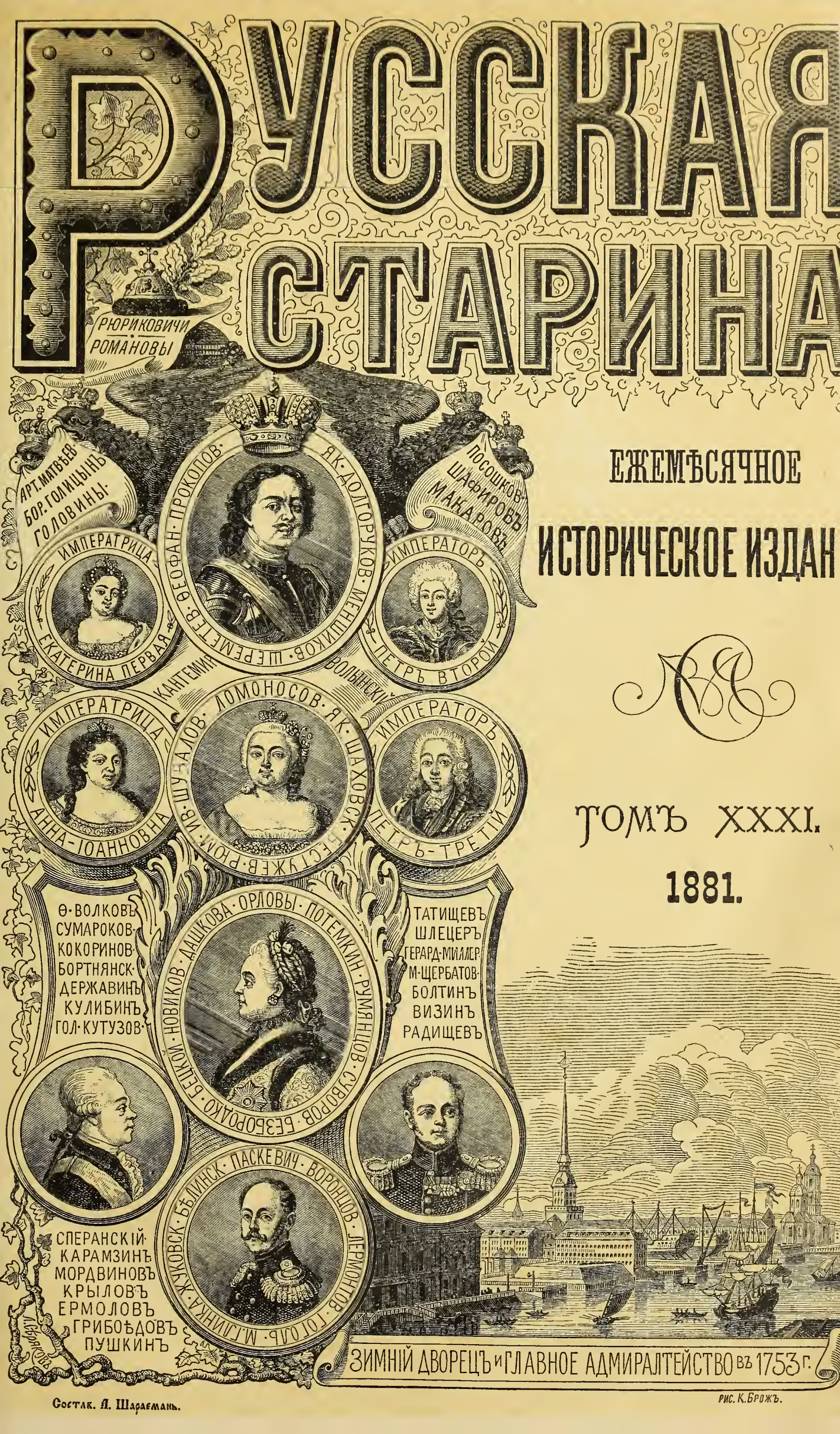
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1881

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

РУССКАЯ
СТАРИНА
РЮРИКОВИЧИ
РОМАНОВЫ
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАН
ТОМЪ XXXI.
1881.
АРТ. МАТВѢЕВ
БОР. ГОЛИЦЫНЪ
ГОЛОВИНЫ
ПОСОШКОВ
ШАФИРОВЪ
МАКАРОВЪ
ИМПЕРАТРИЦА
ЕКАТЕРИНА ПЕРВАЯ
ИМПЕРАТОРЪ
ПЕТРЪ ВТОРОЙ
ИМПЕРАТРИЦА
АННА-ІОАННОВНА
ИМПЕРАТОРЪ
ПЕТРЪ-ТРЕТІЙ
Ѳ. ВОЛКОВЪ
СУМАРОКОВ
КОКОРИНОВ
БОРТНЯНСК
ДЕРЖАВИНЪ
КУЛИБИНЪ
ГОЛ. КУТУЗОВ
ТАТИЩЕВЪ
ШЛЕЦЕРЪ
ГЕРАРД-МИЛЛЕР
М. ЩЕРБАТОВ
БОЛТИНЪ
ВИЗИНЪ
РАДИЩЕВЪ
СПЕРАНСКІЙ
КАРАМЗИНЪ
МОРДВИНОВЪ
КРЫЛОВЪ
ЕРМОЛОВЪ
ГРИБОѢДОВЪ
ПУШКИНЪ
ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО въ 1753 г.
Состав. А. Шарафман.
рис. К. Брожъ.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Господу Богу угодно было въ неисповѣдимыхъ путяхъ Своихъ поразить Россію роковымъ ударомъ и внезапно отозвать къ Себѣ ея благодѣтеля, Государя Императора Александра II-го. Онъ палъ отъ святотатственной руки убійцъ, неоднократно покушавшихся на его драгоцѣнную жизнь. Они посягали на сію столь драгоцѣнную жизнь, потому что въ ней видѣли оплотъ и залогъ величія Россіи и благоденствія Русскаго народа. Смиряясь предъ таинственными велѣніями Божественнаго Промысла и вознося ко Всевышнему мольбы объ упокоеніи чистой души усопшаго Родителя Нашего, Мы вступаемъ на Прародительскій Нашъ Престолъ Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго.

Подъемлемъ тяжкое бремя, Богомъ на Насъ возлагаемое, съ твердымъ упованіемъ на Его Всемогущую помощь. Да благословитъ Онъ труды Наши ко благу возлюбленнаго нашего отечества и да направитъ Онъ силы Наши къ устроенію счастія всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ.

Повторяя данный Родителемъ Нашимъ священный предъ Господомъ Вседержителемъ обѣтъ посвятить по завѣту Нашихъ пред-

ковъ всю жизнь Нашу попеченіямъ о благоденствіи, могуществѣ и славѣ Россіи, Мы призываемъ Нашихъ вѣрноподданныхъ соединить ихъ молитвы съ Нашими мольбами предъ Алтаремъ Всевышняго и повелѣваемъ имъ учинить присягу въ вѣрности Намъ и Наслѣднику Нашему, Его Императорскому Высочеству Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Данъ въ С.-Петербургѣ въ 1-й день марта, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ восемьдесятъ первое, Царствованія же Нашего въ первое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ".

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

Манифестомъ 19-го февраля 1861 года блаженныя памяти Родитель Нашъ, Государь Императоръ Александръ II, освободивъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, предоставилъ имъ права свободныхъ сельскихъ обывателей. Съ распространеніемъ, согласно сему манифесту и дополнительнымъ къ оному законоположеніямъ, на крестьянъ дѣйствія общихъ законовъ, повелѣваемъ привести и крестьянъ, наравнѣ со всѣми вѣрными Нашими подданными, къ присягѣ въ вѣрности Намъ и Наслѣднику Нашему, Его Императорскому Высочеству Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить къ исполненію сего указа Нашего надлежащія распоряженія.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ".

Въ С.-Петербургѣ
1-го марта 1881 года.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНІЕ.

Переводъ циркулярной депеши управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, статсъ-секретаря Гирса, къ россійско-императорскимъ представителямъ за-границею, отъ 4-го марта 1881 г.

Его Величество Государь Императоръ, вступая на прародительскій престолъ, пріемлетъ въ наслѣдіе преданія, освященныя временемъ, дѣяніями Его предшественниковъ, трудами и жертвами поколѣній, созидавшихъ прошлое Россіи.

Его Величество, принимая это наслѣдіе всецѣло, ставить Себѣ въ священную обязанность передать его ненарушимо Своимъ преемникамъ.

Россія, какъ всѣ другія государства, должна была, для созиданія своего, выносить борьбу, въ которой выработались ея силы и народный духъ.

Нынѣ она достигла своего полнаго развитія. Чувства зависти и недовольства ей одинаково чужды. Ей остается только упрочить свое положеніе, оградить себя извнѣ и развить свои силы, свои богатства, свое благосостояніе. Такова цѣль, которую поставляетъ Себѣ Нашъ Августѣйшій Монархъ, и Его Величество твердо рѣшился неуклонно идти къ ней.

Государь Императоръ посвятитъ Себя прежде всего дѣлу внутренняго государственнаго развитія, тѣсно связаннаго съ успѣхами гражданственности и съ вопросами экономическими и соціальными, составляющими нынѣ предметъ особой заботы всѣхъ правительствъ.

Внѣшняя политика Его Величества будетъ вполнѣ миролюбивою. Россія останется вѣрною своимъ друзьямъ и неизмѣнною въ чувствахъ, освященныхъ преданіями, отвѣчая въ то же время взаимностью на дружественный образъ дѣйствій всѣхъ государствъ. Сохраняя принадлежащее ей въ средѣ другихъ державъ положеніе и заботясь о поддержаніи политическаго равновѣсія, согласно съ ея интересами,

она не уклонится отъ призванія охранять, совмѣстно съ другими правительствами, общій миръ, основанный на уваженіи къ праву и трактатамъ.

На Россіи лежатъ прежде всего заботы о самой себѣ; только долгъ защитить честь свою или безопасность можетъ отвлечь ее отъ внутренней работы.

Нашъ Августѣйшій Монархъ будетъ стремиться къ упроченію могущества и благоденствія Россіи, для счастія ея и безъ вреда другимъ.

Таковы начала, которыми неизмѣнно будетъ руководиться Государь Императоръ въ Своей политикѣ.

Его Величество поручаетъ вамъ довести объ этомъ до свѣдѣнія правительства, при которомъ вы аккредитованы, и прочитать настоящую депешу министру иностранныхъ дѣлъ.

Примите и проч.

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА Я. А. СОЛОВЬЕВА О КРЕСТЬЯНСКОМЪ ДѢЛѢ.

ГЛАВА ВТОРАЯ [1]).

Адресы, рескрипты и открытіе губернскихъ комитетовъ.

I.

Переговоры съ предводителями въ Москвѣ во время коронаціи.—Порученіе, данное виленскому генералъ-губернатору В. И. Назимову.—Непониманіе этого порученія.—Рескриптъ 20 ноября 1857 г. объ открытіи губернскихъ комитетовъ виленскимъ генералъ-губернаторомъ и дополнительныя къ нему отношенія.—Разсылка ихъ во всѣ губерніи: къ губернаторамъ и предводителямъ.—Петербургскій рескриптъ 5 декабря 1857 г.—Разница между дополнительными къ рескриптамъ отношеніями петербургскимъ и виленскимъ.—Реакціонное движеніе правительства.—Опубликованіе въ газетахъ первыхъ двухъ рескриптовъ и петербургскаго дополнительнаго отношенія.—Три циркуляра министра по поводу разсылки рескриптовъ по губерніямъ.

Въ первой главѣ были уже указаны тѣ первые шаги министерства внутреннихъ дѣлъ къ разрѣшенію крестьянскаго дѣла, послѣдствіемъ которыхъ была учрежденіе Секретнаго Комитета и записка 26 іюля 1857 года. Въ числѣ тѣхъ же предварительныхъ дѣйствій было предложеніе Ланскаго воспользоваться для крестьянскаго дѣла собраніемъ предводителей дворянства въ Москвѣ во время коронаціи. Мысль эта была одобрена Государемъ; Левшинъ къ этому времени отправился въ Москву. Такимъ образомъ, во время коронаціи, слѣдовательно въ августѣ 1856 года, происходили переговоры между представителями правительства и предводителями дворянства о способахъ разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Переговоры эти съ предводителями коренныхъ русскихъ губерній не имѣли никакихъ послѣд-

---

1) См. „Русскую Старину“ изд. 1881 г. томъ XXX (февраль), стр. 211—246.

ствій. Представители правительства не имѣли уполномочія заявить дворянству о намѣреніи правительства немедленно приступить къ освобожденію крестьянъ, а дворянство не имѣло никакого желанія торопиться этимъ дѣломъ. Но причина такого полнаго неуспѣха едва ли ни заключалась въ самомъ планѣ веденія дѣла, который усвоило себѣ министерство внутреннихъ дѣлъ. Оно была убѣждено, по его собственному отзыву, выраженному въ запискѣ 26 іюля, что крестьянское дѣло «нельзя двигать одновременно во всѣхъ концахъ Россіи. Оно прямо высказывало мысль, что «для перваго опыта.... могутъ быть взяты губерніи: Ковенская, Гродненская и Виленская». Переговоры съ предводителями дворянства сейчасъ поименованныхъ губерній были болѣе успѣшны.

Кромѣ настояній Лапскаго и Левшина, въ особенности послѣдняго, на приведеніе въ исполненіе такого плана, болѣе благопріятнымъ послѣдствіямъ переговоровъ способствовали два обстоятельства. Помѣщики западныхъ губерній крайне были недовольны инвентарями и готовы были согласиться на освобожденіе крестьянъ, но, само собою разумѣется, одно только личное (освобожденіе) безъ земли. Другое обстоятельство состояло въ томъ, что виленскій генералъ-губернаторъ Назимовъ, какъ состоявшій при Государѣ, когда Онъ былъ Наслѣдникомъ, былъ особенно ему преданъ и чуждъ исключительныхъ сословныхъ интересовъ; поэтому Назимовъ изъ всѣхъ силъ старался сдѣлать угодное Государю. Починъ этого дѣла положено было предоставить образованнымъ въ сѣверозападныхъ губерніяхъ дворянскимъ комитетамъ для разсмотрѣнія существовавшихъ тамъ инвентарныхъ правилъ. Не смотря, впрочемъ, на недовольство помѣщиковъ инвентарными правилами, Назимовъ едва успѣлъ склонить дворянъ ввѣренныхъ ему губерній на личное освобожденіе крестьянъ безъ земли, даже съ меньшимъ обезпеченіемъ крестьянъ, чѣмъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ.

Въ концѣ октября или въ началѣ ноября 1857 года Назимовъ пріѣхалъ съ этимъ отзывомъ дворянства въ Петербургъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ внесъ представленіе генералъ-губернатора въ секретный комитетъ. Комитетъ готовъ былъ на принятіе предложенія о безземельномъ освобожденіи крестьянъ, но Государь на это не согласился и требовалъ немедленнаго разрѣшенія дѣла на другихъ основаніяхъ. Основаніями этими послужили изложенныя въ запискѣ 26 іюля 1857 г. начала: усадебной осѣдлости, предоставляемой крестьянамъ въ собственность за выкупъ и предоставленія имъ другихъ угодій въ пользованіе за повинности.

«Переходное время» было также принято, но не въ число коренныхъ началъ.

Комитетъ, послѣ трехъ засѣданій, представилъ Государю къ подписанію рескриптъ на имя генералъ-губернатора и для одобренія проектъ дополнительнаго къ этому рескрипту отношенія министра внутреннихъ дѣлъ къ генералу Назимову.

. . . .

Рескриптъ былъ подписанъ Государемъ въ Царскомъ Селѣ 20 ноября 1857 г. Онъ былъ слѣдующаго содержанія:

„Въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской были учреждены особые комитеты изъ предводителей дворянства и другихъ помѣщиковъ, для разсмотрѣнія существующихъ тамъ инвентарныхъ правилъ“.

„Нынѣ министръ внутреннихъ дѣлъ довелъ до Моего свѣдѣнія о благихъ намѣреніяхъ, изъявленныхъ комитетами, относительно помѣщичьихъ крестьянъ исчисленныхъ трехъ губерній“.

„Одобряя вполнѣ намѣреніе сихъ представителей дворянства Ковенской, Виленской и Гродненской губерній, какъ соотвѣтствующее моимъ видамъ и желаніямъ, я разрѣшаю дворянскому сословію оныхъ приступить теперь же къ составленію проектовъ, на основаніи коихъ предположенія комитетовъ могутъ быть приведены въ дѣйствительное исполненіе, но не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній“.

„Для сего повелѣваю“:

„1) Открыть теперь же въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской по одному въ каждой пріуготовительному комитету, а потомъ для всѣхъ 3-хъ губерній вмѣстѣ одну общую коммисію въ г. Вильнѣ. 2) Каждому губернскому комитету состоять подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства изъ слѣдующихъ членовъ: а) по одному отъ каждаго уѣзда губерніи, выбранному изъ среды себя дворянами, владѣющими въ этомъ уѣздѣ населенными имѣніями, и б) двухъ опытныхъ помѣщиковъ той же губерніи, по непосредственному назначенію начальника оной, и 3) Общей коммисіи состоять изъ слѣдующихъ членовъ: а) двухъ членовъ каждаго изъ 3-хъ губернскихъ комитетовъ по ихъ выбору; б) одного опытнаго помѣщика изъ каждой губерніи по вашему назначенію; и в) одного члена отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Предсѣдателемъ коммисіи предоставляется вамъ назначить одного изъ ея членовъ, принадлежащихъ къ мѣстному дворянству“.

„Губернскіе комитеты, по открытіи ихъ, должны приступить къ составленію по каждой губерніи, въ соотвѣтственность собственному вызову представителей дворянства, подробнаго проекта объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ оной, имѣя при этомъ въ виду слѣдующія главныя основанія“:

„1) Помѣщикамъ сохранить право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіи опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ

обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они: или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику".

„2. Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества; помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція; и

„3. При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ."

„Развитіе сихъ основаній и примѣненіе ихъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ 3-хъ означенныхъ губерній предоставляется губернскимъ комитетомъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщитъ вамъ свои соображенія, могущія служить пособіемъ комитетамъ при ихъ занятіяхъ."

„Комитеты сіи, окончивъ свой трудъ, должны представить оный въ общую коммисію, которая, обсудивъ и разсмотрѣвъ всѣ предположенія губернскихъ комитетовъ, а также сообразивъ съ изложенными выше соображеніями, должна постановить окончательныя по сему предмету заключенія и составить проектъ общаго для всѣхъ трехъ губерній положенія съ нужными по каждой изъятіями или особыми правилами."

„Поручая вамъ главное наблюденіе и направленіе сего важнаго дѣла вообще во ввѣренныхъ вамъ Ковенской, Виленской и Гродненской губерніяхъ, я предоставляю вамъ дать, какъ губернскимъ комитетамъ сихъ 3-хъ губерній, такъ и общей коммисіи, нужныя наставленія для успѣшнаго производства и окончанія возлагаемыхъ на нихъ занятій. Начальники губерній должны содѣйствовать вамъ въ исполненіи сей обязанности. Составленный общей коммисіей проектъ вы имѣете съ своимъ мнѣніемъ препроводить къ министру внутреннихъ дѣлъ, для представленія на мое усмотрѣніе."

„Открывая такимъ образомъ дворянскому сословію Ковенской, Виленской и Гродненской губерній средства привести благія его намѣренія въ дѣйствіе на указанныхъ мною началахъ, я надѣюсь, что дворянство вполнѣ оправдаетъ довѣріе, мной оказываемое сему сословію призваніемъ его къ участію въ семъ важномъ дѣлѣ и что, при помощи Божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ, дѣло сіе будетъ окончено съ надлежащимъ успѣхомъ."

„Вы и начальники ввѣренныхъ вамъ губерній обязаны строго соблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь въ полномъ повиновеніи помѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и ложнымъ толкамъ."

Въ дополнительномъ къ этому рескрипту отношеніи къ генералъ-губернатору, министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ ему свои и «соображенія», о которыхъ упоминается въ рескриптѣ и которыя должны были «служить пособіемъ комитетамъ при ихъ занятіяхъ». Объясненія сущности и коренныхъ основаній предположеннаго преобразованія, сдѣланныя въ рескриптѣ и дополнительномъ къ нему отношеніи, нѣсколько разнятся между собою. Въ рескриптѣ было сказано, что дворянство изъявило «благія намѣренія... относительно помѣщичьихъ крестьянъ». Министръ же въ своемъ отношеніи какъ бы поясняетъ, что эти благія намѣренія состояли въ томъ, что дворянство вознамѣрилось: «въ видахъ улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ, освободить ихъ отъ крѣпостной зависимости». Въ

рескриптѣ будущіе проекты положеній названы «объ устройствѣ и улучшеніи быта крестьянъ», министръ называетъ имъ «проектами положеній объ освобожденіи крѣпостнаго сословія». Въ рескриптѣ говорилось, что предположенія комитетовъ должны быть приведены въ дѣйствительное исполненіе, не иначе, какъ «постепенно»; министръ то же высказывалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавлялъ, что крестьяне сначала будутъ находиться «въ состояніи переходномъ, болѣе или менѣе крѣпки землѣ, а потомъ уже въ окончательномъ или свободномъ». Срокъ переходнаго состоянія, по объясненію министра, не долженъ былъ превышать 12-ти лѣтъ. Далѣе изъ отношенія министра можно было видѣть: а) что крестьяне «въ теченіи переходнаго времени» выкупаютъ свою усадебную осѣдлость за сумму, которая «не должна превышать цѣнности пріобрѣтенной въ собственность осѣдлости»; б) что вся остальная земля раздѣлялась «на господскую и отведенную въ пользованіе крастьянамъ; в) что крестьянская земля безусловно не могла быть присоединяема къ господскимъ полямъ»; г) что количество земли, отводимой крестьянамъ, и способъ пользованія ея общинный или подворный должны были опредѣлиться «по мѣстнымъ обстоятельствамъ и обычаямъ»; д) что помѣщичьимъ повинностямъ могли «подлежать только тѣ крестьяне, кои надѣлены землей»; е) что размѣръ помѣщичьихъ повинностей долженъ былъ «положительно опредѣлиться, соотвѣтственно пространству и качеству отведенной крестьянамъ земли. Потомъ министръ сообщалъ, что съ введеніемъ новаго положенія, когда оно будетъ утверждено: «а) должны быть прекращены продажа, дареніе и переселеніе крестьянъ на другія мѣста; б) также должно быть прекращено обращеніе крестьянъ въ дворовые и приняты мѣры сначала къ уменьшенію, а потомъ и уничтоженію этого класса людей; и в) во все время переходнаго состоянія помѣщикамъ предоставлялось право сдавать нерадивыхъ и порочныхъ крестьянъ, по соглашенію съ обществомъ, въ рекруты или отдавать въ распоряженіе правительства, для переселенія въ другія губерніи, но неиначе какъ съ утвержденія тѣхъ присутствій, кои будутъ по уѣздамъ образованы, на основаніи новаго положенія».

Въ заключеніи министръ писалъ генералъ-губернатору: «если комитеты по мѣстнымъ уваженіямъ признаютъ неудобнымъ принять которыя либо изъ этихъ соображеній, то я просилъ бы ваше превосходительство поручить комитетамъ, въ своихъ окончательныхъ мнѣніяхъ, объяснить подробно причины, препятствующія принятію оныхъ».

Ни рескриптъ, ни дополнительное къ нему отношеніе не подлежали опубликованію; на дополнительномъ отношеніи была даже помѣтка: «секретно». Мнѣ неизвѣстно, кому принадлежала мысль сообщить рескриптъ на имя виленскаго генералъ-губернатора и отношеніе къ нему министра во всѣ губерніи губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ для соображенія и приглашенія дворянства приступить къ этому дѣлу; но какъ бы ни было, 22 ноября 1857 г., при пріемѣ тогдашняго воронежскаго губернатора Синельникова, Государь сказалъ ему о рескриптѣ Назимову, и при этомъ прибавилъ:

— «Я рѣшился дѣло это привести къ концу и надѣюсь, что вы уговорите вашихъ дворянъ мнѣ въ этомъ помочь».

При конфиденціальныхъ циркулярахъ отъ 24 ноября означенные документы въ печатныхъ экземплярахъ были отправлены ко всѣмъ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ, слѣдовательно они разошлось по Россіи въ числѣ около 100 экземпляровъ. Я слышалъ, что Ланской, получивъ уполномочіе отъ секретнаго комитета, распорядился такъ, что въ одну ночь были отпечатаны и его циркуляръ, и рескриптъ съ дополнительнымъ отношеніемъ, и на другой день сданы на почту. Левшинъ отказался скрѣпить этотъ циркуляръ, находя его преждевременнымъ; съ этихъ поръ онъ, вообще, пересталъ скрѣплять бумаги по крестьянскому дѣлу. Послѣ этого едва ли не одно дополнительное отношеніе къ петербургскому рескрипту было имъ еще скрѣплено; затѣмъ, по моемъ вступленіи въ Земскій отдѣлъ, всѣ бумаги скрѣплялись мной. Не одинъ, впрочемъ, Левшинъ, но тогда говорили, что князь Орловъ и другіе члены комитета находили эту мѣру преждевременной, и хотѣли было остановить разсылку ими же одобреннаго циркуляра; но уже было поздно. Дѣло было поставлено на безвозвратный путь, хотя далеко не было еще извѣстно: куда этотъ путь приведетъ.

Послѣ всего этого странно было бы считать крестьянское дѣло секретнымъ; рѣшено было напечатать виленскій рескриптъ въ газетахъ; теперь безъ справокъ не могу вспомнить, но, кажется, былъ напечатанъ одинъ рескриптъ безъ дополнительнаго къ нему министерскаго отношенія.

Среди петербургскаго дворянства возникла мысль къ опредѣленію отношеній между помѣщиками и крестьянами еще прежде, въ концѣ предъидущаго царствованія. Предводители дворянства царскосельскаго Платоновъ, ямбургскаго Фридериксъ и помѣщикъ петербургскаго уѣзда сенаторъ Безобразовъ, при участіи другихъ помѣщиковъ: сенатора Веймарна, Роткирха и другихъ составили предположе-

нія о введеніи инвентарныхъ правилъ въ Царкосельскомъ, Ямбургскомъ и Петербургскомъ уѣздахъ.

Предположенія по Ямбургскому уѣзду кромѣ Фридерикса и Веймарна, между прочимъ, были подписаны графомъ Нессельродомъ и графомъ Адлербергомъ. Всѣ эти предположенія по тремъ уѣздамъ Петербургской губерніи были отклонены тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Перовскомъ.

Въ началѣ 1857 года петербургское дворянство возобновило свое ходатайство не по тремъ, а по всѣмъ уѣздамъ. Представленіе по этому ходатайству оставалось безъ всякаго движенія въ секретномъ комитетѣ; не прежде какъ по выходѣ виленскаго рескрипта было приступлено къ разсмотрѣнію предположеній петербургскаго дворянства. Предположенія эти не шли далѣе инвентарныхъ правилъ въ началѣ и безземельнаго освобожденія въ концѣ реформы; но правительство приняло въ соображеніе одно только изъявленіе ходатайства петербургскаго дворянства объ измѣненіи устройства помѣщичьихъ крестьянъ и 5 декабря 1857 г. состоялся рескриптъ на имя петербургскаго генералъ-губернатора Игнатьева (нынѣ, 1875 г., предсѣдателя комитета министровъ).

Рескриптъ этотъ буквально сходенъ съ виленскимъ въ главныхъ началахъ устройства крестьянскаго быта; все различіе заключается въ томъ, что въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, кромѣ губернскихъ комитетовъ, должна была образоваться общая для всѣхъ трехъ губерній коммисія, а здѣсь—одинъ только губернскій комитетъ. Кромѣ того, тамъ въ губернскіе комитеты каждый уѣздъ выбиралъ по одному члену, а здѣсь по два. Членовъ отъ правительства какъ въ сѣверо западныхъ, такъ и въ Петербургской губерніи полагалось по два на каждый комитетъ. Нельзя было также не замѣтить, что правительство не хотѣло оставить неудовлетворительность ходатайства петербургскаго дворянства безъ намёка на то въ самомъ рескриптѣ, въ которомъ было сказано: «Принимая съ удовольствіемъ всякое доказательство стремленія дворянства къ улучшенію положенія своихъ крестьянъ» и проч. Такимъ образомъ, начала, выраженныя въ виленскомъ рескриптѣ, остались неприкосновенными, но они и не могли быть измѣнены: во-первыхъ потому, что странно было бы колебать то, что было утверждено назадъ тому двѣ недѣли собственноручной подписью Государя; во-вторыхъ потому, что въ этомъ и не представлялось особенной надобности для защитниковъ прежнихъ порядковъ;—редакція рескрипта была такъ обща и такъ осторожна, что въ немъ даже не упоминалось ни объ уничтоженіи крѣпостной зависимости, ни объ освобожденіи крестьянъ. Въ виленскомъ рескриптѣ

было только сказано: въ началѣ—о благихъ намѣреніяхъ «представителей дворянства относительно помѣщичьихъ крестьянъ», а потомъ—о составленіи «проектовъ объ устройствѣ и улучшеніи быта крестьянъ».

Не то сдѣлалось съ дополнительнымъ министерскимъ отношеніемъ къ виленскому рескрипту. Консервативная партія нѣсколько оправилась послѣ нанесеннаго ей удара виленскимъ рескриптомъ. Она не могла остановить совершенно дальнѣйшаго движенія дѣла, по крайней мѣрѣ, немедленно послѣ перваго шага правительства къ освобожденію крестьянъ; поэтому она задалась задачей исправить тѣ какъ будто-бы противорѣчія, которыя замѣчались въ виленскомъ рескриптѣ и въ дополнительномъ къ нему отношеніи и на которыя было указано выше. Кромѣ того, въ самомъ рескриптѣ заключались какъ-бы противорѣчія и нѣкоторыя неясности. Въ немъ было сказано, что «крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость», и въ то же время прибавлено, что помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю». Крестьянамъ по рескрипту предоставлялось пріобрѣсти усадебную осѣдлость посредствомъ выкупа «въ теченіи опредѣленнаго времени». Чѣмъ опредѣлялось это время? Былъ-ли выкупъ обязателенъ для крестьянъ? Какія были послѣдствія выкупа для личныхъ правъ крестьянъ? На всѣ эти вопросы не было отвѣтовъ въ рескриптѣ; даже не упоминалось о переходномъ состояніи крестьянъ и объ окончательномъ ихъ устройствѣ; между тѣмъ, прямо было выражено, что помѣщикамъ предоставляется вотчинная полиція: временно или навсегда—умолчено. Почти всѣ эти вопросы и неясности разрѣшались въ дополнительномъ отношеніи министра, и разрѣшались въ пользу крестьянъ. Слѣдовательно, задача состояла въ томъ, чтобы разрѣшить ихъ въ пользу помѣщиковъ. Съ формальной стороны это представлялось возможнымъ; дополнительное отношеніе хотя и было одобрено Государемъ, но объ этомъ не было упомянуто, напротивъ, выраженнымъ въ этомъ отношеніи «соображеніямъ» министра не придавалось обязательной силы. Комитеты обязывались только: «объяснить подробно причины, препятствующія принятію сихъ соображеній, «если причины такія окажутся».

Хотя нельзя не замѣтить, что едва-ли соотвѣтствовало достоинству правительства измѣнять то, что оно одобрило двѣ недѣли назадъ; но страсти, съ выходомъ виленскаго рескрипта, взволновались, матеріальные интересы возбудились въ высшей степени, въ свѣтскихъ гостинныхъ и дѣловыхъ кабинетахъ начались толки о раззореніи помѣщиковъ: ничего нѣтъ страннаго, что помѣщики употребляли всѣ усилія. чтобы направить дѣло въ свою пользу. Оппозиція подобнымъ рефор-

мамъ, со стороны заинтересованной стороны, была вездѣ въ большей или меньшей степени; странно было бы требовать отъ нашихъ помѣщиковъ безпрекословной покорности распоряженіямъ правительства. Но странно было то, что возстающая оппозиція находила въ секретномъ комитетѣ не отпоръ, а сочувствіе и помощь. [1])

Составленіе проектовъ петербургскаго рескрипта и дополнительнаго къ нему отношенія секретнымъ комитетомъ было возложено на Ланскаго и Муравьева. Начались совѣщанія съ петербургскими дворянами, изъ представителей которыхъ, участвующихъ въ этихъ совѣщаніяхъ, мнѣ извѣстны двое: тогдашній предводитель графъ П. И. Шуваловъ и сенаторъ А. Ѳ. Веймарнъ; послѣдній, какъ носились тогда слухи, принималъ особенно дѣятельное участіе въ совѣщаніяхъ съ Муравьевымъ. Муравьевъ былъ за исправленія дополнительнаго отношенія и соглашеніе его съ рескриптомъ. Ланской, пользовавшійся въ то время совѣтами Левшина, не устоялъ противъ напора реакціонной партіи, которая выбрала главнымъ мотивомъ для исправленія то, что петербургская губернія, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, нисколько не похожа на три губерніи виленскаго генералъ-губернаторства. Большинство членовъ сочувствовало сдѣланнымъ исправленіямъ и Секретный Комитетъ единогласно призналъ удовлетворительной представленную причину допущенныхъ измѣненій, то есть было признано, что виленскій крестьянинъ болѣе способенъ и болѣе достоинъ свободы, чѣмъ петербургскій.

Въ исправленной редакціи петербургскаго дополнительнаго отношенія не встрѣчались уже нѣкоторыя выраженія, которыя находились въ виленскомъ: такъ, напримѣръ: «желаніе дворянъ, въ видахъ улучшенія быта крестьянъ, освободить ихъ изъ крѣпостной зависимости», замѣнено «стремленіемъ дворянъ къ улучшенію и прочному устройству быта ихъ крестьянъ». Вмѣсто «проектовъ положеній объ освобожденіи крѣпостнаго сословія» поставлено: «проекты положенія для помѣщичьихъ крестьянъ». Въ виленскомъ отношеніи говорилось, что крестьяне будутъ находиться въ состояніи: сначала, переходномъ, а потомъ «окончательномъ или свободномъ», въ петербургскомъ второй періодъ названъ только «окончательнымъ,» слѣдовательно, состояніе крестьянъ могло быть и несвободнымъ и т. п.

---

[1]) Т. е. въ предсѣдательствующемъ въ комитетѣ кн. Орловѣ и въ нѣкоторыхъ членахъ, таковы: кн. П. П. Гагаринъ, кн. В. А. Долгоруковъ и М. Н. Муравьевъ.

Но кромѣ словъ, которыя въ это время сами по себѣ не могли не имѣть большаго значенія, самая сущность соображеній была иная. Въ основаніе соображеній, высказанныхъ министромъ въ виленскомъ отношеніи, было положено начало, что помѣщики безвозмездно отрекаются отъ крѣпостнаго права на людей, и что потому платежи крестьянъ, какъ въ видѣ выкупа за усадьбу, такъ и въ видѣ повинностей за отведенныя въ ихъ пользованія угодья, соразмѣряются съ дѣйствительною цѣнностію того, что имъ предоставлено. Было указано также, какъ на необходимое послѣдствіе отреченія помѣщиковъ отъ крѣпостнаго права, что, послѣ переходнаго времени, крестьяне пріобрѣтаютъ вполнѣ права свободнаго состоянія. Начало это совершенно было уничтожено составителями дополнительнаго отношенія министра къ петербургскому генералъ-губернатору. По виленскому отношенію, крестьяне пріобрѣтали «права свободнаго состоянія» по взносѣ ими «въ продолженіи переходнаго срока» выкупа за усадебную осѣдлость, «сумма коего не должна превышать цѣнности пріобрѣтаемой ими въ собственность усадебной осѣдлости»; а по петербургскому «права состоянія крестьянъ, по окончательномъ ихъ устройствѣ..... и право собственности на усадьбу пріобрѣтаются... не иначе какъ уплатой владѣльцу выкупа въ продолженіи опредѣленнаго срока». Слѣдовательно, по виленскому отношенію, взносъ выкупа по дѣйствительной цѣнности усадьбы давалъ крестьянамъ права свободнаго состоянія; по редакціи петербургскаго, крестьяне, сверхъ этого, обязывались выкупной платой для того, чтобы пріобрѣсти права состоянія, при чемъ даже не сказано свободнаго. Такъ многіе понимали такую редакцію, и это подало поводъ дворянамъ нѣсколькихъ губерній и нѣкоторымъ губернскимъ комитетамъ по устройству крестьянскаго быта домогаться особаго выкупа личной крѣпостной зависимости. Въ виленскомъ отношеніи пріобрѣтеніе правъ свободнаго состоянія и собственности на усадьбу связывалось съ срокомъ переходнаго времени, подлежащимъ точному опредѣленію; а въ петербургскомъ, хотя и говорится о переходномъ времени, но уничтожается его значеніе тѣмъ, что пріобрѣтеніе состоянія и правъ собственности на усадьбу обусловливается какимъ то другимъ «опредѣленнымъ срокомъ».

Составители петербургскаго отношенія въ правилахъ о выкупѣ усадебной осѣдлости этимъ не ограничились. Они ввели особый пунктъ, по которому „размѣръ выкупа опредѣлялся оцѣнкой не одной усадебной земли и строеній, но, сверхъ того, «промысловыхъ выгодъ и мѣстныхъ удобствъ». Въ дополнительномъ отношеніи министра

къ виленскому генералъ-губернатору было опредѣлено, что, за выдѣломъ крестьянамъ ихъ усадебныхъ мѣстъ: «вся остальная затѣмъ земля должна быть раздѣлена, по способу пользованія оной, на господскую и отведенную въ пользованіе крестьянъ». Вслѣдъ за симъ прибавлено: «земля, однажды отведенная въ пользованіе крестьянъ, не можетъ быть присоединена къ господскимъ полямъ».

Въ отношеніи къ петербургскому генералъ-губернатору не находилось уже такого положительнаго раздѣленія остальной земли на господскую и крестьянскую, и, сверхъ того, допускался съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій «обмѣнъ отведенной крестьянамъ земли или части оной, съ присоединеніемъ къ господскимъ полямъ».

По виленскому отношенію, количество земли, предоставляемой крестьянамъ, опредѣлялось «по мѣстнымъ обстоятельстамъ и обычаямъ», а по петербургскому, хотя и сохранено выраженіе «по мѣстнымъ обстоятельствамъ и обычаямъ», но прибавлено «надлежащее... количество земли», что значительно измѣняетъ смыслъ.

По виленскому отношенію, размѣръ повинностей крестьянъ опредѣлялся «соотвѣтственно пространству и качеству отведенной въ пользованіе крестьянамъ земли», по петербургскому, сверхъ того, принимались въ соображеніе также, какъ и при оцѣнкѣ усадебныхъ мѣстъ, «промысловыя выгоды и мѣстныя удобства». Пунктъ виленскаго отношенія, по которому отправленію повинностей могли «подлежать только тѣ крестьяне, кои надѣлены землей», въ петербургскомъ пропущенъ, а взамѣнъ этого петербургскому комитету вмѣнялось въ обязанность опредѣлить: «права главы семьи крестьянской, права наслѣдства, относительно усадьбъ и тягловыхъ участковъ и условій, при которыхъ допускается раздѣлъ семей.»

Въ заключеніе нельзя не обратить вниманія также на одно еще различіе петербургскаго отношенія отъ виленскаго, хотя различіе это и обусловливается дѣйствительнымъ несходствомъ сѣверо-западныхъ губерній съ петербургской.

Въ виленскомъ отношеніи говорилось, что порядокъ пользованія крестьянской землей устанавливается «сообразно мѣстнымъ обычаямъ», т. е. сохраняются и общинное владѣніе, гдѣ оно было, и подворное, гдѣ поля дѣлились не по душамъ или тягламъ, а на участки, отведенные каждому двору. Въ петербургскомъ отношеніи этого же не говорилось, потому что тамъ дѣйствительно общаго подворнаго дѣленія не было, хотя исключенія нельзя было отвергать; взамѣнъ этого министръ писалъ къ петербургскому генералъ-губернатору, что «земля, однажды отведенная въ пользованіе крестьянъ, должна постоянно оставаться въ распоряженіи міра», съ

прибавленіемъ правила объ обмѣнахъ, о чемъ упомянуто было выше. Слѣдовательно, отъ міра зависѣло сохранить или уничтожить подворное пользованіе, если оно было. Для петербургской губерніи это обстоятельство не имѣло большаго значенія, но важно было для нѣкоторыхъ остальныхъ губерній, комитетамъ которыхъ давалось въ руководство отношеніе министра къ петербургскому генералъ-губернатору.

Петербургскій рескриптъ и дополнительное къ нему отношеніе было напечатано въ газетахъ. Независимо отъ сего, бумаги эти, подобно виленскимъ, были препровождены къ губернаторамъ и къ губернскимъ предводителямъ дворянства. Здѣсь также замѣчается различіе, которое также объясняется возникшимъ, и начавшимъ развиваться оппозиціоннымъ движеніемъ.

Виленскіе рескриптъ и отношеніе были препровождены при одномъ циркулярѣ отъ 24-го ноября 1857 г., въ которомъ министръ писалъ губернаторомъ и предводителямъ, что бумаги сіи препровождаются «для свѣдѣнія и соображенія на случай, если бы дворянство (такой-то) губерніи изъявило подобное желаніе». Начали ходить толки, что правительство, разославъ по губерніямъ виленскій рескриптъ, какъ бы принуждаетъ дворянство къ освобожденію крестьянъ и именно на тѣхъ началахъ, на которыхъ оно признало совершить это дѣло въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, которыя такъ непохожи на великорусскія губерніи. Стали также распускать слухи, что такія распоряженія правительства послужили поводомъ «къ разнымъ неблагонамѣреннымъ толкованіямъ, разсѣваемымъ между народомъ относительно измѣненія существующаго порядка во владѣніи помѣщичьими имѣніями». Поэтому министръ, препровождая при особомъ циркулярѣ отъ 8-го декабря 1857 г. петербургскія бумаги по крестьянскому дѣлу къ губернаторамъ, писалъ къ нимъ: «что правительство не скрываетъ своихъ видовъ и даже желаетъ, что бы были извѣстны начала, которыми оно руководствуется въ тѣхъ случаяхъ, когда дворянство *само* вызывается содѣйствовать устройству быта крестьянъ. Упомянувъ о неблагонамѣренныхъ толкованіяхъ, министръ внушалъ губернаторамъ: «вы имѣете теперь средство отражать толки, несогласные съ видами правительства и вразумлять недоумѣвающихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ возлагается на васъ обязанность бдительно слѣдить за распространеніемъ ложныхъ извѣстій, которыя могутъ нарушить общественное спокойствіе и въ нужныхъ случаяхъ принимать самыя рѣшительныя мѣры для пресѣченія зла въ началѣ Затѣмъ прошу васъ», — оканчивалъ свой циркулялъ министръ, — «обратить особенное вниманіе на то, чтобъ крестьяне не выходили изъ должнаго повиновенія помѣщикамъ, а симъ послѣднимъ внушать постоянно, что отъ взаим-

наго лишь исполненія обязанностей зависитъ сохраненіе обоюдныхъ выгодъ и общаго спокойствія».

При другомъ циркулярѣ (отъ того же 8-го декабря) министръ препроводилъ петербургскій рескриптъ и отношеніе къ губернскимъ предводителямъ дворянства. Начало этого циркуляра то же самое, какъ и къ губернаторамъ. Въ срединѣ министръ поставилъ предводителей въ извѣстность, что онъ обратилъ вниманіе губернаторовъ на неблагонамѣренныя толкованія и вмѣнилъ имъ въ обязанность не допускать крестьянъ до неповиновенія помѣщикамъ, а симъ последнимъ внушать объ исполненіи ихъ обязанностей. Затѣмъ министръ заканчивалъ свой циркуляръ словами: «сообщая вамъ о сихъ распоряженіяхъ, я остаюсь въ полной увѣренности, что вы и съ своей стороны, въ предѣлахъ вашего вліянія, будете способствовать губернскому начальству въ предстоящихъ ему дѣйствіяхъ».

Изъ этихъ двухъ послѣднихъ циркуляровъ видно, что правительство не столько уже заботилось о привлеченіи дворянъ къ дѣлу освобожденія крестьянъ, сколько «о сохраненіи общаго спокойствія» и «о пресѣченіи зла въ началѣ»; но въ дѣйствительности все было спокойно, да и притомъ, если бы могли возникнуть какія либо опасенія-то никакъ не черезъ двѣ недѣли послѣ секретнаго сообщенія губернаторамъ и предводителямъ о сдѣланныхъ по виленскому генералъ-губернаторству распоряженіяхъ. Слѣдовательно, вся эта суматоха происходила отъ толкованій, ходившихъ по Петербургу и отъ паническаго страха, который привозили съ собой пріѣхавшіе случайно изъ губерній въ Петербургъ предводители и помѣщики, имѣвшіе связи съ петербургскимъ высшимъ обществомъ.

Не смотря на это, Секретный Комитетъ не удовольствовался двумя циркулярами, написанными имъ для министра внутреннихъ дѣлъ, а продиктовалъ ему третій конфиденціальный, на этотъ разъ въ одной редакціи губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства. Въ этомъ циркулярѣ, отъ 10-го того же декабря, министръ писалъ: «правительству весьма полезно знать: какое впечатлѣніе произвело распоряженіе сіе» (по крестьянскому дѣлу въ виленскомъ генералъ-губернаторствѣ и петербургской губерніи) «въ разныхъ губерніяхъ, а потому я считаю нужнымъ просить васъ самымъ откровеннымъ образомъ сообщить мнѣ о томъ частнымъ письмомъ въ собственныя руки. Чтобы быть безпристрастнымъ зрителемъ и наблюдателемъ за ходомъ сего дѣла, вамъ не слѣдуетъ употреблять никакихъ настояній или внушеній, кромѣ тѣхъ, кои положительно вамъ мной указаны».

Циркуляры эти сдѣлали то, что дворянство приняло виленскій и петербургскій рескрипты за намѣреніе правительства произвести

опытъ освобожденія крестьянъ въ этихъ только мѣстностяхъ и что оно вовсе и не думаетъ объ одновременномъ освобожденіи крестьянъ во всѣхъ губерніяхъ. Дѣйствительно, предположенія дворянства были вѣрны относительно одной и при томъ значительной по числу лицъ части правительства; къ этой части принадлежало большинство Секретнаго Комитета, къ которому принадлежали предсѣдатель государственнаго совѣта (кн. А. Ѳ. Орловъ), шефъ-жандармовъ,—и министръ государственныхъ имуществъ, (М. Н. Муравьевъ), который взялся остановить начатое движеніе. Такому направленію дѣла всѣми силами помогалъ государственный секретарь; не противился также этому и товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ (А. И. Левшинъ), который велъ крестьянское дѣло въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и по убѣжденію котораго надлежало вводить преобразованіе въ крестьянскомъ бытѣ постепенно съ запада на востокъ.

Противъ не только остановки, но даже замедленія дѣла, былъ самъ Государь. Его Величество, кажется, одобрилъ [послѣдніе] циркуляры, какъ компромисы между нимъ и княземъ Орловымъ съ сильной его партіей, что бы хотя нѣсколько утѣшить ихъ и ослабить раздраженіе оппозиціи.

Государю сочувствовалъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ и всегда готовъ былъ помогать Ланской [1]).

Вслѣдствіе этихъ циркуляровъ, содержаніе которыхъ сейчасъ приведено, стали поступать отъ губернаторовъ и губернскихъ предводителей затребованные отъ нихъ отзывы.

Первые изъ этихъ отзывовъ были первыми бумагами, которыя по моемъ поступленіи въ министерство, попали въ мои руки, а составленіе на основаніи ихъ всеподданнѣйшихъ докладовъ—первой моей работой.

Я долженъ оторваться отъ общаго хода крестьянскаго дѣла, чтобы сказать о моемъ поступленіи въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

---

[1]) Къ двумъ членамъ Комитета, упомянутымъ Я. А. Соловьевымъ,—должно прибавить Константина Владиміровича Чевкина. Этотъ государственный мужъ съ самаго возникновенія мысли объ освобожденіи крестьянъ — явился горячимъ и исполненнымъ энергіи поборникомъ ея осуществленія безъ урѣзокъ и искаженій. Направленіе Я. И. Ростовцева въ описываемое время (1857 г.) еще не опредѣлилось, оно выяснилось нѣсколько позже, именно лѣтомъ 1858 г., когда Яковъ Ивановичъ ближе вникъ въ крестьянское дѣло и изучилъ его по цѣлой массѣ матеріаловъ. Ред.

II.

Предположеніе о Земскомъ отдѣлѣ и мое поступленіе въ министерство внутреннихъ дѣлъ.—Отзывы на циркуляры министра.—Различіе этихъ отзывовъ изъ губерній западныхъ и коренныхъ русскихъ.—Причины такого различія.—Составъ и характеръ помѣстнаго дворянства въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ.—Медленность въ представленіи адресовъ и причины этой медленности.—Оппозиціонное направленіе петербургскаго общества. — Двойственность взгляда высшихъ правительственныхъ сферъ отразилась въ губерніяхъ.—Возраженія противъ опубликованныхъ началъ.—Особенно рѣзкая оппозиція со стороны нѣкоторыхъ предводителей; мѣры министерства внутреннихъ дѣлъ.—

1857—1858 гг.

Выше было уже упомянуто, что по назначеніи А. И. Левшина товарищемъ министра, Ланской предоставилъ ему веденіе крестьянскаго дѣла и онъ же завѣдывалъ существующимъ въ министерствѣ статистическимъ отдѣленіемъ. По мысли Левшина, два дѣла, порученныя ему министромъ, крестьянское и статистическое, должны были сосредоточиться въ одномъ учрежденіи «центральномъ статистическомъ комитетѣ», съ подраздѣленіемъ на два отдѣла: «земскій»—для крестьянскаго дѣла, и «статистическій» - для статистическихъ работъ. Но составитель предположенія объ учрежденіи земскаг- отдѣла былъ далекъ отъ мысли о томъ развитіи крестьянскаго дѣла, какое оно получило прежде, чѣмъ проектированное учрежденіе получило утвержденіе. Земскій отдѣлъ учредился «для предварительнаго обсужденія и обработки всѣхъ дѣлъ по вопросамъ, касающимся земско-хозяйственнаго устройства въ имперіи». Земскій и статистическій отдѣлы связывались только однимъ общимъ предсѣдателемъ-товарищемъ министра. Каждый изъ отдѣловъ долженъ былъ имѣть особое коллегіальное присутствіе, особую канцелярію и для завѣдыванія всѣмъ ходомъ дѣлъ и перепиской особаго «непремѣннаго члена». Представленіе объ образованіи проектированнаго Левшинымъ учрежденія, или лучше сказать двухъ учрежденій, было сдѣлано въ государственный совѣтъ прежде, чѣмъ состоялся первый рескриптъ о губернскихъ комитетахъ; но государственный секретарь не торопился этимъ дѣломъ. Между тѣмъ Левшинъ оказался одинъ передъ дѣломъ, которое грозило развиться въ громадныхъ размѣрахъ. Онъ началъ искать человѣка на проектированное имъ мѣсто непремѣннаго члена земскаго отдѣла. По его мнѣнію, это мѣсто могъ занять только человѣкъ, который былъ бы знакомъ съ

крестьянскимъ бытомъ и вообще съ сельскохозяйственными условіями и въ то же время былъ бы помѣщикомъ. Сначала онъ обратился съ предложеніемъ этого мѣста къ Пейкеру, бывшему директору горыгорецкаго института и помѣщику, если я не ошибаюсь, петербургской губерніи; но тотъ заявилъ такія съ своей стороны условія, съ которыми никакъ нельзя было согласиться. Я ничего не зналъ ни о земскомъ отдѣлѣ, но о предложеніи, сдѣланномъ Пейкеру. Въ это время Левшинъ какъ-то встрѣтилъ на улицѣ А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго (нынѣ, 1875 г., члена государственнаго совѣта, а тогда директора департамента сельскаго хозяйства) и передалъ ему свое затруднительное положеніе. Заблоцкій напомнилъ ему обо мнѣ и, по просьбѣ Левшина, сейчасъ же сообщилъ мнѣ, что Алексѣй Ираклiевичъ желаетъ со мной повидаться.

При свиданіи съ Левшинымъ я попросилъ у него три дня сроку для размышленія. Мое колебаніе объясняется тѣмъ, что я желалъ мою кадастровую кочевую жизнь промѣнять на постоянное мѣсто управляющаго самарской палатой государственныхъ имуществъ, что̀ мнѣ было обѣщано и до Муравьева, и Муравьевымъ, по вступленіи его въ министерство. По тогдашнему моему служебному положенію, мѣсто управляющаго палатой государственныхъ имуществъ для меня было лестно; край былъ для меня извѣстенъ; съ бытомъ крестьянъ и ихъ нуждами я вполнѣ былъ знакомъ; дѣла о многочисленныхъ самарскихъ оброчныхъ крестьянъ я изучилъ во время поѣздки съ Муравьевымъ. Я надѣялся сдѣлать много полезнаго. Кромѣ того, годичное пребываніе мое передъ этимъ въ Самарѣ и поѣздка оттуда въ мое небольшое самарское родовое имѣніе возбудили во мнѣ вкоренившуюся съ дѣтства любовь къ практическимъ сельско-хозяйственнымъ занятіямъ и домовитости. Мнѣ жаль было разстаться съ моей мечтой, съ которой я уже свыкся. Петербурга, съ его чиновничьимъ міромъ и мелкими чиновническими соображеніями, я не любилъ; чиновническія отношенія меня всегда тяготили и раздражали. Въ провинціи я узналъ жизнь и людей, тамъ я былъ болѣе человѣкомъ чѣмъ чиновникомъ, а въ Петербургѣ обратно. Вотъ что влекло меня въ Самару, но другаго рода соображенія, болѣе широкія и болѣе патріотическія, побуждали меня остаться въ Петербургѣ. Я вспомнилъ столь извѣстный мнѣ бытъ помѣщичьихъ крестьянъ, я вспомнилъ, сколько я перестрадалъ, видя ихъ страданія; мнѣ пришло на память все, что я писалъ и говорилъ по крестьянскому дѣлу; мнѣ живо представились горячія мечты объ освобожденіи крестьянъ, которыя я лелеялъ чуть ни съ дѣтства. Мнѣ показалось, что я многое могу сдѣлать для крестьянскаго дѣла; колебанія мои прекратились

и я предпочелъ жизнь трудную, безпокойную, сопряженную съ опасностями, но соединенную съ надеждою на успѣхъ важнаго дѣла,— тихому губернско-помѣщичьему пребыванію въ провинціи.

Муравьевъ былъ крайне недоволенъ моимъ переходомъ, тѣмъ болѣе, что расположеніе его ко мнѣ въ это время доходило до сильной степени. Онъ съ терпѣніемъ выслушалъ мое возраженіе на разныя его предложенія, удерживался отъ ѣдкихъ раздражительныхъ нападокъ на прежнее управленіе министерствомъ государственныхъ имуществъ; но всѣ работы его по дѣлу освобожденія крестьянъ были для меня совершенной тайной. Онъ зналъ, что я понимаю это дѣло не такъ, какъ онъ.

А. И. Левшинъ, по моей просьбѣ, предупредилъ М. Н. Муравьева о моемъ переходѣ. При первомъ моемъ докладѣ, который обыкновенно бывалъ по вечерамъ, въ срединѣ доклада, Михаилъ Николаевичъ обратился ко мнѣ: «а вы насъ оставляете.» На мой утвердительный отвѣтъ, онъ отозвался: «очень жаль, но я не удерживаю никого»! При этомъ онъ прибавилъ, разумѣется, не безъ раздраженія, не совсѣмъ удачную фразу: «впрочемъ и послѣ Петра Великаго на его мѣсто нашлись люди»! Затѣмъ нашъ разговоръ продолжался въ слѣдующей формѣ:

— Я также очень сожалѣю, что оставляю министерство, въ которомъ служу около 15 лѣтъ. Снисходительное расположеніе вашего высокопревосходительства ко мнѣ устраняло отъ меня всякую мысль искать службы въ другомъ вѣдомствѣ; предложеніе сдѣлано было безъ всякаго съ моей стороны искательства, въ лестной для меня формѣ, а, главное, для дѣла, о которомъ я столько думалъ, писалъ и говорилъ, что я не счелъ себѣ вправѣ отказаться.

— «Но это дѣло рискованное. Вы человѣкъ положительный,—какъ же вы беретесь за него; еще неизвѣстно: чѣмъ все это кончится.»

— Не я, такъ другой принялъ бы сдѣланное мнѣ теперь предложеніе; при томъ въ настоящее время, когда настала минута не говорить, а дѣйствовать, отказъ съ моей стороны былъ бы постыденъ.

Муравьеву не нравился мой переходъ; конечно, не понравились и мои отвѣты. Онъ не могъ скрыть своего неудовольствія и раздраженія противъ меня. Присутствующій при этомъ разговорѣ А. А. Зеленой (тогда товарищъ министра государственныхъ имуществъ), который вмѣстѣ со мною, по окончаніи доклада, вышелъ отъ Муравьева, выразилъ мнѣ искреннее сожалѣніе, что я оставляю ихъ.

Но когда первое раздраженіе прошло, Муравьевъ вспомнилъ, что по составленнымъ мной во время нашего путешествія предположе-

ніямъ, онъ образовалъ двѣ коммисіи, въ которыя назначилъ и меня членомъ. Онъ находилъ полезнымъ, чтобы эти коммисіи окончили свои порученія при моемъ участіи. Вслѣдствіе этого, онъ сдѣлался со мной опять очень любезенъ; предложилъ мнѣ мѣсто члена центральной коммисіи кадастра, которое могло быть соединено съ моей службой въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Испросивъ Высочайшее о томъ повелѣніе, онъ, увѣдомляя о неимѣніи препятствій къ моему переводу, сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ, что я назначенъ членомъ центральной коммисіи. Ланскому это не понравилось и поставило меня на первое время въ непріятное къ нему положеніе. Онъ меня заподозрилъ въ единомысліи съ Муравьевымъ по крестьянскому дѣлу. Вслѣдствіе этого, въ первое время, онъ принималъ меня холодно и надмѣнно; доклады мои, которые сначала были въ присутствіи Левшина, онъ выслушивалъ стоя, что заставило также стоять Левшина и меня. Меня это тяготило и я при первомъ случаѣ когда онъ сѣлъ, также сѣлъ и затѣмъ этого не повторялось уже никогда. Но вскорѣ по моемъ поступленіи, Сергѣй Степановичъ самъ вызвалъ меня на объясненіе о моихъ отношеніяхъ къ Муравьеву, послѣ котораго подозрѣніе его совершенно уничтожилось, и затѣмъ довѣріе его ко мнѣ не прекращалось до выхода его изъ министерства.

Переговоры о моемъ переходѣ и формальности, съ этимъ соединенныя, совершились очень скоро, такъ что 15 декабря 1857 года я былъ уже въ отведенномъ для земскаго отдѣла помѣщеніи, хотя высочайшій приказъ о моемъ перемѣщеніи состоялся не прежде 28 декабря. Кромѣ меня не было ни одного чиновника. Самый составъ земскаго отдѣла былъ утвержденъ и обнародованъ не прежде 27 марта слѣдующаго 1858 года, такъ что утвержденіе меня въ должности непремѣннаго члена земскаго отдѣла послѣдовало только 31-го марта. Но, не дожидаясь всего этого, мы начали формировать земскій отдѣлъ, комплектуя его чиновниками съ причисленіемъ къ министерству.

Левшинъ передалъ мнѣ довольно значительную пачку полученныхъ отзывовъ губернаторовъ и предводителей на циркуляры министра внутреннихъ дѣлъ съ препровожденіемъ первыхъ двухъ рескриптовъ. Первое впечатлѣніе, по прочтеніи ихъ, было самое тяжелое. Надо было употребить всю силу воли, чтобы сбросить съ себя невольное вліяніе тѣхъ страховъ и ужасовъ, которые рисовались въ воображеніи губернскихъ предводителей и даже нѣкоторыхъ губернаторовъ. Но эти тревожныя извѣстія шли изъ великорусскихъ губерній; от-

зывы изъ западныхъ губерній были совершенно противоположнаго характера. Я начну съ послѣднихъ.

Польскіе помѣщики, чрезъ своихъ предводителей дворянства, выражали полное свое сочувствіе къ предпринятому правительствомъ преобразованію. Такъ, подольскій губернскій предводитель дворянства писалъ министру: «что по принятіи важнаго сего предмета къ исполненію, дворянство подольской губерніи навѣрно выразитъ свое желаніе устроить бытъ крестьянъ, подобно желанію дворянства губерній: Ковенской, Виленской и Гродненской. Минскій предводитель увѣдомлялъ, что первое впечатлѣніе на дворянъ, бывшихъ въ Минскѣ во время полученія бумаги по устройству быта крестьянъ, выразилось «великой радостію и искреннѣйшей благодарностію» къ правительству, дозволившему дворянству приступить къ уничтоженію крѣпостнаго состоянія. Кіевскій предводитель свидѣтельствовалъ, что дворяне кіевской губерніи выразили сочувствіе правительству въ предпринимавшейся мѣрѣ, хотя и опасались недоразумѣній при установленіи новыхъ поземельныхъ отношеній. Для предупрежденія этихъ недоразумѣній виленскій предводитель высказывалъ мысль о пользѣ совершенной гласности, для чего онъ совѣтовалъ издать особыя печатныя объявленія для всенароднаго прочтенія въ церквахъ. Дворянство Динабургскаго уѣзда Витебской губерніи не ограничилось выраженіемъ одного только сочувствія къ предпринятому преобразованію, а черезъ губернатора представило постановленіе уѣзднаго дворянскаго собранія со всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ немедленно приступить къ устройству быта крестьянъ. Въ то же время получено было отношеніе отъ виленскато генералъ-губернатора Назимова о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ для открытія дворянскихъ губернскихъ комитетовъ. При чемъ В. И. Назимовъ свидѣтельствовалъ, что губернскіе предводители дворянства приняли «съ чувствомъ глубокой признательности довѣріе, оказанное Государемъ дворянскому сословію». Вслѣдъ затѣмъ Назимовъ препроводилъ къ министру внутреннихъ дѣлъ поздравительное къ генералъ-губернатору письмо съ началомъ крестьянскаго дѣла богатаго и родовитаго помѣщика ковенской губерніи князя Иринея Огинскаго.

Виленскій генералъ-губернаторъ писалъ также, что, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ между крестьянами носятся слухи объ отмѣнѣ въ скоромъ времени всѣхъ работъ и платежей. Для предупрежденія вредныхъ послѣдствій такихъ слуховъ,

онъ отдалъ соотвѣтствующій приказъ городскимъ и земскимъ полиціямъ, сдѣлалъ сношеніе съ епархіальнымъ начальствомъ православнымъ и католическимъ и предложилъ уѣзднымъ предводителямъ внушить самимъ помѣщикамъ, «что отъ взаимнаго лишь исполненія обязанностей владѣльцевъ и крестьянъ зависитъ сохраненіе обоюдныхъ выгодъ».

Всѣ эти выраженія сильной радости, сочувствія и глубокой признательности къ пратeльству были неискренни со стороны польскихъ помѣщиковъ западныхъ губерній. На сторонѣ помѣщиковъ этихъ губерній былъ бо̀льшій, въ сравненіи съ коренными русскими губерніями, уровень образованія вообще и въ особенности политическаго. Они сейчасъ поняли силу правительства, ставшаго во главу прогрессивнаго движенія; они сознали, что противъ такой силы возможно противопоставлять не прямое противодѣйствіе, а хитрость. Ихъ планъ, который они закрывали выраженіями сочувствія и благодарности, состоялъ въ томъ, чтобы, усыпивъ правительство, заслужить его довѣріе и вмѣстѣ съ тѣмъ захватить дѣло въ свои руки, подобно помѣщикамъ прибалтійскаго края, которые до сихъ поръ ведутъ крестьянское дѣло сами, и землевладѣльцамъ Царства Польскаго, которые вели его до 1864 года. Благопріятные и удачные примѣры были у нихъ на глазахъ; имъ были также извѣстны законы и постановленія о крестьянахъ какъ въ привислянскомъ, такъ и въ прибалтійскомъ краѣ. Весьма многіе помѣщики владѣли имѣніями и въ западныхъ губерніяхъ, и въ Царствѣ Польскомъ, а въ Ковенской губерніи не малое число было изъ остзейскихъ нѣмцевъ. Кромѣ того, польскіе помѣщики для своихъ политическихъ замысловъ искали опоры въ общественномъ мнѣніи западной Европы, поэтому они не могли ясно высказываться противъ освобожденія крестьянъ. Они волей и неволей должны были въ этомъ вопросѣ кокетничать передъ западной Европой. Такимъ образомъ, они однѣми и тѣми же дѣйствіями хотѣли достигнуть двухъ цѣлей: показать передъ Европой свои стремленія къ освобожденію крестьянъ и усыпить русское правительство.

На первый разъ они достигли своихъ цѣлей не только относительно Европы, но и русскаго правительства. Это видно изъ приведенныхъ донесеній виленскаго генералъ-губернатора. Министръ внутреннихъ дѣлъ, докладывая Государю содержаніе этихъ донесеній, (писалъ) что сдѣланныя по сѣверо-западнымъ губерніямъ распоряженія «вполнѣ обнаруживаютъ въ одно и то же время: умѣренность и благоразуміе, твердость и энергію принятыхъ мѣръ, чего именно требуетъ важность начатаго дѣла, состоящаго изъ самыхъ сложныхъ сплетеній

правъ и обязанностей двухъ сословій». Я, въ видѣ покаянія, готовъ принять починъ этихъ похвалъ на себя, потому что приведенныя строки выписаны мной изъ черноваго, писаннаго моей рукой, всеподданнѣйшаго доклада. Я принесу еще бо̀льшее покаяніе и приведу проектированной мной конецъ доклада, непринятый С. С. Ланскимъ. Я проектировалъ отъ имени министра слѣдующее заключеніе: «Беру на себя смѣлость выразить передъ Вашимъ Императорскомъ Величествомъ сердечное удовольствіе, которое нельзя не чувствовать, видя что важное и трудное дѣло—уничтоженіе крѣпостнаго состоянія начинается при такихъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ». Въ мое оправданіе я могу привести два обстоятельства. Во-первыхъ, читая въ бумагахъ, получаемыхъ изъ другихъ губерній, несочувственные отзывы къ предпринятому преобразованію и выраженія многообразныхъ опасеній, трудно было удержаться отъ похвалъ за первыя успокоительныя извѣстія, даже впасть при этомъ въ нѣкотораго рода лиризмъ.

Во-вторыхъ, тогда я имѣлъ о польскомъ вопросѣ весьма неясныя и сбивчивыя понятія, какъ почти всѣ русскіе того времени.

Послѣднее польское возстаніе научило многихъ изъ насъ понимать донесенія о польскомъ сочувствіи, преданности и признательности правительству совершенно иначе, какъ мы понимали прежде. Распоряженія Назимова, которыя мы такъ хвалили, въ дѣйствительности были вызваны слухами, распускаемыми самими помѣщиками о тревожномъ настроеніи крестьянъ,—слухами, о которыхъ не упоминалось въ отзывахъ предводителей, а искусно доводилось до свѣдѣнія мѣстныхъ властей. Такимъ образомъ, высшее петербургское правительство было покойно и довольно; а высокопоставленныя мѣстныя власти предписывали городскимъ и земскимъ полиціямъ, которыя находились въ рукахъ польской шляхты, смотрѣть, чтобы крестьяне не волновались,—это значило, чтобы они безпрекословно исполняли всѣ приказанія помѣщиковъ, какъ бы приказанія эти не были стѣснительны. Подобныя распоряженія, сдѣланныя въ великорусскихъ губерніяхъ, могли не имѣть ровно никакихъ послѣдствій; не то было въ западныхъ губерніяхъ: тамъ полиція оберегала единственно только одни польскіе интересы; и въ этихъ интересахъ дѣйствовала энергично и притомъ всегда именемъ правительства, съ казаками и солдатами въ случаѣ надобности, старалась сдѣлать крестьянъ недовольными не помѣщиками, а правительствомъ. Сношенія съ духовенствомъ, о которыхъ упоминалъ генералъ-губернаторъ, обращались также единственно въ пользу помѣщиковъ; католическое духовенство

за одно съ помѣщиками считаетъ крестьянъ «быдломъ» (скотомъ) и преслѣдуетъ однѣ и тѣ же цѣли со шляхтой и въ то же время, фанатизируя народъ, пользуется громаднымъ на него вліяніемъ. Православное духовенство въ западномъ краѣ въ то время было въ совершенномъ загонѣ,—оно было «хлопской вѣры», и потому если кто нибудь изъ сельскихъ священниковъ выдумалъ бы заступиться за крестьянъ, то помѣщики сейчасъ представили бы такого священника бунтовщикомъ и правительство нисколько бы не усомнилось въ этомъ. Вотъ что̀ мы хвалили, состоя въ панурговомъ стадѣ, съ котораго шерсть стригли поляки.

Замѣчательно, что изъ лицъ, которыя высказывали особенное сочувствіе намѣреніямъ правительства относительно крестьянъ, минскій губернскій предводитель дворянства Лаппа, выражавшій «искреннюю благодарность», былъ высланъ изъ Минской губерніи за участіе въ возстаніи, а поздравлявшій Назимова съ крестьянскимъ дѣломъ князь Ириней Огинскій пользовался по своимъ связямъ русскимъ правительствомъ для достиженія своихъ корыстныхъ и самовластныхъ цѣлей. Онъ соединялъ въ себѣ коварство и деспотизмъ средневѣковыхъ итальянскихъ герцоговъ; онъ былъ для своихъ крестьянъ благодѣтельнымъ деспотомъ. Князь Огинскій не разбиралъ средствъ для обогащенія себя и своихъ крестьянъ; но въ то же время требовалъ отъ нихъ безусловной покорности. Его имѣніе расположено на прусской границѣ, и потому контрабанда, въ особенности водкой и ромомъ, производившаяся въ самыхъ большихъ размѣрахъ, составляла главную причину благосостоянія его имѣнія, въ которое не было доступа ни для полицейскихъ, ни для судебныхъ властей. До обнародованія положенія, князь Огинскій представлялъ приговоръ своихъ крестьянъ, что они не желаютъ никакихъ измѣненій; а по обнародованіи, —что крестьяне желаютъ выбрать его волостнымъ старшиной. Ни то, ни другое ему не удалось. Послѣ обнародованія положенія, онъ представилъ одного изъ освобожденныхъ уже крестьянъ своего имѣнія въ рекруты закованнымъ въ кандалы. Лицамъ, которыя не соглашались, вопреки закона, исполнять его требованія, онъ мстилъ разными способами, изъ которыхъ замѣчателенъ способъ, придуманный имъ для мироваго посредника, жившаго въ его имѣніи. У посредника было выбито стекло въ квартирѣ, онъ призвалъ стекольщика, который вынулъ раму, для того чтобъ вставить стекло, и не только не вставилъ стекла, но не принесъ рамы, хотя дѣло было зимой въ сильные морозы.

Словомъ, польскіе помѣщики въ сущности оказались болѣе заклятыми и болѣе послѣдовательными врагами крестьянскаго дѣла, чѣмъ

коренные русскіе. Въ настоящее время, когда причины послѣдняго польскаго возстанія все болѣе и болѣе разъясняются, все болѣе и болѣе становится яснымъ, что одной изъ главныхъ причинъ этого возстанія было крестьянское дѣло. Связь помѣщиковъ западныхъ губерній съ русскимъ правительствомъ состояла въ крѣпостномъ правѣ; когда права этого не стало и освобожденіе произошло не такъ, какъ они желали и для своихъ личныхъ, и для политическихъ цѣлей, польскіе помѣщики примкнули къ революціи, надѣясь сохранить крестьянъ и какъ рабочую силу, и какъ орудіе революціи! Ни одинъ помѣщикъ, не смотря на крайнее проявленіе польскаго патріотизма, не сочувствовалъ обнародованному впослѣдствіи крайней радикальной партіей даровому предоставленію крестьянамъ въ собственность земельнаго ихъ надѣла.

Если отзывы изъ западныхъ губерній на первый разъ успокоивали правительство, то не таковы были свѣдѣнія, полученныя изъ коренныхъ русскихъ губерній. Полнаго безусловнаго сочувствія и желанія приступить къ освобожденію крестьянъ на указанныхъ правительствомъ основаніяхъ, не обнаружилось ни въ одной губерніи Отвсюду поступали отзывы о затрудненіяхъ, препятствіяхъ и даже совершенной непримѣнимости опубликованныхъ началъ устройства крестьянскаго быта. Это объясняется тѣмъ положеніемъ, въ которомъ тогда находилось русское помѣстное дворянство. Дворяне великорусскихъ губерній, развившіеся на неблагодарной почвѣ крѣпостнаго права, терпѣвшіе произволъ сверху и заставлявшіе терпѣть свое собственное сомовластіе внизу, представляли темную массу, куда едва, и то въ послѣднее время, начиналъ проникать свѣтъ цивилизованной жизни. Очень часто вновь прибывавшія отдѣльныя личности, приносившія съ собой этотъ свѣтъ въ темноту провинціальной жизни, вскорѣ утрачивали его, онъ погасалъ отъ наплыва условій крѣпостнаго быта. Всѣ интеллигентныя стремленія мало-по-малу прекращались и новый человѣкъ начиналъ сначала свыкаться, а потомъ и находить удовольствіе въ пользованіи комфортомъ крѣпостнаго состоянія. Комфортъ этотъ дѣйствительно заключалъ въ себѣ обаятельную силу. Подчинившись ему, новый человѣкъ дѣлался своимъ въ той средѣ, въ которой онъ долженъ былъ жить; возставать противъ крѣпостныхъ условій и привычекъ помѣщичьей жизни значило обречь себя на безпрерывную борьбу и на множество мелочныхъ, но тѣмъ не менѣе самыхъ безпокойныхъ непріятностей. Немного было такихъ людей, которые рѣшились идти противъ общаго теченія; они, бóльшей частію, составляли

небольшіе сомкнутые кружки и жили своей собственной жизнію, чуждой интересамъ большинства. Въ помѣщичьей жизни существовали свои условныя понятія: о добродѣтели и чести, о взаимной помощи, о либерализмѣ, о свѣтскихъ приличіяхъ и т. п., все это обусловливалось крѣпостнымъ правомъ. По этимъ понятіямъ возможно было быть: крайнимъ либераломъ и дурнымъ помѣщикомъ, и обратно: хорошимъ помѣщикомъ и самымъ заклятымъ врагомъ освобожденія крестьянъ. Не считалось противорѣчіемъ: быть честнымъ человѣкомъ и въ то же время защищать дворянина, преслѣдуемаго губернской администраціей за варварское обращеніе съ крестьянами. Никого не поражали: набожность и щедрая раздача милостыни, соединенныя съ совершеннымъ равнодушіемъ къ бѣдности своихъ собственныхъ крестьянъ. Никто не находилъ страннымъ и траги-комическимъ, когда помѣщикъ, ведя нетрезвую жизнь, подвергалъ строгимъ наказаніямъ своихъ крѣпостныхъ людей, если они изрѣдка показывались ему въ нетрезвомъ видѣ, или когда деревенская барыня, не отличавшаяся чистотой своихъ нравовъ, подвергала взысканіямъ своихъ горничныхъ, если онѣ не соблюдали цѣломудрія. Въ этомъ мірѣ можно было сколько угодно либеральничать на счетъ правительства, но считалось чуть не политическимъ преступленіемъ указать на это противорѣчіе и несообразности.

Удобство безпрекословнаго повиновенія и полнаго подобострастія крѣпостныхъ увеличивалось еще тѣмъ, что уѣздная администрація и губернская и уѣздная судебная власти были въ рукахъ дворянства. Многое можно было дѣлать безнаказанно и за предѣлами крѣпостнаго права.

Ко всему этому присоединялась жизнь почти всѣхъ помѣщиковъ сверхъ, состоянія и общее безденежье, съ присоединеніемъ долговъ казенныхъ и частныхъ въ многоразличныхъ видахъ. Эти финансовыя затрудненія, если онѣ не доходили до крайности, не могли особенно тревожить при крѣпостномъ состояніи, которое доставляло возможность значительную часть потребностей удовлетворять не за деньги, а даромъ. Такимъ образомъ, уничтоженіе крѣпостнаго состоянія для многихъ, дѣйствительно, могло сопровождаться роковыми послѣдствіями. Другіе изъ боязни извѣстное, беззаботное и спокойное положеніе, перемѣнить на неизвѣстное, во всякомъ случаѣ сопряженное съ трудомъ и хлопотами,—преувеличивали страхъ за будущее. Не смотря на это, въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ кружкахъ допускались разговоры объ освобожденіи крестьянъ; слушали обыкновенно со вниманіемъ, не отрицали пользу этого преобразованія, признавали, что оно рано

или поздно должно послѣдовать, но предоставляли совершеніе этого дѣла отдаленному будущему, съ оговоркой, что до того времени необходимо устроить полицію и суды, а послѣ того расширить политическую свободу. Тутъ подразумѣвалось, что перваго правительство не въ силахъ сдѣлать, а на второе, слѣдовательно и на освобожденіе крестьянъ, не рѣшится изъ боязни революціи.

Среди этой темной массы большинства помѣстнаго дворянства, почти во всѣхъ губерніяхъ были интеллигентные, болѣе или менѣе многочисленные кружки меньшинства, бо̀льшею частію состоящіе изъ людей съ образованіемъ, полученнымъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Губернскіе интеллигентные кружки были противъ крѣпостнаго права, но они желали полнаго освобожденія, а потому также не одобряли началъ, опубликованныхъ правительствомъ. Отсюда вышло двойное оппозиціонное направленіе: консервативнаго большинства и либеральнаго меньшинства помѣщиковъ.

Представители большинства писали, что официальное извѣстіе о мѣрахъ къ уничтоженію крѣпостной зависимости въ трехъ западныхъ губерніяхъ было «новостію поразительною», что «не смотря на давно существующіе слухи, помѣщики не вѣрили или не хотѣли вѣрить, что вопросъ этотъ серьезно занимаетъ правительство и что оно рѣшится приступить къ прямому его разрѣшенію», что предводители дворянства не обнаружили «сочувствія къ намѣреніямъ правительства». Такъ писалъ изъ Калуги тогдашній губернаторъ графъ Д. И. Толстой (впослѣдствіи, въ министерство Валуева, директоръ департамента полиціи), который самъ былъ помѣщикомъ прежде и послѣ того управлявшимъ своимъ имѣніемъ въ Рязанской губерніи. Въ заключеніи графъ Толстой доносилъ объ «опасеніяхъ, которыя, искренне или нѣтъ, выражаются многими на счетъ общественнаго спокойствія. Хотя съ своей стороны губернаторъ сохранялъ убѣжденіе, что общее спокойствіе губерніи не будетъ нарушено, но «не ручался, что бы не были частные безпорядки, которые могутъ потребовать рѣшительныхъ мѣръ».

Калужскій предводитель (Щукинъ) сообщалъ, что первое впечатлѣніе на дворянъ, по полученіи извѣстій о предпринятыхъ, мѣрахъ, было неблагопріятно. Хотя всѣ мыслящіе владѣльцы понимаютъ необходимость освобожденія, но опасаются за будущее.

Нижегородскій губернскій предводитель дворянства (Котлубицкій) отозвался, что «предполагаемое нововведеніе въ великороссійскомъ краѣ произвело сильное впечатлѣніе на помѣщиковъ, потому что крестьяне, не бывъ заранѣе подготовлены къ столь рѣзкой перемѣнѣ

въ образѣ управленія ими, увлекаются безотчетной мыслію о свободѣ.... Они теперь же неохотно вѣрятъ, что собственность помѣщиковъ земля не есть ихъ собственность».

Московскій предводитель (Воейковъ) развивалъ въ своемъ отзывѣ, что 6-ти мѣсячнаго срока слишкомъ не достаточно для разрѣшенія столь важнаго вопроса и высказывалъ опасеніе дворянъ, что крестьяне не будутъ исполнять обязанностей ихъ къ помѣщикамъ.

Изъ Вологды доносилъ губернаторъ Стоинскій, что «толки о свободѣ стали распространяться между крѣпостными людьми и они стали между собою выражать надежду и радость», что одинъ мѣщанинъ разсказывалъ въ Вологдѣ, что онъ въ Петербургѣ читалъ указъ о свободѣ, и что, наконецъ, въ народѣ ходили слухи, «что губернаторъ и предводитель удерживаютъ будто бы полученный ими указъ о свободѣ». Губернскій же предводитель (Боградовъ) первый (виленскій) рескриптъ разослалъ къ уѣзднымъ предводителямъ дворянства для свѣдѣнія и соображенія, а по полученіи втораго (петербургскаго) сообщилъ министру свое мнѣніе о томъ, что крестьяне не подготовлены еще къ измѣненію настоящаго ихъ устройства, а дворяне отъ этого много потеряютъ и предсказывалъ неблагопріятный исходъ дѣла.

По отзыву Рязанскаго предводителя дворянства (Селиванова) было вообще замѣтно въ народѣ тревожное ожиданіе. «Неизвѣстно», прибавлялъ предводитель, «что насъ ожидаетъ въ будущемъ.... тѣмъ болѣе, что въ Рязанской губерніи войскъ, кромѣ двухъ батальоновъ, во всей губерніи нѣтъ. Всѣ распущенные изъ полковъ солдаты разсыпаны по деревнямъ и при первомъ случаѣ станутъ въ главѣ всякаго безпорядка [1]). На земскую полицію разсчитывать невозможно». По отзыву того же предводителя, впечатлѣніе, произведенное на помѣщиковъ распоряженіями правительства заключалось «въ страхѣ за будущее». При этомъ Рязанскій предводитель указывалъ: на неудобство безсрочнаго надѣленія крестьянъ землей, на затрудненія отъ чрезвычайнаго различія цѣнъ на землю, на многочисленность дворовыхъ людей и на участь мелкопомѣстныхъ дворянъ. По его удостовѣренію въ Рязанской губерніи около 1700 дворянскихъ семействъ, т. е. одна четвертая часть общаго числа «такихъ, которые

---

[1]) Этотъ отзывъ былъ помѣщенъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ. Государь Императоръ подчеркнулъ послѣднія пять словъ и противъ нихъ на полѣ написалъ: „надѣюсь, этого не будетъ“. Я. А. Соловьевъ.

съ своими крестьянами составляютъ одно семейство, ѣдятъ за однимъ столомъ и живутъ въ одной избѣ».

Воронежскій предводитель, знаменитый своей борьбой за крѣпостное право (князь Гагаринъ) увѣдомлялъ, что «между крѣпостными ходятъ слухи, что вольность уже объявлена, но что помѣщики скрываютъ указъ!» Онъ писалъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ: о правахъ дворянъ не только на землю, но и на крѣпостныхъ людей, онъ перечислялъ также, съ своей точки зрѣнія, всѣ затрудненія къ освобожденію крестьянъ и представилъ дѣло почти невозможнымъ къ исполненію.

Отзывъ Ярославскаго губернатора (Бутурлина) заключался въ томъ, что крестьяне хотя и были спокойны, но ожидали объявленія свободы къ новому году (1858), а помѣщики находились въ тревожномъ состояніи и выражали опасеніе за будущее. Они думали, что если освобожденіе совершится на началахъ, опубликованныхъ для трехъ западныхъ губерній, «то бо̀льшая часть крестьянъ оставитъ землю помѣщиковъ и удалится, а выкупъ земли усадебной доставитъ весьма незначительное вознагражденіе послѣднимъ и они неминуемо придутъ къ раззоренію и бѣдности».

Екатеринославскій губернскій предводитель дворянства писалъ, что Екатеринославская губернія не имѣетъ сходства ни съ Литовскими, ни съ Остзейскими губерніями, что литовскіе дворяне, по мѣстнымъ условіямъ своего края, могли просить о скорѣйшемъ уничтоженіи крѣпостной зависимости и что, по положенію Екатеринославской губерніи, тамошніе дворяне принуждены желать медленнаго измѣненія настоящихъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ.

Костромской губернаторъ (Роменусъ), сообщая о съѣздѣ предводителей для совѣщанія объ устройствѣ быта крестьянъ, отозвался, что одни дворяне находили опубликованныя мѣры вполнѣ необходимыми, другіе рановременными. Послѣдніе отъ освобожденія крестьянъ ожидали для себя большихъ потерь, потому что бо̀льшая часть Костромскихъ имѣній оброчныя, съ землей низкой цѣнности.

Тамбовскій предводитель (Ліонъ), по совѣщаніи съ нѣкоторыми дворянами и уѣздными предводителями, далъ отзывъ, что первыми впечатлѣніями на дворянъ были страхъ послѣдствій, опасеніе за общественное спокойствіе, несоотвѣтственность, по мнѣнію дворянъ, съ правами помѣщичьей собственности отведенія крестьянамъ въ постоянное пользованіе части земли. По его свидѣтельству тамбовскіе дворяне думали, что открытію комитета должны предшествовать пріуготовительныя работы; они также находили, что высочайшими

рескриптами не разрѣшаются вопросы: о долгахъ въ кредитныя установленія, о черезполосности и о томъ, могутъ ли усадебныя мѣста подлежать измѣненію или должны оставаться въ прежнемъ видѣ. Предводитель писалъ также, что хотя Тамбовскіе дворяне были благодарны за оказанное дворянству довѣріе, но «считали необходимымъ воспользоваться уроками опытности».

Владимірскій губернскій предводитель дворянства (Богдановъ) сообщалъ, что «первое впечатлѣніе на большинство дворянъ не могло не быть тягостно и грустно.... Не всѣ имѣютъ достаточно твердости, чтобы не сожалѣть о важныхъ правахъ, можетъ быть и несвоевременныхъ, но составляющихъ матеріальную основу жизни сословія». Къ этому, впрочемъ, онъ прибавлялъ, что «многіе чувствуютъ и болѣе или менѣе сознаютъ необходимость перемѣнъ въ этомъ отношеніи». Владимірскій губернаторъ (Тиличеевъ) отозвался, что вѣсть о полученныхъ бумагахъ разошлась по всей губерніи,—во всѣхъ сословіяхъ. На дворянъ она подѣйствовала непріятно. Они находили, что крестьяне, сдѣлавшись собственниками усадебныхъ мѣстъ, обратятся въ самыхъ безпокойныхъ сосѣдей и что они не будутъ разбирать помѣщичьихъ земель за прежніе оброки. Но нѣкоторые дворяне вполнѣ сознаютъ наступившую необходимость реформы, которая поведетъ къ установленію опредѣленныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами.

Изъ Тульской губерніи предводитель дворянства (Арсеньевъ, котораго вскорѣ потомъ замѣнилъ Мининъ,—одинъ изъ самыхъ энергическихъ противниковъ крестьянской реформы) обратился съ вопросомъ: можно-ли допускать измѣненія въ опубликованныхъ началахъ уничтоженія крѣпостной зависимости?

По отзыву мѣстнаго губернскаго предводителя, Харьковскіе дворяне выражали желаніе не стѣсняться, при обсужденіи вопроса о крѣпостномъ состояніи, всѣми правилами, указанными въ двухъ первыхъ рескриптахъ.

Замѣчателенъ отзывъ Орловскаго предводителя В. В. Апраксина), который отозвался, что онъ взошелъ въ сношенія съ предводителями сосѣднихъ губерній. Онъ, между прочимъ, писалъ къ намъ, что предпринятая правительствомъ мѣра возлагаетъ на губернскихъ предводителей дворянства «священную обязанность склонять всякаго дворянина къ содѣйствію видамъ правительства, если не по убѣжденію, то по чувству личнаго самохраненія».

Предводители двухъ малорусскихъ губерній представили также о затрудненіяхъ, которыя ожидаютъ помѣщиковъ,—по причинѣ общаго

неразмежеванія и дробности имѣній. Но, не смотря на это, по отзывамъ Черниговскаго и Полтавскаго предводителей, дворяне вполнѣ понимаютъ необходимость новаго устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ. При этомъ Полтавскій предводитель (князь Левъ Кочубей) прибавлялъ, что по всей вѣроятности Полтавское дворянство въ непродолжительномъ времени будетъ просить объ открытіи комитетовъ.

Для того, чтобы показать, до какой степени неясны были понятія о будущемъ ходѣ крестьянскаго дѣла, достаточно привести отзывъ тогдашнаго Оренбургскаго и Самарскаго генералъ-губернатора (А. А. Катенина, вскорѣ потомъ умершаго), который полагалъ, что Оренбургская и Самарская губерніи «должны быть поставлены на ряду тѣхъ частей Россіи, въ которыхъ вопросъ объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости долженъ рѣшиться послѣ разрѣшенія онаго въ болѣе населенныхъ и преуспѣвшихъ въ гражданскомъ развитіи мѣстахъ Россіи».

Изъ приведенныхъ отзывовъ, полученныхъ изъ коренныхъ русскихъ губерній, можно было признать отчасти благопріятными для правительства отъ предводителей дворянства двухъ малорусскихъ губерній и одной великорусской. Въ отзывахъ предводителей всѣхъ остальныхъ губерній выражалась болѣе или менѣе оппозиція видамъ правительства; донесенія губернаторовъ также свидѣтельствовали о несочувствіи дворянства предрѣшенному преобразованію. Но правительство не могло опереться и на это прогрессивное меньшинство, которое находилось въ составѣ помѣстнаго дворянства. Во всѣхъ губерніяхъ мнѣніе консервативнаго большинства заглушало отзывы людей съ либеральнымъ направленіемъ. Во всѣхъ губерніяхъ предводители дворянства были прямыми представителями большинства. Въ одной только Тверской прогрессивная партія нашла своего представителя въ лицѣ губернскаго предводителя, тогда молодаго человѣка, А. М. Унковскаго (нынѣ, 1875 г., присяжнаго повѣреннаго). Изъ этой губерніи полученъ былъ отзывъ, также несогласный съ видами правительства, но не потому, что освобожденіе крестьянъ несвоевременно и пагубно, а потому, что самыя начала, на которыхъ предполагается произвести это освобожденіе, непримѣнимы къ условіямъ русской жизни. Тверской предводитель сообщалъ министру: «хотя нельзя еще съ точностью опредѣлить впечатлѣніе, которое могутъ произвести циркуляры на всю массу дворянства, но почти можно ручаться, что помѣщики вполнѣ поймутъ необходимость упраздненія крѣпостнаго права. Между тѣмъ, не могу не упомянуть о томъ обстоя-

тельствѣ, что, при чтеніи циркуляровъ вашего высокопревосходительства и копій съ высочайшихъ рескриптовъ..., замѣчаютъ, что основанія, въ нихъ изложенныя, совершенно не примѣнимы къ быту великорусскихъ крестьянъ, незнающихъ никогда средины между крѣпостнымъ трудомъ и свободнымъ, и находятъ возможнымъ одинъ только способъ освобожденія крестьянъ, посредствомъ выкупа ихъ съ нѣкоторою частью земли».

Но это далеко не было одиночное мнѣніе нѣкоторыхъ дворянъ Тверской губерніи. Во всѣхъ концахъ Россіи между дворянами помѣщиками были люди, которые вполнѣ раздѣляли мнѣнія, выраженныя въ отзывѣ Тверскаго предводителя. Въ доказательство справедливости этого, я приведу частныя извѣстія, полученныя мной въ это время изъ двухъ другихъ губерній: Смоленской и Владимірской.

Мой Смоленскій корреспондентъ (Д. С. Протопоповъ [1]) писалъ ко мнѣ: «Первую рѣчь поведу о помѣщичьемъ дѣлѣ. Они всѣ (помѣщики) единогласно признаютъ предстоящій переходъ тяжелымъ для себя въ отношеніи къ доходамъ и соединеннымъ съ тяжкими потерями. Съ другой стороны, разумнѣйшіе находятъ, что, по рескриптамъ и программѣ, нельзя ожидать развитія крестьянской свободы. Думаютъ даже, что на первое время положеніе крестьянъ будетъ тяжелѣе настоящаго. Крестьянинъ, подъ судомъ начальника-помѣщика, будетъ подлежать, какъ и нынѣ, всей строгости; отъ владѣльца же пособій въ хлѣбѣ и скотѣ ожидать не можетъ. Положимъ, что послѣднее разовьетъ его самодѣятельность; независимость отъ помѣщиковъ и требовательность повинностей, по мнѣнію здѣшнихъ жителей, будетъ также тяжка, а можетъ быть и тяжелѣе. Нѣеловъ (Смоленскій помѣщикъ, потомъ директоръ департамента земледѣлія и сельской промышленности, а теперь, 1875 г., сенаторъ) послалъ въ «Русскій Вѣстникъ» статью о необходимости для крестьянъ поземельной собственности. Доказательства этого онъ черпаетъ изъ быта помѣщичьихъ крестьянъ».

Изъ Владимірской губерніи я имѣлъ свѣдѣнія отъ одного изъ тамошнихъ помѣщиковъ (Д. П. Гаврилова [2]) который сообщилъ мнѣ,

---

[1]) Первый мой начальникъ по службѣ и одинъ изъ самыхъ близкихъ моихъ друзей, умершій въ 1872 г. Въ то время онъ былъ управляющимъ Смоленскою палатою государственныхъ имуществъ. Я. А. Соловьевъ.

[2]) Одинъ изъ полезнѣйшихъ дѣятелей по крестьянскому дѣлу, бывшій потомъ самымъ ревностнымъ моимъ сотрудникомъ по коммисіи о губернскихъ

что нѣсколько лицъ изъ владимірскихъ помѣщиковъ, въ томъ числѣ и онъ, согласились высказать и поддерживать на губернскомъ съѣздѣ и въ комитетѣ начала освобожденія болѣе широкія, чѣмъ тѣ, которыя обнародованы въ рескриптахъ. Начала эти главнѣйше состояли въ слѣдующемъ: совершенное съ перваго же разу уничтоженіе обязательныхъ работъ и установленіе денежнаго выкупа; надѣленіе крестьянъ въ собственность не только усадебной осѣдлостію, но и пахатной и сѣнокосной землей; наконецъ, прекращеніе всѣхъ личныхъ и полицейскихъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ.

Эта двойная помѣщичья оппозиція началамъ освобожденія крестьянъ, обнародованнымъ правительствомъ, не могла свидѣтельствовать объ особенно благопріятномъ положеніи задуманнаго Государемъ преобразованія, тѣмъ болѣе, что тогдашніе исполнители его воли не хотѣли понять, что прогрессивная оппозиція не только не была страшна, но ее легко можно было обратить на пользу самаго дѣла, что впослѣдствіи и состоялось.

Выше было упомянуто, что Ярославскій губернаторъ доносилъ объ ожиданіи крестьянами объявленія о свободѣ къ новому 1858 году. Такое же извѣстіе было получено изъ Калуги. Изъ Тамбова, Пскова, Владиміра, Симбирска, Курска и Казани были свѣдѣнія, что крестьяне надѣются на скорое освобожденіе и по этому поводу предводители выражаютъ опасеніе за сохраненіе общественнаго спокойствія.

Кромѣ этихъ офиціальныхъ свѣдѣній замѣчательно полученное С. С. Ланскимъ частное письмо отъ одного, кажется, совершенно незнакомаго ему помѣщика Новгородской губерніи, Устюжскаго уѣзда, штабсъ-капитана Ушакова, который сообщалъ о слухахъ, волновавшихъ въ то время крестьянъ. Къ этому онъ прибавлялъ, что крестьяне покойны въ ожиданіи указа о ихъ вольности, «по полученіи котораго имъ силою должно завладѣть землей помѣщиковъ». По отзыву г. Ушакова таковы были убѣжденія крестьянъ, и потому онъ предлагалъ немедленно принять мѣры какъ бы при дѣйствительномъ всеобщемъ возстаніи.

и уѣздныхъ учрежденій, а съ 1870 г. директоромъ департамента государственнаго казначейства. Преждевременная смерть постигла его въ 1874 году.

Я. А. Соловьевъ.

Вообще изъ губерній шли не одни только отзывы о тревожномъ настроеніи умовъ, но и о средствахъ къ охраненію общественнаго спокойствія. Выше было упомянуто, что Волынскій предводитель дворянства совѣтовалъ издать особыя объявленія о мѣрахъ, принятыхъ правительствомъ къ устройству быта крестьянъ, для всенароднаго свѣдѣнія и для прочтенія въ церквахъ. Ту же мысль высказывалъ Харьковскій предводитель и два губернатора: Симбирскій и Вологодскій. Причемъ послѣдній указывалъ на бывшій примѣръ, на манифестъ 12-го мая 1826 г., изданный въ опроверженіе распространившихся слуховъ о предстоявшей будто-бы вольности крестьянъ.

Всѣ эти свѣдѣнія и совѣты сообщались, частью, подъ вліяніемъ дѣйствительнаго страха, частію съ намѣреніемъ возбудить страхъ въ правительствѣ и тѣмъ остановить его въ дальнѣйшемъ развитіи мѣръ къ освобожденію крестьянъ. Справедливость требуетъ сказать, что сначала преобладалъ страхъ. Какъ сильно было настроено воображеніе помѣщиковъ къ ожидающимъ ихъ ужасамъ, можно видыть изъ отзыва того же новгородскаго помѣщика Ушакова. Онъ писалъ къ министру: «въ настоящее время, всѣ помѣщики находятся подъ вліяніемъ страха; они страшатся не за достояніе свое, но за жизнь свою и за жизнь своихъ дѣтей».

Въ запискѣ, представленной министромъ внутреннихъ дѣлъ Государю передъ прибытіемъ депутатовъ отъ дворянскихъ комитетовъ, перваго приглашенія, въ началѣ августа 1859 года (запискѣ, которая надѣлала мнѣ такъ много враговъ и такъ много непріятностей, о чемъ я скажу въ своемъ мѣстѣ) тогдашнее настроеніе умовъ въ губерніяхъ было охарактеризовано въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Первое извѣстіе о предположенной реформѣ возбуждало въ большинствѣ помѣщиковъ безотчетный страхъ. Отъ обнародованія ея ожидали возмущеній, отъ выполненія—совершенной потери собственности. Уничтоженіе крѣпостнаго труда и недостатокъ капиталовъ, необразованность крестьянъ и недостатки мѣстной администраціи, черезполосность и продажа усадебъ, и долги кредитнымъ установленіямъ представлялись непреодолимыми затрудненіями. Считали реформу примѣнимой лишь къ однимъ западнымъ губерніямъ и невозможной въ остальныхъ полосахъ Россіи».

Но паническій страхъ крестьянскихъ возмущеній не имѣлъ никакого серіознаго основанія. Народъ спокойно, можетъ быть, съ нѣко-

торою недовѣрчивостью, узналъ о предстоящемъ освобожденіи и спокойно ожидалъ рѣшенія своей участи, разумѣется, преувеличивая болѣе или менѣе счастливыя для него послѣдствія свободы. Слѣдовательно, если можно было ожидать крестьянскихъ волненій, то тогда, когда онъ увидитъ, что надежды его не исполнились. Правительство могло оставаться спокойнымъ, потому что губернаторы въ своихъ донесеніяхъ не подтверждали основательности возбуждаемыхъ тогда опасеній. Нѣкоторые изъ нихъ только доносили о сдѣланныхъ ими наставленіяхъ полицейскимъ чиновникамъ, вмѣнивъ имъ въ обязанность усилить надзоръ за людьми неблагонамѣренными; объ обращеніи къ епархіальнымъ начальникамъ, съ просьбой о содѣйствіи къ разъясненію народу настоящихъ видовъ и намѣреній правительства. Нашлись однако два губернатора, которые подпали подъ вліяніе помѣщичьей паники. Рязанскій губернаторъ (Новосильцевъ) раздѣлялъ мнѣніе губернскаго предводителя, что настроеніе крестьянскихъ умовъ не предвѣщаетъ ничего хорошаго. Другой губернаторъ Симбирскій (Извѣковъ), изъ страха возмущеній превысилъ свою власть. Согласно ходатайству предводителей, онъ снесся съ дивизіоннымъ командиромъ квартировавшихъ въ Симбирской губерніи войскъ— о командированіи въ случаѣ надобности военныхъ командъ по требованію предводителей и исправниковъ. Это распоряженіе было отмѣнено и указаны были губернатору законы, которыми онъ долженъ былъ руководствоваться, если бы встрѣтилась надобность въ употребленіи военной силы. Не смотря на всѣ опасенія, которыя возникали въ разныхъ губерніяхъ, министерство внутреннихъ дѣлъ удерживалось отъ принятія какихъ либо мѣръ чрезвычайныхъ. Даже мысль о всенародномъ объявленіи для успокоенія крестьянъ, сообщенная одновременно изъ разныхъ губерній, не была принята. По мнѣнію министра, объявленіе это могло скорѣе не успокоить, а взволновать крестьянъ. Они могли принять это: или за обнародованіе свободы или остаться недовольны, что исполненіе ихъ надеждъ откладывается на неопредѣленное время.

Государь нетерпѣливо ожидалъ адресовъ дворянства объ открытіи комитетовъ и надѣялся, что примѣру петербургскаго дворянства послѣдуетъ московское, но проходили недѣли, а адреса изъ Москвы не было. Другія губерніи смотрѣли на Москву, а нѣкоторые губернаторы и предводители буквально слѣдовали наставленію министра въ конфиденціальномъ его письмѣ отъ 10-го декабря 1857 г., оставаясь «безпристрастными зрителями и наблюдателями», и «не употребляя никакихъ настояній или внушеній». Для всесторонняго, по

возможности, объясненія причинъ такого замедленія и для полноты картины всего оппозиціоннаго движенія, необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ: что̀ дѣлалось въ Петербургѣ въ то время, когда оттуда въ губерніи шли циркуляры министра внутреннихъ дѣлъ съ препровожденіемъ первыхъ двухъ рескриптовъ, а изъ губерній получались отзывы на эти циркуляры губернаторовъ и губернскихъ предводителей дворянства. Вслѣдъ за этими отзывами ѣхали въ Петербургъ предводители дворянства и вообще вліятельные и имѣющіе связи помѣщики; писались также изъ провинцій письма къ разнымъ государственнымъ и негосударственнымъ людямъ.

Какъ словесные отзывы, такъ и письма заключали въ себѣ рядъ горькихъ жалобъ по поводу предстоящаго преобразованія. Высшія правительственныя и придворныя сферы состояли, также какъ и теперь состоятъ, преимущественно изъ помѣщиковъ, изъ которыхъ значительное большинство не сочувствовало начатому дѣлу: или вовсе, или, по крайней мѣрѣ, освобожденію крестьянъ съ землей. Губернское оппозиціонное движеніе питало петербургское, а это послѣднее поддерживало губернскую оппозицію. Въ петербургскихъ гостинныхъ, на придворныхъ выходахъ, на разводахъ и на смотрахъ войскъ, въ стѣнахъ государственнаго совѣта, сената и въ кабинетахъ министровъ, членовъ государственнаго совѣта слышались болѣе или менѣе энергическіе протесты противъ намѣренія правительства. Въ этихъ протестахъ болѣе или менѣе прочными красками доказывалось одна и таже мысль, что освобожденіе крестьянъ преждевременно. послѣдствіемъ преобразованія, говорили многочисленные противники задуманной реформы, будетъ то, что помѣщики останутся безъ рабочихъ рукъ, крестьяне по свойственной лѣности не будутъ работать и для себя, производительность государства уменшится, отъ этого произойдутъ: общая дороговизна, голодъ, болѣзни и всѣ народныя бѣдствія. Въ это же время явятся: неповиновеніе крестьянъ, возмущеніе сначала мѣстныя а потомъ общій бунтъ, словомъ представлялась пугачевщина, со всѣми ужасами и съ прибавленіемъ «глубоко задуманной» демократической революціи. Противъ предоставленія крестьянамъ усадебныхъ мѣстъ въ собственность, въ петербургскомъ гостиномъ въ особенности были въ ходу замѣчанія, что крестьяне живя въ однихъ селеніяхъ съ помѣщиками, при встрѣчѣ съ ними и проходя мимо ихъ домовъ не будутъ снимать шапокъ, еще болѣе говорили о томъ, что крестьяне по ихъ грубости и невѣжеству будутъ купаться въ рѣкахъ и помѣщичьихъ прудахъ передъ окнами помѣ-

щиковъ, у которыхъ могутъ быть дочери невѣсты [1]). Въ наиболѣе интимныхъ разговорахъ упрекали правительство въ нарушеніи дворянскихъ правъ и въ неблагодарности къ дворянству, которое всегда служило опорой престолу и жертвовало жизнію за царя и отечество.

Въ доказательство, что все сейчасъ мной разсказанное нисколько не преувеличено, достаточно привести отзывы статсъ-секретаря Танѣева (нѣсколько лѣтъ уже умершаго),—тогда главно-управляющаго I отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи, къ предводителямъ трехъ уѣздовъ Новгородской губерніи, въ которыхъ находились его имѣнія. «Раскрывая собраніе законовъ»,—писалъ Танѣевъ къ предводителямъ,—«я вижу, что въ 1816 и 1817 годахъ, когда дарована свобода лифляндскимъ, эстляндскимъ и курляндскимъ крестьянамъ, т. е. крестьянамъ присоединеннаго къ Россіи края, всѣ права дворянства сохранены, что вся земля остается собственностію помѣщиковъ. Тѣмъ болѣе для кореннаго русскаго дворянства можно ожидать той же милости». Въ этихъ же письмахъ онъ приводитъ циркуляръ Ланскаго, при вступленіи его въ 1855 году въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ Ланской, между прочимъ, писалъ, что онъ не можетъ не гордиться тѣмъ, что съ званіемъ министра внутреннихъ дѣлъ соединена высокая обязанность быть представителемъ у престола доблестнаго россійскаго дворянства». Выписавъ все содержаніе циркуляра, Танѣевъ прибавлялъ: «столь торжественный обѣтъ даетъ право дворянству испрашивать у министра внутреннихъ дѣлъ, какъ назначеннаго Государемъ Императоромъ представителемъ дворянства, предстательства у монаршаго престола о сохраненіи одного изъ важнѣйшихъ правъ дворянства—неприкосновенности поземельной собственности». Въ заключеніи, Танѣевъ описывалъ мрачными красками послѣдствія предоставленія крестьянамъ усадебныхъ мѣстъ въ собственность: крестьяне, получивъ земли, перестанутъ работать на помѣщиковъ, сдѣлаются непріятными для нихъ сосѣдями, заведутъ непозволенную продажу вина, будутъ давать пристанище бѣглымъ» и т. д.

---

[1]) Отзывы о преждевременности освобожденія крестьянъ напоминаютъ мнѣ разсказъ С. С. Ланскаго о томъ, что его какъ-то спросило одно изъ высокопоставленныхъ лицъ, (нынѣ Членъ Государственнаго Совѣта):

„Что, Сергѣй Степановичъ, въ какомъ положеніи крестьянское дѣло“?

—„Все въ томъ же, какъ прежде, т. е. крестьянъ освободить нельзя, потому что они необразованы, а образовать ихъ нельзя, потому что они крѣпостные!“

Я. А. Соловьевъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что свѣдѣнія, получаемыя тогда III отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи, были также односторонни и докладывались Государю въ томъ же смыслѣ. Шефомъ жандармовъ былъ тогда князь В. А. Долгорукой (умершій назадъ тому нѣсколько лѣтъ). Онъ былъ одинъ изъ ревностныхъ противниковъ крестьянскаго дѣла. Система застращиванія Государя, которая особенно развилась съ 1866 года, и тогда была пущена въ ходъ. Государя стращали и крестьянскими возмущеніями, и серьезной оппозиціей со стороны дворянства.

Я. А. Соловьевъ.

ЗАПИСКИ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА.

LXII [1]).

Насъ укоряютъ, что мы не имѣемъ должныхъ отношеній къ нашимъ приходамъ; что связь между нами и нашими приходами только оффиціальная, внѣшняя; что близкихъ, сердечныхъ, радушныхъ отношеній между нами нѣтъ; что мы стоимъ отъ нашихъ приходовъ особнякомъ, далеко; вымогая изъ нихъ средства къ своему существованію, не обращаемъ вниманія на ихъ внутреннюю, духовную жизнь; что мы не больше, какъ требоисправители, тогда какъ мы должны быть руководителями въ ихъ нравственной и религіозной жизни, должны составлять какъ бы душу, должны быть „солью земли“ своихъ приходовъ; что отъ нашей отдаленности въ приходахъ грубость, невѣжество, расколъ, пороки, неуваженіе къ религіи и къ намъ самимъ и проч.

Отдаленность нашу отъ приходовъ одни производятъ отъ неправильной постановки нашего воспитанія; другіе—отъ нашей безличности и полной зависимости отъ приходовъ; одни,—что причиною тому кастовое наше положеніе; другіе говорятъ: отъ того все это, что попы сами и тупы, и глупы, безнравственны и жадны; говорятъ, наконецъ, одни, что это отъ того, что попы горды, что

---

[1]) См. „Русская Старина“ изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 554—562 (три главы); т. XXV, стр. 457—492 (четыре главы); 609—636 (одна глава); томъ XXVI, стр. 433—460 (одна глава). Изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 39—78; 455—494 (четырнадцать главъ); томъ XXVIII, стр. 144—145 (замѣтка); стр. 261—288 (четыре главы); 449—476 (одна глава); 667—708 (восемь главъ); т. XXIX, стр. 351—378 и 683—708 (семь главъ). Изд. 1881 г., т. XXX, стр. 43—90 (шесть главъ); 329—365, февраль, (пять главъ); 527 572, мартъ, (семь главъ).

священникъ, особенно молодой, чувствуя себя стоящимъ по образованію выше массы, съ гордостью относится къ простому народу даже тогда, когда принимается учить его, и тѣмъ отдаляетъ себя отъ него.

Для сближенія духовенства съ прихожанами одни находятъ необходимымъ закрыть спеціальныя духовныя учебныя заведенія и устроить общія, всесословныя; другіе находятъ единственнымъ средствомъ вывести духовенство изъ крѣпостной зависимости отъ прихожанъ, обезпечить его матеріальный бытъ и расширить права самостоятельности; третьи находятъ радикальнымъ средствомъ порѣшить совсѣмъ съ наличнымъ духовенствомъ, избрать въ служители церкви лицъ изъ того же общества, въ которомъ онѣ служить должны, — чтобы духовенство для общества было „свое, родное“,—плоть отъ плоти и кость отъ костей его; чтобы духовенство и образованіемъ возвышалось только немногимъ надъ тѣмъ обществомъ, среди котораго оно должно вращаться; что духовенство должно участвовать во всѣхъ крестьянскихъ сходахъ, во всѣхъ приходскихъ дѣлахъ. Наконецъ, говорятъ намъ: нужно имѣть болѣе смиренія, болѣе терпѣнія и любви къ пасомымъ,—поменьше чванства и побольше дѣла.

Во всемъ этомъ много горькой истины, но много и нелѣпости. Всѣ говорятъ, что отношенія наши къ приходамъ ненормальны? Это хорошо знаемъ мы и сами. Ненормальность эту производятъ отъ различныхъ причинъ и къ устраненію ея предлагаются различныя средства; но такъ какъ сужденія объ этомъ дѣлѣ происходятъ, бо̀льшею частію, отъ такихъ людей, которые и сами не знаютъ всѣхъ условій нашей жизни, то онѣ или непрактичны совсѣмъ, или односторонни. Лица, стоящія во главѣ нашего управленія, хотя и хорошо видятъ причины ненормальности отношеній, хотя хорошо знаютъ и средства къ устраненію ихъ; но однѣхъ изъ средствъ не могутъ дать намъ они сами, а другихъ не исполняемъ мы. Отъ администраціи мы нерѣдко видимъ распоряженія и совѣты самые разумные, самые практичные, самые безпристрастные; но мы привыкли смотрѣть на нихъ, какъ на предписанія казенныя, не прилагаемъ ихъ къ нашему сердцу, не примѣняемъ къ нашей жизни, стараемся исполнить одну форму, отписаться,—и остаемся тѣмъ, чѣмъ были. Что же послѣ этого дѣлать? Теплое слово,—слово братское, взятое съ жизни, могло бы,

кажется, указать намъ самыя практичныя средства и повліять на насъ болѣе всѣхъ другихъ постороннихъ указаній и совѣтовъ. Его могли бы высказать другъ другу мы, священники; но священники, кромѣ проповѣдей по заказу консисторій и благочинныхъ, не пишутъ ничего. Поэтому я, дѣлая начинъ, пролагаю путь лучшимъ силамъ. Я не навязываюсь въ наставники,—на это я не имѣю ни права, ни силы слова и не хочу оскорблять чьего бы то ни было самолюбія. Я хочу передать только личное мое мнѣніе и то, какъ ведется дѣло это у меня въ приходѣ, и съ удовольствіемъ выслушалъ бы мнѣніе и совѣтъ другаго. Мѣна мыслей могла бы принести много пользы и намъ самимъ, и дѣлу нашего служенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, показала бы людямъ, пишущимъ объ насъ, что мы не настолько безнравственны и бездѣятельны, какъ разносятъ объ насъ по свѣту.

Наша рознь съ приходами зависитъ, прежде всего, отъ нашего воспитанія. Въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ стараются дать воспитаннику массу свѣдѣній, но никто и никогда не позаботился развить религіозно-нравственное чувство. Въ учебныхъ нашихъ заведеніяхъ строго слѣдятъ, напримѣръ, чтобы ученики неопустительно бывали у богослуженія, и тѣ воспитанники, которые, почему либо, хоть разъ, опустятъ его, подвергаются наказанію,—бо̀льшею частію имъ убавляется баллъ по поведенію. Въ наше же время дѣло это велось даже такъ; небывшихъ у богослуженія инспекторъ семинаріи, іеромонахъ Тихонъ посылалъ въ столовую казеннокоштныхъ учениковъ, заставлялъ тамъ молиться и класть земные поклоны во все время обѣда или ужина. Семинарская столовая,—большая, длинная комната. Какъ только войдутъ, бывало, ученики и за ними Тихонъ, или Тиша, какъ его звали всѣ,—виновные становятся въ концѣ столовой въ ряды и начинаютъ креститься и кланяться въ землю. Во все время обѣда Тиша ходилъ вдоль столовой, а виновные отвѣшивали поклоны. Часто случалось, что, въ то время, когда Тихонъ шелъ на другой конецъ столовой, оборотившись спиной къ молившимся, тѣ отдыхали и переставали кланяться. Нѣкоторые проказники наставляли ему носы, а другіе съ умиленіемъ вздыхали и чуть ни на всю столовую взывали: „Боже, милостивъ буди ми грѣшному! Прости Господи мою лѣность“! Къ этимъ Тихонъ подходилъ и, за раскаяніе, отпускалъ домой, если это былъ своекоштный, или при-

казывалъ сейчасъ же садиться и обѣдать, если это былъ казенный воспитанникъ. Но нерѣдко случалось и такъ: идетъ Тихонъ задомъ къ молившимся на другой конецъ столовой, да вдругъ, не дойдя до конца, и повернетъ назадъ. Увидитъ, что тѣ перестали кланяться, подойдетъ, схватитъ за волосы и начнетъ мотать во всѣ стороны, да такъ, что искры изъ глазъ посыпятся. Перетрепавши всѣхъ, пойдетъ опять отшагивать. Ученики давно уже отобѣдали, давно сидятъ, запрятавши и ложки по пазухамъ и куски по карманамъ, а Тихонъ ходитъ себѣ, взадъ да впередъ, да и только. Нѣкоторымъ, такимъ манеромъ, приходилось положить поклоновъ по 150—200,—до одуренія. Однажды онъ одной артели, просто, велѣлъ положить по 100 поклоновъ. Ученики перекрестятся, поклонятся и скажутъ: „разъ"! Перекрестятся, поклонятся,—„два"! Сперва молельщики вели счетъ во весь голосъ, потомъ тише—тише и перестали молиться. Тихонъ подходитъ и спрашиваетъ: „а чтожъ вы перестали молиться"?—Мы положили по 100 поклоновъ.—„Ажъ вы врете (у него особенный былъ выговоръ), начинай съ начала, я самъ буду считать".—Ваше высокопреподобіе! Помилуйте!—„Ажъ вамъ говорятъ: молись"! Отпустилъ обѣдавшихъ, и сталъ самъ считать. Училищное начальство поступало еще проще: тамъ пороли, иногда, на смерть. Въ семинаріи же, у Тихона, если ученикъ не былъ только у одного богослуженія, положимъ у обѣдни, то молился только во время обѣда, но если не былъ и у всенощной, то молился и въ ужинъ. Такому наказанію подвергались всѣ безъ различія, даже ученики богословскаго класса, люди лѣтъ 23—25, которые, мѣсяца черезъ три—четыре, или сами должны быть священниками, или ѣхать въ академію.

Такого кощунства надъ религіею и издѣванья надъ людьми нынѣ, вѣроятно, нѣтъ; но уменшеніе балловъ по поведенію, въ сущности, одно и то же. Это заставляетъ ученика бывать неопустительно при богослуженіи не изъ любви и расположенія, а изъ страха и, стало быть, исполняется одна только формальность. И такая формальность отзывается на всей послѣдующей его жизни. Истинная заслуга наставниковъ и начальниковъ нашихъ учебныхъ заведеній была бы тогда, если бы они, съ передачею юношеству знаній, употребляли всѣ свои силы укрѣпить вѣру и внѣдрить любовь къ дѣлу служенія въ тѣхъ, кого готовятъ они быть пастырями народа и развить любовь къ самому народу. Но въ

первомъ мы сомнѣваемся, а второе считаемъ даже невозможнымъ. Переспросите воспитанниковъ низшихъ, среднихъ и высшихъ учебныхъ нашихъ заведеній: у многихъ ли изъ нихъ есть евангеліе, а тѣмъ болѣе библія? Прочли ли они все это, хоть разъ, не для класса, а по внутреннему расположенію? Взгляните въ книгу библіотекаря: много ли разбирается воспитанниками духовныхъ журналовъ? Мы крайне сомнѣваемся, чтобы дѣло это шло успѣшно,—какъ слѣдовало бы.

Безчеловѣчно поступая съ учениками при пріемныхъ экзаменахъ, грубо обращаясь съ ними въ теченіи всего курса, выгоняя изъ заведенія за каждую малость, за какую нибудь недостающую ¹/₈ балла и вселяя, такимъ образомъ, только ожесточеніе и страхъ,—теплоты сердечной, любви къ ближнимъ наши семинаріи въ своего воспитанника вселить и не въ состояніи. Наставникъ, не имѣющій любви и даже снисхожденія, конечно, не можетъ сдѣлать сердце его мягкимъ, сострадательнымъ, любящимъ. Словомъ: отношенія нашихъ наставниковъ къ ихъ воспитанникамъ точно такія же, какъ и во всѣхъ свѣтскихъ,—чисто формальныя, оффиціальныя. Поэтому и мы поступаемъ на должности священниковъ съ такимъ же оффиціальнымъ направленіемъ, какъ и всякій воспитанникъ свѣтскихъ заведеній на свою должность, а грубое обращеніе семинарскаго начальства добиваетъ его характеръ. Поэтому всякій ученикъ семинаріи неминуемо долженъ выдти холоднымъ эгоистомъ, ожесточеннымъ, раздраженнымъ. Я не говорю отнюдь, чтобы всѣ ученики семинаріи непремѣнно выходили такими; нѣтъ, много людей выходятъ оттуда съ прекраснымъ, добрымъ сердцемъ; но въ этомъ семинаріи неповинны, это происходитъ независимо отъ нихъ: причиною доброты и мягкости сердца воспитанниковъ—ихъ родители и остатки домашняго воспитанія.

Такимъ образомъ, чтобы измѣнить наши отношенія къ приходамъ, нужно, прежде всего, измѣнить многое въ самомъ воспитаніи готовящихся къ сану священника.

LXIII.

Матеріальныя средства къ нашему существованію—доходы отъ требоисправленій. И въ глазахъ нашего начальства, и въ глазахъ общества составилось понятіе о раздѣленіи приходовъ на „хорошіе и плохіе“ и, конечно, не въ нравственномъ ихъ отношеніи, а исключительно по ихъ доходности. Воспитаннику семинаріи, не говоря уже о пономарствѣ, тотчасъ по выходѣ его изъ семинаріи, „хорошаго“ мѣста не дается. Поэтому у него, если бы онъ и не зналъ всѣхъ нашихъ порядковъ, невольно должно составиться понятіе о приходахъ многодоходныхъ и малодоходныхъ,—какъ объ арендной, слѣдовательно, статьѣ. О нравственномъ слитіи съ приходомъ, о единеніи и т. п. тутъ не можетъ быть и помину.

Поступивши во священника, человѣкъ сразу уничтожается: у него нѣтъ ни помѣщенія, ни хлѣба, ни денегъ,—ровно ничего. Первою его заботою, неизбѣжно, должна быть забота о своемъ существованіи. При этомъ каждый знаетъ, что и впереди его ждетъ такая же нужда, какъ и теперь, что о немъ не позаботится никто во всю его жизнь и что въ старости его ожидаетъ одиночество и нищета.

Прихожане же каждаго новаго священника стараются тѣснить, чтобы сбавить платы за требоисправленія. Но одни изъ священниковъ сами начинаютъ тѣснить ихъ и вымогать непомѣрную плату, не смотря ни на бѣдность, ни на просьбы и слезы; ведутъ себя заносчиво, неприступно; другіе же, будучи не въ силахъ выбиться изъ подъ такого давленія, терпятъ страшную нужду; третьи,—спиваются. О внутренней связи съ приходомъ и здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

Таковъ порядокъ есть и долженъ быть при настоящей постановкѣ дѣла: близкихъ, сердечныхъ отношеній между пастыремъ и пасомыми и быть не можетъ.

Но, однако же, нельзя сказать, чтобы не было совсѣмъ никакихъ уже средствъ къ установленію хорошихъ отношеній, хотя отчасти. Такія средства есть. Я передамъ то, какъ дѣло это ведется у меня въ приходѣ.

Лжи и мелочнаго самохвальства я себѣ не дозволяю. Это было бы и глупо, и не имѣло бы ровно никакого смыслу. Я,—сельскій священникъ, подобныхъ которому въ Россіи болѣе 20,000; само-

хвальствомъ добиваться извѣстности изъ такой массы, гдѣ тысячи лучше меня во всѣхъ отношеніяхъ, значитъ признавать самаго себя умопомѣшаннымъ; не признавая же себя таковымъ, я скажу сущую правду.

Трудно встрѣтить такихъ добрыхъ прихожанъ, которые съ такимъ почтеніемъ относились бы къ своему священнику, какъ относятся мои ко мнѣ: при встрѣчѣ съ крестьяниномъ, я, первымъ словомъ, говорю ему раза три или четыре, что бы онъ надѣлъ шапку. Иначе, говори съ нимъ сколько угодно, онъ, во все время, будетъ стоять безъ шапки. Иду я или ѣду по улицѣ и, не говоря уже о томъ, что всѣ взрослые издалека встаютъ и стоятъ безъ шапокъ,—вся мелюзга,—дѣти кричатъ мнѣ со всѣхъ сторонъ: „батюшка, здравствуй!" Иной ребенокъ, лѣтъ трехъ, не умѣетъ еще выговаривать, а, тоже, кричитъ за другими: „а! а!" и кланяется. Лошадей своихъ я не держу,—и мнѣ все возятъ прихожане. Куплю, напримѣръ, пятериковъ пять дровъ, верстъ за 20 отъ села, пишу деревенскимъ старостамъ записки,—и на другой день подводъ 80 привезутъ мнѣ дровъ; куплю для коровъ сѣна,—привезутъ и это Вычистить пригороду, куда выпускаются коровы, вывезти со двора снѣгъ, котораго, случалось, наносило возовъ до 200, набить ледники и т. п., все это дѣлаютъ мнѣ прихожане. Въ прошломъ году я строился,—и изъ города, за 45 верстъ, мнѣ вывезли 106 брусьевъ, известь и проч.—прихожане. Иногда случалось даже такъ: у меня при домѣ есть небольшой садикъ; копаешься, иногда, тамъ, подойдетъ мужичекъ, поглядитъ на цвѣтники и говоритъ: „песочкомъ надо бы тутъ посыпать!" — Да, говорю, надо бы, да песку-то нѣтъ.—„Да развѣ насъ у васъ мало! Скажите десятнику, онъ и нарядитъ подводы двѣ; а то я вотъ пойду и скажу старостѣ".— И на другой день мнѣ возовъ шесть привезутъ песку. Передъ свадьбами, по крайней мѣрѣ на половину, идутъ ко мнѣ за совѣтомъ: взять ли за сына дочь у такого-то крестьянина, или отдать-ли дочь къ такому-то? Приколотитъ пьяный мужикъ свою жену,—и она идетъ ко мнѣ съ жалобой. Крайне рѣдки случаи, чтобы пьяный мужикъ прошелъ мимо моего дому,—непремѣнно постарается пробраться гдѣ нибудь по закоулкамъ, что бы я не видѣлъ его. Толпятся мужики около кабака, иду или ѣду я, издали увидятъ всѣ, — и мгновенно всѣ разбѣгутся. Слово мое въ приходѣ есть законъ. Конечно, все это зависитъ отъ доброты мо-

ихъ прихожанъ; но и я дорожу этимъ расположеніемъ: насколько только возможно, я держусь правила: не ссориться ни съ кѣмъ, ни при какихъ обстоятельствахъ, тотчасъ исполнять всякое требованіе каждаго и быть, насколько есть силъ, строгимъ къ себѣ. За требы я, лично самъ, не беру ничего, все беретъ мой діаконъ. Но никогда и никого не тѣснитъ и онъ; поэтому пользуется и онъ большимъ расположеніемъ и пособіями. Другой священникъ получалъ бы, по всей вѣроятности, доходу втрое больше, чѣмъ мы; но мы не думаемъ, чтобы что нибудь теряли и мы. Своимъ трудомъ прихожане наверстываютъ намъ то, чего не додаютъ деньгами. Для крестьянина выгоднѣе съѣздить намъ за дровами, чѣмъ отдать лишній рубль за требу, а для насъ это все равно. Взятый мною рубль я отдалъ бы ему же за подводу. Значитъ, что мы въ барышахъ оба и, при этомъ, находимся въ хорошихъ отношеніяхъ.

Но это все, что дѣлается съ моей стороны, о чемъ сказалъ я, есть, какъ бы, отрицательная сторона, положительная же,— въ моихъ съ прихожанами бесѣдахъ. Лѣтомъ, по праздникамъ, у утрени въ церкви народу у насъ бываетъ довольно много. Послѣ утрени я выйду на амвонъ, просто, безъ эпитрахили, прочту и объясню евангеліе этого дня, прочту еще что нибудь, спрошу поняли ли, нѣкоторыхъ прошу и разсказать, что̀ говорилъ я. Въ хорошую же погоду выйдемъ всѣ на крыльцо церкви,—а церковь у насъ большая, крыльцо тоже высокое и большое,—сяду, около меня посядутся всѣ, обступятъ со всѣхъ сторонъ внизу,—я и читаю, и толкую съ ними часъ или полутора. Тутъ дѣло идетъ у насъ за-просто. Тутъ я выслушиваю вопросы и сужденія каждаго,—мы тутъ не стѣсняемся совсѣмъ другъ друга. Самое же главное: послѣ обѣдни я объявляю, что я пріѣду въ такую-то деревню. Управившись въ церкви со всѣми молебнами, крестинами и пр., придешь домой, напьешся чаю, закусишь, а иногда и нѣтъ,—и поѣдешь. Въ назначенномъ домѣ меня уже ждутъ человѣкъ 20. Увидятъ въ деревнѣ, что я пріѣхалъ, соберется и еще человѣкъ 50, иногда и больше,—и начнется наша бесѣда. Тутъ мы совсѣмъ уже свои люди: и я безъ рясы, и слушатели мои въ чемъ попало. Здѣсь я читаю, разсказываю, мнѣ дѣлаютъ вопросы, я дѣлаю,—и толкуемъ обо всемъ. Иногда говорятъ мнѣ: недавно пріѣзжали молокане, верстъ изъ-за 200, жили три

дня и говорили вотъ что; или скажутъ: раскольники были и говорили вотъ что. Я, конечно, объясню на толки тѣхъ и другихъ. (Въ моемъ приходѣ сектантовъ нѣтъ). Тутъ толкуемъ мы и о хозяйствѣ, и о семейныхъ дѣлахъ, — обо всемъ. Въ 1879-мъ году мнѣ передали даже такія вещи: „на прошлой недѣлѣ, говорятъ мнѣ, шли два мужичка въ Кіевъ къ св. мощамъ, чьи-то, говорятъ, дальніе; одинъ изъ нихъ отбилъ ноги и они прожили у насъ три дня. Все разспрашивали они, какъ мы живемъ, много ли у насъ земли, много ли платимъ податей; все жалѣли, что у насъ земли мало (въ д. Кувыкѣ), что казенная земля дорого арендаторами сдается, что мы бѣдны. Разговорчивые какіе! Скоро, говорили они, всю казенную землю раздадутъ по мужикамъ; что всѣмъ губернаторамъ прислана уже отъ Государя бумага, чтобы раздать всю землю, а податей брать только половину; что въ Вологодской губерніи всю землю роздали уже по крестьянамъ, а подати сбавили; что они проходили чрезъ эту губернію и сами все это видѣли. Матвѣй К. (хозяинъ дома) сказалъ имъ: „этого быть не можетъ: гдѣ же будутъ деньги брать солдатъ содержать, чиновникамъ жалованье давать? Я былъ и въ Турціи, въ Іерусалимѣ,— вездѣ подати платятъ, и солдатъ держатъ, и жалованье чиновникамъ платятъ“. Какъ они на него прикрикнутъ!“...

Рекомендую моимъ собратіямъ испытать это средство для сближенія съ прихожанами. Я нахожу это средство лучшимъ, если не единственнымъ изо всѣхъ. Не могу скрыть, что дѣло это очень, даже очень трудное; но въ собраніи, за-просто, безъ всякихъ церемоній, видѣть въ народѣ эту вѣру, эту готовность и эту жажду слушать тебя, это довѣріе,—забываешь всякій трудъ и умиляешься самъ до глубины души. Это лучшее средство и научить чему нибудь.

Однажды, я, въ годичномъ отчетѣ, довелъ до свѣдѣнія преосвященнаго о своихъ бесѣдахъ; преосвященный остался очень доволенъ ими, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы всѣ священники вели такія же бесѣды и, для контроля, излагали бы ихъ въ особыхъ тетрадкахъ, благочиннымъ же вмѣнено было въ обязанность просматривать ихъ. Дѣло приняло оффиціальный видъ. Меня за это всѣ батюшки поругали, года два нѣкоторые изъ нихъ писали поученія, но бесѣдъ вели мало. Въ объѣзды епархіи преосвященный сперва спрашивалъ у нѣкоторыхъ священниковъ тетради съ

бесѣдами, но потомъ пересталъ и онъ. Такъ дѣло это и пропало. Другаго исхода не могло и быть, потому что излагать на бумагѣ то, что̀ говоришь и ка̀къ говоришь,—нѣтъ никакой возможности. Поученія и теперь говорятъ многіе, но это не то. Моя бесѣда,—просто бесѣда домашняя. Еслибъ изложить въ точности, дословно, все, что̀ и ка̀къ говоришь тутъ, такъ это вышло бы такое произведеніе, за которое консисторія не только что не представила бы къ набедреннику, а еще взыскала бы штрафовъ пять, по крайней мѣрѣ. Тутъ я прочту и объясню что нибудь изъ евангелія, побраню мужика, зачѣмъ онъ, да еще съ сыномъ вмѣстѣ, ходитъ въ кабакъ; прочту что нибудь изъ св. исторіи, поговорю объ урожаѣ, падежѣ скота, о томъ, что нужно чаще ребятъ мыть,—мы говоримъ обо всемъ. Но это: „все“, безобразное, можетъ быть, по формѣ изложенія, лучше всякаго „огненнаго“ слова. Въ этомъ повѣрьте мнѣ. Я узнаю тутъ все, что дѣлается у меня въ приходѣ и, во время, могу подать посильный совѣтъ. Въ подобныхъ бесѣдахъ до фамиліарностей мы не доходимъ, но мы другъ съ другомъ, какъ бы, роднимся,—это другаго рода школа.

Кромѣ того: пока священникъ въ деревнѣ, ни одинъ крестьянинъ нейдетъ въ кабакъ, боясь, чтобъ не сказали ему и онъ не позвалъ бы къ себѣ. А перехвативши, такъ сказать, самое горячее время,—отъ обѣда до вечера, ночью мужикъ туда уже не пойдетъ. Да, эти простыя бесѣды,—великое дѣло! Но... полнѣйшая зависимость отъ приходовъ, нерѣдкіе случаи злоупотребленія непритязательностью моего діакона, плата за требоисправленія и пр. отравляютъ все дѣло, пуще всякаго яду...

Послѣ этого можно только сказать: несчастны тѣ люди, которые, даже при всемъ своемъ желаніи, не могутъ выполнить своего долга!...

LXIV

Благочиннымъ, бо̀льшею же частію, ихъ помощникамъ, нерѣдко поручается дѣлать справки по церковнымъ документамъ, дознанія и производства слѣдствій.

Какой нибудь мѣщанинъ проситъ выдать ему метрическое свидѣтельство, для утвержденія его въ правахъ наслѣдства. Консисторія, не справляясь съ метриками, имѣющимися въ ея архивѣ, предписываетъ благочинному или его помощнику сдѣлать справку

по церковнымъ документамъ, и представить ей съ своимъ удостовѣреніемъ, что представляемая справка съ церковными документами вѣрна. Нерѣдко случается, что село, гдѣ нужно взять такую справку, находится отъ благочиннаго или его помощника верстахъ въ 70. Предписывать духовенству выслать справку къ нему благочинный не можетъ, такъ какъ онъ самъ долженъ видѣть документы, чтобы засвидѣтельствовать ея точность, онъ долженъ ѣхать туда самъ. Но такъ какъ подобныхъ дѣлъ бываетъ множество, и часто случается, что, съѣздивши въ село, дня чрезъ два-три, приходится ѣхать туда же опять, то благочинный и не торопится ѣхать. Чрезъ мѣсяцъ консисторія подтверждаетъ: „поспѣшить представленіемъ справки". Ну, думаетъ благочинный, дѣлать дѣло не такъ легко, какъ предписывать! У меня еще сѣно не убрано; оно можетъ погнить; и это будетъ стоить мнѣ больше 100 р. Жнецовъ или косцовъ артель, — я за ними глядѣть долженъ,—дожди, зимой вьюга, мятель... Ѣхать нѣтъ и возможности. Если эта справка консисторіи нужна непремѣнно, неотложно, то метрики у нея подъ руками". Чрезъ нѣкоторое время консисторія опять: представить справку съ первою отходящею почтою, въ противномъ случаѣ"... Чуть ни висѣлица! Благочинный нанимаетъ на свой счетъ лошадей до перваго села, тамъ духовенство нанимаетъ до втораго, тамъ—до мѣста, гдѣ нужно взять справку. Пріѣзжаетъ благочинный, прикажетъ сдѣлать въ три строки выписку изъ метрики, посмотритъ въ самую метрику,—и домой. Мѣстное духовенство нанимаетъ ему лошадей до ближайшаго села, тамъ до слѣдующаго, а тутъ—до мѣста жительства благочиннаго.

Такимъ образомъ то, что можно было бы сдѣлать въ консисторіи 10 минутъ, тянется цѣлые мѣсяцы, консисторіи обременяютъ перепискою и себя, обременяютъ и вводятъ въ хлопоты и расходы и благочинныхъ, и духовенство совершенно невинно, Богъ знаетъ изъ-за чьего дѣла.

Жителю С.-Петербурга трудно понять наши порядки и, вообще, горожанинъ не пойметъ ихъ. Чтобы уяснить себѣ наши порядки разъѣздовъ по дѣламъ службы, представимъ это нагляднѣе. Представимъ, что какому нибудь мирному гражданину, живущему своимъ трудомъ гдѣ нибудь около Невской Лавры и никогда не помышляющему о судопроизводствѣ, велѣно сдѣлать до-

знаніе близь института горныхъ инженеровъ. Ему приказали,—и онъ, не зная, какъ и приняться за порученное ему дѣло, бросаетъ всѣ свои домашнія занятія,—единственное средство къ его существованію,—нанимаетъ извощика и ѣдетъ до Знаменской гостинницы. Является въ гостинницу, тамъ предлагаютъ ему стаканъ чаю и легонькую закуску, но онъ, не заплативши ни за что денегъ, требуетъ, чтобъ ему наняли извощика до дома Бѣлосельской-Бѣлозерской. Здѣсь заѣзжаетъ въ чей нибудь домъ, отрываетъ хозяина или управляющаго домомъ отъ дѣла, и требуетъ, чтобъ его довезли до Казанскаго собора. (О конной желѣзной дорогѣ мы не говоримъ потому, что онѣ лежатъ не по всѣмъ улицамъ Петербурга). Здѣсь заѣзжаетъ хоть въ домъ Корпуса и требуетъ лошадь до Конногвардейской улицы. Тамъ заѣдетъ въ домъ духовенства Исакіевскаго собора и требуетъ лошадь до академіи художествъ. Отсюда требуетъ лошадь до Горнаго института. Здѣсь, сдѣлавши свое дѣло, онъ требуетъ, чтобъ хозяинъ дома довезъ его обратно до академіи художествъ, оттуда до дома Исакіевскаго духовенства, и такъ далѣе,—до своей квартиры—къ Лаврѣ. Въ то же время назначаютъ лицу вліятельному, могущему сдѣлать всякому какую нибудь гадость, произвесть слѣдствіе. Лицо это живетъ на Обуховскомъ проспектѣ, положимъ хоть въ домѣ Жукова, а слѣдствіе произвесть нужно около Семеновскихъ казармъ. Этотъ слѣдователь, какъ начальство, ѣдетъ уже не такъ: въ счетъ подчиненныхъ, своихъ сослуживцевъ, нанимаетъ карету и ѣдетъ на Лиговку въ д. Воронина. Не обращая вниманія,—днемъ ли это, ночью ли,—онъ взбудоражитъ весь домъ, потребуетъ чаю, водки, закуски, взятку и карету до дома В. А. Полетики на Литейномъ проспектѣ. Оттуда ударитъ на Самсоніевскій проспектъ въ д. Васильева; отъ него къ Тучкову мосту на Петербургскую сторону; отсюда на Каменный островъ; съ Каменнаго къ почтамту, отсюда уже къ Семеновскимъ казармамъ. Проживши на слѣдствіи дня два, онъ отправляется въ Кушелевку, тамъ—въ Лѣсной институтъ, оттуда на Черную рѣчку и т. д., и т. д. Исколесивши весь Петербургъ и обезпокоивши 40—50 домовъ, онъ возвращается домой съ набитыми животомъ и карманами. Чрезъ два-три мѣсяца, а можетъ быть и два-три дня, въ эти же дома вваливаетъ другой, подобный этому, слѣдователь, тамъ третій и—безъ конца. Что сказали бы жители Петербурга, еслибъ у нихъ были

такіе порядки? Что сказали бы они, еслибъ всѣ члены полиціи, мировые судьи, экстренные и обыкновенные судебные слѣдователи такъ безпокоили мирныхъ гражданъ столицы? Такіе порядки, прямо, невозможны, скажетъ всякій. Это были бы не порядки, а неурядица, какой не можетъ быть не только ни въ одномъ благоустроенномъ государствѣ, но даже нигдѣ, во всемъ свѣтѣ. И дѣйствительно, этого и нѣтъ нигдѣ, во всѣмъ свѣтѣ, кромѣ насъ, православнаго русскаго духовенства! Такіе порядки возможны именно только у насъ однихъ. У насъ: назначаютъ рядовому священнику произвесть слѣдствіе или сдѣлать дознаніе,—онъ, несчастный, не зная, какъ и приняться за порученное ему дѣло, бросаетъ домъ, приходъ, и хозяйство, нанимаетъ отъ себя лошадку и ѣдетъ до ближайшаго села. Тамъ напоятъ его чайкомъ и дадутъ лошаденку до слѣдующаго и т. д. Чрезъ нѣсколько дней онъ, голодный, возвращается тѣмъ же путемъ домой и, убитый нравственно, отсылаетъ консисторіи результаты своей поѣздки. Нерѣдко случается, что, за неполноту слѣдствія, получаетъ выговоръ и снова ѣдетъ для дополненія. Но если ѣдетъ великое начальство,—благочинный или, и того горше, членъ консисторіи, въ родѣ Дмитрія Акимовича К......, то тутъ уже не то: тутъ взбудоражится все, — всѣхъ поднимутъ на ноги и, день ли это, ночь ли, здоровы ли въ домѣ, больны ли — все равно, хозяинъ гостя ублажи, упой, накорми, въ карманъ ему положи, тройку лошадей дай, самаго въ экипажъ уложи и — разпрощайся. Послѣ такихъ гостей хозяева, обыкновенно, нескоро приходятъ въ нормальное состояніе. Если ѣдетъ благочинный, то онъ ѣдетъ, по крайней мѣрѣ, по прямому направленію; но если онъ въ родѣ Д. А. К......, такъ онъ и исколеситъ всю епархію, — и вездѣ нужно, даже вынуждено духовенство принять, угостить, дать и за подводу заплатить 3—4 рубля. Да, скажемъ опять: это у насъ только и возможно! Какъ это ни нелѣпо, какъ ни безсмысленно, какъ ни тяжело духовенству, какъ ни грустно все это, — но это считается у насъ порядкомъ,—что это такъ и быть должно...

Но мы, начальство, широки только между своими, духовными; крестьяне, привыкшіе, по старымъ традиціямъ, смотрѣть на чиновника, какъ на притѣснителя, безпрекословно исполняютъ его приказанія, только боясь палки; наши же требованія они исполняютъ только послѣ долгихъ и многихъ хлопотъ съ нашей сто-

роны: при нашихъ слѣдствіяхъ много приходится употреблять хлопотъ, чтобы вызвать къ себѣ мужика къ допросу.

Изъ множества такихъ дѣлъ, скажу объ одномъ. Однажды, лѣтомъ, только что пріѣхалъ я домой изъ села за 65 верстъ, куда ѣздилъ я изъ-за метрической справки, какъ получаю указъ ѣхать туда же опять, по дѣлу о пропускѣ по метрикамъ одного мужика, у котораго сынъ подлежалъ отдачѣ въ солдаты. Я нанялъ лошадей за 3 р. и поѣхалъ до ближайшаго села. Тамъ духовенство наняло лошадей до слѣдующаго, оттуда — до мѣста слѣдствія. Я нарочито пріѣхалъ въ праздникъ, чтобы застать крестьянъ дома. Священникъ уѣхалъ въ городъ, а крестьяне, хотя были и не въ полѣ, но, за то, всѣ въ кабакѣ. Несчетное число разъ посылалъ я и дьячковъ, и церковнаго сторожа и за сотскимъ, и за десятникомъ, и за старостой,—нейдетъ никто, да и только. „Намъ, говорятъ, не до поповскихъ дѣлъ, у насъ свои дѣла, поважнѣе ихнихъ". Ночью пріѣхалъ священникъ, до свѣта еще послалъ за старостой,—и крестьяне явились всѣ, кромѣ одного, который до свѣта уѣхалъ въ поле. „Что вы, говорю, не пришли ко мнѣ вчера? Вѣдь напрасно только задержали и меня вчера, и себя теперь". — „Да признаться, всѣ были выпивши, идти-то къ вамъ и стыдно было". Крестьянинъ, уѣхавшій въ поле, былъ мнѣ нуженъ. Я послалъ за нимъ причетника отыскать его въ полѣ. Но крестьянинъ не хотѣлъ бросить своей работы, и явился ко мнѣ поздно уже вечеромъ. Кончивши дѣло, я ѣду обратно домой: мѣстный причтъ нанимаетъ мнѣ пару лошадей до ближайшаго села, въ этомъ нанимаютъ до слѣдующаго, тамъ—до моего дому. Такимъ образомъ моя поѣздка, изъ-за чужаго дѣла, духовенству, ни въ чемъ неповинному, стоила 14 рублей, а мнѣ 3 р. и четыре дня времени. И это случится въ теченіи года ни одинъ разъ...

Производство слѣдствій поручается, бо̀льшею частію, частнымъ священникамъ, — кому нибудь изъ ближайшихъ къ подсудимому. Но если и мы, старые благочинные, нерѣдко путаемся при слѣдствіяхъ, то рядовой священникъ, никогда и не помышлявшій о производствѣ ихъ, не знаетъ, бо̀льшею частію, какъ къ дѣлу и приступиться.

На мѣстѣ слѣдствія, прежде всего, насъ затрудняетъ квартира. Останавливаться на общей чиновничьей взъѣзжей квартирѣ намъ неудобно, такъ какъ туда, во время слѣдствія, могутъ пріѣхать

гражданскіе чиновники по своимъ дѣламъ и мы стали бы мѣшать одинъ другому. Поэтому слѣдователь останавливается, обыкновенно, въ церковной сторожкѣ. Формально извѣстивши тяжущіяся стороны о своемъ пріѣздѣ, проситъ отвести ему квартиру, по обоюдному согласію сторонъ и выслатъ туда депутатовъ. Въ этой перепискѣ проходитъ день, а иногда и больше. При производствѣ слѣдствія случалось, и не разъ, что иной сутяга ни за что не дастъ отвѣта ранѣе трехъ сутокъ. А тамъ: то того крестьянина нѣтъ дома, то другой нейдетъ. Бьешься-бьешься, иногда, уѣдешь домой и просишь полицію и волостное правленіе обязать подпискою нужныхъ ко спросу крестьянъ явиться къ извѣстному дню. Полиція и волостное правленіе вышлютъ подписки, пріѣзжаешь,—а крестьяне пріѣзжать, на мѣсто слѣдствія, и не думали. Побьешься дня четыре, и опять уѣдешь домой. Однажды, мнѣ привелось прожить на слѣдствіи болѣе трехъ недѣль, по самому пустому дѣлу. Долго бьется слѣдователь; тяжущіяся стороны, во все время производства слѣдствія, молчатъ; наконецъ, закончишь дѣло и предъявляешь имъ его. Тѣ, въ подпискѣ, излагаютъ все, что находятъ нужнымъ для пополненія. Бо̀льшая же часть пишетъ только, что противузаконныхъ дѣйствій, со стороны слѣдователя, ими не замѣчено. И дѣло представляется въ консисторію.

Если слѣдователь не самъ лично представляетъ свою работу въ консисторію и не переговоритъ наединѣ съ столоначальникомъ, то штрафа ему не избѣжать: или записка составлена не полно, или листы тетради не перенумерованы, или бѣлый полулистикъ угодилъ между писанными, или спрошено лицо подъ присягою, тогда какъ приводить къ присягѣ его не слѣдовало; или, на оборотъ: спрошено безъ присяги, тогда какъ слѣдовало бы спросить подъ присягою; или не спрошено лицо совсѣмъ, тогда какъ показаніе его оказывается нужнымъ и т. п. За все это слѣдователя штрафуютъ. Правда, нынѣ порядки эти измѣнились нѣсколько къ лучшему: нынѣ, по крайней мѣрѣ, укажутъ въ чемъ неполно слѣдствіе и чѣмъ дополнить его, хотя и оштрафуютъ, или сдѣлаютъ выговоръ; но прежде дѣлалось такъ: представишь слѣдственное дѣло, а тебѣ возвращаютъ его, и пишутъ: „такъ какъ слѣдствіе не полно, то консисторія приказала дополнить его нужными свѣдѣніями“. Но чѣмъ дополнить,—понять не можешь. Поѣдешь опять, сдѣлаешь спросъ одному кому нибудь, — почти,

кто попадетъ подъ руку,—отошлешь дѣло въ консисторію, пятишницу столоначальнику,—и выдетъ все и полно, и по формѣ сдѣлано. Нынѣ этого уже нѣтъ.

Въ рѣшеніи дѣлъ нельзя похвалиться особенной скоростью; но если, при обсужденіи дѣлъ и въ окружныхъ нашихъ судахъ, гдѣ судъ „скорый и милостивый", подсудимымъ, часто, приходится сидѣть въ острогахъ, неповинно, до рѣшенія дѣла, цѣлые годы,—при новомъ, организованномъ судопроизводствѣ,—то намъ тянуть дѣла и Богъ проститъ, на насъ нельзя и взыскивать. У насъ, и дѣйствительно, дѣла рѣшаются не скоро, особенно если канцелярскіе чиновники видятъ, что около просителя можно малой толикой поживиться. Находчивость, чтобъ протянуть дѣло и вытяпуть какой нибудь двугривенный, бываетъ, иногда, замѣчательная, хотя, конечно, все это крайне грустно. Однажды, прихожу я въ консисторію и, вмѣстѣ со мной, подходитъ къ столоначальнику Г. старушка, вдовая священническая жена, и проситъ его написать ей поскорѣе билетъ въ Кіевъ. „Ваше благородіе, взываетъ старушка, сдѣлайте милость! Я хожу вѣдь третью уже недѣлю"... Столоначальникъ вскочилъ, какъ съ горячей сковороды, обращается ко мнѣ и говоритъ: „послушайте, о. благочинный! Она проситъ билетъ въ Кіевъ"!.. И, при этомъ, съ жаромъ, вытянулъ руку въ сторону.—„Въ Воронежъ"!.. И протянулъ другую руку, въ другую сторону.—„Въ Москву"!.. И указалъ въ третью сторону. „Видите куда! Да и дай ей сейчасъ билетъ!.. Пошла прочь!"

— Ваше благородіе!

— Тебѣ говорятъ, что этакаго дѣла сдѣлать скоро нельзя! Россія велика.

И это говорилось такимъ тономъ и съ такими жестами, какъ будто ему приходилось ходить за ней самому по всей Россіи.

— Ваше благородіе!

— Нужно еще запросить по всѣмъ столамъ, нѣтъ ли за тобой дѣлъ!

— Какія же за мной дѣла? Пожалуй, запросите.

— Надобно запросить и градскаго благочиннаго, ты здѣсь давно шляешься; можетъ быть, что нибудь въ городѣ надѣлала, что и билета дать нельзя!

— Чтожъ, пошлите чиновника и къ благочинному, спросите и его.

Одинъ изъ писцевъ огрызнулся: собака тебѣ чиновникъ-то, будетъ бѣгать для тебя по городу!

И пошла, несчастная, въ свой уголъ.

Слѣдователь представляетъ дѣло съ своей запиской. Столоначальникъ читаетъ дѣло и записку слѣдователя и по нимъ составляетъ свою записку. Но привычка не обращать вниманія на положеніе людей много приносила горя людямъ, состоящимъ подъ судомъ. Человѣкъ, напр., лишенъ мѣста, ни онъ, ни семья его не имѣютъ куска хлѣба, угла, куда преклонить голову, — а столоначальникъ, разсматривающій дѣло, тянетъ цѣлые мѣсяцы изъ такихъ пустяковъ, которые, положительно, не имѣютъ значенія. Изъ множества извѣстныхъ мнѣ случаевъ скажу объ одномъ. Священникъ Ж. удаленъ былъ отъ мѣста. Бѣднякъ и безъ того, онъ болѣе мѣсяца ходилъ въ консисторію и умолялъ столоначальника Г. приняться за разсмотрѣніе его дѣла. Обобравши его до нитки и опивши разъ десять, Г., наконецъ, взялъ дѣло въ руки, сталъ перелистывать и видитъ, что слѣдователемъ не приложено записки, — извлеченія изъ дѣла. — „Записки нѣтъ, оборотить къ слѣдователю для составленія записки“, завопилъ столоначальникъ! На силу товарищи его, другіе столоначальники, могли уговорить его не волочить дѣла и сжалиться надъ несчастнымъ Ж., и то подъ тѣмъ условіемъ, что одинъ изъ столоначальниковъ взялся составить записку самъ,—вмѣсто слѣдователя.

Сказать къ слову: Г. за время своей долголѣтней службы такъ набилъ руку на взятки, что, однажды, не далъ спуску даже своему родному отцу.

Однажды отецъ его, дьячекъ, перемѣщался въ другой приходъ и долженъ былъ взять въ его столѣ перемѣстительный указъ. Дня четыре отецъ ходилъ въ консисторію, и сынокъ все отговаривался, что дѣла по горло, указъ писать некогда. Наконецъ, приходитъ отецъ, сынокъ всталъ и говоритъ: ты, тятинька, я вижу, хочешь выѣхать „на сухихъ!“ У меня положено три цѣлковыхъ за перемѣстительный указъ; борозды не порть и ты; а то, на тебя глядя, и другіе не станутъ давать. Ты, тятинька, не обсѣвокъ въ полѣ, три рублика выложь“!

— Ахъ ты!..

— Ты, тятинька, не ругайся, а то секретарь услышитъ, велитъ тебя вывесть, и мнѣ будетъ стыдно за тебя.

Отецъ поругалъ—поругалъ да и отдалъ три рубля, а сынокъ вынулъ изъ ящика приготовленный уже указъ.

Что Г. былъ негодяй, — это еще ничего бы, негодяевъ много вездѣ. Но странно, даже обидно, то: неужто о. о. члены консисторіи не знали, что между ихъ столоначальниками есть такіе негодяи!..

Въ прежнее время столоначальники разсматривали слѣдственныя дѣла, и они же писали и самыя рѣшенія. Членамъ консисторіи приходилось только списывать и исправлять грамматическія ошибки столоначальниковъ. А недавно умершій членъ консисторіи В. И. Жуковъ, въ началѣ своего членства, какъ только дѣло, мало-мало, серьезное, то возьметъ его на домъ и отправляется съ нимъ къ благодѣтелю своему, помѣщику-дѣльцу Протопопову; тотъ напишетъ ему мнѣніе, Жуковъ перепишетъ и несетъ въ консисторію.

Теперь дѣла измѣнились къ лучшему, нѣтъ спора, но, однако же, до сихъ поръ консисторіи рѣшаютъ всѣ дѣла, основываясь исключительно на томъ, что есть въ слѣдственномъ дѣлѣ. Они не требуютъ никакихъ личныхъ объясненій или разъясненій дѣла, не входятъ въ обстоятельный разсмотръ причинъ того или другаго поступка; предъ ними исписанная бумага, — и по ней рѣшается участь человѣка, тогда какъ полагаться исключительно на эту бумагу крайне сомнительно, потому что слѣдователь, если не имѣетъ возможности дать видъ слѣдствію совершенно по своему произволу, то всегда можетъ или сгладить, или увеличить значеніе вины подсудимаго. И на этихъ-то, не вѣрно выставленныхъ, фактахъ, основывается рѣшеніе дѣла. Скажу объ одномъ случаѣ изъ собственной практики.

Въ одной изъ деревень С. губерніи жилъ помѣщикъ, нѣкто В. Оставшись малолѣтнимъ послѣ отца, онъ лѣтъ 5—6 потолкался около гимназіи, записался въ канцелярію губернатора, получилъ чинъ,—и зажилъ на славу. Слишкомъ болѣе 12 тысячъ руб. онъ проигралъ въ карты, однажды, въ день похоронъ своей матери. Неразлучными друзьями и спутниками во всѣхъ кутежахъ и безобразіяхъ его были особенно два члена провіантской коммисіи С. и Д. Однажды компанія друзей, человѣкъ въ 15, ввалила въ театръ, въ то уже время, когда народъ выходилъ изъ него, вошла въ ряды креслъ и В. закричалъ: „тысячу рублей! Начинай съ начала“! Компанія подхватила: „мы даемъ другую тысячу,

съ начала начинай“! И, минутъ чрезъ 15, занавѣсъ поднялся. Въ срединѣ втораго или третьяго дѣйствія В. заоралъ: „довольно! Иди всѣ въ Борыкинскую гостинницу!... По тысячѣ руб. на рыло: пляши русскую, въ чемъ мать родила“! И каждое рыло получило по 1000 р.

О В. можно было бы сказать многое, но я скажу только это, чтобъ дать понятіе, что это былъ за господинъ.

Рядомъ съ В. по имѣнію жилъ нѣкто старикъ В. П. П. Это была знаменитость другаго рода. О немъ, тоже, нужно сказать слова два-три.

Въ селѣ Г. жила старушка-барыня К. Это была, какъ двѣ капли воды, Гоголевская Коробочка, но только барыня была богатая, хотя и безграмотная. Я былъ у нея въ домѣ раза три, и зналъ ее хорошо. У нея была дочка Машенька, и такая же простенькая, какъ ея мамушка, какъ она звала ее.

По какому-то случаю родственники покойнаго мужа К. стали отбивать у нея часть имѣнія,—село крестьянъ и земли около 2000 дес. Переполошилась старуха, и поскакала въ городъ С. Тамъ сказали ей, что дѣло ея пропащее, и что помочь ей можетъ развѣ одинъ только П., какъ извѣстный дѣлецъ. Она къ нему.

— Отдайте за меня Машеньку, и въ приданное село Н. Иначе отобьютъ его!

— Помилуй, отецъ родной! Ты и не изъ дворянскаго роду, и старикъ, возможно ли это! Бери денегъ, сколько хочешь, а Машеньку не отдамъ.

— Ну, какъ знаешь!

Ходакомъ съ противной стороны былъ онъ же; П. И. имѣніе отбилъ. Барыня въ отчаяніи скачетъ опять въ С. и бросается къ П.

— Бери за себя мою Машеньку, бери все, но отсуди вотчину! Пропадай все, лишь бы только не досталось имъ!

Снова П. началъ будоражить дѣло, снова началась безконечная переписка,—и судъ рѣшилъ возвратить имѣніе К. Прилетаетъ П. съ радостной вѣсточкой къ нареченной своей тещѣ: ну, говоритъ, теперь дѣло за свадьбой! Дѣло наше порѣшено, велѣно имѣніе возвратить вамъ...

— Нѣтъ, В. П., бери денегъ, сколько хочешь, а Машеньку за тебя не отдамъ!

Поспорили, покричали, и разстались.

П. поднимаетъ снова дѣло, и имѣніе отбилъ. Прилетаетъ старуха къ П.

— Что ты, извергъ, кровопійца, сдѣлалъ со мной! Опять отбилъ!

— Отбилъ. Отдай Машеньку, все твое опять будетъ.

— Ну, бери, кровопійца!

— Нѣтъ, теперь ужъ не обманешь. Давай сперва повѣнчаемся.

Побилась-побилась старуха, да и выдала свою Машеньку.

П. началъ дѣло снова, долго тянулось оно, но, наконецъ, все-таки, имѣніе отбилъ, и сдѣлался помѣщикомъ села Н. Напротивъ церкви онъ выстроилъ хорошій домъ, отдѣлалъ два запущенныхъ сада и развелъ пчелъ. Въ концѣ 1840-хъ и въ началѣ 1850-хъ годовъ въ этомъ селѣ былъ священникъ нѣкто Д., мужчина грубый до крайности. Однажды, рой барскихъ пчелъ и привѣйся на колокольню. Попъ съ лукошкомъ, баринъ съ роевней туда! Одинъ кричитъ: у меня улетѣлъ,—мой! Другой оретъ: ко мнѣ привился,—мой!—Да и сцѣпились... Оба были высокаго росту, здоровенные, но только священникъ, по лѣтамъ, годился барину во внуки. Долго ломали они ребра другъ другу; наконецъ, священникъ, какъ-то, изловчился, да и пырнулъ барина въ за-шей съ лѣстницъ,—и завладѣлъ роемъ.

Не желая простить такой обиды священнику и, вмѣстѣ, не желая компрометтировать себя изъ-за роя, П. и подговорилъ сосѣда своего В. подать на него прошеніе и требовать вывести его изъ прихода.

В. подалъ прошеніе такого рода (дословно): „священникъ Д. не своевременно креститъ, не своевременно вѣнчаетъ, не своевременно хоронитъ, не своевременно служитъ обѣдни и не своевременно исправляетъ требы. По этому покорнѣйше прошу, в. п—во, вывесть его изъ нашего прихода“. Мнѣ велѣно было произвесть слѣдствіе.

Кляузы непріятны какому бы то ни было слѣдователю, не люблю ихъ и я. Но тутъ жалуются на священника такіе люди, въ которыхъ, самихъ-то, нѣтъ ни стыда, ни чести, ни совѣсти... И я положилъ себѣ, еще заранѣе, оправдать его во чтобы-то ни стало, хотя бы даже и оказались за нимъ какіе нибудь проступки.

В. выслалъ мнѣ своего старосту депутатомъ, съ барской печатью. Но, къ счастью священника, у старосты была, въ это время, какая-то родственная свадьба; я въ первую же ночь отпустилъ его погулять, чему онъ былъ радехонекъ. Утромъ онъ пришелъ ко мнѣ въ квартиру пьяный, и весь день проспалъ. Ночью я отпустилъ его опять,—и такъ цѣлую недѣлю. Онъ отдалъ мнѣ свою печать,—и я писалъ, что зналъ и прикладывалъ ее, гдѣ нужно. Священникъ вышелъ у меня чуть ни святымъ. Правда, что за нимъ не было никакихъ важныхъ проступковъ; онъ только, вообще, грубо по временамъ обращался съ прихожанами и иногда заставлялъ по долгу ждать себя при требоисправленіяхъ.

По слѣдствію консисторія нашла священника невиннымъ и оставила на прежнемъ мѣстѣ.

Я, конечно, не единственный въ мірѣ слѣдователь, который не ставилъ каждаго слова въ строку. Множество слѣдственныхъ дѣлъ, и по болѣе важнымъ дѣламъ, которыя производятся несравненно еще болѣе пристрастно. Консисторіи же, не имѣя подъ руками ничего, кромѣ исписанной бумаги, по необходимости должны рѣшать многія дѣла несправедливо, по несправедливо произведенному слѣдствію,—это неизбѣжно. Будь гласное судопроизводство, тогда и слѣдователи были бы осторожнѣе, и дѣло выяснялось бы точнѣе, и рѣшенія были бы справедливѣе. Теперь же у насъ много значитъ и личное отношеніе судей къ подсудимымъ, и потому случается иногда: консисторія рѣшитъ дѣло такъ, а Св. Синодъ, при безпристрастномъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ, перерѣшаетъ совсѣмъ иначе. Намъ, напр., извѣстенъ такой случай: одинъ священникъ повѣнчалъ солдатку вторымъ бракомъ по удостовѣренію полиціи о смерти ея перваго мужа. Послѣ оказалось, что мужъ ея живъ. Консисторія опредѣлила послать его на четыре мѣсяца въ монастырь, Св. же Синодъ опредѣлилъ сдѣлать ему за неосмотрительность замѣчаніе,—и только. Правда, что и въ гражданскомъ гласномъ судопроизводствѣ существуетъ не даромъ цѣлая лѣстница судебныхъ инстанцій, и на каждой ступени дѣла рѣшаются по своему; но думается, что, при открытомъ судопроизводствѣ менѣе бываетъ ошибокъ въ рѣшеніи, чѣмъ при закрытыхъ дверяхъ,—втихомолку. Будь закрытый судъ и самый справедливый, онъ все-таки вну-

шаетъ къ себѣ недовѣріе, даже при всемъ безпристрастіи его и всемъ желаніи судей быть справедливыми. Прежнія злоупотребленія глубоко залегли въ душу и память о нихъ изгладить не легко. А если что нибудь всплываетъ на верхъ и нынѣ изъ старой закваски, то бываетъ даже обидно предъ другими сословіями.

Въ прежнее время бывали и такіе случаи, что, при рѣшеніи дѣла, всѣ обстоятельства, служащія къ обвиненію подсудимаго, выпускались и выставлялись однѣ лишь оправдывающія его—и подсудимый выходилъ чистъ. Бывало и наоборотъ. То и другое дѣлалось смотря по особымъ обстоятельствамъ. Одинъ, напримѣръ, слѣдователь писалъ показанія отъ крестьянъ объ ихъ діаконѣ такого рода: первый крестьянинъ показываетъ: „о. діаконъ нашъ, хотя и шибко выпиваетъ, но онъ человѣкъ смирный и худаго про него я сказать пе могу ничего". Другой говоритъ: „о. діаконъ нашъ, хоть иногда въ кабачкѣ и повздоритъ съ кѣмъ, пожалуй и подерется, но на нетрезвомъ человѣкѣ взыскивать нельзя. Въ службѣ же онъ хорошъ, голосистый, служитъ каждую обѣдню". Третій: „нашъ о. діаконъ предобрѣйшій человѣкъ; онъ запросто обходится съ малымъ ребенкомъ; хлѣбосолъ такой, что людей такихъ мало. На праздникъ иди къ нему всѣ. Обнимется съ нашимъ братомъ, запросто, да по улицѣ и пойдетъ закатывать пѣсни. Не отставай, говоритъ, ребята, валяй! Простой человѣкъ, что людей такихъ мало" и т. п. Консисторія въ запискѣ своей означила: „по показанію прихожанъ діаконъ N. человѣкъ смирный, про котораго ничего худаго сказать нельзя; въ службѣ хорошъ, имѣетъ хорошій голосъ, службъ церковныхъ не опускаетъ, человѣкъ предобрый, обходительный, хлѣбосолъ" и пр., словомъ: дьяконъ вышелъ, хоть въ святцы записывай—и такимъ образомъ мало того, что оставленъ на мѣстѣ безъ всякаго наказанія за безобразія, но ему данъ поводъ еще къ худшимъ безобразіямъ.

Въ одномъ селеніи ближайшей къ Саратову губерніи прихожанинъ подалъ прошеніе на священника, что тотъ взялъ съ него за свадьбу 5 р. и что онъ, священникъ, вообще тѣснитъ прихожанъ при требоисправленіяхъ. Консисторія предписала благочинному сдѣлать дознаніе. Всѣ прихожане единогласно одобрили священника и обвинили крестьянина. Консисторія потребовала запись братскихъ доходовъ и положила опредѣленіе такого рода:

„изъ представленной благочиннымъ записи братскихъ доходовъ причта села N. видно, что причтъ беретъ за всѣ обязательныя требоисправленія, какъ-то: крещеніе, бракъ и др., такъ подъ числомъ... значится: получено за свадьбу съ крестьянина NN. 3 р., за крещеніе... и пр. Но такъ какъ въ указѣ св. синода... изложено, что Государемъ Императоромъ Высочайше повелѣно воспретить брать за обязательныя требоисправленія, то консисторія приказали и его преосвященство утвердилъ: оштрафовать причтъ села N. десятью рублями подоходно, съ внушеніемъ, что причтамъ разрѣшается брать плату только за запись браковъ, крещенія и другихъ таинствъ въ метрическія книги, но не за совершеніе самыхъ таинствъ“.

Намъ извѣстенъ и такой случай: при спросѣ благочиннымъ о поведеніи одного діакона, всѣ крестьяне подъ присягою показали, что діаконъ ихъ N. поведенія нехорошаго. Благочинный и пишетъ: „крестьянинъ А. показалъ, что діаконъ N. поведенія не хорошаго. Крестьянинъ Б. показалъ то же, что и А. Крестьянинъ В. показалъ то же, что и А. Крестьянинъ Г. показалъ то же, что и А. И такъ 24 человѣка. Частицу не онъ нарочито отъ слова: хорошаго отставилъ и потомъ на нее, какъ будто не нарочно, чернилами капнулъ. И вышло такимъ образомъ, что діаконъ N. поведенія хорошаго.

Будь гласное судопроизводство—такого мошенничества не было бы.

Вообще же у насъ имѣетъ большое значеніе, при рѣшеніи дѣла, то, если подсудимый лично попроситъ о своемъ дѣлѣ всѣхъ, служащихъ въ консисторіи, начиная съ писца.

LXV.

Обвиненнаго у насъ часто посылаютъ въ монастырь въ наказаніе на одинъ мѣсяцъ, на два, на полгода и безсрочно—до исправленія, если лицо это уже не разъ было судимо за нетрезвость.

Виновный посылается въ монастырь. Монастырь, по своему значенію, есть мѣсто отшельниковъ, оставившихъ міръ для спасенія души; мѣсто уединенія, гдѣ, кромѣ труда и молитвы, нѣтъ другаго дѣла. Посторонніе посѣтители могутъ приходить туда, но, также, только для тихой, уединенной молитвы и то на самое

короткое время. Монастырь—это обитель мира, тишины и невозмутимаго спокойствія. Ушедшіе туда забываютъ весь міръ и его злобу; ихъ цѣль—уединеніе и подражаніе жизни отшельниковъ первыхъ вѣковъ христіанства. Представьте же: въ обители миръ, тишина... Живутъ иноки и тихо, безмятежно молятся о мирѣ всего міра и благодарятъ Господа, что онъ взялъ ихъ отъ суеты и злобы міра и что они могутъ теперь съ чистою душою, покойнымъ сердцемъ окончить труженическую жизнь свою... Но вотъ, въ одинъ злосчастный день, являются туда два—три попа, три—четыре дьякона, пять—шесть дьячковъ, посланныхъ туда въ наказаніе за пьянство и на исправленіе въ поведеніи. Является человѣкъ десять—пятнадцать такихъ молодцовъ, которые не то, что мирную обитель, но любой кабакъ въ десять минутъ опрокинутъ вверхъ дномъ! И—тотчасъ: гамъ, крикъ, ругань, пьянство... Чрезъ 10 минутъ какихъ нибудь вы не узнаете уже этой тихой обители...

Посылка въ монастырь есть наказаніе. Она, дѣйствительно, и есть наказаніе, но только не гостямъ, а хозяевамъ его. Обитатели монастырей видѣли, знали и, можетъ быть, испытали на себѣ все, что творится дурнаго въ мірѣ,—и ушли оттуда для тихой, безмятежной жизни. Но наблюдающее за ними и охраняющее ихъ начальство и здѣсь не даетъ имъ умереть покойно. Оно посылаетъ къ нимъ и туда, куда ушли они, такихъ людей, которые способны мгновенно извратить все тихое и святое. Для людей самой строгой жизни эти непрошенные гости—тяжелое бремя. Если же монашествующіе, какъ люди, вышедшіе изъ міра, погрязшаго въ порокахъ, и сами не укрѣпились еще въ добродѣтельной жизни, то этотъ пришлый народецъ послужитъ имъ непремѣнно къ явной ихъ погибели, такъ какъ страсти, послѣ нѣкоторой сдержанности, разгораются еще сильнѣе, чѣмъ было это прежде („Русск. Стар.", изд. 1880 г., іюль, стр. 473).

Коль скоро въ монастыри посылаются люди порочные, въ наказаніе, то монастыри дѣлаются острогами, а этимъ унижается достоинство и монастырей, и монашествующихъ.

Сельскій Священникъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ФИЛАРЕТЪ ГУМИЛЕВСКІЙ, АРХІЕПИСКОПЪ ЧЕРНИГОВСКІЙ

род. 1805 † 1866.

I.

Филаретъ Гумилевскій, архіепископъ черниговскій, несомнѣнно самый выдающійся ученый и литературный дѣятель 1840-хъ годовъ. Въ „Обзорѣ русской духовной литературы“ (1720—1858 г.) перечислены болѣе или менѣе извѣстные духовные писатели этого времени, но изъ нихъ ни одинъ не можетъ стать въ уровень съ Филаретомъ. Филаретъ Дроздовъ, митрополитъ московскій, Григорій, архіепископъ казанскій, Игнатій воронежскій, Иннокентій херсонскій, Іаковъ нижегородскій, архимандритъ Гавріилъ; протоіереи: Веніаминовъ (архіепископъ Камчатскій), Голубинскій, Григоровичъ, Дебольскій, Кочетовъ, Маловъ, Никольскій, Нордовъ, Павскій, Путятинъ, Скворцовъ; монахъ Іоакинѳъ Бичуринъ; академіи профессоры: Авсеневъ, Амфитеатровъ, Горскій, Делицынъ, Карповъ, Сидонскій, Шимкевичъ, Надеждинъ и свѣтскій писатель Муравьевъ,—вотъ современники Гумилевскаго, имена которыхъ довольно извѣстны въ духовной, а нѣкоторыхъ и въ свѣтской литературѣ названныхъ годовъ. Но если мы припомнимъ объемъ и характеръ ихъ дѣятельности, то увидимъ бьющее въ глаза однообразіе и малосодержательность произведеній сравнительно даровитыхъ перечисленныхъ писателей. Всѣ труды ихъ касались вопросовъ религіозно-нравственнаго и проповѣдническаго характера. Вопросы другаго рода, напримѣръ, историческіе, ка-

ноническіе, археологическіе, догматическіе и экзегетическіе, хотя и поднимались и разработывались ими, но большинство ихъ не изданы. Изъ трудовъ, появившихся въ печати, иные являлись въ ограниченномъ числѣ; но бо̀льшая часть дѣльныхъ и серьезныхъ трудовъ была разбросана по спеціальнымъ, бо̀льшею частію академическимъ, мало распространеннымъ періодическимъ изданіямъ. Многіе писатели не подписывались подъ своими трудами и оставались неизвѣстными публикѣ, другіе, строго относясь къ своимъ работамъ, или мало печатали, или же не печатали и вовсе своихъ работъ. Въ виду всего этого въ публику едва-едва проникалъ десятокъ именъ, названныхъ нами. При такихъ обстоятельствахъ появляется Филаретъ Гумилевскій и сразу затмѣваетъ всѣхъ современниковъ своею широкою и многостороннею учено-литературною дѣятельностію. На первомъ планѣ у Филарета становится исторія духовной литературы и исторія русской церкви, предметы наиболѣе интересные для общественной любознательности. Какъ историкъ, Филаретъ является даровитымъ и ученымъ. Онъ первый, можно сказать, изъ ученыхъ историковъ духовныхъ вступилъ въ довольно близкія отношенія съ свѣтскими учеными и такими же органами литературы. И его многіе труды, особенно первые, появляются въ изданіяхъ свѣтскихъ. Отсюда объясняется быстрая и широкая извѣстность Филарета Гумилевскаго. Разумѣется, о немъ шумно заговорили. „Московское общество исторіи и древностей“ избрало его въ свои члены. Журнальная критика возложила на него большія надежды. И не удивительно: историческое, осмысленное изученіе состоянія церкви и духовенства, живое отношеніе къ интересамъ жизни не давали историку русской церкви ограничиваться изученіемъ только временъ прежнихъ и онъ въ то же время является духовнымъ энциклопедистомъ. Но и въ знаніи современной жизни, нуждъ и потребностей общественныхъ, Филаретъ обнаружилъ научную серьезную подготовку. Ко всему этому присоединялись и недюжинныя личныя качества черниговскаго архіепископа. „Вся жизнь его была посвящена чтенію и труду. Обществу, публикѣ онъ отдавалъ себя только по крайней необходимости. Время между рукъ у него не уходило. Науколюбивый духъ его не позволялъ ему ни минуты бездѣйствія. Онъ и работалъ, и отдыхалъ, и ѣлъ, и пилъ вѣчно съ книгою въ рукахъ и въ то же время дѣлалъ нужныя ему замѣтки и извлеченія.

Нужно удивляться его неутомимой дѣятельности. Онъ не ложился иначе спать, какъ при двухъ горящихъ свѣчахъ. Ночью онъ часто пробуждался, бралъ свѣчу, шелъ въ библіотеку, доставалъ книгу или рукопись и садился работать. Такихъ занятій, какъ видно, онъ не отлагалъ на утро; даже и во время сна его занимала какая либо умственная задача". (Преосвящ. Филаретъ, архіепископъ черниговскій. С. Пономарева). Неудивительна поэтому многосторонняя начитанность и обширная эрудиція покойнаго, производившія разнообразныя статьи и цѣлыя книги на свѣтъ Божій. Литературная плодовитость преосвященнаго Филарета не составляетъ его недостатка, какъ ученаго; нѣтъ: мы не можемъ указать никого изъ его современниковъ, кромѣ, разумѣется, митрополита Филарета московскаго, который могъ бы сравниться съ нимъ по глубинѣ изысканій, по умѣнью кратко, но мѣтко схватывать сущность предмета, вѣрно и точно понимать значеніе вещи. Самый языкъ его произведеній отличается силою, энергіею, жизненностію и оригинальностію. Словомъ, Филаретъ Гумилевскій личность значительная въ исторіи русскаго духовнаго просвѣщенія и заслуживаетъ полнаго вниманія русскаго общества.

II.

Въ мірѣ Дмитрій Григорьевичъ Гумилевскій родился въ селѣ Конобѣевѣ, Шацкаго уѣзда, Тамбовской губерніи. Отецъ Димитрія былъ священникъ Григорій Гумилевскій. Время рожденія—12-го октября 1805 года. Будучи уже въ Черниговѣ, архіепископъ Филаретъ въ домашней бесѣдѣ любилъ вспоминать о своемъ родителѣ и отзывался о немъ, какъ о человѣкѣ честныхъ и твердыхъ правилъ.

Воспитаніе Дмитрій Гумилевскій началъ съ тамбовской духовной семинаріи, гдѣ онъ обучался наукамъ: словеснымъ, историческимъ, философскимъ, богословскимъ, математическимъ и языкамъ: латинскому, греческому, еврейскому и нѣмецкому. Счастливыя способности и всегда примѣрное прилежаніе позволяли ему быть постоянно въ числѣ первыхъ учениковъ. По окончаніи курса въ семинаріи первымъ ученикомъ, Гумилевскій былъ от-

правленъ для дальнѣйшаго образованія въ московскую духовную академію. По обычаю тогдашняго времени, выдающійся студентъ Гумилевскій 19-го августа 1829 года принялъ монашество и уже въ санѣ іеромонаха окончилъ академію вторымъ магистромъ VII курса. Еще во время школьнаго обученія молодой Гумилевскій полюбилъ науки историческія. На нихъ сосредоточилъ онъ свои занятія и въ академіи, и обнаружилъ въ нихъ познанія настолько серьезныя, что былъ оставленъ баккалавромъ по каѳедрѣ церковной исторіи при московской академіи. Независимо отъ мѣста, занимаемаго Гумилевскимъ въ выпускномъ академическомъ спискѣ, мы можемъ сказать, что онъ и на скамьѣ студенческой заявилъ себя какъ писатель недюжинный, въ чемъ мы имѣли случай убѣдиться изъ прочитаннаго нами семестроваго студенческаго сочиненія его, подъ заглавіемъ: „Разсужденія о знаменованіи, началѣ и происхожденіи истиннаго и законнаго мученичества и въ особенности христіанскаго“ (сочиненіе студента VII курса Москов. Дух. Ак. іеродіакона Филарета). Съ 1829 по 1841 годъ включительно Филаретъ Гумилевскій проходилъ послѣдовательно должности: баккалавра, профессора, инспектора и ректора академіи. Во время ректорства архимандрита Филарета въ 1836 году въ псковской епархіи (теперь псковская и порховская) было учреждено въ г. Ригѣ новое викаріатство рижское. Вторымъ епископомъ рижскимъ и былъ рукоположенъ архимандритъ Филаретъ.

Въ 1841 году ректоръ московской духовной академіи, архимандритъ Филаретъ посланъ былъ обревизовать симбирскую духовную семинарію, откуда онъ предполагалъ заѣхать на свою родину въ село Конобѣево посѣтить свою старушку-мать. Но не судилось состояться этому родственному свиданію. Указомъ синодальнымъ Филаретъ безотлагательно вызванъ былъ изъ Симбирска въ Москву. Это было въ октябрѣ мѣсяцѣ, а въ декабрѣ онъ былъ уже въ Петербургѣ и 21-го числа сего мѣсяца въ Казанскомъ соборѣ его хиротонисали въ епископа рижскаго, викарія псковской епархіи и велѣли немедленно отбыть въ Ригу.

III.

Въ Ригѣ, какъ и во всемъ тамошнемъ краѣ, нѣтъ монастырей, гдѣ бы могъ жить епископъ, а въ то время не было и архіерейскаго дома. И епископу Филарету пришлось хлопотать объ устройствѣ помѣщенія. Въ короткое время ему удалось пріобрѣсть два дома: одинъ въ Ригѣ, а другой въ семи верстахъ отъ города. При послѣднемъ домѣ имъ устроенъ новый храмъ въ честь Іоанна Предтечи по вниманію къ тому, что во всей Лифляндіи, со временъ тевтонскихъ рыцарей, особенно почитается святой Предтеча.

Епископъ Филаретъ возбудилъ въ эстахъ и латышахъ сильное религіозное движеніе, чѣмъ естественно смутилъ пасторовъ. Генералъ-губернаторъ баронъ Паленъ сталъ на сторону послѣднихъ и начался для епископа рядъ непріятностей, а для обращающихся въ православіе рядъ придирокъ и притѣсненій. По замѣчанію самаго Филарета, особенное расположеніе къ православію обнаруживали крестьяне-латыши и эсты, къ чему, разумѣется, помѣщики не могли относиться равнодушно. Еще Карамзинъ въ своихъ „Письмахъ русскаго путешественника“ говорилъ, что въ Лифляндіи и Эстляндіи мужикъ приноситъ господину вчетверо болѣе нашего казанскаго или симбирскаго мужика. Между тѣмъ принятіе православія освобождало крестьянина отъ обязательствъ къ своему помѣщику и тѣмъ неблагопріятно отзывалось на благосостояніи его помѣщика. Помѣщики совмѣстно съ пасторами строили козни православному духовенству и его представителю. Но происки противниковъ рижскаго епископа производили противоположное дѣйствіе. Онѣ только усиливали стремленіе протестанскаго крестьянства къ православію. Такъ, въ предѣлахъ рижскаго викаріатства въ 1844 году было уже 25 православныхъ церквей и при нихъ 20,686 душъ православныхъ. Умноживъ контингентъ вѣрующихъ, епископъ Филаретъ выхлопоталъ синодальное дозволеніе—совершать богослуженіе на латышскомъ языкѣ. „Съ новою церковію православною въ новомъ языкѣ поздравляю, писалъ митрополитъ московскій Филаретъ, въ письмѣ отъ 7-го августа 1845 года, къ Филарету рижскому. Если она имѣетъ уже болѣе ста человѣкъ, то довольно основана. Новое и небольшое стадо сильнѣе должно желать и

искать своего увеличенія, нежели большое и обезпеченное. Но надобно, чтобы священникъ былъ бдителенъ и дѣятеленъ. и пріобрѣтенное хранилъ, одушевлялъ и пользовался случаями къ распространенію паствы. Надобно ему думать, что онъ по обстоятельствамъ прихода есть и приходскій священникъ и миссіонеръ. Если правду мнѣ сказали, что нынѣшніе члены сей новой церкви имѣли прежде Гернгутерское направленіе, то они должны быть не безъ понятій и не безъ одушевленія. Посему они могутъ больше или меньше дѣйствовать и на другихъ: но тѣмъ болѣе требуютъ благоразумнаго и возбужденнаго дѣйствованія со стороны священника. Помогшій вамъ насадить, да поможетъ и напоить, и Самъ да возраститъ и оплодотворитъ".

Рижскому епископу не трудно было усмотрѣть, что московскій владыка разумѣетъ непростаго приходскаго священника новой церкви въ новомъ языкѣ, но его—новаго архіерея и къ нему адресуетъ назиданія и пожеланія, на самомъ дѣлѣ и осуществившіяся. Новая рижская церковь, со введеніемъ въ ней богослуженія на понятномъ языкѣ дѣятельнѣе утверждалась вѣрою и ежедневно увеличивалась числомъ (Дѣян. XVI, 5). Кромѣ понятности церковной службы, возрастанію церкви содѣйствовало и то, что, вмѣсто иновѣрнаго, начальникомъ прибалтійскаго края назначенъ православный русскій вельможа и вѣрующимъ даны дѣйствительныя средства узнать и выразумѣть православное исповѣданіе. Въ томъ же 1845 году синодъ велѣлъ перевесть на латышскій языкъ книгу Андр. Н. Муравьева „О различіи протестанства отъ истинъ православія", направленное противъ пасторскихъ бредней, называвшихъ и объяснявшихъ религіозное движеніе эстовъ и латышей въ Лифляндіи знаменемъ времени. Филаретъ же щедро раздавалъ отъ себя латышамъ на ихъ языкѣ книжки: православный катихизисъ, православные молитвенники и православныя литургіи. „Мнѣ представляется, писалъ рижскій епископъ къ синодальному прокурору Протасову, что надобно бы скорѣе издать книги на латышскомъ языкѣ, препровожденныя въ синодъ: ибо пасторы въ кирхахъ теперь твердятъ, что тѣ, которые оставятъ лютеранство, пойдутъ въ адъ; а другіе обѣщаютъ и грозятъ ссылкою въ Сибирь. Больно, очень больно видѣть и слушать все это". Синодъ внималъ голосу архипастыря. Такъ, епископъ Филаретъ заботился о торжественности богослуженія и особенно архіерей-

скаго, чтобы оно производило на новообращенныхъ обаяніе и синодъ распорядился, чтобы калужскій епископъ выслалъ въ Ригу хорошихъ пѣвцовъ, что и было исполнено. Для обученія пѣнію и приготовленія служителей церковныхъ епископъ Филаретъ открылъ въ Ригѣ элементарное духовное училище на началахъ, соотвѣтствующихъ нуждамъ туземной церкви. Въ этихъ училищахъ, кромѣ дѣтей духовенства, обучались и дѣти православныхъ эстовъ и латышей. Училище это дополнено было (въ 1851 г. преемникомъ Филарета—Платономъ) высшими классами, соотвѣтствующими среднимъ духовнымъ учебнымъ заведеніямъ и названо рижскою духовною семинаріею.

По мѣрѣ увеличенія новой рижской церкви умножались для епископа ея труды и заботы. Потомки тевтонскихъ рыцарей и послѣдователи Лютера, боясь, чтобы весь Остзейскій край не обратился въ православіе и не сдѣлался русскимъ, употребляли всевозможныя мѣры къ затрудненію успѣховъ православія въ рижской епархіи. Особенно много непріятностей доставляли Филарету такъ называемые смѣшанные браки православныхъ съ лютеранами.

Начиная съ 1846 года епископъ Филаретъ долженъ былъ вести обширную переписку съ главнымъ управленіемъ прибалтійскаго края, по поводу смѣшанныхъ браковъ. Пасторы или вовсе отказывались дѣлать установленныя закономъ оглашенія о вступающихъ въ смѣшанный бракъ, отзываясь незнаніемъ препятствій къ законному браку по православному законодательству,—или не давали извѣщеній православному священнику объ оглашеніи лютеранскаго лица въ кирхѣ по два и по три мѣсяца,—или присылали такія извѣщенія въ постное время, когда, по правиламъ нашей церкви, браковѣнчаніе невозможно. Были и такіе, которые, получивъ отъ православнаго священника просьбы—сдѣлать оглашеніе въ кирхѣ о безпрепятственности браковѣнчанія лица лютеранскаго исповѣданія съ православнымъ, требовали къ себѣ лютеранское лицо для предъявленія дозволенія отъ мызнаго управленія на вступленіе въ бракъ,—или чтобы сдѣлать наставленіе объ обязанностяхъ брака... Наконецъ, нѣкоторые требовали къ себѣ вмѣстѣ съ лютеранскимъ лицомъ и православное и при томъ не одно, но съ отцемъ или опекуномъ. Въ видахъ прекращенія такихъ дѣйствій пасторовъ, явно и намѣренно направляемыхъ къ

отклоненію лютеранъ отъ бракосочетанія съ православными и отсюда возникающихъ раздоровъ и пререканій, епископъ Филаретъ составилъ о смѣшанныхъ бракахъ слѣдующія правила: 1) Такъ какъ бракъ лица православнаго съ неправославнымъ совершается въ православной церкви, то священникъ обязывается приступить къ совершенію такого брака, по полученіи письменнаго отъ мызнаго управленія дозволенія, пасторъ же долженъ оставаться въ покоѣ относительно послѣдняго предмета, какъ поступившаго въ кругъ вѣдѣнія православнаго священника. 2) Наставленія объ обязанностяхъ брака лицу лютеранскаго исповѣданія, брачущемуся съ православнымъ, лютеранскій пасторъ не иначе можетъ производить, какъ по совершеніи брака въ православной церкви; обратный порядокъ оскорблялъ бы господствующее вѣроисповѣданіе, тогда какъ наставленіе по совершеніи брака, не оскорбляя лютеранства, устраняетъ одну изъ причинъ къ жалобамъ крестьянъ на отклоненіе ихъ пасторами отъ вступленія въ смѣшанные браки. 3) Слушаніе наставленія въ вѣрѣ у пастора, выставляемое послѣдними предлогомъ къ настоятельному требованію къ себѣ лютеранскаго брачущагося лица, если это требованіе относится къ лицу, изъявившему желаніе принять православіе, должно быть, согласно съ Высочайшею волею, предоставлено волѣ такого лица; пастору же, на основаніи того же Высочайшаго повелѣнія, рѣшительно воспретить требованіе къ себѣ подобнаго лица и, въ случаѣ неявки, останавливать оглашеніе. Если дѣло идетъ о лицѣ неконфирмованномъ, то предоставить имъ требовать къ себѣ таковое брачущееся съ православнымъ лицо, но съ тѣмъ, чтобы пасторъ, не останавливая оглашенія, вслѣдъ за полученіемъ отъ священника требованія оглашеній, на той же недѣлѣ извѣщалъ священника о времени, къ какому онъ предполагаетъ окончить свои наставленія, не входя, впрочемъ, за предѣлы двухъ недѣль, дабы священникъ могъ благовременно объявить крестьянину о днѣ совершенія брака. 4) Если отецъ лица неправославнаго, вступающаго въ бракъ съ лицомъ православнымъ уже принялъ православіе, то какъ потому, что такой отецъ не подлежитъ вѣдѣнію пастора, такъ и потому, что согласіе его или несогласіе на бракъ сына или дочери онъ обязанъ изъявить въ православной церкви, при оглашеніи брака священникомъ, пасторъ не долженъ требовать то же лицо, для выслушанія его отзыва о

согласіи на бракъ, и отвѣтственность по этому предмету должна лежать, по закону Имперіи, на православномъ священникѣ, совершающемъ бракъ". Правда, эти правила епископа Филарета, предложенныя къ исполненію лютеранской консисторіи прибалтійскимъ генералъ-губернаторомъ (30-го ноября 1847 года), тою консисторіею отвергнуты, какъ не обязательныя для лютеранскихъ проповѣдниковъ. Въ замѣнъ ихъ новый генералъ-губернаторъ приказалъ (2-го іюня 1848 г.) лютеранской консисторіи подтвердить пасторамъ, чтобы они неуклонно исполняли свои обязанности по оглашенію и конфирмаціи брачущихся и безъ замедленія удовлетворяли всѣ законныя требованія православныхъ и не дозволяли себѣ, подъ опасностью строгой отвѣтственности, никакого противузаконнаго вмѣшательства или противодѣйствія въ брачныхъ дѣлахъ православныхъ съ лютеранами и не требовали къ себѣ ни въ какомъ случаѣ тѣхъ изъ желающихъ вступить въ бракъ, которые принадлежатъ къ православной паствѣ. О такомъ распоряженіи генералъ-губернаторъ извѣстилъ преосвященнаго Филарета.

Заботою о распространеніи и утвержденіи православія въ рижской епархіи не ограничивалась пастырская дѣятельность епископа Филарета.

Одновременно съ защитою православія отъ лютеранскихъ притѣсненій, преосвященный вступилъ въ энергичную борьбу съ расколомъ, гнѣздившемся въ Ригѣ преимущественно между богатымъ туземнымъ купечествомъ. Въ этихъ видахъ онъ рѣшился открыть въ Ригѣ ремесленное училище. По этому поводу онъ писалъ къ московскому владыкѣ слѣдующее: „Беру смѣлость просить, не благоволите ли принять отеческой заботливости о возбужденіи расположенія въ извѣстныхъ благотворительностію душахъ подать пособіе для открывающагося въ Ригѣ русскаго ремесленнаго училища для бѣдныхъ безпріютныхъ дѣтей. Съ одной стороны такихъ дѣтей здѣсь весьма много, хотя они бо̀льшею частію плоды беззаконныхъ раскольническихъ сожитій. Съ другой—нѣмцы имѣютъ у себя много училищъ, но въ нихъ не принимаютъ ни одного русскаго. Такимъ образомъ русскіе остаются безъ способовъ къ образованію, отъ чего значительною частію зависитъ и то рабство, въ которомъ нѣмцы держатъ русскихъ. Отъ того же зависитъ и сила раскола". Но митрополитъ московскій не поддержалъ просвѣщеннаго предпріятія рижскаго епископа. Въ своемъ письмѣ

(отъ 7-го августа 1845 г.) московскій владыка, упоминая о томъ самомъ лицѣ, съ которымъ епископъ Филаретъ послалъ приведенное письмо объ училищѣ, на которое не удостоилъ отвѣтомъ—изобразилъ слѣдующее: „Новаго начальника вашего края старался я познакомить съ вами, и онъ показалъ себя еще тогда предупрежденнымъ въ вашу пользу. Съ сожалѣніемъ узналъ я отъ нѣкоего вашего и потомъ моего посѣтителя (Ю. Ѳ. Самарина), что вы еще недовольно сблизились съ своею паствою. Надобно вамъ стараться о семъ. Нѣкто, бывшій въ вашемъ краѣ, сказалъ мнѣ также, что преосвященный Платонъ, въ Вильнѣ, обходительностію своею со всѣми болѣе успѣваетъ, нежели вы у себя. Конечно это успѣхъ поверхностный; но не всегда надобно пренебрегать онымъ. Служить Богу можемъ, убѣгая людей: служить управленіемъ людьми нельзя иначе, какъ общеніемъ. Только надобно, что бы оно не противорѣчило характеру служенія". Такимъ образомъ, не найдя поддержки въ Москвѣ въ борьбѣ съ расколомъ, рижскій преосвященный углубился въ свои ученые труды. Пользуясь случаемъ, мы не можемъ не замѣтить, что московскій митрополитъ въ приведенномъ письмѣ совершенно справедливо замѣчаетъ, что епископъ Филаретъ необщителенъ съ людьми. Насколько намъ извѣстно, вообще онъ чуждался общества и это составляло важную и прискорбную ошибку въ его управленіи. Какъ администраторъ, онъ съ подчиненными былъ поспѣшно рѣшительнымъ, рѣзкимъ, а нерѣдко и суровымъ. Какъ человѣкъ, преосвященный Филаретъ Гумилевскій былъ несомнѣнно добрый: суровымъ же и рѣзкимъ дѣлали его положеніе и тѣ трущобныя обстоятельства ненормальности жизни русскаго духовенства, которыя не могутъ не возмущать и не столь умнаго, какъ онъ, человѣка. Понимая это и чувствуя на себѣ самомъ плоды сказанныхъ ненормальностей, онъ и началъ еще въ Ригѣ, такъ сказать, всецѣло предаваться ученолитературнымъ занятіямъ. Но и ученые труды его не избѣгли надзора московскаго владыки. Такъ, по поводу выпуска двухъ сочиненій рижскаго епископа „О крестномъ знаменіи" и „Сличеніе лютеранства съ православіемъ" митрополитъ Филаретъ писалъ слѣдующее (отъ 7-го мая 1847 года): „Сообщенный списокъ съ письма показываетъ, какъ трудно вамъ и у васъ православію. Да дастъ вамъ Господь силу и премудрость противъ неправедныхъ усилій и ухищреній. О требуемомъ для васъ избраніи (кандида-

товъ священства) заботился, но еще успѣха нѣтъ. Вы знаете, что въ Москвѣ и около центростремительная сила болѣе, нежели центробѣжная. Знаете ли вы, что розысканіями о крестномъ знаменіи, вы сдѣлали услугу для раскольниковъ. Они говорятъ, что въ поморскихъ отвѣтахъ о двуперстномъ сложеніи было сто пять доказательствъ, а вы представили сто шестое, особенно сильное потому, что отъ епископа всероссійской церкви. Кажется, можно было не спѣшить изданіемъ безъ совѣта, или не выставлять имени. Можетъ быть, я пришлю вамъ, что̀ вамъ отвѣчаютъ православные, и что̀, можетъ быть, вскорѣ и напечатали бы, если бы не останавливались, не желая подвергнуть спору ваше имя. Желаю вамъ въ трудахъ вашихъ успѣховъ, неподлежащихъ прекословію". И письмо (отъ 14-го января 1848 года) благодарственное за „Исторію патріаршаго времени" не оставляетъ преосвященнаго Гумилевскаго безъ назиданія по поводу того же сочиненія. „Простите, писалъ митрополитъ, что я обезпокоилъ васъ замѣчаніемъ, не моимъ, а пришедшимъ ко мнѣ, относительно древностей, обращающихся въ спорѣ съ раскольниками. Но признаюсь, что и послѣ защищеній вашихъ, я остаюсь въ томъ мнѣніи, что въ предметахъ сего рода нужна особенная осторожность. Древности любятъ свидѣтельства, а не догадочныя заключенія (и въ письмѣ къ Андр. Н. Муравьеву отъ 25-го октября 1856 г. онъ же, между прочимъ, писалъ: „преосвященный харьковскій, по случаю своихъ сочиненій, вкусилъ горечь обвиненій въ невѣрности и неправославіи". Пис. М. Филар. къ Мур. Кіевъ, 1869 г., пис. 323). Вы спрашиваете, откуда армяне взяли двуперстіе?—А откуда они взяли обычай тѣло Христово, орошая изъ чаши кровію и влажное соединеніе двухъ видовъ брать и преподавать руками, такъ неудобно, неблагообразно и неблаговѣйно? Подобныхъ вопросовъ, въ особенности объ армянахъ, много можно сдѣлать: но основательныхъ познаній изъ нихъ извлечь не можно. Съ удовольствіемъ услышалъ я объ улучшившихся отношеніяхъ вашихъ съ начальствомъ края. Но вотъ его уже и нѣтъ".

До поступленія епископа Филарета на рижскую епархію эсты и латыши лишены были всякаго значенія и находились въ полной зависимости отъ нѣмцевъ. Составляя господствующій элементъ въ краѣ, какъ по образованію, такъ и по правовому значенію нѣмцы-помѣщики и пасторы обижали „чухонцевъ". И сіи пос-

лѣдніе стали сближаться съ тамошнимъ православнымъ русскимъ населеніемъ. Знакомство это открыло имъ дорогу къ облегченію тяжелаго крѣпостнаго положенія, и они нашли въ русскихъ священникахъ сердечныхъ руководителей, совершенно непохожихъ на черствыхъ нѣмецкихъ пасторовъ. Такъ что для рижскаго преосвященнаго открылась жатва многа; но дѣлателей было мало, а еще меньше было православныхъ храмовъ—этихъ живыхъ училищъ вѣры и благочестія. Кромѣ немногихъ православныхъ храмовъ въ самой Ригѣ, существовали православныя церкви въ городахъ Верро, Якобштадѣ, Аренсбургѣ, островѣ Эзелѣ и въ Митавѣ, гдѣ съ 1839 года началъ мерцать свѣтъ православія. Заботливый и просвѣщенный архипастырь рижскій обратилъ вниманіе и на устройство церквей и умноженіе пастырей церкви. Въ его семилѣтнее служеніе рижской паствѣ и по его старанію устроены были храмы: въ Ригѣ въ 1845 году, Венденѣ (Преображенія); въ 1846 году—при рижскомъ загородномъ домѣ архіерейскомъ и въ 1848 году обновленъ рижскій храмъ. Кромѣ построенія храмовъ, онъ заботился и о пріисканіи и поставленіи къ нимъ достойныхъ кандидатовъ священства, надежныхъ сотрудниковъ себѣ въ дѣлѣ распространенія и утвержденія православія, русскихъ началъ и обычаевъ. Но и въ этомъ отношеніи онъ встрѣчалъ много затрудненій и неудачъ. Новость дѣла, бѣдность и неустройство православныхъ приходовъ, недостатокъ храмовъ, иной строй жизни, все это не благопріятствовало Филарету. Изъ Риги онъ обращался къ московскому митрополиту съ просьбою по этому предмету, но въ большинствѣ случаевъ безуспѣшно. Въ одномъ письмѣ (января 1848 года) по этому вопросу владыко московскій писалъ слѣдующее: „Пользуюсь добрымъ случаемъ, чтобы мою долгую вину молчанія, хотя немного укоротить недлиннымъ письмомъ. Прежде всего, позвольте поспорить противъ вашей мысли, что вамъ тягостно было безпокоить меня докукою о кандидатахъ священства, и будто тягостно даже для совѣсти. Для совѣсти тягостно было бы, если бы вы изъ человѣкоугодія, чтобы не безпокоить меня, не требовали отъ меня нужнаго для общественной пользы. И вы не похвалу мнѣ написали, назвавъ безпокойствомъ для меня требованіе общеполезнаго. Если я почиталъ безпокойствомъ: то просилъ бы обличить меня и возбудить къ лучшимъ расположеніямъ. Требованіе ваше предложилъ я академическому

правленію, и начиналъ безпокоиться, что не спѣшатъ, и располагаюсь обезпокоить подтвержденіемъ. Жалѣю, что не очень удобно исполнять требованія сего рода. Въ Москвѣ особенно крѣпко прирастаютъ люди къ мѣсту и неохотно позволяютъ оторвать себя". И дѣйствительно, положеніе приходскихъ священниковъ въ Рижскомъ викаріатствѣ не было привлекательнымъ въ это время. Древнеправославные причты получали содержаніе слѣдующее: священникъ 300 р., діаконъ—150, дьячокъ—70 и пономарь 60 р.; духовенству же эстолатышскому, при епископѣ Филаретѣ, по положенію 1845—1846 гг., отпускалось изъ казны: священнику 400 р. жалованья и 300 р. на разъѣзды, каждый причетникъ получалъ по 120 р. Не смотря, впрочемъ, на невыгоды матеріальныя и на трудность пріисканія священниковъ въ приходы епархіи, по настойчивости епископа Филарета, въ 1846 году правительствомъ назначено было открыть въ рижскомъ викаріатствѣ 33 прихода и тогда же утверждены планы и фасады на постройку 25 церквей съ домами для причтовъ и училищъ и на все это ассигновано 225,196 р. И не смотря на всѣ невзгоды, неудачи и препятствія, встрѣченныя и вынесенныя Филаретомъ въ рижскомъ викаріатствѣ, въ семь съ половиною лѣтъ его архіерействованія, контингентъ православныхъ въ рижской епархіи значительно разширился, такъ что къ концу 1848 года считалось 98 приходовъ, съ 44 постоянными приходами въ 138,416 душъ обоего пола.

Устроивъ, насколько то возможно было, дѣла рижской епархіи, открытіемъ новыхъ приходовъ и назначеніемъ на нихъ священниковъ, преосвященный Филаретъ снабдилъ новыхъ пастырей краткимъ, но очень полнымъ по содержанію руководствомъ для борьбы съ ожесточенными пасторами. Это руководство составлено было и разослано въ руки священниковъ въ 1847 году подъ заглавіемъ „Сличеніе лютеранства съ православіемъ". Насколько это руководство отвѣчало потребностямъ и какое оно имѣло значеніе, показываетъ свидѣтельство самихъ протестантскихъ пасторовъ. Разсказываютъ, что это сочиненіе чрезъ три дня по выходѣ его изъ подъ пера преосвященнаго, было переведено на нѣмецкій языкъ и что сами нѣмцы отдавали честь уму и законнымъ чувствамъ Филарета, выраженнымъ авторомъ, хотя въ то же время бо̀льшая часть ихъ и бранила преосвященнаго. Такъ совершилась пастырская дѣятельность архіепископа Филарета въ рижской

епархіи. Такъ исполнилъ онъ свою высокую миссію—присоединенія къ православію и обрусѣнія эстолатышей чрезъ православіе.

Но будемъ слѣдить далѣе за жизнію и дѣятельностію преосвященнаго Филарета.

IV.

6-го ноября 1848 года, епископъ рижскій Филаретъ Гумилевскій назначенъ былъ епископомъ харьковскимъ и ахтырскимъ, а 22-го декабря того года Харьковъ въ первый разъ привѣтствовалъ своего новаго архипастыря. Въ Харьковѣ, такъ же какъ и въ Ригѣ, онъ жилъ, трудился, терпѣлъ скорби и невзгоды, какъ замѣчаетъ одинъ воспоминатель. Устройство семинарій, перестройка архіерейскаго дома, открытіе епархіальнаго женскаго училища, постройка монастырей и церквей—вотъ внѣшніе знаки епархіальной дѣятельности преосвященнаго Филарета на харьковской каѳедрѣ.

Преосвященный Филаретъ нашелъ помѣщенія всѣхъ церковно-общественныхъ учрежденій харьковской епархіи въ неудовлетворительномъ состояніи и, какъ человѣкъ дѣла и порядка, взялся за переустройство, исправленіе и приведеніе ихъ въ порядокъ. Прежде всего обращено было его вниманіе на неудовлетворительное содержаніе и помѣщеніе учащагося духовнаго юношества. Харьковская семинарія помѣщалась въ нѣсколькихъ зданіяхъ, отчего служащіе и учащіеся испытывали важныя невыгоды и затрудненія. Правда, при Иннокентіѣ Борисовѣ новый корпусъ для семинаріи начался постройкою, но еще далеко не былъ оконченъ. Новый епископъ поторопилъ дѣло и къ пасхѣ 1849 года, семинарія перешла въ новое помѣщеніе. Давши хорошее помѣщеніе семинаріи, преосвященный обратилъ особенное вниманіе на внутреннюю жизнь этого заведенія и особенно на преподаваніе и изученіе спеціальныхъ богословскихъ предметовъ. Своими посѣщеніями уроковъ преподавательскихъ и присутствованіемъ на экзаменахъ, онъ подтянулъ дѣло обученія и вошелъ въ близкое отношеніе къ школѣ и ученикамъ ея. Особенно успѣхами послѣднихъ онъ былъ заинтересованъ. Выслушивая отвѣты учениковъ на экзаменахъ, преосвященный внимательно замѣчалъ тѣхъ изъ нихъ, кто отличался прилежаніемъ, природными способностями, основательнымъ знаніемъ изучаемаго предмета и впослѣдствіи времени

предоставлялъ имъ лучшія мѣста и не оставлялъ своею поддержкою и поощреніемъ. Съ мыслію о семинаріи тѣсно связывается воспоминаніе о добромъ дѣлѣ харьковскаго преосвященнаго, оказанномъ въ тяжкую годину крымской войны прибывшимъ въ Харьковъ для леченія воинамъ: когда не находилось пригодныхъ для помѣщенія больницы загородныхъ зданій, Филаретъ уступилъ семинарскій корпусъ подъ больницу, а для помѣщенія семинаріи нанялъ частный домъ въ городѣ. Больница помѣщалась въ зданіяхъ семинаріи до окончанія крымской войны, по окончаніи которой только больные очистили семинарію, а воспитанники ее заняли.

Еще до прибытія Филарета въ Харьковъ (въ 1843 г. 27-го сентября) полученъ былъ синодальный указъ объ устройствѣ училища для дѣвицъ духовнаго званія. На содержаніе этого училища велѣно было отпускать изъ духовнаго училищнаго капитала болѣе 10-ти тысячъ. При указѣ приложенъ былъ уставъ и штатъ училища. Но, какъ увидѣлъ епископъ Филаретъ, до 1849 года собрано было на этотъ предметъ всего только 621 р. 55 коп. Такимъ образомъ честь учрежденія училища и его устройство принадлежитъ Филарету, хотя мысль о немъ подана сверху. По вопросу объ устройствѣ женскаго училища въ Харьковѣ, преосвященный обратился съ воззваніемъ къ духовенству, на которое духовенство епархіи откликнулось сочувственно, и къ концу 1852 г. поступило до 21,500 р. пожертвованій. Въ 1853 году училищный домъ былъ построенъ, а въ слѣдующемъ—отдѣланъ и 6-го іюля 1854 года училище открыто.

Особенно много вложено труда преосвященнымъ Филаретомъ на устройство, порядки и нравы монастырей харьковской епархіи. Особеннаго нашего вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаетъ переустройство женскаго Хорошевскаго Вознесенскаго монастыря. Въ этомъ монастырѣ монахини имѣли свои особенныя келіи, такъ что монастырь представлялъ родъ оригинальной колоніи въ стѣнахъ монастырскихъ. Жили монахини на собственный счетъ; занимались производствомъ фольговыхъ иконъ, шитьемъ и вышиваньемъ церковныхъ вещей и тѣмъ поддерживали свое существованіе. Очевидно, что существованіе сестеръ прочно не было обезпечено. Преосвященный Филаретъ понялъ причину бѣдности большинства монахинь Хорошевскаго монастыря и, задавшись цѣлію подчинить всѣ монастыри епархіи правиламъ общежитія, онъ рѣшился обра-

тить въ общежительный и Хорошевскій монастырь. Разумѣется, вездѣ ломка стараго-нажитого сопровождается борьбою, а въ монастырѣ, да при томъ женскомъ, можно было ожидать значительной оппозиціи. Долго безпокоили епископа разные безпорядки, протесты, ослушничество, но наконецъ въ 1857 г. построенъ общежительный корпусъ, дорога въ монастырь проложена, теплая церковь построена. Но изъ этого же монастыря произошли и непріятности для преосвященнаго Филарета, способствовавшія даже и его переводу въ Черниговъ. Объ этихъ обстоятельствахъ мы и поведемъ нашу рѣчь.

Двѣ родныя сестры, посвятившія себя Богу, пользуясь протекціей своего брата, не хотѣли подчиняться правиламъ общежитія и позволяли себѣ дѣйствія, нетерпимыя въ стѣнахъ монастыря. Филаретъ велѣлъ ихъ выслать вонъ изъ монастыря и тѣмъ пріобрѣлъ себѣ врага въ ихъ братѣ. Въ это время одна изъ сестеръ бѣжала изъ монастыря и вышла за мужъ за графа. Такимъ событіемъ оскорбились сестры монастыря. Графъ и графиня стали посѣщать церковь, чѣмъ чрезвычайно смущали дѣвственницъ. Наконецъ одна изъ послушницъ нанесла оскорбленіе графинѣ. За оскорбленіе чести взялся быть повѣреннымъ врагъ монастыря и преосвященнаго и въ это дѣло впуталъ и сего послѣдняго. Долго тянулось это дѣло и наконецъ кончилось тѣмъ, что игуменія монастыря удалена, а затѣмъ, въ началѣ 1858 г., послѣдовалъ вызовъ Филарета въ Петербургъ для присутствованія, и по прошествіи одного года, въ апрѣлѣ 1859 года, онъ назначенъ на новую каѳедру въ Черниговъ.

Архипастырская дѣятельность Филарета въ санѣ архіепископа черниговскаго—наиболѣе плодотворная дѣятельность. Эта дѣятельность продолжалась семь лѣтъ, и въ продолженіи этого времени онъ преслѣдовалъ двѣ главныя цѣли: религіозно-нравственное образованіе народа посредствомъ духовенства и улучшеніе быта духовенства.

Задолго еще до назначенія Филарета Гумилевскаго на черниговскую каѳедру, воспитанники черниговской семинаріи, за негодностію семинарскихъ зданій, разбрелись по квартирамъ черниговскихъ мѣщанъ, ютящихся въ пригородкѣ—Березкахъ. Отсутствіе непосредственнаго начальническаго надзора и вопіющая бѣдность семинаристовъ поразили новоприбывшаго преосвященнаго.

И первымъ же дѣломъ преосвященнаго было изыскать средства къ улучшенію положенія учащагося духовнаго юношества. Исходъ былъ одинъ,—епископъ это видѣлъ,—обратиться за помощію къ духовенству. И вотъ онъ обращается, приглашаетъ отцовъ удѣлить для своихъ дѣтей часть изъ суммъ церковныхъ, а часть и изъ своихъ. Духовенство откликнулось охотно на зовъ своего архипастыря, и пожертвованія начали приходить нескудныя. Къ 1862 году образовался капиталъ въ 12,752 р., а пока шло ходатайство о разрѣшеніи начать постройку, т. е. къ 1864 г. строительная сумма возросла до 28,631 р., а къ 1 января 1866 г. до 56,447 р. На эту сумму построенъ новый каменный корпусъ, перестроены старыя зданія, и еще сбереженъ остатокъ въ 5,249 р., да матеріалу на 1,457 р.

Поправивъ плохія матеріальныя обстоятельства учащихся, преосвященный Филаретъ началъ поправлять и дѣла учащихъ. Съ этою цѣлію онъ въ 1864 году далъ наиболѣе нуждающимся наставникамъ помѣщеніе въ семинарскихъ же зданіяхъ, а въ ноябрѣ 1865 г. оказалъ пособіе и всѣмъ преподавателямъ вообще, приказавъ отпускать изъ неокладныхъ суммъ черниговской каѳедры 960 р. въ годъ, или по 80 р. на каждаго. Но этимъ пособіе неограничилось. Въ мартѣ 1866 года онъ вошелъ съ представленіемъ въ святѣйшій синодъ объ отчисленіи 4½ процентовъ изъ церковныхъ суммъ по черниговской епархіи на улучшеніе содержанія преподавателей семинаріи и уравненіе ихъ по жалованью съ другими семинаріями. Представленіе это уважено и положеніе учащихъ улучшено. Но матеріальнымъ улучшеніемъ заботливость Филарета не ограничилась. Онъ желалъ поднять семинарію въ умственномъ отношеніи. Съ этою цѣлію онъ возбудилъ мысль (въ 1862 г.) объ устройствѣ ученической библіотеки при семинаріи, пожертвовавъ въ основаніе ея всѣ свои сочиненія. Этимъ преосвященный архипастырь положилъ начало любви къ чтенію и внѣ-школьному развитію.

Предѣлы черниговской епархіи обширны и особенно сѣверные ея уѣзды удалены отъ епархіальнаго города: стародубскій, новозыбковскій, мглинскій и суражскій. Преосвященный Филаретъ, скоро по пріѣздѣ въ Черниговъ, поправилъ и это дѣло. Въ 1861 г. на собранный капиталъ въ 4,000 р. онъ купилъ въ Стародубѣ домъ и 1-го октября того же года открылъ училище.

Но особенную услугу оказалъ преосвященный Филаретъ черниговской епархіи изысканіемъ средствъ на устройство и самымъ устройствомъ епархіальнаго женскаго училища. Въ 1865 году получено синодальное разрѣшеніе на открытіе училища и купленъ за 9,000 домъ для училища, а 30 января 1866 года уже происходило открытіе этого училища.

До 1860 года въ черниговской епархіи было всего 20 школъ для обученія дѣтей черниговскаго простонародія. Обозрѣвая епархію, преосвященный Филаретъ замѣтилъ, что деревенскіе прихожане не знаютъ молитвъ, и вотъ онъ издаетъ повелѣніе священникамъ—открывать церковно-приходскія школы и обучать дѣтей прихожанъ необходимѣйшимъ молитвамъ, чтенію церковной и гражданской печати и письму. Къ концу 1860 г. уже заведено было вновь 769 приходскихъ школъ при церквахъ, и въ нихъ учащихся мальчиковъ было 5,777, а дѣвочекъ 1,292. Въ 1861 г. число учащихся возрасло до 10,504 мальчиковъ и 1,769 дѣвочекъ; при единовѣрческихъ церквахъ школъ было 8, въ нихъ 56 мальчиковъ, 20 дѣвочекъ, да раскольничьихъ 54 мальчика и 8 дѣвочекъ. Въ сентябрѣ 1861 года, по ходатайству преосвященнаго, сдѣлано распоряженіе черниговскою палатою государственныхъ имуществъ, чтобы для помѣщенія сельскихъ школъ было отводимо по одной комнатѣ въ свободныхъ домахъ упраздненныхъ волостныхъ правленій. Къ маю 1862 г. школъ уже было 843, въ нихъ наставниковъ и наставницъ 923, учащихся мальчиковъ 15,116, дѣвочекъ 2,361. Къ ноябрю 1863 года уже въ 88-ми приходахъ шести уѣздовъ изъявлено было желаніе устроить и содержать сельскія школы. Въ 1863 году церковно-приходскихъ школъ въ епархіи числилось уже 848, въ нихъ учащихся было 15,057 мальчиковъ и 2,019 дѣвочекъ. Такъ энергично заботился о просвѣщеніи народа просвѣщеннѣйшій изъ русскихъ іерарховъ 1840-хъ годовъ Филаретъ Гумилевскій, архіепископъ черниговскій.

Свящ. Ѳ. Хорошуновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ О ПЕРЕЖИТОМЪ И ПЕРЕЧУВСТВОВАННОМЪ

съ 1803 года.

Глава XI[1]).

Отъѣздъ въ Сибирь.

1-го февраля 1827 года, около 9-ти часовъ вечера, въ послѣдній разъ загремѣли мои дверные затворы и появился плацъ-адъютантъ Трусовъ, объявившій мнѣ о нашемъ отправленіи въ Сибирь. Съ чувствомъ я простился съ нимъ, выразивъ ему свою искреннюю благодарность за все доброе участіе, какое онъ во все время заключенія оказывалъ мнѣ. Надѣвъ шубу и теплыя сапоги, я послѣдовалъ за нимъ въ домъ коменданта, гдѣ уже были Нарышкинъ, А. И. Одоевскій и мой братъ. Чрезъ нѣсколько минутъ по лѣстницѣ застучала та же деревяшка, которая при началѣ заключенія произвела на насъ такое непріятное впечатлѣніе перспективой пытки и тотъ же комендантъ Сукинъ произнесъ: «я имѣю высочайшее повелѣніе, заковавъ васъ въ цѣпи, отправить по назначенію». При этомъ онъ далъ знакъ, по которому появились сторожа съ оковами; насъ посадили, заковали ноги и дали веревочку въ руки для ихъ поддерживанія. Оковы были не очень тяжелы, но оказались не совсѣмъ удобными для движенія. Съ грохотомъ мы двинулись за фельдъегеремъ, которому насъ передали. У крыльца стояло нѣсколько троекъ. Насъ посадили по одному въ каждыя сани съ жандармомъ, которыхъ было четверо, столько же сколько и насъ, и лошади тихо и таинственно тронулись. Городомъ мы проѣхали мимо дома Кочубея, великолѣпно освѣ-

---

[1]) См. „Русская Старина“ изд. 1880 г., т. XXIX (ноябрь), стр. 599—616; (декабрь), стр. 883—890. Изд. 1881 г., т. XXX (январь), стр. 27—42, (мартъ), стр. 487—518.

щеннаго, гдѣ стояли жандармы и пропасть каретъ [1]). Взглянувъ на этотъ балъ, одинъ изъ нашихъ спутниковъ, Одоевскій, написалъ потомъ свою думу, озаглавленную «Балъ мертвецовъ».

Когда мы подъѣхали къ заставѣ, насъ съ братомъ посадили въ однѣ сани, а Нарышкина съ Одоевскимъ въ другіе; на облучкахъ помѣстилось по одному жандарму въ нашихъ саняхъ, а другіе два помѣстились съ фельдъегеремъ. Теперь уже мы быстро помчались за санями фельдъегеря и колокольчикъ заунывно запѣлъ въ тишинѣ ночи. Звуки эти, давно знакомые намъ при самыхъ счастливыхъ и радостныхъ обстоятельствахъ жизни, теперь пробудили въ душѣ самыя тяжелыя мысли и неумолимая грусть камнемъ налегла на сердцѣ; теперь звуки эти перенесли насъ далеко подъ родной кровъ, въ среду милой семьи, гдѣ представилась мнѣ наша нѣжная чудная мать, юныя, милыя, любящія сестры, которыя можетъ быть въ эту самую минуту проливаютъ слезы о погибели нашей и вѣчной разлукѣ. Да, тяжело быть причиной несчастія и слезъ чьихъ бы то ни было, даже врага; каково же сознавать, что былъ причиной несчастія и слезъ людей самыхъ дорогихъ сердцу!

На станціяхъ мы ближе познакомились съ нашими спутниками, и съ этой поры до самой вѣчной разлуки насъ связывала съ ними самая искренняя задушевная дружба, особенно съ (кн.) Александромъ Ивановичемъ Одоевскимъ, который былъ намъ ровесникомъ по возрасту и роднымъ по нашему къ нему чувствамъ. Мы скоро увидѣли въ немъ не только поэта, но скажу смѣло — даже великаго поэта; и я убѣжденъ, что еслибъ собраны были и явлены свѣту его многія тысячи стиховъ, то литература наша, конечно, отвела бы ему мѣсто рядомъ съ Пушкинымъ, Лермонтовымъ и другими первоклассными поэтами. Онъ былъ очень разсѣянъ, безпеченъ, временемъ до неистовства веселъ, временемъ сумрачно задумчивъ, и хотя конечно онъ не могъ не сознавать своего дара, но былъ до того апатиченъ, что нужно было безпрестанно поджигать его, чтобъ заставить писать. Бо̀льшую часть его стиховъ мы съ братомъ и съ Петромъ Александровичемъ Мухановымъ рѣшительно можемъ отнести къ нашимъ усиліямъ и убѣжденіямъ. Первыми его слушателями, критиками и цѣнителями всегда были мы съ Мухановымъ и Ивашевымъ. Но объ немъ разскажу въ своемъ мѣстѣ.

Помню, что на дорогѣ въ Шлиссельбургъ насъ перегоняли трой-

---

[1]) Домъ Кочубея—впослѣдствіи домъ III-го отдѣленія. О балахъ въ домѣ Кочубея въ 1827 году см „Записки кн Н. С. Голицына" въ „Рус. Старинѣ", томъ XXX (мартъ). Ред.

ки, которыхъ, не смотря на всѣ усилія фельдъегеря, мы не могли перегнать; онъ догадывался, что это были нѣкоторыя изъ супругъ нашихъ товарищей и что̀ чрезвычайно его волновало. На станціи возлѣ нашей комнаты появился кто-то изъ нихъ и онѣ черезъ дверь, запертую конечно, могли перекинуться нѣсколькими словами съ Нарышкинымъ. Когда мы сѣли съ братомъ въ повозку, въ воротахъ подъ сводомъ къ намъ подошла поспѣшно очень молодая дама чудной красоты и, протянувъ руку, хотѣла намъ всунуть пачку ассигнацій. Мы съ братомъ, конечно, отказались, сказавъ ей, что мы деньги имѣемъ у фельдъегеря, но она настаивала на томъ, чтобъ мы взяли, но тутъ раздалось грозное слово: «пошелъ» и мы разстались, съ чувствомъ пожавъ ей руку. Это нѣжное участіе въ судьбѣ нашей, придававшее столько прелести и безъ того прелестной женщинѣ, эта торопливо протянутая рука съ деньгами до сихъ поръ такъ живо припоминаются мнѣ, какъ будто это было вчера; тогда какъ съ этого дня протекло уже 50 лѣтъ и давно уже этотъ образъ покоится въ могилѣ. На слѣдующей станціи опять въ сторонѣ обогнали насъ тройки и когда мы вышли изъ повозокъ и входили по небольшой лѣстницѣ, то примѣтили стоявшихъ крестьянокъ, но тутъ дамская обувь предала ихъ и показала намъ, что это опять были тѣ же дамы, которыя были и на прежней перемѣнѣ лошадей. Потомъ уже въ Сибири мы узнали, что одна, а именно та, которая давала намъ деньги, была жена Ивана Дмитріевича Якушкина, а другую уже не помню, кажется Наталья Дмитріевна Фонъ-Визинъ. Наталью Дмитріевну мы знали въ Сибири и потомъ видѣли въ Москвѣ, а нашу молодую благодѣтельницу не знали, такъ какъ мужъ ея желалъ, чтобъ она не ѣздила къ нему, а осталась въ Россіи для воспитанія сына [1]) и потому никогда не могли ей выразить нашей благодарности за ея намѣреніе помочь намъ. Такъ какъ путь нашъ совершался весьма быстро, станціи только мелькали, такъ сказать, передъ нами, то единственное впечатлѣніе, вынесенное изъ этого путешествія—это утомленіе отъ безпрерывной ѣзды, безпокойство и холодъ отъ оковъ и нѣкоторая отрада, когда черезъ двѣ ночи въ третью останавливались ночевать. Тутъ къ намъ возвращалась наша обычная веселость за чаемъ, а потомъ мы крѣпко засыпали до ранняго выѣзда. Въ Комышковѣ насъ принялъ у себя въ домѣ благороднѣйшій и добрѣйшій старичекъ почтмейстеръ. Онъ принималъ, поилъ, кормилъ и покоилъ всѣ проѣзжавшія партіи нашихъ товарищей, которые всѣ съ чувствомъ благодарили его за гостепріимство.

---

[1]) Евгенія Ивановича Якушкина.

Въ Тобольскъ мы пріѣхали днемъ и прямо къ полицмейстеру въ домъ. Онъ отвелъ намъ нѣсколько комнатъ, съ величайшею любезностью озаботился о нашемъ ночлегѣ, что бы намъ было покойно, и такъ насъ принялъ, что мы должны были совершенно забыть, что были въ оковахъ ссыльно-каторжные и ѣхали въ рудники. У него мы обѣдали. За столомъ было нѣсколько постороннихъ лицъ, вѣроятно полюбопытствовавшихъ насъ видѣть; разговоръ былъ весьма оживленный и интересный, хотя конечно не политическій Передъ обѣдомъ насъ возили къ губернатору Дмитрію Николаевичу Бантышъ-Каменскому, который тоже принялъ насъ очень ласково. Помнится, что во время нашего пребыванія въ Тобольскѣ оковы наши были съ насъ сняты, что бы дать отдохнуть намъ отъ долгаго пути. Тутъ мы простились съ нашими добрыми жандармами, которые вмѣсто стражей были буквально нашими усердными слугами. Не помню уже, сколько времени мы пробыли въ Тобольскѣ, но кажется болѣе двухъ дней. Затѣмъ мы отправились въ Иркутскъ съ тѣмъ же фельдъегеремъ, только вмѣсто жандармовъ были назначены линейные сибирскіе казаки. По дорогѣ отъ Тобольска до Иркутска мы останавливались въ Томскѣ, гдѣ также были приняты радушно, но уже не помню всѣхъ обстоятельствъ нашей остановки, которая была очень коротка.

Въ Красноярскѣ на станціи насъ посѣтилъ совѣтникъ правленія Коноваловъ, очень любезный и внимательный человѣкъ, который въ разговорѣ разсказалъ намъ о княгинѣ Трубецкой и ея геройской рѣшимости, бросивъ карету, скакать на перекладной Коноваловъ, кажется, первый устроилъ въ Сибири стеклянный заводъ и его посуда, стаканы, кувшины для кваса и молока, расходились по всей Сибири. Тутъ мы не успѣли даже пообѣдать, такъ торопился нашъ фельдъегерь. Когда же выѣхали изъ города, то попросили его заѣхать въ первое село, чтобы пообѣдать. Онъ согласился и мы въѣхали въ первую по дорогѣ избу; но избой я не правильно назвалъ очень хорошій домъ, гдѣ царствовала необыкновенная чистота. Полы, потолки, скамьи изъ кедроваго дерева, все это блестѣло, и на полъ уронивъ хлѣбъ, смѣло можно было его ѣсть. Въ Сибири два раза въ недѣлю все моется, скоблится, а печи бѣлятся. Хозяева, простые крестьяне-сибиряки, очень радушно насъ приняли; такія же опрятныя хозяюшки накрыли тотчасъ столъ и поставили кушанья. Каково же было наше удивленіе, когда этихъ кушаній, похлебокъ, говядины, каши, жареной дичи, пирожныхъ колечекъ съ вареньемъ оказалось до шести блюдъ; превосходный пѣнистый квасъ намъ подали въ стеклянныхъ зеленыхъ кувшинахъ завода Коновалова, а когда мы хотѣли заплатить за обѣдъ, то хозя-

инъ и хозяйка обидѣлись, сказавъ: «Что это вы господа? у насъ, слава Богу, есть чего подать». Не знаю, какъ теперь, но тогда Сибирь была житницей, въ которой, по выраженію нѣкоторыхъ крестьянъ, они по 20-ти лѣтъ не видѣли дна у своихъ сусѣковъ. Крестьяне сторожилы имѣли по 200, 300 штукъ рогатаго скота и 30-ти, по 40 и 50-ти лошадей; словомъ, довольство и необыкновенная чистота, даже въ самыхъ небольшихъ избахъ, особенно послѣ русскихъ дымныхъ и отвратительныхъ хижинъ помѣщичьихъ крестьянъ, поражала. Тутъ-то мы съ торжествомъ говорили: «вотъ что значитъ свобода!» Правда, не одна свобода, конечно, совершила это благоденствіе народа, но къ ней еще надо прибавить безграничныя пространства превосходной дѣвственной земли чистѣйшаго чернозема и безпредѣльныя пастбища. Но откуда взялась эта всеобщая, до педантства простиравшаяся, чистота и опрятность, то это поистинѣ не понятно. Край этотъ не имѣлъ никакого сообщенія съ западнымъ цивилизованнымъ міромъ. Нѣкоторые думаютъ, что это было вліяніе извѣстныхъ сибирскихъ администраторовъ, каковы были губернаторъ Трескинъ при генералъ-губернаторѣ Пестелѣ и исправникъ Лоскутовъ, но все же это ихъ вліяніе должно было ограничиваться тѣмъ округомъ, гдѣ дѣйствовало ихъ управленіе; современемъ это вліяніе все же должно было прекратиться, а здѣсь, напротивъ, эта чистота общая губерніямъ всей Сибири: Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской, за Байкаломъ и повсюду.

Иркутскъ не былъ для насъ такъ гостепріименъ. Тутъ насъ привезли прямо въ острогъ, гдѣ отвели, конечно, особое помѣщеніе. Мы съ удовольствіемъ узнали, что часовыми у нашихъ дверей были семеновскіе солдаты, сосланные сюда за семеновскую исторію. Какъ благородно выдержали себя эти чудные солдаты. Эти люди были здѣсь образцомъ дисциплины и безукоризненны въ поведеніи, какъ будто носили въ душѣ воспоминаніе того, что они были первымъ полкомъ въ гвардіи; и не одною только выправкою и фронтомъ, а особенно своимъ благороднымъ поведеніемъ и развитостью; конечно, они были обязаны этимъ своимъ превосходнымъ командирамъ, какъ Потемкинъ, и своимъ ротнымъ командирамъ и вообще всѣмъ офицерамъ, отличавшимся прекраснымъ воспитаніемъ и рыцарскимъ благородствомъ. Въ Иркутскѣ мы простились съ нашими казаками. До Читы за Байкаломъ, куда насъ теперь везли, уже приходилось пересаживаться изъ саней въ телѣги, такъ какъ былъ уже мартъ мѣсяцъ и снѣгъ вездѣ сошелъ. Байкалъ мы переѣхали еще по льду, на которомъ не было ни снѣжинки; снѣгъ никогда не удерживается на Байкалѣ, такъ какъ онъ замерзаетъ гладко, а не становится то-

росомъ отъ наноснаго льда. Не смотря на толщину, вода была видна на порядочную глубину. Этотъ переѣздъ дѣлается на однихъ лошадяхъ, съ небольшимъ въ два часа, такъ какъ тройки выдерживаемыхъ лошадей несутся почти все это разстояніе въ карьеръ съ небольшими роздыхами.

Мы вышли у пустыннаго, но живописнаго Посольскаго монастыря, который осмотрѣли, руководимые монахами. Въ это время въ монастырѣ было не болѣе четырехъ. Тутъ мы, напившись чаю, отправились далѣе и уже путь нашъ не представлялъ ничего замѣчательнаго.

Глава XII.

Въ Сибири: въ Читѣ и въ Петровскѣ.

Въ Читѣ мы уже нашли многихъ изъ нашихъ товарищей, пріѣхавшихъ раньше насъ. Сначала насъ ввели въ средній казематъ, гдѣ могли помѣститься только четверо. Осматривалъ наши чемоданы, грубо приказывая все вынимать и показывать, очень грубый дослужившійся изъ солдатъ офицеръ и ротный инвалидный командиръ Степановъ, говорившій съ нами языкомъ тюремщика, относясь, разумѣется, какъ къ ссыльно-каторжнымъ и говоря намъ ты. Здѣсь мы переночевали, а на другой день насъ помѣстили въ одну изъ боковыхъ, довольно большую комнату, гдѣ были сдѣланы нары для ночлега и сидѣнья. Въ углу между печью и окномъ могли помѣститься трое и эти трое были Ник. Ив. Лореръ, Нарышкинъ и Мих. Александровичъ фонъ-Визинъ. На большихъ же нарахъ вдоль стѣны помѣщались мы съ братомъ, Одоевскій, Шишковъ и еще кто не помню. (Въ углу стояла знакомая парашка). На ночь насъ запирали. Выходить за двери могли не иначе, какъ съ конвоемъ; выходить не куда нибудь изъ тюрьмы, а въ самой тюрьмѣ. Гулять дозволялось по двору, обставленному высокимъ заостреннымъ частоколомъ. Когда наступила весна, въ это время уже пріѣхалъ Г. Лепарскій, который посѣтилъ казематъ и обошелся съ нами очень кротко, сказавъ, что онъ готовъ все сдѣлать, чтобъ облегчить нашу участь, но что въ то же время будетъ строго держаться данной ему инструкціи. Изъ нашихъ товарищей многихъ онъ зналъ во время ихъ службы. Весною онъ дозволилъ намъ заняться устройствомъ на дворѣ маленькаго сада. Мы устроили клумбы съ цвѣтами, обложенныя дерномъ. Посреди сада устроили на круглой насыпи, обшитой дерномъ, цвѣтникъ, а среди его солнечныя часы

на каменномъ столбѣ. Для утвержденія горизонтальной доски и циферблата употребляли, вмѣсто ватерпаса, длинную прежнюю одеколонную банку съ водой. Устроителемъ былъ Фаленбергъ. Эти работы мы дѣлали въ свободное отъ казенныхъ работъ время и въ праздники. Казенныя же работы производились при постройкѣ большаго каземата, гдѣ должно было помѣститься потомъ почти все общество и куда насъ къ зимѣ и перевели. Изъ прежнихъ казематовъ одинъ оставленъ былъ подъ лазаретъ, а въ другомъ, называемомъ маленькимъ, помѣщено было, для бòльшаго простора, человѣкъ пять товарищей. Мы копали канавы для фундамента, а какъ земля еще была мерзлая, то прорубали ледъ кирками. Но казематъ этотъ не могъ поспѣть ранѣе зимы. Лѣтомъ работали плотники, а насъ водили на конецъ этого маленькаго селенія зарывать оврагъ. Около этого оврага росло нѣсколько роскошныхъ бальзамическихъ тополей, подъ тѣнью которыхъ мы отдыхали. Тутъ обыкновенно читали, бесѣдовали, играли въ шахматы, и, возвращаясь домой къ обѣду, обыкновенно пѣли и по бòльшей части: Allons enfants de la Patrie, такъ какъ эта пѣсня дѣйствительно подходила къ намъ, разумѣется только этими начальными словами, хотя остальными вовсе не подходила уже къ мирному настроенію, какъ нашему съ братомъ, такъ и бòльшей части товарищей.

Многимъ изъ нашихъ товарищей, имѣвшимъ въ Россіи большое состояніе, оставшееся роднымъ, присылались всѣ журналы и газеты, какъ русскіе, такъ и иностранные. Къ чести правительства, въ этомъ оно было очень великодушно и даже англійскіе журналы, самые либеральные, намъ передавались исправно. Книгъ посылалось множество, отъ самыхъ серьезныхъ политическихъ, философическихъ до легкихъ романовъ. Тогда въ Россіи наша литература была еще очень скудна и потому всѣ книги были на французскомъ, англійскомъ, нѣмецкомъ и весьма немного на русскомъ языкахъ. Комендантъ долженъ былъ пересматривать все, что посылалось, и сначала онъ на каждой книгѣ подписывалъ: «читалъ Лепарскій,» но видя, что количество присылаемыхъ книгъ превышаетъ всякую возможность ихъ прочесть, то онъ уже сталъ выставлять: «видѣлъ Лепарскій». Эта послѣдняя подпись красуется и теперь хранится у меня на огромной въ 14-ть томовъ Всеобщей исторіи (Histoire General).

Сначала изъ нашихъ дамъ, этихъ добрыхъ нашихъ геніевъ, мы застали одну Александру Григорьевну Муравьеву. Потомъ, когда въ ново-выстроенный большой казематъ къ намъ перевели товарищей, бывшихъ въ Благодатскихъ рудникахъ, съ ними пріѣхали княгиня Трубецкая и княгиня Волконская, которыя жили съ ними въ рудникахъ. Онѣ заняли квартиры близь каземата, куда допускались

для свиданія съ мужьями и родными два раза въ недѣлю. Въ одно изъ этихъ свиданій чуть было не произошла страшная катастрофа, описанная уже у другихъ декабристовъ въ ихъ запискахъ (Басаргина).

Въ первое лѣто, однажды, мы ходили по своему двору, какъ вдругъ увидѣли подъѣхавшую карету. Нарышкинъ, гулявшій съ нами, узналъ карету своей жены, бросился къ ней, позабывъ, что передъ нимъ частоколъ, а она, когда вышла изъ кареты и увидѣла его за частоколомъ въ оковахъ, упала въ обморокъ. Тутъ началась страшная суматоха между всѣми нами,—кто бѣжалъ за водой, которую все же нельзя было подать сквозь частоколъ, ни черезъ частоколъ очень высокій; нѣкоторые же изъ товарищей догадались послать за дежурнымъ плацъ-адъютантомъ, который принесъ ключъ отъ воротъ и выпустилъ Нарышкина къ женѣ его, которую сейчасъ же увела къ себѣ Александра Григорьевна Муравьева, увидѣвшая карету и въ это время вышедшая изъ своей квартиры.

Первое время послѣ нашего пріѣзда, конечно, мы не имѣли ни провизіи, ни посуды и ничего устроеннаго для нашего содержанія. Намъ шло по 8 коп., полагавшихся по закону на сосланныхъ въ работы, и конечно мы бы должны были сидѣть на одномъ хлѣбѣ и водѣ, но въ это-то самое время мы имѣли такое содержаніе, которое можно назвать роскошнымъ. Все это присылалось отъ нашихъ дамъ. Чего не приносили намъ отъ этихъ чудныхъ добрыхъ существъ! Чего должно было имъ стоить это наше прокормленіе! Какихъ хлопотъ и заботъ требовало оно отъ нихъ лично! потому что это была дикая пустыня, а не столица, гдѣ съ деньгами можно все устроить, не безпокоя себя. И вотъ теперь только въ первый разъ мнѣ пришелъ въ голову вопросъ: какъ онѣ это дѣлали? гдѣ брали все то, что намъ присылали? откуда могли онѣ доставать такія огромныя количества провизіи, которыя нужны, чтобъ удовлетворить такую артель,—вѣдь насъ было сначала человѣкъ тридцать, а потомъ еще болѣе. Пока не устроилась артель, не былъ выбранъ хозяинъ, опредѣлены повара и чередовались дежурные по кухнѣ, пока это все устроилось, говорю, прошло много времени и во все это время эти великодушныя существа, отказывая, я думаю, себѣ во всемъ, къ чему они привыкли въ прежней жизни, не переставали кормить насъ, можно сказать, роскошно. Кто, кромѣ всемогущаго Мздовоздателя, можетъ достойно воздать вамъ, чудныя ангелоподобныя существа! Слава и краса вашего пола! Слава страны, васъ произрастившей! Слава мужей, удостоившихся такой безграничной любви и такой преданности, такихъ чудныхъ идеальныхъ женъ! Вы стали, поистинѣ, образцомъ самоотверженія, мужества, твердости при

всей юности, нѣжности и слабости вашего пола. Да будутъ незабвенны имена ваши!

За этими первыми дамами, пріѣхавшими сначала, стали появляться другія: Наталья Дмитріевна Фонъ-Визинъ, Юшневская, Янтальцева, Давыдова, баронеса Александра Ивановна Розенъ; въ это же время пріѣхала, повысочайшему соизволенію, Прасковья Ивановна Анненкова, молодая француженка, лично просившая императора дозволить ей ѣхать въ Сибирь и раздѣлить участь отца своего ребенка, а такъ какъ нельзя было ей посвятить себя любимому ею человѣку иначе, какъ ставъ его женою, то она въ самый день пріѣзда или на другой день была съ нимъ обвѣнчана. Потомъ еще пріѣхала невѣстой Ивашева, молодая 20-ти лѣтняя и прелестная собою Камилла Петровна le Dantue и на другой же день была ихъ свадьба. Эта свадьба была дѣйствительно романическою, а спасительною для него тѣмъ, что отвлекла его отъ пагубнаго предпріятія бѣжать изъ каземата рѣкою Амуромъ. Разскажу поподробнѣе этотъ эпизодъ, такъ какъ по дружбѣ съ Ивашевымъ мы были почти участниками въ этомъ его предпріятіи.

Какъ Ивашевъ, такъ и я были фантастически настроенныя головы и прозябаніе въ такой жизни, какая досталась намъ на долю, было не по насъ, къ тому же мы всегда любили сильныя ощущенія: разныя приключенія, опасности имѣли для насъ чудную прелесть. Тутъ передъ нами раскидывалась необозримая чудная, хотя и дикая, пустынная природа; новыя невѣдомыя страны, гигантская рѣка, все это намъ представлялось въ очаровательныхъ образахъ и манило съ необычайною силою. Мы, конечно, сознавали, что тутъ нужны будутъ большія физическія усилія, лишенія, но затѣмъ намъ представлялся очаровательный отдыхъ подъ кровомъ небеснаго свода, среди дружеской бесѣды, надежда, мечтанія о будущемъ и т. д. Можетъ быть мы и обольщали себя, какъ уже это было испытано мною при слѣдствіи въ казематѣ, но въ этомъ случаѣ мы чувствовали въ себѣ столько рѣшимости и мужества, что готовы были пуститься, очертя голову, въ самое отважное предпріятіе, тѣмъ легче, что тутъ мы рисковали только лично собою. Ивашевъ гдѣ-то вычиталъ и уже пріискалъ какой то корень, который, при употребленіи его въ пищу, могъ долго поддерживать наши силы. Путь нашъ мы располагали совершить все водой, сдѣлавъ себѣ плотъ, начиная съ рѣки Читы, впадающей въ Ингоду; изъ Ингоды въ Шилку, составляющую съ Аргунью истокъ Амура и наконецъ Амуромъ до Сахалина и океана.

Взглянувъ на подобное предпріятіе здраво, безъ увлеченія, оно конечно было не только гибельно, но и безразсудно; мы же думали н

такъ, и считали его возможнымъ, надѣясь на то, что никто бы не остановилъ насъ среди огромной, почти пустынной рѣки до океана, гдѣ мы могли встрѣтить американскій корабль. Всего труднѣе было добраться до нея, но тутъ мы полагались на авось. Въ это то самое время, къ счастію нашему, Ивашевъ получилъ отъ сестры своей Языковой первое письмо, въ которомъ таинственно спрашивала она его, помнитъ ли онъ такую-то молодую дѣвушку, которая когда-то нравилась ему, которой онъ даже сочинялъ стихи. Онъ отвѣчалъ, что очень помнитъ, а также и то, что она очень нравилась ему, только не понимаетъ, что значитъ этотъ вопросъ. До слѣдующаго отвѣта прошло довольно долго, но письмо это уже стало занимать его и предпріятіе наше пока отложилось. Слѣдующія письма уже разъяснили ему, что если она и теперь еще ему нравится, то онъ можетъ соединиться съ нею, такъ какъ она тайно въ глубинѣ сердца любила его и выразила полную рѣшимость выйти за него и раздѣлить съ нимъ его судьбу. Разумѣется, онъ былъ въ восторгѣ; съ дозволенія коменданта, который уже былъ извѣщенъ о разрѣшеніи Государя, сталъ устраивать дня нея небольшой, но уютный домикъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ его извѣстили о ея пріѣздѣ. Она остановилась у Марьи Николаевны Волконской. Понятно, каково могло быть первое свиданіе. За тѣмъ сдѣланы всѣ распоряженія для свадьбы, которая вскорѣ и совершилась. Хотя эта романическая повѣсть и была кратко описана, но я передамъ ее какъ слышалъ отъ Ивашева. Мать ея, m-me le Dantue, была гувернанткой его сестеръ и дочь жила съ нею. Когда Ивашевъ пріѣзжалъ въ отпускъ, гдѣ постоянно была въ его семейномъ кругу и она, то конечно скоро замѣтилъ хорошенькую Камиллу Петровну; оказывалъ ей большое вниманіе, нѣсколько ухаживалъ за ней, писалъ ей стихи, вѣроятно нѣжнаго свойства; но хотя все это было какъ пріятное препровожденіе времени, однакожъ и сердце принимало тутъ участіе. Съ отъѣздомъ его въ армію все это кончилось. Но оно не кончилось для молодой дѣвушки съ нѣжнымъ сердцемъ; и съ того времени въ ней возгорѣлась истинная страстная любовь, которую она скрыла въ глубинѣ своего сердца. Когда же постигло Ивашева это несчастіе, она заболѣла нервною горячкой, и какъ мать Ивашева часто бывала у ея постели, то горячешный бредъ больной открылъ ея тайну. Тогда-то она рѣшилась дать единственному сыну своему эту чудную дѣвушку подругой его жизни и тѣмъ облегчить его заточеніе. Когда, по выздоровленіи, мать Ивашева передала ей ея чувства, выразившіяся въ бреду, она сказала ей всю правду; узнавъ и о его чувствахъ къ ней, она, на предложеніе матери, изъявила рѣшимость ѣхать къ нему, чтобъ раздѣлить съ нимъ его

участь. Ивашевъ былъ сынъ очень богатыхъ родителей и по своему положенію принадлежалъ къ высшему обществу; онъ былъ уменъ, хорошъ собой, прекрасно образованъ и къ тому еще обладалъ рѣдкимъ музыкальнымъ талантомъ. Извѣстный піанистъ Филдъ гордился имъ, какъ своимъ ученикомъ. Все это вмѣстѣ взятое, по тогдашнимъ понятіямъ свѣта, конечно ставило его много выше дочери бѣдной гувернантки.

Въ это время дамы наши уже устроились довольно хорошо, выстроили себѣ хорошенькіе дома, если далеко не подходившіе къ ихъ прежнимъ роскошнымъ жилищамъ, то все же со всѣми удобствами, какія ихъ значительныя средства могли доставить даже и въ такой пустынной странѣ. Онѣ для свиданія съ мужьями должны были приходить въ казематъ при офицерѣ, но мало по малу строгость эта стала смягчаться и хотя по ихъ просьбамъ комендантъ всегда просилъ дать ему время «поконсультоваться», какъ онъ выражался, конечно съ собою самимъ, а затѣмъ разрѣшалъ прошенія.

Такъ, подъ предлогомъ нездоровья женъ, мужей отпускали къ нимъ въ домъ, но для вида и для донесенія въ Петербургъ онъ требовалъ, чтобы обычныя свиданія были продолжаемы въ казематѣ. Это въ Читѣ.

На другой годъ мы перешли во вновь построенный большой казематъ; средній, въ который мы пріѣхали, былъ назначенъ для больныхъ, но тамъ были помѣщены и здоровые; 3-й маленькій на крутомъ возвышеніи, близь рѣки, также занятъ за неимѣніемъ мѣста. Въ нашей комнатѣ, которая называлась первымъ нумеромъ, были помѣщены у печки (бар.) Влад. Ив. Штейнгейль, чрезъ столъ отъ него были двѣ наши съ братомъ кровати, возлѣ насъ былъ морякъ кап.-лейт. Конст. Петр. Торсонъ, за нимъ, кажется, Пановъ и (кн.) Щепинъ-Ростовскій въ углу; въ противуположномъ углу Ив. Александр. Анненковъ, полковникъ Повало-Швыйковскій, далѣе полковникъ Тизенгаузенъ, за нимъ Пав. Вас. Аврамовъ, остальныхъ не помню. Другой казематъ, помню только Кюхельбекера, Бобрищева-Пушкина, Розена, Загорѣцкаго, Басаргина, Шишкова, Тестова, Бесчастнаго. Еще двѣ комнаты, противоположныя нашимъ, занимали: Муравьевы, Юшневскій, Бестужевы Николай и Михайло, Пущинъ, Свистуновъ, Одоевскій, Завалишинъ и еще кто уже не припомню. Да и въ этомъ распредѣленіи, по забывчивости, можетъ быть ошибка.

Въ это время изъ присылаемыхъ безпрестанно книгъ уже составилась значительная библіотека, на всѣхъ почти европейскихъ языкахъ. Всѣ читали и писали съ жадностью, въ праздности были не многіе.

Одежда наша понемногу изнашивалась, нужно было ее возобновить, но гдѣ взять портныхъ и сапожниковъ? И вотъ начиная съ Бобрищева-Пушкина и др., явилась артель мастеровыхъ, состоявшая изъ слѣдующихъ лицъ: закройщикъ Павелъ Сергѣевичъ Пушкинъ, потомъ братъ мой, Обеленскій, Фроловъ, Загорѣцкій, Кюхельбекеръ и еще не помню. Пушкинъ по математикѣ дошелъ до искусства кроить и работа закипѣла. Помню, что Оболенскій пожертвовалъ мнѣ свое байковое одѣяло, изъ котораго мнѣ было сшито что-то въ родѣ казакина, въ которомъ и былъ сдѣланъ мой портретъ Николаемъ Бестужевымъ, снимавшимъ со всѣхъ насъ портреты. За портными слѣдовала артель столяровъ, въ которой особенно способными оказались тотъ-же Пушкинъ, Фроловъ, Загорѣцкій и Кюхельбекеръ. Я также было присоединился къ этой артели и взялъ на себя сдѣлать большой столъ для обѣда и чая въ нашемъ номерѣ. Но увы, хотя я трудился усердно, но не имѣя никакой способности вообще ко всѣмъ ручнымъ работамъ, да кажется и не къ чему, столъ мой оказался такимъ, что для употребленія, хотя временнаго, ему понадобилось связывать ноги, а потомъ замѣнить другимъ, болѣе твердымъ. Конечно, это произведеніе моего искуства произвело взрывъ хохота, повторявшагося много дней, какъ только кто нибудь напоминалъ объ этомъ. Пушкинъ же сдѣлалъ для Елизаветы Петровны Нарышкиной большое кресло, такъ какъ она сильно страдала разными нервными болѣзнями, да и всѣ наши благодѣтельницы часто подвергались сильнымъ болѣзнямъ, конечно вслѣдствіе всего перенесеннаго ими. Тутъ-то являлись во всей силѣ слова Господа: «духъ бодръ, плоть немощна»; другая подвергшаяся также страшной нервной болѣзни была Наталья Дмитріевна фонъ-Визинъ. Болѣзни этихъ двухъ дамъ особенно выдавались по ихъ жестокости, но всѣ дамы наши были подвержены сильнымъ и частымъ болѣзнямъ, а одна изъ первыхъ, Александра Григорьевна Муравьева, тамъ и умерла. Креслу Пушкина суждено было вмѣстѣ съ Нарышкиными переѣхать на Кавказъ, а потомъ въ Россію. Когда отецъ Пушкина увидѣлъ это кресло, работы своего сына, онъ заплакалъ и просилъ его у Елиз. Петр., а такъ какъ и ей не хотѣлось разстаться съ кресломъ, то она рѣшила, что по смерти ея кресло перейдетъ къ нему, а послѣ его смерти оно останется въ ея родѣ.

Многіе наши товарищи начали изучать языки, которыхъ прежде не знали. Такъ полковникъ фонъ Бригенъ, какъ знатокъ, преподавалъ латинскій языкъ и многіе стали заниматься латынью; въ числѣ ихъ былъ и Влад. Ив. Штейнгейль, которому и тогда уже было 50 лѣтъ. Мы съ братомъ стали изучать англійскій языкъ. Я учился этому языку еще въ корпусѣ и потому мнѣ приходилось повторять

и припоминать, а братъ вовсе не зналъ его. Учителями нашими были Оболенскій, Чернышевъ и другіе, къ которымъ мы прибѣгали за совѣтами. При желаніи, при твердой волѣ, настойчивости мы скоро овладѣли книжнымъ языкомъ и грамматикой, а чтобъ еще больше укрѣпиться въ языкѣ мы съ братомъ приняли на себя переводъ исторіи паденія римской имперіи Гибона; мы раздѣлили этотъ трудъ по поламъ и каждый взялъ шесть томовъ. Переводить исторію легче всякаго другаго сочиненія; къ повѣствовательному слогу скоро привыкаешь и онъ дѣлается очень легкимъ для пониманія; въ трудныхъ же мѣстахъ мы прибѣгали къ Оболенскому или къ кому нибудь изъ знавшихъ хорошо языкъ. Хотя мы имѣли нѣкоторыя способности писать порядочнымъ слогомъ, но тоже въ тонкостяхъ русскаго языка прибѣгали къ знатокамъ языка: Одоевскому, Алекс. Крюкову, Басаргину и другимъ. Такимъ образомъ мы кончили этотъ трудъ въ годъ. У насъ было положено не вставать отъ работы до тѣхъ поръ, пока не кончимъ десять страницъ каждый. Потомъ мы перевели «Красный разбойникъ» Куппера и «Водяная колдунья» его же. Все это и до сихъ поръ въ рукописяхъ хранится у меня, потому что все это уже потомъ было переведено и издано; мы же не имѣли средствъ ни возможности для напечатанія.

Нѣкоторые изъ товарищей занимались военными науками, которыя читались Никит. Мих. Муравьевымъ. Розенъ переводилъ Часы Благоговѣнія съ нѣмецкаго. Ник. Алекс. Бестужевъ устроилъ часы своего изобрѣтенія съ горизонтальнымъ маятникомъ, тогда еще онъ кажется не являлся. Это было истинное, великое художественное произведеніе, принимая въ соображеніе то, что изобрѣтатель не имѣлъ всѣхъ нужныхъ инструментовъ. Какъ онъ устроилъ эти часы—это поистинѣ загадка. Помню, что эти часы были выставлены имъ въ полномъ ходу въ одной изъ комнатъ. Эта работа его показала, какими необыкновенными геніальными способностями обладалъ онъ. Словомъ, въ нашей тюрьмѣ всегда и всѣ были заняты чѣмъ нибудь полезнымъ, такъ что эта ссылка наша цѣлымъ обществомъ, въ средѣ котораго были образованнѣйшіе люди своего времени, при большихъ средствахъ, которыми располагали очень многіе и которыя давали возможность предаваться исключительно умственной жизни, была, такъ сказать, чудесною умственною школою какъ въ нравственномъ, умственномъ, такъ и въ религіозномъ и философическомъ отношеніяхъ. Еслибъ мнѣ теперь предложили вмѣсто этой ссылки какое нибудь блестящее въ то время положеніе, то я бы предпочелъ эту ссылку. Тогда, можетъ быть, по суетности я бы поддался искушеніямъ и избралъ другое, которое было бы для меня гибельно.

Для нашихъ работъ, по окончаніи лѣта, была построена изба, гдѣ въ большой комнатѣ стояли ручные жернова, на которыхъ положено было смолоть 20 фунтовъ на пару, но и эта работа не требовалась строго, такъ что другіе вовсе не работали, нанимая смолоть за нихъ сторожей, которые конечно были рады получать этотъ заработокъ. Мы съ братомъ, Розенъ и еще многіе другіе, по гигіеническимъ причинамъ, работали сами собственно для того, чтобъ дѣлать движеніе для подкрѣпленія здоровья. Другая комната была назначена для отдыха, гдѣ бесѣдовали, читали, играли въ шахматы, а въ другихъ группахъ происходили различныя пренія, всегда серьозныя и научныя или политическія.

Съ Читы еще устроились различные хоры какъ духовныхъ пѣснопѣній и духовныхъ предпочтительно, такъ и разныхъ романсовъ. Многіе имѣли очень хорошіе голоса, пѣвали еще прежде въ салонахъ и знали музыку. Потомъ уже были присланы и инструменты. У многихъ изъ нашихъ дамъ были въ домахъ рояли. Вадковскій Ѳед. Ѳед. былъ замѣчательный скрипачъ. Также и другіе, еще прежде занимавшіеся музыкой, получили свои инструменты, такъ что могъ составиться прекрасный квартетъ: 1-я скрипка—Вадковскій, 2-я—Николай Крюковъ, альтъ—Алекс. Петр. Юшневскій, а потомъ на віолончели—Петр. Ник. Свистуновъ. Довольно забавно было, что квартетъ долженъ былъ помѣщаться на чердакѣ средняго каземата, такъ какъ въ комнатахъ нельзя было разставить стульевъ по причинѣ наръ и тѣсноты; потомъ, когда перешли въ большой казематъ, то мѣста было довольно.

Были у насъ и гитары, и флейта, на которой игралъ Игельштромъ, а на чеканѣ—Розенъ и Фаленбергъ. Музыка вообще, особенно квартетная, гдѣ игрались піесы лучшихъ знаменитѣйшихъ композиторовъ, доставляла истинное наслажденіе и казематная наша жизнь много просвѣтлѣла. Вскорѣ разрѣшено было многимъ изъ товарищей выстроить небольшія комнаты на дворѣ большаго каземата. Такъ имѣли домики Никита Мих. Муравьевъ, Юшневскій, Вадковскій и другіе. Помню, что въ домикѣ Вадковскаго мы спѣвались къ свѣтлому воскресенью подъ руководствомъ регента нашего П. Н. Свистунова. Первая пасха по пріѣздѣ нашемъ была очень грустная. Заутреню служилъ приходскій священникъ, часовъ въ 7 вечера, въ одномъ отдѣленіи каземата, гдѣ мы сначала были помѣщены. Помню только, что тогда еще никого изъ дамъ не было и эта встрѣча свѣтлаго дня, далеко отъ милыхъ сердцу женъ и дѣтей, многихъ такъ разстроила, что они должны были удалиться, чтобъ скрыть свою слабость.

Когда мы были уже въ большомъ казематѣ, то къ намъ назначенъ былъ изъ Иркутска особенный протоіерей, который служилъ заутреню въ большой столовой залѣ, по возможности, довольно торжественно. На правомъ клиросѣ пѣли свои пѣвчіе подъ регентствомъ Свистунова и очень хорошо. Особенно хороша была музыка «Плотію уснувъ» на три голоса. Мотивъ остался тотъ же, но окончаніе было нѣсколько измѣнено. Тогда уже были наши благодѣтельныя милыя дамы, и слѣдовательно пасха прошла въ полномъ довольствѣ и очень пріятно. Въ церковь не пускали, кромѣ причастія, которое совершалось въ храмѣ только по постамъ, и тогда снимались оковы. По воскресеньямъ же у насъ устроено было религіозное чтеніе. Это маленькое религіозное общество вѣрующихъ и любящихъ Господа, собиралось въ одномъ уголку и чтеніе начиналось апостоломъ, потомъ читалось евангеліе, какая нибудь проповѣдь и кончалось главой изъ «Stunden der Andacht», т. е. «Часы Благоговѣнія» переводъ Андрея Евгеніевича Розена, который всегда читалъ ее самъ. Это маленькое общество тотчасъ было прозвано конгрегаціей. Оно состояло изъ Павла Серг. Пушкина, Мих. Мих. Нарышкина, Ник. Ал. Крюкова, Евг. Петр. Оболенскаго, Дмитр. Иринарховича Завалишина, Ник. Вас. Басаргина, Одоевскаго, меня и брата, Шишкова, Мозголевскаго и другихъ, которыхъ не припомню, да кажется я и не забылъ никого. Иногда и непринадлежавшіе къ конгрегаціи заходили слушать. Эти воскресныя чтенія были весьма отрадны. Равнымъ образомъ 12-ть евангелей въ великій четвергъ тоже читалось Бобрищевымъ-Пушкинымъ.

Понятно, что въ обществѣ, состоявшемъ слишкомъ изъ ста человѣкъ, въ огромномъ большинствѣ изъ людей съ высокимъ образованіемъ, въ ходу были самыя разнообразныя, самыя занимательныя и самыя глубокомысленныя идеи. Безъ сомнѣнія, при умственныхъ столкновеніяхъ серьезныхъ людей первое мѣсто всегда почти занимали идеи религіозныя и философическія, такъ какъ тутъ много было невѣрующихъ, отвергавшихъ всякую религію; были и скромные скептики и систематически ярые матеріялисты, изучившіе этотъ предметъ по всѣмъ извѣстнымъ тогда и сильно распространеннымъ уже философскимъ сочиненіямъ. Съ другой стороны стояли люди съ чистыми христіанскими убѣжденіями, также хорошо знакомые со всѣми источниками матеріялистическаго характера, обладавшіе и философскимъ знаніемъ, и знаніемъ исторіи какъ церковной, такъ и свѣтской. Конечно, начало этихъ преній имѣло поводомъ насмѣшечки надъ вѣрою, надъ соблюденіемъ праздниковъ, таинствъ, постовъ, надъ церковною обрядностью и т. д. Когда же противники, ознако-

мившись съ силами одинъ другаго, увидѣли, что не легко поколебать силу христіанскихъ доказательствъ, увидѣли, что религія Христа имѣетъ на своей сторонѣ не только исторію, но и здравую философію, то пренія оживились до того, что во всѣхъ уголкахъ нашихъ уже слышались разговоры религіозно-философическаго содержанія, какъ, пишетъ Гибонъ, было въ Константинополѣ, при появленіи Арія. Въ этой борьбѣ представители христіанства были Пав. Серг. Пушкинъ, Н. Крюковъ, Нарышкинъ, Оболенскій, Завалишинъ; много было и другихъ вѣрующихъ, но болѣе всѣхъ выдавался Пушкинъ, истинный и достойный поборникъ христіанства, какъ по своей прекрасной жизни, по силѣ своей вѣры, такъ и по силѣ своей логики. Главная борьба сосредоточивалась на происхожденіи человѣческаго слова. Матеріялисты проводили ту идею, что ското-человѣкъ, происшедшій тогда еще изъ глины, а теперь отъ обезьяны, силами матеріи, какъ и всѣ другія животныя, самъ изобрѣлъ языкъ, начавъ со звуковъ междомѣтія, составляя его изъ звуковъ односложныхъ, двухсложныхъ и т. д. Пушкинъ поддерживалъ, безъ сомнѣнія, сотвореніе человѣка непосредственно божественнымъ дѣйствіемъ, необходимымъ слѣдствіемъ чего было то, что человѣкъ получилъ даръ слова вмѣстѣ съ разумною душою въ тотъ моментъ, когда была она вдохнута въ него божественнымъ духомъ. Много доводовъ приводилось за и противъ этого сотворенія по откровенію и споры длились безконечно. При этомъ общемъ настроеніи Пушкинъ написалъ обширную статью о происхожденіи человѣческаго слова, которая была прочитана всѣми и признана всѣми, даже индиферентными, побѣдоносною, по силѣ логическихъ доводовъ и вѣрности историческихъ данныхъ. Но, конечно, она не могла еще убѣдить людей, привыкшихъ слѣдовать противуположнымъ идеямъ, и вотъ Барятинскій написалъ статью въ опроверженіе статьи Пушкина-Бобрищева на французскомъ языкѣ, вѣроятно потому, что онъ зналъ лучше французскій языкъ, нежели свой природный. Хотя и Барятинскій былъ очень умный и ученый человѣкъ, но опроверженіе его вышло слабое, что̀ подтвердили даже тѣ, которые раздѣляли его мнѣнія. Эти пренія на насъ съ братомъ, еще очень молодыхъ людей, имѣли сильное вліяніе. Вѣра наша возрасла вмѣстѣ съ разумными ея изслѣдованіями, а переводъ философической исторіи паденія римской имперіи Гибона окончательно утвердилъ насъ въ ней, не смотря на то, что Гибонъ былъ деистъ и смотрѣлъ критически на христіанскую религію. Факты, имъ излагаемые, съ добросовѣстнымъ указаніемъ источниковъ и приведеніемъ многихъ изъ нихъ въ выпискахъ, доказывали намъ неопровержимость этихъ фактовъ, потому что они свидѣтельствовались людьми въ высшей

степени чистыми и добродѣтельными, которые согласились бы скорѣе претерпѣть всевозможныя мученія, нежели осквернить уста свои ложью. Другіе же прочитавшіе Гибона и ставившіе его скептическія мнѣнія выше несомнѣнныхъ фактовъ, утвердились въ невѣріи и стали въ немъ фанатиками. Доказательствомъ этому можетъ служить то, что нѣкоторые фанатическіе противники христіанства, узнавъ, что мы опасались когда либо издать этотъ полный переводъ, не желая послужить заблужденію многихъ готовыхъ болѣе вѣрить на-слово прославленнымъ писателямъ, нежели откровенному слову и чистому разуму, рѣшились похитить у насъ этотъ переводъ, чтобы сберечь его до того времени, когда бы представилась возможность издать его. Въ этомъ намъ сознался одинъ изъ нихъ, когда онъ уже обратился къ вѣрѣ, доведенный почти до отчаянія страшными душевными страданіями и омраченіемъ. По обращеніи его, онъ сдѣлался истиннымъ христіаниномъ какъ по вѣрѣ, такъ и добродѣтели. Это былъ Ив. Вас. Кирѣевъ, имѣвшій намѣреніе похитить переводъ Гибона съ Борисовымъ Петр. Ив. Они оба были артиллеристы и славные кроткіе люди, готовые на всякое добро, но въ Борисовѣ господствующею мыслью была та, что можно быть добродѣтельнымъ, отвергая Бога. Христіанство они считали робкою религіей, не зная, вѣроятно, и никогда не размышляя о словахъ Спасителя, что «всякій творящій грѣхъ есть рабъ грѣха и что истинная свобода есть возрожденіе человѣка въ христіанствѣ и только истинный христіанинъ истинно свободенъ, еслибъ и былъ даже въ рабствѣ наружномъ».

Кирѣевъ возвратился и умеръ въ Тулѣ христіанскою кончиною семьяниномъ, а Борисовы, оба брата, къ несчастію, сгорѣли въ Сибири на поселеніи; кажется, старшій сумасшедшій братъ зажегъ ихъ домъ.

Такъ въ трудахъ физическихъ и умственныхъ, въ пріятныхъ живыхъ бесѣдахъ, въ пѣніи, музыкѣ протекла наша затворническая жизнь. Шахматная игра также играла важную роль. Не смотря на заключеніе, эта жизнь имѣла такія сладостныя минуты, что и теперь при одномъ воспоминаніи сердце наполняется пріятными ощущеніями. Въ большомъ казематѣ тоже былъ устроенъ нами садикъ, т. е. посажены были деревья, сдѣланы дорожки, гдѣ мы прогуливались, вспоминая о минувшемъ или мечтая о будущемъ. У многихъ изъ насъ положено было непремѣнно дѣлать движеніе, т. е. ходить по нѣсколько часовъ—это для сбереженія здоровья. Всѣхъ аккуратнѣе въ этомъ былъ Евгеній Андр. Розенъ, котораго мы прозвали Кинофонъ-Кибургъ. Это былъ человѣкъ рыцарскаго характера, прямой, правдивый, всегда важный, серьозный и неуклонно точный въ испол-

неніи всего, что у него положено было для каждаго часа. Онъ подверженъ былъ глазнымъ воспаленіямъ и въ это время начиналъ нюхать французскій табакъ, который оттягивая отъ глазъ приливы, вскорѣ уничтожалъ болѣзнь, но далѣе онъ уже не позволялъ себѣ нюхать, считая прихотью эту привычку. По вечерамъ онъ обыкновенно игралъ на чеканѣ съ Фаленбергомъ и тоже только извѣстное время, оканчивая музыку тоже въ извѣстный часъ, положенный для этого развлеченія. Шутники даже говорили, что у него положено было правило, какою рукою какую часть тѣла мыть въ банѣ [1]).

Къ частоколу въ разныхъ мѣстахъ виднѣлись дорожки, протоптанныя стопами нашихъ незабвенныхъ добрыхъ дамъ. Каждый день по нѣсколько разъ подходили онѣ къ скважинамъ, образуемымъ кривизнами частокола, чтобы поговорить съ мужьями, пожать имъ руки, можетъ быть погрустить вмѣстѣ, а можетъ быть и ободрить другъ друга въ перенесеніи наложеннаго тяжелаго креста. Сколько горячихъ поцѣлуевъ любви, преданности, благодарности безграничной уносили эти ручки, протянутыя сквозь частоколъ! Сколько, можетъ быть, слезъ упало изъ прекрасныхъ глазъ этихъ юныхъ страдалицъ на протоптанную тропинку. Всю прелесть, всю поэзію этихъ посѣщеній мы всѣ чувствовали сердцемъ; а нашъ милый поэтъ Ал. Ив. Одоевскій воспѣлъ ихъ чудно-звучными и полными чувства стихами!

Для овощей намъ отведено было мѣсто подъ огородъ; огородникомъ былъ выбранъ П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ.

Работали, т. е. копали, дѣлали гряды, сами ходя на работу по очереди, а нѣкоторые изъ ретивыхъ работниковъ, какъ Кюхельбекеръ и Загорѣцкій, работали постоянно и дошли до того, что могли работать цѣлый день, наравнѣ съ нанятыми поденщиками. Конечно, для этого требовалось постепенно втянуться въ работу и пріучить свои мускулы къ труду, а потомъ это вошло въ привычку. Овощи были превосходные, такъ что нѣкоторые изъ нихъ, какъ-то: морковь, свекла, картофель и другіе доходили до огромныхъ размѣровъ.

Многіе занимались изученіемъ агрономіи по Тееру и другимъ писателямъ, а наши огородники приложили теорію къ практикѣ.

Очень пріятны были для всѣхъ насъ лѣтомъ купанья въ р. Читѣ, для чего обыкновенно снимались кандалы. Прекрасная живописная рѣка, теплота воздуха, наслажденіе въ жару погрузиться въ про-

---

[1]) Баронъ Андрей Евгеніевичъ Розенъ родился 3-го ноября 1799 г., бодрый, энергическій, съ свѣтлымъ умомъ и памятью онъ проводитъ время въ непрестанныхъ трудахъ, сочиняетъ, переводитъ... Ему принадлежатъ „Записки декабриста“. Живетъ нынѣ на югѣ Россіи.

хладную влагу дѣлали и общее настроеніе веселымъ, и много случалось такого въ этихъ купаньяхъ, что производило общій хохотъ.

Такъ, однажды, Вл. Ив. Штейнгель просилъ Сер. Петр. Трубецкаго поучить его плавать; тотъ подложилъ подъ него руку и показывалъ какъ надо дѣйствовать руками и ногами, но въ это время какъ-то при движеніяхъ опустилъ руки, чтобы видѣть, держится ли онъ на водѣ, но Влад. Ивановичъ тотчасъ-же погрузился, хлебнулъ водицы, забарахтался, сильно испугался, и разсердился, что произвело общій смѣхъ въ тѣхъ, которые видѣли это, но конечно смѣхъ сдержанный,—не могъ же онъ думать, чтобъ такой серьезный человѣкъ, какъ Сергѣй Петровичъ, захотѣлъ подшутить надъ нимъ.

Не помню, сколько прошло лѣтъ, какъ мы носили цѣпи, но помню, что однажды приходитъ комендантъ и неожиданно объявляетъ намъ милостивое повелѣніе государя со всѣхъ насъ снять оковы. Кто повѣритъ, но скажу истину, намъ стало жаль этихъ оковъ, съ которыми мы уже свыклись въ теченіи этихъ 3-хъ, 4-хъ лѣтъ, и которыя все же были для насъ звучными свидѣтелями нашей любви къ отечеству, для блага котораго мы ложно считали дозволенными даже такія мѣры, какъ революція и кровопролитіе, но все же мы за него носили ихъ.

Не помню также хорошо, чрезъ сколько именно лѣтъ петровскій тюремный замокъ былъ готовъ и намъ объявленъ былъ походъ изъ Читы въ петровскій заводъ, гдѣ онъ былъ построенъ.

Походъ этотъ мы совершили пѣшкомъ. Насъ раздѣлили на двѣ партіи. Одну нашу первую велъ плацъ-маіоръ Лепарскій, племянникъ коменданта, а другую самъ комендантъ. При каждой партіи было до 30-ти подводъ подъ нашими пожитками, а на ночлегѣ выставлялось 10-ть войлочныхъ юртъ въ одинъ рядъ.

Противъ этого ряда поставлены были юрты для караульныхъ и начальствующихъ. Походъ этотъ былъ для насъ очень пріятнымъ развлеченіемъ неволи. Мы тутъ увидѣли снова тотъ просторъ, ту необъятную даль, уходящую за горизонтъ, ту даль, которая такъ манитъ своею таинственностью странника, особенно послѣ нѣсколькихъ лѣтъ заключенія, въ которомъ горизонтомъ былъ одинъ высокій частоколъ. Далеко простирающаяся дорога наша, исчезающая въ оврагахъ и снова выходящая на возвышеніяхъ, увлекала воображеніе въ какую-то обѣтованную землю, гдѣ какъ будто насъ ожидала тихая, спокойная жизнь среди радостей и наслажденій, отдыха въ милой и любящей семьѣ. Мы, дѣйствительно, пройдя 20 и 25-ть верстъ, отдыхали и тоже въ семьѣ, но только въ семьѣ своихъ друзей и товарищей, а не той семьи, которая оплакивала насъ уже нѣсколько тяжелыхъ лѣтъ, а иные изъ нея уже почили, не увидѣвъ

своихъ дѣтей, мужей и братьевъ. Но все же очень пріятно было прійдти въ уютную юрту, разослать свои войлочныя постели, поставить самоваръ и вдоволь напившись чаю среди табачныхъ облаковъ при веселомъ говорѣ, шуткахъ и смѣхѣ, отдохнуть и потомъ, поужинавъ, заснуть крѣпчайшимъ сномъ. Въ деревняхъ и селахъ мы не останавливались и проходили мимо, въ юрты, разставленныя по близости. Выбранный нами хозяинъ, Анд. Евген. Розенъ, имѣлъ привиллегію ѣхать впередъ на подводѣ, чтобы закупить нужную провизію и потомъ изготовить ужинъ, а на дневкахъ и обѣдъ; кухня, тоже въ юртѣ, становилась позади нашихъ юртъ. При переходахъ пріятно было видѣть бѣлѣющія въ далекѣ церкви и разбросанныя около нихъ человѣческія жилища, гдѣ люди жили, трудились, горевали и радовались свободно по своему. Изъ Читы мы шли бурятскими степями; подводчики и провожатые наши тоже были буряты. Взводъ солдатъ шелъ впереди и взводъ позади партіи. При бурятахъ были ихъ зайсаны, очень щеголеватые и статные люди изъ ихъ дворянства. Буряты имѣютъ страсть къ шахматной игрѣ и на дневкахъ, около юртъ, всегда составлялись шахматныя партіи, окруженныя толпою азіатцевъ, слѣдившихъ съ величайшимъ интересомъ за игрой, нетерпѣливо высказывая играющимъ свои взгляды. Нѣкоторые изъ зайсановъ играли съ нами и играли такъ хорошо, что одинъ изъ нашихъ лучшихъ игроковъ Ник. Вас. Басаргинъ первую партію проигралъ. Нужно было видѣть общій восторгъ, когда буряты увидѣли своего побѣдителемъ. Впрочемъ, торжество ихъ продолжалось недолго. Басаргинъ, вѣроятно, первую игру игралъ небрежно, но когда увидалъ силу своего противника, то защипалъ свой усъ,—это была его привычка, и конечно сдѣлалъ ему матъ. Вообще говоря, азіятцы играли такъ, что могли играть съ хорошими игроками. Иногда случалось намъ располагаться гдѣ нибудь на берегу рѣчки подъ сѣнью осѣнявшихъ ее деревьевъ и тогда ночью, когда зажигались кругомъ костры, мы любовались фантастическимъ освѣщеніемъ листвы и проглядывавшей сквозь вѣтви рѣки, бѣлѣвшихся юртъ и темныхъ домовъ, за освѣщеннымъ оазисомъ.

Не смотря на переходъ въ 15-ть, 20-ть, а иногда и 25-ть верстъ, передъ сномъ многіе еще прохаживались взадъ и впередъ передъ юртами, другіе составляли сидящія и стоящія группы въ оживленныхъ разговорахъ, иногда прерываемыхъ смѣхомъ или какими нибудь возгласами. Это бодрствованіе ночью продолжалось, впрочемъ, на концѣ дневки, потому что выступали обыкновенно еще до солнечнаго восхода, слѣдовательно надо было запастись силами. Бо̀льшая часть изъ насъ были военные и эти переходы многимъ изъ заслуженныхъ

нашихъ воиновъ напоминали ихъ боевые походы, а молодымъ—переходы и передвиженія маневровъ.

Между нами было много живописцевъ, обладавшихъ весьма серьезными дарованіями и потому походъ нашъ былъ изображенъ въ самыхъ живыхъ картинахъ, какъ въ движеніяхъ, такъ и въ стоянкѣ; хотя эти картины были въ маломъ масштабѣ, но онѣ были такъ талантливо набросаны, что всѣ лица были узнаваемы. У нѣкоторыхъ семействъ нашихъ товарищей сохранилось много этихъ видовъ, которыхъ мы собственно оставшіеся въ живыхъ до сихъ поръ не можемъ видѣть безъ особеннаго чувства. Уже болѣе полустолѣтія отдѣляетъ насъ отъ этого времени, а какъ живы въ памяти всѣ эти дорогіе образы! Все это было молодо, все весело, все полно стремленій къ высокимъ, хотя и утопическимъ идеаламъ человѣчества; его свобода, счастіе были во всѣхъ сердцахъ, за немногими можетъ быть исключеніями. Всѣ безотчетно чего-то ждали, на что-то надѣялись, тогда еще безъ малѣйшаго основанія, химерно, и однакожъ все почти теперь уже осуществилось и осуществляется тѣмъ, кто одинъ только имѣлъ право и обязанность осуществить эти мечты и кто такъ великодушно осуществилъ ихъ. Правъ былъ поэтъ, сказавъ: «не пропадетъ вашъ скорбный трудъ и душъ высокое стремленье».

Когда мы входили въ гор. Верхнеудинскъ, то множество любопытныхъ сопровождали насъ по городу, въ которомъ мы не останавливались. Когда мы подходили къ Торбогатаю, большому старообрядческому и очень богатому селенію, намъ навстрѣчу вышло пропасть народа. Здѣсь мы были расположены по квартирамъ очень большимъ и опрятнымъ. Всѣ эти старообрядческія селенія были очень богаты и имѣли большіе и хорошо устроенные дома и даже съ нѣкоторымъ крестьянскимъ комфортомъ. Между молодежью бо̀льшая часть уже оставила старовѣрческія вѣрованія, конечно, болѣе по равнодушію ко всякому вѣрованію, нежели по сознанію фальши въ ихъ отцовскихъ преданіяхъ, хотя и это они сознавали, но легко и поверхностно. Всѣ почти курили трубки, не смотря на то, что многимъ изъ нихъ доставалось отъ стариковъ. Впрочемъ, у этихъ раскольниковъ не замѣтно было того фанатизма и нетерпимости, какими отличаются закоренѣлые и невѣжественные раскольники въ Россіи. Многіе изъ людей богатыхъ выписывали и читали журналы и газеты, интересовались современностью и охотно входили въ религіозные разговоры съ многими изъ нашихъ, которые хорошо знали церковную исторію.

Торбогатайскіе старовѣры были отличные пахари. Земледѣліе было у нихъ въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, а какъ ихъ мѣстность вообще гористая, то всѣ склоны горъ были воздѣланы съ большимъ

тщаніемъ, что насъ очень удивляло и радовало. Когда мы жили въ Петровскомъ острогѣ, то все хлѣбное продовольствіе намъ привозили изъ Торбогатая. Отсюда мы скоро уже достигли цѣли нашего путешествія.

Петровскій тюремный нашъ замокъ, какъ мы его называли, было огромное деревянное зданіе, выстроенное покоемъ, гдѣ было болѣе 60-ти номеровъ. Снаружи это сплошная стѣна, а внутри кругомъ зданія построена была свѣтлая галлерея съ большими окнами, раздѣленная на многія отдѣленія, которыя по галлереѣ отдѣлялись одно отъ другаго запертыми дверями и каждое имѣло свой выходъ на особый дворъ, обставленный частоколомъ. Мы были сильно озадачены, увидѣвъ, что комнаты наши или номера были совершенно безъ оконъ и свѣтъ проходилъ черезъ дверь, вверху которой были стекла. Но этотъ свѣтъ былъ такъ малъ, что при затворенной двери нельзя было читать. Когда наши благодѣтельныя дамы увидѣли эту постройку, онѣ пришли въ ужасъ. Такъ какъ комендантъ самъ не могъ ничего сдѣлать, то дамы наши тотчасъ же отправили въ Петербургъ письма, въ которыхъ поставили на видъ, что тюрьма эта лишитъ зрѣнія всѣхъ, имѣющихся въ ней содержаться. Такъ какъ въ кару, вѣроятно, не входило наше ослѣпленіе, то въ отвѣтъ на эти жалобы получено было разрѣшеніе сдѣлать по одному маленькому, въ одно звѣно, окну въ наружной стѣнѣ, и то пробито было сверху, такъ что смотрѣть изъ него можно было не иначе, какъ подставивъ столъ, съ полу же былъ видѣнъ клочекъ неба. Но и это было уже благодѣяніе, потому что зимой мы буквально были осуждены на тьму.

Въ нашемъ первомъ отдѣленіи 1-й номеръ былъ занятъ по росписанію Мих. Серг. Лунинымъ, 2-й былъ занятъ служителемъ и сторожемъ-солдатомъ, 3-й былъ занятъ мною и братомъ, затѣмъ 4-й — Вадковскимъ, 5-й — Сутгофомъ и Александромъ Муравьевымъ и 7-й, конечный, Ник. Мих. Муравьевымъ.

Во 2-мъ отдѣленіи помѣщались женатые; тутъ были Нарышкинъ, Трубецкой, Юшневскій, Волконскій; помню Волконскаго и Нарышкина, помню потому, что когда, по требованію коменданта, жены переходили въ казематы къ мужьямъ, то у Волконской былъ рояль, которая съ нею переносилась къ галлерею передъ номеромъ, и мы часто наслаждались пѣніемъ дуэтовъ Марьи Николаевны Волконской съ Елизаветой Петровной Нарышкиной, а иногда и скрипка Вадковскаго къ нимъ присоединялась. Кромѣ прелести двухъ пріятныхъ и музыкально-обработанныхъ голосовъ, оригинально было то, что эти звуки цивилизованнаго міра, звуки граціозной итальянской музыки раздавались въ глубинѣ каземата, почти на границахъ китайской имперіи. Тутъ черезъ дверь ве-

лись также разговоры, когда кто нибудь изъ дамъ относился къ кому нибудь изъ насъ; и тогда различныя позы вѣжливости, принимаемыя разговаривавшимъ лицемъ, насъ иногда очень смѣшили. Это я говорю о тѣхъ, которые не были коротко знакомы въ семействахъ нашихъ женатыхъ товарищей.

Это пребываніе въ казематахъ нашихъ милыхъ и чудныхъ дамъ продолжалось не долго, такъ какъ требовалось только для формы и затѣмъ снова возвращались въ свои дома, которые и здѣсь были заранѣе построены и мужья отпускались къ нимъ. Нельзя при этомъ не вспомнить добрымъ словомъ нашего добряка коменданта С. Р. Лепарскаго, который дѣлалъ все, что только не нарушало его прямыхъ обязанностей, а какъ на счетъ прямыхъ его обязанностей содержать насъ подъ карауломъ онъ могъ быть совершенно покоенъ, что никто изъ насъ уже не помышлялъ о какомъ нибудь бѣгствѣ, то онъ и давалъ волю своему доброму сердцу, облегчая нашу участь и особенно тѣхъ высокихъ существъ, которыя вчужѣ несли ту же казнь, какая постигла ихъ мужей и всѣхъ насъ.

Сверхъ тѣхъ дворовъ, которые принадлежали каждому отдѣленію, къ внѣшней сторонѣ замка или острога въ степь отведено было огромное мѣсто, тоже обставленное частоколомъ, для сада, который при мнѣ еще не былъ устроенъ, а въ мое время это мѣсто служило для прогулокъ лѣтомъ, а для зимы устроены были на высокихъ столбахъ въ 10-ть или 12-ть аршинъ горы, съ которыхъ катались на санкахъ, на лубкахъ, а другіе на конькахъ. Эти горы были устроены такъ, что одна была противъ другой, но въ нѣкоторомъ разстояніи, а между раскатами былъ устроенъ обширный катокъ для катающихся на конькахъ, который содержался въ большой исправности. Лѣтомъ съ высокихъ площадокъ этихъ горъ былъ довольно обширный видъ кругомъ на заводъ, на церковь и на ограничивавшую заводъ степную мѣстность съ пашнями и лугами. Отсюда мы могли участвовать въ богослуженіи Троицына дня, такъ какъ масса народа, не вмѣщавшаяся въ церкви, стояла вокругъ и намъ видно было когда они становились на колѣна, что указывало на послѣдовательность чтенія тѣхъ вдохновенныхъ молитвъ за все и за всѣхъ,—молитвъ, которыхъ нельзя слушать безъ слезъ умиленія и горячей любви къ Богу, всѣхъ призывающему къ своей дивной жизни чрезъ покаяніе, сокрушеніе о своихъ грѣхахъ и пріобрѣтеніе тѣхъ добродѣтелей, которыхъ требуетъ его святость.

За этимъ дворомъ возвышалась лѣсистая высота, на которой иногда видны были намъ посѣщавшіе коменданта, пріѣзжавшіе сановники.

Въ этомъ замкѣ въ серединѣ устроено было особое большое зда-

ніе для обширной кухни. Оно раздѣлялось на двѣ половины; въ одной были кухни, а въ другой большая зала для обѣда и для собраній, какъ по дѣламъ артелей, такъ и по другимъ совѣщаніямъ, касавшимся нашего хозяйственнаго и общественнаго порядка.

Въ этой залѣ происходили также публичныя чтенія изъ разныхъ отраслей знанія. Здѣсь читалъ математику по Франкеру Павелъ Сергѣевичъ Бобрищевъ-Пушкинъ, который былъ преподавателемъ еще въ муравьевскомъ училищѣ. Спиридовъ читалъ свои записки на исторію среднихъ вѣковъ, Оболенскій читалъ философію, Одоевскій курсъ, имъ составленный, русской словесности, съ самаго начала русской письменности и русскую грамматику его сочиненія. Сколько могу припомнить, Никита Михаиловичъ Муравьевъ и Рѣпинъ читали изъ военныхъ наукъ. Другіе читали свои переводы, въ томъ числѣ и мы съ братомъ, кажется, изъ краснаго морскаго разбойника; Петръ Александровичъ Мухановъ читалъ своего сочиненія повѣсть «Ходокъ по дѣламъ». Свои статьи читали и другіе, какъ-то: Басаргинъ, Николай Бестужевъ и еще не помню.

Это устройство, такъ называемой въ шутку, академіи было самою счастливою мыслью достойно образованныхъ и серьезныхъ людей и она давала настоящую работу тѣмъ, которые принимали на себя чтеніе какого нибудь предмета. Тутъ также были прочтены нѣкоторыя пѣсни изъ поэмы «Василько» Одоевскаго и другія его стихотворенія, изъ коихъ нѣкоторыя и напечатаны.

Работы наши и здѣсь продолжались также на мельницѣ, точно въ такомъ же порядкѣ какъ и въ Читѣ, только такъ какъ насъ здѣсь было болѣе числомъ, то выходили на работу по очередно и по партіямъ, а не всѣ каждый день. Изъ всего этого видно, что заключеніе было весьма человѣколюбивое и великодушное; мы лишены были свободы; но кромѣ свободы мы не были ни въ чемъ стѣснены и имѣли все, что только образованный, развитой человѣкъ могъ желать для себя. Къ тому еще если прибавить, что въ этомъ замкѣ или острогѣ были собраны люди дѣйствительно высокой нравственности, добродѣтели и самоотверженія, и что тутъ было такъ много пищи для ума и сердца, то можно сказать, что заключеніе это было не только отрадно, но и служило истинной школой мудрости и добра. Сколько прекрасныхъ чистыхъ сердецъ билось тамъ самою нѣжною и симпатическою дружбою, сколько любви и высокихъ чувствъ хранилось въ этихъ стѣнахъ острога, — чувствъ, такъ рѣдко встрѣчающихся въ обществѣ счастливцевъ!

Немного уже насъ осталось изъ этого истиннаго братства!

Да воздастъ Господь всѣмъ отшедшимъ изъ этого міра въ своемъ дивномъ царствѣ за ихъ братскую чистую любовь!

Одно устройство артели, членами которой были всѣ, но основаніе которой составили одни люди со средствами, уже показываетъ изъ какихъ людей состояло это тюремное братство. Они столько отдавали въ пользу неимущихъ товарищей, что всѣ выѣзжавшіе на поселеніе снабжались крупными суммами изъ артели, чтобы пріѣхавши въ мѣста своего поселенія, въ мѣста самыя пустынныя и негостепріимныя, могъ имѣть каждый возможность устроить для себя покойный уголъ и кусокъ насущнаго хлѣба. Когда въ послѣдствіи всѣ мы разъѣхались и разсѣялись по разнымъ мѣстамъ Сибири, то и тогда такъ называемая «малая артель» изъ этихъ же благодѣтельныхъ людей, не переставала поддерживать бѣднѣйшихъ изъ товарищей заключенія, находившихся въ безпомощномъ состояніи и часто въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ Сибири.

Но вотъ наступилъ и часъ горькой, поистинѣ, разлуки.

Рожденіе великаго князя Михаила Николаевича было ознаменовано сокращеніемъ срока работъ и нашему 4-му разряду приходилось оставлять эту тюрьму, повидимому, мрачную, а на самомъ дѣлѣ не мрачную, а ярко освѣщенное вмѣстилище многаго прекраснаго, возвышеннаго и благороднаго. Тутъ мы разставались навсегда съ добрыми, преданными, истинными друзьями; тутъ мы разставались съ тѣми идеальными существами, которыя такъ много услаждали наше заключеніе и оставляли многихъ влачить еще нѣсколько лѣтъ эту жизнь заключенія.

Глава XIII.

Въ Сибири—на поселеніи.

Не помню всѣхъ подробностей нашего отправленія; но помню, что много саней было занято подъ насъ; помню также, что на первомъ ночлегѣ, когда всѣ мы улеглись по лавкамъ и по полу, насъ очень смѣшилъ Николай Ивановичъ Лореръ, приходившій въ нетерпѣніе отъ пѣнія пѣтуха, который привѣтствовалъ своихъ гостей изъ подъ печи самымъ громогласнымъ и торжественнымъ пѣніемъ. Помню также, на переѣздѣ чрезъ Байкалъ, въ одномъ мѣстѣ ледъ по нашей дорогѣ треснулъ и образовался довольно широкій каналъ. Всѣ ямщики перемѣнили свое направленіе и одни отправились на право искать, гдѣ трещина кончилась, а нашъ взялъ влѣво, но видя, что она идетъ далеко, онъ вдругъ поворотилъ назадъ

и отъѣхавъ нѣкоторое разстояніе, поворотилъ и, сказавъ: «ну, теперь держитесь крѣпче», погналъ лошадей во весь духъ. Мы не успѣли еще сообразить, что онъ хочетъ дѣлать, какъ онъ уже перескочилъ со всею тройкою черезъ трещину. Это былъ истинный сальто-мортале. На берегу Байкала къ Иркутску была станція извѣстнаго тогда ямщика Анкудинова, очень богатаго человѣка. Онъ держалъ отличныхъ лошадей, которымъ давалъ овесъ безъ выгреба, поэтому лошади были сыты. Да это было и необходимо, такъ какъ обѣ станціи его были огромныя, одна черезъ Байкалъ верстъ на 50-тъ, а другая къ Иркутску въ 30-ть верстъ и еще станція по кругоморскому тракту. Онъ хвастался своими лошадьми и, дѣйствительно, было чѣмъ. Помню, что фельдъегерь, по фамиліи Подгорный, бравый молодой человѣкъ, привезшій къ намъ Өедора Өедоровича Вадковскаго и взявшій у насъ безподобнаго Александра Осип. Корниловича, погрозилъ ему по фельдъегерскому обычаю, въ случаѣ, если повезутъ его плохо; онъ запрягъ ему тройку страшныхъ звѣрей и самъ взялъ возжи, сказавъ фельдъегерю, чтобы онъ уже не говорилъ ему тише. Надо прибавить къ этому, что сибиряки-старожилы, вообще, какъ народъ свободный, богатый и независимый весьма горды и малѣйшая обида и узроза ихъ возмущаетъ. Въ наше время дорога къ Иркутску была лѣсомъ, не весьма широка и не пряма. Когда они тронулись, то лошади вдругъ подхватили и деревья только замелькали передъ глазами сѣдоковъ. Тутъ и лихой фельдъегерь струсилъ, тѣмъ болѣе, что онъ везъ Корниловича. Онъ имѣлъ обыкновеніе ѣхать стоя, опираясь на саблю, которая была страшной грозою для ямщиковъ, но тутъ онъ уже уцѣпился за сани обѣими руками и началъ кричать: «тише, тише, останови, держи», но ямщикъ отвѣчалъ: «теперь уже держись, баринъ, я и самъ ихъ не остановлю, только сидите смирно и крѣпче держитесь». Сильною и опытною рукою онъ правилъ своей тройкой, минуя деревья, выдававшіяся по дорогѣ, въ рытвинахъ всегда предупреждая ихъ и такимъ образомъ всю станцію сдѣлалъ, какъ намъ разсказывалъ самъ, въ часъ и много что въ полтора. Натрусился же и молодецъ фельдъегерь! Когда пріѣхали на станцію, ямщикъ, потирая ноздри своимъ скакунамъ, спросилъ: «Ну что, ваше благородіе, покойно вамъ было? Такъ въ другой разъ поѣдете, не грозите Анкудинову».

Берега Байкала очень высоки и лѣсисты. Когда мы любовались красотой береговъ, представляя себѣ, какъ они должны быть живописны весною, глаза наши встрѣчали на крутизнахъ дикихъ козъ, которыя съ огромной высоты безъ страха смотрѣли на насъ, не трогаясь съ мѣста. На берегу Байкала были поселены впослѣдствіи и нѣкоторые изъ нашихъ товарищей. Въ Иркутскѣ помню, что намъ

отвели очень просторную, свѣтлую и чистую квартиру. Тутъ насъ посѣтилъ ген.-губ. Лавинскій, весьма любезно разговаривалъ съ нами, но объявилъ, что по волѣ государя мы будемъ поселены по одиночкѣ; «это, впрочемъ, впослѣдствіи, сказалъ онъ, можетъ измѣниться, но теперь такъ приказано». Нашъ поэтъ Одоевскій былъ родственникомъ Лавинскому; онъ, вѣроятно, говорилъ ему о нашей взаимной дружбѣ и такъ вѣроятно заинтересовалъ его, что онъ приказалъ мнѣ написать коротенькую докладную записку, въ которой я просилъ его ходатайствовать предъ государемъ о переводѣ меня къ брату, такъ какъ я назначенъ былъ въ Илгинскій заводъ на Лену, а ему выпалъ жребій поселенія въ городъ Минусинскъ, прекрасное мѣсто на Енисеѣ. Къ намъ приходили нѣкоторыя лица или знакомые съ кѣмъ либо изъ родныхъ нашихъ товарищей, въ томъ числѣ кап.-лейт. Ник. Вукол. Головнинъ, мой товарищъ по выпуску. Онъ командовалъ Байкальской флотиліей. На другой день мы у него обѣдали и провели день очень пріятно между нѣкоторыми его подчиненными офицерами и другими гостями. Когда наступило время нашего отправленія, онъ прислалъ намъ цѣлый мѣшокъ сибирскихъ пильменей, которыхъ достало намъ съ Пушкинымъ на всю дорогу. Бобрищевъ-Пушкинъ ѣхалъ со мной до Верхо-Ленска, гдѣ былъ поселенъ; а я проѣхалъ далѣе до Илгинскаго завода. Выѣздъ нашъ былъ въ достопамятный для меня день кануна срѣтенія господня. Когда мы выѣхали изъ крѣпости, насъ провожали до заставы Головнинъ съ моимъ братомъ, гдѣ мы съ нимъ и простились. Конечно, разставаніе съ братомъ было очень грустное. Помнится, что слѣдующая за первою станціею было большое богатое село Аекъ, куда мы пріѣхали уже за полночь. Въ 4 часа ударили къ заутрени, и мы съ Пушкинымъ отправились въ церковь. Въ храмѣ, весьма богатомъ и благолѣпномъ, было пропасть народа. Служилъ священникъ, старецъ ста лѣтъ, но еще бодрый и съ глубокимъ чувствомъ произносившій всѣ служебные возгласы. Послѣ заутрени онъ подошелъ къ намъ, спросилъ насъ, откуда и куда мы ѣдемъ; узнавъ же, что мы ѣдемъ на поселеніе и нарочно остались ночевать, чтобы въ этотъ праздникъ быть у заутрени, онъ благословилъ насъ и сказалъ словами Спасителя: «Грядущаго ко мнѣ не изжену вонъ!» По возвращеніи на квартиру, мы распорядились отварить пильмени и съ большимъ аппетитомъ пообѣдали. Послѣ обѣда отправились далѣе. Такъ какъ мы съ Пушкинымъ были очень дружны и совершенно единомысленны въ вѣрѣ и въ чувствахъ, то путешествіе наше было очень пріятно.

Хотя мнѣ было очень грустно разстаться съ братомъ, съ которымъ мы были соединены нѣжнѣйшею дружбой, а теперь разстава-

лись, можетъ быть, очень надолго, если не навсегда; но полная всепреданность и покорность волѣ Божіей и полная увѣренность въ его милосердіи ко всѣмъ, призывающимъ его съ вѣрою и любовью, утѣшали меня. Къ тому же я надѣялся, что ему будетъ хорошо въ мѣстѣ его жительства, такъ какъ по слухамъ это было одно изъ лучшихъ мѣстъ въ числѣ назначенныхъ для нашего поселенія. Въ Верхо-Ленскѣ мы простились и съ Пушкинымъ, и мое одиночество внезапно охватило меня, такъ что скорбныя чувства уже были готовы овладѣть мною, но и тутъ вѣра и покорность Богу восторжествовали. Наконецъ, я доѣхалъ и до мѣста своего назначенія.

Въ Илгинскомъ заводѣ меня привезли къ управляющему заводомъ Вас. Тимоф. Павлинову. Онъ меня принялъ очень вѣжливо, приказалъ отвести мнѣ квартиру и просилъ навѣщать его. Жена его Ирина Ѳоковна была женщина чудной доброты и самаго кроткаго и тихаго характера. Сколько было въ ней любви и сожалѣнія къ несчастнымъ каторжникамъ, находившимся подъ вѣдѣніемъ ея мужа, и какъ много добра она дѣлала имъ! Отъ нея они получали рубашки, которыя сама шила и раздавала. Ни одинъ изъ нихъ не уходилъ съ ея двора, не получивъ пищи или одежды; она заботилась о больныхъ, помогала, какъ могла. За то и они всѣ очень любили и уважали ее; у нихъ былъ сынъ лѣтъ восьми и дочь Леночка лѣтъ двѣнадцати, необыкновенно милая и умная дѣвочка. Когда я сталъ съ ними заниматься преподаваніемъ французскаго языка, ариѳметики, исторіи и географіи, то ея прилежаніе и ея успѣхи изумляли меня. Она вовсе не была похожа на своихъ сверстницъ по возрасту; она такъ любила занятія и чтенія, что въ праздники, когда не было классовъ, скучала и когда я по вечерамъ приходилъ къ нимъ, то она сейчасъ садилась возлѣ меня и старалась что нибудь узнать изъ моихъ разговоровъ, задавая вопросы всегда болѣе серьезные, нежели дѣтскіе. Я къ этому ребенку привязался душой; она была для меня лучшимъ наслажденіемъ въ моемъ изгнаніи и истинною отрадою. Когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ пришло распоряженіе перевести меня изъ завода въ Балаганскую волость, на Ангарѣ, то мнѣ очень и очень грустно было разставаться съ этимъ семействомъ. Ирина Ѳоковна была отличная хозяйка; ея домъ былъ какъ полная чаша, и она снабжала меня въ изобиліи всякой провизіей и это съ самаго моего пріѣзда, почему я изъ благодарности и предложилъ имъ заниматься съ ихъ дѣтьми, отказавшись отъ платы, которую предлагали.

Илгинскій заводъ былъ расположенъ въ ущельѣ при небольшой рѣчкѣ изъ родниковъ. Это было огромное зданіе, день и ночь оглашаемое шумомъ и гамомъ. Иногда при-какой-то работѣ раздавалось

какое-то очень стройное пѣніе съ уханьемъ. Ночь онъ былъ весь освѣщенъ; паръ стоялъ надъ нимъ и искры выбрасывались изъ трубъ. Я нанялъ себѣ квартиру на одной полугорѣ, на противуположной сторонѣ ущелья, и эта мрачная, хотя величественная картина была безпрестанно передъ глазами. Рѣдкій день проходилъ, чтобъ на дворъ ко мнѣ передъ мои окна не являлись личности, возбуждавшія самыя горькія чувства. Это были несчастные оборванные, полуногіе, босые каторжники, которые проходя останавливались передъ окнами и безъ обычныхъ нищенскихъ выпрашиваній молча стояли до тѣхъ поръ, пока имъ не выдавалось что нибудь; тогда они безмолвно уходили. Это зрѣлище поражало меня въ сердце, особенно когда я увидѣлъ ихъ обнаженными въ страшный морозъ, но одинъ изъ ссыльныхъ, посѣщавшихъ меня, уже уволенный отъ работъ, объяснилъ мнѣ причины этихъ явленій. У рабочихъ была страсть къ игрѣ въ кости и тутъ они все проигрывали даже до рубашки. Посѣщавшій меня былъ урядникомъ донскаго войска; онъ былъ сосланъ за нанесеніе удара кіемъ одному офицеру, во время билліардной игры въ Новочеркаскѣ, отъ котораго тотъ умеръ. Ссора произошла въ игрѣ и хотя онъ не имѣлъ намѣренія его убить, но все же былъ осужденъ. Его знали и управляющій, и жена его за хорошаго человѣка. Онъ дѣлалъ многіе походы и разсказы его меня очень занимали.

Пріѣхавъ на население, я былъ лишенъ утѣшенія посѣщать церковь, которая была въ 5-ти верстахъ отъ завода въ Знаменской слободѣ, а мнѣ не дозволялось никуда выѣзжать изъ завода. Я написалъ письмо къ графу Бенкендорфу, въ которомъ представлялъ ему свое религіозное настроеніе и просилъ о разрѣшеніи ѣздить въ Знаменскую слободу. Къ пасхѣ было получено это разрѣшеніе и мы съ управляющимъ отправились къ заутрени. Не могу описать того чувства духовнаго восторга, которое овладѣло мною при этой дивной заутрени. Уже протекло болѣе 7-ми лѣтъ, какъ я не слыхалъ въ храмѣ пѣнія «Христосъ Воскресе». И вотъ теперь, среди благоговѣйнаго собранія вѣрующихъ, я слышалъ эту дивную пѣснь, которую ангелы поютъ на небеси. Въ этотъ день и въ ночь у меня сильно болѣла голова и я почти больной поѣхалъ къ заутрени, такъ что войдя въ эту массу народа, мнѣ почти сдѣлалось дурно и я долженъ былъ выйдти изъ церкви. Но когда запѣли первый «Христосъ воскресе», то и я воскресъ съ его воскресеніемъ. Послѣ заутрени мы закусили до обѣдни въ домѣ священника, а послѣ обѣдни должны были у него же совершить разговѣнье; затѣмъ уѣхали домой. Передъ пасхой я говѣлъ и пріобщался св. тайнъ. Духовнымъ отцемъ моимъ былъ отецъ Петръ, священникъ одной церкви, къ приходу которой

зоводъ былъ приписанъ. Это былъ истинный христіанинъ и истинный священникъ; онъ былъ человѣкъ пожилой, но очень живой и бодрый, еще стараго церковнаго воспитанія, то есть не былъ въ семинаріи, но былъ очень любознателенъ и развитъ. Онъ въ теченіи своей жизни собралъ очень порядочную библіотеку и очень любилъ читать; по апостольской же ревности своей и добродѣтелямъ былъ истиннымъ пастыремъ своихъ духовныхъ дѣтей. Онъ зналъ всѣхъ своихъ прихожанъ, часто посѣщалъ ихъ всѣхъ и всегда съ ласкою и назидательнымъ словомъ; а когда узнавалъ объ обращающихся на путь истины, то уже часто навѣщалъ ихъ и всегда съ евангеліемъ, которое читалъ имъ громко и затѣмъ объяснялъ, убѣждалъ и воспламенялъ въ нихъ любовь къ Господу и Искупителю. Я зналъ многихъ, которыхъ вся жизнь сдѣлалась вполнѣ христіанскою и между ними были нѣкоторые изъ поселенцевъ, такъ что общество этихъ людей, поистинѣ, напоминало первыхъ христіанъ по жизни, благочестію и ревности. Съ моимъ религіознымъ направленіемъ, какъ мнѣ пріятно было увидѣть тутъ подобіе первыхъ христіанъ съ тою же простотою сердца и чистыхъ нравовъ, съ тою же братскою любовью, съ тою же готовностью на всякое доброе дѣло и съ тѣмъ же бодрствованіемъ надъ своими внутренними движеніями; а въ этомъ только во всѣ вѣка, во всѣхъ народахъ и познаются истинные христіане, составляющіе истинную вселенскую апостольскую церковь. Одинъ изъ нихъ былъ старикъ поселенецъ и старушка его жена. По ихъ добрымъ дѣламъ и глубокому благочестію и ревности эта пара напоминала нѣсколько Прискиллу и Аккилу ап. Павла. Они были люди довольно зажиточные и никто изъ нуждавшихся не проходилъ мимо ихъ оконъ, чтобы они не помогли ему. Я у нихъ останавливался, пріѣзжая къ заутрени или послѣ пасхи ко всенощной, когда я и ночевалъ у нихъ. Единомысленные въ вѣрѣ скоро связываются узами христіанскаго братства, что было и между нами. У меня было нѣсколько книгъ духовнаго содержанія, которыя я привозилъ съ собою и читалъ имъ. Тутъ былъ также одинъ казачій пятидесятникъ, въ паралель римскому сотнику; одинъ старецъ съ больными ногами, едва ходившій, но не смотря на это каждый годъ странствовавшій къ чудотворцу Иннокентію, котораго мощи почиваютъ въ монастырѣ около Иркутска. Тѣ, которые ходили съ нимъ на это богомолье, разсказывали мнѣ, что во время этого странничества онъ не только не отставалъ, а опережалъ другихъ изъ партіи. Еще одна дѣвица, отказавшаяся отъ замужества и совершенно посвятившая свою жизнь Богу и дѣламъ благочестія. При этомъ нельзя незамѣтить, какъ много значитъ такой духовный руководитель, какимъ былъ отецъ Петръ; никто изъ тѣхъ, которые посвятили себя слу-

женію Богу и благочестію не располагали, по крайней мѣрѣ въ мое время, удалиться изъ міра, а всѣ жили въ обществѣ и конечно много способствовали своимъ примѣромъ обращенію другихъ и поддержанію добрыхъ христіанскихъ нравовъ. Каждую ночь, по древнему обычаю, они зажигали свѣчи или лампады передъ образами и совершали свою полуночную молитву; утромъ же всѣ принимались за свои обычныя занятія. Очень оригинально было разсужденіе старушки, о которой я упоминалъ. По ея понятію, животное, закалываемое для пищи человѣка, этимъ самымъ удостаивается великой чести и, такъ сказать, радуется, служа для питанія человѣческаго тѣла, которое вмѣщаетъ въ себѣ безсмертную душу, созданную по образу и подобію Божію; дохлая же скотина дѣлается смрадною добычею звѣрей и собакъ. Отецъ Петръ, по окончаніи обѣдни выходя изъ церкви, всегда подавалъ милостыню нищимъ, но въ то же время всегда обращался къ нимъ съ назиданіемъ, представляя имъ страшный грѣхъ тунеядства и ложнаго нищенства, за которое постигнетъ ихъ гнѣвъ Божій, а истиннымъ нищимъ внушалъ, что принимая милостыню, они этимъ самымъ принимали на себя обязанность усердно молиться за благотворителя.

За строгость своихъ правилъ въ исполненіи его духовныхъ обязанностей о. Петръ нѣкоторыми былъ не любимъ. Такъ, однажды, во время говѣнія, въ день причастія онъ не хотѣлъ причастить св. тайнъ командовавшаго въ заводѣ гарнизонною ротою офицера, за то, что онъ пріѣхалъ уже послѣ заутрени. Когда тотъ сталъ ему возражать съ неудовольствіемъ за эту строгость, приводя какія-то причины, то онъ сказалъ: «въ такомъ случаѣ послушайте чтеніе заутрени», и приказалъ клирику тотчасъ же начать чтеніе. Словомъ, это былъ истинный и добрый пастырь своихъ овецъ и вполнѣ сознавалъ свою отвѣтственность передъ великимъ пастыреначальникомъ и Господомъ.

Когда уже разлилась Лена и всѣ рѣки, въ маѣ мѣсяцѣ, пришло повелѣніе, о которомъ я упоминалъ, перевести меня изъ завода въ Балаганскую волость на Ангарѣ. Это извѣстіе было для меня очень прискорбно, потому что мнѣ тутъ жить было очень пріятно. Искренняя пріязнь семейства Вас. Тимоф., его чудной жены, ихъ милыхъ любившихъ меня дѣтей, замѣнявшихъ мнѣ далекихъ родныхъ, чрезвычайно услаждала мою жизнь. Когда я заболѣлъ простудой, я никогда не забуду ихъ нѣжной заботливости обо мнѣ, ихъ участія и попеченія. Для служенія мнѣ дали мальчика лѣтъ двѣнадцати, котораго я училъ грамотѣ и, такъ сказать, воспитывалъ. Сначала онъ боялся спать одинъ въ ожиданіи моего возвращенія, а когда я внушилъ ему, что ему бояться не должно, такъ какъ мы всегда охраня-

емы Богомъ и его ангелъ невидимо находится съ нами, то этотъ 12-ти лѣтній мальчикъ съ такою вѣрою принялъ это внушеніе, что съ тѣхъ поръ всегда спалъ одинъ въ моей избѣ, которая была отдѣлена отъ хозяйскаго дома цѣлымъ дворомъ. Я рѣдко въ мою продолжительную жизнь встрѣчалъ дѣтей этого возраста, которые съ такою любовью учились и такъ усваивали наставленія. Я жилъ у одного раскольника, тоже отставнаго каторжника и также бывшаго донскаго казака, у котораго была жена тоже одного толка съ нимъ. Онъ былъ очень зажиточенъ, торговалъ омулями, былъ совершеннѣйшимъ типомъ нашихъ закоренѣлыхъ раскольниковъ, исполняя по старинѣ всѣ обычаи старины и въ томъ числѣ непремѣнно каждую субботу ходилъ въ баню вмѣстѣ съ своею женою.

У меня было много духовныхъ книгъ, въ томъ числѣ большая библія, съ которою я не разставался и какъ онъ меня частенько навѣщалъ, то я часто съ нимъ разговаривалъ, иногда касаясь и ихъ заблужденій. Я ему разъяснилъ, что причина раскола есть невѣжество ихъ отцевъ, которые неправильно называли себя старовѣрами, ибо исправленныя церковныя и богослужебныя книги были исправлены по тѣмъ первоначальнымъ богослужебнымъ книгамъ, которыя мы получили отъ грековъ вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою и которыя были принесены первыми проповѣдниками. Онъ помалчивалъ, иногда поддакивалъ, но не знаю, соглашался или нѣтъ. Однажды онъ, прійдя ко мнѣ, сказалъ: «вотъ я вижу, ты человѣкъ ученый, у тебя много и книгъ, скажи-ка, правда ли то, какъ насъ учили о табакѣ, что когда Господь сотворилъ міръ, то дьяволъ сказалъ ему: «вотъ, Господи, ты все сотворилъ, дай и мнѣ хоть что нибудь сдѣлать». Господь позволилъ и онъ воткнулъ въ землю палку и изъ нея выросъ табакъ». Тутъ я взялъ библію и прочелъ ему всѣ шесть дней творенія. Онъ задумался, а я сказалъ: «вотъ видишь, какъ васъ обманываютъ и конечно по внушенію того же дьявола; ну гдѣ тутъ говорится о табакѣ?» На это онъ указалъ, что гдѣ-то апостолъ говоритъ о зломъ корнѣ, это-то и есть табакъ. Я ему прочелъ то мѣсто посланія къ евреямъ, гдѣ говорится объ этомъ и старался объяснить ему, что не должно брать отдѣльно какое нибудь слово, а надо взять вмѣстѣ всѣ слова наставленія апостола, который говоритъ: «наблюдайте, чтобъ кто не отпалъ отъ благодати божьей»; вотъ о чемъ говоритъ апостолъ, что бы между вами не возникъ какой нибудь горькій корень и тутъ же прибавляетъ, чтобъ не было у васъ какого блудника или нечестивца,—вотъ что значитъ горькій корень. Во времена апостоловъ еще не знали и не слыхали о табакѣ, то какже онъ могъ говорить о немъ? Онъ задумался, но не сказалъ ни

слова. Жена его была славная, добрая старушка, очень ласкала моего Ивана и хорошо его кормила. Она и мнѣ тоже готовила кушанье и очень вкусно, а главное опрятно. Когда я былъ боленъ, случилось, что каша у нея въ печи вышла изъ горшка и стала возлѣ; изъ этого она заключила, что я должно быть умру.

Въ заводѣ жила на квартирѣ также осужденная въ работы, но конечно никогда не работавшая полковница, (въ Сибири вообще осужденные въ работы дворяне освобождаются отъ нихъ, а только числятся), сколько помню, по фамиліи Полянская, Прасковья Андреевна. Какъ она разсказывала, то была невинною жертвой преступленія своего мужа, который былъ изобличенъ въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій. Она уже очень давно была въ Сибири, жила сначала съ мужемъ, а потомъ одна и часто переводилась изъ одного мѣста въ другое. Она жила въ селеніи, расположенномъ въ два ряда по ущелью, которое было выстроено и заселено отставными каторжниками и ихъ семействами. Освобожденные до срока или по ихъ неспособности, или болѣзни, или за хорошее поведеніе они жили своими домами, занимались хлѣбопашествомъ, а нѣкоторые торговлей; у нея была очень чистенькая, свѣтленькая квартира изъ трехъ комнатъ. Она не утратила своихъ дворянскихъ привычекъ и потому вся обстановка ея квартиры была очень прилична, хотя и проста. Въ заводѣ много разныхъ мастеровыхъ и потому за деньги можно все имѣть. Дочь хозяина, котораго семья жила въ другой половинѣ, дѣвушка прислуживала ей. Она бывала также и у Ирины Ѳоковны, которая поддерживала ее и снабжала всѣмъ. Это была женщина очень умная и какъ принадлежавшая къ небѣдному классу дворянъ (у нея было 200 душъ), то и въ образованіи была представительницей дворянскихъ дамъ наиболѣе развитыхъ. Я ее часто посѣщалъ и какъ она была очень религіозна, читала много св. писанія, то ея сообщество было для меня очень пріятно, тѣмъ болѣе, что она всегда встрѣчала меня съ особеннымъ радушіемъ и любовью. Задачей своей жизни она поставила возможное обращеніе на путь истины заблудшихся сектантовъ, которыхъ тамъ было много. Между ними особеннаго вниманія заслуживалъ одинъ молоканъ-субботникъ. Это былъ фанатикъ въ полномъ значеніи слова. Онъ и сосланъ былъ за то, что растопталъ ногами образъ Богородицы. Онъ ненавидѣлъ христіанство вообще и особенно не могъ слышать преблагословеннаго имени Іисуса Христа. Когда она пробовала обратить его ко Христу, то онъ сказалъ ей: «не говорите мнѣ объ этомъ имени, я не могу слышать его, у меня вся внутренность поворачивается», такъ что въ этомъ она уже отчаялась, какъ говорила мнѣ. Онъ сталъ посѣщать также и

меня и просилъ книгъ. У меня были съ собою бесѣды митрополита Михаила. Я сказалъ ему: «если хочешь, вотъ какія у меня книги». Первый томъ съ портретомъ преосвященнаго онъ не взялъ, а взялъ другой. Когда я съ нимъ покороче познакомился, то увидѣлъ, что это былъ человѣкъ недюжинный, а весьма развитой. Онъ пропасть читалъ, зналъ даже Лока, Декарта, Бекона. Кромѣ русскаго, другихъ языковъ онъ не зналъ. Когда я выразилъ ему мое удивленіе на это, онъ сказалъ: «читалъ я все это, но это философія». Эта философія не отвлекла его отъ библіи, которую онъ толковалъ въ іудейскомъ смыслѣ. По седмицамъ Даніиловымъ онъ выводилъ заключенія къ настоящему времени. Какъ видно, онъ начитался толмудистскихъ толкованій и другихъ іудейскихъ мудрецовъ. Михаилъ у него, какъ кажется, означало воцареніе истины, и все въ этомъ родѣ. Я хотя самъ тогда не былъ очень силенъ въ писаніяхъ св. отцевъ, но все таки настолько зналъ ихъ, чтобы противопоставить ему ихъ истинное толкованіе; но тогда въ это короткое время это толкованіе было безуспѣшно. Внѣ его фанатизма, который не поддавался ни на какую уступку, это былъ человѣкъ съ прекрасными качествами. Много дѣлалъ добра нуждающимся, былъ очень кротокъ, строго нравственной жизни, такъ что я хотѣлъ было дѣйствовать на него, затронувъ струну его сердца, дѣйствовать на его добрыя и кроткія чувства. Я старался представить передъ его глазами божественный образъ Спасителя въ тѣхъ его чертахъ, гдѣ такъ ясно и такъ увлекательно выражается бездна его любви къ человѣчеству, его кротость, его благость и снисходительность къ людямъ грѣшнымъ, его готовность всегда принимать кающихся и проч. Онъ слушалъ молча; видно, что эти черты на него дѣйствовали, но потомъ вдругъ сказалъ: «ахъ, Александръ Петровичъ, вы не знаете.... но я не могу вамъ сказать всего того, что я...»; онъ махнулъ рукой, не досказавъ слова. Но я понялъ, что онъ подразумѣвалъ какое нибудь видѣніе, которое принялъ за откровеніе свыше. На это я сказалъ ему: «любезный другъ, вѣдь сатана иногда принимаетъ видъ и свѣтлаго ангела»; онъ ничего не сказалъ и ушелъ. Мнѣ душевно было жаль этого человѣка.

Можетъ быть, Господь за его добрыя дѣла и привлечетъ его къ себѣ. Еслибъ онъ встрѣтился съ человѣкомъ образованнымъ и въ то же время твердымъ и просвѣщеннымъ христіаниномъ, который бы заставилъ его полюбить себя, то думаю, можетъ быть, онъ обратился бы. Онъ имѣлъ свой домъ, табачную лавочку и снабжалъ всѣхъ нюхательнымъ табакомъ и въ томъ числѣ Палагею Андреевну.

Когда извѣстіе о моемъ отъѣздѣ распространилось между рабочими завода, то интересно привести одно психическое явленіе, ко-

торое доказываетъ, что нѣтъ человѣка, у котораго не сказывался бы тотъ внутренній голосъ, который вложилъ Творецъ въ сердце каждаго человѣка,—только человѣка изъ всѣхъ живущихъ тварей, какъ существа разумнаго. Возбудить этотъ голосъ совѣсти въ падшемъ преступникѣ—вотъ благородная задача правителей! Мнѣ предстояла дорога горами и лѣсомъ на колесахъ или плыть Леной. Дорога лѣсомъ была небезопасна, такъ какъ тамъ кочевали обыкновенно бѣглые съ завода и могли напасть и ограбить; но вотъ приходитъ ко мнѣ мой пріятель урядникъ и разсказываетъ, что вчера въ обществѣ каторжниковъ постановлено было сообщить всѣмъ и дать знать, что если я поѣду горами и кто нибудь изъ нихъ тронетъ меня, то съ нимъ расправятся своимъ собственнымъ судомъ и это за какой нибудь кусокъ холста и рубашку или какую нибудь копѣйку! И это въ средѣ отверженныхъ, глубокоразвращенныхъ людей! Если же въ сердцѣ есть благодарность, это дитя любви, то это сердце, при благомъ воздѣйствіи на него слова любви, можетъ скоро украситься многими добродѣтелями и возвратить утраченное добро. Повторяю, вотъ задача правителей!

Послѣ многихъ разсужденій рѣшено было, что мнѣ покойнѣе будетъ плыть Леной. Распростившись со своими знакомыми и съ сердечнымъ чувствомъ сожалѣнія съ милымъ семействомъ, которое было истинною отрадою въ моемъ изгнанническомъ одиночествѣ, и съ милой ученицей моей, я былъ душевно растроганъ, такъ какъ видѣлъ, что и они раздѣляли мое чувство. Ученица моя сдѣлала такіе успѣхи, что отецъ не хотѣлъ оставить неоконченнымъ начатое развитіе и хотѣлъ помѣстить ее куда нибудь въ Москвѣ, что̀ потомъ и исполнилъ, какъ писалъ мнѣ въ Минусинскъ. Мы сѣли въ тарантасъ съ Вас. Тимоф., который взялъ и сына своего проводить меня и отправить къ пристани. Тутъ уже была готова большая лодка съ гребцами и мы отплыли.

Днемъ наше плаваніе было очень пріятно.

Лѣвый берегъ Лены составляютъ высокія горы, одѣтыя лѣсомъ, чрезвычайно живописныя, такъ что я, любитель природы, съ восторгомъ любовался чудной картиной гигантской рѣки съ ея величественными, хотя и дикими берегами. Правый берегъ имѣлъ бичевникъ, и лодку нашу влекли довольно быстро двѣ лошади, которыя смѣнялись по станціямъ. Когда же наступали вечера, то необъятныя тучи комаровъ какъ пологъ закрывали лодку, такъ что не было возможности дышать. Это была истинная пытка для меня. Рабочіе всѣ были вымазаны дегтемъ, да и все это народъ былъ привычный къ этимъ неудобствамъ мѣстности, но я рѣшительно не зналъ куда дѣваться.

Мнѣ дали съ собою огромный пологъ, подъ которымъ я и скрывался ночью; отъ духоты сонъ мой былъ очень плохой. На третій день нашего плаванія мы увидѣли скачущаго по горному берегу тропинкой, на огромной высотѣ, казачьяго урядника, съ сумкой черезъ плечо, въ сопровожденіи казака и еще провожатыхъ. Мнѣ сказали, что это нарочный изъ Иркутска, такъ какъ это былъ обычный способъ отправленія правительственныхъ депешъ, а такъ какъ я ожидалъ своего перевода въ Минусинскъ къ брату, то что-то внутри меня сказало, что урядникъ везетъ высочайшее повелѣніе. Это такъ и было. Только что мы остановились обѣдать и я велѣлъ сварить себѣ уху изъ великолѣпнаго налима съ молòками и принялся обѣдать, какъ вошелъ пріѣхавшій урядникъ и передалъ провожавшему меня депешу, гдѣ повелѣвалось довезти меня до Верхоленска, а тамъ взять П. С. Бобрищева-Пушкина и ѣхать вмѣстѣ въ Иркутскъ, такъ какъ государь соизволилъ перевести меня къ брату въ Минусинскъ, а Бобрищева-Пушкина къ брату же его въ Красноярскъ.

Я былъ въ восторгѣ и изъ глубины души возблагодарилъ великодушнаго государя. Въ тѣхъ обстоятельствахъ жизни, въ какихъ мы находились, всякое добро, всякое снисхожденіе, намъ оказанное, возбуждали въ сердцѣ чувство глубокой благодарности. Оно и понятно: мы были лишены всѣхъ правъ, насъ можно было терзать, уничтожать, лишить даже того, что потребно для жизни и дыханія. И когда въ этомъ безвыходномъ положеніи вамъ оказываютъ уваженіе, вниманіе, пріязнь, стараются заставить васъ позабыть о томъ, что вы уже не въ томъ положеніи, въ какомъ были прежде, и что для всѣхъ окружающихъ васъ какъ будто этимъ несчастіемъ стали еще выше, когда, говорю, видимъ на себѣ все это, понятно, что сердце такъ умягчается, наполняется такою любовью къ людямъ, что кажется, будто оно прежде не чувствовало такъ сильно, не могло такъ любить, какъ теперь. Несчастливцу надо немного, чтобы сдѣлать его счастливымъ. Вотъ поданная рубаха обнаженному, хотя бы и игрою въ кости, но отъ этого не менѣе страдающему отъ холода; кусокъ хлѣба голодному, слово утѣшенія угнетенному скорбію,—какія благородныя чувства благодарности породили въ каторжникахъ и какъ смягчили ихъ черствыя чувства!

Узнавъ о великодушномъ разрѣшеніи государя соединить меня съ братомъ, я уже былъ счастливъ, хотя все же это была тоже ссылка, тоже положеніе внѣ закона, но я былъ веселъ, доволенъ; я былъ счастливъ въ самомъ несчастіи.

Въ Верхоленскъ мы приплыли послѣ сильной грозы и намъ разсказывали, что въ эту грозу рыбака на рѣкѣ убило молніей. При вы-

ходѣ изъ судна мнѣ показали квартиру Бобрищева-Пушкина, куда я и отправился; крѣпко мы обнялись съ нимъ и отъ сердца возблагодарили Господа. Пушкинъ своею вѣрою и истинно христіанскою жизнью вполнѣ уподоблялся первымъ христіанамъ. Онъ еще въ нашемъ заключеніи велъ жизнь по образцу первыхъ христіанъ. Такъ, онъ недѣлю работалъ (я уже упомянулъ прежде, что онъ былъ отличный закройщикъ, портной и превосходный столяръ), въ субботу же въ вечерню онъ складывалъ всѣ свои орудія, зажигалъ лампадку передъ образомъ и занимался чтеніемъ библіи и другихъ религіозныхъ книгъ, или благочестивою бесѣдою, или молитвой. Онъ, какъ между нами, былъ твердымъ и побѣдоноснымъ поборникомъ вѣры во Христа и его ревностнымъ ученикомъ, такъ онъ жилъ и здѣсь, дѣлая добро, ухаживая за больными, помогая, чѣмъ могъ, нуждающимся, бесѣдуя о царствіи божіемъ и, вѣроятно, эта жизнь его была плодотворна, потому что когда мы ѣхали улицей большаго села, то насъ постоянно останавливали выбѣгавшіе изъ домовъ жители и прощались съ нимъ горячими объятіями. Всѣ почти плакали, разставаясь съ нимъ. Образцемъ его христіанскаго смиренія служитъ слѣдующій разсказъ. Онъ не пропускалъ ни одной божественной службы, какъ прежде еще въ казематѣ привыкъ читать при служеніи, то и здѣсь онъ читалъ на крылосѣ. Такъ какъ онъ хорошо читалъ и внятно, то священникъ всегда поручалъ ему чтеніе, особенно великимъ постомъ, когда много чтенія при богослуженіи. Эта привилегія не понравилась одному дьячку, потому ли, что имъ овладѣла зависть за это предпочтеніе; было ли ему унизительно,—только онъ сталъ питать вражду противъ Пушкина и старался ему вредить какъ только могъ. Пушкинъ съ радостью бы перенесъ всѣ эти навѣты и клеветы, но его сокрушало дурное и опасное состояніе ближняго, и вотъ, вспомнивъ божеств. слова Спасителя: «добромъ побѣждайте всякое зло», онъ во время говѣнья, передъ исповѣдью, нашелъ его гдѣ-то и упалъ къ нему въ ноги, прося простить его и не питать на него злобы. Онъ вспомнилъ, что Христосъ велѣлъ оставить даръ свой предъ алтаремъ и прежде примириться съ братомъ, если онъ имѣетъ нѣчто на тебя. Врагъ его, зная, что, Бобрищевъ-Пушкинъ человѣкъ благороднаго рода, «нѣжнаго», какъ народъ выражается, воспитанія, умный, ученый кланяется ему въ ноги, былъ такъ пораженъ этимъ смиреніемъ и побѣжденъ, что съ этой минуты до самаго отъѣзда Пушкина былъ искренно ему преданъ.

Пріѣхавши вмѣстѣ съ нимъ въ Верхоленскъ, мы теперь съ нимъ ѣхали и обратно, но теперь съ чувствомъ болѣе отраднымъ. Я ѣхалъ къ брату моему и другу въ Минусинскъ, областной городъ на Ени-

сеѣ, который славился въ Сибири хорошимъ климатомъ, гдѣ даже на бахчахъ росли и дозрѣвали арбузы и дыни, хотя не крупные. Тамъ еще прежде насъ былъ поселенъ нашъ товарищъ изъ нижняго разряда Сер. Ив. Кривцовъ, въ то время уже опредѣленный на Кавказъ; Бобрищевъ-Пушкинъ ѣхалъ въ Красноярскъ, губернскій городъ, гдѣ могъ найти образованное общество, гдѣ уже былъ одинъ изъ нашихъ товарищей Семенъ Григ. Краснокутскій, бывшій оберъ-прокуроръ сената, разбитый параличемъ и невладѣвшій ногами; онъ былъ сосланъ просто на поселеніе. Правда, что радость Пушкина была отравлена; онъ просился туда, чтобы взять на свое попеченіе сумасшедшаго своего брата, лишившагося разсудка въ отдаленной ссылкѣ и переведеннаго въ Красноярскъ для пользованія, но все же онъ могъ облегчить его положеніе и могъ надѣяться привести его въ сознаніе. Теперь мы ѣхали лѣтомъ, когда природа представлялась намъ во всей своей красотѣ, съ самыми разнообразными живописными видами. По дорогѣ вездѣ виднѣлись богатыя села съ двухъ этажными домами, окна которыхъ съ занавѣсками были уставлены цвѣтами и другими растеніями. Въ такихъ селахъ пріятно было остановиться. Чистота образцовая вездѣ. Въ дверахъ, въ симетрическомъ порядкѣ, разставлены были земледѣльческія орудія, телѣги, бороны, плуги, сбруя— все это подъ тесовыми навѣсами; конюшни полныя лошадьми, превосходно содержимыми. Это довольство, лучше сказать, богатство и благоустройство поражали и восхищали насъ, и когда мы сдѣлали сравненіе съ нашими помѣщичьими селеніями, съ ихъ курными избами, бѣдностью, неопрятностью, забитымъ населеніемъ, то это сравненіе было очень грустно. Правда, что благоденствію много способствовали страшный просторъ, дѣвственная почва, огромные лѣса, безчисленные стада крупнаго и мелкаго скота, табуны лошадей, но все же свобода сибиряковъ, никогда не знавшихъ крѣпостнаго права, свободный трудъ болѣе всего способствовали ихъ процвѣтанію.

Когда я видѣлъ Наслѣдника в. к. Александра Николаевича [нынѣ, 1878 г., царствующаго Государя Императора] еще мальчикомъ, катавшимся за Нарвской заставой въ 1824-мъ году, на Камчатскихъ собакахъ, могли ли мы думать тогда, что этотъ царственный отрокъ, на нашихъ глазахъ рожденный и возраставшій, еще при нашей жизни совершитъ великое дѣло обновленія отечества, исполнитъ нашу завѣтную мечту, которую мы хотѣли осуществить революціей, мятежами и кровопролитіемъ! Могли-ли мы думать, что онъ совершитъ это возрожденіе движимый однѣми высокими побужденіями своего сердца, въ которомъ, по выраженію апостола, не тѣсно помѣщается весь его многомилліонный народъ, что онъ освободитъ не только свой русскій на-

родъ, но и всѣ иноплеменные народы, подвластные Россіи и даже тамъ уничтожитъ неволю, гдѣ невольничество досягало почти временъ доисторическихъ, какъ въ Бухарѣ. Какая революція могла бы совершить безъ потоковъ крови то, что совершилъ божественною благостію вознесенный и увѣнчанный царь! Не чудо ли это божественнаго всемогущества и милосердія? Въ нѣсколько дней совершить то, чего другіе или, лучше сказать, всѣ народы достигали многія столѣтія и достигали страшными потрясеніями, злодѣяніями, бѣдствіями, извращеніемъ человѣческаго разума, отрицаніемъ Бога и всего святаго! Онъ осѣнилъ себя всесильнымъ знаменіемъ креста, которымъ осѣнить себя воззвалъ и народъ свой, и Господь не постыдилъ его вѣры и его упованія! Россія возрождена, путь къ добру, правдѣ и счастію указанъ и проложенъ! О если-бы мы всѣ русскіе шли этимъ путемъ вѣры въ Господа нашего Іисуса Христа подъ водительствомъ огненнаго столпа нашей православной апостольской церкви, которая есть столпъ и утвержденіе истины и исполняли-бы заповѣди его, каждый на томъ мѣстѣ, гдѣ поставленъ, а не слѣдовали-бы чуждымъ намъ ученіямъ ложнаго мудрствованія и безбожія, — то какое благоденствіе водворилось бы между нами!

Пріѣхавъ въ Иркутскъ, мы пробыли тутъ нѣсколько дней; помню, что были у губернатора Цейдлера, гдѣ обѣдали вмѣстѣ съ капитаномъ Головнинымъ. Тутъ я опять встрѣтился съ моимъ товарищемъ капитаномъ Ник. Вик. Головнинымъ, начальникомъ тамошней флотиліи, который каждый день присылалъ за нами къ обѣду свой экипажъ и мы проводили у него цѣлый день. Если онъ еще живъ, то да приметъ свидѣтельство сердечной благодарности стараго товарища и однокашника. Благородный, прямодушный, честный морякъ и не могъ поступить иначе съ товарищемъ и другомъ въ несчастіи; но какъ не всѣ имѣли тогда мужество принять съ отверстыми объятіями политическаго преступника, хотя и товарища, а иногда и роднаго, страшась навлечь на себя гнѣвъ царя, передъ которымъ немногіе не трепетали, то это дѣйствіе моего товарища и друга показываетъ, какими высокими благородными качествами онъ обладалъ.

Распростившись съ добрымъ другомъ, мы отправились въ Красноярскъ и на пути остановились въ Илгинской казенной фабрикѣ у добраго друга нашего, поэта и товарища А. И. Одоевскаго. Недолго пробывъ у него, мы съ нимъ разстались и для этой жизни и навсегда, потому что болѣе уже не видались. Онъ умеръ отъ тифозной горячки на Кавказѣ, куда былъ опредѣленъ вмѣстѣ съ другими по ходатайству бывшаго тогда Наслѣдникомъ, нынѣ (1878 г.) славно-

царствующаго Государя-Освободителя. Въ Красноярскѣ мы посѣтили Сем. Григ. Краснокутскаго, у котораго съ Бобрищевымъ-Пушкинымъ и пробыли весь этотъ день. Онъ поселился на квартирѣ, взявъ къ себѣ своего брата, который не былъ совершенно сумасшедшимъ, а только помѣшаннымъ, все и всѣхъ узнавалъ. Затѣмъ, простившись съ Бобрищевымъ-Пушкинымъ и Краснокутскимъ, я уже одинъ отправился въ Минусинскъ къ брату, куда и пріѣхалъ дня черезъ два или три.

А. П. Бѣляевъ.

Москва.
1878 г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ КНЯЗЯ НИКОЛАЯ СЕРГѢЕВИЧА ГОЛИЦЫНА

VII [1]).

1828—1829.

Въ 1827 г., какъ извѣстно, между Россіей и Турціей была заключена въ Аккерманѣ конвенція объ исполненіи Турціей многихъ неисполненныхъ ею условій Кучукъ-Кайнарджійскаго, Ясскаго и Бухарештскаго мирныхъ договоровъ съ Россіей. Но, по заключеніи Аккерманской конвенціи, султанъ Махмудъ, раздраженный истребленіемъ флота его въ морскомъ бою при Наваринѣ, 8-го октября 1827 г., явно провозглашалъ, что Аккерманскими переговорами хотѣлъ только выиграть время и собраться съ силами, но заранѣе положилъ не исполнять условій этихъ переговоровъ. Вслѣдствіе того, Россія объявила Турціи войну, и войска 2-й арміи, а за ними и другія 1-й арміи, были двинуты въ Бессарабію, къ нижнему Дунаю. Большая часть гвардіи была также назначена идти туда же весною 1828 г., и съ самаго начала его, въ ней производились дѣятельныя приготовленія къ походу. Въ этотъ походъ назначены были: 1-е и 2-е баталіоны 1-й и 2-й гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій, л.-г. саперный баталіонъ, гвардейскій экипажъ, вся легкая гвардейская кавалерійская дивизія, л.-г. 1-я и 2-я артиллерійскія бригады, л.-г. конной артиллеріи батарейная и легкая № 1 батареи, л.-г. конноціонерный эскадронъ и л.-г. сводный казачій полкъ, всего въ усиленномъ составѣ около 24,000 ч. Командиръ гвардейскаго корпуса, В. К. Михаилъ Павловичъ имѣлъ отправиться весною прямо въ Валахію и принять начальствованіе

[1]) См. „Русская Старина“ изд. 1880 г., т. XXIX (ноябрь), стр. 599—616; (декабрь), стр. 883—890; изд. 1881 г., т. XXX (январь), стр. 27—42; (мартъ), стр. 519—526.

надъ корпусомъ войскъ, назначеннымъ для осады турецкой крѣпости Браилова. Вмѣсто него, гвардейскій корпусъ долженъ былъ походомъ вести старшій по немъ генералъ-адъютантъ Депрерадовичъ. Начальникъ гвардейскаго штаба г.-а. Нейдгардтъ оставался на время въ Петербургѣ и прибылъ къ корпусу позже въ Могилевѣ на Днѣпрѣ. Поручивъ мнѣ, уже съ конца 1827 г., исправленіе должности начальника 2-го отдѣленія квартирмейстерской части штаба, онъ назначилъ меня, въ числѣ другихъ чиновъ этого послѣдняго, также идти въ походъ съ гвардіею, въ той же должности. Въ отсутствіи же его, должность начальника штаба исправлялъ начальникъ гвардейскихъ инженеровъ, г.-а. Сазоновъ.

Въ началѣ апрѣля гвардія начала выступать изъ Петербурга и слѣдовала 2-мя колоннами: правая (4-я гвардейская пѣхотная бригада, л.-г. саперный баталіонъ, гвардейскій экипажъ, вся легкая кавалерія, л.-г. конно-піонерный и л.-г. казачій полкъ, эскадронъ, съ ихъ пѣшею и конною артиллеріей) на Псковъ, Островъ, Полоцкъ, Старый Быховъ, Рогачевъ, Мозырь, Овручь, Житомиръ, Бердичевъ, Могилевъ на Днѣстрѣ и Леово на р. Прутѣ, къ дер. Сатуново на лѣвомъ берегу нижняго Дуная;—лѣвая же колонна (остальные 6 полковъ гвардейской пѣхоты, съ пѣшей артиллеріей)—на Порховъ, Великіе Луки, Витебскъ, Могилевъ на Днѣпрѣ, Черниговъ, Кіевъ, Тульчинъ и Кишеневъ также къ Сатунову. Штабъ ѣхалъ на почтовыхъ лошадяхъ изъ города въ городъ по пути лѣвой колонны.

Не буду описывать въ подробности нашего похода отъ Петербурга до Сатунова, а приведу лишь нѣкоторые чѣмъ-либо замѣчательные случаи этого 5-ти мѣсячнаго похода съ Невы на Дунай, черезъ всю Россію. Я ѣхалъ въ моей коляскѣ съ поручикомъ Траскинымъ (начальникомъ 1-го отдѣленія квартирмейстерской части гвардейскаго штаба) въ самую сильную весеннюю распутицу, по глубокой грязи, большимъ почтовымъ «Бѣлорусскимъ трактомъ». Первая остановка штаба была въ Великихъ Лукахъ, гдѣ грязь была невылазная. Пребываніе наше въ этомъ городѣ для меня было замѣчательно тѣмъ, что я получилъ тутъ приказъ о производствѣ меня, въ день Пасхи 21 апрѣля, въ чинъ подпоручика. Изъ Великихъ Лукъ мы поѣхали въ Витебскъ. Такъ какъ по тому же тракту впереди насъ ѣхали и Дибичъ, и всѣ прочіе военные чины изъ Петербурга въ главную квартиру дѣйствующей арміи, то дорога была крайне испорчена и изрыта, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно подъ Порховомъ, была такая топь, что всѣ, начиная съ Дибича, сидѣли въ ней по нѣскольку часовъ, пока крестьяне ближайшихъ деревень не вытаскали тяжелыхъ экипажей изъ грязи. Почтовыя же лошади были заморенныя, потому что разгонъ

ихъ днемъ и ночью былъ непрерывный и огромный. Какъ вспомнишь такого рода тогдашнее путешествіе и посравнишь съ теперешнимъ по желѣзнымъ дорогамъ, то подлинно «свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ». Но одолѣвъ, наконецъ, Псковскую губернію, обильную грязью, далѣе ѣхали мы уже все легче и скорѣе.

Въ Витебскѣ мы оставались недѣли двѣ, пока не пропустили всѣхъ эшелоновъ гвардіи (каждый изъ нихъ имѣлъ въ городахъ дневки). Первое впечатлѣніе, которое произвелъ на меня Витебскъ, было довольно странное: русскій губернскій городъ, но съ рѣзкимъ характеромъ полу-польскимъ, полу-жидовскимъ, полу-бѣлорусскимъ. Вездѣ католическіе косціолы; на площади, противъ губернаторскаго дома, Базиліянскій монастырь; большая, каменная еврейская синагога, а православныхъ церквей мало, и тѣ бѣдныя и снаружи, и внутри. На улицахъ говоръ польскій, жидовскій, бѣлорусскій съ его «цвяканьемъ и дзвяканьемъ», а русскій рѣдко, словомъ—ни дать, ни взять «Stara Polska»! Не мудрено — 34 года, съ 1796 до 1831, въ западномъ краѣ жива была польщизна. Въ Витебскѣ имѣлъ тогда пребываніе витебскій и могилевскій генералъ-губернаторъ, генералъ-отъ-инфантеріи князь Хованскій; кто былъ губернаторомъ—не помню, но вице-губернаторомъ былъ статскій совѣтникъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, которому суждено было, пройдя черезъ разныя административныя должности въ сѣверозападномъ краѣ, въ немъ же, наконецъ, въ 1863 г. быть генералъ-губернаторомъ въ Вильнѣ, составить себѣ громкое имя и умереть графомъ. Онъ женатъ былъ на Пелагеѣ Васильевнѣ Шереметевой, молодой и очень любезной женщинѣ. «Маршаломъ», по польски, или губернскимъ предводителемъ дворянства, по русски, былъ, кажется, Карницкій, а уѣзднымъ, если не ошибаюсь, графъ Борхъ (братъ церемоніймейстера графа Борха, женатаго на графинѣ Софіи Лаваль), женатый на графинѣ Платеръ, молодой, красивой и милой дамѣ. Вотъ тогдашнія высшія власти и главы высшаго общества въ Витебскѣ, которые гостепріимно угощали насъ и гвардейскихъ офицеровъ обѣдами и вечерами съ танцами, такъ что пребываніе наше въ Витебскѣ было для насъ очень пріятно.

Изъ Витебска мы переѣхали въ Могилевъ на Днѣпрѣ уже по прекраснымъ и сухимъ, большимъ дорогамъ, усаженнымъ старыми и развѣсистыми деревьями (онѣ были устроены первымъ бѣлорусскимъ генералъ-губернаторомъ, по присоединеніи Бѣлоруссіи, графомъ Чернышевымъ, который оставилъ по себѣ этимъ, между прочимъ, вѣчную память).—Могилевъ имѣлъ отчасти такой же, какъ и Витебскъ, смѣшанный русско-польскій-жидовскій-бѣлорусскій характеръ, но

сверхъ того и въ особенности—нѣмецкій и военный. Въ немъ съ 1816 г. находилась главная квартира 1-й арміи, которою, со смерти генералъ-фельдмаршала князя Барклая-де-Толли, начальствовалъ генералъ-отъ-инфантеріи графъ (впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ и князь) Фабіанъ Вильгельмовичъ фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ, уже древній, но еще очень бодрый, живой и веселый старый холостякъ и большой поклонникъ прекраснаго пола. Въ послѣднемъ отношеніи онъ пріобрѣлъ особенную извѣстность въ 1814 г. въ Парижѣ, въ которомъ, будучи военнымъ губернаторомъ его, былъ у ногъ всѣхъ милыхъ парижанокъ и имъ ни въ чемъ не отказывалъ. По этому случаю тогдашній французскій сочинитель французскихъ пѣсенокъ Беранже, въ одной изъ нихъ подъ заглавіемъ: «Nos amis les ennemis», посвятилъ, между прочимъ, Блюхеру и Сакену слѣдующіе стишки:

«Et ce cher, ce cher monsieur Blucher (читай Блюшеръ)!»
«Et ce bon, ce bon monsieur Sakin au coeur si tendre!»

Вотъ этотъ-то «monsieur Sakin au coeur si tendre», но храбрецъ въ бояхъ своей полувѣковой боевой службы, былъ окруженъ, въ составѣ своихъ главныхъ: штаба и квартиры, цѣлою колоніей нѣмецкихъ колонистовъ, въ буквальномъ смыслѣ слова. Всѣ они, съ 1816 г., пустили глубокіе корни въ Могилевѣ на Днѣпрѣ и имѣли въ немъ свои дома или, скорѣе, мызы и усадьбы, съ садами, огородами, домашнимъ скотомъ и всѣми другими хозяйственными принадлежностями. Два ближайшіе помощника Сакена составляли въ этомъ отношеніи исключеніе: то были начальникъ главнаго штаба арміи, генералъ-адъютантъ Карлъ Ѳедоровичъ Толь и генералъ-квартирмейстеръ, генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ, оба женатые, семейные и хорошіе семьяне (послѣдній былъ женатъ на красавицѣ Комбурлей, отецъ которой былъ богатый грекъ, а мать русская). Исключеніе также, не нѣмецкаго рода, а татарскаго, составлялъ начальникъ артиллеріи арміи, генералъ-отъ-артиллеріи князь Яшвиль, извѣстный и какъ давнишній, храбрый воинъ, и также, какъ Сакенъ, поклонникъ прекраснаго пола. Но затѣмъ, начиная съ дежурнаго генерала арміи, генералъ-маіора Ольдекопа, шелъ уже длинный рядъ нѣмцовъ, лишь съ малою толикой русскихъ въ промежуткахъ. О Сакенѣ и Яшвилѣ я приведу нѣсколько разсказовъ изъ числа многихъ, но прежде долженъ сказать, что нашъ штабъ, по прибытіи въ Могилевъ, представлялся in corpore, имѣя въ главѣ Нейдгардта (прибывшаго изъ Петербурга), Сакену и Толю, а офицеры гвардейскаго генеральнаго штаба, сверхъ того, и Бутурлину. Сакенъ, со всѣмъ своимъ главнымъ

штабомъ и свитой, встрѣчалъ каждый вступавшій въ Могилевъ эшелонъ гвардіи, который и проходилъ мимо него церемоніяльнымъ маршемъ. Затѣмъ генералы и офицеры этого эшелона и нашего штаба были приглашаемы къ обѣденному столу у Сакена. Эти обѣды были очень оригинальны: они живо напоминали барскіе обѣды нашихъ русскихъ вельможъ «временъ Очакова и покоренія Крыма», когда столъ накрывался человѣкъ на 100 и болѣе, съ золотою и серебряною посудою и обиліемъ яствъ и питей, и когда всякій, знакомый и незнакомый, прилично одѣтый, могъ свободно входить, занимать мѣсто за столомъ, какъ бы за table d'hôte, и даже, не стѣсняясь, уносить съ собою, что ему заблагоразсудится, изъ яствъ, питей и даже серебряной посуды. Не вполнѣ такъ, но очень подобно тому было и на обѣдахъ Сакена: въ большой столовой былъ накрытъ длинный столъ, хотя и не съ золотою и серебряною посудой, но обѣдъ былъ съ обиліемъ яствъ и питей. На верхнемъ концѣ сидѣлъ Сакенъ, по правую руку его Толь, по лѣвую Яшвиль, затѣмъ Бутурлинъ, Нейдгардтъ, генералитетъ, штабъ-и оберъ-офицеры, всѣ по чинамъ, до нижняго конца стола включительно. За этими обѣдами главными ораторами, „державшими нить разговора“ (le fil de la conversation) и привлекавшими къ себѣ и слухъ, и зрѣніе всѣхъ сотрапезниковъ, были Сакенъ и Яшвиль. И какія были рѣчи ихъ!—самаго «скоромнаго», но не «скромнаго» свойства! Ихъ всѣ слушали и слышали, въ томъ числѣ такіе люди, какъ Толь, Нейдгардтъ и Бутурлинъ, всѣ трое—серьозные, семейные, даже, можно сказать, «постные» и «скоромнымъ» рѣчамъ не сочувствовавшіе. За то между остальными было немало «скоромниковъ», сочувственно слушавшихъ недвусмысленные разсказы Сакена и Яшвиля, между прочимъ, старѣйшій изъ гвардейскихъ генераловъ, Депрерадовичъ, большой циникъ на словахъ.

О Сакенѣ и Яшвилѣ приведу только два разсказа. Однажды Бутурлинъ пригласилъ Сакена къ себѣ обѣдать и въ назначенный часъ вышелъ на встрѣчу ему, на подъѣздъ своей квартиры, къ которому Сакенъ подъѣхалъ въ каретѣ. Увидавъ Бутурлина въ мундирѣ, но разстегнутомъ на всѣ пуговицы, съ бѣлымъ подъ нимъ жилетомъ, Сакенъ, не выходя изъ кареты, сказалъ Бутурлину: «Il paraît, que je suis arrivé trop tôt, vous n'avez pas encore fait votre toilette, je viendrai plus tard»—и уѣхалъ домой. А когда воротился, то былъ встрѣченъ Бутурлинымъ, уже застегнутымъ на всѣ крючки и пуговицы. Вотъ каковъ былъ Сакенъ въ отношеніи чинопочитанія!

А объ Яшвилѣ разсказывали, что онъ, во время оно, гораздо раньше, особенно не возлюблялъ бывшаго подъ его начальствомъ,

всѣмъ въ то и послѣдующее время весьма извѣстнаго оригинала, но храбрѣйшаго конно-артиллерійскаго полковника, впослѣдствіи генерала, Костенецкаго, про котораго можно было бы написать цѣлую книгу курьозныхъ анекдотовъ. Командуя конною батареей въ 1-й арміи, онъ производилъ ей преоригинальныя ученья. Рано на зарѣ, онъ приказывалъ находившемуся при немъ трубачу трубить тревогу, указывалъ, куда скакать батареѣ, а самъ, вскочивъ на коня, скакалъ туда во весь опоръ и, прискакавъ на мѣсто въ полѣ, долой съ коня—и голый катался по травѣ и росѣ! Это была его Суворовская утренняя ванна! Между тѣмъ батарея, по тревогѣ, летѣла туда же во весь опоръ, и находила уже Костенецкаго выкатавшимся на росѣ, одѣтымъ и на конѣ, и тотчасъ же начиналось ученье, все на маршъ-маршѣ и—по боевому. Вдругъ Костенецкій командуетъ: «№ такой-то раненъ!»—и этотъ № долженъ былъ слѣзть съ лошади и пѣшкомъ отойти въ сторону, а другой заступить его мѣсто. Затѣмъ опять команда: «№ такой-то убитъ!»—и убитый долженъ былъ упасть на землю и лежать, а другой—заступить его мѣсто, и подобно тому въ этомъ же родѣ. Оно, пожалуй, очень оригинально, но далеко не глупо или, какъ говорятъ французы, «ce n'est pas si bête!» Напротивъ, въ боевомъ смыслѣ, это очень умно. Этотъ-то оригиналъ, ненавидѣвшій и презиравшій Яшвиля, какъ человѣка и начальника (и не несправедливо), однажды выкинулъ слѣдующую шутку по его адресу. Яшвиль смотрѣлъ его батарею и послѣ смотра сѣлъ съ адъютантомъ въ коляску и поѣхалъ. Вдругъ онъ слышитъ сзади батальный огонь батареи и посылаетъ адъютанта узнать, что это значитъ? — «Съ пушечной пальбою празднуемъ избавленіе Россіи отъ татаръ!» отвѣчалъ Костенецкій. Какія были послѣдствія—не знаю.

Этотъ самый Костенецкій, уже въ чинѣ генерала, огромнаго роста, косая сажень въ плечахъ, грозный на видъ, настоящій «Orlando furioso», въ 1827 г. лѣтомъ жилъ въ Красномъ Селѣ во время лагеря и былъ, какъ всѣ въ немъ тогда говорили и потѣшались, влюбленъ въ красавицу княжну Радзивилъ, фрейлину императрицы Маріи Ѳеодоровны, вскорѣ вышедшую замужъ за князя Витгенштейна, сына фельдмаршала.

Возвращаюсь къ нашему пребыванію въ Могилевѣ. Сверхъ обѣдовъ у Сакена, мы, штабные, утро проводили въ письменныхъ служебныхъ занятіяхъ, а вечеромъ въ разныхъ общественныхъ увеселеніяхъ. Въ отношеніи къ первымъ, разскажу одинъ забавный случай. Я жилъ недалеко отъ Нейдгардта и ходилъ къ нему съ докладомъ по моей части—передвиженія и расположенія войскъ. Однажды Нейд-

гардтъ передаетъ мнѣ полученное имъ отношеніе бывшаго въ то время Кіевскаго военнаго губернатора, генералъ-лейтенанта Желтухина, ветерана 1812—13—14 гг. и человѣка очень остроумнаго и остроязычнаго, въ родѣ покойнаго князя Меншикова. Въ этомъ отношеніи за №, Желтухинъ писалъ, что «въ маршрутѣ гвардіи по Кіевской губерніи неправильно назначена дневка въ селѣ Напрасники, а какъ переходъ въ него былъ кружный, то въ избѣжаніе напраснаго перехода» и т. д. Нейдгардтъ, какъ нѣмецъ аккуратный и обидчивый, приказалъ мнѣ написать отвѣтъ Желтухину, съ употребленіемъ, въ сдачу ему, тѣхъ же выраженій напраснаго перехода къ селу Напрасники! Такимъ образомъ, одинъ бывшій начальникъ гвардейскаго штаба (Желтухинъ), а другой—тогдашняго времени (Нейдгардтъ) оба поиграли въ слова, булавкой за булавку, оффиціально за №№!

Изъ общественныхъ же увеселеній упомяну только о пріятныхъ собраніяхъ, иногда съ танцами, у Могилевскаго губернатора д. с. с. Максимова, который, какъ равно его супруга и многія дочери и сыновья, одни взрослые, другіе малолѣтніе, были прекрасные, гостепріимные и радушные русскіе люди.

Изъ Могилева мы переѣхали въ Черниговъ, о которомъ ничего особенно замѣчательнаго сказать не могу, а изъ Чернигова въ Кіевъ, о которомъ, напротивъ, могу доложить многое. Нужно сказать, что этотъ походъ мой съ гвардіей отъ Петербурга до Дуная и Варны—«дистанція огромнаго размѣра»—былъ для меня первымъ живымъ и великолѣпнымъ урокомъ географіи Россіи и кусочка Турціи. На всемъ этомъ пути я, впервые въ жизни, видѣлъ и узналъ всѣ полосы и мѣстности Россіи отъ Невы до Дуная, весною и лѣтомъ, въ разныхъ по временамъ года видахъ и въ разныхъ городахъ и селеніяхъ, большихъ и малыхъ, съ ихъ разнообразными характеристиками. Но самое пріятное впечатлѣніе на меня произвела по истинѣ «благодатная наша Украйна», по лѣвую и правую стороны древняго Днѣпра, начиная съ въѣзда въ Черниговскую губернію до переѣзда изъ Подольской въ Бессарабію, и притомъ въ самую лучшую пору года—лѣтомъ, когда вся Украйна была «въ зелени и цвѣту»! Что за дивный край! въ немъ бы жить и умереть, и не ѣздивши въ Италію. А Кіевъ—этотъ «пращуръ городовъ русскихъ», съ его святынями, древностями, историческими воспоминаніями и чудными: мѣстоположеніемъ и окрестностями!—можно представить себѣ, какое глубокое впечатлѣніе произвелъ онъ впервые на меня, въ то время пылкаго и восторженнаго юношу! Но, не желая увлечься моими воспоминаніями о Кіевѣ и очаровательномъ юго-западномъ краѣ, ограничусь лишь

разсказомъ нѣкоторыхъ, особенно замѣчательныхъ случаевъ во время пребыванія моего въ нихъ.

Въ Кіевѣ тогда еще не было моста черезъ Днѣпръ и я переѣхалъ на правый берегъ его на паромѣ, въ виду живописныхъ кіевскихъ «угорьевъ и удольевъ» и Кіевопечерской лавры. Спутникъ мой, Траскинъ, уѣхалъ въ Херсонскія военныя поселенія къ своему дядѣ, командиру поселеннаго уланскаго полка, а я остался одинъ, на квартирѣ, отведенной мнѣ близь Нейдгардта и дворцовой площади, на Старомъ Кіевѣ. Штабъ нашъ, по прибытіи, представлялся Желтухину, а потомъ мы дѣлали визиты вѣжливости: гражданскому губернатору, д. с. с. Катериничу, вице-губернатору Кочубею, женатому на княжнѣ Вяземской; маршалу или губернскому предводителю дворянства графу Тышкевичу и другимъ лицамъ Кіевскаго общества. О Желтухинѣ я уже отчасти говорилъ выше; прибавлю только, что въ 1813 году онъ командовалъ л.-гв. Гренадерскимъ полкомъ, во всѣхъ сраженіяхъ отличался съ нимъ необыкновенною, но не «горячею», а «ледяною», невозмутимою храбростью и притомъ—суровою строгостью съ солдатами, даже подъ ядрами и пулями: если онъ замѣчалъ во фронтѣ «кланявшихся», имъ, то вызывалъ изъ фронта и въ 2 шомпола училъ ихъ не кланяться ни ядрамъ, ни пулямъ. Катериничъ, истый хохолъ, говорившій съ рѣзкимъ малороссійскимъ акцентомъ, былъ не послѣдней руки забавный оригиналъ, въ родѣ Костенецкаго. Необычайный говорунъ, діалоги свои съ собесѣдникомъ онъ производилъ, безпрестанно повторяя: «Да позвольте же съ начала!»—а затѣмъ: «Да не всѣмъ же вмѣстѣ говорить!», и опять съизнова, и все это съ малороссійскими выговоромъ и преуморительными ужимками и мимикой! А впрочемъ былъ прекрасный человѣкъ и хорошій губернаторъ. Кочубей былъ родственникомъ графа Виктора Павловича Кочубея и богатымъ помѣщикомъ Черниговской и Полтавской губерній. Онъ и жена его были люди высшаго круга и очень достойные. Графъ Тышкевичъ, красивый мущина среднихъ лѣтъ, очень милый и любезный, служилъ сначала, кажется, въ гвардіи и едва-ли не въ л.-гв. Преображенскомъ полку. По поводу его замѣчу, что родъ Тышкевичей въ сѣверозападномъ и югозападномъ краѣ до XVII вѣка былъ чисто-русскій и православный, но потомъ, подобно весьма многимъ другимъ русскимъ родамъ въ томъ же краѣ, перешелъ въ католичество, ополячился и поляки признаютъ его, совершенно неправильно, польскимъ.

Каждому вступавшему въ Кіевъ и дневавшему въ немъ эшелону гвардіи производилась со стороны городскихъ властей парадная встрѣча, въ чемъ, между прочимъ, участвовала и городская или

гражданская конная стража, въ старинной малоросійской одеждѣ свѣтлозеленаго цвѣта съ галунами, въ бараньихъ шапкахъ и съ своими значками. Этотъ сохранявшійся еще тогда остатокъ украинской старины вскорѣ потомъ былъ уничтоженъ. По вступленіи гвардіи въ Кіевъ, генералы и офицеры ея были приглашаемы на обѣды и вечера съ танцами, бо̀льшею частію въ домѣ дворянскаго собранія, и въ двѣ-три недѣли, проведенныя нами въ Кіевѣ, недостатка въ пирахъ и общественныхъ увеселеніяхъ не было. Въ свободное отъ службы время, я знакомился съ древностями и примѣчательностями Кіева, его святынями и живописнѣйшими мѣстностями, особенно на высокомъ и обрывистомъ берегу Днѣпра въ дворцовомъ саду, гдѣ на самомъ высокомъ выступѣ былъ такъ называемый треугольникъ— открытый деревянный помостъ, огражденный деревянными же перилами, въ видѣ треугольника, откуда былъ чудный видъ на все теченіе Днѣпра и на нагорный и подольный Кіевъ во всѣ стороны, и на все Заднѣпровье, низменное и ровное, на огромное разстояніе до края горизонта. Треугольникъ на этомъ мѣстѣ былъ устроенъ во время пребыванія императрицы Екатерины II въ Кіевѣ: здѣсь она часто любовалась прекрасными видами окрестностей и пивала вечеромъ чай съ своимъ дворомъ.

Жаркая погода (это было въ іюнѣ) побудила меня съ товарищами выкупаться въ историческомъ Днѣпрѣ, причемъ я едва не утонулъ въ немъ, но Богъ спасъ меня. Не умѣя плавать, я вошелъ въ воду на мелкомъ мѣстѣ и пошелъ впередъ, но вдругъ попалъ на болѣе глубокое мѣсто и вода поднялась мнѣ по горло, а необыкновенно сильное теченіе Днѣпра стало уносить меня внизъ. По счастію, я и товарищи мои взялись за руки, повернулись къ берегу и благополучно вышли на него. Послѣ уже мы узнали, что въ Днѣпрѣ купаться неумѣющимъ плавать очень опасно, по причинѣ ямъ и сильнаго теченія, отъ котораго вода у берега довольно мутная, желтаго цвѣта (подобно тому, какъ и въ нижнемъ Дунаѣ, гдѣ я позже также искупался, но уже съ бо̀льшею осторожностью).

По прохожденіи всѣхъ эшелоновъ гвардіи черезъ Кіевъ, я отправился съ нашимъ штабомъ, на почтовыхъ лошадяхъ, по пути слѣдованія войскъ, въ мѣстечко Тульчинъ, Подольской губерніи, родовое владѣніе графовъ Потоцкихъ, гдѣ съ 1816 до 1828 г. находилась главная квартира 2-й арміи. Переѣздъ мой отъ Кіева до Тульчина, черезъ благодатный край заднѣпровской Украйны, въ великолѣпную погоду днемъ и въ чудныя украинскія ночи, былъ для меня истиннымъ наслажденіемъ! Одно только смущало меня — остатки польскаго владычества, съ его косціолами, распятіями на до-

рогахъ, польскимъ говоромъ и т. п., и съ жидовскимъ населеніемъ въ мѣстечкахъ и городахъ, среди господствующаго православнаго малороссійскаго. Въ Тульчинъ я въѣхалъ въ чудесную лунную ночь, по прекрасной аллеѣ большихъ, развѣсистыхъ деревьевъ и красѣ южнаго края—высокихъ, пирамидальныхъ тополей. Остановившись въ отведенной мнѣ квартирѣ, на главной улицѣ, въ жидовской корчмѣ, на чистой половинѣ, назначенной для проѣзжихъ жильцовъ, я на другой же день рано, въ прекрасное утро, пошелъ въ садъ палаца или дворца Потоцкихъ, широко раскинувшійся кругомъ, съ великолѣпною растительностью, и содержимый въ отличномъ видѣ. Двухъ-этажный каменный палацъ, дѣйствительно походилъ на дворецъ: онъ былъ построенъ извѣстнымъ и богатымъ польскимъ магнатомъ временъ Екатерины II, генералъ-аншефомъ графомъ Феликсомъ Потоцкимъ, который на фронтонѣ дома помѣстилъ, большими золочеными буквами, польскую надпись: «Bądź zawsze mieszkaniem cnotliwych» (будь всегда жилищемъ добродѣтельныхъ), что не совсѣмъ-то оправдалось впослѣдствіи, какъ объясню ниже. Графъ Феликсъ Потоцкій былъ женатъ два раза и отъ обоихъ браковъ имѣлъ сыновей и дочерей. Во второмъ бракѣ онъ былъ женатъ на знаменитой въ то время своею необыкновенною красотою гречанкѣ, по имени Софія (я видѣлъ миніатюрный портретъ ея въ имѣніи графа Потоцкаго, названномъ, въ честь красавицы жены его, Софіувкой, (по польски Sofiówka), близь г. Умани, нынѣ дворцовое имѣніе Царицыно). По смерти Феликса Потоцкаго, Тульчинское имѣніе досталось старшему сыну его отъ перваго брака, Мечиславу, женатому на графинѣ Ко́маръ (а Потоцкіе и Ко̀мары также были до XVII вѣка чисто-южнорусскіе роды, но потомъ окатоличились и ополячились; другіе же Потоцкіе и Ко̀мары и теперь существуютъ въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ православными). Софіувское же имѣніе досталось младшему сыну Феликса Потоцкаго, Александру, служившему сначала въ кавалергардахъ, а въ 1828—29 гг. въ одномъ изъ южно-поселенныхъ уланскихъ полковъ. Въ 1830 — 31 гг. онъ былъ вовлеченъ въ польское возстаніе и по взятіи Варшавы эмигрировалъ за границу, а Софіувское имѣніе его было конфисковано въ казну: о немъ я скажу подробнѣе въ своемъ мѣстѣ ниже. Отъ втораго же брака Феликса Потоцкаго были у него двѣ дочери: Софія, бывшая замужемъ за генералъ-адъютантомъ Павломъ Димитріевичемъ Киселевымъ, когда онъ былъ начальникомъ главнаго штаба 2-й арміи въ м. Тульчинѣ, а другая дочь, красавица Ольга, была въ замужествѣ за генералъ-маіоромъ Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ въ

Одессѣ. Я нѣсколько распространился здѣсь касательно фамиліи Феликса Потоцкаго потому, что въ 1828—29 гг. это былъ вопросъ совершенно современный, нынѣ же онъ отошелъ уже въ область исторіи, такъ какъ судьбы этой фамиліи и ея обширныхъ владѣній уже совершенно измѣнились.

Во время 2-хъ или 3-хъ-недѣльнаго пребыванія нашего въ Тульчинѣ, пока черезъ него не прошли всѣ эшелоны гвардіи, мы, штабные, проводили время по утрамъ въ письменныхъ служебныхъ занятіяхъ въ штабѣ, помѣщавшемся въ одномъ изъ зданій пàлаца Потоцкихъ, а по вечерамъ—въ своемъ товарищескомъ кружку, въ бесѣдахъ или прогулкахъ, въ саду пàлаца или въ живописныхъ окрестностяхъ Тульчина. Въ числѣ старшихъ адъютантовъ дежурства нашего штаба были, между прочимъ, Вильгельмъ Ивановичъ Карлгофъ, восторженный поэтъ и стихотворецъ, и Николай Димитріевичъ Прокоповичъ-Антонскій, племянникъ извѣстнаго профессора московскаго университета, получившій въ послѣднемъ образованіе и также очень восторженный любитель русской литературы. Карлгофъ получилъ и читалъ намъ только что появившіяся въ рукописи стихотворенія А. С. Пушкина, одно—по случаю милостей, оказанныхъ ему императоромъ Николаемъ Павловичемъ (вызвавшимъ его въ 1826 г., изъ ссылки, въ Москву), а другое «Утопленникъ». Эти прекрасныя стихотворенія Карлгофъ и читалъ прекрасно. Я самъ былъ большимъ любителемъ русской литературы и это особенно сблизило меня съ Карлгофомъ и Антонскимъ, тѣмъ болѣе, что оба они были очень милые люди и хорошіе товарищи.

Изъ Тульчина мы отправились по почтовому тракту за Днѣстръ (въ Могилевѣ) и сѣверною, гористою частью Бессарабіи въ Кишиневъ. Тутъ мы нашли уже совершенно своеобразный городъ, съ смѣшаннымъ характеромъ полу-молдавскимъ, полу-греческимъ и жидовскимъ, съ узкими, немощенными, песчаными улицами, одноэтажными домами среди дворовъ и садовъ, огражденныхъ каменными или плетневыми заборами, съ малыми удобствами жизни и съ нравами и обычаями жителей, отчасти молдавскими, отчасти греческими. Пушкинъ, довольно долго прожившій въ Кишеневѣ въ началѣ 1820 годовъ, излилъ всю нелюбовь свою къ нему въ нѣсколькихъ своихъ стихотвореніяхъ и вѣрно описалъ его. Въ Кишиневѣ мы уже начали готовиться къ дальнѣйшему походу на «военномъ положеніи», добыванію верховыхъ, вьючныхъ и упряжныхъ лошадей, сбруи, вьюковъ и пр. Для закупки лошадей для нашего штаба посланъ былъ въ Херсонскія военныя поселенія командиръ гвардейской фурштатской бригады маіоръ Мокіенко (старый драбантъ изъ кавалергардскихъ вахми-

стровъ), который и привелъ намъ ремонтъ лошадей позже въ деревню Сатуново, на лѣвомъ берегу нижняго Дуная, гдѣ въ маѣ этого года произведена была, въ присутствіи Государя, переправа, съ боемъ, черезъ Дунай, войскъ 2-й арміи, и откуда мы съ гвардіей уже должны были, переправясь за Дунай, идти военно-походнымъ порядкомъ вдоль морскаго берега къ Варнѣ.

Изъ Кишинева до Сатунова я ѣхалъ на почтовыхъ лошадяхъ, въ моей коляскѣ, уже съ Траскинымъ, воротившимся изъ отпуска въ Тульчинъ. Этотъ послѣдній переѣздъ нашъ на почтовыхъ лошадяхъ мы совершили, на первомъ полпути отъ Кишинева—по средней, гористой части Бессарабіи, а на второмъ до Сатунова—по степной. Тутъ, однажды, въ степи застигла насъ, между двумя почтовыми станціями, сильнѣйшая гроза, съ молніей, громомъ и такимъ проливнымъ дождемъ, какой бываетъ только въ южныхъ, жаркихъ краяхъ. Мы были принуждены оставаться, до окончанія грозы и дождя, среди степи, повернувъ закрытую коляску тыломъ къ косому дождю, не смотря на что все-таки были порядочно вымочены. Въ другой разъ, также въ степи, днемъ, въ ясную погоду, мы увидали противъ насъ, на краю горизонта, черную тучу, шибко подвигавшуюся на встрѣчу намъ. Что же оказалось? Это была саранча, летѣвшая въ такомъ громадномъ количествѣ, что вскорѣ покрыла надъ нами все небо, совершенно заслонила солнце, такъ что сдѣлалось темно, а летѣла она такъ низко, надъ нашими головами, что мы слышали сильный шумъ ея полета. Это любопытное явленіе было для меня первымъ и единственнымъ въ моей жизни и такъ поразило меня, что я не забылъ и никогда не забуду его! Тутъ-то мнѣ вспомнилось забавное «донесеніе» Пушкина, посланнаго инспекторомъ Бессарабскихъ колоній Инзовымъ освидѣтельствовать вредъ, нанесенный саранчою полямъ. Пушкинъ написалъ на 1-й страницѣ листа бумаги: «прилетѣла», на 2-й—«сѣла», на 3-й—«все поѣла» и на 4-й—«улетѣла». И точно, такая туча саранчи, какую я видѣлъ, ничего инаго и не могла сдѣлать, какъ прилетѣть, сѣсть, все поѣсть и улетѣть дальше.

Наконецъ, мы пріѣхали въ Сатуново, о пребываніи въ которомъ и о походѣ оттуда за Дунай разскажу особо.

Кн. Н. С. Голицынъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОРЕНБУРГСКІЕ ПОЖАРЫ.

I.

Какъ очевидецъ ужаснаго пожарнаго бѣдствія, обратившаго на себя вниманіе всей Россіи, я могу сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія, какъ о причинахъ, вызвавшихъ въ 1879 г. рядъ послѣдовательныхъ въ теченіи мѣсяца пожаровъ, такъ и о разныхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ эти происшествія, о распоряженіяхъ и дѣятельности мѣстныхъ властей и т. п. Занимая въ то время въ Оренбургѣ должность губернскаго прокурора, я соприкасался, по своей служебной дѣятельности, со всѣми лицами мѣстнаго управленія, во главѣ стоявшими, и могу повѣствовать о томъ, что̀ не вошло ни въ какіе оффиціальные рапорты и отчеты.

Начну съ того, что пожары эти вовсе не дѣло рукъ поджигателей, а единственно результатъ дѣйствія стихійныхъ силъ и неосторожнаго обращенія съ огнемъ. Черезъ мои руки проходили всѣ дознанія и слѣдствія, я не оставлялъ безъ провѣрки ни одного слуха, имѣвшаго соотношеніе съ пожарами, и положительно удостовѣряю, что четыре пожара, истребившіе бо̀льшую часть Оренбурга, произошли не отъ поджоговъ. Если и не во всѣхъ случаяхъ ясно были доказаны причины пожаровъ, то тѣмъ не менѣе, совокупность всѣхъ добытыхъ данныхъ приводила каждый разъ къ заключенію, что поджоговъ не было. Не имѣя подъ рукою подлинныхъ дѣлъ, я не могу теперь съ точностью указать и выставить всѣ тѣ данныя, которыя отвергали возможность предположенія поджоговъ, но опять повторяю съ полнымъ убѣжденіемъ и увѣренностью, что поджоговъ—не было.

Весна 1879 года началась рано, мартъ и апрѣль были жаркіе, нѣсколько недѣль не было дождя, нѣсколько недѣль дули сильные вѣтры, такіе вѣтры, о которыхъ не имѣютъ понятія люди, не жившіе на нашей Восточной степной окраинѣ, и вотъ при такихъ условіяхъ, въ эту страшную сушь, когда дерево горитъ какъ порохъ, когда вѣтеръ перебрасываетъ каждую щепку черезъ нѣсколько улицъ, 16-го апрѣля въ 10 часовъ утра, начался пожаръ съ деревяннаго домика, въ скученномъ мѣстѣ деревянныхъ построекъ, на концѣ города.

Пожарная команда пріѣхала скоро, но въ бочкахъ не оказалось воды, за которою она и отправилась къ р. Уралу; но не въ водѣ и дѣло было; дѣло въ томъ, что при степномъ буранѣ, въ нѣсколько минутъ, по направленію вѣтра загорѣлись деревянныя крыши въ разныхъ мѣстахъ; это была бѣшеная скачка огня; сосѣди близь лежащихъ къ началу пожара домовъ, напр., на Водяной улицѣ, прибѣжавшіе съ любопытствомъ смотрѣть на обычное развлеченіе въ провинціальныхъ городахъ, на пожарное зрѣлище, не могли спасти движимости въ своихъ домахъ, загоравшихся и быстро горѣвшихъ въ то время, когда они только бѣжали или шли къ началу пожара. Когда черезъ полчаса всѣмъ стало ясно, что ничто не въ состояніи остановить огня, когда увидѣли, что полоса его все расширяется болѣе и болѣе, тогда все потеряло голову; всѣ моментально и инстинктивно поняли, что невозможно предвидѣть, гдѣ кончится пожаръ; ясно было, что онъ пройдетъ всѣмъ городомъ, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ по теченію вѣтра, но ясно было и то, что при тѣхъ круговоротахъ вѣтра, которые то и дѣло появлялись, огонь будетъ раскрывать свои объятія и боковымъ сторонамъ; при такомъ сознаніи все бросилось, кто выноситься изъ домовъ, а кто могъ и вывозиться изъ города; пожарная команда, разъединенная непроходимыми потоками огня, дѣйствовала въ разбродъ, безъ всякой системы и иногда совершенно непроизводительно, такъ какъ огонь въ нѣсколько минутъ уничтожалъ дома, которые отстаивались, разламывались и т. п. Иногда отстаивались строенія, — ошибка, повторявшаяся и при послѣдующихъ пожарахъ, — стоявшія по линіи вѣтра, оставлялись безъ вниманія боковыя части, и въ этихъ послѣднихъ, отъ небрежности, горѣли цѣлые кварталы. Такъ на другой день, когда населеніе нѣсколько пришло въ себя, всѣ съ

удивленіемъ спрашивали другъ друга, какъ могла сгорѣть нижняя часть Неплюевской улицы (дома Бѣгичева, Масленникова), какъ сгорѣли дома Кудрина и Князева.

Паника была невообразимая; точно описать то смятеніе и тотъ хаосъ, которые были въ этотъ день, невозможно; погорѣльцы, переѣзжавшіе къ своимъ знакомымъ, должны были вновь выбираться, потому что огонь дошелъ до домовъ, ихъ пріютившихъ, и такъ по нѣсколько разъ. Кто былъ безпечнѣе или кто не участвовалъ въ распоряженіяхъ по вывозу своего имущества—смотрѣлъ и только смотрѣлъ на дѣйствіе огня, какъ-то сразу убѣдясь въ его несокрушимости, и эта часть населенія нашла себѣ одно занятіе, въ разговорахъ и разсужденіяхъ о томъ: „сгоритъ ли такой домъ или нѣтъ“, „направо или налѣво захватитъ огонь“, и т. п. Вечеромъ 16-го апрѣля масса погорѣльцевъ, побросавъ свои пожитки, прибѣжала смотрѣть къ Троицкой церкви, какъ будетъ падать колоколъ на горѣвшей колокольнѣ. Такова сила любопытства.

Вещи, выносившіяся изъ домовъ, загорались тутъ же на улицѣ; ломовые извозчики за перевозку брали страшныя цѣны, и везли вещи не иначе, какъ получивъ впередъ деньги. Вспоминаю приэтомъ характерный случай — одинъ купецъ нанимаетъ нѣсколькихъ ломовыхъ для вывоза товара изъ своей лавки въ Гостинномъ дворѣ, съ платою по 50-ти рублей каждому ломовому; сосѣдъ его по лавкѣ, послѣ безплодныхъ поисковъ, начинаетъ отбивать нанятыхъ извозчиковъ, предлагая имъ по сто рублей съ воза; извозчики колеблются и видимо прельщаются высшею цѣною; тогда первый купецъ схватываетъ ножъ, и, подбѣгая къ сосѣду, объявляетъ ему, что если онъ сейчасъ не уйдетъ и не оставитъ въ покоѣ его извозчиковъ, то онъ его на мѣстѣ заколетъ. Угроза подѣйствовала.—При изслѣдованіи причины этого грандіознаго пожара, трудно было добиться полной правды, но тѣмъ не менѣе было установлено, что загорѣлось въ томъ домикѣ, въ которомъ наканунѣ вечеромъ выкинуло изъ трубы; обитатели его занимались печеніемъ на продажу калачей, и когда 15 апрѣля загорѣлась въ трубѣ сажа, огонь былъ залитъ домашними средствами, безъ содѣйствія пожарной команды и безъ объявленія о случившемся полиціи; 16-го апрѣля, начали топить ту же печку, никакихъ поправокъ въ трубѣ или чистки ея не производилось, и очевидно было, что 16 апрѣля, повторилось то же выкидываніе

искръ изъ трубы, которое было наканунѣ. Отсюда—при тѣснотѣ построекъ, при сухости всего окружавшаго деревяннаго матеріала—и быстрое распространеніе огня.

Возвращаюсь къ памятному дню 16 апрѣля; когда въ 12 часовъ пополудни стало понятно, что пожаръ продолжится и ночью, когда бо̀льшая часть населенія бивакуировала уже на площадяхъ, располагая провести тамъ ночь, я, по обязанностямъ своимъ прокурора, счелъ необходимымъ просить администрацію, принять зависящія мѣры къ тому, чтобы къ вечеру были приняты всѣ способы огражденія имущества и спокойствія напуганныхъ и растерявшихся обывателей; особенно представлялось это необходимымъ потому, что было разбито нѣсколько кабаковъ и по городу стали попадаться то и дѣло пьяные; какъ и всегда бываетъ въ годины большихъ бѣдствій, разнузданность массы проявляется ускореннымъ ходомъ и эта распущенность пьяныхъ сорванцовъ грозила особенно тѣмъ беззащитнымъ женщинамъ, которыя должны были проводить ночь подъ открытымъ небомъ, охраняя остатки своего имущества, причемъ нѣкоторыя были разлучены съ своими мужьями и родными. Такъ, напр., судебный слѣдователь Мартыновскій, занятый сохраненіемъ дѣлъ своего участка, до слѣдующаго утра не зналъ, въ какомъ мѣстѣ находятся его жена и дѣти.

Генералъ-губернатора Н. А. Крыжановскаго въ Оренбургѣ въ то время не было, и должность его, какъ командующаго войсками, исправлялъ губернаторъ М. И. Астафьевъ; собирая свѣдѣнія, гдѣ его можно найдти, я въ первомъ часу дня узналъ, что онъ, отстаивая зданіе штаба, опалилъ себѣ глаза, и уѣхалъ домой; отправляюсь къ нему и застаю его лежащимъ на диванѣ, съ примочками на глазахъ; около него ни одного офицера, и даже ни одного полицейскаго; никакихъ свѣдѣній о ходѣ пожара не получаетъ, никакихъ распоряженій не дѣлаетъ; объяснивъ ему цѣль своего пріѣзда, я спрашиваю его, что̀ онъ намѣренъ дѣлать? „Да, вы правы, могутъ произойти серьезные безпорядки, но что же прикажете дѣлать; гдѣ кого найдти? кѣмъ распорядиться? будьте добры, устройте что нибудь сами, дѣйствуйте моимъ именемъ командующаго войсками, я все заранѣе одобряю и утверждаю“.

Вижу, человѣкъ охаетъ, въ безпомощномъ состояніи, рѣшилъ не тратить больше времени на разговоры, а время было особенно дорого, такъ какъ чтобы попасть въ ту или другую часть города,

надо было дѣлать большіе объѣзды, и прямо отъ Астафьева отправился къ А. Н. Крыжановскому, командиру башкирскаго коннаго полка. По дорогѣ встрѣчаю губернскаго воинскаго начальника, генералъ-маіора П. А. Юношу; „такъ молъ и такъ; къ ночи нужны солдаты, командующій войсками этого требуетъ". „Ни одного солдата я не могу представить", отвѣчаетъ Юноша, „ихъ теперь не соберешь, всѣ они разбѣжались изъ казармъ помогать роднымъ и знакомымъ, и хотя за эту самовольную отлучку мы можемъ впослѣдствіи ихъ судить, но въ настоящую минуту, мы, военныя власти, безсильны".

Ѣду къ Крыжановскому, передаю приказаніе Астафьева, прошу солдатъ; онъ и слышать не хочетъ; говоритъ, что изъ его казармъ вывезено на 40,000 полковаго имущества, которое онъ обязанъ охранять, что всѣ башкирцы нужны ему и что поэтому онъ не можетъ исполнить ни желанія, ни требованія Астафьева. Въ концѣ концовъ смягчилъ его упорство, рисуя возможно печальныя картины предстоящей ночи, и Андрей Николаевичъ обѣщалъ вызвать къ вечеру запасный эскадронъ башкирскаго полка, стоявшій въ с. Бердахъ (5 или 6 верстъ отъ Оренбурга).

Въ 6 часовъ вечера, на дворъ городскаго полицейскаго управленія, явились башкирцы; нѣсколько солдатъ мѣстнаго батальона прислалъ Юноша; пріѣхали юнкера изъ юнкерскаго училища, и этою военною силою пришлось распорядиться въ центрѣ военнаго округа, кому же?—губернскому прокурору.

Сообщаю объ этомъ курьезномъ фактѣ, обрисовывающемъ, насколько иногда теряются люди, облеченные властью; въ городѣ, полномъ разныхъ высшихъ военныхъ чиновъ, въ центрѣ генералъ-губернаторства, полномъ административныхъ властей, пришлось распорядиться охраненіемъ общественной безопасности человѣку, къ тому вовсе не подготовленному. Черезъ своихъ судейскихъ и лично собралъ приблизительныя свѣдѣнія, гдѣ сколько расположилось народа, равномѣрно распредѣлилъ собранную военную силу, далъ ефрейторамъ и унтеръ-офицерамъ надлежащія инструкціи, разъяснилъ ихъ обязанности, совѣтовалъ какъ лучше устроить очередь дежурства, какъ устроить надзоръ, и—ночные патрули были организованы. Ночь прошла благополучно и утромъ были посланы въ Петербургъ успокоительныя телеграммы, съ стерео-

типной фразой: „надлежащія мѣры къ устройству погорѣльцевъ принимаются“. Но не такъ-то легко было осуществить эти мѣры.

Къ счастью, въ лицѣ управляющаго канцеляріей генералъ-губернатора А. Д. Холодковскаго, нашелся человѣкъ, который не растерялся, отдалъ свои силы для помощи народному дѣлу, и въ насъ, немногихъ лицахъ, сгруппировавшихся около него, и въ послѣдующіе дни, умѣлъ подогрѣвать энергію, которая неоднократно оставляла насъ. Первые дни, комитетъ народной помощи состоялъ изъ немногихъ лицъ: Н. И. Жоховскій, чиновникъ особыхъ порученій, А. Е. Ворошиловъ, управляющій казенною палатою, я и одинъ казачій полковникъ; дѣла было много; нужно было приводить въ извѣстность число погорѣльцевъ, убытки ихъ, положеніе, въ которомъ они остались послѣ пожара, устраивать пріюты въ уцѣлѣвшихъ казенныхъ зданіяхъ, а главное кормить эту тысячную массу, оставшуюся буквально безъ хлѣба; первые дни раздавали хлѣбъ, пожертвованный и присланный по желѣзной дорогѣ самарцами и бузулукцами; потомъ надо было войдти въ соглашеніе съ мѣстными хлѣбопеками; раздача производилась въ трехъ, четырехъ пунктахъ; не обходилось, конечно, безъ злоупотребленій, но нельзя было держаться какой-либо строгой системы провѣрки, иначе по недобросовѣстности немногихъ, массы оставались бы неудовлетворенными; за хлѣбомъ, говядиной и друг. припасами, приходили обыкновенно женщины; порядокъ былъ такой: опрашивалось, сколько дѣтей, и сообразно этому производилась выдача; интересно, что ни у одной не оказывалось менѣе 7 или 8 дѣтей; если бы по этимъ словеснымъ заявленіямъ составили статистическую перепись населенія, то навѣрное оказалось бы, что въ Оренбургѣ не 40,000 жителей, а 200,000 или больше.

Потомъ, когда началась раздача бѣлья, холста и другихъ вещей, тоже бывали случаи, что въ качествѣ погорѣльцевъ являлись жители сосѣднихъ селеній, являлись и горожане, не пострадавшіе отъ пожара; вещи, выдаваемыя изъ складовъ Краснаго креста, закладывались въ кабакахъ, но тѣмъ не менѣе, помощь въ такомъ видѣ, помощь огульная, помощь на совѣсть просящаго, имѣла несомнѣнное благотворное дѣйствіе, такъ какъ погорѣльцы не упали духомъ и не было унынія.

Съ деньгами были осторожнѣе; первыя недѣли выдавались са-

мыя незначительныя субсидіи, не болѣе нѣсколькихъ рублей и только потомъ, когда были составлены полные поименные списки погорѣльцевъ, началась раздача, кому лѣсомъ, кирпичемъ, кому деньгами заимообразно, а кому слѣдовало и безвозвратно.

По личному опыту долженъ сказать, что даже при наличности средствъ для помощи, дѣло помощи представляется весьма труднымъ; не разъ приходилось убѣждаться, что истинно нуждающіеся остаются въ тѣни; до нихъ, при полномъ желаніи, какъ-то не доберешься, а на аванъ-сцену выступаютъ и выхватываютъ первые куски благотворительнаго пирога люди, не много потерявшіе и не сильно нуждающіеся.

Возвращаюсь къ пожару 16-го апрѣля, чтобы сказать нѣсколько словъ о полицмейстерѣ г. Оренбурга, А. М. Кричинскомъ, о человѣкѣ, въ рукахъ котораго находилась пожарная часть и котораго многіе обвиняли въ томъ, что онъ не съумѣлъ вначалѣ остановить пожаръ. Человѣкъ онъ былъ честнѣйшій, очень не глупый, но хворый и не распорядительный; самъ бывало не разъ говоритъ, что сидитъ не на своемъ мѣстѣ; посадили, кушать надо, и сидитъ въ ожиданіи мѣста уѣзднаго воинскаго начальника.

Въ день пожара жалко было на него смотрѣть; растерялъ своихъ подчиненныхъ, свою пожарную команду, своихъ полицейскихъ; распорядиться нужно, а распорядиться не кѣмъ; положеніе то же, въ которомъ былъ и губернаторъ Астафьевъ; вспоминаю такой казусъ: ѣдемъ мы съ Кричинскимъ недалеко отъ дома мѣстнаго богача Ключарева; останавливаетъ насъ Ключаревскій прикащикъ и проситъ дать хоть одинъ насосъ; а мы только что проѣзжая съ Кричинскимъ, черезъ Караванъ-Сарайскую площадь, видѣли на ней двѣ трубы, но безъ лошадей и людей; Кричинскій разрѣшаетъ взять эти трубы, но объявляетъ прикащику, что онъ долженъ доставить ихъ своими средствами; тотъ обращается къ окружавшей толпѣ, вызываетъ охотниковъ идти за трубами, обѣщаетъ деньги; все напрасно, никто не двигается; полицмейстеръ всему этому зритель и помочь не можетъ; около—ни одного полицейскаго, пожарныхъ и помину нѣтъ; махнулъ безнадежно рукою Амуратъ Матвѣичъ, и поѣхали дальше, оставляя прикащика при одномъ разрѣшеніи взять трубы.

Виноватъ, конечно, Кричинскій былъ въ томъ, что полиція

плохо его слушалась, что всякій полицейскій чинъ дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію, и дѣйствуя въ разбродъ, гораздо меньше пользы принесли и дѣла сдѣлали, чѣмъ дѣйствуя вкупѣ; но даже соединенныя пожарная и полицейская силы, по своему ограниченному составу, безъ помощи народа являлись слишкомъ ничтожною силою; а какое содѣйствіе оказывалъ народъ, это видно изъ только что приведеннаго факта объ отказѣ протащить двѣ трубы на небольшое разстояніе. Разсказываютъ, что на другой день, стоя на пепелищахъ, купцы бранили вслухъ проѣзжавшаго по улицамъ Кричинскаго, укоряя его въ бездѣйствіи; допускаю, что при раздраженіи и недовольствѣ, вызванномъ тяжестью постигшаго бѣдствія, потерпѣвшіе могли рѣшиться, не только на заочную противъ администраціи брань, но и на брань въ глаза, но во всякомъ случаѣ, недовольство противъ Кричинскаго родилось не въ день пожара; купечеству давно былъ не на руку этотъ трезвый, не принимающій приношеній полицмейстеръ, который не посѣщалъ именитыхъ купцовъ въ дни ихъ имянинъ, который не былъ, однимъ словомъ: „своимъ человѣкомъ". Конечно, въ день пожара, слишкомъ рѣзало глазъ это безпомощное состояніе высшаго представителя полиціи, разъѣзжавшаго изъ конца въ конецъ и отдававшаго приказанія, никѣмъ не исполняемыя; но не только мое личное убѣжденіе, но и по мнѣнію многихъ, едва ли другой полицмейстеръ нашелся бы въ этотъ день общей сумятицы, безурядицы и безтолковщины.

II.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ генералъ-губернаторъ Крыжановскій; на вокзалѣ желѣзной дорогѣ, встрѣтили его власти и представители городскаго общества, съ понурыми лицами; послѣднихъ онъ сразу ободрилъ тѣмъ тономъ и съ тою манерою, которыми онъ такъ умѣло пользовался, когда хотѣлъ быть пріятнымъ; онъ сказалъ купечеству приблизительно слѣдующее: „Зачѣмъ вы такъ тужите? дѣло—поправимое; устроимъ городъ лучше, чѣмъ былъ; вѣдь это дѣло рукъ человѣческихъ; нужна только вѣра въ Бога, энергія и желаніе; правительство васъ не оставитъ; уѣзжая изъ Петербурга, я видѣлся со всѣми министрами и всѣ они обѣщали свою поддержку".

На другой день утромъ Крыжановскій поѣхалъ осматривать пожарище и вернулся со слезами на глазахъ; тяжело было ему видѣть это опустошеніе города, въ которомъ онъ прожилъ 11 лѣтъ, и который такъ замѣтно выросъ и украсился на его глазахъ.

Говорили, что въ интимномъ кружкѣ онъ высказывалъ свое неудовольствіе противъ Астафьева, допустившаго большіе размѣры пожара, и выражалъ, что будь онъ на мѣстѣ, всего этого не случилось бы. Увы! увѣренность его оказалась ложною, и онъ самъ во время трехъ послѣдующихъ пожаровъ убѣдился, что степной вѣтеръ не знаетъ преградъ и что противъ него человѣческія усилія—ничто. Впрочемъ, долженъ сказать, что при Крыжановскомъ было больше порядка на пожарахъ, и во всякомъ случаѣ не было никакаго сравненія съ тѣмъ, что̀ происходило въ городѣ 16 апрѣля.

30 апрѣля утромъ начался пожаръ въ такъ называемомъ форштатѣ, т. е. казачьей станицѣ, неразрывно прилегающей къ городу, и отдѣленной отъ него только площадью; на несчастье, начался онъ съ краю форштата и вѣтеръ опять понесъ тысячи искръ и головней по всей слободкѣ; пожарнымъ, солдатамъ и всѣмъ вообще приходилось тяжелѣе на этомъ пожарѣ, чѣмъ на первомъ, такъ какъ въ форштатѣ много было домовъ крытыхъ соломою и эта сѣнная труха, засыпая всѣмъ глаза, при невообразимомъ жарѣ, не позволяла человѣку стоять близко отъ пожарища. Въ этотъ разъ вѣтеръ взялъ опять все, что ему причиталось, и если пожаръ прекратился, то только потому, что нечему было горѣть; потокъ огня дошелъ до того мѣста, гдѣ кончился пожаръ 16 апрѣля и гдѣ, слѣдовательно, торчали однѣ только обгорѣлыя стѣны, гдѣ были лишь насыпаны кучи золы и угля; однако нѣкоторое время угрожала сильная опасность: нѣсколько головней перелетѣло черезъ площадь и загорѣлся дровяной складъ артиллерійскаго вѣдомства, наложенный вокругъ пороховаго погреба; это извѣстіе съ быстротою молніи распространилось по городу и большинство, опасаясь взрыва, бросилось спасаться въ рощу, за р. Уралъ; вообразите, что эта была за суматоха; достовѣрно нельзя было узнать, много ли въ погребѣ пороха, и количество его, въ первыя минуты, конечно, преувеличивалось; потомъ оказалось, что въ немъ хранилось около 800 пудовъ пороха и кажется 5 милліоновъ ружейныхъ патроновъ; но, слава Богу,

погребъ уцѣлѣлъ; солдатики своими тѣлами закрыли крышу, въ то время, когда вокругъ погреба горѣли дрова, и огонь отступилъ передъ сѣрою солдатскою шинелью; этотъ подвигъ солдатиковъ, не щадившихъ своего живота, картинно описанный въ корреспонденціи Каразина, не былъ кажется оцѣненъ ни начальствомъ, ни городскимъ обществомъ, и не слышно было, чтобы они получили какую нибудь награду за свое самоотверженіе.

Въ минуты всеобщаго смятенія, раздавались, и конечно не безъосновательно, голоса лицъ, возмущавшихся небрежностью тѣхъ, которые оставляли пороховой погребъ чуть не въ центрѣ города, и мало того, дозволили вплотную окружить его дровами; разсказывали, что новый погребъ, устроенный за городомъ, давно готовъ, стоитъ уже два года, но что артиллерійское вѣдомство или интендантство не припимаетъ его отъ инженернаго вѣдомства, что заведено пререканіе, затѣяна переписка и т. д.

Крыжановскій на этомъ пожарѣ держалъ себя безукоризненно; являлся всегда въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ и всѣмъ служилъ примѣромъ; около погреба, отъ жары, съ нимъ дѣлался нѣсколько разъ обморокъ, но онъ не уѣзжалъ, пока дѣйствительная опасность не миновала.

Причина этого пожара осталась необнаруженною, но въ то же время не было никакихъ поводовъ подозрѣвать поджогъ; послѣ пожара 16 апрѣля, форштатъ настолько населился погорѣльцами, что множество каретниковъ, дровяныхъ сараевъ и клѣтушекъ наполнилось жильцами; въ этихъ помѣщеніяхъ ставились постоянно самовары, разводился огонь; на сѣновалахъ, обратившихся въ квартиры, курили, и поэтому немудрено, что 30 апрѣля, при томъ сильномъ вѣтрѣ, который не переставалъ ни на минуту, отъ чьей либо неосторожности, въ которой виновникъ ея, конечно, не захотѣлъ сознаться, и приключился пожаръ, надѣлавшій столько бѣдъ.

Между тѣмъ какъ во время пожара, такъ и послѣ него, многіе высказывали увѣренность, что пожары—результатъ поджоговъ; посыпались разсказы о подметныхъ письмахъ, объ угрозахъ пожаромъ; какой нибудь вздорный слухъ разростался моментально въ самый наидостовѣрнѣйшій разсказъ, и общество во всѣхъ его слояхъ, какъ въ интеллигентныхъ, такъ и простыхъ, подъ вліяніемъ двухъ монстровъ-пожаровъ, распустило себя настолько, что нелѣпыя басни и росказни, со дня на день, волновали и безъ

того напуганное населенiе. На самомъ дѣлѣ, угрожающихъ подметныхъ писемъ за все время было два; въ одномъ изъ нихъ было написано: „завтра будетъ горѣть; насъ сто человѣкъ", и еще что-то въ этомъ родѣ; разслѣдованiемъ было обнаружено, что это произведенiе двухъ мальчиковъ 14 и 10 лѣтъ, изъ хорошихъ семействъ; однимъ словомъ, дѣло объ этомъ письмѣ приняло шуточный характеръ; въ другомъ дѣлалось предупрежденiе Крыжановскому, что его домъ непремѣнно сгоритъ, указывалось время начала пожара, и въ концѣ письма авторъ прибавилъ, что онъ считаетъ своею обязанностью предупредить генералъ-губернатора, изъ особеннаго къ нему расположенiя. Сочинителемъ этого письма оказался отставной солдатъ-пьянчужка; письмомъ—хотѣлъ доставить себѣ развлеченiе.

Возбужденiе жителей проявлялось иногда въ опасной формѣ; такъ, напр., былъ случай, что жестоко исколотили двухъ лицъ, остановившихся для извѣстной надобности у забора; кто-то крикнулъ: „поджигатели, мажутъ заборъ", и неосторожные прохожiе предварительно были избиты, а затѣмъ силою были притащены во дворъ 2-ой полицейской части, причемъ толпа немедленно разбѣжалась, а полицейскiе, слыша еще издали крики о томъ, что поймали поджигателей, были въ полномъ недоумѣнiи, что̀ дѣлать съ двумя избитыми, противъ которыхъ никто не являлся свидѣтельствовать и противъ которыхъ нельзя было формулировать никакого обвиненiя. Очевидно, что пришлось ихъ немедленно отпустить, какъ только участковый товарищъ прокурора нашелъ ихъ въ арестантской.

Помню, еще былъ случай подобнаго рода; обвинили кого-то въ смазыванiи забора; заведено было дѣло у судебнаго слѣдователя 2 участка, который подробнымъ слѣдствiемъ, осмотромъ, распросами и т. д., выяснилъ, что никакихъ пятенъ на заборѣ, о которыхъ нѣсколько свидѣтелей заявляло полицiи, не существуетъ и не существовало и подозрѣваемый оказался гражданиномъ самаго мирнаго свойства.

Третiй пожаръ, 1 мая, былъ въ старой слободкѣ; первое время разнесся было слухъ, что поджогъ сдѣланъ владѣльцемъ дома, съ цѣлью получить страховую премiю; слѣдствiе обнаружило несостоятельность этого предположенiя и установило: что во дворѣ дома, съ котораго начался огонь, производились работы, что въ

сараѣ, въ которомъ отдыхали плотники, навалены были массы стружекъ и опилокъ, и что пожаръ начался въ то время, когда рабочіе находились на отдыхѣ; эти послѣдніе давали, конечно, показанія, себя оправдывающія, и пояснили, что они мирно, покойно спали и когда проснулись, то уже горѣлъ, но не сарай, въ которомъ они находились, а смежный съ сараемъ амбаръ другаго хозяина. Въ итогѣ, слѣдовало предполагать, что причина пожара— неосторожное куреніе въ сараѣ.

Въ это время возбужденія народныхъ страстей, трудно было ожидать отъ кого-либо сознанія въ неосторожномъ обращеніи съ огнемъ; всякій понималъ, что онъ въ силу своего сознанія, можетъ сдѣлаться жертвою народной ярости; насколько было велико опасеніе народной мести, объ этомъ можно будетъ судить при разсказѣ моемъ о четвертомъ случаѣ пожара, начавшемся въ такъ называемой Оторвановкѣ.

Былъ онъ 5 мая и грозилъ надѣлать много убытковъ, потому что огонь добрался до желѣзно-дорожныхъ дровяныхъ складовъ, рядомъ съ которыми расположены были и склады частныхъ владѣльцевъ; сгорѣло кажется дровъ на 40,000 рублей, но затѣмъ перемѣнилось направленіе вѣтра, и зданія вокзала, всѣхъ окружавшихъ его мастерскихъ и пакгаузовъ, а также остальные лѣсные матеріалы—уцѣлѣли.

Начался пожаръ при слѣдующей обстановкѣ: одинъ изъ погорѣльцевъ, столяръ, получилъ разрѣшеніе жить и работать въ нежиломъ, новомъ деревянномъ флигелѣ, но подъ условіемъ не разводить огня, такъ какъ флигель былъ безъ оконныхъ рамъ; нѣсколько дней, столяръ,—фамиліи его теперь не помню,—соблюдалъ условіе, но 5 мая не выдержалъ, да и трудно было производить столярныя работы при этомъ условіи, и заварилъ въ котелкѣ клей, въ избѣ, на полу, полномъ стружекъ; пока находился онъ въ избѣ дѣло шло благополучно, но понадобилось ему пойдти зачѣмъ-то въ погребъ; во время его отсутствія, порывъ вѣтра занесъ огонь на стружки и черезъ нѣсколько минутъ изба пылала; жандармъ, жившій по близости, прибѣжалъ къ началу пожара, видѣлъ его причину и увѣрялъ, что легко было потушить, но при первомъ крикѣ: „пожаръ", все окружающее населеніе бросилось прочь, растерялось и подъ вліяніемъ паническаго страха, вызываемаго всѣми предшествовавшими пожарными событіями,

оказалось въ состояніи полной безпомощности, отдавая на волю и жертву огня свои убогіе достатки. Когда пріѣхала пожарная команда и прибѣжали солдаты, было уже поздно; вѣтеръ моментально сдѣлалъ свое дѣло и въ этотъ послѣдній большой оренбургскій пожаръ, какъ и въ предшествовавшіе, сразу загоралось въ нѣсколькихъ кварталахъ, въ нѣсколькихъ улицахъ. Виновникъ пожара скрылся и отысканъ былъ не скоро; сбѣжалъ же, какъ потомъ самъ объяснялъ, опасаясь народнаго самосуда.

Населеніе волновалось больше и больше, и свѣдѣнія, полученныя о пожарахъ въ Уральскѣ, вполнѣ укрѣпили въ оренбуржцахъ убѣжденія о поджогахъ; первыя административныя мѣры, какъ-то: учрежденіе сторожевыхъ пикетовъ и разобраніе нѣсколькихъ соломенныхъ крышъ, не удовлетворяли усиливавшагося раздраженія; тогда Крыжановскій издалъ приказъ, въ которомъ объявлялось, что виновные въ поджогахъ будутъ судимы военнымъ судомъ, а виновные въ неосторожномъ обращеніи съ огнемъ, помимо наказанія по приговору мироваго судьи, будутъ высылаться изъ Оренбурга; объявленіе это было напечатано и наклеено на всѣхъ перекресткахъ; кромѣ того образована была, подъ предсѣдательствомъ полковника Потто, коммиссія для изслѣдованія причинъ пожаровъ; затѣмъ въ особомъ объявленіи, владѣльцы уцѣлѣвшихъ домовъ приглашались не набавлять цѣны на квартиры; приглашены были агенты страховыхъ обществъ, и сдѣлано имъ было должное внушеніе, по поводу отказовъ отъ пріема на страхъ недвижимостей и движимостей; весь городъ былъ раздѣленъ на 11 участковъ и отвѣтственность и наблюденіе въ каждомъ возложено на штабъ-офицера.

Прежде чѣмъ сказать нѣсколько словъ по поводу этихъ мѣръ, я не могу не разсказать, между прочимъ, одного случая, характеризующаго тогдашнее настроеніе толпы.

Однажды вечеромъ, часовъ въ семь, въ засѣданіе комитета, пріѣзжаетъ за мной адъютантъ генералъ-губернатора Анисимовъ и приглашаетъ къ Крыжановскому. Дорогою, Анисимовъ объяснилъ, что къ Николаю Андреевичу въ домъ народъ привелъ двухъ поджигателей, заявляя, что въ руки полиціи, которая поджигателей выпускаетъ, ихъ отдавать не намѣренъ, и требуетъ надъ ними суда; подъѣзжаемъ къ генералъ-губернаторскому дому; около него толпа, человѣкъ въ четыреста; Крыжановскій ходитъ

по залѣ нѣсколько взволнованный, и, разсказывая въ чемъ дѣло, говоритъ, что онъ убѣдился вполнѣ, что схваченные люди не поджигатели, что народъ заблуждается, но что приведенныхъ нельзя отпустить, ради ихъ же интереса, такъ какъ они и безъ того избиты и толпа, увидя ихъ на свободѣ, можетъ накинуться на нихъ вновь; въ заключеніе онъ просилъ меня взять подозрѣваемыхъ, свидѣтелей и приступить къ производству дознанія; затѣмъ не столько для пресѣченія задержаннымъ возможности скрыться, сколько для ихъ же охраны, вытребовано было нѣсколько часовыхъ изъ ближайшей гауптвахты и Крыжановскій поручилъ Анисимову, подъ личною отвѣтственностью, доставить ихъ въ цѣлости, въ полицейское управленіе. Туда же немедленно отправился и я, а за нами вслѣдъ и вся толпа, дежурившая у генералъ-губернаторскаго крыльца. Курьезная была съ виду процессія; хорошо, во 1-хъ, было то, что на дворѣ уже стемнѣло, а во 2-хъ, идти было недалеко, иначе при большомъ стеченіи народа, это необыкновенное шествіе могло сопровождаться уличными безпорядками.

Поджигателей было двое: одинъ—солдатъ башкирскаго коннаго полка, состоящій на дѣйствительной службѣ, а другой—запасный рядовой того же полка; послѣдній былъ избитъ порядочно и эта потасовка отрезвила его, товарищъ же былъ еще выпивши; когда началось производство дознанія, то свидѣтели исчезли; остался одинъ, давшій такого рода показаніе: что обвиняемые, сидя въ питейномъ заведеніи, вели между собою разговоръ о томъ, что нужно поджигать и что они подожгутъ Чебеньки (часть города, расположенная на самомъ берегу Урала); подлинныхъ словъ свидѣтель передать не могъ, объясняя, что заключилъ о намѣреніяхъ обвиняемыхъ по общему характеру ихъ разговора. Башкирцы, по поводу вышеизложеннаго объяснили: что пили водку съ утра, пили много, сидя въ кабакѣ говорили о пожарахъ, перебирая сгорѣвшія части города, и въ видѣ предположенія, въ виду часто повторяющихся пожаровъ, высказали, что теперь очередь за Чебеньками. Кабатчикъ и его жена показали: что въ кабакѣ было много народа, кто-то указывая на пьяныхъ болтавшихъ солдатъ, закричалъ: „вотъ поджигатели“, толпа подхватила, начали ихъ бить, прибѣжалъ народъ съ улицы, а затѣмъ и поволокли ихъ къ генералъ-губернатору.

Такимъ образомъ вполнѣ выяснилось, что грозные поджигатели виновны въ одномъ—въ чрезмѣрномъ пьянствѣ; для вытрезвленія посажены они были въ арестантскую и утромъ отпущены.

Вслѣдъ за опубликованіемъ генералъ-губернаторскаго распоряженія о поджигателяхъ, возникло дѣло объ одномъ мѣщанинѣ, жившемъ въ Новой Слободкѣ и учинившемъ поджогъ посредствомъ керосина, которымъ онъ облилъ стоявшій въ комнатѣ шкафъ; пожаръ былъ скоро потушенъ и ограничился однимъ домомъ; виновникъ его оказался обыкновеннымъ пропойцею; поводъ пожара—ссора съ женою и тещею и желаніе имъ досадить, желаніе, явившееся въ состояніи опьяненія и полнѣйшее раскаяніе въ содѣянномъ, при отрезвленіи. Конечно, нельзя было такого поджигателя судить военнымъ судомъ и Крыжановскій этого не потребовалъ, а больше и не было дѣлъ о поджогахъ.

Коммисія, о которой я упомянулъ выше, родилась по слѣдующему поводу: однажды, у Крыжановскаго сидѣли Астафьевъ, Холодковскій и я; разсуждали о пожарахъ и о разныхъ противопожарныхъ мѣропріятіяхъ. Вдругъ Крыжановскій, обращаясь къ намъ, говоритъ: „знаете что, какая мнѣ мысль пришла; необходимо изслѣдовать причины пожаровъ всесторонне; собрать во едино не только факты дѣйствительные, выборкою ихъ изъ дѣлъ, но и провѣрять всѣ слухи, и такъ какъ полиція наша, по малочисленности своей, не имѣетъ въ своемъ распоряженіи средствъ, то я полагаю назначить коммисію подъ предсѣдательствомъ начальника юнкерскаго училища, Потто; его юнкера вездѣ бываютъ, все слышатъ, все знаютъ; они замѣнятъ въ данномъ случаѣ полицію; въ составъ коммисіи я думаю назначить: жандармскаго полковника Дувинга, моего чиновника особыхъ порученій Стокаленко, одного изъ офицеровъ юнкерскаго училища, и васъ (обращаясь ко мнѣ) прошу командировать одного изъ товарищей прокурора“.

Затѣмъ было рѣшено, что дѣятельность коммисіи сведется, такъ сказать, къ негласному дознанію, и что тѣ факты, которые будутъ признаны ею правдоподобными, будутъ сообщаться въ подлежащія судебныя учрежденія. Потто было послано коротенькое предписаніе, а на словахъ были ему разъяснены: задача коммисіи, ея права и обязанности.

Не тутъ-то было; счелъ себя Потто слѣдователемъ по особо

важнымъ дѣламъ, началъ производить слѣдствіе, посылаетъ приставу записку, писанную карандашомъ, объ арестованіи одного мѣщанина, освобожденнаго только что судебнымъ слѣдователемъ, призываетъ къ допросу разныхъ лицъ, держитъ ихъ часовъ по 10-ти и т. п.

Товарищъ прокурора Старнавскій пытался умѣрить эти порывы, но напрасно. Тогда на имя Потто было послано подробное предписаніе, разъясняющее характеръ его дѣятельности; Потто сразу остылъ къ возложенному на него порученію, и коммисія, послѣ двухъ, трехъ засѣданій, прекратила свое существованіе, сама по себѣ, безъ особаго даже распоряженія генералъ-губернатора. Крыжановскій забылъ о ней, я въ концѣ мая былъ переведенъ изъ Оренбурга, вопросъ о пожарахъ и поджогахъ потерялъ свою жгучесть, общество начало интересоваться дѣятельностью комитета народной помощи и коммисія также внезапно исчезла съ лица земли, какъ внезапно и появилась.

О дѣятельности комитета народной помощи, если описывать всѣ его дѣйствія и распоряженія, если описывать все то, что происходило въ ежедневныхъ засѣданіяхъ комитета, пришлось бы писать очень много. Скажу только одно: много насъ тамъ засѣдало и собирались мы чуть не ежедневно, но не всякое засѣданіе давало какіе нибудь практическіе результаты; не то, чтобъ мы ничего не сдѣлали полезнаго,—нѣтъ; но многаго достигали послѣ продолжительныхъ и безполезныхъ разговоровъ, до многаго доходили ощупью, отъ принятой системы постоянно дѣлались отступленія, и вообще во всей нашей работѣ мало было солидности. Напр., вечеромъ въ засѣданіи, дѣлается постановленіе, чтобы погорѣльцы были размѣщены въ такихъ-то и такихъ-то зданіяхъ; участковымъ попечителямъ предоставляется право, со слѣдующаго же дня, выдавать погорѣльцамъ билеты на занятіе квартиры, и что же оказывается: погорѣльцы возвращаются, объясняя про одно зданіе, что оно не очищено, про другое, что въ немъ больше 30-ти семействъ помѣститься не могутъ (а записокъ роздано 150) и т. п.

По медицинской части, напримѣръ, комитетомъ принимались слѣдующія распоряженія; сегодня постановили, чтобы врачи, въ теченіи извѣстныхъ часовъ, объѣзжали назначенные имъ участки; на утро, врачи, исполняя комитетское опредѣленіе, катаются изъ

улицы въ улицу по пожарищу, но ни одинъ больной ихъ не останавливаетъ и по пусту въ катаніи затрачивается время; на другой день, первое опредѣленіе, въ виду непрактичности, отмѣняется и назначаются дежурства врачей по полицейскимъ частямъ, во время раздачи хлѣба; эта мѣра тоже оказывается неудобною, такъ какъ докторамъ приходится терять много времени, и наконецъ кончаютъ тѣмъ, что назначается одинъ пунктъ для пріема больныхъ, въ опрѣделенные часы, въ городовомъ полицейскомъ управленіи; населеніе между тѣмъ сбивается съ толку; сегодня ждутъ врачей на улицахъ, завтра тоже, потомъ узнаютъ о новомъ распоряженіи и, при взаимномъ стремленіи другъ къ другу, только черезъ недѣлю добиваются, гдѣ и когда можно навѣрное застать врача.

Также было и съ вещами Краснаго Креста; сегодня, завтра, выдаютъ всѣмъ безъ разбора; потомъ узнаютъ, что получающіе злоупотребляютъ, продаютъ, закладываютъ, пропиваютъ вещи; отмѣняется первое распоряженіе и объявляется, что вещи будутъ выдаваться не иначе, какъ по запискамъ участковыхъ попечителей; результатовъ отъ этой перемѣны не получалось никакихъ, потому что недобросовѣстныя просительницы получали по нѣскольку записокъ, мѣняя свои фамиліи, да и вообще участковые попечители не въ состояніи были распознать истинно нуждающихся. Затѣмъ, неожиданно отмѣняется и это распоряженіе, и члены дамскаго комитета начинаютъ раздавать погорѣльцамъ вещи на мѣстахъ ихъ жительства; а въ это время, бо̀льшая часть, не зная ничего о новомъ порядкѣ, осаждаетъ попечителей съ просьбами о разрѣшительныхъ запискахъ и напрасно выжидаетъ и выстаиваетъ у запертыхъ дверей склада.

Вышеприведенные примѣры наглядно и убѣдительно показываютъ, насколько несистематично велось дѣло народной помощи, насколько мы мало одѣлены организаторскими способностями и насколько мы слабы въ дѣлахъ, требующихъ спѣшной распорядительности.

Оканчивая на этомъ описаніе времени многопамятнаго въ исторіи города Оренбурга, я не могу не упомянуть, что долженъ былъ отказаться отъ поставленной мною задачи, разсказать всѣ тѣ факты, которыхъ я былъ очевидцемъ, такъ какъ пришлось бы

выставить на сцену слишкомъ много личностей, нынѣ еще здравствующихъ и благодушествующихъ; явились бы поправки, возраженія, не всякій захочетъ остаться въ печати такимъ, какимъ онъ выставленъ, а потому и ограничиваюсь передачею лишь въ общихъ чертахъ тѣхъ событій, которыя послужили предметомъ настоящаго очерка.

А. Т. Тимановскій

Апрѣль 1880 г.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ГОЛЕВЪ

1805—1880.

I.

Еще одну утрату понесла семья Севастопольцевъ, столь значительно уже порѣдѣвшая [1]).

Въ г. Самарѣ, въ 5-мъ часу утра 9 октября, скончался генералъ-маіоръ Иванъ Петровичъ Голевъ, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни. Его торжественно, съ подобавшими ему воинскими почестями, похоронилъ баталіонъ квартирующаго въ городѣ Гурійскаго пѣхотнаго полка, въ присутствіи собравшихся на похороны почти всѣхъ, наличныхъ въ Самарѣ, Севастопольцевъ, въ Иверскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, и вотъ что̀ я счелъ долгомъ сказать на свѣжей могилѣ моего стараго полковаго командира и друга:

«Горючія слезы неудержимо льются изъ очей тѣхъ, кому, какъ мнѣ, покойный И. П. Голевъ былъ искреннимъ и вѣрнымъ другомъ въ продолженіи долгихъ лѣтъ.

Но не однѣмъ слезамъ дружбы орошать эту свѣжую могилу. Каждый, кому дорога̀ слава русскаго оружія,—слава Россіи, долженъ почтить память усопшаго благодарственной слезой. Генералъ

[1]) Дѣйствительно: изъ замѣчательнѣйшихъ Севастопольскихъ дѣятелей,—не говоримъ о морякахъ, командовавшихъ отдѣльными частями или занимавшихъ самостоятельные, болѣе важные посты,—дѣятелей, упоминавшихся въ реляціяхъ, слѣдовательно выдававшихся своими подвигами, сколько намъ извѣстно, остаются нынѣ въ живыхъ лишь слѣд. лица: графъ Тотлебенъ, графъ Коцебу, Крыжановскій, Баумгартенъ, Козляниновъ 2, Ганъ, князь Урусовъ, Тимашевъ, Герсевановъ, Мельниковъ (извѣстный оберъ-кротъ) Циммерманъ, Тидебель, Саловъ, Красновъ, бывшіе командиры полковъ: Украинскаго — Бельгардтъ, Азовскаго — князь Святополкъ-Мірскій, Екатеринбургскаго — Веревкинъ.

П. А.

Голевъ имѣетъ право на такое сочувствіе, своею кровью вписавъ въ военную исторію своего отечества нѣсколько славныхъ строкъ.

Не стану исчислять здѣсь подробностей боеваго участія генерала Голева въ нѣсколькихъ войнахъ. Скажу только, что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ 4000 нашихъ героевъ, которые, въ ночь съ 14 на 15 сентября 1829 года, подъ начальствомъ Гейсмара, разбили и уничтожили двадцати-шести тысячный отрядъ Турокъ, подъ Быйлештами. Довольно будетъ, если я прибавлю, что въ Восточную войну 1853—56 годовъ Голевъ командовалъ Камчатскимъ егерскимъ полкомъ.

Слава, которую составилъ себѣ Камчатскій полкъ въ Севастополѣ, извѣстна не только военнымъ, но каждому, кого интересуетъ исторія Россіи.

Всѣ ли, однако, помнятъ событіе, доказавшее, что въ свое командованіе полкомъ, Голевъ успѣлъ вдохнуть въ него тотъ истинно геройскій духъ, подъ наитіемъ котораго солдаты не знаютъ невозможнаго, тотъ духъ, что приводитъ ихъ къ великимъ подвигамъ?

Извѣстно, что 27 августа 1855 года, мы имѣли единственный путь отступленія изъ Севастополя—мостъ черезъ бухту. Ключемъ этого отступленія для войскъ лѣвой половины оборонительной линіи былъ 3-й бастіонъ. Перейди этотъ бастіонъ въ руки непріятеля, и бо̀льшей части арміи севастопольскихъ защитниковъ предстояло «лечь костьми»,—такъ какъ русскія арміи не сдаются!

Великое значеніе 3-го бастіона знали союзники и потому для взятія его пошла вся армія англичанъ, пошла и.... взяла бастіонъ!.... Врагъ уже торжествовалъ неслыханную побѣду, но она была вырвана у него изъ рукъ штыками Камчатцевъ.

Роты Камчатскаго полка ударили съ фланга на англичанъ, занявшихъ уже бастіонъ, опрокинули ихъ въ ровъ и удержали бастіонъ до прибытія резервовъ. Два раза, затѣмъ, англичане возобновляли штурмъ бастіона, но, заваливъ своими трупами его ровъ, бастіона не взяли. 3-й бастіонъ остался за нами и Севастопольцы лѣвой половины оборонительной линіи были спасены,—путь отступленія имъ былъ обезпеченъ!

Подвигъ Камчатцевъ достойно оцѣнятъ историки Севастопольской обороны, но достойнѣйшую оцѣнку этотъ подвигъ нашелъ въ своемъ Верховномъ, Вѣнценосномъ Вождѣ. Государь Императоръ, на смотру II-й пѣхотной дивизіи, на Инкерманскихъ высотахъ, въ ноябрѣ 1855 года, изволилъ, передъ фронтомъ войскъ, спросить главнокомандующаго: «Отчего представляется на смотру только одинъ баталіонъ Камчатскаго полка?» Главнокомандующій доложилъ, что полкъ, за

огромною убылью офицеровъ и солдатъ въ Севастополѣ, переформированъ изъ четырехъ-баталіоннаго состава въ два баталіона [1]), изъ которыхъ одинъ находится на аванпостахъ. Тогда Государь, обращаясь къ войскамъ, изволилъ сказать громогласно:

«Одинъ баталіонъ Камчатцевъ—четырехъ стоитъ!» [2]).

Мнѣ прибавлять нечего. Россія въ каждомъ защитникѣ Севастополя справедливо видѣла героя.

Кто изъ вождей Севастопольскихъ съумѣлъ вдохнуть въ своихъ подчиненныхъ тотъ духъ, что каждаго изъ нихъ сдѣлалъ равнымъ четыремъ героямъ, тотъ спокойно можетъ сойти въ могилу—онъ честно сослужилъ свою службу Россіи и она его не забудетъ!...

Какъ на засвидѣтельствованіе дѣйствительности заслугъ генерала Голева Царю и Отечеству, мы могли бы ограничиться указаніемъ только на слѣдующій отрадный фактъ: я счелъ своимъ долгомъ довесть, 9 октября, по телеграфу, до свѣдѣнія господина военнаго министра о кончинѣ генерала Голева и 11 октября уже удостоился получить отъ его сіятельства депешу, сообщившую мнѣ, что съ Высочайшаго соизволенія, будутъ по генералѣ Голевѣ отслужены панихиды: въ Севастополѣ и въ Камчатскомъ пѣхотномъ полку; но мы, не ограничиваясь приведеніемъ этого, повторяемъ, отраднаго факта, вновь доказавшаго: какъ твердое и честное выполненіе своего долга Отечеству на службѣ Севастопольской, и послѣ двадцати-пятилѣтней отставки, вспоминается и достойно чтится Русскимъ Царемъ,—позволяемъ себѣ сдѣлать бѣглый очеркъ служебной дѣятельности покойнаго, чтобы доказать его права на уваженіе и память соотечественниковъ. Мы сочли не лишнимъ въ этомъ же очеркѣ привесть, сохранившіеся въ нашихъ Запискахъ, нѣкоторые изъ разсказовъ Голева о видѣнномъ и слышанномъ имъ въ его долголѣтней жизни.

---

[1]) Камчатскій полкъ вступилъ въ Севастополь имѣя: шт -офицеровъ 3, оберъ-оф. 45, нижнихъ чиновъ 2983. Во время пребыванія въ Севастополѣ на укомплектованіе онаго поступило нижнихъ чиновъ 772. Слѣдовательно полкъ имѣлъ въ Севастополѣ 3755 человѣкъ Въ Севастополѣ полкъ потерялъ: убитыми и умершими отъ ранъ шт.-оф. 4, оберъ-оф. 23; ранеными: шт.-оф. 3, оберъ-оф. 24; контуженными: шт.-оф. 1, оберъ-оф. 8; безъ вѣсти пропавшими: об.-оф. 1; т. е. всего 64. Нижнихъ чиновъ: убитыми 488, ранеными 1943, контуженными 1052, безъ вѣсти пропавшими 32, итого 3515. Если изъ полка еще могло быть сформировано 2 баталіона, то потому что раненые и контуженные, по выздоровленіи, возвращались къ своему мѣсту.

[2]) Мои „Походныя Записки", т. II, стр. 389. Богдановичъ. Восточная война 1853—56 годовъ, т. IV, стр. 201. П. А.

II.

И. П. Голевъ, изъ дворянъ Петербургской губерніи, родился 13-го августа 1805 года. Намъ не извѣстно, какое служебное положеніе занималъ родитель покойнаго, въ послѣдніе дни свои; но знаемъ, что онъ съ честью служилъ въ военной службѣ, что доказывается хранящимся у насъ Высочайшимъ рескриптомъ на его имя, за собственноручною подписью въ Бозѣ почившаго Императора Александра I, на пожалованную ему, 23 ноября 1807 года, золотую шпагу за Прейсишь-Эйлаусское дѣло [1]).

Иванъ Петровичъ лишился родителей въ раннемъ дѣтствѣ и былъ помѣщенъ въ императорскій военно-сиротскій домъ, (впослѣдствіи преобразованный въ Павловскій кадетскій корпусъ), откуда выпущенъ, съ чиномъ прапорщика, 8 августа 1823 года, въ Томскій егерскій (нынѣ пѣхотный) полкъ, состоявшій въ 16-й дивизіи бывшей тогда 2-й арміи, фельдмаршала Витгенштейна.

---

[1]) Вотъ этотъ замѣчательный документъ, мнѣ подаренный покойнымъ Иваномъ Петровичемъ, написанный на полулистѣ обыкновенной, полубѣлой бумаги:

Господинъ маіоръ Голевъ.

Въ вознагражденіе отличной храбрости, оказанной вами въ сраженіи противъ французскихъ войскъ 27 генваря при Прейсишь-Эйлау, гдѣ вы находились у прикрытія батареи и, отражая непріятеля, покушавшагося на оную, аттаковали его въ деревнѣ Шлодитенъ и, выгнавъ онаго, преслѣдовали, нанося ему сильное пораженіе, при чемъ оказали примѣрную неустрашимость и рвеніе къ службѣ. Жалую вамъ золотую шпагу съ надписью „за храбрость“, увѣренъ будучи, что сіе послужитъ вамъ поощреніемъ къ вашему продолженію усердной службы вашей. Пребываю вамъ благосклонный Александръ.

Въ С.-Петербургѣ. 23 ноября 1807 г.

Полагаемъ умѣстнымъ сказать здѣсь: когда, уже около 9 часовъ вечера, Наполеонъ увидѣлъ необходимость прекратить Прейсишь-Эйлаусскую битву и отступить на соединеніе съ своими свѣжими войсками, внезапно, въ тылу нашего праваго фланга, раздалась канонада. Это было наступленіе Нея, который слѣдуя на помощь Наполеону, опрокинулъ всѣ наши и прусскіе, встрѣченные имъ, отряды и атаковалъ селеніе Шлодитенъ, наполненное нашими ранеными. „Бенигсенъ, опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ Кенигсберга, отрядилъ противъ Нея нѣсколько полковъ, и въ числѣ ихъ Таврическій гренадерскій и Воронежскій мушкатерскій, кои, ударивъ въ штыки, овладѣли Шлодитеномъ и заставили французовъ отступить къ Альтгофу. Это былъ послѣдній актъ пятнадцати-часоваго кровопролитнаго сраженія при Прейсишь-Эйлау“. Богдановичъ. Исторія царст. имп. Александра I и пр. Спб. 1869, т. II, стр. 219.

П. А.

Вотъ что разсказывалъ Голевъ изъ временъ служенія его во 2-й арміи. Едва, по выпускѣ изъ училища, въ 1823 году, Голевъ пріѣхалъ на службу въ полкъ, какъ сдѣлался свидѣтелемъ замѣчательнаго случая.

Назначенъ былъ смотръ подъ Тульчиномъ и въ началѣ октября 1823 года двухдневный маневръ, въ присутствіи, блаженной памяти, императора Александра I. Къ смотру былъ собранъ весь 6-й корпусъ. Главнокомандующимъ былъ фельдмаршалъ Витгенштейнъ, начальникомъ штаба у него Киселевъ, (впослѣдствіи графъ и министръ государственныхъ имуществъ).

Извѣстно, что въ то время офицеры арміи Витгенштейна были проникнуты либеральнымъ духомъ. Особенно это направленіе сильнѣе другихъ сказывалось въ 16-й дивизіи, которою командовалъ Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ, молодой генералъ блистательныхъ дарованій, красавецъ собой, огромнаго роста, стройный, бѣлый, румяный, брюнетъ съ большой лысиной. Самъ Орловъ былъ человѣкъ вполнѣ свободномыслящій, а потому естественно покровительствовалъ офицерамъ того же направленія, тѣмъ болѣе, что вначалѣ всецѣло принадлежалъ къ сильно развитому тогда во 2-й арміи тайному обществу, извѣстному подъ именемъ «Союза благоденствія». Однимъ изъ бригадныхъ командировъ дивизіи Орлова былъ генералъ Болховской, еще будучи капитаномъ стоявшій въ караулѣ въ Михайловскомъ замкѣ, въ ночь кончины императора Павла! Болховской не стѣсняясь хвасталъ, что его шарфъ получилъ историческую извѣстность. Государю было издавна извѣстно направленіе Орлова, прежде пользовавшагося особеннымъ расположеніемъ государя, но впослѣдствіи лишившагося таковаго. Участіе Орлова въ тайномъ обществѣ сдѣлалось извѣстнымъ изъ бумагъ арестованнаго корпуснымъ командиромъ Сабанѣевымъ маіора В. Ѳ. Раевскаго, завѣдывавшаго Ланкастерской школой въ дивизіи Орлова.

Когда, на смотру, пошла мимо государя дивизія Орлова церемоніальнымъ маршемъ, императоръ взволновался до крайности. Волненіе это отразилось на конѣ государя: конь танцовалъ все время на мѣстѣ, подъ нетерпѣливыми движеніями государя, отъ его шпоръ и непрестаннаго дерганія мундштукомъ. Конь покрылся пѣной, стоя на мѣстѣ. Когда, отсалютовавъ, Орловъ сдѣлалъ заѣздъ и подскакалъ къ императору, то государь громко сказалъ ему: «Совѣтовалъ бы я вамъ, генералъ, больше заниматься ввѣренною вамъ дивизіею, чѣмъ дѣлами моей имперіи!» [1]).

[1]) Подобную этому фразу вкладываютъ въ уста покойнаго государя, будто бы отнесенную имъ къ князю Волконскому, въ другое время. (Богдановичъ.

Въ тотъ же день Орловъ и оба его бригадные командира были устранены отъ должностей, что возбудило ропотъ и неудовольствіе офицеровъ, очень любившихъ Орлова.

Кончился двухдневный маневръ 4 и 5 октября. Войска измучились до крайней степени. Солдатамъ эти двое сутокъ не варили пищи, они довольствовались хлѣбомъ, бывшимъ въ ихъ ранцахъ. Зато по окончаніи маневра, солдатамъ было приготовлено обильное угощеніе: водка, мясо, булки; для офицеровъ изготовленъ обѣдъ, каждому полку отдѣльно. Для государя, генераловъ и полковыхъ командировъ всего отряда, для свиты и приглашенныхъ лицъ былъ выстроенъ особый павильонъ, въ которомъ приготовилось роскошное пиршество. Во время царскаго обѣда пѣхота образовала огромное каре, вокругъ сказаннаго павильона, за нею поставили кавалерію и далѣе, на высотахъ, артиллерію, которой приказано открыть пальбу, когда начнутся тосты. Въ началѣ все шло очень чинно; но едва взвилась сигнальная ракета и раздался артиллерійскій залпъ, какъ произошло нѣчто поразительное. Пѣхотинцы, какъ мы выше замѣтили, проголодавшіеся въ теченіи двухъ сутокъ, выпивъ водки, по чаркѣ, по другой, на тощій желудокъ, опьянѣли и забылись до того, что когда артиллерія начала стрѣлять—тоже стали стрѣлять, безъ приказанія. Кто началъ—потомъ самое строгое слѣдствіе обнаружить не могло. Однимъ словомъ, загорѣлся адскій огонь вокругъ павильона—50,000 человѣкъ палило безъостановочно! Произошло смятеніе. Государь сейчасъ же, не кончивъ обѣда, сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ въ Тульчинъ. Генералы поскакали къ своимъ частямъ, кричали, махали платками, шляпами, силясь остановить пальбу, но всѣ усилія ихъ были тщетны—пальба продолжалась. Тотчасъ начали разводить полки по мѣстамъ, но и тутъ пальба не прекращалась. Мало того, было множество публики, съѣхавшейся посмотрѣть на Государя и на блистательный смотръ, множество поляковъ, помѣщиковъ съ семействами, со всѣхъ окрестностей. Солдаты стали стрѣлять въ экипажи и лошадей публики: многія лошади понесли, другія стали биться на мѣстѣ; дамы перепугались, поднялся крикъ, шумъ; словомъ произошелъ страшный переполохъ.

Потомъ разсказывали, что эта пальба произошла отнюдь не случайно, а была устроена заговорщиками, предполагавшими воспользоваться

Ист. царс. им. Александра, т. IV, ст. 503). Но Голевъ, прочтя это указаніе, настаивалъ на вѣрности своего разсказа, подтверждая его врѣзавшимся въ его память, дерзкимъ (неудобнымъ для печати) возгласомъ, который позволяли себѣ дѣлать офицеры, когда передавался ими другъ другу изложенный разсказъ.

П. А.

зоваться ею, чтобы убить государя. Утверждали, что съ этою цѣлью были подговорены особыя лица, изъ числа разжалованныхъ, которыхъ тогда было очень много въ полкахъ и что имъ на этотъ предметъ были розданы боевые патроны.

Мы должны здѣсь замѣтить, что настоящій разсказъ о неудачномъ исходѣ военнаго празднества подъ Тульчиномъ, совершенно противорѣчитъ разсказу о томъ же событіи Н. В. Басаргина. (XIX вѣкъ. Сборникъ Бартенева. Книга I, стр. 83—84). Басаргинъ говоритъ, что пальба артиллеріи и пѣхоты производилась при тостѣ за здоровье Государя, вслѣдствіе заранѣе сдѣланнаго распоряженія, тогда какъ Голевъ увѣрялъ, что пальба пѣхотою произведена самопроизвольно и даже по злоумышленному подстрекательству. Голевъ разсказывалъ, что по этому поводу производилось строгое слѣдствіе, котораго быть не могло, еслибы пальба была слѣдствіемъ заранѣе сдѣланнаго распоряженія. Выдумать такой фактъ, какъ производство слѣдствія, Голевъ не могъ. Далѣе. Голевъ разсказывалъ, что недовольный происшедшею пальбою, государь уѣхалъ до конца обѣда, а Басаргинъ говоритъ, что государь всѣмъ праздникомъ былъ чрезвычайно доволенъ. Кому же вѣрить? Оба очевидцы событія. Нельзя ли предположить, что Басаргинъ, какъ самъ участникъ заговора, умышленно представилъ событіе не въ надлежащемъ освѣщеніи, что бы не дать повода къ предположенію о возможности участія заговорщиковъ въ произведеніи этого безпорядка, вызваннаго неудавшимся замысломъ?

Вотъ еще два разсказа Голева, относящіеся ко времени стоянки подъ Тульчиномъ:

Дивизіей командовалъ генералъ-лейтенантъ Корниловъ, (отецъ извѣстнаго севастопольскаго героя, убитаго въ первую бомбардировку). По словамъ Голева, это былъ всѣми любимый начальникъ, герой 1812 года, съ Георгіемъ на шеѣ, человѣкъ твердый, рѣшительный, смѣлый, всегда прямо и рѣзко говорившій правду сильнымъ міра сего.

Послѣ 14 декабря и открытія заговора во 2-й арміи, многихъ офицеровъ арестовывали, внезапно увозили или преслѣдовали подозрѣніями и держали подъ секретнымъ надзоромъ. Между офицерами, а въ особенности между начальствующими была паника. Въ одномъ изъ полковъ дивизіи Корнилова, а именно въ Селенгинскомъ, произошла какая-то маленькая неурядица между офицерами, которую почти каждый изъ начальниковъ того времени, подъ вліяніемъ той-же паники, непремѣнно возвелъ бы на степень исторіи—почти каждый, но не Корниловъ. Онъ окончилъ это дѣло домашнимъ образомъ, даже не доведя о немъ до свѣдѣнія начальства, какъ о случаѣ совершенно незначительномъ. Между тѣмъ, нашлись таки добрые люди,

которые передали объ этомъ дѣлѣ Витгенштейну. Вотъ какъ-то, вскорѣ послѣ этого, фельдмаршалъ за обѣдомъ у себя и спрашиваетъ Корнилова: «Что у васъ тамъ такое въ Селенгинскомъ полку было между офицерами, генералъ?»

— Ровно ничего, ваша свѣтлость. Пустяки сущіе. И говорить то объ этомъ не стоитъ, а вотъ объ этомъ такъ стоитъ поразмыслить: какъ это вашей с—и дѣлается извѣстнымъ, что за тридевять отъ васъ земель, въ какомъ нибудь Селенгинскомъ полку, какой-то вздоръ произойдетъ, а какъ около васъ самихъ всѣ покарбонарились, вы и замѣтить не изволили!

Разговоръ на этомъ и прекратился.

Второй разсказъ, уже комическаго свойства. Тучковъ (впослѣдствіи Московскій генералъ-губернаторъ), въ молодости былъ большой проказникъ и шутникъ.

Гвардія, возвращаясь изъ Турецкой кампаніи, нѣкоторое время стояла подъ Тульчиномъ. Скука въ жидовскомъ городишкѣ заставляла искать развлеченій. Тучковъ занималъ хорошенькое помѣщеніе, на лучшей улицѣ городка, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Жемчужниковымъ; напротивъ помѣщалась цирюльня, съ обычною вывѣскою и надписью: «здѣсь стригутъ, брѣютъ» и пр. и обозначеніемъ цѣны каждой операціи, а именно: за бритье 20 к. и т. д. Тучковъ прекрасно рисовалъ. Жемчужниковъ замѣчаетъ, что дня три сряду Тучковъ работаетъ надъ большой картиной, по бумагѣ, на картонѣ. Каково же было его удивленіе, когда взглянувъ на картину, онъ увидѣлъ изображеніе сидящаго на стулѣ человѣка, которому другой намыливаетъ лицо, внизу крупная надпись: 10 коп.! На утро эта новая вывѣска появилась надъ квартирой товарищей. Не прошло и часу, какъ какой-то прилично одѣтый шляхтичъ, проходя мимо, усмотрѣлъ, что здѣсь можно побриться вполовину дешевлѣ, чѣмъ у цирюльника vis-a-vis и вошелъ въ домъ. Его встрѣтилъ Тучковъ въ архалукѣ, съ мыльницей и кисточкой въ рукахъ.

— Можно? спрашиваетъ шляхтичъ.

— Садитесь, отвѣчаетъ Тучковъ, подвигая ему стулъ и тотчасъ взбивъ въ мыльницѣ массу мыла, долго и густо началъ мылить ему все лице, оставивъ не замазанными только глаза, лобъ и носъ,—намылилъ и говоритъ: - готово!—пожалуйте деньги...

— «Такъ брѣйте-же!..»

— Здѣсь не брѣютъ, а только мылютъ,—брѣютъ напротивъ, не угодно ли отправиться туда.

— «Помилуйте, что же это такое? Дайте хоть полотенце обтереться».

— Нѣтъ ужъ извините, у насъ полотенецъ нѣтъ,—отправляйтесь,

отправляйтесь—и не давъ шляхтичу опомниться, выпроводилъ его за дверь, всего въ мылѣ.

Въ первую царствованія императора Николая турецкую войну, Голевъ перешелъ Прутъ 26 апрѣля 1828 года и послѣ блистательнаго въ оной участія, будучи награжденъ за достопамятное ночное пораженіе Турокъ подъ Быйлештами, чиномъ поручика, и двукратно перенеся всѣ ужасы чумы, воротился съ полкомъ въ Россію только 24 октября 1832 года, т. е. пробывъ въ Турціи и въ Придунайскихъ княжествахъ 4 года и 6 мѣсяцевъ сряду. Столь продолжительное пребываніе въ названныхъ мѣстностяхъ дало возможность Голеву въ совершенствѣ изучить молдавскій языкъ, на которомъ онъ сталъ говорить какъ на русскомъ, что послужило ему въ пользу на его дальнѣйшей службѣ.

Въ этотъ періодъ времени, а именно, въ 1830 году, наши войска вторично были поражены ужаснымъ бичемъ Божіимъ—чумою. Вотъ что разсказывалъ мнѣ Голевъ о ея появленіи.

По окончаніи турецкой кампаніи, наши арміи воротились въ Россію, оставивъ въ Молдо-Валахіи, впредь до уплаты условленной по Адріанопольскому миру контрибуціи, дивизію пѣхоты, дивизію кавалеріи, съ соотвѣтствующимъ числомъ артиллеріи и казаковъ. При отбытіи нашихъ войскъ нигдѣ не было никакого признака чумы. Оставшаяся на окупацію пѣхота съ артиллеріей была размѣщена въ кр. Силистріи и на десятиверстномъ вокругъ нея пространствѣ, причемъ селенія и деревни, лѣса и воды этого раіона были отданы въ распоряженіе окупаціонныхъ войскъ. Тѣ Турки этого раіона, у которыхъ были еще какія нибудь средства, эмигрировали, остались только совершенные бѣдняки, да болгаре не покидали своихъ жилищъ. Комендантъ крѣпости, инженерный генералъ Руппертъ, предложилъ окупаціоннымъ войскамъ на топливо, варку пищи и печеніе хлѣба получать деньгами, по утвержденнымъ цѣнамъ, принявъ на себя заботу о заготовкѣ необходимаго матеріала. Разумѣется, такое распоряженіе пришлось очень по сердцу полковымъ командирамъ, которые и поспѣшили условиться съ ротными командирами объ отпускѣ имъ нѣкоторыхъ суммъ съ тѣмъ, чтобы сами роты заготовляли себѣ топливо. Дѣло закипѣло. Пошла усиленная рубка лѣсовъ въ окрестностяхъ Силистріи; но однажды, а именно, на Николинъ день, 6 декаб. 1830, случилось, что въ одной изъ ротъ Томскаго полка, въ которомъ служилъ Голевъ, не оказалось дровъ и ротный командиръ по случаю большаго праздника, пожалѣлъ послать солдатъ за нѣсколько верстъ въ лѣсъ, на рубку, приказавъ фельдфебелю: достать гдѣ нибудь топлива поближе. Силистрія, какъ и всѣ турецкіе города, не только

окружена мусульманскими кладбищами, но изобилуетъ ими въ самой городской чертѣ. Турки хоронятъ своихъ мертвыхъ безъ гробовъ. Они кладутъ тѣло въ неглубокую могилу и подъ покойникомъ устраиваютъ нѣчто въ родѣ односкатной крыши, причемъ доски и бревешки, служащія матеріаломъ для таковой, однимъ концемъ упираются въ дно могилы, а другимъ, часто, торчатъ надъ ея поверхностью. Съ одного изъ такихъ, ближайшихъ къ городу кладбищъ, солдаты и натаскали досокъ и бревешекъ, повыдергавъ ихъ изъ могилъ. На утро, когда всѣ въ этой ротѣ поднялись, видятъ, что люди, доставлявшіе наканунѣ дрова, не встаютъ. Сначала думали—утомились. Дали имъ выспаться, опять поглядѣли—спятъ. Чтобы такое значило? Разбудили ихъ, растолкали, видятъ—они въ какомъ то неестественномъ состояніи. Разумѣется, ихъ тотчасъ стащили въ лазаретъ. Тамъ, полковой штабъ-лекарь Томскаго полка Лукинъ, вмѣсто того, чтобы осмотрѣть этихъ людей внимательно и опредѣлить ихъ болѣзнь возможно точнѣе, отнесся къ нимъ съ полной небрежностью, признавъ ихъ пьяными и не принялъ никакихъ мѣръ къ ихъ излеченію. Къ утру всѣ эти люди умерли. Когда же ихъ раздѣли и увидѣли на ихъ тѣлѣ черныя пятна, то и это не образумило Лукина—онъ призналъ эти пятна слѣдствіемъ гастрической горячки. Черезъ день въ лазаретѣ Лукина умеръ фельдшеръ, осматривавшій умершихъ солдатъ, а затѣмъ чума вступила въ свои права и пошла косить людей! Но Лукинъ, боясь слѣдствія и тяжелыхъ для себя его результатовъ, скрывалъ отъ начальства ужасную истину, показывая, что сильное заболѣваніе и смертность происходятъ отъ обыкновенныхъ болѣзней! Однако, этотъ страшный секретъ долго удержать было невозможно: о появленіи чумы сдѣлалось извѣстнымъ начальству и тотчасъ наѣхало въ Силистрію множество слѣдователей, присланныхъ Киселевымъ, тогда предсѣдателемъ дивановъ княжествъ. Конечно, слѣдователи не могли остановить эпидеміи; она развилась тѣмъ съ бо̀льшею силою и быстротою, что войска стояли очень скученно въ городѣ и крѣпости, а вывести ихъ въ лагерь было невозможно, потому что еще лежалъ снѣгъ. Наконецъ, насталъ февраль; снѣгъ стаялъ; войска поставили лагеремъ, приняли строжайшія карантинныя мѣры; затѣмъ эпидемія вскорѣ начала ослабѣвать, успѣвъ однако похитить огромное число жертвъ, какъ въ нашихъ войскахъ, такъ и изъ числа мѣстныхъ жителей.

Штабъ-лекаря Лукина, вмѣсто того, чтобы разстрѣлять за преступную небрежность, слѣдствіемъ обнаруженную и бывшую причиною гибели столькихъ людей, назначили главнымъ медикомъ устроеннаго тогда чумнаго отдѣленія, причемъ онъ вынужденъ былъ провесть 3

мѣсяца удаленнымъ отъ всего міра, посреди зачумленныхъ, безвыходно въ ихъ лагерѣ. Въ эти роковые три мѣсяца, Лукинъ спился съ кругу и обратился въ какое-то подобіе дикаго звѣря. Нечего сказать: большую онъ, должно быть, принесъ пользу порученнымъ ему несчастнымъ страдальцамъ!

Вотъ еще нѣкоторые изъ разсказовъ Голева о войнѣ 1829 года.

Въ арміи были убѣждены, что баронъ Гейсмаръ, безспорно человѣкъ отважный и рѣшительный, блистательными успѣхами своими въ эту кампанію и славою, имъ пріобрѣтенною, преимущественно обязанъ состоявшему при немъ Павлу Христофоровичу Граббе (впослѣдствіи графъ, прославившійся на Кавказѣ и наказной атаманъ Донскаго войска). Самъ Гейсмаръ понималъ значеніе для него Граббе и высоко цѣнилъ его воинскія дарованія. Но Граббе былъ компрометированъ по дѣлу тайныхъ обществъ во 2-й арміи и высланъ въ полкъ подъ команду младшаго [1]). Между тѣмъ Гейсмаръ старался, при всякомъ важномъ случаѣ, обходить это распоряженіе. Такъ, дня за три до знаменитаго Быйлештскаго дѣла, Гейсмаръ въ диспозиціи своей поручилъ полковнику Граббе командованіе резервомъ, въ составъ котораго назначилъ полкъ пѣхоты, двухбаталіоннаго тогда состава, и тотъ полкъ кавалеріи, въ которомъ числился Граббе, состоявшій подъ командою полковника Кельнера. Таковымъ назначеніемъ Кельнеръ обидѣлся и рапортомъ донесъ Гейсмару, что на основаніи имѣющагося у него секретнаго предписанія начальства, основаннаго на высочайшемъ повелѣніи, онъ не можетъ допустить, чтобы полкъ, ему ввѣренный, а равно и онъ самъ, были поставлены подъ команду Граббе, которому болѣе дивизіона поручать не приказано.

Однако Гейсмаръ былъ не изъ числа тѣхъ, которые отступаются отъ своихъ рѣшеній. Не смотря на грозившую опасность немедленнаго столкновенія съ непріятелемъ въ десятеро сильнѣйшимъ, при чемъ ему надлежало дорожить каждымъ лишнимъ человѣкомъ въ своемъ отрядѣ, Гейсмаръ тотчасъ далъ предписаніе полковнику Кельнеру отправиться съ однимъ эскадрономъ ввѣреннаго ему полка, за 90 верстъ, прикрывать городъ Краіовъ. Такимъ образомъ Граббе остался командовать указанною ему частію, при чемъ имѣлъ несомнѣнное вліяніе на принятіе Гейсмаромъ того отважнаго и вмѣстѣ точно расчитаннаго рѣшенія, которое завершилось славнымъ Быйлештскимъ дѣломъ.

---

[1]) П. Х. Граббе не былъ судимъ уголовнымъ судомъ, но за смѣлые отвѣты въ комитетѣ, по высочайшему повелѣнію, содержался нѣкоторое время въ Динабургской крѣпости и потомъ отправленъ младшимъ полковникомъ въ Сѣверскій конно-егерскій полкъ. **П. А.**

Фельдмаршалъ Дибичъ любилъ сильно выпить. Въ турецкую войну его прозвали: «Самоваръ-фельдмаршалъ», потому что у ставки его, отъ ранняго утра до поздней ночи, кипѣлъ самоваръ—Дибичъ постоянно пилъ пуншъ. Даже въ поѣздкахъ его верхомъ, на рекогносцировку, для осмотра войскъ и тому подобное, казакъ всегда возилъ за нимъ баклагу съ холоднымъ пуншемъ и стаканъ.

Венгерская война застала Голева подполковникомъ (онъ произведенъ за отличіе: въ 1837 году въ капитаны и въ 1845 году въ подполковники), и командиромъ батальона въ Томскомъ полку, съ которымъ онъ и перешелъ, 6 мая 1849 года, границу Буковины, у м. Новосилицы, въ отрядѣ генер.-лейт. Гротенгельма.

Въ началѣ кампаніи Голевъ участвовалъ во многихъ стычкахъ съ Венгерцами, изъ которыхъ болѣе замѣчательная у Иллова-Маре, 9 іюня, гдѣ онъ командовалъ среднею колонною, состоявшею изъ 3-го баталіона Томскаго полка, дивизіона Буковинскаго кордоннаго баталіона австрійскихъ войскъ и небольшой части казаковъ. Эта первая стычка наша въ Трансильваніи съ Венгерцами, кончилась бѣгствомъ непріятеля, потерявшаго 10 человѣкъ убитыми и до 20 взятыми въ плѣнъ. Вскорѣ затѣмъ Голевъ, какъ превосходно владѣвшій языками нѣмецкимъ и молдавскимъ, былъ назначенъ 7 іюля временнымъ комендантомъ значительнаго города Буковины-Черновцы, гдѣ и оставался до конца кампаніи при исполненіи этой трудной и сложной обязанности, за что, равно какъ и за мужество въ дѣлахъ съ Венгерцами, удостоился получить отъ австрійскаго императора орденъ Желѣзной короны 2-й степени. Нашимъ же правительствомъ за отличное мужество въ венгерскую войну Голевъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 степени съ бантомъ и чиномъ полковника, со старшинствомъ съ 9 іюля, т. е. со дня оказаннаго имъ боеваго отличія въ дѣлѣ подъ Иллова-Маре.

Вскорѣ за этимъ, Голевъ, обратившій на себя вниманіе отличнымъ знаніемъ военнаго дѣла, въ мирное и военное время, былъ назначенъ, 10 января 1850 года, командиромъ Камчатскаго егерскаго полка, стяжавшаго впослѣдствіи, подъ его командой, славную извѣстность. Еще во время продолжительной лагерной стоянки подъ Луцкомъ, для приготовленій къ смотру императора Николая, Голевъ своею разумною распорядительностью, отсутствіемъ всякой суетливости, (которою въ то время отличалось у насъ большинство начальствующихъ, увлекавшихся напускнымъ рвеніемъ къ службѣ, часто, за предѣлы возможнаго, но въ сущности дѣйствовавшихъ не подъ вліяніемъ чувства долга, а изъ простаго желанія отличиться, показавъ свою часть съ казоваго конца),—точностью и опредѣлительностью своихъ при-

казаній, живѣйшею заботливостью о дѣйствительныхъ нуждахъ своихъ офицеровъ и солдатъ, — съумѣлъ пріобрѣсть общую любовь въ полку, что и было одною изъ главнѣйшихъ причинъ тѣхъ послѣдующихъ подвиговъ полка, къ которымъ всего скорѣе увлекаетъ нашего солдата примѣръ и слово начальника, имъ любимаго.

III.

Началась Восточная война. 24 іюня 1853 года Голевъ перевелъ свой полкъ черезъ р. Прутъ въ м. Скулянахъ и двинулся черезъ Бухарестъ, въ отрядѣ графа Анрепа-Эльмпта, на Дунай, гдѣ и сталъ съ полкомъ аванпостами противъ Турокъ, близь Калараша и Слободзеи. Отсюда, 26 октября, камчатскій полкъ, форсированнымъ маршемъ, пошелъ къ Ольтеницѣ, гдѣ, послѣ несчастнаго, извѣстнаго дѣла нашего 23 октября, Турки укрѣпились въ карантинѣ на лѣвомъ берегу Дуная. Отсюда Омеръ-Паша, стянувъ значительныя силы, намѣревался перейти въ наступленіе; но предпріятіе это Турки, какъ извѣстно, осуществить не рѣшились, увидѣвъ 23 октября, какъ мы деремся! Однако, не смотря на обратный переходъ Турокъ за Дунай, наши войска были усилены противъ Ольтеницы и Камчатскій полкъ стоялъ на этомъ пунктѣ вплоть до весны, содержа передовые посты по Дунаю и воздвигая рядъ полевыхъ укрѣпленій, предназначенныхъ задержать наступленіе непріятеля, въ случаѣ его рѣшенія перейти въ таковое.

Въ періодъ стоянки Камчатскаго полка въ Ольтеницѣ, къ полкамъ 11 дивизіи было прикомандировано, для участвованія въ военныхъ дѣйствіяхъ, по два офицера къ каждому, изъ гвардіи. Къ Камчатскому полку были прикомандированы лейбъ-гв. Финляндскаго полка капитанъ Ванновскій [1]), и поручикъ Борейша. Молодые люди эти нашли въ офицерахъ Камчатскаго полка какъ бы родную семью, а въ И. П. Голевѣ такого командира, разумнаго старшаго товарища и добраго друга, службы съ которымъ, особенно въ военное время, нельзя забыть. При встрѣчѣ съ нами, въ послѣднюю кампанію, въ Бухарестѣ, П. С. Ванновскій, столь блистательную себѣ составившій извѣстность въ качествѣ начальника штаба Рущукскаго отряда Государя Наслѣдника Цесаревича, самымъ искреннимъ образомъ заявлялъ намъ, когда мы стали вспоминать Голева, что если онъ познакомился съ практикой военной службы и усвоилъ себѣ многія ея тайны, изъ

[1]) Нынѣ извѣстный корпусный командиръ

книгъ и уставовъ непочерпаемыя, то онъ обязанъ этимъ службѣ подъ командою Голева, въ качествѣ сперва ротнаго, потомъ баталіоннаго командира и дружескому сближенію съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ. [1]) Такіе-же отзывы мы слышали отъ многихъ служившихъ подъ начальствомъ Голева. Вообще, поистинѣ можно сказать, что для своихъ подчиненныхъ Голевъ былъ лучшимъ изъ учителей.

Стоянка Камчатскаго полка на Дунаѣ, у Ольтеницы, послѣ ряда перестрѣлокъ съ турками, ознаменовалось атакой Туртукайскаго острова, при впаденіи р. Аржиса въ Дунай, 27—28-го февраля 1854, порученной Хрулеву. Начальникомъ пѣхоты нашего атакующаго отряда назначенъ былъ Голевъ, и хотя эта атака не имѣла успѣха, но Голевъ, все время дѣла, бывшаго боевымъ крещеніемъ Камчатскаго полка въ эту кампанію, находившійся подъ непрерывнымъ ружейнымъ огнемъ непріятельскимъ, показывалъ своимъ подчиненнымъ примѣръ непоколебимаго мужества. Вскорѣ затѣмъ Голевъ съ полкомъ своимъ принялъ ближайшее участіе въ осадѣ Силистріи, при чемъ успѣлъ заслужить такую лестную репутацію, что былъ назначенъ съ полкомъ штурмовать, съ фланга и тыла, одно изъ самыхъ важныхъ укрѣпленій — Арабъ-Табію. [2]) Извѣстно, что въ силу особыхъ политическихъ причинъ, штурмъ Силистріи былъ отмѣненъ, такъ сказать,

---

[1]) Полагаемъ, не будетъ нескромностью, если мы позволимъ себѣ, въ подтвержденіе своихъ словъ, привести слѣдующую выдержку изъ письма генерала Ванновскаго къ Голеву, изъ Оргѣева, отъ 21-го января 1877:

„Какъ забыть мнѣ ваше сердечное расположеніе ко мнѣ во время состоянія моего при Камчадалахъ? какъ мнѣ забыть ту пользу, которую я извлекъ изъ постояннаго общенія съ вами и изъ вашей просвѣщенной опытности?"

[2]) Вотъ что мною тогда же, вечеромъ наканунѣ назначеннаго штурма, записано въ своемъ дневникѣ. (Поход. зап., т. I стр. 213-214). Промежуточное укрѣпленіе атакуетъ полковникъ Голевъ съ камчатскимъ полкомъ. Полк. Голевъ съ камчатцами долженъ овладѣть первою турецкою траншеею и взойдя за „песчаное" взять арабское укрѣпленіе съ тылу.

Утромъ, чтобы ознакомиться съ мѣстностью, на которой предстояло дѣйствовать, мы пошли съ полковникомъ Голевымъ и командирами частей камчатскаго полка въ траншеи, на то мѣсто, откуда завтра должно будетъ устремиться за вѣнцомъ мученическимъ, или лавровымъ.

Полк. Голевъ, передавъ офицерамъ обязанности и выглядывая въ щель щита, задвигавшаго амбразуру, для нѣкоторой защиты отъ штуцерныхъ пуль, безпрестанно здѣсь жужжащихъ, указывалъ каждому офицеру точку, на которую онъ долженъ будетъ устремиться съ своими солдатами.

Эта практическая лекція, подъ вѣяніемъ крыла смерти, была крайне поучительна для слушателей и являла въ учителѣ глубокое знаніе военнаго дѣла, могучую твердость и холодную рѣшимость. П. А.

за нѣсколько минутъ до его начала, когда штурмовыя колонны уже лежали на тѣхъ пунктахъ, съ которыхъ должны были начать приступъ и только ждали условной сигнальной ракеты. Прикрывать совершившееся затѣмъ отступленіе нашего осаднаго корпуса изъ подъ Силистріи поручено было Голеву. Отрядъ его состоялъ изъ Камчатскаго полка, баталіоны котораго, будучи выдвинуты въ одну линію, имѣли въ интервалахъ батарею полевой артиллеріи, и изъ казаковъ. Выждавъ извѣстное время, чтобы дать главнымъ силамъ отступить за Дунай, Голевъ, по его собственному сознанію, отъ слезъ, его душившихъ, едва имѣлъ силы скомандовать баталіонамъ: «на лѣво кругомъ!» Шаговъ 200 наше прикрытіе уже отошло отъ траншей, не тревожимое непріятельскимъ огнемъ, какъ выскочилъ изъ передовыхъ укрѣпленій одинъ турецкій удалецъ, видимо слѣдившій за нашимъ движеніемъ, потомъ появился другой, третій, затѣмъ высыпали десятки, сотни турокъ и всѣ начали кричать «Алла», махать руками, стрѣлять, плясать и прыгать... Досадно было смотрѣть на этотъ дивертисементъ, завершившій тяжелое и долгое представленіе, устроенное нами подъ стѣнами Силистріи, и стоившее намъ столько напрасно пролитой крови!

По отступленіи нашемъ въ предѣлы Россіи, Камчатскій полкъ, изъ подъ Одессы, былъ привезенъ на подводахъ къ Севастополю, въ который, послѣ стоянки на Бельбекѣ, и вступилъ 8-го декабря 1854 года, начавъ свою боевую службу на лѣвой половинѣ оборонительной линіи, преимущественно на Малаховомъ курганѣ и укрѣпленіяхъ, къ нему прилегавшихъ. Вскорѣ, въ видахъ усиленія нашей оборонительной линіи, на случай штурма города и возможнаго обезпеченія его отъ гибельныхъ послѣдствій безпрестанной канонады и частыхъ бомбардировокъ, наконецъ, съ тѣмъ чтобы возможно на дольшее время продлить оборону города, рѣшено было занять курганъ, находившійся въ 250 саженяхъ впереди Малахова кургана, и сильно укрѣпить его. 26-го февраля на избранномъ пунктѣ заложенъ люнетъ тремя батальонами Якутскаго полка, а 27-го февраля, продолженіе сооруженія и удержаніе его было возложено на камчатскій полкъ, подъ командою полковника Голева. Въ ночь на 26-го февраля заложеніе камчатскаго люнета не замѣтили союзники, а потому потери на немъ не произошло; днемъ они увидѣли работы и начали обстрѣливать курганъ, когда, 27-го февраля, пришли на работу камчатцы, которые и окрестили его своею кровью—вотъ отчего люнетъ и названъ **Камчатскимъ**. (Ouvrage du mamelon vert—у французовъ). Одиннадцать затѣмъ дней Голевъ, со своимъ полкомъ, не сходилъ съ этого новаго, самаго передоваго нашего укрѣпленія, на которое съ

невыразимою яростію направился штуцерной и артиллерійскій огонь непріятеля, со всѣхъ тѣхъ батарей и подступовъ, откуда можно было наносить дѣйствительный вредъ защитникамъ воздвигавшагося люнета. Одиннадцать сутокъ, безсмѣнно, Голевъ съ Камчатцами находился какъ бы въ аду! Въ это время полкъ понесъ огромныя потери, но онъ не только безтрепетно и покорно выдерживалъ непріятельскій огонь, а для его ослабленія, нерѣдко, самъ переходилъ въ наступленіе. Такъ, въ ночь на 3-е марта, 1-й баталіонъ нѣсколько разъ штыками выбилъ французовъ изъ ихъ ложементовъ. Такъ, 5 марта полкъ имѣлъ съ французами боевую встрѣчу, дорого стоившую и намъ, и имъ! Такъ, въ ночь съ 10 на 11 марта предпринята была генераломъ Хрулевымъ большая вылазка съ камчатскаго люнета для уничтоженія непріятельскихъ апрошей. На этой вылазкѣ камчатскій полкъ велъ генералъ Голевъ, командуя, въ то же время, правымъ флангомъ войскъ, посланныхъ на вылазку. Опрокинувъ французовъ, не смотря на сильнѣйшій батальный огонь, которымъ они встрѣтили атакующихъ, Голевъ занялъ лѣвую часть ихъ подступовъ и атаковалъ ихъ первую паралель, причемъ 4-й батальонъ полка, направясь правѣе прочихъ своихъ батальоновъ, ворвался на англійскую батарею, перебилъ ея прислугу и опрокинулъ ея орудія. Затѣмъ Голевъ, по приказанію генерала Хрулева, началъ отводитъ назадъ войска своей колонны, но замѣтивъ, что непріятель переходитъ въ наступленіе, остановился и двинулся противъ него съ фронта, пославъ баталіонъ Волынскаго полка въ обходъ праваго фланга наступавшихъ французовъ, въ то время какъ на другой ихъ флангъ были направлены Хрулевымъ двѣ роты Волынскаго и двѣ роты Углицкаго полковъ. Слѣдствіемъ этого было то, что опрокинутые французы бѣжали и за ними ворвались въ первую паралель Днѣпровцы и Камчатцы, перебивъ прислугу батареи и опрокинувъ ея орудія. Правда, что на этой вылазкѣ мы понесли весьма значительную потерю, (убито и ранено 30 офицеровъ и 1360 нижнихъ чиновъ); но посредствомъ этой вылазки мы выиграли необходимое время для возстановленія и усиленія нашей оборонительной линіи, чему уже въ прежней степени не могъ мѣшать непріятель вслѣдствіе разрушенія его апрошей. [1]) Въ заключеніи своего донесенія о

[1]) По поводу этой вылазки, Голевъ, со свойственнымъ ему юморомъ, передавалъ слѣдующій случай. Начальникъ гарнизона Д. Е. Остенъ-Сакенъ, какъ извѣстно, человѣкъ весьма своеобычный, потребовалъ къ себѣ Голева, на другой день послѣ вылазки, и предложилъ ему разсказать ее въ подробности. Когда Голевъ кончилъ свой разсказъ, внимательно выслушавшій его графъ подставилъ Голеву щеку: „Поцѣлуйте меня, полковникъ!"

Предложеніе это было такъ для Голева неожиданно, что онъ, какъ самъ разсказывалъ, оторопѣлъ и чуть было не перекрестился, уже поднялъ руку, но опомнился и только приложился къ подставленной ему щекѣ. П. А.

вылазкѣ 10-го марта, генералъ Хрулевъ заявилъ, что въ этомъ дѣлѣ были его помощниками дѣятельными и полезными, истинными героями, командиры полковъ: камчатскаго—Голевъ и днѣпровскаго—Радомскій, раненый пулею въ грудь на вылетъ, отчего впослѣдствіи и умеръ.

По письменному свидѣтельству того же генерала Хрулева [1]) Голевъ своимъ мужествомъ и распорядительностью много способствовалъ достопамятному отбитію штурма 6-го іюня. Что касается до насъ, то бывши ближайшими свидѣтелями дѣятельности полковъ 11-й дивизіи въ эти достопамятные дни, мы можемъ удостовѣрить, что если штурмъ англичанъ 6-го іюня на батареи Яновскаго и Будищева не удался вовсе, то обязаны этимъ мужеству и предусмотрительности Голева.

Извѣстно, что наканунѣ штурма, съ разсвѣтомъ 5-го іюня, непрія-

---

[1]) Въ докладной запискѣ, поданной въ 1857 году, когда Голевъ былъ уже въ отставкѣ, управлявшему тогда военнымъ министерствомъ князю Васильчикову, Хрулевъ говоритъ:

„Голевъ во время минувшей кампаніи обращалъ на себя особое вниманіе не только ближайшаго, но и высшаго начальства неустрашимостью и полезною распорядительностью въ дѣлахъ на Дунаѣ, преимущественно при осадѣ кр. Силистріи, въ особенности же при защитѣ Севастополя, гдѣ онъ, командуя камчатскимъ полкомъ въ продолженіи 11 ночей, воздвигъ, какъ извѣстно, люнетъ, названный по имени полка ему ввѣреннаго, на самомъ опасномъ пунктѣ всей оборонительной линіи Севастополя, подъ смертоноснымъ, сосредоточеннымъ огнемъ непріятеля, при чемъ выбыло изъ строя болѣе половины означеннаго полка и бо̀льшая часть его храбрыхъ офицеровъ.

Въ славной ночной вылазкѣ, съ 10-го на 11-го марта, отбросившей французовъ отъ камчатскаго люнета и уничтожившей ихъ апроши, генералъ Голевъ, искусно и мужественно руководя дѣйствіями пѣхоты отряда, способствовалъ блистательному исходу дѣла и вслѣдъ за симъ, будучи назначенъ начальникомъ пѣхоты 3-го отдѣленія оборонительной линіи, находился на 3-мъ бастіонѣ съ 17-го апрѣля по 6-ое августа, благоразумными и смѣлыми распоряженіями способствовалъ отбитію рѣшительной атаки англичанъ на передовыя линіи 3-го отдѣленія, 26-го мая, и славному отраженію штурма, 6 іюня, отъ самаго бастіона.

Постоянно отличная боевая служба генерала Голева, его опытность въ дѣлѣ ратномъ, его неустрашимость и распорядительность при всѣхъ встрѣчахъ ввѣренной ему части съ недругомъ, тяжкая служба его на 3-мъ бастіонѣ, ознаменованная подвигами необыкновеннаго мужества и стойкости чиновъ ему ввѣренныхъ, воодушевленныхъ его твердостію; отвага, имъ выказанная въ началѣ 5-го бомбардированія Севастополя, наконецъ головная рана и контузія, имъ понесенная на второй день оной,—всѣ эти труды и подвиги составляютъ кровью купленное право генерала Голева на вниманіе правительства, а потому онъ, Хрулевъ, какъ личный свидѣтель службы ген. Голева, проситъ князя Васильчикова ходатайствовать о пожалованіи Голеву ордена св. Георгія 3-го класса, къ которому онъ уже, однажды, за сооруженіе камчатскаго люнета, былъ представляемъ.

П. А.

тель открылъ усиленное, четвертое по счету, бомбардированіе Севастополя. Голевъ сейчасъ понялъ, что эта ужасная мѣра обѣщаетъ штурмъ и немедленно приказалъ двумъ ротамъ своего полка стоять постоянно на банкетахъ вышеназванныхъ батарей. За четверть часа до штурма 6-го іюня, Голевъ, судя по извѣстіямъ о движеніи у непріятеля, угадалъ моментъ наступленія, минуты приступа и послалъ своего адъютанта, поручика Попеля, сказать людямъ, стоявшимъ на банкетахъ, чтобы были готовы сейчасъ же встрѣтить непріятеля. Предсказаніе сбылось, приступъ начался и англичане, встрѣченные убійственнымъ ружейнымъ огнемъ съ банкетовъ, вынуждены были отступить.

Всякій разъ, что я встрѣчался съ адмираломъ Панфиловымъ (нынѣ покойнымъ) на севастопольскихъ обѣдахъ, онъ спрашивалъ меня про Голева, про его здоровье и вообще про его житье-бытье и всякій разъ повторялъ мнѣ при этомъ, что онъ виноватъ передъ Голевымъ и этой вины простить себѣ не можетъ. Панфиловъ обвинялъ себя въ томъ, что не исходатайствовалъ Голеву Георгія 3-й степени.

Полагая, что Панфиловъ право Голева на полученіе этой высокой награды основываетъ на сооруженіи и одиннадцати-дневной защитѣ камчатскаго люнета, я недоумѣвалъ: почему Панфиловъ себя винитъ въ этомъ оставленіи подвига Голева безъ справедливаго вознагражденія, не бывши его начальникомъ во время этого событія, такъ какъ Панфиловъ все время командовалъ 3-мъ отдѣленіемъ оборонительной линіи, а камчатскій люнетъ принадлежалъ къ 4-му отдѣленію оборон. линіи. Наконецъ, когда въ послѣднее мое свиданіе съ Панфиловымъ, онъ повторилъ мнѣ свое сѣтованіе, я рѣшился спросить его: за что именно считаетъ онъ Голева заслужившимъ Георгія 3-й степени?

Вотъ что̀ разсказалъ мнѣ адмиралъ Панфиловъ. Во время и послѣ взятія французами Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ, и камчатскаго люнета, Голевъ командовалъ пѣхотою на 3-мъ бастіонѣ, который составлялъ часть 3-го отдѣленія оборонительной линіи, состоявшей подъ начальствомъ Панфилова. Взятіе этихъ передовыхъ севастопольскихъ укрѣпленій крайне встревожило нашихъ начальствующихъ, боявшихся успѣшности штурма въ случаѣ его направленія на другіе пункты. Панфиловъ обратился къ Хрулеву, начальнику лѣвой половины оборонительной линіи, въ составъ котораго входило и 3-е отдѣленіе Панфилова, съ вопросомъ: какія принять мѣры? Хрулевъ прямо отвѣчалъ: «обратитесь къ Голеву, онъ устроитъ это дѣло». Панфиловъ идетъ къ Голеву. Тотъ говоритъ: «единственное спасеніе—водворить строжайшій порядокъ въ войскахъ, чтобы насъ, ни въ какомъ случаѣ, не могли застать врасплохъ.»

— Но, какъ это устроить? спрашиваетъ Панфиловъ.

«Приказать, и наблюсти за исполненіемъ, чтобы назначенныя для обороны верковъ части, ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ предлогомъ не покидали своихъ постовъ, а находились бы на своихъ мѣстахъ безсмѣнно, впродолженіи двухъ сутокъ, затѣмъ были бы смѣняемы свѣжими частями, чтобы вычистить ружья и освѣжиться, но чтобы и эти смѣненныя части не удалялись отъ бастіоновъ, а находились бы по близости, составляя ближайшій резервъ его гарнизона».

— Однако, у насъ такъ перебьютъ много людей, замѣтилъ Панфиловъ.

— «Совершенно вѣрно, но что же дѣлать? Одно что нибудь: жалѣть людей или Севастополь!»

Рѣшили—жалѣть Севастополь и предложенный приказъ былъ отданъ за нѣсколько дней до штурма 6-го іюня. Результатомъ было, что когда непріятель пошелъ на штурмъ 3-го бастіона, то встрѣтилъ убійственный огонь сторожившихъ его войскъ, немедленно подкрѣпленныхъ резервами.

Вотъ за эту-то разумную мѣру и за личное наблюденіе за ея точнымъ исполненіемъ, подъ постояннымъ смертоноснымъ огнемъ непріятельскимъ,—мѣру, увѣнчавшуюся блистательнымъ успѣхомъ, Панфиловъ и считалъ Голева вполнѣ заслужившимъ орденъ св. Георгія 3-й степени.

Дальнѣйшее нахожденіе Голева на 3-мъ бастіонѣ, по словамъ той же, цитированной нами, Записки Хрулева, «сопровождалось продолженіемъ командованія пѣхотою 3-го отдѣленія, не выходя изъ огня непріятельскаго, ежечасно, ежеминутно жертвуя своею жизнью, выдержавъ первые порывы страшной артиллерійской борьбы, начавшейся 5 августа и заключившейся для Голева (6 августа) раною и контузіею въ голову, осколкомъ бомбы». Раненый Голевъ не могъ долѣе оставаться на бастіонѣ и былъ отправленъ сперва на Сѣверную, потомъ въ Аулъ-Дуванку, гдѣ и прожилъ до излеченія и послѣдовавшаго затѣмъ, 29 октября 1855 года, назначенія командиромъ 2-й бригады 10-й пѣхотной дивизіи.

Наградою заслугъ Голева въ Восточную войну были: чинъ генералъ-маіора 14 іюля 1855 года; орденъ св. Владиміра 3 ст. съ мечами, за отличіе при осадѣ Силистріи въ 1854 году; золотая сабля съ надписью: «за храбрость», 29 іюня 1855 года, за отличіе при оборонѣ Севастополя, и бриллiантовая шпага съ надписью «за храбрость», за отбитіе штурма 6 іюня.

IV.

Казалось бы, И. П. Голевъ въ годы полнаго мужественнаго развитія, (Голеву, когда кончилась севастопольская война, было всего 50 лѣтъ); съ тою завидною репутаціею, какую онъ успѣлъ себѣ составить, какъ боевой офицеръ, какъ начальникъ распорядительный и твердый, какъ человѣкъ высокой честности и ума недюжиннаго; при той служебной дорогѣ, на которой онъ тогда стоялъ; при тѣхъ дружескихъ отношеніяхъ, какія у него установились со многими сильными людьми того времени,—казалось бы Голеву стоило только продолжать службу, чтобы достигнуть высшихъ ступеней служебной карьеры, въ то же время принося дѣйствительную пользу дѣлу.

Но Голевъ думалъ иначе.

Не смотря на нѣсколько сдѣланныхъ ему офиціальныхъ предложеній, безъ всякаго съ его стороны искательства, занять весьма видные посты военной администраціи, Голевъ вышелъ въ отставку, 16 декабря 1856 года, удовольствовавшись пенсіономъ въ 862 рубля въ годъ.

Главною причиною такой рѣшимости Голева была его крайняя скромность. «Видите, говаривалъ онъ, новымъ духомъ вѣетъ. Новые нужны дѣятели, свѣжія, молодыя силы. Мы уже не пригодны для предстоящей дѣятельности. Намъ переработываться поздно. Мы свою службу Отечеству отслужили, какъ умѣли. Насъ, какъ изорванныя, истрепанныя старыя знамена, надо сдавать въ арсеналъ, на храненіе!»

И вотъ Голевъ поселился въ Москвѣ, составивъ себѣ тѣсный, истинно дружескій кружокъ знакомыхъ. Въ ихъ, до послѣднихъ дней съ любовью имъ поминавшемся обществѣ, да въ обществѣ книгъ, газетъ и журналовъ, посвящая чтенію цѣлые дни, Голевъ провелъ болѣе 17 лѣтъ.

Однимъ изъ самыхъ гостепріимныхъ домовъ Москвы, открывшихъ Голеву свои двери, былъ домъ (нынѣ покойнаго) сенатора Храповицкаго. Тамъ Иванъ Петровичъ часто встрѣчался съ знаменитымъ А. П. Ермоловымъ, который звалъ Храповицкаго своимъ «старшимъ братомъ» [1]).

Ермоловъ, въ первый же день знакомства съ Голевымъ, пригласилъ его къ себѣ. Разумѣется, тотъ не замедлилъ воспользоваться при-

---

[1]) Доказательствомъ этого названія, присвоеннаго Ермоловымъ Храповицкому, хранящаяся у меня, подаренная мнѣ Голевымъ, собственноручная записка Алексѣя Петровича къ Храповицкому, писанная въ 1861 году, т. е.

глашеніемъ. Въ первый свой визитъ Ермолову, Голевъ съ большимъ вниманіемъ всматривался въ обстановку его кабинета, увѣшаннаго историческими картинами и портретами. Особенное вниманіе его остановилъ на себѣ большой портретъ Наполеона I, висѣвшій сзади кресла, обыкновенно занятаго Ермоловымъ.

— «Знаете, отчего я повѣсилъ Наполеона у себя за спиной?» спросилъ Ермоловъ.

— Нѣтъ, Ваше В—о, не могу себѣ объяснить причины.

— «Отъ того, что онъ при жизни своей привыкъ видѣть только спины наши!»

Послѣ, Голевъ довольно часто посѣщалъ Алексѣя Петровича и проводилъ цѣлые часы въ бесѣдѣ съ нимъ, въ разсказахъ о Севастополѣ, выслушивая воспоминанія знаменитаго героя о давноминувшихъ временахъ Отечественной войны и о Кавказѣ.

Изъ разсказовъ Ермолова Голеву я записалъ одинъ въ 1867 году. Однажды, Ермоловъ приглашенъ былъ къ столу императора Александра I-го; за тѣмъ же обѣдомъ былъ и генералъ К. Государь былъ очень веселъ, шутилъ, смѣялся и, между прочимъ, спросилъ Ермолова:

— «Послушай, Алексѣй Петровичъ, признайся: какъ ты холостякомъ живя на Кавказѣ, пробавлялся на счетъ того...... понимаешь?»

— А я, государь, отвѣчалъ Ермоловъ, послѣдовалъ примѣру генерала К.: устроилъ тамъ этапы, да съ одного на другой и переѣзжаю!

Государь очень смѣялся, но чтобы понять смыслъ этой шутки, надо знать, что генералъ К. (присутствовавшій на обѣдѣ) былъ командиромъ внутренней стражи и устроилъ по Россіи этапы для пересылки арестантовъ.

По несчастію, въ періодъ московской жизни, въ тиши и спокойствіи кабинета, переходъ къ которымъ, быть можетъ, былъ слишкомъ рѣзокъ для могучаго организма Голева, привыкшаго, въ теченіи всей предыдущей жизни, къ постояннымъ трудамъ, лишеніямъ и тревогамъ боеваго и походнаго быта,—его поразилъ нервный ударъ, отъ

не задолго до кончины кавказскаго героя, но еще очень четко и твердо, хотя и по линейкамъ. Записка эта слѣдующаго содержанія: „Вчера не видѣлъ старшаго брата по собственной глупости и жалѣлъ чрезвычайно. Каюсь и впредь умничать не буду, все объясню подробно. Душевно преданный Ермоловъ". Объясненіе повода этой записки очень простое. Ермоловъ далъ слово пріѣхать къ Храповицкому обѣдать, между тѣмъ почему-то вообразилъ, что къ нему долженъ пріѣхать въ этотъ день одинъ изъ бывшихъ тогда проѣздомъ въ Москвѣ кавказскихъ генераловъ; поджидая его, Ермоловъ и пропустилъ обѣденный часъ Храповицкаго, а между тѣмъ жданный гость не пріѣхалъ.

П. А.

котораго онъ уже не могъ оправиться всю остальную жизнь, не смотря на постоянное и искусное леченіе. Разъ потрясенный организмъ ослабѣвалъ постоянно; удары повторялись; помощь науки была безсильна. Особенно Голевъ сталъ хирѣть съ 1873 года; онъ началъ дурно слышать; ему стала измѣнять память, а въ послѣдній годъ жизни ноги совершенно отказались служить ему и два мѣсяца до кончины онъ уже не покидалъ постели.

Лѣтъ за 7 до кончины, Голевъ покинулъ Москву и пріѣхалъ доживать свой вѣкъ въ Самару, въ семью стараго своего подчиненнаго и друга, на рукахъ котораго и кончилъ свою жизнь, честную, ничѣмъ не помраченную и, въ свое время, принесшую пользу Отечеству.

За нѣсколько дней до кончины, Иванъ Петровичъ, вслѣдствіе собственнаго желанія, сподобился принятія св. Тайнъ Христовыхъ.

Миръ праху твоему, одного изъ остальныхъ «той стаи славной, Севастопольскихъ орловъ!»

П. В. Алабинъ.

13 октября 1880 г.
Г. Самара.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II

† 1-го марта 1881 г.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II

† 1-го марта 1881.

I.

Въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ II Николаевичъ, сынъ-первенецъ императора Николая Павловича и супруги его государыни Александры Ѳеодоровны, родился въ Москвѣ, въ среду 17 апрѣля 1818 года; объявленъ наслѣдникомъ престола 12 декабря 1825 года; цесаревичемъ—29 августа 1831; возшелъ на престолъ въ пятницу 18 февраля 1855 (празднованіе дня восшествія было въ 19 число февраля). Въ супружествѣ имѣлъ, съ 16 апрѣля 1841 года, государыню Марію Александровну, бывшую принцессу Максимиліану-Вильгельмину-Августу-Софію-Марію Гессенъ-Дармштадскую (род. 27 іюля 1824 † 22 мая 1880 года).

Вечеромъ, въ воскресенье 1 марта 1881 г., столица, обуянная ужасомъ, потрясенная событіемъ, поразившимъ всю Россію ударомъ невообразимымъ,—событіемъ, которое вѣчнымъ неизгладимымъ позоромъ запятнало отечественныя лѣтописи, прочла слѣдующія два извѣщенія:

«Сего 1 марта въ $1^3/_4$ часа дня, Государь Императоръ, возвращаясь изъ манежа Инженернаго замка, гдѣ изволилъ присутствовать при разводѣ, на набережной Екатерининскаго канала, не доѣзжая Конюшеннаго моста, опасно раненъ, съ раздробленіемъ обѣихъ ногъ ниже колѣна, посредствомъ подброшенныхъ подъ экипажъ разрывныхъ бомбъ. Одинъ изъ двухъ преступниковъ схваченъ. Состояніе Его Величества, вслѣдствіе потери крови, безнадежно».

.... «По возвращеніи въ Зимній дворецъ Его Величество сподобился пріобщиться святыхъ Тайнъ и затѣмъ въ Бозѣ почилъ».....

Адская злоба враговъ счастія, покоя и благоденствія Россіи, преслѣдовала ея Верховнаго Вождя съ 1866 года:

4 апрѣля 1866 произошло злодѣйское покушеніе Каракозова.

25 мая 1867 въ Парижѣ на жизнь Государя посягнулъ Березовскій.

2 апрѣля 1879 цареубійственное покушеніе Соловьева.

19 ноября 1879 на линіи Московско-Курской желѣзной дороги послѣдовалъ взрывъ адской машины въ подкопѣ, проведенномъ Гартманомъ.

Въ 1879-мъ же году злодѣйская попытка взорвать царскій поѣздъ на Лозово-Севастопольской желѣзной дорогѣ.

5 февраля 1880 г. взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ.

Въ исходѣ февраля 1881 года присылка взрывчатаго состава, въ видѣ пилюль, доктора Лежюжа.

Въ январѣ и февралѣ 1881 г. мина, заложенная поперегъ Малой Садовой улицы изъ лавки Кобызева.

1-го марта 1881 года, взрывъ двухъ снарядовъ, брошенныхъ двумя извергами.

Десятки дьяволовъ въ образѣ людей ополчились противъ Ангела-Хранителя Россіи; кромѣ русскихъ изверговъ, тутъ были представители всѣхъ націй, даже евреи—для полноты сходства кончины Страдальца, съ кончиною Спасителя!

Всякое горе имѣетъ, какъ и каждое чувство, свои степени; жгучее, невыносимое и безотвязное, какъ мучительный кошемаръ, оно, со временемъ, ослабѣваетъ, изглаживается изъ сердца и изъ памяти. Но мученическая кончина Александра II это тяжкое, неизгладимое оскорбленіе завѣтныхъ, священнѣйшихъ чувствъ народной любви и благодарности къ этому великодушнѣйшему изъ всѣхъ Государей Россіи минувшихъ временъ—врѣзалась въ память и въ сердца современниковъ, и не исчезнетъ въ преданіяхъ народныхъ грядущихъ вѣковъ; разсказы о ней будутъ приводить въ содроганіе нашихъ праправнуковъ... Это, поистинѣ, «вѣчная и вѣчная память».

19 февраля 1880 года исполнилось двадцатипятилѣтіе царствованія покойнаго Царя-Мученика. Привѣтствуя наступленіе этого дня, мы украсили портретомъ Императора февральскую книгу «Русской Старины» 1880 г., посвятивъ весь ея составъ обзору событій, ознаменовавшихъ это двадцатипятилѣтіе новой жизни Россіи, біографіямъ нѣкоторыхъ изъ сподвижниковъ Царя-Освободителя и его воспитателей. Но еще и до этого сборника, всецѣло посвященнаго обзору двадцатипятилѣтней самоотверженной службы Верховнаго Вождя Россіи, службы Русскому государству, славѣ и благоденствію населяющихъ ея народовъ,

—мы тщательно влагали въ историческую сокровищницу «Русской Старины» статьи и эпизодическіе разсказы объ отрочествѣ и юности покойнаго Императора, о важнѣйшихъ событіяхъ первыхъ лѣтъ его царствованія, біографіи лицъ, его прославившихъ и т. д. Для нѣкоторыхъ изъ этихъ событій еще не наступилъ срокъ давности исторической; нѣкоторые изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей едва сошли съ своего земнаго поприща; о нихъ мы сообщали, иногда, некрологи въ виду если не полныхъ, обстоятельныхъ біографій, то, по крайней мѣрѣ, хоть подбора матеріаловъ для таковыхъ, матеріаловъ для исторіи будущей. И будущій историкъ славнаго, приснопамятнаго царствованія Александра II, безъ сомнѣнія, не обойдетъ своимъ вниманіемъ, между многими другими, слѣдующихъ статей, напечатанныхъ въ издаваемой нами «Русской Старинѣ»:

1875. Томы XII и XIII. Воспоминанія перваго камеръ-пажа великой княгини (императрицы) Александры Θеодоровны.

1875. Томъ XIII. Назначеніе цесаревича атаманомъ казачьихъ войскъ въ 1827 году.—Бракосочетаніе.—Поѣздка на Донъ

1874. Томъ XI. Военный совѣтъ 29 іюля 1855 г.

1876. Томы XV и XVII. Бой на р. Черной, 4 августа 1855.

1874. Томъ XIV. Штурмъ Малахова кургана 27 и 28 августа 1855 г.

1875. Томъ XVI. Взрывъ Павловскаго форта.—Кто послѣднимъ оставилъ Севастополь.

1870. Томъ II и 1877, томъ XIX. Штурмъ, блокада и взятіе Карса.

1877. Томъ XX и 1878, томъ XXI. Воспоминанія о Восточной войнѣ, доктора Генрици.

Кромѣ того, множество замѣтокъ, писемъ и разсказовъ, относящихся до описанія Восточной войны именно 1855—1856 гг.

1879. Томъ XXV. 1880, томы XXVII и XXIX. Князь Александръ Ивановичъ Барятинскій.

1878. Томъ XXII. Къ исторіи заселенія западнаго Кавказа, 1861—1863.

1880. Томъ XXVII. Предсмертная записка Якова Ивановича Ростовцева по крестьянскому дѣлу.

1874 и 1875. Томы XI, XII и XIII.—Послѣдняя польская смута

1878—1880. Томы XXIII и XXVIII. Польское возстаніе 1863—1864 гг

1880. Томъ XXVII. Двадцатипятилѣтняя годовщина восшествія на престолъ Александра II.—Подробный планъ ученія Наслѣдника Цесаревича.—Кавказъ и покореніе восточной его части.—Крестьянское дѣло.—Начало его въ 1856 году.—Непремѣнные два члена Редакціонныхъ коммиссій.—Слова Государя Императора Александра Николаевича въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта 28 ян-

варя 1861 г.: объ освобожденіи крестьянъ.—Новые суды и судебные уставы. — Ходъ распространенія политическихъ знаній въ Россіи.— Русская историческая наука.

«Крестьянское дѣло», составляющія главы изъ Записокъ сенатора, тайнаго совѣтника Я. А. Соловьева, драгоцѣннѣйшій матеріалъ для исторіи освобожденія крестьянъ, 1857—1861 гг.

Слова Государя Императора 28 января 1861 года пребудутъ, изъ вѣка въ вѣкъ драгоцѣннымъ украшеніемъ отечественныхъ лѣтописей.

Изъ статей, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» въ теченіи послѣдняго года царствованія въ Бозѣ почившаго Императора, съ февраля 1880 по мартъ 1881, укажемъ еще на слѣдующія:

Томъ XXVII. Къ исторіи отмѣны винныхъ откуповъ въ Россіи.— Русская исторія въ двадцатипятилѣтіе 1855—1880.—Шамиль и фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій.

Томы XXVIII и XXIX. Переходъ черезъ Балканы въ 1877 году.— Академія Художествъ въ годы возрожденія, 1858—1864 гг.

Томъ XXX. Записка одного изъ прежнихъ губернаторовъ. — Записки сенатора Якова Александровича Соловьева.—Князь Александръ Ивановичъ Барятинскій.....

Царствованіе покойнаго Императора Александра Николаевича отнынѣ становится достояніемъ исторіи; для Царя-Освободителя, говоря словами великаго поэта: «уже потомство настаетъ». Страницы «Русской Старины» открыты всѣмъ и каждому изъ современниковъ минувшаго царствованія, для сообщенія воспоминаній, разсказовъ, документовъ и т. п. статей и матеріаловъ, относящихся до бытія Россіи въ незабвенный двадцатишестилѣтній періодъ.

Перечень некрологовъ и біографій государственныхъ и общественныхъ дѣятелей царствованія Александра II, напечатанныхъ на страницахъ «Русской Старины», составилъ бы очень длинный списокъ именъ болѣе или менѣе громкихъ. Укажемъ, при настоящемъ случаѣ, лишь на нѣкоторыя имена, связанныя съ государственною, общественною, ученою и художественною дѣятельностью Россіи въ эпоху царствованія Царя-Освободителя Александра II.

1870. о. М. Я. Морошкинъ († 15 апрѣля). 1871. П. А. Мухановъ (16 декабря). 1872. Князь П. П. Гагаринъ (21 февраля). А. Ѳ. Гильфердингъ (20 іюня). П. П. Пекарскій (12 іюля). С. Н. Палаузовъ (14 августа). М. Д. Хмыровъ (27 ноября). 1873. Князь М. А. Оболенскій (12 января). Свѣтл. князь П. П. Лопухинъ (23 февраля). Графъ Ѳ. П. Толстой (13 апрѣля). В. Г. Бенедиктовъ (14 апрѣля). Ѳ. И. Тютчевъ (15 іюля). 1874. В. И. Назимовъ (11 февраля). 1875. К. В. Чевкинъ (въ августѣ) 1876. Графъ М. А. Корфъ (2 января). П. М. Строевъ (6 января).

Ю. Ѳ. Самаринъ (19 марта). Я. А Соловьевъ (11 декабря). 1877. А. И. Селинъ (17 марта). О. М. Бодянскій (7 сентября). С. М. Жуковскій (23 сентября). Н. А. Некрасовъ (27 декабря). 1878. А. В. Кочубей (4 марта). 1879. Ѳ. Ѳ. Эвальдъ (3 октября). С. М. Соловьевъ (4 октября). 1881. Ѳ. М. Достоевскій (28 января) и многіе другіе.

При настоящей книгѣ «Русской Старины», — выходящей первою въ ряду книгъ этого журнала по кончинѣ Императора Александра Николаевича—мы сочли долгомъ вновь приложить Его портретъ, уже извѣстный нашимъ читателямъ, какъ приложеніе къ февральскому выпуску «Русской Старины» 1880 г.; подъ портретомъ помѣщенъ снимокъ съ подписи въ Бозѣ почившаго Императора.

Безъ сомнѣнія, читатели наши примутъ съ признательностію второе изданіе этого портрета, столь художественно выполненнаго покойнымъ, даровитѣйшимъ русскимъ граверомъ-академикомъ, Л. А. Сѣряковымъ, имѣвшимъ счастіе носить званіе гравера Его Императорскаго Величества.

Ред.

II.

Рѣчь гласнаго М. И. Семевскаго, сказанная имъ въ собраніи С.-Петербургской Городской Думы

4-го марта 1881 г.

«Предметомъ сегодняшнихъ сужденій постановлено предложеніе Городскаго Головы: ознаменовать память почившаго Монарха рядомъ дѣлъ благотворенія и сооруженіемъ на томъ мѣстѣ, гдѣ пролита кровь Государя Мученика, подобающаго памятника или часовни.

«Всею душою сочувствуя этому предложенію и полагая вполнѣ необходимымъ, дабы на мѣстѣ, гдѣ воспріялъ мученическій вѣнецъ Царь-Освободитель, какъ на мѣстѣ отнынѣ священномъ для всего русскаго народа, была бы сооружена часовня, я обращусь къ Тому, роковая утрата котораго преисполнила сердце каждаго истинно-русскаго безпредѣльнымъ горемъ.

«Послѣдній 26-тилѣтній періодъ выдвинулъ передъ всѣмъ міромъ въ опочившемъ Государѣ великую, историческую личность; личность эта будетъ все болѣе и болѣе рости, чѣмъ долѣе будетъ жить въ потомствѣ. Если мы, современники, если каждый изъ насъ, на скромномъ поприщѣ общественнаго служенія, участникъ въ Его минувшихъ заботахъ о нуждахъ народныхъ, восторгаемся величіемъ совершенныхъ имъ реформъ; если мы удивляемся какимъ разностороннимъ потребностямъ, издавна вопіявшимъ въ жизни русскаго народа, далъ удовлетвореніе Александръ II въ созданныхъ Имъ учрежденіяхъ, а къ удовлетворенію многихъ другихъ затѣмъ потребностей положилъ также починъ Своею Державною волею, то тѣмъ болѣе въ грядущемъ потомствѣ, когда настанетъ исторія всего совершеннаго почившимъ Монархомъ, будетъ воздана Ему полная дань хвалы, сдѣлана наисправедливѣйшая оцѣнка. И въ самомъ дѣлѣ, только при историческомъ изученіи минувшаго 26-тилѣтяго царствованія, при сопоставленіи его съ цѣлымъ рядомъ предыдущихъ правленій предшественниковъ Александра II, возможно будетъ опредѣлить все величіе Имъ содѣяннаго. Исторія всесторонне разсмотритъ тѣ неисчислимыя преграды, ту великую душевную борьбу, которую Державный Труженикъ долженъ былъ вынести, проводя въ жизнь русскаго народа, въ государственный организмъ Россіи новыя великія начала къ

дальнѣйшему его преуспѣянію, имѣя, въ первое время своей дѣятельности, какъ преобразователь, поддержку въ немногихъ сподвижникахъ, но опираясь на любовь и вѣру въ Него милліоновъ горячо любимаго Имъ народа.

«Позволяю себѣ напомнить только одинъ, лично мнѣ извѣстный фактъ: съ обычнымъ вниманіемъ къ изысканіямъ въ области отечественной исторіи, прочитывая посмертныя Записки сенатора Я. А. Соловьева, одного изъ бывшихъ Своихъ сподвижниковъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, Государь Императоръ встрѣтилъ въ нихъ слова, что де Государю слѣдовало бы прибавить, (въ разговорѣ съ гр. Киселевымъ о трудахъ Его по освобожденію крестьянъ), что «Онъ имѣетъ очень много людей, которые употребляютъ всѣ усилія, чтобы помѣшать Ему»; въ Бозѣ почившій Преобразователь противъ этихъ словъ написалъ: «правда». Это одно слово говоритъ очень много: оно воскрешаетъ въ памяти каждаго изъ насъ всѣ тѣ усилія Державнаго Освободитетеля, которыя Онъ долженъ былъ подъять для совершенія Своего безсмертнаго подвига. Мало сказать, что Александръ II разбилъ оковы крѣпостнаго ига; Онъ, разбивая эти оковы, снялъ цѣпи съ нашего земства, съ нашего общественнаго управленія городскаго, вдохнулъ въ земскія и городскія учрежденія новую жизнь, разорвалъ путы, стѣснявшія науку, почти во всѣхъ отрасляхъ ея, и далъ ей полный просторъ и ростъ въ нашемъ дорогомъ Отечествѣ. Славныя войны, которыя велъ покойный Освободитель, призывая къ новой жизни и дикихъ кочевниковъ Средней Азіи, и истомленныхъ вѣковымъ ярмомъ рабства единоплеменныхъ Славянъ, возникали изъ того же глубокаго пониманія историческихъ судебъ великаго русскаго народа.

«Обращаясь къ предложенію Городскаго Головы положить начало нынѣ же, въ дни скорби и печали, ряду благотворительныхъ учрежденій въ память Опочившаго, я нахожу, что это предложеніе должно быть единодушно нами принято. Вся Россія вѣдаетъ, какъ сердечно относился Александръ II на все доброе. Въ памяти моей неизгладимо запечатлѣлись тѣ слова, тотъ голосъ, изъ самой глубины души исходившій, съ какимъ были сказаны покойнымъ Государемъ слова, обращенныя къ горожанамъ С.-Петербурга—въ лицѣ нашего представителя Городскаго Головы, барона П. Л. Корфа, въ день торжества 19-го февраля 1880 г. Я стоялъ въ тотъ день, на выходѣ въ зимнемъ дворцѣ, подлѣ Городскаго Головы:

— «Благодарю васъ», сказалъ Государь, «за ваши чувства, за ваши добрыя дѣла».

«Въ памяти каждаго не менѣе свѣжи еще тѣ сердечныя выраженія благодарности, которыми почтилъ покойный Государь въ рескриптѣ, данномъ ровно годъ тому назадъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ, всѣ городскія и общественныя учрежденія, и во главѣ ихъ С.-Петербургскую Думу, за тѣ благотворительныя дѣла и учрежденія, какими ознаменованъ былъ день 19-го февраля 1880 года.

«Но прежде чѣмъ созидать что либо новое въ ряду благотворительныхъ учрежденій, должно отдать дань чувству, которымъ отнынѣ будетъ полно сердце каждаго русскаго къ тому мѣсту, на которомъ пролита кровь Вѣнценоснаго Мученика. Мѣсто это, какъ я уже сказалъ, всеконечно пребудетъ священнымъ, къ нему будутъ стекаться на поклоненіе. Поэтому мысль о сооруженіи на этомъ мѣстѣ часовни должна быть приведена въ исполненіе. Что касается до благотворительныхъ, въ память Александра Освободителя, учрежденій, то, признавая подробную разработку оныхъ наиболѣе соотвѣтственнымъ поручить не какой либо особо избранной коммисіи, а, въ виду важности и безотложности этого дѣла,—Городской Управѣ, подъ предсѣдательствомъ Городскаго Головы барона П. Л. Корфа, и при участіи всѣхъ тѣхъ гласныхъ, которые пожелаютъ раздѣлить ея труды по сему предмету, я нахожу необходимымъ нынѣ же намѣтить двѣ, три мысли о томъ, что̀ наиболѣе приличествовало бы создать въ ряду благотворительныхъ учрежденій.

«Первое изъ нихъ, по времени основанія, должно бы было учрежденіе возможно обширнаго пріюта, подъ сѣнью котораго находили-бы себѣ убѣжище, хотя только на ночь, работники-крестьяне, во многихъ тысячахъ стекающіеся въ Петербургъ. До сихъ поръ эти рабочіе ютятся чуть ни въ берлогахъ и логовищахъ, въ смрадныхъ и сырыхъ подземельяхъ Петербурга, откуда доставляются въ больницы сотни зараженныхъ больныхъ, такъ что къ пріему ихъ городъ не успѣваетъ созидать больницъ. Не менѣе важно было бы учрежденіе пріюта для круглыхъ сиротъ бѣднѣйшаго класса населенія столицы, съ отдѣленіемъ для пріема на день дѣтей работниковъ и работницъ, не имѣющихъ кому поручить ихъ во время своихъ поденныхъ работъ. При таковомъ пріютѣ должна бы быть учреждена, въ обширныхъ размѣрахъ, больница для дѣтей бѣднѣйшихъ обывателей столицы. Конечно, всѣ намѣченныя учрежденія должны быть сооружены въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ Петербурга, на мѣстахъ, городу принадлежащихъ.

«Каждый изъ насъ понимаетъ, что если бы средства общественной кассы, которыми мы, по довѣрію нашихъ избирателей, можемъ располагать на общественныя нужды, соотвѣтствовали бы тому чувству

безпредѣльной любви, благодарности и уваженія, коими преисполнены сердца всѣхъ насъ къ Монарху, столь страдальчески отошедшему отъ насъ въ міръ вѣчный, то мы покрыли бы весь Петербургъ цѣлою сѣтью пріютовъ, школъ, больницъ, въ которыхъ нуждающееся въ нихъ населеніе столицы нашло бы себѣ мѣсто. Но и въ данномъ случаѣ, какъ ни ограниченны средства, которыми располагаетъ городское общественное управленіе, отнюдь не слѣдуетъ стѣсняться затратою наивозможно бо̀льшихъ суммъ на созданіе помянутыхъ учрежденій.

«Заключаю свое слово, прямо отъ души исходящее, слѣдующимъ обращеніемъ: оплакивая потерю, понесенную всею Россіею, смѣло могу сказать—всѣмъ человѣчествомъ, въ лицѣ Освободителя милльоновъ, вознесемъ изъ глубины сердецъ нашихъ молитву: да даруетъ Господь душевныя силы молодому Державному Вождю нашему перенести потерю, глубину и тяжесть которой, въ особенности для Него, отказывается представить себѣ самое пылкое воображеніе. Пусть молодой Государь, въ царствованіи Своемъ на многія и многія лѣта, съ полнѣйшимъ довѣріемъ къ Своему народу и къ созданнымъ Его Родителемъ учрежденіямъ, предоставляя симъ послѣднимъ возможность все шире и глубже изслѣдовать и удовлетворять народныя нужды, ведетъ Россію по пути дальнѣйшаго развитія и благоденствія».

Собраніе встрѣтило эту рѣчь съ полнымъ сочувствіемъ и послѣ поддержки изложенныхъ выше предложеній,—гласными: В. И. Лихачевымъ, Н. Н. Литвиновымъ, М. А. Ратьковымъ-Рожновымъ, А. Ѳ. Ѳоминымъ и нѣкоторыми другими, единогласно постановило: 1) немедленно войдти съ ходатайствомъ о дозволеніи на счетъ города построить на мѣстѣ убіенія Императора Александра II часовню или другое сооруженіе, какое угодно будетъ указать Его Императорскому Величеству, и 2) разработку подробностей этого сооруженія, а также сдѣланныхъ нынѣ предложеній о созданіи благотворительныхъ учрежденій въ память опочившаго Монарха, поручить городской управѣ, подъ предсѣдательствомъ городскаго головы, съ участіемъ въ трудахъ управы, по симъ предметамъ, какъ предсѣдателей всѣхъ исполнительныхъ и совѣщательныхъ коммисій, Думою учрежденныхъ, такъ и всѣхъ тѣхъ гласныхъ, которые пожелаютъ представить свои, по изъясненнымъ предметамъ, указанія и соображенія.

Два дня спустя послѣ помянутаго собранія Думы, въ новомъ и чрезвычайномъ ея засѣданіи, именно 6-го марта 1881 г., С.-Петербургскій городской голова довелъ до свѣдѣнія Думы, что онъ, Голова, еще 4-го марта сообщилъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ ходатайство с.-петербургской городской думы о дозволеніи столичному городскому обществу воздвигнуть на мѣстѣ злодѣйскаго покушенія 1-го марта часовню.

Государю Императору благоугодно было на всеподданнѣйшемъ о семъ докладѣ Министра начертать слѣдующія Всемилостивѣйшія слова:

— „Поблагодарите городское общество отъ души за ихъ доброе желаніе и мысль.

„Мнѣ кажется желательно было бы имѣть церковь на этомъ мѣстѣ, а не часовню“.

Министръ Внутреннихъ дѣлъ, сообщивъ о таковой Высочайшей резолюціи с.-петербургскому городскому головѣ, для объявленія с.-петербургскому городскому обществу, и будучи увѣренъ, что городскому обществу отрадно будетъ сохранить навсегда обращенныя къ нему милостивыя слова Государя Императора, препроводилъ, при письмѣ отъ 5-го сего марта, за № 806, къ городскому головѣ подлинный всеподданнѣйшій докладъ, для храненія при дѣлахъ Думы.

Собраніе Думы восторженно, единодушно, при крикахъ ура! постановило: соорудить церковь на мѣстѣ гдѣ пролита злодѣями кровь Царя-Освободителя.

Замѣтки къ Запискамъ сенатора Соловьева.

Въ Запискахъ Я. А. Соловьева, напечатанныхъ въ февральской книгѣ «Русской Старины» (1881 г. февраль, стр, 243) приведены слова въ Бозѣ почившаго Государя, которыя свидѣтельствуютъ объ одинокомъ положеніи Его въ самомъ началѣ 1857 г., когда предпринята была Имъ одна изъ величайшихъ Его реформъ.

Необходимо однако напомнить, что слова, обращенныя въ Бозѣ почившимъ Монархомъ къ покойному графу П. Д. Киселеву,—о неимѣніи у него пособниковъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ,—сказаны были Государемъ именно въ самомъ началѣ, при возникновеніи крестьянскаго вопроса.

Въ учрежденномъ незадолго до того особомъ (секретномъ) комитетѣ (3 янв. 1857 г.) не составилось еще то, нынѣ историческое, меньшинство,—въ которомъ Государь вскорѣ нашелъ себѣ столь энергическихъ, горячо преданныхъ Ему и Россіи сподвижниковъ въ разрѣшеніи крестьянскаго дѣла; направленіе Я. И. Ростовцева сложилось лишь гораздо позже, а Великій князь Константинъ Николаевичъ, заслуги котораго въ столь задушевныхъ выраженіяхъ засвидѣтельствовалъ Царь-Освободитель—въ извѣстномъ рескриптѣ 19-го февраля 1861 г., [1])—назначенъ членомъ помянутаго Комитета только полгода спустя по его учрежденіи, именно лѣтомъ 1857 г.

Разговоръ Государя Александра Николаевича съ гр. Киселевымъ, повторяемъ, былъ въ самомъ почти началѣ «крестьянскаго дѣла»,—когда оно дѣйствительно вяло подвигалось въ вышеупомянутомъ «Комитетѣ». Извѣстно, что самое назначеніе В. К. Константина Николаевича членомъ этого Комитета состоялось именно въ виду того, какъ свидѣтельствуетъ сенаторъ Я. А. Соловьевъ:— что «Государь остался очень недоволенъ бездѣйствіемъ Комитета и чтобы пробудить его дѣятельность, въ началѣ августа (1857 г.)

[1]) Перепечатанъ въ „Русской Старинѣ", изд. 1880 года, февраль, стр. 380—331.

назначилъ членомъ онаго Великаго Князя Константина Николаевича». Великій Князь Константинъ Николаевичъ, продолжаетъ сенаторъ Соловьевъ, «съ свойственнымъ ему усердіемъ принялся за дѣло». («Русская Старина», изд. 1881 г., февраль, Записки Соловьева, стр. 241).

Противъ всѣхъ этихъ строкъ покойный Государь Императоръ сдѣлалъ Собственноручную отмѣтку: «Правда».

Съ этого же времени (августъ 1857 г.) вокругъ Великаго Князя соединились; С. С. Ланской, гр. Д. Н. Блудовъ и К. В. Чевкинъ; нѣсколько позже къ нимъ совершенно примкнулъ Я. И. Ростовцевъ; а послѣ смерти Якова Ивановича—гр. В. Н. Панинъ. Вотъ тѣ члены помянутаго Комитета по крестьянскому дѣлу, которыхъ исторія наименуетъ наиближайшими и первыми по времени (1857—1859 гг.) сподвижниками Государя въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, именно на началахъ, указанныхъ Державною волею Александра II. Достойно замѣчанія, что на первомъ въ августѣ журналѣ Комитета,—1857 г.,—Государь Собственноручно начерталъ выраженія Высочайшей признательности за «первый» трудъ Комитета, хотя Комитетъ, какъ сказано выше, существовалъ уже болѣе полгода и представилъ до того времени нѣсколько журналовъ.

— «Да поможетъ намъ Богъ,—писалъ въ помянутой резолюціи покойный Государь: вести это важное дѣло съ должною осторожностью къ желанному результату. Искренно благодарю гг. членовъ за этотъ первый ихъ трудъ и надѣюсь и впредь на ихъ помощь и дѣятельное участіе во всемъ, что касается сего жизненнаго вопроса». (18 авг. 1857 г.). См. «Записки Соловьева» въ «Рус. Стар.» 1881 г. № 2, (февраль), стр. 245.

Затѣмъ мысль о томъ, что въ вѣрномъ ему дворянствѣ Государь найдетъ себѣ усердныхъ помощниковъ для разрѣшенія крестьянскаго дѣла не оставляла Царя-Освободителя. Въ доказательство можно бы привести довольно много свидѣтельствъ изъ разныхъ офиціальныхъ данныхъ, давнымъ давно обнародованныхъ, но ограничимся нѣсколькими выдержками изъ тѣхъ-же напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» Записокъ сенатора Соловьева, помѣстивъ здѣсь-же отмѣтки, начертанныя противъ нихъ, на поляхъ, покойнымъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ.

Великое историческое значеніе этихъ отмѣтокъ понятно само собою.

Записки Соловьева: «Государь сказалъ Петербургской депутаціи:—я увѣренъ, что дворянство будетъ въ полномъ смыслѣ благо-

роднымъ сословіемъ и будетъ въ началѣ всего добраго». (Р. С. 1881 г., № 2, стр. 226). Государь противъ этихъ строкъ написалъ: «Это правда».

Соловьевъ пишетъ: «Мысль Государя, кажется, заключалась въ томъ, чтобъ милостивымъ выраженіемъ полнаго довѣрія къ дворянамъ привлечь его къ себѣ и освобожденіе крестьянъ произвести посредствомъ дворянства». («Рус. Старина», изд. 1881 г., февраль, стр. 226).

Государь послѣднія слова, напечатанныя здѣсь разрядкой, подчеркнулъ и на полѣ отмѣтилъ: «Да».

Извѣстны слова Государя, обращенныя 30 марта 1856 г. къ Московскому дворянству; онѣ приведены и сенаторомъ Соловьевымъ въ его Запискахъ, а именно: «Считаю нужнымъ объявить всѣмъ вамъ, что я не имѣю намѣренія сдѣлать это (уничтоженіе крѣпостнаго ига) сейчасъ, но, конечно, и сами вы понимаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше начать уничтожать крѣпостное право сверху, нежели дождаться того времени, когда оно начнетъ само собой уничтожаться снизу». («Рус. Ст.», 1881 г., февр., стр. 228).

Строки эти Государь обвелъ чертою и отмѣтилъ противъ черты: «Правда».

Далѣе, на стр. 234-й Записокъ Соловьева (февраль, 1881 г.) Государь, прочтя слова въ изложеніи событій января 1857 г., что «крѣпостное состояніе отжило свое время, что вопросъ (объ отмѣнѣ его) занимаетъ мысли Государя, съ самаго вступленія его на престолъ»—изволилъ отмѣтить и противъ этихъ словъ: «Правда».

Государь не ошибся въ надеждѣ, что дворянство выдѣлитъ Ему изъ своихъ рядовъ помощниковъ, людей вполнѣ самоотверженныхъ и глубоко проникнутыхъ Его святою идеей объ освобожденіи крестьянъ; таковые явились изъ среды депутатовъ перваго, а затѣмъ и втораго призывовъ; они затѣмъ явились въ первыхъ, по времени и по достоинству, исполнителяхъ и проводникахъ въ народъ «Положеній 19-го февраля»,—мы говоримъ о доброй памяти мировыхъ посредникахъ перваго трехлѣтія... (1861—1864 гг.).

О томъ, какихъ поистинѣ усердныхъ и умѣлыхъ пособниковъ Государь нашелъ себѣ въ членахъ «Редакціонныхъ Коммисій» (1859—1860) (Н. А. Милютинъ, кн. В. А. Черкасскій, Ю. Ѳ. Самаринъ, С. М. Жуковскій, Я. А. Соловьевъ, Галаганъ, Тарновскій и друг.) хорошо извѣстно; объ этомъ же подробно разсказалъ сенаторъ Соловьевъ въ той главѣ изъ его Записокъ, которая напечатана въ «Русской Старинѣ» прошлаго, 1880-го года, февраль, стр. 319—361. Ред.

Храмъ на мѣстѣ покушенія 1-го марта.

Прекрасная мысль о сооруженіи церкви на мѣстѣ, гдѣ пролита кровь Царя Освободителя, единогласно и восторженно принятая Думою 6-го марта 1881 г., вызвала цѣлый рядъ предположеній и проектовъ, представленныхъ С.-Петербургской Городской Управѣ. Помѣщаемъ одну изъ многихъ, поступившихъ туда по сему предмету, записокъ:

Въ засѣданіи С.-Петербургской Городской Думы, происходившемъ 6-го марта 1881 г., единогласно постановлено: соорудить церковь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ палъ отъ руки убійцы Державный мученикъ,—нашъ Царь-Освободитель. Нынѣ царствующій Императоръ изъявилъ свое согласіе на сооруженіе церкви.

Мы полагаемъ, что въ виду общаго горя, покрывшаго трауромъ Россію, каждый русскій имѣетъ право предлагать свои мысли и соображенія по поводу сооруженія Храма.

1) Престолъ церкви долженъ быть непремѣнно на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пролилась кровь Освободителя земли русской.

Камни мостовой, обагренные этою святою, мученическою кровью, должны быть немедленно вынуты изъ земли, бережно сохранены и при постройкѣ церкви вдѣланы въ полъ подъ самымъ престоломъ. Они послужатъ какъ бы основаніемъ престола, на которомъ будетъ совершаться безкровная жертва Тому, Кто искупилъ насъ крестною смертію.

Пройдутъ года, улягутся и умиротворятся бушующія страсти, забудется ужасъ и тоска настоящаго времени, на смѣну намъ явятся новыя поколѣнія; но память о Царѣ, освободившемъ отъ рабства милліоны, не умретъ въ памяти народной, окруженная ореоломъ славныхъ дѣлъ и вѣнцомъ мученической смерти. Его величественный, страдальческій и кроткій образъ будетъ высоко стоять въ исторіи и на поклоненіе къ мѣсту, обагренному Его кровью, будутъ стекаться толпы народныя, пока жива Россія, пока русскій человѣкъ осѣняетъ себя крестомъ, этимъ символомъ необъятной, божественной любви и страданія.

2) Такъ какъ алтарь долженъ быть на восточной сторонѣ храма, то самый храмъ построится на Екатерининскомъ каналѣ посредствомъ устроеннаго акведука; со стороны, прилегающей къ набережной, окружить его садомъ, а для объѣзда отдѣлить часть сада Михайловскаго дворца.

3) Храмъ, по нашему мнѣнію, долженъ быть освященъ во имя Воскресенія Христа, своею смертію поправшаго смерть. Кончина

нашего Великаго Государя не была обыкновенною кончиною; прибавивъ къ его Царскому вѣнцу вѣнецъ мученическій, разтерзавъ наши сердца невыразимою скорбью, она между тѣмъ воскресила въ нашей памяти все сдѣланное Имъ для блага Россіи. Для того, чтобы наши потомки наглядно видѣли, что̀ сдѣлалъ Императоръ Александръ II для Россіи, на внутреннихъ стѣнахъ церкви должны быть высѣчены не только всѣ совершенныя Имъ славныя дѣянія, но и подлинныя слова Его, произнесенныя по поводу извѣстныхъ событій. Напримѣръ, при освобожденіи крестьянъ: «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный русскій народъ!» При судебной реформѣ: «Отнынѣ правда и милость да царствуютъ въ судахъ» и т. д.

4) При самой церкви необходимо устроить особый примыкающій покой съ надписью надъ входною дверью: «Палъ отъ руки злодѣя 1-го марта 1881 года». Въ этомъ покоѣ должны храниться, во 1-хъ: часть камней, обагренныхъ Царскою кровью, во 2-хъ, платье, бѣлье и постель, на которой почилъ Царь, въ 3-хъ, образъ, всюду сопровождавшій Его, съ неугасаемою передъ нимъ лампадою, и въ 4-хъ, портреты покойнаго Императора, маска, снятая послѣ смерти, бюстъ Его и все, что было писано и напечатано о Его личности и дѣятельности должно быть тутъ же собрано.

И. С. Мусинъ-Пушкинъ.—Ѳедоръ Ѳед. Львовъ [1]).

10-го марта 1881 г.

---

[1]) Д. Ст. Сов. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Львовъ, бывшій конференцъ-секретарь Импер. Академіи Художествъ, талантливый художникъ-архитекторъ.

Ред.

КН. М. С. ВОРОНЦОВЪ И КН. А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

ПО ПОВОДУ ЗАМѢТКИ И. Ѳ. ЗОЛОТАРЕВА.

Читая въ мартовской книгѣ «Русской Старины», изд. 1881 г., замѣтку И. Ѳ. Золотарева, озаглавленную: «Кн. М. С. Воронцовъ», не знаешь, чему больше удивляться: рѣшимости ли человѣка говорить съ увѣренностью о дѣлѣ, для составителя замѣтки очевидно непонятномъ, или той развязности, съ которою иногда позволяютъ себѣ произносить приговоры о дѣятельности людей историческихъ, не на основаніи фактовъ, а на основаніи гдѣ-то и когда-то слышанныхъ словъ и собственнаго благоусмотрѣнія.

Странность замѣтки для каждаго мыслящаго человѣка, сколько нибудь понимающаго военное дѣло, такъ очевидна, что сама по себѣ она не заслуживала бы даже опроверженія. Но, во 1-хъ, г. Золотаревъ озаглавилъ ее именемъ, котораго каждый, сколько нибудь знакомый съ Кавказомъ, не можетъ глубоко ни уважать, и во 2-хъ, въ концѣ замѣтки г. Золотаревъ, на основаніи собственныхъ словъ, будто бы имъ слышанныхъ отъ фельдмаршала князя Барятинскаго, тщится извратить весь смыслъ статьи моей о покойномъ князѣ, напечатанной въ февральской книгѣ «Русской Старины» изд. 1881 г.

Въ то же время я хорошо знаю, что по неимѣнію до сихъ поръ полной и основательной исторіи Кавказа, по малому знакомству большинства съ этимъ краемъ, ходячія мнѣнія, на основаніи будто бы авторитетныхъ словъ, и развязность въ раздачѣ историческихъ заслугъ на Кавказѣ, къ прискорбію, у насъ нерѣдки. Самое составленіе моей статьи, главнымъ образомъ, было вызвано моимъ искреннимъ желаніемъ оказать посильную услугу нашей славной Кавказской арміи и избавить ее, по возможности, отъ той малой извѣстности подвиговъ ея и ея главныхъ дѣятелей, при которой каждый пишущій можетъ говорить о нихъ по собственному благоусмотрѣнію. Съ этой именно цѣлью въ моемъ краткомъ историческомъ обзорѣ войны о главнѣйшихъ дѣятеляхъ Кавказа: князѣ Циціановѣ, генералахъ Котляревскомъ, Ермоловѣ и Вельяминовѣ и князьяхъ Воронцовѣ и Барятинскомъ были высказаны сужденія на основаніи фактовъ, а никакъ ни моихъ собственныхъ разсужденій. При этомъ,

чтобы, при всемъ моемъ нежеланіи, какъ нибудь случайно не позволить себѣ сужденій произвольныхъ, я добровольно принялъ на себя обязательство разъяснять все мною сообщаемое по мѣрѣ надобности, насколько то будетъ необходимо. При чемъ однако нахожу нужнымъ теперь оговориться, что разъясненія мои будутъ имѣть предметомъ лишь самые факты, а никакъ ни мнѣнія, высказываемыя всѣми пишущими о Кавказѣ. Это дѣло уже будущаго историка, который справедливость мнѣній того или другаго самъ разберетъ. Дѣло же современниковъ—вѣрно сообщать факты и по возможности ихъ разъяснять.

Даровитыя личности, проникнутыя желаніемъ общей пользы, а не узкими себялюбивыми расчетами, испытываютъ иногда такъ много неудачъ въ жизни, что было бы грустно думать, если бы и исторія отнеслась къ нимъ не на основаніи вѣрно разъясненныхъ фактовъ, а на основаніи лишь произвольныхъ мнѣній и сужденій пишущихъ по своему благоусмотрѣнію.

Замѣтка г. Золотарева, при всей своей краткости, распадается на двѣ части: первая касается ошибки, вкравшейся въ одномъ изъ примѣчаній къ моей статьѣ, въ которомъ сказано, что князь Воронцовъ, принимая участіе въ Кавказской войнѣ, еще въ очень молодыхъ годахъ, потерялъ бинокль, который вернулся къ нему много лѣтъ спустя. Г. Золотаревъ, служившій при князѣ Воронцовѣ еще въ Одессѣ, сообщаетъ теперь, что это былъ не бинокль, а компасъ. Сообщеніе этой подробности весьма умѣстно, и если бы г. Золотаревъ озаглавилъ свою замѣтку «компасъ, а не бинокль князя М. С. Воронцова,» то былъ бы совершенно правъ. Но г Золотаревъ къ своему замѣчанію о биноклѣ присовокупляетъ слѣдующее собственное разсужденіе:

„Къ этой поправкѣ смѣю присовокупить и болѣе серьезное замѣчаніе, а именно, что мысль, соображенія и вытекавшій изъ нихъ планъ Кавказской войны, такъ удачно и блистательно оконченной княземъ А. И. Барятинскимъ, при тѣхъ средствахъ, которыя были ему даны, были обсуждаемы, подготовляемы и внушены ему покойнымъ княземъ Воронцовымъ, которому наступившая Восточная война, его болѣзнь и отъѣздъ изъ края не дали возможности исполнить самому, и я, въ 1860 г., слышалъ изъ устъ фельдмаршала князя А. И. Барятинскаго такой высоко-характеризующій его отзывъ“:

—„Мнѣ досталась жатва Воронцовскаго посѣва“.

Что̀, гдѣ и когда слышалъ г. Золотаревъ изъ устъ фельдмаршала князя Барятинскаго—разбирать теперь, черезъ двадцать лѣтъ, довольно трудно, да и совершенно излишне, такъ какъ въ моей статьѣ не на основаніи чьихъ либо словъ, а на основаніи фактовъ, подробно разсказано какъ и когда составлялся планъ покоренія Кавказа кн. А. И.

Барятинскимъ; но что слышанному г. Золотаревъ далъ слишкомъ широкое и произвольное толкованіе—это теперь несомнѣнно. Нельзя не думать, что если бы г. Золотаревъ былъ военный человѣкъ или сколько нибудь понималъ Кавказскую войну, то подобнаго толкованія ему бы не пришло и въ голову. Дѣтей главнокомандующихъ, исполняющихъ уроки ихъ учителей, исторія еще нигдѣ не представляла. Кавказская же война, по своей трудности и своеобразности, представляла для ея руководителей такія затрудненія, съ какими успѣшно справиться удавалось весьма не многимъ. Въ моемъ очеркѣ было подробно разсказано ка̀къ планъ войны, слѣдуя которому князь Барятинскій покорилъ Кавказъ, имъ самимъ составлялся постепенно и въ продолженіи многихъ лѣтъ. Въ томъ же очеркѣ было указано, что князь Барятинскій, когда онъ находился подъ начальствомъ князя Воронцова, при всемъ глубокомъ личномъ уваженіи къ князю Михаилу Семеновичу, не всегда раздѣлялъ его взгляды на Кавказскую войну, о дѣйствіяхъ же его, какъ главнокомандующаго, тогда не могло быть еще и рѣчи. Самъ князь Барятинскій въ то время говорилъ объ этомъ какъ о своей любимой мечтѣ и о дѣлѣ будущаго, и понятно, что не только совѣщаній, но и серьезныхъ разговоровъ о такомъ дѣлѣ съ княземъ Воронцовымъ имѣть не могъ.

Кромѣ того, допуская даже способность князя Барятинскаго къ самоуничиженію, чего однако въ его характерѣ отнюдь не было, своеобразное толкованіе г. Золотарева словъ покойнаго фельдмаршала было бы уничиженіемъ для князя Циціанова и генераловъ Ермолова и Вельяминова, на что князь Барятинскій уже никакъ способенъ не былъ.

Не сомнѣваюсь ни на одну минуту, что если бы былъ живъ князь М. С. Воронцовъ, то за замѣтку, написанную г. Золотаревымъ, никакъ бы его не похвалилъ. Княземъ Воронцовымъ и на Кавказѣ, и до Кавказа было оказано такъ много несомнѣнныхъ, для всѣхъ очевидныхъ, заслугъ, что его имя давно уже принадлежитъ къ нашимъ наиболѣе извѣстнымъ, свѣтлымъ и высокимъ историческимъ именамъ. Поэтому навязываніе ему еще новыхъ заслугъ, по всей справедливости принадлежащихъ другимъ, не только совершенно излишне, но и неумѣстно относительно его историческаго имени.

Къ сказанному считаю нужнымъ добавить, что съ г. Золотаревымъ я знакомъ уже болѣе 25 лѣтъ, когда-то участвовалъ вмѣстѣ съ нимъ въ составленіи кавказскихъ вечеровъ и имѣлъ много случаевъ говорить о Кавказѣ, князѣ Воронцовѣ и князѣ Барятинскомъ, но за все это время ни о приводимыхъ имъ теперь словахъ князя Александра Ивановича, ни о широкомъ толкованіи, которое онъ теперь имъ придаетъ, никогда и ничего отъ него не слышалъ. Даже послѣ появленія моей

статьи въ «Русской Старинѣ», когда г. Золотаревъ сообщилъ мнѣ свое замѣчаніе о неточности относительно бинокля, онъ не счелъ нужнымъ ни слова упомянуть ни о слышанномъ, будто бы, имъ отъ князя Барятинскаго, ни, что еще страннѣе, о своихъ широкихъ по этому предмету выводахъ.

Очень можетъ быть, что послѣ личныхъ объясненій г. Золотаревъ отъ своихъ выводовъ или совершенно бы воздержался, или значительно ихъ сократилъ. Но теперь дѣло уже сдѣлано—мнѣніе г. Золотарева высказано печатно, а потому и мое на это возраженіе я обязанъ высказать также печатно.

Д. И. Романовскій.

12 марта 1881 года.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЯ ЧИСЛА.

Въ VII томѣ „Русской Старины" изд. 1873 г. стр. 270 помѣщена была моя замѣтка: интересныя числа изъ жизни Императоровъ Петра I-го и Николая I-го, теперь еще сообщу здѣсь странное сочетаніе чиселъ, относящееся къ почившему въ Бозѣ Царю-Мученику Александру Николаевичу. Въ жизни Его фигурировали двѣ цифры 1 и 8, которыя въ годѣ рожденія и годѣ кончины повторились два раза. Если цифры, составляющія эти годы, поставить вертикально и сложить, то въ суммѣ получится 36—возрастъ, въ которомъ Онъ вступилъ на престолъ, далѣе, если къ этому числу приложить время царствованія Его (26 л.) и число мѣсяца кончины (1) то въ суммѣ выйдетъ число прожитыхъ Имъ лѣтъ:

1
8 } годъ рожденія
1
8

1
8 } годъ кончины
8
1

36 годъ вступленія на престолъ.
26 время царствованія.
1 марта день кончины.
63.

Раф. Ситовскій.

1856—1881.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАНЦЛЕРЪ, СВѢТЛѢЙШІЙ КНЯЗЬ Александръ Михайловичъ Горчаковъ.

XXV.

15-го апрѣля 1881 года исполнится XXV лѣтъ съ того дня, когда въ челѣ министерства иностранныхъ дѣлъ поставленъ кн. А. М. Горчаковъ, государственный мужъ, которому высокій жребій предоставилъ быть ближайшимъ совѣтникомъ и сотрудникомъ въ трудахъ въ Бозѣ почившаго Монарха неизмѣнно, въ теченіе всего періода царствованія Государя-Освободителя, по всѣмъ внѣшнимъ дѣламъ нашего Отечества.

Питомецъ того-же Лицея, изъ котораго вышелъ безсмертный Пушкинъ, другъ и товарищъ великаго поэта—князь Александръ Михайловичъ съ молодыхъ лѣтъ посвятилъ себя служенію Россіи на дипломатическомъ поприщѣ.

На высокій постъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ кн. А. М. Горчаковъ призванъ въ годину тягчайшаго испытанія, какое когда либо ниспосылало Провидѣніе Россіи; мы говоримъ объ эпохѣ Парижскаго мира 1856 года, завершившимъ Севастопольскій разгромъ и о всѣхъ его послѣдствіяхъ, состоявшихъ, между прочимъ въ томъ, что наше Отечество на долго отказалось отъ первенствующаго положенія въ Европейской семьѣ; но уйдя въ себя оно, обновленное рядомъ великихъ преобразованій Александра II, воспрянуло съ новыми силами къ вящей славѣ ея народовъ.

Ко дню XXV-ти лѣтняго юбилея кн. А. М. Горчакова изданъ будетъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ обзоръ государственной дѣятельности кн. А. М. Горчакова. Изъ этого, полнаго интереса историческаго памятника, русское общество будетъ имѣть случай напомнить себѣ—давно всѣмъ извѣстное,—а именно, что имя кн. А. М. Горчакова весьма тѣсно соединено съ длиннымъ рядомъ славнѣйшихъ дѣяній минувшаго царствованія—собственно въ области международныхъ отношеній Россіи.

Ко всѣмъ достоинствамъ нравственной личности князя А. М. Горчакова, издавна стяжавшихъ ему всеобщее уваженіе, должно замѣтить, что этотъ государствонный дѣятель всегда быяъ особенно дорогъ для русской печати: князь Александръ Михайловичъ всегда стоялъ на сторонѣ гласности и свѣта, а многіе-ли у насъ изъ сановниковъ заявили себя подвижниками свѣта и гласности? Будемъ же надѣяться, что скромный праздникъ 15 апрѣля 1881 г. вызоветъ привѣтъ и сочувствіе отечественной печати и представителей русскаго общества.

Ред.

КЪ ИСТОРІИ ПОЛЬСКАГО ВОПРОСА

1863.

Въ послѣднее время въ отечественной печати вновь возгорѣлась весьма оживленная полемика о польскомъ вопросѣ и объ отношеніяхъ къ нему русскаго общества. Въ виду этого вполнѣ своевременно обратиться къ документу, отнынѣ вполнѣ историческому, въ которомъ весьма опредѣленно выражены тѣ убѣжденія, какими руководился въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ Николаевичъ—предпринимая реформы въ Царствѣ Польскомъ, столь насильственно прерванныя мятежемъ. Документъ этотъ,—своевременно напечатанный въ офиціальномъ органѣ «Сѣверная Почта» (1863 г. № 236),—есть Высочайшій рескриптъ, данный на имя Намѣстника въ Царствѣ Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича. Интересъ содержанія рескрипта значительно возростаетъ при слѣдующемъ объясненіи, которое мы слышали отъ покойнаго Николая Алексѣевича Милютина, въ нѣкоторыхъ трудахъ котораго, вмѣстѣ съ покойнымъ же А. Ѳ. Гильфердингомъ, принимали непосредственное участіе въ 1865 и 1866 годахъ.

Помянутый рескриптъ данъ въ октябрѣ 1863 г., въ бытность Императора въ Ливадіи; первая редакція его была изложена, по волѣ Государя, гр. А., но при просмотрѣ представленнаго къ подписи рескрипта Государь совершенно его измѣнилъ, оставя лишь вступительныя строки. Всѣ же существенныя строки рескрипта Государь изложилъ собственноручно.

Отсюда понятенъ особенный интересъ, какой имѣетъ помянутый документъ въ особенности теперь, когда вновь возникаетъ, по крайней мѣрѣ въ печати, польскій вопросъ.

Ред.

«Ваше Императорское Высочество! Призвавъ Ваше Императорское Высочество, въ прошедшемъ году, къ управленію Царствомъ Польскимъ въ качествѣ Моего Намѣстника, Я желалъ выразить Мою твердую волю дать постепенное развитіе новымъ учрежденіямъ, Мною Царству дарованнымъ.—Самое назначеніе любезнаго Мнѣ брата было ручательствомъ Моего искренняго желанія слѣдовать путемъ умиротворенія къ возстановленію нарушеннаго порядка въ Польшѣ и водворенію въ ней прочнаго управленія на основаніяхъ, согласныхъ съ нуждами и пользою края.—Вполнѣ постигнувъ Мои благосклонныя къ народу польскому намѣренія, душевно имъ сочувствуя и воодушевленные высокою мыслію примиренія, Ваше Императорское Высочество съ достойнымъ самоотверженіемъ пожертвовали всѣмъ положеніемъ Вашимъ въ имперіи, чтобы на новомъ поприщѣ, неограниченнымъ Моимъ довѣріемъ Вамъ указанномъ, усугубить Ваше рвеніе на пользу службы и отечества.—Я имѣлъ право ожидать отъ подданныхъ Моихъ Царства Польскаго, что какъ намѣренія Мои, такъ и готовность Ваша къ приведенію въ исполненіе Моихъ предначертаній будутъ постигнуты, — что минутно увлеченные насиліемъ противъ правительства, они поймутъ значеніе прибытія Вашего въ царство, и видя въ немъ залогъ попеченій Моихъ о благѣ Польши и доказательство Моего расположенія простить заблужденіе, они возвратятся на путь долга и къ чувствамъ преданности своему Монарху.

Къ крайнему Моему прискорбію, надежды Мои не осуществились.

Встрѣченные на первомъ шагу вѣроломствомъ и покушеніемъ на драгоцѣнную для Меня жизнь Вашу, Ваше Императорское Высочество кровію запечатлѣли преданность ко Мнѣ и Россіи.—Не взирая на всѣ усилія Ваши, учрежденія, дарованныя Мною Царству польскому, доселѣ не дѣйствуютъ согласно ихъ значенію, встрѣчая постоянныя препятствія не въ доброй волѣ и стараніяхъ правительства, а въ самой странѣ, находящейся подъ гнетомъ крамолы и пагубнымъ вліяніемъ иноземныхъ возмутителей. Съ прибытіемъ Вашимъ въ Польшу должна была, внушеніемъ необходимаго уваженія и довѣрія къ закону, ознаменоваться новая эпоха для ея внутренняго развитія и благоденствія. — Неусыпно и не щадя своего здоровья,

Ваше Императорское Высочество твердою волею старались осуществить Мои благія для Царства польскаго намѣренія.—Согласая постоянно Ваши дѣйствія съ цѣлію Вашего назначенія, имѣя постоянно въ виду пользу службы Россіи и ввѣреннаго управленію Вашему края, пренебрегая ежеминутною личною опасностію, Вы не поколебались въ неусыпныхъ усиліяхъ Вашихъ и тогда, когда открытый мятежъ противупоставилъ величайшія затрудненія правильному дѣйствію закона.—Но продолжающееся возмущеніе, тайные преступные замыслы и возрастающая со всѣхъ сторонъ измѣна, убѣдили Ваше Императорское Высочество въ несоотвѣтственности съ нынѣшнимъ состояніемъ края той мысли благосклоннаго и кроткаго умиротворенія, побудившей Меня возложить на Васъ исполненіе щедрыхъ льготъ, Мною Царству польскому дарованныхъ.

Народъ польскій не хотѣлъ понять и оцѣнить мысль назначенія Вашего Императорскаго Высочества Моимъ Намѣстникомъ и вѣроломнымъ возстаніемъ и преступными заговорами оказался недостойнымъ даннаго ему, въ лицѣ любезнаго Мнѣ брата, залога благосклонныхъ намѣреній Моихъ.

Сознавая справедливостъ Вашего воззрѣнія на невозможность, при настоящихъ обстоятельствахъ, слѣдовать для усмиренія края тѣмъ путемъ, который вызвалъ въ прошедшемъ году назначеніе Ваше, Я соизволяю на испрашиваемое Вами увольненіе отъ обязанностей Намѣстника Моего и главнокомандующаго войсками въ Царствѣ польскомъ.

Когда же, съ помощіею Божіею, возстаніе въ Польшѣ будетъ подавлено, когда, внявъ наконецъ гласу закона и долга, подданные Мои въ Царствѣ отвергнутъ насиліе отъявленныхъ поборниковъ измѣны и обратятся къ Моему милосердію, когда водворенный порядокъ дозволитъ приступить вновь къ начатому Вами дѣлу, когда обстоятельства дозволятъ введеніе тѣхъ учрежденій, которыя Мною были дарованы царству и приведеніе въ дѣйствіе коихъ есть одно изъ Моихъ живѣйшихъ и искреннѣйшихъ желаній,—тогда я буду надѣяться, что Вамъ снова можно будетъ принять участіе въ исполненіи Моихъ предначертаній и посвятить Себя на пользу службѣ съ тою же ревностію и самоотверженіемъ, коихъ постоянныя и несомнѣнныя доказа-

тельства столь же отрадны были Моему сердцу, сколь неограниченны Мои къ Вамъ довѣріе и братскія дружба и любовь.

Молю Бога, дабы испрашиваемый Вами отдыхъ, необходимый Вашему Императорскому Высочеству послѣ постоянныхъ и тяжкихъ трудовъ, понесенныхъ Вами среди величайшихъ затрудненій и испытаній, глубоко поражавшихъ Ваше сердце, столь горячо любящее дорогое отечество, сколь возможно скоро возстановилъ Ваши силы.

Да поможетъ намъ Богъ! Въ Его безпредѣльное милосердіе уповаю твердо и непоколебимо.

На подлинномъ Собственною Его Императовскаго Величества рукою написано:

«Искренно Васъ любящій и благодарный братъ»

«АЛЕКСАНДРЪ».

Ливадія, 31-го (19-го) октября 1863 года.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ XXX томѣ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

1881 г.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ, АПРѢЛЬ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1881 года.

ТОМЪ ТРИДЦАТЫЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ, АПРѢЛЬ.

Записки и Воспоминанія.

Изслѣдованія и историко-біографическіе очерки.

Переписка, разсказы, очерки, замѣтки.

Царствованіе Екатерины II.

Царствованіе Александра I.

Царствованіе Николая I.

Царствованіе Александра II.

Царствованіе Александра III.

Исторія русской литературы.

Исторія музыки и художествъ.

Портреты.

Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Дозорныя и переписныя книги древняго города Ростова. Изданіе А. А. Титова, съ предисл., планомъ древняго Ростова и двумя снимками съ рукоп. XVII в. М. 1880. 67 стр. (На оберткѣ 1-й книги «Русской Старины» 1881 г.).
2. Значеніе крестьянъ въ русскомъ обществѣ во времена Русской Правды и разнообразныя названія, подъ которыми встрѣчаются крестьяне въ XII, XIII, XIV и XV стол. Историко-критическій очеркъ И. Кальнева, препод. одесс. 2-й гимназіи. Одесса. 1879. 33 стр. (Тамъ-же).
3. Исторія Серпухова въ связи съ Серпуховскимъ княжествомъ и вообще съ отечественною исторіею. Сочин. П. Симсона. XII+346 стр., съ 2 план., 4 фотолитогр. и приложеніями. М. 1880. (Тамъ-же).
4. Опытъ древней исторіи города Опочки. Изданіе Н. И. Кукольника, Псковъ, 1879. 148 стр. (Тамъ-же).
5. Историко-статистическое описаніе города Осташкова. Тверь. 1880. 151+IX, съ план. 1766 и 1872 гг. Авторъ его В. Покровскій. (На оберткѣ 2-й кн. «Русской Старины» 1881 г.).
6. Renseignements sur les archives de Russie. Edition de la commission d'impression des Lettres patentes et Traités, attachée aux Archives

principales de Moscou du Ministère des Affaires Etrangères. M. 1880. (На оберткѣ 2-й книги «Русской Старины»).

7. Вторая турецкая война въ царств. Екатерины II, 1787—1791 г. Спб. 1880. Состав. генер. штаба полк. А. Н. Петровъ. Т. I. 1787—1789 г. Т. II. 1789—1791. 251+50; 237+48, съ картою. (На оберткѣ 3-й кн. «Русской Старины». 1881).
8. Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина. Т. V. Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ. Изд. Д. Самарина. М. 1880. XCII+463. (Тамъ-же).
9. Ѳеофанъ Прокоповичъ какъ писатель. П. Морозовъ. Спб. 1880. 402. (Тамъ-же).
10. Калевала. Финскій народный эпосъ. Перевелъ Э. Гранстремъ. Спб. 1881. Спб. VII+242 стр. въ 8 д. л. Ц. 2 р. (На оберткѣ 4-й книги «Русской Старины» 1881 г.).
11. Статистическое описаніе Сибирскаго казачьяго войска. Составилъ Ѳ. Усовъ. Изд. главн, управл. иррегулярн. войскъ. Спб. 1879. 284—42, съ картою. Ц. 1 р. 50 к. (Тамъ-же).
12. Ежегодникъ Владимірскаго губерн. статистич. комитета. Т. III. Владиміръ. 1880. 376 (столбцевъ). Ц. 1 р. 50 к. (Тамъ-же).
13. Семейство Разумовскихъ. А. А. Васильчикова. Т. II. 1880. 557 стр. Съ 2 портретами (граф. Нат. Дем. Разумовской,—иначе казачка Разумиха, и гр. А. К, Разумовскаго, быв. мин. нар. просв.) (Тамъ-же).

Всѣ замѣтки въ библ. листкѣ, кромѣ 10, сообщ. Профес. В. С. Иконниковъ.

Опечатки въ XXX-мъ томѣ «Русской Старины».

						Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
Январь	Стр.	17	18-я	строка	снизу	аро ходъ	пароходъ
Февраль	›	337	10-я	›	сверху	тревать	требовать
›	»	399	15-я	›	снизу	солтата	солдата
»	»	431	1-я	›	›	г. Сиряковымъ	г. Сѣряковымъ
›	›	437	слѣдующ.	страница		538	438
»	›	447	7-я	строка	сверху	труды	труда
»	»	452	16-я	»	›	3825 года	1825 года
»	›	460	17-я	›	›	Картинъ тѣтъ	Картинъ нѣтъ
Мартъ	›	586	слѣдующ.	страница		687	587
›	›	595	3-я	›	сверху	мызыкальными	музыкальными
Апрѣль	›	736	7-я	›	сверху	по о предложеніи	ни о предложеніи
›	›	758	17-я	›	›	кростьянскихъ	крестьянскихъ

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

„НАРОДНОЙ ШКОЛЫ."

Всѣ экземпляры нашего журнала за прошлый (1880) годъ разошлись по подпискѣ, о чемъ и было заявлено нами на оберткѣ первой книжки «Народной Школы» за этотъ годъ. Въ настоящее время, въ распоряженіи редакціи находятся еще, въ небольшомъ количествѣ, полные экземпляры «*Народной Школы*» за 1878 и 1879 гг., въ которыхъ были напечатаны нижеслѣдующія статьи: *А. И. Анастасіева*: 1) О возвышеніи педагогическаго уровня народныхъ учителей; 2) Воскресная школа при Порѣцкой учительской семинаріи *В. И. Ассонова*: 1) Учительскія семинаріи и народныя школы въ Финляндіи въ 1875—76 учебномъ году; 2) Вопросъ о народномъ образованіи на финляндскомъ сеймѣ 1877—78 г. *Л. П. Весина*: Къ вопросу о преподаваніи географіи въ народной школѣ. *В. И. Водовозова*: Патріархъ Никонъ и Крижаничъ. *В. С. Гербача*: критическіе разборы 9-ти книгъ по первоначальному обученію. *Я. Г. Гуревича:* критическая статья о книгѣ г. Петрушевскаго: «Разсказы про Петра Великаго». *Н. Домоховскаго*: Инородческія школы въ Россіи. *К. Ельницкаго*: Организація обученія въ школѣ съ однимъ учителемъ при ученикахъ различной подготовки. *Н. Н. Запольскаго:* 1) Къ вопросу объ обязательности первоначальнаго обученія. Сводъ мнѣній народныхъ учителей (двѣ статьи); 2) Иностранная хроника по народному образованію (въ Пруссіи и Саксоніи), двѣ статьи; 3) Образецъ протокола при ревизіи народныхъ училищъ; 4) О преподаваніи Закона Божія. *Н. Згурскаго:* Уроки естествовѣдѣнія, три статьи (съ чертежами). *И. П. Золотницкаго*: Объ улучшеніи архитектуры школьныхъ зданій. *В. И. Зимницкаго*: Условія и пріемы объяснительнаго чтенія (рядъ статей). *В. Э. Иверсена*: 1) О преподаваніи естественныхъ наукъ въ народной школѣ (три статьи); 2) Письма къ народнымъ учителямъ о вредныхъ насѣкомыхъ (три письма). *П. Ѳ. Каптерева*: 1) Методъ и его примѣненіе; 2) Спенсеръ, какъ педагогъ, и его русскіе критики (4 статьи). *Е. П. Карновича*: Повѣствованія изъ русской исторіи: 1) великая княгиня Ольга; 2) русскія лѣтописи; 3) извѣстія русскихъ лѣтописей о чрезвычайныхъ явленіяхъ природы; 4) печенѣги, торки, половцы, берендеи и черные клобуки; 5) войны русскихъ съ меченосцами; 6) хожденіе въ орду русскихъ князей; 7) псковское княжество; 8) великіе и удѣльные князья. *Барона Н. А. Корфа:* 1) Значеніе народной школы и педагогическихъ знаній для общества; 2) Парижская всемірная выставка (4 ст.) *А. А. Кочетова*: 1) Начальныя народныя училища Московскаго уѣзда; 2) Дѣятельность Маріупольскаго земства по народному образованію. *Всев. И Миропольскаго*: Историческій очеркъ народнаго просвѣщенія въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки (7 ст.). *Я. Т. Михайловскаго*: Очеркъ современнаго состоянія заграничной народной школы (двѣ статьи). *Н. Н. Островской*: Должно ли существовать наглядное обученіе, какъ отдѣльный предметъ? *Б. А. Павловича*: О подвижныхъ школахъ Швеціи и Норвегіи. *Е. Рейнбота*: О томъ, какъ человѣкъ выдѣлываетъ бумажную пряжу изъ хлопчатника и какъ червячокъ-шелкопрядъ самъ приготовляетъ шелковую пряжу. *И. С. Ремезова*: А. В. Ступинъ и его школа живописи.

А. Самуся: Помощь при начальномъ обученіи ариѳметикѣ (двѣ статьи съ чертежами). *Д. Д. Семенова*: Основы педагогическаго образованія народныхъ учителей въ Кубанской учительской семинаріи. *О. К. Семеновой*: Первый шагъ дитяти въ школѣ. *Аѳ. Ѳ. Соколова*: 1) О сліяніи звуковъ въ обученіи грамотѣ; 2) Отчего много времени тратится на прохожденіе букваря? *Д. И. Тихомирова*: 1) Отношеніе грамматики къ правописанію въ элементарномъ обученіи; 2) Экзамены на льготу при отбываніи воинской повинности.-*В. И. Фармаковскаго*: 1) Учитель—сельскій писарь; 2) Наканунѣ реформы (изъ жизни нашей народной школы) *И. О. Фесенко*: 1) Вліяніе антипедагогической школьной обстановки на здоровье дѣтей; 2) Германскія ремесленныя школы (рядъ статей); 3) критическая статья о книгѣ г. Евстаѳіева: «Начальныя основанія педагогики, методики и дидактики». *И. И. Шалфѣева*: Первое пятилѣтіе Курской земской учительской школы, и проч. Кромѣ того, въ каждой книжкѣ «*Народной Школы*» помѣщалась «Педагогическая хроника» (А. П. Пятковскаго), въ которой подробно разсматривались всѣ важнѣйшіе вопросы, возникавшіе у насъ, за это время, въ сферѣ народнаго образованія, какъ напримѣръ: о дѣятельности разныхъ земскихъ собраній и городскихъ думъ на пользу начальной школы; объ обязательности обученія; объ улучшеніи матеріальнаго и нравственнаго положенія народнаго учителя; о подвижныхъ школахъ и пр. Въ отдѣлѣ «Политическихъ Извѣстій» разсказана была, въ связныхъ, послѣдовательныхъ очеркахъ, вся исторія русско-турецкой войны отъ паденія Плевны до занятія Санъ-Стефано. Въ отдѣлѣ „Разныхъ Извѣстій“ сообщались свѣдѣнія, любопытныя для народнаго учителя, по части народнаго образованія, сельскаго хозяйства, общественной гигіены, а также крупные факты изъ нашей внутренней политической жизни.

Имѣя возможность сдѣлать доступнымъ пріобрѣтеніе оставшихся полныхъ экземпляровъ 1878—79 гг. и тѣмъ школамъ, которыя, по недостатку средствъ, не могли своевременно подписаться на нихъ, редакція предлагаетъ нынѣ выписывать ихъ по значительно пониженной цѣнѣ, а именно: вмѣсто 9 руб. за оба года, *по 6 руб. съ пересылкою*. При подпискѣ же на текущій годъ, слѣдуетъ высылать, круглымъ счетомъ, 10 руб. Лицамъ, приславшимъ уже деньги на журналъ 1880 г., за неимѣніемъ въ главной конторѣ экземпляровъ этого года, предлагается: дослать еще *полтора рубля* и получить, взамѣнъ требуемаго одного года, „Народную Школу“ за 1878—70 гг. или засчитать высланную ими сумму на текущій годъ.

№№ 1, 2, 3 и 4 «Народной Школы» за 1881-й годъ вышли своевременно (1 янв., 1 февр., 1 марта и 1 апрѣля) со статьями: гг. *Виреніуса*, *Каптерева*, *Карнозича*, *бар. Корфа*, *Михайловскаго*, *Вс. Миропольскаго*, *Пятковскаго*, *Регенера*, *Фесенко*, *Шалфеева* и мн. др.

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

изд. 1880 г.

Цѣна за двѣнадцать книгъ—**восемь рублей** съ пересылкой. Журналъ высылается подписчикамъ съ первой книги. Первыя четыре книги 1880 г.—напечатаны вторымъ изданіемъ.

При „Русской Старинѣ“ 1880-го года приложены портреты: Императора **Александра II**;—императрицъ **Екатерины I** и **Елисаветы Петровны**;—императора **Петра II**; — **А. С. Пушкина** (въ гробу, 29-го января 1837 г.);—протоіерея **Г. П. Павскаго**,— **И. С. Тургенева**;—**И. А. Гончарова**;—гр. **Л. Н. Толстаго**;— **А. Н. Островскаго**;—**Д. В. Григоровича**;—**А. В. Дружинина**;— поэта Тараса **Шевченко**;—графа **П. Д. Киселева**,—фельдмаршала кн. **А. И. Барятинскаго**,—**С. Р. Лепарскаго** и **А. Н. Сѣрова**.

Въ «Русской Старинѣ» изд. **1880-го** года, [**одиннадцатый годъ изданія**], между другими статьями и матеріалами напечатаны: Записки **Д. И. Ростиславова** (одиннадцать главъ).—Записки **Топчіева**: Дворянскій полкъ въ царствованіе Александра I.—Записки **А. П. Бѣляева** (декабриста, восемь главъ) —Записки принца **Евгенія Виртембергскаго** о войнѣ 1828 г. и событіяхъ за нею слѣдовавшихъ. Подлинная переписка императора **Николая Павловича** съ Дибичемъ.— Записки **И. В. Селиванова**: губернаторъ П—въ и ссылка въ Вятку. — Генералъ-губернаторы Закревскій и П. А. Тучковъ.—Записки **Сельскаго Священника**;—Записки **Я. М. Невѣрова**: схимникъ Серафимъ въ Саровѣ.—Записки сенатора **Я. А. Соловьева**: крестьянское дѣло въ 1856—1859 гг.—Записки **М. Я. Ольшевскаго**: Кавказъ и кавказцы въ 1856—1860 гг.—Историческіе разсказы и анекдоты изъ Записокъ **Богуславскаго** и **Е. Н. Львовой** († 1864 г.).—Воспоминанія артистки **А. Я. Петровой**, рожденной Воробьевой.—Переходъ русской арміи черезъ Балканы зимою 1877 г.—историческій очеркъ **А. К. Пузыревскаго**.—Великій Новгородъ—статья **Н. И. Костомарова**.—Герасимъ Петровичъ **Павскій**: его жизнь и ученая дѣятельность—историко-біографическій очеркъ профес. **Н. И. Барсова**.—Рѣчь **ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА** въ Государственномъ Совѣтѣ 28-го января 1861 г.—Историческія и историко-біографическія статьи и очерки по поводу двадцатипятилѣтней годовщины дня восшествія на престолъ Государя Императора.—Очеркъ профессора **И. Е. Андреевскаго**: Ходъ распространенія политическихъ знаній въ Россіи въ 1855—1880 гг.—Русская историческая наука въ двадцатипятилѣтіе 1855—1880 гг.—статья профессора В. С. Иконникова.— Присоединеніе Грузіи къ Россіи, историческое изслѣдованіе Ад. П. Берже и проч. Историческіе матеріалы: акты, указы, преданія, переписка, донесенія, замѣтки, относящіеся до XVIII и XIX вѣковъ, болѣе ста сообщеній и статей различныхъ лицъ, таковы: Н. В. Бергъ, П. А. Ефремовъ, А. Д. Крыловъ (къ исторіи отмѣны питейныхъ откуповъ въ Россіи,—кн. В. И. Барятинскій (письма Шамиля),—профес. О. Ѳ. Миллеръ,—В. А. Панаевъ (біографическій очеркъ атамана М. Г. Хомутова), -М. Н. Кучаевъ (біографія Лепарскаго). В. Г. Трироговъ, В. И. Лѣствицынъ, Н. К. Богушевскаго и многихъ другихъ.—По исторіи русской словесности въ «Русской Старинѣ» 1880 г. особенно много напечатано статей и матеріаловъ, относящихся до А. С. Пушкина (окончаніе біографіи, его письма и стихотворенія, разсказы и воспоминанія о немъ и проч.). А также помѣщены статьи и сообщенія о слѣдующихъ писателяхъ; В. А. Жуковскій (его планъ воспитанія Наслѣдника 1826 г.);— Г. П. Павскій (его переводъ «Слова о полку Игоревѣ»);—В. Г. Бѣлинскій, (воспоминанія о немъ товарища по университету):—Т. Н. Грановскій (воспоминаніе о немъ Я. М. Невѣрова),—Т. Г. Шевченко (воспоминаніе о немъ профессора Н. И. Костомарова).—П. А. Каратыгинъ (собраніе стиховъ и проч.).

зать: и подлинно братецъ, вить это правда. Потомъ разговорились мы о Волтеровой трагедіи „Меропѣ“—и я сказывалъ Его Высочеству, въ чемъ состоитъ историческое приключеніе, служащее оной трагедіи основаніемъ. Часовъ въ одиннадцать изволилъ Государь пойтить къ обѣдни; по окончаніи оной къ Государынѣ. Ея Величество быть у обѣдни не изволила.

Возвратясь отъ Ея Величества въ свои покои, изволилъ Государь, спустя нѣсколько времяни, сѣсть кушать. Обѣдали у насъ: гр. Петръ Григорьичъ Чернышовъ, графъ Александръ Сергѣичъ, такъ же и морской офицеръ Лупандинъ, о коемъ выше упомянуто. Господинъ Лупандинъ о всемъ своемъ путешествіи разсказывалъ весьма связно и порядочно, и никакого въ словахъ его противорѣчія не было примѣтно. Глаза только нѣсколько смутными казались. Его Высочество о многихъ обстоятельствахъ самъ изволилъ его распрашивать. Его Превосходительство Никита Ивановичъ также спрашивалъ о многомъ, и давалъ свои разсужденія о американскомъ климатѣ, о невольничествѣ араповъ, и о разныхъ американскихъ произведеніяхъ. Говорили о горѣ Пико на островѣ Тенерифѣ, и потомъ вообще о горахъ. Графъ Александръ Сергѣичъ говорилъ, что всѣ горы однимъ кряжомъ идутъ, въ чемъ я нѣсколько попротиворѣчилъ, потому что это несправедливо. Никита Ивановичъ и гр. Петръ Григорьевичъ разсуждали потомъ о злоупотребленіи у насъ въ раздачѣ чиновъ, о приказныхъ порядкахъ и тому подобномъ. Его Высочество изволилъ сказать тутъ Его Превосходительству Никитѣ Ивановичу: „мнѣ кажется никому такъ хорошо не представить излишнее наблюденье Высочайшаго интереса, и безпорядочной приказной порядокъ, какъ вы представляете“. Разговорились какъ-то о поварахъ и о мясникахъ. Его Высочество изволилъ тутъ молвить: въ поварскомъ и мясничьемъ чину съ жалостливымъ сердцемъ мнѣ кажется быть не можно. Изъ мясниковъ вить и въ палачи выбираютъ.

Вставши изъ за стола изволилъ Его Высочество выкушавши чашку кофе, пойтить со мною въ опочивальню и тамъ попрыгивать. Потомъ жаловался головою, и сталъ очень не веселъ. Не ужинавши и опочивать легъ въ девятомъ часу въ исходѣ.

8. Часу до девятаго Государь пролежалъ въ постелѣ. Тутъ и чай кушалъ безъ молока, съ кренделемъ. Пріѣхалъ лейбъ-медикъ Его Высочества Карлъ Федоровичъ Крузъ, и прописалъ Государю слабительное, которое онъ вставши съ постели и одѣвшись въ фракъ, и принять изволилъ.

Кушалъ Его Высочество въ опочивальнѣ одинъ за маленькимъ столикомъ. Передъ самымъ обѣдомъ поднесъ графъ Алексѣй Григорьичъ Орловъ Великому Князю штуцеръ, у коего стволъ высверленъ четверогранно. Я ходилъ между тѣмъ на часъ въ покои Ея Величества и увидѣвъ тамъ графа Захара Григорьича Чернышова, просилъ его, чтобы приказалъ изъ Военной Коллегіи сообщить (ко мнѣ) всѣ новыя учрежденія и штаты, касающіеся до нашего войска, дабы я, при случаѣ, могъ Его Высочеству подать о томъ понятіе, и ему бы извѣстно было, въ какомъ полки комплектѣ, на какомъ основаніи содержатся, какъ и на какіе сроки чѣмъ снабдѣваются. Его Сіятельство весьма благосклонно обѣщалъ мнѣ то. Пришедъ къ Его Высочеству, сказывалъ я ему о семъ, и онъ весьма былъ доволенъ. За большимъ столомъ разговаривалъ Никита Ивановичъ между протчимъ о настоящей причинѣ смерти блаженныя памяти Государя Петра Великаго. Великой Князь, какъ выше упомянуто, за большимъ столомъ быть не изволилъ, а кушалъ одинъ въ опочивальнѣ часу въ двѣнадцатомъ въ исходѣ.

Изъ за стола Его Превосходительство Никита Ивановичъ и мы всѣ тотчасъ прошли къ нему въ опочивальню. Его Высочество во все время послѣ обѣда изволилъ со мною забавляться, являя чрезвычайную милость, ласку и довѣренность.

На придворномъ театрѣ была сего дня комедія французская: „le jaloux désabusé“. Бомонъ весьма хорошо игралъ ревнивова; балетъ былъ комедіанта Нейвиля; жена его очень хорошо танцовала; вмѣсто маленькой комедіи была комическая опера „le maréchal ferrant“. Я былъ на зрѣлищѣ. Въ половинѣ балета изволилъ Его Высочество прислать за мною. Тотчасъ пришелъ я. Государь изволилъ со мною ходить по опочивальнѣ, и шутить кое о чемъ. О боли своей изволилъ сказывать, что прошла уже. Ужинать изволилъ въ опочивальнѣ-жъ за маленькимъ столикомъ. Я тутъ же ужиналъ и еще только лейбъ-медикъ г. Крузъ. За столомъ весьма веселъ былъ Его Высочество, и меня все изволилъ подчивать. Послѣ кушанья въ девять часовъ изволилъ лечь опочивать. Какъ я поѣхалъ домой, то изволилъ Государь спросить: одинъ-ли я ночую? Я сказалъ, что у меня ночуетъ кадетской капитанъ Арсеній Андреичъ Беклешовъ. Скажи пожалуй, за что ты ево любишь? спросилъ тутъ Государь. „За то, отвѣчалъ я, что онъ не глупъ, имѣетъ головныя (довольныя) знанія, и хорошева поведенія, и человѣкъ доброй; кому пріятель, такъ тово прямо любитъ, вѣренъ тому и надеженъ.“ Поклонись же ему отъ меня, изволилъ сказать Его Высочество. При томъ изволилъ спрашивать меня и о Иванѣ Елизарычѣ Глѣбовскомъ, естьли ему легче, зная, что онъ мнѣ другъ.

9. Государь изволилъ проснуться въ семь часовъ. Одѣвшись сѣлъ за свои ученья. Потомъ изволилъ точить.

Обѣдали у насъ Александръ Петровичъ Сумароковъ, г. Салдернъ и Иванъ Иванычъ Кропотовъ. Я сего дня обѣдалъ у Карлы Федоровича Круза. Передъ обѣдомъ къ Его Высочеству приходилъ кн. Петръ Ивановичъ Рѣпнинъ, пріѣхавшей изъ Ишпаніи. Нѣсколько минутъ только остановясь у Государя, пошелъ онъ съ Его Превосходительствомъ Никитою Ивановичемъ на половину къ Ея Величеству. Послѣ обѣда попрыгаючи, Его Высочество изволилъ сѣсть учиться. Пріѣхавши велѣлъ я принести книгу „la galerie agréable du monde,“ и смотрѣлъ тамъ съ Его Высочествомъ города россійскіе. Потомъ приказалъ Государь подать эстампы г. Фонъ-де-Мейлена, гдѣ изображены походы французскаго короля Людвига XIV. Оные также мы смотрѣли. Послѣ сего изволилъ Его Высочество со мною нѣсколько порѣзвиться. Сѣли ужинать. За ужиною разговаривали мы между протчимъ о графѣ Александрѣ Сергѣичѣ, о бѣдности его посредѣ изобилія. Отъ сего зашла рѣчь и о графѣ Петрѣ Борисовичѣ Шереметевѣ. Разсказывалъ я Его Высочеству о доходахъ его и о состояніи его деревень и экономіи. Послѣ стола въ жолтой комнатѣ самъ-другъ со мною ходя, изволилъ сказывать Его Высочество, что сего дня во весь почти обѣдъ проговорили о Семенѣ Хвостовѣ. Никита Ивановичъ за обѣденнымъ кушаньемъ былъ же. О Семенѣ Хвостовѣ говоря, изволилъ между протчимъ Государь Великой Князь сказать: пуще всево жаль жены ево, что она съ нимъ же несчастлива по ево безпутству, и потомъ еще: пускай хотя Государыня отъ жестокова наказанья ево и избавитъ, (да куды уже онъ дѣнется), кто обходиться съ нимъ будетъ? Вину безъ наказанья оставить можно, (а честь возвратить неможно). Изволилъ также говорить, что онъ прежде ево знавать изволилъ нотнюдь не ожидалъ отъ нево такой сла

бости; что больше не зналъ за нимъ пороку, какъ тотъ, что онъ шепелялъ нѣсколько. Поговоря такимъ образомъ съ полчаса времяни со мною, изволилъ Государь раздѣться и лечь опочивать; десятаго часу была четверть.

10. Его Высочество изволилъ проснуться въ семь часовъ. Одѣвшись, по обыкновенному учился. Передъ обѣдомъ изволилъ смотрѣть новокупленныхъ канареекъ, коихъ сего дня посадили въ птичню.

За столъ сѣли часу въ первомъ въ половинѣ, чѣмъ Государь весьма былъ доволенъ. Обѣдали у насъ изъ стороннихъ Григорій Николаичъ Тепловъ и графъ Александръ Сергѣичъ Строгановъ. Какъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ сказалъ, что насъ сего дня за столомъ мало, то Его Высочество шутя молвить къ тому изволилъ: не прикажете-ли позвать канареечекъ? Потомъ разговаривали о разводѣ графа Александра Сергѣича съ своею съ женою: шутили много о пріятностяхъ ея, о коихъ говорилъ онъ, что другимъ раздаются, а ему ничего недостается. Никита Ивановичъ изволилъ говорить графу Александру Сергѣичу, что напрасно онъ не давъ ничего знать отцу, на такой разрывъ поступаетъ, что онъ послѣ причину имѣть будетъ на то жаловаться, и что весьма прискорбно сіе ему покажется и проч. Его Превосходительство разсуждалъ о комическихъ операхъ, чтобъ надобно ихъ поболѣе напечатать и продавать; чтобъ смотрителямъ вдвое больше отъ того удовольствія было, потому что вся красота ихъ состоитъ въ шуткахъ, въ замысловатыхъ пѣсенкахъ, въ кои вовсе не читаючи прежде, во время представленія вслушиваться трудно и проч. Еще Никита Ивановичъ изволилъ говорить Григорью Николаичу, чтобъ онъ сообщилъ въ Иностранную Коллегію всѣ дѣла по бывшей во владѣніе покойной Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Конференціи. Упоминали присемъ, что между оными дѣлами весьма мало такихъ, кои бы подписаны были покойною Государынею. Его Превосходительство Никита Ивановичъ сказывалъ, что въ Иностранной Коллегіи есть планы политической системы, предлагаемые въ разныя времяна гр. Остерманомъ, Бестужевымъ, и Воронцовымъ, и всѣ похвалялъ ихъ.

Вставши изъ за стола и позабавясь нѣсколько, изволилъ Его Высочество сѣсть учиться. Въ Физикѣ никакого вниманія не примѣчалъ я. У меня нарочито хорошо изволилъ принимать ученія. Ввечеру пошли въ комедію. Комедія была русская: „Сидней“, въ переводу г. Визина, въ стихахъ; балетъ изъ маленькихъ учениковъ; маленькая піэса „въ мнѣніи рогоносецъ“. За ужиною разговаривали мы о комедіи. Его Высочеству сегоднишнее зрѣлище понравилось; особливо понравился крестьянинъ, что въ большой піэсѣ. Откушавши изволилъ Его Высочество лечь опочивать, десятаго часу было десять минутъ.

11. Государь изволилъ проснуться въ семь часовъ. Одѣвшись сѣлъ за свои ученья. По окончаніи оныхъ изволилъ читать древнюю Ролленову Исторію, въ подлинникѣ. Какъ читаючи ее, ненарочно два слипшіеся листа вдругъ перекинулъ, то изволилъ сказать: сказываютъ, что такъ-то нѣкогда дьяконъ, читаючи священное писаніе, два листа вдругъ перекинулъ и не примѣтя того, сряду читалъ: сотвори же Господь Еву изъ ребра Адамова и... помаза ее смолою.“ Аглинской пасторъ г. Демарескъ въ сіе время былъ у насъ и обѣщался заказать для Его Высочества вырѣзать при академіи на дощечкахъ ландкарты, такъ какъ тѣ вырѣзаны, кои онъ поднесъ Государю прошлаго году. Великой Князь весьма много забавляться изволилъ простымъ обхожденіемъ и ухватками

г. Демареска. Потомъ изволилъ пойтить со мною въ опочивальню. Сѣлъ (я) въ креслы, и Его Высочество, сѣвши подлѣ меня, до самаго обѣда изволилъ разговаривать со мною кое о какихъ анекдотахъ.

Сѣли за столъ. Обѣдали у насъ графъ Александръ Сергѣичъ, Александръ Ильичъ Бибиковъ, г. Салдернъ, г. Крузъ, совѣтникъ Набоковъ и Петръ Васильичъ Бакунинъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ читалъ отвѣтную грамоту Шаха персидскаго на нотификацію, сдѣланную отъ здѣшняго Двора о кончинѣ Государя Императора Петра Великаго, во владѣніе Государыни Екатерины Алексѣевны. Въ оной грамотѣ, въ титулѣ Шаховомъ между протчимъ писано: „Сидимъ мы на нашемъ императорскомъ престолѣ поджавши ноги; иногда и лежимъ; шапка у насъ на бекрень. Пьемъ поминутно вино красное; отъ чего голова наша чрезвычайно помутилася, да теперь не воротить уже; просить было (о томъ) поданнымъ нашимъ Всевышняго прежде, пока еще охота къ питью нами не овладѣла“ и проч. Никита Ивановичъ весьма разумно разсуждалъ по семъ о такомъ невѣжествѣ цѣлыхъ народовъ. Разсказывалъ еще, что какъ блаженныя памяти Государь Петръ Великой калмыцкому хану Аюкѣ подарилъ карету, то оной ханъ принималъ у себя въ оной каретѣ сидя пословъ другихъ окрестныхъ владѣльцовъ. Наконецъ изломалось что-то у кареты, и Аюка-Ханъ отправилъ ее и при ней посольство къ Государю, чтобы приказалъ починить ее. Разговаривая вообще о каретахъ упоминали, что во Франціи при Генрихѣ IV ихъ совсѣмъ почти (еще) не было. Никита Ивановичъ изволилъ говорить, что при Государынѣ Аннѣ Іоанновнѣ весьма рѣдкіе и самые только знатнѣйшіе ѣздили въ каретахъ, протчіе въ аглинскихъ половинчатыхъ колясказъ, а молодые люди по большой части верхомъ; что Государь Петръ Великой весьма часто самъ въ одноколкѣ ѣзжать изволилъ. Его Высочество очень былъ веселъ и замысловато шутить изволилъ. Разговорились о вотчинахъ графа Александра Серґѣевича Строганова, и о принадлежащихъ ему городкахъ на Чусовой. Никита Ивановичъ изволилъ говорить, что дѣды Александра Сергѣича и онъ самъ можетъ быть лутче бы сдѣлали и больше прибыли имѣли, естьлибы, подражая примѣру Демидовыхъ, за титулами и за придворными честьми не столько гонялись. Я не знаю порядочно ли (пріятно ли) было такое раздробленіе обстоятельствъ графу Александру Сергѣичу. Спорилъ онъ противъ мнѣнія Его Превосходительства Никиты Ивановича не мало.

Вставши изъ за стола изволилъ точить Его Высочество. Потомъ сѣлъ учиться. У меня очень хорошо учился: повторялъ прежнее. Ввечеру изволилъ Государь быть въ комедіи. Комедія была французская: „le Philosophe marié;“ балетъ г. Нейвиля „la jalousie villageoise;“ вмѣсто маленькой піэсы комическая опера: „молошница.“ Великому Князю все зрѣлище весьма полюбилось. Въ большой піэсѣ не понравилась только комедіянка Вальвильша. Когда она (ни) выйдетъ, изволилъ морщиться и презрительной видъ дѣлая говорить: какая это несносная харя; она ходить совсѣмъ не умѣетъ. Очень похожа на верблюда: не фыркнула бы оборотясь сюда на насъ; про Планшмотшу изволилъ говорить, что у нее всѣ ухватки субреткины, хотя роль и не субреты играетъ. Балетъ Его Высочеству чрезвычайно былъ угоденъ. Изволилъ говорить, что у него руки свербятъ, хлопать хочется, и что ежелибъ Государыни не было, то бы онъ во все время прохлопалъ. Балетъ былъ совсѣмъ новаго вкусу, и гораздо не дуренъ. Возвратясь къ себѣ, изволилъ Его Высочество кушать въ опочивальнѣ за маленькимъ столикомъ. Я тутъ же ужиналъ. Раз-

говорились, между протчимъ, о комическихъ операхъ, потомъ о разборѣ и о вкусѣ. Я говорилъ, что весьма мало такихъ людей, которые бы слѣдуя своему просвѣщенію дѣла судили и давали свои мнѣнія; что большая часть разиня ротъ слушаетъ только, какихъ оные (другіе) судьи мыслей, и пристаютъ къ нимъ не зная ни силы, ни писанія, по слѣпотѣ своей или по подлости; что иные изъ одного только упрямства одно дѣло похваляютъ, другое хулятъ; что можетъ быть и сами увидѣли бы свою ошибку, естьли бы безпристрастно захотѣли подумать; что особливо Его Высочеству надобно остерегаться, чтобы не попасть въ такіе судьи; что не надобно быть упорну въ своемъ мнѣніи; что надобно слушать разсужденія людей разумныхъ и просвѣщенныхъ, однакожъ безъ предупрежденія и слѣпоты, но слушаясь во всемъ чистаго и здраваго разсужденія; что въ Его Высочествѣ все сіе скорѣе примѣчается, нежели въ другомъ, потому что гораздо болѣе глазъ на него смотрятъ, нежели на другаго; что своимъ важнымъ примѣромъ и другихъ недостатки онъ исправить можетъ и скорѣе на нихъ оглянуться заставитъ и проч. Вставши изъ за стола изволилъ Его Высочество опочивать лечь въ исходѣ десятаго часу. Былъ однакожъ во все время терпѣливъ и спокоенъ.

12. Государь изволилъ встать въ началѣ осьмаго часу. За чаемъ разговаривали мы (сего дня) о вчерашней комической оперѣ, также шутили кое о чемъ.

Во время обуванья изволилъ мнѣ Его Высочество продолжать повѣствованія свои о приключеніяхъ въ комнатѣ его, 1759 году случившихся; дошли и до 1760 году, въ коемъ 29-го Іюня опредѣленъ къ Его Высочеству оберъ-гофмейстеромъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ. Государь Великой Князь съ великою подробностью разсказывать мнѣ изволилъ о сей происшедшей по комнатѣ его перемѣнѣ. Я не премину, чтобъ съ равномѣрною подробностью не описать оныя и въ предпріятомъ моемъ сочиненіи о житіи вселюбезнѣйшаго моего Государя, съ самаго нѣжнаго младенчества по десяти-лѣтней его возрастъ, съ коего времяни начались сіи Записки.

Потомъ приказалъ мнѣ Его Высочество читать вслухъ новыя русскія вѣдомости. По окончаніи сего чтенія, пожаловалъ мнѣ на сбереженье поднесенное Его Высочеству покойнымъ графомъ Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ описаніе всѣхъ старинныхъ укрѣпленій и оружій. Одѣвшись, изволилъ сѣсть учиться. Отецъ Платонъ поднесъ Государю диссертацію своего сочиненія о Мелхиседекѣ, о коемъ Его Высочество давно уже у него требовалъ подробнаго изъясненія. Его Преподобіе весьма связно въ оной диссертаціи изобразилъ все извѣстное по Священному Писанію о Мелхиседекѣ. Послѣ ученья изволилъ Его Высочество въ жолтой комнатѣ кругомъ попрыгивать. Показывалъ я больничные чертежи Его Превосходительству Никитѣ Ивановичу и изъяснялъ ему ихъ.

Сѣли за столъ. Гостей у насъ были только князь Петръ Ивановичъ Рѣпнинъ и Его Преподобіе Отецъ Платонъ. Говорили по большой части о Ишпаніи, о зрѣлищахъ ихъ, о Іезуитахъ, о Инквизиціи; о томъ, что изъ благочестія сами сѣкутъ себя и проч. Его Превосходительство Никита Ивановичъ и Отецъ Платонъ весьма благоразумно разсуждали при семъ о суевѣріи.

Послѣ стола Никита Ивановичъ долго съ княземъ Петромъ Ивановичемъ изволилъ ходить самъ-другъ по жолтой комнатѣ. Великой Князь между тѣмъ изволилъ быть въ опочивальнѣ и забавлялся. Въ три часа изволилъ сѣсть учиться. Въ пять часовъ съѣхались маленькіе для маскараду. Въ седьмомъ часу на маскарадъ пошли. Его Высочество много танцовать изволилъ и очень былъ веселъ. Съ маскараду, къ себѣ возвратиться изволилъ въ половинѣ де-

вятаго часу. За ужиною разговаривали по большой части о маскарадахъ, также и о безпокойствѣ тѣхъ людей, кои съ васильевскаго острову сюда заѣхали, а мостъ сего вечера разорвало льдомъ. Его Высочество изволилъ симъ забавляться. Вставши изъ за стола изволилъ лечь опочивать минутъ черезъ двадцать. Былъ десятой часъ въ половинѣ.

13. Государь изволилъ встать въ семь часовъ. Одѣвшись учился. Окончавъ ученія, точить изволилъ.

Сѣли за столъ. Обѣдали у насъ г. Салдернъ и флота генералъ-интендантъ Иванъ Логиновичъ Кутузовъ. За столомъ разговаривали по большой части о маскарадахъ. Его Высочество о самой меньшой дочери графа Петра Григорьича говорить изволилъ, что она танцуетъ безъ кадансу. Его Превосходительство Никита Ивановичъ кушалъ сего дня у княгини Екатерины Романовны (Дашковой).

Послѣ стола попрыгавши, изволилъ Его Высочество сѣсть за свои ученія. У меня очень хорошо учился. Послѣ ученья изволилъ разбирать со мною эстампы Вернетовы. Въ сіе время Никита Ивановичъ, проходя на половину къ Ея Величеству, изволилъ у насъ остановиться, и смотрѣть эстамповъ. Потомъ читалъ я Его Высочеству вчерашнее Отцомъ Платономъ поднесенное разсужденіе о Мелхиседекѣ. За ужиною изволилъ еще разговаривать Его Высочество о вчерашнемъ маскарадѣ. Послѣ стола изволилъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ говорить при Великомъ Князѣ со мною о лѣсовой экономіи, и о ужасномъ трескѣ, когда на Москвѣ-рѣкѣ ледъ взламываетъ. Его Высочество легъ опочивать, десятаго часу была четверть: показалося ему время очень долго, и весьма былъ угрюмъ и недоволенъ.

14. Воскресенье. Его Высочество изволилъ встать въ осьмомъ часу. Одѣвшись, читалъ съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ Святое Писаніе. Часу въ двѣнадцатомъ изволилъ пойтить къ обѣдни; оттуда за Ея Величествомъ во внутренніи покои. Потомъ скоро къ себѣ возвратиться изволилъ.

Сѣли за столъ. Обѣдали у насъ Его Превосходительство Петръ Ивановичъ Панинъ и графъ Александръ Сергѣичъ Строгановъ. Петръ Ивановичъ сказывалъ о вчерашней охотѣ. Онъ ѣздилъ за Ея Величествомъ на чучелы къ Тремъ Рукамъ. Какъ Государыня изволила выстрѣлить въ первой разъ и тетеревъ улетѣлъ, то Петръ Ивановичъ, стоя тутъ же въ шалашѣ, сказалъ: „l'ours est-il mort?“ Ея Величество изволила отвѣтствовать ему: „non, pas encore.“ О семъ упоминается въ оперѣ „les deux chasseurs ou la laitière.“ Разговорились послѣ сего о подполковникѣ Петерзонѣ, выпущенномъ изъ пажей. И какъ тутъ хвалить его стали, то Его Превосходительство Петръ Ивановичъ говорилъ, что можетъ быть онъ къ чему другому хорошъ, а къ военному дѣлу негоденъ, что онъ зналъ его во время прошлой войны, какъ (когда) онъ безпрестанно былъ въ гулевыхъ только, и отъ службы отваливался, хотя и нельзя желать было военному человѣку лутчаго случая, показать услуги свои и отличить себя. Зашла потомъ рѣчь о министрахъ, посылаемыхъ къ чужимъ Дворамъ, и о генералахъ. Его Превосходительство Петръ Ивановичъ говорилъ, что надобно скорѣй желать, чтобъ у насъ побольше было хорошихъ генераловъ и офицеровъ, нежели такихъ министровъ; что ежели министръ такой плохъ, такъ отъ Двора своего во всемъ наставленіями снабденъ быть можетъ; что для того надобно, чтобъ внутри управляющіе большіе министры съ головами были, и что скорѣе безъ добрыхъ фельдмаршаловъ обойтись можно, нежели безъ такихъ первостатейныхъ министровъ; что сожалѣтельно, что не примѣчается у насъ разница, какова есть между нынѣшнею арміею и прежнею; что во время Минниховыхъ походовъ

почти всякой годъ рекрутскіе наборы были, и отцы наши то чувствовали, „а вы, господа, (оборотясь къ графу Александру Сергѣичу говорилъ) о послѣдней войнѣ по газетамъ знали только, что она производилась и проч.“ Какъ графъ Александръ Сергѣичъ сказалъ, что надобно, чтобы у министра секретарь былъ хорошей, то Петръ Ивановичъ говорилъ на то, что прежъ сего также всегда говаривали, что надобно, чтобы въ полку непремѣнно, чтобъ маіоръ былъ человѣкъ исправной, что отъ того все зависитъ; а нынѣ говорятъ, и справедливо говорятъ, что надобно, чтобъ полковники хороши были, то и маіоры и офицеры, подъ ихъ приводствомъ, хороши будутъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ, приставъ къ сему, говорилъ, что подлинно отъ самаго министра зависитъ, чтобъ дѣла хорошо шли; что сколько ему министерскихъ дѣлъ отправлять ни случалось, всегда своими подчиненными былъ онъ доволенъ; что естьлибъ по Иностранной Коллегіи министръ теперь сказалъ, что дѣлъ исправлять не кѣмъ, тобъ самаго такого выгнать достойно и проч.

Вставши изъ за стола изволилъ Его Высочество попрыгать, и коечѣмъ забавляться. Ввечеру изволилъ пойтить на куртагъ. Ея Величество на куртагѣ быть не изволила. Разговаривалъ Великой Князь съ лордомъ Букингамомъ, (съ гр. Герейріа), съ кн. Лобковичемъ, съ кн. Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ вице-канцлеромъ, съ гр. Матюшкинымъ. Ретировавшись приказалъ Никита Ивановичъ, чтобъ Его Высочество прежде половины девятаго часу ужинать никогда не садился, что не весьма пріятно было. Ужинъ былъ скученъ. Послѣ ужины, какъ Государь поразвеселился, пожурилъ я его нѣсколько и представилъ ему о его нетерпѣніи. Изволилъ слушать съ примѣчаніемъ. Опочивать легъ въ половинѣ десятаго.

15. Государь изволилъ проснуться въ семь часовъ. Одѣвшись учился, какъ обыкновенно. Передъ обѣдомъ поднесъ фельдмаршалъ графъ Минихъ Его Высочеству новое изданіе житія славныхъ мужей, сочиненія господина Шоффена. Смотрѣли оную книгу.

Сѣли потомъ за столъ. Фельдмаршалъ Минихъ уѣхалъ. Обѣдали у насъ г. Салдернъ и г. Крузъ и изъ господъ Иностранной Коллегіи Стахѣевъ, Бакунинъ и Набоковъ. Его Высочество, примѣтя, что я господину Стахѣеву о упоминаемой 11 числа сего мѣсяца персидской грамотѣ сказываю, перехватилъ у меня рѣчь и изволилъ самъ все подробно разсказывать. Какъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ, будучи не очень здоровъ, про иныя кушанья у г. Круза спрашивалъ, можно-ли ему ѣсть ихъ, то Его Высочество изволилъ сказать къ тому: я слыхалъ, что одинъ такъ-то все спрашивался у докторовъ, можно-ли ему то ѣсть, можно-ли другое ѣсть. Доктора все запрещали, и онъ всталъ изъ за стола голодной. Я боюсь Никита Иванычъ, чтобы и съ вами этова не сдѣлалось. У меня сего дня болѣлъ палецъ, и сверхъ того рѣзать я за столомъ не весьма великой охотникъ. Государь Великой Князь забавляяся, всякое блюдо нарочно изволилъ присылать ко мнѣ, чтобы я разрѣзывалъ и раскладывалъ. Потомъ изволилъ сказать припрыгиваючи на стулѣ, (по своему обыкновенію, когда очень веселъ): бѣдной Порошинъ, какъ же трудитца!

Вставши изъ за стола изволилъ Его Высочество выкушать чашку кофе. Не принимаясь еще за чашку, изволилъ спросить кофешенка: што́, была ли въ апробаціи? Прежде нежели поднесутъ кофе Его Высочеству, изволитъ обыкновенно отвѣдывать его Никита Ивановичъ. Потомъ нѣсколько порѣзвясь, изволилъ Великой Князь сѣсть учиться. У меня хорошо учился. Послѣ ученья пошли въ комедію.

Комедія была французская: „Démocrite à la cour;“ балетъ прежней же Нейвилевъ; маленькая піэса „le Deuil.“ Пришедъ къ себѣ, изволилъ Его Высочество забавляясь подражать нѣкоторымъ представленіямъ, кои сего дня въ комедіи видѣлъ. За ужиной разговорились мы между протчимъ о благополучіи, и я говорилъ, что до настоящаго благополучія ничѣмъ инымъ достигнуть не можно какъ добродѣтелію; что ничто не можетъ сравниться съ душевнымъ тѣмъ спокойствомъ и удовольствіемъ, которыя чувствуетъ человѣкъ добродѣтельной и проч. Послѣ ужины разсказывалъ я Его Высочеству, какимъ образомъ блаженныя памяти Государь Петръ Великой Алексѣя и Михайла Петровичей Бестужевыхъ послалъ въ чужіе краи, взявъ ихъ у отца ихъ, которой былъ дворянинъ весьма не богатой, и къ Государю вхожъ съ самаго его младенчества; какіе отъ сего выбору послѣ видѣлъ успѣхи; и другія о семъ подробности. Опочивать изволилъ лечь Его Высочество около половины десятаго часу.

16 Государь проснулся въ шестомъ часу. Съ постели изволилъ встать въ семь часовъ. Гнѣвался на парикмахера своего, что опоздалъ пріитить. Разсказывалъ я Его Высочеству о имянитомъ Картезіи, что онъ упражнялся между протчимъ нѣсколько лѣтъ въ анатоміи, такъ что какъ нѣкогда ученой человѣкъ будучи у него просилъ, чтобы онъ показалъ ему (свою) библіотеку, то онъ повелъ его въ особую комнату, и вмѣсто всей библіотеки показалъ ему разсѣченнаго теленка, говоря, что въ томъ нынѣ состоитъ вся его библіотека. Разговорились мы (потомъ) съ Его Высочествомъ, что иногда говорятъ про ково-нибудь: „въ немъ ни на полушку совѣсти нѣтъ“. Я говорилъ, что такая брань отъ бѣднова человѣка сносняе, нежели отъ богатова, потому что въ глазахъ богатова полушка гораздо меньше почитается, нежели въ глазахъ бѣднаго человѣка. Его Высочество долго изволилъ симъ забавляться, и послѣ обѣда вспоминалъ о томъ. Разхаживать изволилъ съ полчаса времяни со мною по жолтой комнатѣ и открывать мнѣ наисокровеннѣйшія свои тайны. Часовъ около десяти изволилъ сѣсть учиться. Послѣ ученья попрыгивалъ въ учительной, и какъ къ столу подойтить изволилъ, у коего я сидя держалъ въ рукахъ древнюю Ролленову Исторію, то хвалилъ я Государю сію книгу и говорилъ, что надобно читать ему ее со вниманіемъ.

Сѣли потомъ за столъ. Обѣдали у насъ гр. Александръ Сергѣичъ Строгановъ, г. Салдернъ, Александръ Стахѣичъ и Набоковъ. За столомъ говорили по большой части о зрѣлищахъ и о комедіянтахъ. Никита Ивановичъ подтрунивая изволилъ говорить, чтобъ не худо было, естьли бы гр. Александра Сергѣича сдѣлали дeректоромъ всѣхъ при Дворѣ увеселеній.

Послѣ стола прочелъ я Его Высочеству въ лѣтописицѣ г. Ломоносова краткое изображеніе, какихъ свойствъ былъ Государь Петръ Великой, его прадѣдъ. Примѣтя, что изволилъ слушать охотно, прочолъ я тоже еще два раза. Иванъ Ивановичъ Бецкой принесъ отъ Ея Величества къ Великому Князю бриліантовой аграфъ, пристегивать кавалерію. Въ четвертомъ часу сѣлъ Великой Князь учиться. Послѣ ученья твердилъ Его Высочество съ танцовщикомъ Гранжé ролю свою для балета. Послѣ, порѣзвясь нѣсколько, изволилъ ходить со мною взадъ да впередъ по жолтой комнатѣ и разговаривать. Въ полдевята часа сѣли мы ужинать. За столомъ по большой части разговаривали мы объ ономъ кавалерскомъ балетѣ, въ коемъ положено танцовать и Его Высочеству. Въ полдесята часа изволилъ Государь лечь опочивать.

17. Государь изволилъ проснуться въ осьмомъ часу. За чаемъ изволилъ шутить со мною кое о чемъ. Во время обуванья

продолжалъ повѣствованіе свое о 1760 годѣ, которое я записывалъ. Потомъ изволилъ распѣвать французскія пѣсеньки. Повторялъ вытверженныя въ Расинѣ стихи изъ роли Иполитовой:

Je me suis engagé trop avant etc.

Одѣвшись изволилъ пойтить со мною въ жолтую компату. Тамъ изволилъ разсказывать мнѣ Его Высочество о многихъ офицерахъ, о коихъ представлялъ онъ себѣ, что они у меня въ полку: въ числѣ оныхъ и самъ себя имяновать изволилъ порутчикомъ. Между тѣмъ попрыгивалъ Его Высочество. Прочолъ я ему сего утра то мѣсто въ Волтеровой исторіи, гдѣ упоминается, что Государь Петръ Великой, по взятіи Азова о томъ весьма сожалѣлъ, что употребленныя во время осады суда построены были чужестранцами, и служили (на оныхъ) чужестранцы, что своихъ еще тогда искусныхъ морскихъ людей не было. Пришло тутъ къ намъ извѣстіе, что снигирекъ въ птичнѣ разшибся. Его Высочество ходилъ смотрѣть, и весьма сожалѣлъ. Подъѣхалъ на ту пору г. Фузадье, и Государь весьма прилежно просилъ его, чтобъ, ежели можно, снигирьку подать помощь. Въ десятомъ часу въ исходѣ изволилъ сѣсть учиться. Прислана изъ академіи указная книжка прошлаго 1763 году перьвая половина.

Сѣли за столъ. Обѣдали у насъ только Иванъ Перфильичъ Елагинъ и г. Салдернъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ не весьма веселъ былъ, и ни до какихъ почти разсужденій не доходило. Зашла только рѣчь о Царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, и Никита Ивановичъ спрашивать у меня изволилъ, въ которомъ году пятой былъ бунтъ Стрѣлецкой, о чемъ я доносилъ Его Превосходительству. Еще сказывалъ я Его Высочеству о праздникѣ, которой въ Вѣнѣ сдѣланъ былъ для его прадѣдушки Цесаремъ Леопольдомъ. Сей праздникъ старинной въ Германіи и называется Виртшафтъ. Государь Петръ Великой наряжонъ былъ тогда фрисландскимъ крестьяниномъ.

Отобѣдавши Его Высочество изволилъ ходить въ тотъ на ту половину покой, гдѣ портреты всей фамиліи Романовыхъ и другихъ предковъ его разставлены. Въ четвертомъ часу изволилъ сѣсть учиться. У меня очень хорошо учился. Разсуждаючи со мною о ломаныхъ числахъ, Его Высочество шуточное примѣчаніе сдѣлать изволилъ, что естьли бы изъ имянъ и отечествъ нашихъ сдѣлать доли, тобъ тѣ, у коихъ имяна равны съ отечествомъ, равны(бъ) были цѣлому, напримѣръ Иваны Иванычи, Степаны Степанычи и проч. И изъ Павла Петровича (вышла бы) доля. Потомъ пришолъ новой фехтовальной мастеръ Французъ Тедъ, и въ перьвой разъ училъ Его Высочество. Великой Князь учился уже и прежде, но давно пересталъ. Прежней учитель фехтовальной Тремамундо уѣхалъ въ Англію. Потомъ изволилъ Его Высочество бѣгать и забавляться въ жолтой комнатѣ. Его Превосходительство Иванъ Ивановичъ Бецкой принесъ къ Его Высочеству три медали, золотую, серебряную и бронзовую, сдѣланныя на воспитательной домъ въ Москвѣ. Въ прошломъ мѣсяцѣ упоминалъ я о сихъ (медаляхъ). Въ комедіи Государь быть не изволилъ сего дня. Комедія была русская: „школа мужей;“ балетъ изъ маленькихъ учениковъ; маленькая піэса: „тройная женитьба“. Большую піэсу весьма изрядно играли, особливо Шумской отличалъ себя. За ужиной разговаривать изволилъ Его Высочество о кавалерскомъ балетѣ и о фигурантахъ, кои въ немъ будутъ. Въ половинѣ десятаго часу изволилъ лечь опочивать.

18. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись учился.

Послѣ ученья порѣзвясь, изволилъ пойтить за столъ. Обѣдали у насъ Его Сіятельство вице-канцлеръ, графъ Иванъ

Григорьичъ Чернышовъ и г. Салдернъ. Какъ графъ Иванъ Григорьичъ между протчимъ сказывалъ, что въ одно время на Средиземномъ морѣ воссмь человѣкъ Мальтизцовъ двѣсти Турковъ прогнали, то Государь изволилъ на то молвить: естьли бы не Ваше Сіятельство это сказывали, я бы не повѣрилъ. Послѣ мнѣ изволилъ говорить Его Высочество, что онъ нарочно сказалъ такъ графу Ивану Григорьичу, чтобы показать, что онъ болѣе ему вѣритъ, нежели другому, и притомъ изволилъ спросить меня: я чаю и ты братецъ ему больше повѣришь, нежели другому, такъ какъ и я? На сіе подтвердительнымъ конечно я отвѣтствовалъ.

Послѣ кушанья принесли отъ Ивана Иваныча Бецкова новой токарной станокъ, и онъ самъ пришедъ показывалъ разныхъ инструментовъ употребленіе. Въ четвертомъ часу изволилъ Государь сѣсть учиться въ опочивальнѣ, для того, что въ учительной комнатѣ оной станокъ уставливали. У меня очень хорошо учился. Въ шестомъ часу изволилъ Его Высочество пойтить въ комедію. Комедія была французская: „le magnifique;“ балетъ Толатовъ съ деревяшками; маленькая піэса „le Procureur arbitre.“ Пришедши изъ комедіи, долго Его Высочество изволилъ работать и забавляться около новаго токарнаго станка. Комедія очень рано сего дня кончилась. Ужинали у насъ графъ Александръ Сергѣичъ и г. Стахѣевъ. Графъ Александръ Сергѣичъ разсказывалъ по большой части о каталогахъ своего сочиненія, и говорилъ, что послѣ многіе подъ имянемъ его выходили и весьма оскорбительные. Его Высочество изволилъ сказать на то: это вить и подлинно досадно; люди ни дай ни вынеси за што будутъ сердиться. Разговорясь о людяхъ, кои много въ дѣлахъ и въ важныхъ разсужденіяхъ упражняются, говорилъ я Его Высочеству, что у такихъ людей обыкновенно и физіономія бываетъ важнѣе и почтеннѣе, нежели у людей праздныхъ и легкомысленныхъ. На сіе изволилъ сказать: вотъ еще, какъ размазалъ. Доходило слово и до математики, которой пользу и повсемѣстную необходимость описывалъ я Государю, сколько пристойность случая дозволила, вмѣшивая тутъ же и шутки, дабы размягчить матерію и не отворотить (отвратить) вниманія. Послѣ ужины Его Высочество изволилъ еще около станка трудиться. Въ десятомъ часу въ половинѣ легъ опочивать.

19. Государь изволилъ встать въ семь часовъ. Одѣвшись учился. Послѣ точилъ. Передъ обѣдомъ пришолъ съ той половины камергеръ Григорій Николаичъ Строгановъ. Его Высочество усмѣхаться изволилъ на меня глядя, намекая мнѣ объ одномъ дѣлѣ. Строгановъ къ тому же улыбался. Государь, отведши меня, изволилъ говорить: не смѣшно-ли это, смѣетца, не зная самъ чему. Почему ему о нашихъ дѣлахъ вѣдать?

Сѣли за столъ. Обѣдали у насъ помянутой камергеръ Строгановъ, Александръ Ильичъ Бибиковъ, и г. Салдернъ и г. Стахѣевъ. Разговаривали между протчимъ о худой у насъ въ партикулярныхъ домахъ экономіи.

Послѣ обѣда изволилъ Государь точить. Потомъ учился. Въ седьмомъ часу пошли на маскарадъ. Изъ маленькихъ въ свитѣ Его Высочества не доставало графовъ Разумовскихъ и Олсуфьева, коимъ за льдомъ съ васильевскаго острову переѣхать нельзя было. Съ маскараду пришли въ началѣ девятаго часу, и Его Высочество очень доволенъ былъ, что не поздно. За ужиной разговаривали о маскарадѣ. Потомъ зашла рѣчь о князьяхъ Дондуковыхъ и проч Опочивать изволилъ Государь лечь въ половинѣ десятаго часу. До полуночи не могъ хорошенько заснуть: все просыпался. Въ перьвомъ часу заопочивалъ уже изрядно.

20. Его Высочество изволилъ проснуться въ осьмомъ часу. Одѣвшись по обыкновенному учился.

Обѣдалъ у насъ сего дня только графъ Захаръ Григорьичъ. За обѣдомъ разговаривали долго о химіи, и о исканьи философическаго камня, о продолженіи жизни человѣческой, и тому подобномъ. Я при семъ случаѣ сказывалъ о Картезіевыхъ въ семъ дѣлѣ, т. е. чтобъ жизнь продолжить положенныхъ стараніяхъ, также и о невозможности, чтобы найтить оной философической камень. Его Превосходительство Никита Ивановичъ сказывать изволилъ о сысканномъ въ Швеціи способѣ превращать овесъ въ рожь.

Послѣ стола читалъ я сочиненной мною, отъ имяни Его Высочества къ Отцу Платону, отвѣтъ на его разсужденіе о Мелхиседекѣ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ и графъ Захаръ Григорьичъ слушали, и по окончаніи показывали свою апробацію. Его Превосходительство Никита Ивановичъ приказалъ, чтобъ Его Высочество оной отвѣтъ подписать изволилъ. Потомъ запечатавъ, послалъ я его къ Его Преподобію. До запечатанія еще приказалъ мнѣ Его Высочество, чтобъ я въ другой разъ ему прочолъ. Читалъ я, и онъ съ великимъ вниманіемъ изволилъ слушать. Часу въ четвертомъ сѣлъ учиться. У меня очень хорошо учился. Послѣ ученья въ жолтой комнатѣ изволилъ, на канапе со мною сидя, разговаривать и забавляться. Предъ ужиной уѣхалъ я на свадебной балъ къ камерфурьеру Василью Кирилычу Рубановскому. Его Высочество послѣ изволилъ сказывать мнѣ, что вскорѣ послѣ меня изволилъ сѣсть кушать, и ничего достопамятнаго не происходило. Опочивать легъ въ десятомъ часу.

21. Воскресенье. Государь встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись читалъ съ Отцомъ Платономъ Священное Писаніе. Его Преподобіе весьма благодарилъ Государя за присланное вчерась письмо. Потомъ разспрашивать меня изволилъ Его Высочество, какъ вчерашней у Рубановскаго балъ происходилъ, и кто былъ. Разсказывалъ я ему обо всемъ подробно. Въ двѣнадцатомъ часу пойтить изволилъ къ обѣдни. Отъ обѣдни проводя Ея Величество, прійтить изволилъ Государь въ свои покои.

Обѣдали у насъ сего дня гр. Кирила Григорьичъ Разумовской, гр. Петръ Александрычъ Румянцовъ, Его Сіятельство вице-канцлеръ, гр. Григорій Григорьичъ Орловъ, гр. Александръ Сергѣичъ Строгановъ и Иванъ Логиныч Кутузовъ. Государыня изволила кушать въ галлереѣ съ офицерами гвардіи семеновскаго полку, потому что сего дня праздникъ онаго полку церкви, Введенія во Храмъ Пресвятыя Богородицы. У насъ за столомъ разсказывали между протчимъ, что въ Новѣгородѣ особливой недавно сдѣлался случай: волости гр. Алексѣя Григорьича Разумовскаго мужикъ убитъ до смерти. Подозрѣніе пало на двухъ родныхъ братей, и такъ по обстоятельствамъ выходило, что которой нибудь одинъ изъ нихъ убійца. Привели обоихъ предъ судъ, и каждой снимаетъ дѣло на себя, оправдывая другаго, дабы избавить его отъ казни. Тутъ разсказывалъ гр. Григорій Григорьичъ о подобномъ великодушномъ примѣрѣ, которой случился въ Англіи съ убійцею же. Разговаривали, какъ въ Англіи вѣшаютъ, подвозя на фурахъ подъ висѣлицы. Никита Ивановичъ изволилъ разсказывать о мошенникѣ одномъ въ Англіи, которой оправдался было, потому что имѣлъ чрезвычайно быстраго у себя бѣгуна. Еще разговорились о комъ-то, въ шарфѣ ли онъ сего дня былъ, или безъ шарфу. Его Высочество изволилъ говорить, что конечно въ шарфѣ. И какъ говорили, что (когда) Его Высочество успѣлъ это примѣтить, то онъ сказать на то изволилъ: мнѣ потому примѣтно, что глаза мои всякому взрослому человѣку въ самой поясъ придутъ. Еще также къ рѣчи за столомъ Его Высочество сего дня сказать изво-

лилъ: въ отвѣтѣ иногда запнуться можно, а въ вопросѣ мнѣ кажется сбиться никакъ не возможно. Издѣвалися долго надъ выговоромъ графа Петра Александрыча, и шутили, что онъ по-русски говоритъ совсѣмъ какъ нѣмецъ.

Послѣ стола изволилъ точить Великой Князь: и послѣ въ жолтой комнатѣ попрыгивалъ, и на канапе со мною сидя разговаривалъ. Также изволилъ читать комедію: „le magnifique.“ Ввечеру изволилъ ходить на куртагъ. Съ куртагу пришедши великіе хлопоты были, чтобъ сѣсть по-скорѣй ужинать. Наконецъ сѣли и разговаривали за ужиной о балетѣ, о московскомъ житьѣ нашемъ и о ломберѣ. Послѣ ужины изволилъ Его Высочество разговаривать, какъ мы нынѣшнимъ лѣтомъ въ Сарскомъ селѣ жили и тамъ время провождали. Въ половинѣ десятаго часу Государь изволилъ лечь опочивать.

22. Его Высочество проснуться изволилъ въ осьмомъ часу. За чаемъ по большой части изволилъ шутить со мною. Во время обуванья разговаривалъ о вышепомянутомъ, на словахъ только пребывающемъ, полку, въ которомъ меня представлять себѣ изволилъ полковникомъ. Воображалъ себѣ Государь и забавлялся, какъ бы онъ поѣхалъ въ Москву, естьли бы я его отпустилъ въ отпускъ, или бы послалъ за какимъ для полку подрядомъ. Сказывалъ я при семъ Его Высочеству о указѣ блаженныя памяти Государя Петра Великаго, чтобы на двадцать девять дней отпускать за законными нуждами, о чемъ Государю Великому Князю по сіе время не было еще извѣстно. За убираньемъ волосовъ изволилъ Государь читать комическую оперу: „On ne s'avise jamais de tout“ и всево чаще пѣлъ оттуда окончанія арій: c'est en vain qu'on subtilise, on ne s'avise jamais de tout etc. Потомъ изволилъ пойтить въ жолтую комнату. Побѣгавши тамъ кругомъ, сѣлъ со мною на канапе, изволилъ забавляться и разговаривать о своихъ тайнахъ. Въ десять часовъ изволилъ сѣсть за ученье. Отучась, за токарнымъ станкомъ сидѣлъ и громотни дѣлалъ не мало.

Пошли за столъ. Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ только Григорій Николаевичъ Тепловъ. Разговаривали о театральныхъ позорищахъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ разсуждать изволилъ, что бы еще до оныхъ позорищъ страстнѣе были, естьлибы за входъ платили деньги; въ такомъ бы случаѣ всякой смотрѣлъ съ большимъ примѣчаніемъ, и болѣе къ представленію прилѣплялся. Григорій Николаичъ между протчимъ упомянулъ тутъ, что славной профессоръ Эйлеръ до театральныхъ зрѣлищъ великой охотникъ. Его Высочество поспорилъ ему въ томъ, говоря, что онъ отъ меня слышалъ, что король прусской въ стихотворческихъ своихъ сочиненіяхъ: „Oeuvres du philosophe de Sans-souci, épitre à Schwerts,“ представляетъ онаго Эйлера совсѣмъ не чувствительнымъ къ таковымъ зрѣлищамъ, и пишетъ, что какъ его въ одно время пріятели вытащили на трагедію, то онъ посидѣвъ нѣсколько времяни нахмурившись, и вымѣрявъ повидимому глазомѣромъ пространство и фигуру театра, и вычисливъ самъ въ себѣ, какъ голосъ до слуху человѣческаго доходитъ, хлопнулъ дверью и ушолъ, недослушаючи самаго прекраснаго мѣста въ трагедіи. Никита Ивановичъ изволилъ сказывать о Иванѣ Ивановичѣ Неплюевѣ, что онъ въ глубокой своей старости положенье нынѣ сдѣлалъ, чтобы ѣхать самому на Украину, развести тамъ конской заводъ, и побывъ тамъ года три, приведя все въ порядокъ, пріѣхать сюда, и здѣсь живучи, плодами отъ онаго заведенія пользоваться При томъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ говорилъ, что и Иванъ Иванычъ въ свое время человѣкъ былъ гораздо не глупой и дѣловой; особливо похвалялъ сочиненной имъ во владѣніе Императрицы Анны Іоанновны, по приказанію графа

Остермана, указъ о выкупѣ по закладѣ имѣній, называя оной указъ сочиненіемъ весьма благоразумнымъ и достойнымъ быть въ законахъ государства просвѣщеннаго. Сей указъ послѣ отмѣненъ, какъ Никита Ивановичъ изволилъ сказывать, по предложенію кн. Никиты Юрьевича.

Вставши изъ за стола, Его Высочество въ желтой комнатѣ изволилъ попрыгивать. Никита Ивановичъ съ Тепловымъ вышелъ въ учительную и разговаривалъ на-единѣ; я съ Тимофеемъ Иванычемъ поѣхалъ посмотрѣть Невы-рѣки и прокатиться. Пріѣхали мы чрезъ полчаса времяни. Рѣка противъ седьмой линіи стала, и вверху (ввечеру) къ невскому монастырю стала, а о срединѣ шло мелкое сало и переѣзжали водою. Въ половинѣ четвертаго часу Государь изволилъ сѣсть учиться. У меня не очень хорошо учился, и вотъ отъ чего вся бѣда произошла: вошли мы въ учительную, тутъ бѣгали Его Высочества двѣ собачки, (Ему хотѣлося,) чтобъ онѣ тутъ остались, а мнѣ этова не хотѣлось, для того что при ученьи надобно думать о ученьи, а не о собачкахъ. И такъ сдѣлалась у насъ распря; я поупрямился и собачекъ выгналъ. Отъ сего родилось неудовольствіе и въ ученьи нетерпѣливость; не могли мы собрать своего вниманія, и за это гораздо поссорились. Ввечеру была сего дня при Дворѣ французская комедія „le contre-tems;“ балетъ съ саботами; маленькая піэса „le Tuteur.“ Его Высочество быть тамъ не изволилъ. Я ходилъ туда на часъ (времяни.) Пришедши, нашолъ Его Высочество за токарнымъ станкомъ. Вскочивши, онъ меня изволилъ поглаживать и поцѣловывать, старался загладить свою погрѣшность. Сѣли мы ужинать. Ужинали у насъ Александръ Стахѣичъ и разговаривали о здѣшнихъ и о Стокгольмскихъ французскихъ комедіянтахъ. Его Высочество изволилъ все со мною зашучивать. Послѣ ужины, въ десятомъ часу въ половинѣ, изволилъ лечь опочивать.

23. Его Высочество изволилъ проснуться въ семь часовъ. Одѣвшись, по обыкновенному учился. Послѣ точить изволилъ. Токарной мастеръ французъ Моріель [Мюріель] былъ у насъ, устанавливалъ станокъ и Его Высочество изволилъ съ нимъ разговаривать.

Обѣдали у насъ сего дня только Григорій Николаичъ Тепловъ и г. Салдернъ. За столомъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ разсуждать изволилъ о разныхъ для воспитанія заведеніяхъ.

Послѣ обѣда позабавясь, Его Высочество изволилъ сѣсть учиться.

Послѣ ученья приносили разныя продажныя книги, по большой части комедіи и оперы. Государь изволилъ многія для себя отобрать и приказалъ спросить о цѣнѣ. Жаловался Его Высочество, что не очень здоровъ. Ходилъ однакожъ ввечеру къ Государынѣ.

Ея Величество сего дня быть изволила въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ подъ смотрѣніемъ княжны Долгоруковой воспитываются благородныя дѣвицы. Изволила спрашивать шутя у Великаго Князя, не хочетъ-ли онъ тутъ же жить съ оными дѣвушками. Его Высочество изволилъ отвѣчать, что нѣтъ, а потомъ отворотясь къ камеръ-юнкеру Бибикову, изволилъ смѣючись сказать: есть ли бы тамъ были мальчики, то бъ я охотно пошолъ туда жить; потому что я люблю уединеніе.

Ея Величество изволила играть въ карты. Его Высочество двѣ партіи въ биліардъ сыграть изволилъ съ графомъ Николаемъ Александровичемъ Головинымъ. Пришедъ къ себѣ, покушавши слегка, изволилъ лечь опочивать въ началѣ десятаго часу, жалуясь все, что не очень здоровъ.

24. День тезоимянитства Ея Императорскаго Величества. Его Высочество встать изволилъ въ осьмомъ часу. Одѣвшись, съ Отцомъ Платономъ читалъ

Священное Писаніе. Потомъ изволилъ пойтить къ Ея Величеству. Оттуда къ обѣдни. Отъ обѣдни, проводя Ея Величество во внутренніе покои, изволилъ пойтить къ себѣ и нѣсколько покушалъ. Изволилъ потомъ со мною долго глядѣть въ окошко и разговаривать.

Между тѣмъ поставили на столъ кушанье у Ея Величества. Изволилъ Государь пойтить туда кушать. Мы всѣ обѣдали у себя, за Его Высочества столомъ. Гость у насъ былъ только гофмаршалъ князь Николай Михайловичъ Голицынъ. Пожалованы сего дня, между протчими, ко Двору Ея Императорскаго Величества въ камеръ-юнкеры полковникъ князь Бѣлосельской и графа Александръ Борисовича Бутурлина генералъ-съ-адъютантъ Александръ Зеновьевъ.

Откушавши, Его Высочество тотчасъ изволилъ прійтить къ себѣ. Попрыгивать изволилъ и забавляться. Сѣлъ потомъ на канапе, и приказалъ Андрею Ангиленчу Грекову разсказывать себѣ, какъ къ нему въ Москвѣ воры приходили. Пришолъ танцовщикъ Гранжé. Съ нимъ Его Высочество изволилъ протанцовать три минуета, и протвердить роль свой изъ балета. Потомъ долго изволилъ ходить со мною по учительной комнатѣ взадъ да впередъ и разговаривать. Въ исходѣ седьмаго часу изволилъ пойтить къ Государынѣ. Побывъ тамъ нѣсколько времяни, на балъ пошли. Его Высочество балъ открыть изволилъ съ штатсдамою графиней Алексѣевной Матюшкиной. Потомъ изволилъ танцовать два раза съ Анной Алексѣевной Хитровой, послѣ съ Анной Никитишной Нарышкиной. Чрезъ часъ времяни прійтить на балъ изволила и Ея Императорское Величество. Государь изволилъ тутъ еще танцовать съ княгиней Дарьей Алексѣевной Голицыной и съ фрейлиной графиней Анной Петровной Шереметевой. Ея Величество скоро изволила сѣсть въ другой комнатѣ играть въ ломберъ съ гр. Кирилой Григорьевичемъ Разумовскимъ и съ графомъ Григорьемъ Григорьичемъ Орловымъ. Въ продолженіи бала изволилъ Его Высочество разговаривать съ Его Сіятельствомъ вице-канцлеромъ, съ тремя братьями графами Чернышовыми, съ Иваномъ Лукьяновичемъ Талызинымъ, съ генераломъ кн. Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ и со мною. Въ концѣ бала изволилъ Государь ходить въ другую комнату отдыхать. Въ десятомъ часу великое появилось нетерпѣніе, что Государыня (долго) за столъ пйтить не изволитъ. Я примѣтя сіе подходилъ неоднократно къ Государю, и сколько въ публикѣ благопристойность дозволяла уговаривалъ его, чтобъ преодолѣлъ себя; что хотя и успѣвало нѣсколько, однако не совсѣмъ.

Пошли наконецъ за столъ. Съ Государынею въ парѣ сидѣлъ аглинской посолъ лордъ Букингамъ. Съ Его Высочествомъ сидѣла оберъ-гофмейстерина Алёна Александровна Нарышкина. Между ими сидѣлъ Никита Ивановичъ и раскладывалъ Его Высочеству кушанье. У Ея Величества былъ десятой номеръ, а у Его Высочества одиннадцатой.

Въ окончаніи стола Государю опять скучилось, и слезки почти начали показываться, что мнѣ весьма прискорбно было. Возвращаясь во внутренніе Его Высочества покои, говорилъ я о семъ Его Превосходительству Никитѣ Ивановичу. Онъ также скорбѣлъ о томъ не мало. Пошедъ къ себѣ, приказалъ и просилъ, чтобъ я съ господиномъ Остервальдомъ гораздо выговорилъ о томъ Государю, покамѣсть онъ раздѣваться изволитъ. Говорили мы ему о томъ довольно; старался я употребить все свое велерѣчіе, чтобы представить ему, какое отъ таковыхъ неодумчивыхъ въ публикѣ поступокъ для него произойтить можетъ безславіе, и какъ народныя сердца тѣмъ отвратить отъ себя можетъ. Признаться должно, что Его Высочество слушалъ о семъ съ прискорбностію и сожалѣніемъ, и заклинался, чтобъ никогда того болѣе не дѣлать. Въ постелю Государь изво-

лилъ лечь, былъ одиннадцатой часъ въ исходѣ.

25. Государь изволилъ встать въ семь часовъ. Одѣвшись сѣлъ за обыкновенныя свои ученія. Послѣ ученья точить изволилъ.

Сѣли за столъ. Обѣдали у насъ только г. Салдернъ и г. Стахѣевъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ сказывать изволилъ о смерти господина Гольдбаха. Учинилъ онъ по себѣ наслѣдникомъ во всемъ имѣніи своемъ Канцеляріи совѣтника Бока. Профессоръ Миллеръ, будучи у Никиты Ивановича говорилъ, что онъ счастью г. Бока не завидуетъ; однако то вѣдаетъ, что онъ покойному Гольдбаху всегда болѣе былъ пріятель, нежели Бокъ; чѣмъ болѣе всего показывалъ свою зависть. Послѣ Никита Ивановичъ г. Стахѣева изволилъ распрашивать объ обстоятельствахъ дѣлъ шведскихъ, и разсуждалъ о многихъ тамошнихъ учрежденіяхъ.

Послѣ стола попрыгавъ Его Высочество изволилъ сѣсть учиться. У меня очень хорошо учился. Ввечеру изволилъ пойтить на оперу. Опера была италіянская: „Карлъ Великой"; балетъ большой господина Гранже́ „Аполлонъ и Дафна". Въ оперѣ битва Его Высочеству очень понравилась. О иныхъ кадетахъ изволилъ спрашивать меня, какъ зовутъ ихъ. Впротчемъ о итальянскихъ операхъ изволилъ Государь говорить, что онѣ ему не нравятся; что ни одной оперы нѣтъ, въ коей бы тюрьмы не было; что Карлъ Великой нимало не похожъ на Карла Великаго, и тому подобное. Еще въ оперѣ же Его Высочество разсужденіе сдѣлать изволилъ, что запрещеннаго всегда намъ хочется, и что это основано въ человѣческой натурѣ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ услышавъ, что русской танцовщикъ Тимофей ѣдетъ въ чужіе краи, изволилъ говорить мнѣ, на какомъ бы его основаніи послать должно. Потомъ Его П евосходительство сдѣлалъ мнѣ честь, весьма повѣренно разговаривать со мною объ учрежденіяхъ и дѣлахъ во владѣніе Императрицы Анны Іоанновны; такожъ и вообще о государственныхъ установленіяхъ. Опера кончилась въ половинѣ осьмаго часу, и Его Высочество изволилъ сказать: хотя италіянскія оперы и дурны, однако эта тѣмъ хороша, что рано кончилась. За ужиной объ оперѣ и о кадетахъ, кои представляли войско и на театрѣ дрались, изволилъ разговаривать Его Высочество. Откушавши, черезъ полчаса времяни, изволилъ лечь опочивать: былъ десятой часъ въ половинѣ.

26. Государь изволилъ встать въ осьмомъ часу. Одѣвшись учился. Послѣ ученья Главнаго Магистрата президентъ князь Мещерской представлялъ Его Высочеству санктпетербургскихъ купцовъ, съ хлѣбомъ да солью, для поздравленія съ прошедшимъ днемъ тезоимянитства Ея Величества. Изъ поднесенныхъ ранетовъ, грушъ и лимоновъ изволилъ Государь, десятка два выбравъ, самъ накласть на блюдо, и послать къ Его Преподобію отцу Платону. Его Преподобіе послѣ чтенія съ Государемъ Священнаго Писанія остался у насъ сего дня обѣдать. Отправивъ купцовъ, изволилъ Его Высочество предъ Отцемъ Платономъ со мною биться на рапирахъ.

Сѣли потомъ за столъ. Обѣдали у насъ только Его Преподобіе и графъ Александръ Сергѣичъ. Разговаривали сначала о женитьбѣ и о разводѣ. Во время сего разговору, Великой Князь изволилъ припамятовать одинъ стихъ изъ посланія Святаго Апостола Павла. Послѣ сего зашли разсужденія о суевѣрствѣ въ католическихъ земляхъ, о кипѣніи крови Святаго Іаннуарія, о ганѣ Святаго Іосифа и прочее. Его Превосходительство Никита Ивановичъ сего дня у насъ не кушалъ: вчерась пришло извѣстіе о смерти князя Бориса Александровича Куракина.

Послѣ стола изволилъ Его Высочество

забавляться, приказалъ подать себѣ карафинъ пустой, и заткнувъ его припечаталъ ярлыкъ съ надписью: „le bain de St. Joseph,“ такъ какъ онъ (о томъ) за столомъ отъ графа Александра Сергѣича слышалъ. Въ четвертомъ часу изволилъ Государь сѣсть учиться. Ввечеру пріѣхала его повивальная бабушка, Голанка. Разговаривалъ я съ нею при Его Высочествѣ о его рожденіи и младенчествѣ. Бабушка сказывала, что ходить Государь началъ году и одного мѣсяца. Сказывалъ я, и бабушка тоже подтверждала, какая при рожденіи Его Высочества по дворцу и во всемъ народѣ была радость. При томъ говорилъ я Его Высочеству, что надобно оной радости соотвѣтствовать и стараться, чтобъ она при совершенномъ его возрастѣ еще болѣе умножилась; что до сего не чѣмъ инымъ дойтить, какъ прилежнымъ упражненіемъ въ ученіи и безпрестаннымъ исполненіемъ въ самомъ дѣлѣ предлагаемыхъ Его Высочеству для поведенія его правилъ. Припомнилъ я Государю и о ужинѣ въ день тезоимянитства Ея Величества, толкуя, что всегда, будучи въ публикѣ, надобно ему памятовать, что всѣхъ глаза на него смотрятъ; что всѣ по движеніямъ его, по разговорамъ, по взглядамъ, по ухваткамъ, по поступкамъ заключаютъ о его нравѣ и мѣряютъ по тому будущую свою надежду. Часу въ седьмомъ точилъ Его Высочество. Вставши изъ за станка, изволилъ разговаривать со мною, какъ бы онъ охотно въ Москву поѣхалъ, естьлибъ можно было, и какъ бы тамъ жить сталъ. Послѣ на токодильномъ столѣ разстанавливалъ Государь шашки; а я между тѣмъ подлѣ сидя съ г. Остервальдомъ разговаривалъ о происхожденіи комерціи и монеты; о американскомъ богатствѣ, о завоеваніи Америки и тому подобномъ. Сѣли мы ужинать. За столомъ разговаривали о воеводахъ, о взяткахъ, о Ермолаевѣ и о Голубцовѣ. На маскарадѣ Его Высочество быть не изволилъ. Послѣ ужины пошелъ я туда, положа опочивать Государя. Со мною изволилъ онъ приказывать туда поклонъ къ одному человѣку. Опочивать изволилъ лечь въ половинѣ десятаго часу.

27. Государь изволилъ встать осьмаго часу была четверть. За чаемъ изволилъ распрашивать меня о вчерашнемъ маскарадѣ, и шутить кое о чемъ. Во время обуванья примѣривали Его Высочеству парикъ для наступающаго праздника Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, и при семъ случаѣ разговаривалъ я съ Государемъ объ ономъ праздникѣ, и о учрежденіи сего ордена. Во время убиранья волосовъ, читалъ я Его Высочеству Волтерову исторію о Государѣ Петрѣ Великомъ, приключенія 1706, 707, и 708 годовъ. Очень я доволенъ былъ вниманіемъ Его Высочества при семъ чтеніи. Изволилъ при томъ и разсужденія свои дѣлать. Особливо въ тѣхъ мѣстахъ изволилъ показывать крайнее свое отвращеніе отъ свирѣпства, гдѣ о безчеловѣчныхъ поступкахъ шведскаго генерала Штейнбока и другихъ упоминается; также сердился Его Высочество, что польской король Августъ нарушилъ данное свое слово Государю Петру Великому. О Саксоніи говорить изволилъ, что она во всѣхъ войнахъ тамошнихъ странъ весьма много терпитъ, и что въ географіи нѣтъ почти ни одного въ верхнемъ саксонскомъ округѣ мѣста, при коемъ бы не упоминалось: тутъ Саксонское войско разбито, тутъ сдалось Саксонское войско военно-плѣннымъ. Убравшись, Его Высочество изволилъ пойтить со мною въ жолтую комнату: тамъ съ рапирой кругомъ изволилъ попрыгивать, и представлять себѣ третьягодишную оперу. Въ десять часовъ сѣлъ учиться. Послѣ ученія точилъ, и на канапе въ жолтой комнатѣ изволилъ поваливаться.

Сѣли за столъ. Изъ стороннихъ обѣдалъ у насъ только г. Салдернъ. Никита Ивановичъ изволилъ кушать у братца. Г. Салдернъ и Остервальдъ

стой науки. Симпатичныя черты этого характера памятны всѣмъ, кто имѣлъ только съ нимъ какое либо соприкосновеніе. Некрологъ покойнаго напечатанъ недавно въ Журналѣ М—ства Нар. Просв.

Одиннадцать статей, помѣщенныхъ въ послѣднемъ томѣ, относятся къ Геродотовой Скиѳіи, къ древней и средневѣковой географіи Чернаго и Каспійскаго морей, къ исторіи Золотой Орды и Кіева, къ участію русскихъ въ дѣлахъ Болгаріи въ XIII и XIV стол. Въ концѣ этого труда приложены: карта Геродотовой Скиѳіи, факетные карты Чернаго м. П. Весконте, 1318 г. и топографич. таблица восточнаго берега Чернаго моря.

Ежегодникъ Владимірскаго губерн статистич. комитета. Т. III. Владиміръ, 1880. 376 (столбцевъ). Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе настоящаго тома, по прежнему, разбито на нѣсколько рубрикъ. Въ матеріалахъ для статистики помѣщено нѣсколько очерковъ: 1) топографическо-статистическое описаніе Муромскаго уѣзда, Н. Г. Добрынкина; 2) заводы и фабрики въ г. Шуѣ и его уѣздѣ въ началѣ XIX ст. И. М. Лядова; 3) село Борисоглѣбское, Н. С. Стромилова; 4) о началѣ и возрожденіи промышленности бывшаго села Иванова въ XVI—XVIII стол. Г. Я. Гарелина; 5) топогр. описаніе Володимірской, Суздальской, Переяславской-Залѣсской и Юрьевской польской провинціи городовъ въ 1760 г. И. М. Лядова; 6) губ. городъ Владиміръ въ 1877 г. А. П. Субботина. Въ матеріалахъ для этнографіи находятся статьи: проводы офеней въ дорогу и разговоръ ихъ на своемъ искусственномъ языкѣ, И. А. Голышова; старинныя преданія старожиловъ о прежнемъ с. Ивановѣ, Г. Гарелина. Въ матеріалахъ для исторіи и археологіи нахсдятся статьи; 1) Памятники зодчества древней Суздальской области, Н. А. Артлебека; 2) Битва при р. Колочѣ въ 1177 г. К. Н. Тихонравова; 3) Деревян. церковь XVII в. Н. А. Артлебека; 4) Синодикъužзд. Спасо-Евѳимьева монастыря Изъ матер. К. Н. Тихонравова. Въ отдѣлѣ старинныхъ актовъ помѣщено 10 актовъ XVI—XVIII стол., а въ приложеніяхъ некрологъ К. Н. Тихонравова, указатель Владим. губ. вѣд. за 1878—79 гг. и протоколы статистическаго комитета.

Семейство Разумовскихъ. А. А. Васильчикова. Т. II. 1880. 557 стр. Съ 2 портретами (граф. Нат. Дем. Разумовской,—иначе казачка Разумиха, и гр. А. К. Разумовскаго, быв. мин. нар. просв.).

Второй томъ названнаго труда занятъ біографіями сыновей гр. Кирилла Разумовскаго: Алексѣя Кирилловича (23—114), Петра, Льва, Григорія и Ивана Кирилловичей. Въ началѣ предпосланъ очеркъ ихъ воспитанія, и вообще во всей книгѣ весьма много бытовыхъ данныхъ. Помимо того, въ приложеніяхъ авторомъ помѣщено множество матеріаловъ, изъ которыхъ особенный историческій интересъ имѣютъ: 1) бумаги, относящіяся до времени попечительства москов. учебн. округомъ гр. А. К. Разумовскаго; 2) пять писемъ гр. де Местра къ гр. А. К. Р—му о народномъ образованіи (въ переводѣ); 3) письма попеч. моск. округа П. И. Голенищева-Кутузова къ гр. А. К. Разумовскому; 4) письма О. А. Поздѣева къ гр. А. К. Разумовскому; 5) рядная запись гр. Варвары Петр. Разумовской, рожд. гр. Шереметевой. Исключая послѣдней, имѣющей также бытовое значеніе, всѣ остальные матеріалы важны для исторіи просвѣщенія въ первой четверти XIX стол. и Московскаго университета въ частности. Изъ донесеній попечителя моск. округа министру народнаго просвѣщенія видно, какимъ тяжкимъ нареканіямъ подвергались лучшіе представители науки и литературы (Буле, Карамзинъ и др.) со стороны отсталаго масона и только покровительство нѣкоторымъ изъ нихъ вел. кн. Екатерины Павловны заставляло, да и то впрочемъ не надолго, сдерживаться этого, черезчуръ навязчиваго въ своихъ требованіяхъ, ментора.

В. И.

Издатель-редакторъ **М. И. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ двѣнадцатый. ІЮНЬ. 1881 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

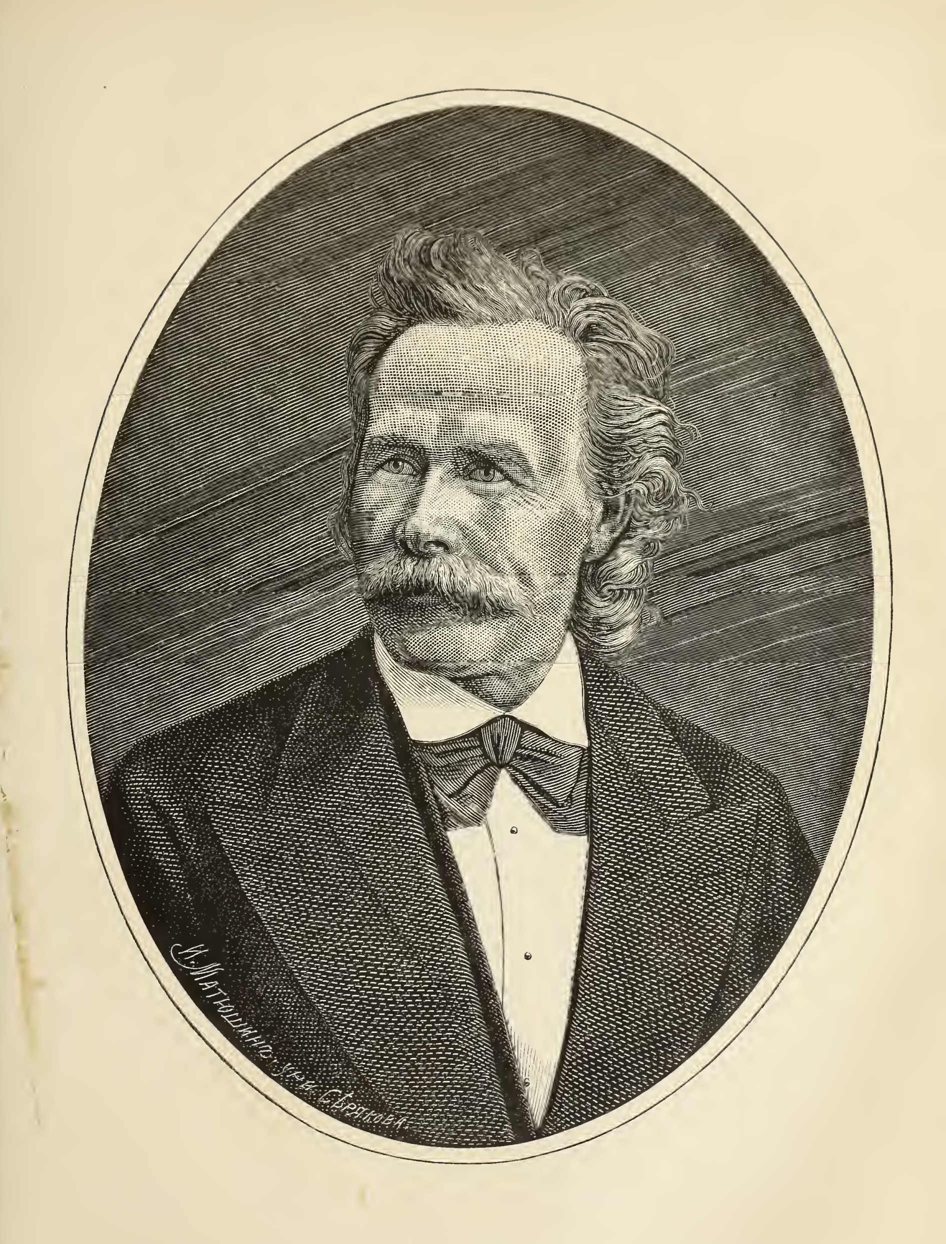
ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Записки **Семена Андреевича Порошина**, 1764—1766 гг. Продолженіе. [стр. 213—277]. — II. Портретъ Академика гравера Его Императорскаго Величества **Л. А. Сѣрякова**. Гравировалъ по фотографіи художникъ И. П. Матюшинъ, ученикъ Л. А. Сѣрякова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.
1881.

VI-я книга „Русской Старины" вышла 1-го іюня 1881 г.

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями. Я. Грота. Изд. Импер. Академіи Наукъ. Т. VIII. Съ портретомъ, рисунками и снимкомъ. Спб. 1880. 1043. Ц. 5 р.

Весь этотъ томъ посвященъ біографіи знаменитаго поэта, но онъ имѣетъ болѣе обширное значеніе. При многосторонней дѣятельности Державина, самая его біографія въ почтенномъ трудѣ академика Грота получила глубокій историческій интересъ. Достаточно напомнить только, что въ ея составъ вошли подробные очерки такихъ событій и дѣятельности писателя, какъ пугачевщина, губернаторство въ Петрозаводскѣ и Тамбовѣ, сенаторство, президентство въ коммерцъ-коллегіи, управленіе министерствомъ юстиціи (при Александрѣ I), ставившія Державина въ весьма близкія отношенія къ главнымъ дѣятелямъ вѣка Екатерины и цар. Павла I и Александра I, къ высшимъ учрежденіямъ, и къ важнѣйшимъ внутреннимъ событіямъ того времени. Очерки эти представляютъ весьма полную картину тогдашней государственной и общественной жизни Россіи и могутъ служить весьма цѣннымъ матеріаломъ для историка означенной эпохи. Очерки литературной дѣятельности Державина, отличающіеся множествомъ подробностей, дополняютъ наши свѣдѣнія о тогдашнихъ литературныхъ отношеніяхъ и представляютъ оцѣнку произведеній автора, какъ извѣстно, часто имѣющихъ также исторической интересъ. Важнѣйшими источниками автору при составленіи біографіи поэта, конечно, служили его записки и переписка, изданныя въ предшествовавшихъ томахъ; но они значительно пополнены другими матеріалами, во множествѣ появившимися въ послѣднее время, въ особенности въ Архивѣ князя Воронцова, или извлеченными изъ архивовъ авторомъ (93, 119, 201, 204, 394, 494, 803). Не можемъ однако обойти молчаніемъ одного недоразумѣнія, возникшаго у насъ по поводу замѣчаній автора объ участіи въ «Собесѣдникѣ» графа Н. П. Румянцова, а именно приписываемыхъ ему статей (въ III и VII книжкѣ): «Письмо на имя сочинителя россійской исторіи и предисловіе къ исторіи Петра В.» Пекарскій, писавшій о литературной дѣятельности Екатерины II въ 1863 г., высказалъ предположеніе, что онѣ принадлежатъ гр. Н. П. Румянцову и это повторяется въ статьѣ Я. К. Гротъ «Сотрудничество Екатерины II въ «Собесѣдникѣ княгини Дашковой» (Сборн. рус. ист. общ. XX) и вновь въ біографіи Державина (332—333). Но въ Рус. Архивѣ 1869 г. была помѣщена автобіографія его брата гр. С. П. Румянцова, который прямо говоритъ: «княгиня Дашкова издавала тогда журналъ (Собесѣдникъ), въ которомъ вносились сочиненія императрицы. Княгиня тотчасъ пригласила меня быть соучастникомъ, давая мнѣ знать, что будетъ то пріятно самой государынѣ. Не бывъ расположенъ представлять просто сочинителя, рѣшился я завесть посредствомъ сего журнала переписку съ самою императрицею (сочинительницею Рос. исторіи и Былей и Небылицъ). Письмо мое первое, до Рос. исторіи касающееся, было, мнѣ кажется, писано не безъ удачи; но слышалъ я, что государыня, чувствуя искусное съ моей стороны ласкательство, сказала, что немногіе изъ русскихъ поймутъ оное и сочтутъ противное. Едва ли сіе заключеніе императрицы не было справедливо. Иронія, къ которой я прибѣгнулъ, однихъ остроумныхъ удовлетворяетъ. Второе мое сочиненіе, при которомъ я приложилъ отрывокъ, до государя Петра В. касающійся, совсѣмъ былъ неудаченъ. Императрица была крайне недовольна, и препоручила княгинѣ Дашковой сдѣлать сего моего сочиненія пересмотръ строгій и мнѣ чрезъ журналъ объявить (см. Собесѣдникъ 1783, VII, 164—181). Впрочемъ имя своего я никогда не ставилъ, такъ тутъ мое лицо не терпѣло» (стр. 850). Издатель Записокъ гр. Румянцова замѣчаетъ при этомъ: «Журнальная дѣятельность гр. С. П. Р—ва могла бы быть предметомъ историко-литературнаго разысканія. Въ статьяхъ его много остроумія». Этимъ качествомъ онъ плѣнялъ тогдашнее общество. Онъ писалъ стихи по французски и по русски, игралъ на домашнихъ театрахъ. Подъ 1786 г., въ своихъ запискахъ, онъ отмѣтилъ: «Мартинисты начали привлекать вниманіе правительства, императрица сама сочиняла комедіи, дабы ихъ предать поруганію. Съ своей стороны писалъ я къ сочинителю одной изъ сихъ комедій, и государыня нашла письмо мое заслуживающимъ быть по ея приказанію внесеннымъ въ журналъ (Растущій Виноградъ), что̀ приказала гр. Завадовскому». Эта статья помѣщена въ

ЛАВРЕНТІЙ АВКСЕНТЬЕВИЧЪ СѢРЯКОВЪ

р. 1824 † 1881 г.

Академикъ, граверъ Его Императорскаго Величества.

[исполнено по фотографіи 1877 г.]

КАНЦЕЛЯРІЯ КОНФИСКАЦІИ

1729—1780.

[Очеркъ по неизданнымъ матеріаламъ].

Пятьдесятъ лѣтъ дѣйствовала въ Россіи (съ 19 мая 1729 г. до конца 1780 года) Канцелярія Конфискаціи. Часть указовъ, опредѣлявшихъ ея составъ и основныя функціи, вошли въ полное собраніе законовъ, но значительнѣйшая часть указовъ, касающихся этого учрежденія, до сихъ поръ остаются неизвѣстными. Именно, въ Канцеляріи Конфискаціи, какъ и въ другихъ присутствіяхъ XVIII ст., велась указная книга, т. е. книга, въ которую вносились всѣ получавшіеся канцеляріею именные и сенатскіе указы. Весьма исправная копія этой указной книги, въ одномъ томѣ, заключающемъ въ себѣ всѣ указы, начиная съ инструкціи 1730 г. до 1775 г., имѣется въ архивѣ Археологическаго института въ числѣ многихъ рукописей, пожертвованныхъ въ это недавно создавшееся ученое установленіе. Этотъ томъ рукописи бывшій въ переплетѣ (уже оборванномъ), и написанный весьма четко и исправно, несомнѣнно въ самой канцеляріи конфискаціи, составляетъ только первую часть указной книги, что видно изъ слѣдующей отмѣтки на поляхъ 15-й страницы этой книги. Здѣсь, въ видѣ втораго дополненія къ инструкціи, поименованъ указъ 6 ноября 1740 г. (имѣющійся и въ П. С З.), а на поляхъ слѣдующая отмѣтка: „зри въ книгѣ 3-й части на листу 1218-мъ“. Какъ поиски мои за отъисканіемъ слѣдующихъ двухъ частей въ разныхъ архивахъ не увѣнчались еще успѣхомъ, и въ виду того,

что содержаніе указовъ, помѣстившихся въ этой первой книгѣ, обнимающихъ сорокалѣтіе дѣятельности Канцеляріи Конфискаціи, важнѣе послѣдующихъ указовъ, касающихся послѣдняго десятилѣтія канцеляріи, когда значеніе этого установленія уже стало замирать, я нашелъ нелишнимъ поторопиться ознакомить читателей съ содержаніемъ этой указной книги [1]).

„Отписать вотчины на великаго государя безповоротно", „отнять животы" и тому подобныя многоразличныя обозначенія конфискаціи имущества, какъ наказанія, придаточнаго къ другимъ, было унаслѣдовано XVIII столѣтіемъ отъ прежняго Московскаго правительства и права. При Петрѣ I, какъ конфискація имущества, такъ и система денежныхъ штрафовъ получаютъ еще бо̀льшее развитіе. И скоро возникаетъ вопросъ, что̀ дѣлать съ недвижимыми имуществами, отписанными на великаго государя? Хотя и даны были повелѣнія „отписанныхъ имѣній не раздавать безъ указа", но много было охотниковъ попользоваться такими имѣніями, и возбудился вопросъ, кому и какъ управлять ими? Въ 1706 г. Петръ I все это думалъ возложить на Ижерскую Канцелярію. т. е. Приказную Палату, учрежденную въ 1700 г. въ Семеновскомъ, подъ начальствомъ кн. Меншикова, для собиранія различныхъ спеціальныхъ сборовъ, не порученныхъ другимъ финансовымъ учрежденіямъ, какъ-то: сбора съ бань, рыбныхъ ловель, пчельныхъ заводовъ, иновѣрческихъ свадьбъ и т. п. Эта палата потомъ называлась Семеновскою Канцеляріею мельничнаго сбора. Въ 1706 г. сент. 15 и данъ былъ именной указъ: „отписныя на Великаго Государя и выморочныя помѣстья и вотчины жилыя со крестьяны и съ бобыли и съ дворовыми и съ дѣловыми людьми и съ заводы и порозжія земли, которыя напередъ сего и впредь будутъ отписаны за доимки и за всякія вины всякаго чина людей изъ разныхъ приказовъ, вѣдать въ Ижерской Канцеляріи" (П. С. З. № 2120). Но эта канцелярія не имѣла никакой обстановки для того, чтобы выполнить эту функцію и удовлетворить

---

[1]) Изъ 43 указовъ, помѣщенныхъ въ этой книгѣ, только 16 вошли въ П. С. З. Невошедшіе туда остальные 43 указа будутъ напечатаны въ „Сборникѣ Археологическаго Института". И. А.

впослѣдствіи требованіямъ Сената относительно отчетности. Строго подтверждалось, чтобы выморочныя и за вины отнятыя имущества не раздавались нигдѣ безъ вышняго указа (№ 2467). Въ 1712 г. для приведенія этого дѣла въ нѣкоторый порядокъ, Прав. Сенатъ сдѣлалъ такое опредѣленіе: „на Москвѣ въ приказахъ и въ губерніяхъ, въ которыхъ прилучится за какую вину или выморочные пожитки и дворы и деревни и вотчины и лавки и въ нихъ товары и корчмы и заводы отписать на Великаго Государя, или и вовсе: и то все отписывать по указамъ, какъ надлежитъ, и цѣнить при фискалахъ, и къ тѣмъ описямъ имъ фискаламъ велѣть прикладывать руки, чтобъ никакой въ той описи утайки и въ оцѣнкѣ убавки, а отъ нихъ фискаловъ впредь въ чемъ какого спора не было, и тѣ описи и цѣновныя присылать въ канцелярію Прав. Сената, а безъ Оберъ-Фискаловъ ничего отнюдь не переписывать и не цѣнить“ (№ 2564). Вслѣдствіе такого опредѣленія Сената центральное завѣдываніе послѣдствіями дѣла конфискаціи должно было сосредоточиться въ канцеляріи Сената, въ рукахъ оберъ-фискала. Но такое сосредоточіе въ рукахъ оберъ-фискала не дало ожидаемыхъ результатовъ: множество разнорѣчивыхъ указовъ относительно этого дѣла путали мѣстныя управленія и вмѣстѣ съ тѣмъ давали имъ возможность безпрестанно ускользать отъ отвѣтственности при контролѣ со стороны оберъ-фискала. Оттого за разными присутственными мѣстами считалось весьма много казенныхъ денегъ, какъ собиравшихся съ народа податей, но въ казначейство недоходившихъ, такъ и выручавшихся отъ продажи конфискованныхъ и вырученныхъ имуществъ. Съ этою цѣлію императрица Екатерина I повелѣла открыть въ 1727 г. при Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ Доимочную Канцелярію, (№ 5017, п. 7). Президентомъ ея былъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Плещеевъ, а подъ нимъ вышнюю дирекцію долженъ былъ имѣть гр. Толстой. Этой канцеляріи поручено было вести вѣдомости о всякаго рода недоимкахъ и принимать мѣры къ ихъ взысканію, но относительно выручки денегъ съ конфискованныхъ имуществъ прямо ничего не было высказано (№ 5028), что и возбудило на практикѣ чрезвычайныя недоразумѣнія. Этимъ объясняется, почему черезъ два года ее рѣшились преобразовать въ Канцелярію Конфискаціи,

въ которую и повелѣно было передать изъ Доимочной Канцеляріи какъ всѣ ея дѣла и всѣхъ ея чиновниковъ, такъ и отписныя деревни и дворы, лавки и пожитки (№ 5652).

Въ 1729 г. мая 19, при императорѣ Петрѣ II, былъ данъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, именной указъ, повелѣвающій устроить канцелярію конфискаціи, которая исключительно должна вѣдать всѣ отписные дворы и пожитки. Мотивомъ созданія такого новаго учрежденія прямо поставлена существовавшая до тѣхъ поръ безпорядочность въ управленіи отписывавшимися за вины, доимки и долги дворами и пожитками: „таковые отъ долговременной нескорой продажи гніютъ и пропадаютъ напрасно, отъ чего тѣ, у кого отписаны, приходятъ въ большія трудности, что не токмо всей доимки или начету, но и никакой малой части отъ тѣхъ сгнилыхъ домовъ и пожитковъ зачету быть не можетъ, и такъ та доимка пропадаетъ, а инымъ тѣхъ начетовъ и доимокъ надлежитъ заплатить малое число, а иждивеніе ихъ бываетъ все въ отпискѣ, и оттого многіе люди приходятъ въ раззореніе“ (П. С. № 5414). При императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, 27 іюня 1730 г., утверждена подробная инструкція для этой канцеляріи, впослѣдствіи еще дополненная: 21 апрѣля 1738 г. и 6 ноября 1740 г.

Какъ подробная инструкція канцеляріи конфискаціи, въ 34 пунктахъ изложенная, и ея дополненія помѣщены въ полномъ собраніи законовъ, то я здѣсь коснусь ея, какъ и вообще указовъ относительно этой канцеляріи, помѣщенныхъ въ П. С. З. только вкратцѣ, чтобы не порвать связи съ тѣми указами, которые насъ преимущественно интересуютъ,—имѣющимися въ рукописной указной книгѣ и еще ненапечатанными.

Канцелярія конфискаціи, согласно ея инструкціи, должна была взять въ свои руки все управленіе имѣніями, по той или другой причинѣ отписанными въ казну. Именно, 1) всѣ такія имѣнія должны быть оцѣняемы канцеляріею и продаваемы съ публичныхъ торговъ въ Москвѣ. 2) Въ помощь канцеляріи дѣйствуютъ губернаторы и воеводы такимъ образомъ: мѣстный губернаторъ или воевода, принявъ каждое конфискованное имѣніе въ свое вѣдѣніе, извѣщаетъ канцелярію, и дѣлаетъ немедленно

обстоятельную опись имѣнія, при составленіи которой должны быть двое или трое изъ сосѣдей, подписывающіе протоколъ описи. 3) Канцелярія конфискаціи о такомъ описанномъ имѣніи должна прибитыми указами трижды публиковать, дабы не вышло какой либо ошибки: если по публикаціи явится въ канцелярію собственникъ имѣнія и путемъ судоговоренія въ канцеляріи докажетъ, что это имѣніе его отписано въ казну незаконно, то это имѣніе ему возвратить, но взыскавъ съ него при этомъ убытки казны по временному управленію и охраненію имѣнія. 4) Если настоящій собственникъ не явится, или, явившись не докажетъ незаконности конфискаціи, то канцелярія должна приступить къ продажѣ имущества, соблюдая указанныя въ инструкціи правила самой продажи. 5) Всѣ штрафы должны точно также поступать въ канцелярію. Для понужденія ко внесенію штрафа, продавать движимое имущество оштрафованнаго, а если его не хватитъ для покрытія штрафа, то приступить и къ продажѣ недвижимаго; если при этомъ за послѣднее на торгахъ будутъ предлагать очень мало, что послужитъ къ совершенному раззоренію владѣльца, то удержаться отъ продажи, и дать ему срокъ для уплаты штрафа, но при непремѣнномъ условіи—представить въ томъ поручителя. 6) Въ канцеляріи же совершать доимочный правежъ всѣмъ обязаннымъ платить кромѣ плательщиковъ подушныхъ. 7) При такомъ взысканіи казенныхъ долговъ и доимокъ, канцелярія конфискаціи имѣетъ преимущество предъ всѣми частными кредиторами, за исключеніемъ, во первыхъ, вексельнаго права, и во вторыхъ, держащихъ закладныя на конфискуемыя имѣнія (№ 5601). Дополненія этой инструкціи 1738 г., въ 19 п. изложенныя, указываютъ главнымъ образомъ на порядокъ веденія счетныхъ книгъ и порядокъ самой продажи (№ 7556).

Теперь далѣе, не касаясь прямо указовъ, уже извѣстныхъ, помѣщенныхъ въ Полн. Собраніи Законовъ, посмотримъ только, на основаніи неизданныхъ указовъ, занесенныхъ въ указную книгу этой канцеляріи, на самую дѣятельность этого любопытнаго установленія XVIII ст. Эти, неизданные еще, указы проливаютъ свѣтъ: 1) на способы и методы исполненія законовъ вообще въ XVIII ст., 2) на развивавшееся и значительно усовершенствовавшееся, сравнительно съ XVII ст., крючкотворство, 3) на слабую степень уваженія законности въ средѣ должностныхъ лицъ, 4) на остановки

дѣлопроизводства и медленность теченія дѣлъ, проистекавшія отъ дурнаго распредѣленія предметовъ вѣдомства между различными присутственными мѣстами и вслѣдствіе того множества начальствъ, вѣдавшихъ одно и то же дѣло, на 5) весьма энергичныя стремленія интеллигенціи XVIII ст. попользоваться казенною землею, вслѣдствіе чего конфискованныя имѣнія казались золотою рудою, попользоваться которою желали всѣ, отъ мала и до велика. Кромѣ того эти указы значительно пополняютъ тотъ образъ этой специальной канцеляріи, который рисуется на основаніи извѣстныхъ до сихъ поръ указовъ.

Вся совокупность этихъ неизданныхъ указовъ, касающихся канцелярія конфискаціи, свидѣтельствуетъ о періодически возникавшихъ со стороны сената и вообще высшаго государственнаго управленія неудовольствіяхъ на дѣйствія этой канцеляріи. По поводу такихъ неудовольствій рождались разъясненія канцеляріи, обнажающія массу больныхъ мѣстъ администраціи XVIII ст., а равно изобрѣтались поправки для ея дѣятельности, испытывавшія ту же самую судьбу,—признаніе ихъ неудовлетворительности и возбужденіе новыхъ поправокъ.

Такъ изъ указа 10-го іюня 1737 г. явствуетъ, что правительство недовольно канцеляріею конфискаціи, невыполняющею данной ей инструкціи такъ, какъ предполагала законодательница, а именно: 1) канцелярія не приняла надлежащихъ мѣръ и распоряженій относительно того, чтобы всѣ присутственныя мѣста, въ руки которыхъ попадаютъ конфискованныя земли или движим. имущества, тотчасъ представляли ей вѣдомости; напротивъ, и теперь царствуетъ прежняя неизвѣстность, вслѣдствіе чего цѣлое множество отписанныхъ у землевладѣльцевъ имѣній съ тою цѣлію, чтобы изъ доходовъ съ этихъ имѣній покрыть положенный съ нихъ штрафъ, оказываются только фиктивно отписанными: по недосмотру канцеляріи конфискаціи, владѣльцы такихъ имѣній, фабрикъ и заводовъ продолжаютъ ими владѣть и штрафовъ и недоимокъ платить не думаютъ,—между тѣмъ канцелярія обязана такихъ владѣльцевъ изъ ихъ имѣній высылать и объявить ихъ людямъ и крестьянамъ, что они могутъ ихъ ни въ чемъ не слушать, а если въ теченіе года штрафа не уплатятъ, то имѣніе ихъ должно быть продано съ торговъ. Между тѣмъ до свѣдѣнія императрицы дошло, что потому и не доносятъ канцеляріи о конфиско-

ванныхъ имѣніяхъ: „что въ губерніяхъ и провинціяхъ малыми отписными деревнями и землями во многихъ городахъ довольствуются воеводы и секретари, раздѣля оныя по себѣ и заставливают тѣхъ отписныхъ людей и крестьянъ всякія работы работать на себя, такъ какъ собственныхъ своихъ, и берутъ съ нихъ хлѣбъ, живность и протчее“... Противъ такой практичности секретарей, эпидемически охватившей и воеводъ желаніемъ попользоваться конфискованными имѣніями, чрезвычайно удобными для хозяйства, во всякомъ случаѣ болѣе удобными, чѣмъ простая казенная земля, которою также не брезгали, но на эту землю надобно было добывать рабочія руки, тогда какъ конфисковались по преимуществу земли населенныя, съ готовыми работниками,—правительство повелѣваетъ изъ сената подтвердить и во всѣ губерніи и провинціи послать съ нарочными наикрѣпчайшіе указы, чтобы о конфискованныхъ имѣніяхъ присылаемы были вѣдомости. 2) Канцелярія не выполняетъ инструкціи относительно порядка продажи имуществъ: „чинятся неправильныя продажи и только подъ видомъ публичнаго торгу, а въ самомъ дѣйствѣ, какъ чины нѣкоторые той канцеляріи, такъ и секретари, отбирая лучшія вещи, сами себѣ покупаютъ подлогами чрезъ подставныхъ купцовъ за малыя деньги на ихъ имена, такожъ и другимъ постороннимъ знатнымъ людямъ и сенатскимъ секретарямъ и протчимъ, угождая и маня, что кому потребно, отбираютъ также лучшія вещи на выборъ и продаютъ за малыя деньги, не допуская вымышленно къ тѣмъ вещамъ и товарамъ знатныхъ купцовъ“...... 3) Для доставленія канцеляріи возможности дѣйствовать основательно, открыть въ Москвѣ контору этой канцеляріи. Кромѣ того тутъ же придуманы, для поправки дѣла, слѣдующія мѣры: 1) обязать всѣ коллегіи, канцеляріи, конторы и всѣ вообще присутственныя мѣста присылать въ канцелярію конфискаціи вѣдомости, кромѣ того ежемѣсячно-регистры, а въ началѣ каждаго года, въ январѣ, обстоятельныя вѣдомости. Эта мѣра, какъ оказалось впослѣдствіи, не только не принесла пользы, но напротивъ обратилась въ ловкій канцелярскій пріемъ, совершенно способный запутать контролирующихъ и спасти отъ отвѣтственности контролируемыхъ. 2) Поставить канцелярію конфискаціи подъ главное начальство президента коммерцъ-коллегіи, тайнаго совѣтника графа Мусина-Пушкина, который долженъ плохихъ чиновниковъ смѣнить и замѣнить но-

выми. 3) Ему же пересмотрѣть и разобрать остававшіяся до тѣхъ поръ неразобранными дѣла изъ бывшаго доимочнаго приказа [1]) 4) Съ 1738 г. воспрещено дѣлать изъ доходовъ съ конфискованныхъ имѣній какія либо ассигновки безъ особыхъ на каждый предметъ расхода высочайшихъ указовъ [2]). 5) Въ помощь канцеляріи конфискаціи, для сбора старыхъ недоимокъ и сыска недоимщиковъ, въ 1739 г. повелѣно было открыть особую доимочную коммисію [3]). 6) Сочинены и надобно сказать очень хорошія формы описи движимымъ и недвижимымъ имѣніямъ, поступающимъ въ управленіе канцеляріи конфискаціи: одна форма для описи села и деревни, другая для описи заводовъ, третья для описи городскихъ домовъ, четвертая—лавокъ. Кромѣ формъ описей сочинены и формы рапортовъ [4]). Но эти формы оказались недостаточными, и въ 1773 г. Канцеляріи конфискаціи сообщены еще формы для показанія окладныхъ доходовъ, поступающихъ съ конфискованныхъ имѣній [5]).

Изъ двухъ указовъ далѣе обнаруживается, что слабость дѣятельности канцеляріи конфискаціи вызывалась самымъ существомъ канцелярскаго склада: нельзя было взыскивать штрафовъ съ судей и секретарей, а прикрывая ихъ, надобно было прикрывать и остальныхъ. Постановлено было общимъ правиломъ, что если по жалобѣ въ Сенатѣ будетъ пересматриваться дѣло, рѣшенное въ Коллегіи, и рѣшеніе коллегіи признано будетъ неправымъ, то за такое неправильное рѣшеніе брать съ президента, членовъ и секретаря коллегіи штрафы со всѣхъ поровну,—съ секретаря такуюже часть, какъ и съ члена, дабы прилежнѣе въ томъ поступали [6]). Это обстоятельство и послужило къ достиженію совершенно противоположной цѣли: секретари канцеляріи конфискаціи понимали затруднительность положенія своихъ

---

[1]) Указная книга, № 17.

[2]) Именной указъ 5-го янв. 1738, тамъ-же, № 18.

[3]) Въ П. С. З. помѣщенъ манифестъ 10 дек. 1739 (№ 7946) объ учрежденіи этой коммисіи, но подробныя основанія, вызвавшія учрежденіе этой коммисіи, изложены въ особомъ указѣ, присланномъ въ канц. конф. 17-го декабря 1739 г. и помѣщенномъ въ ея указной книгѣ за № 21.

[4]) Тамъ-же, № 23.

[5]) № 39.

[6]) Указная кн. № 2, № 4.

собратовъ, да и непріятныя условія платить штрафъ,—потому пускали по отношенію къ такимъ дѣламъ всѣ излюбленныя и всегда вѣрныя канцелярскія средства: пустить дѣло въ отложку за справками, направить бумагу не туда, куда слѣдуетъ, слить такое дѣло съ другимъ, болѣе обширнымъ и сложнымъ, которому конца не предвидится и т. п.

Любопытно, что когда въ 1765 г. главный судья канцеляріи конфискаціи Рыкачевъ, между прочимъ, представлялъ Сенату, что налагаемые на судей и секретарей за неправыя рѣшенія штрафы совсѣмъ почти не взыскиваются потому, что не пишется поимянно съ кого взыскать, а говорится только съ такого присутствія, вслѣдствіе чего канцеляріи конфискаціи самой приходится наводить справки и вступать въ переписку, которая безконечно затягивается, то въ резолюціи Сената получилась опять неопредѣленность, обнажающая участіе опытной канцеляріи въ ея составленіи. Сенатъ на это рѣшительное для секретарей предложеніе Рыкачева, даетъ такой указъ: „На кого положенъ будетъ ко взысканію штрафъ присутственныхъ мѣстъ съ судей и секретарей за неправое рѣшеніе, также съ разныхъ чиновъ за неправыя-жъ на присутственныя мѣста прошенія, о таковыхъ для скорѣйшаго того положеннаго штрафа взысканія изъ получаемаго жалованья, буде онаго достаточно, посылать о вычетѣ въ штатсъ-контору указы, а буде того жалованья на вычетъ тѣхъ штрафовъ недостаточно, въ такомъ случаѣ то недостающее число, такожъ и кто изъ таковыхъ жалованья не получаютъ, съ такимъ о взысканіи изъ ихъ имѣнія канцеляріи конфискаціи поступать по указамъ, а о поясненіи въ посылаемыхъ указахъ о налагаемыхъ штрафахъ съ кого имянно и за сколько иску взыскать слѣдовать будетъ, сообщить для учиненія о томъ опредѣленія во 2-й прав. сената департаментъ“ [1]).

Такимъ недоразумѣніямъ канцеляріи помогали и общія стремленія многихъ присутственныхъ мѣстъ дѣйствовать даже въ продажѣ конфискованныхъ имѣній безъ вѣдома канцеляріи конфискаціи [2]).

---

[1]) Ук. кн. № 34.
[2]) Ibid., № 13.

Этимъ и можно объяснить, что, не смотря на изложенныя выше придумавшіяся поправки, канцелярія конфискаціи не удовлетворяла желаніямъ высшаго правительства, и его неудовольствія періодически продолжали высказываться.

Такъ въ указѣ императора Петра III, 8 мая 1762 г., высказывается неудовольствіе, что канцелярія конфискаціи не представляетъ, какъ предписано закономъ, въ сенатъ вѣдомостей, сколько въ ея управленіи находится конфискованныхъ и выморочныхъ имѣній, какой ежегодный оборотъ ею совершается и какъ великъ чистый доходъ [1]).

Оставленіе сената въ полной неизвѣстности конечно не могло нравиться высшему правительству, но эта темнота и неизвѣстность и составляли прямой разсчетъ дѣльцовъ-практиковъ, заправлявшихъ канцеляріею конфискаціи. Да и заботы сената о томъ, что бы получать такія вѣдомости, были совершенно напрасны. Развѣ трудно представить такую вѣдомость, но легко ли будетъ сенату ее разобрать? Вотъ это можно видѣть изъ вѣдомости, которую канцелярія конфискаціи (пребывавшая тогда въ Москвѣ) представила въ сенатъ, въ отвѣтъ на только что приведенный его указъ. Это донесеніе, вмѣстѣ съ вѣдомостью,—одинъ изъ перловъ канцелярскаго искусства XVIII ст. И нынѣшніе, уже искусившіеся въ теоріи права канцелярскіе дѣятели, охотники до составленія отписныхъ бумагъ, цѣлію которыхъ ставится и отдѣлаться отъ взысканія начальствующихъ, и сохранить канцелярскую невинность, и обезпечить возможность продолжать эту дѣятельность и на будущее время,—должны преклониться предъ этимъ искусствомъ канцеляриста XVIII ст. Величаво вздымается въ такихъ донесеніяхъ образъ опытнаго и могучаго стараго дьяка, называемаго секретаремъ въ XVIII ст. Вотъ что говоритъ въ своемъ рапортѣ пр. сенату канцелярія конфискаціи. Все, что можно взыскивать, канцелярія сейчасъ и взыскиваетъ, а что не взыскивается за разными невозможностями, то и прописано въ приложенной вѣдомости. Но, во первыхъ, и о всѣхъ этихъ невзысканныхъ еще штрафахъ наикрѣпчайше со штрафомъ же подтверждено различнымъ присутственнымъ мѣстамъ о самоскорѣйшемъ взыс-

[1]) Ук. кн., № 30.

канiи штрафовъ. И такъ первый недурной прiемъ—сложить съ себя вину на другихъ, поимянно такихъ не называя. Во вторыхъ, въ показанной вѣдомости означено невзысканныхъ еще штрафовъ 71.606 р. 51 коп., но изъ нихъ уже сложено, и прав. сенату извѣстно, такъ какъ сложено съ его вѣдома, 47.737 р. 67 коп., значитъ для взысканiя осталось только 23.868 р. 84 к., но и изъ этихъ денегъ взыскано уже 2989 р. 44¼ к., и такимъ образомъ остается взыскать 20.879 р. 39¾ к. Но, въ третьихъ, и изъ этихъ денегъ, по указамъ самаго прав. сената и другихъ присутствiй повелѣно, до разсмотрѣнiя дѣлъ, воздержаться взысканiемъ 3302 р. 90 к., такимъ образомъ оказывается всего невзысканныхъ 17.576 р. 49¾ к. Въ четвертыхъ, относительно этихъ остающихся денегъ затребованы отъ находящихся въ Петербургѣ и Москвѣ присутственныхъ мѣстъ извѣстiя, взысканы ли причитающiеся штрафы или почему не взысканы—за смертiю ли или за неотысканiемъ наслѣдниковъ или за разными отлучками или за неимѣнiемъ недвижимыхъ и движимыхъ имуществъ. Въ пятыхъ, по отношенiю къ этимъ же суммамъ, изъ нѣкоторыхъ губернскихъ и городскихъ канцелярiй получились донесенiя, что такое-то количество штрафныхъ денегъ взыскано, но по какимъ дѣламъ—не показано, вслѣдствiе чего канцелярiя конфискацiи послала туда указы съ требованiемъ доставленiя обстоятельныхъ донесенiй, но таковыя еще не получены.—Вотъ содержанiе этого отписнаго донесенiя прав. сенату. Извольте, правит. сенатъ, учинять согласныя съ закономъ распоряженiя. Сенату ничего и не оставалось, какъ дать указъ канцелярiи конфискацiи, чтобы она неупустительно строжайшими указами, со штрафами же, предписала всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ немедленно доносить ей о штрафахъ, и ограничиться выраженiемъ своего неудовольствiя въ такихъ словахъ: „что было той канцелярiи всегда по своей должности въ памяти содержать должно, а то какъ видно по неприлежному той канцелярiи старанiю изъ тѣхъ положенныхъ штрафовъ взыскано малое число, а бо̀льшая часть стоитъ не во взысканiи“ [1]).

Самая существенная функцiя канцелярiи конфискацiи—опи-

---

[1]) Указная кн., № 32.

саніе конфискованныхъ и выморочныхъ недвижимостей, управленіе ими и продажа ихъ ставила безпрестанно канцелярію конфискаціи въ чрезвычайныя затрудненія, что видно изъ многихъ указовъ, внесенныхъ въ указную книгу канцеляріи.

Такъ весьма скоро послѣ учрежденія канцеляріи, она представила сенату о чрезвычайныхъ затрудненіяхъ для оцѣнки отписныхъ каменныхъ домовъ и лавокъ. Вслѣдствіе этого сенатъ 23 мая 1735 г. далъ указъ архитектору Мичурину посылать для такой оцѣнки „изъ архитекторныхъ подмастерьевъ и учениковъ искусныхъ людей, комубъ въ томъ можно было вѣрить и цѣнить имъ тѣ дворы при членахъ той канцеляріи самою сущею правдою и настоящею цѣною безъ всякаго пристрастія и подлога подъ присягою, какъ доброму и честному человѣку надлежитъ, а ежели въ оцѣнкѣ тѣхъ дворовъ учинится какой подлогъ, и то взыскано будетъ на тѣхъ, кто въ томъ явится виновенъ по указомъ безъ упущенія [1]).

Но такой методъ оцѣнки оказался на практикѣ несогласнымъ съ тѣмъ параграфомъ инструкціи, по которому канцелярія конфискаціи не можетъ продавать ниже оцѣнки, которую можно вывести изъ дохода съ имущества по десяти-лѣтней сложности. Потому черезъ 4 года президентъ коммерцъ-коллегіи гр. Мусинъ-Пушкинъ и дѣлаетъ представленіе въ Кабинетъ ея величества, что правила производства оцѣнки невозможно согласить съ этимъ параграфомъ инструкціи, удобнымъ для оцѣнки земель, но мѣшающимъ оцѣнкѣ дворовъ, почему и ходатайствуетъ о разрѣшеніи продавать по послѣдней цѣнѣ, которая на торгахъ состоится, а не по десятилѣтнему доходу. Императрица на такое ходатайство изъявила согласіе [2]).

Самый способъ печатанія публикацій о продажѣ конфискованныхъ имуществъ оказался непрактичнымъ. Главный судья канцеляріи представлялъ въ 1765 г. Сенату, что „о продажѣ отписныхъ имуществъ печатными экземплярами (которые печатаются по требованіямъ канцеляріи конфискаціи въ типографіяхъ съ заплатою за нихъ денегъ) во всемъ государствѣ отъ губерній и

---

[1]) Указная кн., № 15.
[2]) Ibid., № 20.

публикуется, но по онымъ, какъ изъ получаемыхъ на посланные изъ конфискаціи указы изъ городовъ рапортовъ видно, что по тѣмъ публикамъ (т. е. публикаціямъ) къ покупкѣ оныхъ охотниковъ въ тѣхъ городахъ не является, и такъ для излишней на то выдачи изъ казны денегъ, а и скорѣйшей сихъ имуществъ продажи, не соизволитъ ли Сенатъ о продажѣ оныхъ повелѣть только въ С.-Петербургѣ и Москвѣ письменными листами публиковать и въ русскихъ вѣдомостяхъ о томъ припечатать, чрезъ которыя и во всемъ государствѣ извѣстно быть можетъ". Сенатъ указомъ 1-го іюля 1765 г. далъ на это разрѣшеніе [1]).

Въ дѣлѣ продажи отписныхъ недвижимыхъ имуществъ, которыхъ собственно бывало двѣ категоріи—отписныя за вины и отписныя вслѣдствіе судебныхъ рѣшеній по частнымъ искамъ, канцелярія производила немалую путаницу, вызывала не только нареканія, но и жалобы. Въ такихъ случаяхъ канцелярія конфискаціи стремилась вытти изъ затрудненія путемъ представленія сенату, какъ поступить въ данномъ случаѣ, какъ бы прикидываясь непонимающею существа дѣла, неумѣющею согласить противорѣчивые указы. Таково представленіе ея въ сенатъ въ 1753 г. Она разъясняетъ, что въ прошломъ году, на основаніи полученной отъ Юстицъ-Коллегіи промеморіи, она послала въ Тверскую провинціальную канцелярію отписать недвижимое имѣніе капитана Ивана Неклюдова за неплатежъ имъ иску Сатину и пошлинъ; по продажѣ этого имѣнія, напередъ вычтя пошлинныя деньги 279 рублей 75 коп., остальныя за искъ отдать Сатину 466 р. 25 коп. Между тѣмъ, продолжаетъ канцелярія конфискаціи, имѣется именной указъ 3-го апрѣля 1747 г., постановляющій никакихъ деревень, вступившихъ въ конфискацію, безъ именнаго указа ни продавать, ни раздавать, поэтому канцелярія и спрашиваетъ, какъ поступить съ имѣніемъ Неклюдова, отписаннымъ за искъ Сатина, можно ли его продать? Сенатъ приказалъ продать, изъ вырученной суммы пошлины отослать въ Юстицъ-Коллегію, а исковую сумму отдать истцу Сатину, а остатокъ возвратить владѣльцу, взявъ съ него росписку. При этомъ, Сенатъ, разъясняя, что именной указъ, на который ссылается

---

[1]) Указн. кн., № 34.

канцелярія конфискаціи, относится только къ имѣніямъ, конфискованнымъ за вины и по поводу взысканія штрафовъ, но вовсе не касается имѣній, отписываемыхъ по частнымъ искамъ, дѣлаетъ канцеляріи замѣчанія, „о чемъ было той канцеляріи Правительствующему Сенату представленія чинить не подлежало" [1]). Канцелярія это, конечно, и сама знала, но этимъ способомъ, пущеніемъ дѣла въ отложку, могла услужить Неклюдову, и значитъ отъ своей пользы отказываться не находила благоразумнымъ. Совершенно такое же предписаніе высказывается Сенатомъ и въ 1754 г., по однородному дѣлу по имѣнію Поповой, въ указѣ, напечатанномъ и въ Полномъ Собр. Законовъ [2]). По близкому съ подобными дѣлами помѣщенъ въ Полномъ Собраніи Законовъ указъ Сената 6-го сентября 1763 г., не представляющій мотивовъ, такъ какъ изъ него взята голая резолюція Сената, представляющая нѣкоторую неясность за отсутствіемъ мотивовъ, тѣмъ особенно невыгодную, что въ немъ дается норма чрезвычайной важности. Именно, въ этомъ указѣ постановлено: „когда чье движимое и недвижимое имѣніе признано будетъ за выморочное, а изъ постороннихъ кто на тѣхъ персонахъ имѣть будетъ каковыя претензіи, то, вмѣсто формальныхъ судовъ, производить слѣдствія при членѣ отъ канцеляріи конфискаціи или ея конторы, и что по слѣдствію окажется, потому и рѣшеніе чинить въ силу законовъ" [3]). Между тѣмъ въ этой указной книгѣ сохранился полный указъ Сената, разъясняющій мотивы, вызвавшіе эту резолюцію, извлеченную для помѣщенія въ Полномъ Собраніи Законовъ. Именно оказывается, что въ Сенатѣ производилось дѣло, перенесенное въ него изъ магистратской конторы по иску С.-Петербургскаго купца Леонтія Горбылева къ Гроздову. Искъ заключался въ томъ, что будто бы Гроздовъ, по бытности его, въ 1744 г., ратсгерромъ магистратской конторы, по разнымъ постороннимъ вексельнымъ претензіямъ награбилъ изъ лавки Горбылева и товарища его, купца Грахова, товаровъ на 15,234 р. 91 к., въ чемъ однакожъ Гроздовъ уличенъ не былъ, т. е. съ награбленнымъ товаромъ пойманъ не былъ; потому надлежало между Гроздовымъ

---

[1]) Указная кн., № 26.
[2]) П. С. З., № 10238.
[3]) Указной кн., № 27.

и Горбылевымъ и его товарищемъ произвести судъ на основаніи Петровскаго указа 5-го ноября 1723 г. о формѣ суда и дополненій его 3-го мая 1725 г., что̀ магистратскою конторою и было опредѣлено; но прежде, чѣмъ судъ состоялся, Гроздовъ умеръ, а имѣніе его Юстицъ-Коллегіею признано выморочнымъ. Разсуждая о томъ, какъ въ этомъ дѣлѣ поступить, Правительств. Сенатъ опредѣлилъ представить на утвержденіе императрицы такое мнѣніе, что какъ по этому дѣлу, то и по всѣмъ другимъ подобнымъ дѣламъ, когда относительно имѣнія, сдѣлавшагося выморочнымъ, явятся претензіи со стороны частныхъ лицъ, то суда не давать, а производить слѣдствіе при членѣ отъ канцеляріи конфискаціи или ея конторы. И это мнѣніе Сената императрицею утверждено 25-го августа 1763 г. [1]).

Нельзя не замѣтить, что канцелярія конфискаціи нерѣдко щадила владѣльцевъ отписныхъ имѣній и не торопилась приступать къ ихъ продажѣ съ публичныхъ торговъ. Подвергаясь за то выговорамъ со стороны Сената, она прибѣгала по временамъ къ весьма любопытнымъ уловкамъ, за которыя получала правда вновь выговоры отъ Прав. Сената. Такъ Сенатскій указъ отъ 25-го декабря 1775 г., послѣдній изъ помѣщенныхъ въ указн. книгѣ, заключаетъ также выговоръ канцеляріи, и какъ кажется, вполнѣ ею заслуженный. Изъ него видно, что когда Сенатъ послалъ подтвержденіе канцеляріи о точномъ выполненіи его инструкціи о продажѣ имуществъ, конфискованныхъ на аукціонѣ въ Москвѣ, заведенномъ согласно Петровскому указу 12-го ноября 1723 г., канцелярія конфискаціи, очевидно уклоняясь отъ безотлагательной продажи конфискованныхъ имуществъ, представила Сенату донесеніе о разныхъ своихъ недоумѣніяхъ, какъ продавать въ этомъ аукціонѣ. Именно, разъясняя, что этотъ аукціонъ въ Москвѣ заведенъ въ 1723 г., когда канцелярія конфискаціи еще не существовала, а получила она инструкцію, по которой обязана конфискованныя имѣнія оцѣнять и затѣмъ въ Москвѣ съ публичнаго торга продавать, а по дополненію инструкціи 1738 г. имѣть продажныя и цѣновныя книги, а кромѣ того, на основаніи указа 2-го мая 1772 г., она обязана жалованныя бывшимъ въ лейбъ-

[1]) № 31.

компаніи чинамъ недвижимыя имущества, оставшіяся послѣ умершихъ вотчинниковъ, въ разсужденіи низкаго наслѣдниковъ состоянія, взять въ свое вѣдѣніе и продавать, а вырученныя деньги отдавать тѣмъ наслѣдникамъ, и потому она не знаетъ, какъ ей всѣ эти имѣнія продавать чрезъ посредство Московскаго аукціона, а потому ожидаетъ отъ Сената особливаго указа. Она и дождалась этого указа, но не совсѣмъ для нея выгоднаго. Прав. Сенатъ совершенно справедливо указываетъ, что никакого недоумѣнія оно не должно было себѣ создавать, что и не рождалось никогда сомнѣнія, гдѣ и какъ ей продавать, что это и дѣлалось всегда въ Московскомъ аукціонѣ. Разъяснивъ все это, Прав. Сенатъ такъ заключаетъ: „канцеляріи конфискаціи и не должно было таковымъ недѣльнымъ представленіемъ Сенатъ излишне утруждать. О чемъ и дать ей знать указомъ съ тѣмъ, чтобъ она чиня непремѣнное потому исполненіе, впредь отъ такихъ превратныхъ толкованіевъ воздержалась“ [1]).

Но если канцелярія конфискаціи нерѣдко, ради своихъ канцелярскихъ интересовъ, искусственно создавала недоумѣнія и утруждала ими Прав. Сенатъ, то въ защиту ея надобно сказать, что иногда ей дѣйствовать дѣйствительно было трудно, что видно опять изъ указовъ, не напечатанныхъ еще, помѣстившихся въ ея указной книгѣ.

Такъ, во первыхъ, трудны были для нея распоряженія по продажѣ отписныхъ золотыхъ и серебряныхъ вещей. Скоро послѣ своего открытія она получила указъ, что отписное золото и серебро, „которое въ продажѣ станутъ дешевить, такъ что по натурѣ въ немъ чистоты золота и серебра прибыльнѣе можно передѣлать въ монету, то оное отсылать въ монетную контору, въ передѣлъ монеты, а въ убытокъ не продавать“. Для того указывается ей брать пробиреровъ (пробовальщиковъ) изъ монетной конторы, „дабы узнать, сколько въ немъ по пробѣ явится чистаго серебра, дабы въ случаѣ продажи невѣдѣніемъ убытку не учинилось“ [2]). На эти дѣла, правда, канцелярія конфискаціи не жаловалась, потому что съ пробирерами вообще, а особенно съ про-

---

[1]) Указная кн., № 43.

[2]) Указная кн., № 1—указъ 13 авг. 1730 г.

бирерами того времени, людямъ знающимъ и душою прямымъ можно жить въ мирѣ, но хлопотъ ей, конечно, было не мало. Точно также относительно мѣди, свинца, олова, желѣза, въ кускахъ и въ издѣліяхъ конфискованнаго, канцелярія ставилась нерѣдко въ затрудненія. По общему правилу, на основаніи указа 20 декабря 1737 г., она обязывалась все это отправлять въ артиллерію, получая за то указныя цѣны, а если указныхъ цѣнъ нѣтъ, то по присяжной оцѣнкѣ, при чемъ, если изъ мѣдныхъ, оловянныхъ и желѣзныхъ вещей встрѣтятся куріозы, таковые изъ артиллеріи продавать охочимъ людямъ по пропорціи цѣны за мѣдь противъ серебра. Между тѣмъ артиллерія нерѣдко мѣдную и оловянную посуду не принимала, по крайней мѣрѣ, не доставляла за нее денегъ. Это побудило канцелярію конфискаціи сдѣлать въ 1742 г. (іюля 12) представленіе Сенату о дозволеніи всякую такую посуду пускать въ продажу съ публичныхъ торговъ, и если на торгахъ дадутъ цѣну бо̀льшую, чѣмъ указныя цѣны, которыя могутъ быть получены отъ артиллеріи, то продавать съ торговъ, а если цѣны будутъ предлагать меньшія, то отсылать въ артиллерію. Сенатъ указомъ 21-го іюля разрѣшилъ это [1]), и тѣмъ конечно далъ канцеляріи возмо́жность посодѣйствовать увеличенію казеннаго интереса.

Во вторыхъ, не мало хлопотъ встрѣчала канцелярія по продажѣ товаровъ, конфискованныхъ въ портовыхъ таможняхъ.

По весьма плохому финансовому методу XVIII ст. выдачи авансовъ присутственнымъ мѣстамъ, оказывается, что ни у таможенъ, ни у канцеляріи конфискаціи не было денегъ для перевозки конфискованныхъ въ таможнѣ товаровъ, вслѣдствіе чего таковые весьма долго тамъ оставались и приходили въ истлѣніе, дѣйствительное ли или фиктивное—неизвѣстно, но канцелярскимъ порядкомъ точно означавшееся. Когда Сенатъ возбуждалъ объ этомъ вопросъ, появлялись и донесенія. Такъ, между прочимъ, въ 1765 г. С.-Петербургская контора канцеляріи конфискаціи (дѣйствовавшей тогда въ Москвѣ) доноситъ Сенату, что на ея требованіе о присылкѣ изъ С.-Петербургской портовой таможни арестованныхъ у иностраннаго купца Бомоса Ишварца товаровъ,

---

[1]) Указная книга, № 22.

поступило изъ главной надъ таможенными сборами канцеляріи сообщеніе, что этихъ товаровъ много и для доставленія ихъ въ контору канцеляріи конфискаціи потребуются подводы, а денегъ для найма такихъ не имѣется, а и контора канцеляріи конфискаціи съ своей стороны также никакихъ суммъ на это не имѣетъ, отчего товары и остаются непринятыми и непроданными. Прав. Сенатъ указомъ 21 дек. 1765 г. такъ это дѣло разрѣшилъ: контора канцеляріи конфискаціи обязана товары эти принять, перевезти, и изъ вырученной отъ продажи суммы заплатить за подводы, и держаться этого правила и на будущее время, какъ канцеляріи конфискаціи, такъ и ея конторѣ [1]).

Не менѣе хлопотъ и затрудненій, въ третьихъ, встрѣчала канцелярія конфискаціи въ пересылкѣ денегъ. Въ XVIII ст. вопросп пересылки денегъ составлялъ вообще трудный вопросъ, при недостаточной организаціи почтъ и сколько нибудь обезпеченныхъ способовъ пересылки денежной корреспонденціи. Гг. офицеры, эти администраторы XVIII ст. по преимуществу, а по ихъ примѣру и Петровскіе рентмейстеры выходили изъ такого затрудненія приложеніемъ толкованій, что это лежитъ на повинности крестьянъ. Дѣйствительно, на помѣщичьихъ крестьянахъ лежала повинность выставлять изъ своей среды, подъ круговою отвѣтственностію, счетчиковъ денежной казны, которыхъ администраторы того времени, для поощренія тщательнаго исполненія повинности, сажали на цѣпь и изъ своихъ рукъ смертнымъ боемъ бивали. Самую повинность счета денегъ распространяли и на обязанность крестьянъ доставить деньги въ Петербургъ или въ другой пунктъ. А случалось и такъ, что возлагая на крестьянина, дѣлающагося, по произволу администратора, повиннымъ везти деньги, обязанность свезти нѣсколько мѣшковъ монеты, выставляли на накладной бо̀льшую сумму, чѣмъ находилось дѣйствительно въ мѣшкахъ, — какъ это случилось, напримѣръ, съ Костромскимъ рентмейстеромъ Каблуковымъ [2]). Однимъ словомъ, дѣло перевозки денегъ было трудное, что испытывала и канцелярія конфискаціи, и вотъ по какому поводу. Послѣ открытія

---

[1]) Указная книга, № 35.

[2]) Описаніе докум. и дѣлъ Св. Синода, т. II, № 44.

дворянскаго банка, между конфискованными имѣніями стали оказываться заложенныя въ банкѣ, отписывавшіяся по требованіямъ банковъ за неплатежъ въ положенные сроки занятыхъ денегъ. На основаніи указовъ 1761 и 1765 гг. канцелярія конфискаціи, взявъ такія имѣнія въ свое управленіе, обязана была получаемые доходы отсылать въ банки въ уплату процентовъ и капитальнаго долга. Какимъ же образомъ эти деньги доставлять? Канцелярія предполагала сбирать на прогоны по пересылкѣ денегъ съ крестьянъ этихъ заложенныхъ имѣній, съ каждаго рубля ихъ оброка, по скольку придется. Но сенатъ такого предложенія канцеляріи не уважилъ и въ 1767 г. предписалъ ей озаботиться такія деньги переводить чрезъ векселя, отдавая надежнымъ людямъ, съ надлежащею предосторожностію, а если таковыхъ не найти, то отправлять эти деньги при оказіи съ прочею денежною казною, отправляемою изъ другихъ присутствій въ штатсъ-контору, но за провозъ этихъ денегъ особыхъ прогоновъ не платить, дабы не отягощать крестьянъ излишними сборами. Но въ 1774 г. канцелярія конфискаціи вновь доноситъ сенату, что она получила изъ Тульской и Пензенской провинціальныхъ канцелярій увѣдомленія, что охотниковъ на выдачу векселей тамъ не имѣется, и съ прочею денежною казною этихъ денегъ безъ платежа прогоновъ пересылать не удается, такъ какъ ямщики и наемщики, сверхъ оказавшагося вѣса въ денежной казнѣ, никакихъ новыхъ пакетовъ безъ платежа прогоновъ не принимаютъ, а отъ замедленія доставки этихъ денегъ въ банки должники несутъ напрасные убытки, такъ какъ банки до самаго полученія денегъ насчитываютъ на нихъ проценты,—почему канцелярія предлагаетъ платить эти прогоны изъ доходовъ съ заложенныхъ имѣній, что будетъ въ итогѣ для должниковъ дешевле, а она уже часть такой суммы изъ Пензы, 1769 р., переслала, заплативъ прогоны изъ доходовъ съ другихъ деревень, въ ея вѣдѣніи находящихся. Сенатъ не одобрилъ такого распоряженія, повелѣвъ держаться указанныхъ прежде пріемовъ, а если не окажется возможнымъ, то платить прогоны только съ доходовъ заложенныхъ банку имѣній по принадлежности [1]).

---

[1]) Указная кн., № 40.

Таково содержаніе этихъ 27 указовъ, помѣстившихся въ указной книгѣ канцеляріи конфискаціи. Несомнѣнно ихъ содержаніе содѣйствуетъ освѣщенію администраціи XVIII ст.: патріархальность старыхъ канцелярскихъ порядковъ перемѣшивается съ недобрыми инстинктами, неуваженіе къ законности поощряется развитіемъ неудержимыхъ стремленій попользоваться землями казенными и конфискованными. Все это въ совокупности значительно извиняетъ недостатки и позднѣйшей администраціи, получившей отъ этой практики XVIII ст. такое наслѣдство, которое слѣдовало конфисковать ради интересовъ государства и требованій права.

И. Е. Андреевскій.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ

ВЪ ЕГО ПИСЬМАХЪ

1827—1845 гг.

Письма А. И. Тургенева уже давно оцѣнены въ нашей литературѣ по своему достоинству. Еще въ тридцатыхъ годахъ князь П. А. Вяземскій писалъ о нихъ: „Глубокомысліе, остроуміе, вѣрность и тонкая наблюдательность слога, полнаго жизни, движенія, которыя вездѣ пробиваются сквозь небрежность и бѣглость выраженія, служатъ лучшимъ доказательствомъ того, чего можно было бы ожидать отъ пера писавшаго такимъ образомъ про себя, когда слѣдовало бы ему писать про другихъ; а въ 1870-хъ годахъ И. И. Срезневскій находилъ желаннымъ, чтобы изъ писемъ А. И. Тургенева была составлена книга, которая будетъ необходима для „всякой семейной библіотеки русской. По ней могли-бы дѣти и не дѣти воспитывать себя и въ правдивости, и въ высшихъ стремленіяхъ ума и чувства общечеловѣческаго и вмѣстѣ русскаго".

Указываемыми качествами въ полной мѣрѣ отличаются и печатаемыя письма, которыя мы получили отъ покойнаго К. С. Сербиновича въ 1871 году. Служебное положеніе Сербиновича: директоръ канцеляріи оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода и редакторъ журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, придаетъ этимъ письмамъ особенный интересъ.

Напомнимъ, что на страницахъ нашего изданія уже были помѣщены біографическія свѣдѣнія какъ объ А. И. Тургеневѣ („Припоминанія" И. И. Срезневскаго „Русск. Стар." 1875 г., т. XIII, стр. 555—564), такъ и о К. С. Сербиновичѣ (1874 г., т. XI, стр. 44—75; 236—272). Замѣтимъ здѣсь кстати, что К. С. Сербиновичъ оставилъ послѣ себя обширное собраніе бумагъ и переписки, результатъ многолѣтней, весьма разнообразной его дѣятельности. Весь этотъ семейный архивъ пріобрѣтенъ въ настоящее время отъ наслѣдниковъ Сербиновича княземъ П. П. Вяземскимъ.

По нашей просьбѣ предлагаемыя письма приготовлены къ печати и снабжены примѣчаніями Н. П. Барсуковымъ. Ред.

I.

Дрезденъ, 26 дек. 1826 г. (7 янв. 1827).

Два письма ваши, любезнѣйшій Константинъ Степановичъ, я получилъ и читалъ ихъ не только съ истиннымъ удовольствіемъ, но и съ благодарностію, которую не перестану никогда къ вамъ чувствовать. Я всегда радовался вашими успѣхами по службѣ, но испытавъ неоднократно благородство вашего характера, желаю вамъ болѣе и болѣе дѣятельности и для пользы самой службы. Я увѣренъ, что и новое начальство (1) отдастъ вамъ всю справедливость и по любви къ справедливости, и по уваженію къ памяти того, кто зналъ вамъ всю цѣну и любилъ говорить о вашихъ достоинствахъ (2). Ему обязанъ я и вашею привязанностію, ибо онъ и въ васъ заронилъ искру того чувства, которое самъ питалъ ко мнѣ. Будемъ же мы хранить, питать любовь къ Нему: въ ней чистота души нашей и жизнь сердца. Передайте отъ меня дружескій поклонъ и доброму Б. М. Өедорову (3) и скажите, что я ожидалъ съ нетерпѣніемъ Альманаха; радуюсь за него и за читателей, что и Ек. Анд. Кар. (4) позволила напечатать нѣсколько страницъ нашего благодѣтеля и что и Вяземскій даетъ ему стихи свои. Батюшковъ и Жуковскій у него также будутъ. Публика будетъ ему благодарна за сей подарокъ. К. Я. Булгаковъ (5) найдетъ случай переслать ко мнѣ новинки литературныя. Но жалѣю, что Бор. Мих. не увѣдомилъ меня о себѣ: что съ нимъ дѣлается и Музамъ-ли только онъ служитъ? Полагая, что вы занимаетесь порученнымъ вамъ нѣкогда дѣломъ (6), я отмѣчалъ въ журналахъ тѣ книги, кои могли-бы быть вамъ полезны. Теперь вы заняты уже другимъ; иначе бы я обратилъ ваше вниманіе на періодическое изданіе, которое записалъ я, имѣя въ виду ваше занятіе: «Litteratur-Zeitung für deutsche Volksschullehrer oder kritischer Quartalbericht von den neuesten litterärischen Erscheinungen im Gebiete des Schul-und Erziehungswesens». Въ годъ выходитъ только 4 книжки, въ Ильменау; но въ нихъ много наставительнаго для тѣхъ, кто занимается учебною частію. Нѣмцы трудолюбивы и сбираютъ въ свои котомки плоды чужой и своей опытности въ дѣлѣ воспитанія. Изъ прилагаемаго у сего листа вы увидите ихъ журнальное богатство (хотя оно тутъ еще не вполнѣ), но у нихъ есть и книги. Если онѣ вамъ нужны будутъ для вашего дѣла по службѣ, то напишите что̀ прислать къ вамъ и я воспользуюсь первымъ случаемъ. Желалъ бы указать вамъ, гдѣ найти тѣ руко-

писи, о коихъ вы упоминаете въ послѣднемъ письмѣ вашемъ и кои вамъ нужны для изданія XII тома Р. И. (7), но не знаю куда онѣ дѣвались. Разряды, вѣроятно, отправлены въ Московскій Архивъ иностранныхъ дѣлъ, откуда, сколько помню, бралъ ихъ Н. М. Не знаю, кому принадлежала Латухинская степенная книга (8). Едва-ли не гр. Ѳ. Толстому (9), которому я, по порученію Н. М., возвратилъ нѣсколько книгъ, передъ переѣздомъ въ Таврическій дворецъ. Нѣтъ-ли у него и списка Бояръ, да и степенной книги Латух.? Паерле и Беръ (10) принадлежали едва-ли не гр. Сергѣю Петр. Румянцову. О Ключаревѣ ничего не знаю; вы помните, что оставшіяся книги и рукописи Н. М. уложилъ въ особый ящикъ и хранятся въ домѣ Межуева, если не ошибаюсь. Екат. Ѳед. (11) знаетъ обо всемъ, а Екатерина Николаевна помнитъ, безъ сомнѣнія, гдѣ что лежитъ; ибо она со мною укладывала книги и рукописи, по указанію покойнаго. Благодарю васъ и за участіе, которое вы приняли въ курьерѣ Семенѣ; я предсказывалъ ему, что эта служба не обезпечитъ его содержанія. Скажите ему, что я просилъ С. П. Жихарева (12) выдавать ему 90 руб. въ годъ, и поручить кому нибудь эту выдачу въ Петербургѣ, начавъ оную съ 1-го сентября 1826 года. Этотъ окладъ будетъ ему отъ насъ производиться до тѣхъ поръ, пока мы въ состояніи будемъ; но съ тѣмъ, чтобы онъ велъ себя добропорядочно. При первомъ извѣстіи о худомъ поведеніи и окладъ прекратится. Надобно, чтобы и жена его трудами способствовала содержанію семейства. Прошу васъ не оставлять вашими добрыми совѣтами и иногда давать ему чувствовать, что вы надзираете за его поведеніемъ, по моей о семъ покорнѣйшей просьбѣ.

Я уже давно не получалъ писемъ отъ сиротъ Ревельскихъ (13). Сбираюсь отвѣчать имъ на послѣднее; но ничто не мѣшаетъ мнѣ думать о нихъ ежедневно. Напишите къ нимъ обо мнѣ и скажите, что письмо ихъ, хотя и давно уже полученное, не покидаетъ меня. Скоро самъ писать къ нимъ буду. Когда увидимъ мы 12-й томъ Р. И.?

Братъ мой Сергѣй (14) вамъ кланяется и благодаритъ за воспоминаніе. Ему лучше и силы мало по малу возвращаются, но онъ смотритъ все еще такимъ старикомъ, что и я еще не могъ привыкнуть къ худобѣ его и къ морщинамъ. Образъ жизни регулярный и спокойствіе души, если оно возможно? можетъ быть, возвратятъ ему хоть часть утраченнаго здоровья! Къ счастію, съ нами Жуковскій (15); разставшись съ нимъ, мы недолго здѣсь останемся и на лѣто укроемся, вѣроятно, въ горахъ Швейцарскихъ, ибо жаръ вреденъ брату. Во всякомъ случаѣ прежде половины апрѣля изъ Дрездена

не выѣдемъ. Поклонитесь отъ меня Г. И. Карташевскому [1]) и Н. Ѳ. Покровскому, и послѣднему дружески пожмите за меня руку. Желаю ему здоровья для него самаго и для пользы сиротскаго дѣла, которое въ немъ имѣетъ ревностнаго исполнителя. Здѣсь бывшая наша предсѣдательница К. Мещерская (16) и мы часто о немъ вспоминаемъ. Если кто вспомнитъ обо мнѣ, то поблагодарите за меня и скажите, что и я всѣхъ помню. Живу и здѣсь въ Итальянской Слободкѣ, im Italienischen Dörfchen № 9. Читаю много и многое; давно или лучше со времени Гетингена (17), не велъ такой порядочной и дѣятельной жизни. Не успѣваю всего дочитывать, что необходимо дочитать должно, хотя со временемъ. Голова освѣжилась, да и душа съ нѣкотораго времени спокойнѣе. Но и для самонужнѣйшей переписки недостаетъ времени; въ этомъ и мое извиненіе передъ вами въ томъ, что такъ долго не отвѣчалъ вамъ.—Вѣчная память Нестору Католическаго Духовенства (18); желаю хорошаго преемника, но и Цѣцишевскій (19) не многимъ моложе. Надобно готовить достойныхъ пастырей Римской церкви устройствомъ богатой Виленской Духовной Академіи. Въ матеріальныхъ средствахъ недостатка нѣтъ. Кланяйтесь всѣмъ сослуживцамъ и особенно Геце [2]) сказавъ ему, что я весь въ нѣмецкой словесности, учебной и ученой, и едва успѣваю освѣжаться англійскою; попросите его поклониться отъ меня Феслеру (20) и увѣдомить, что я здѣсь прочелъ и послѣднюю его книгу: Завѣтъ его потомству. Много умнаго и глубокаго; но о многомъ судитъ и этотъ Ларинъ поверхностно. Благодарю Феслера и за слова обо мнѣ, въ біографіи его сказанныя; въ нихъ видно болѣе дружбы ко мнѣ, нежели справедливости. Утѣшительно было бы одно мнѣніе, если бы я могъ отъ другихъ заслужить его: что желалъ добра всѣмъ и каждому, а зла никому. Et voluisse sat est.

Простите, любезнѣйшій. Когда вздумаете писать, то адресуйте письма прямо на мое имя: Ins Ital-Dörfchen № 9, или poste restante, какъ угодно, и пользуйтесь оказіями, кои чаще случаются у К. Я. Булг. Еще разъ простите и вѣрьте искреннѣйшей привязанности и почтенію вашего покорнаго слуги—А. Тургенева.

A Monsieur Serbinovitsch, attaché au Département de l'instruction publique à St.-Pétersbourg.

---

[1]) Григорій Ивановичъ Карташевскій умеръ въ 1840 г., въ званіи сенатора, и былъ женатъ на сестрѣ С. Т. Аксакова Надеждѣ Тимоѳеевнѣ.

[2]) Петръ Петровичъ Гецъ скончался въ Спб., въ 1880 году.

Н. Б.

Примѣчанія. 1) Во второй половинѣ 1826 года К. С. Сербиновичъ назначенъ былъ цензоромъ Главнаго Цензурнаго Комитета; а 25 ноября того же года, товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія сталъ Д. Н. Блудовъ („Русск. Старина“ 1874 г., т. XI, стр. 272; „Истор. Имп. Моск. Унив.“ М. 1855, стр. 470).

2) О своихъ отношеніяхъ къ Карамзину, Сербиновичъ самъ разсказалъ въ своихъ любопытнѣйшихъ „Воспоминаніяхъ“, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“ 1874 г. т. XI, стр. 44—75; 236---272.

3) Въ 1827 году Б. М. Ѳедоровъ издалъ альманахъ: „Памятникъ Отечественныхъ Музъ“, въ которомъ между прочимъ помѣщены: Отрывки изъ писемъ Батюшкова къ А. И. Тургеневу, Нѣсколько мыслей Карамзина и письмо послѣдняго къ Батюшкову; Письма А. А. Петрова къ Карамзину; Посланіе Батюшкова къ А. И. Тургеневу. Изъ произведеній: кн. П. А. Вяземскаго—Эпиграма: „Кто будетъ красть стихи твои?“ и отрывокъ изъ стихотворенія: „Деревня“; Жуковскаго: Поэзія въ видѣ Лалла-Рукъ, отрывокъ изъ письма въ Москву, стихи, присланные съ комедіями къ К., Къ ней, Письмо къ А. А. Нарышкину, На смерть чижика, Надгробіе И. П. и Андр. Ив. Тургеневымъ, Къ графинѣ Ш., Амуръ и мудрость, Невыразимое; А. С. Пушкина: Романсъ, Желаніе, Заздравный кубокъ, Фавнъ и Пастушка, Къ живописцу, Сонъ, отрывокъ изъ Новгородской повѣсти Вадимъ. Баронъ Дельвигъ писалъ по этому поводу къ Пушкину: „Обними Баратынскаго и Вяземскаго и подумайте, братцы, объ моихъ „Цвѣтахъ“. Не осрамите моихъ сѣдинъ передъ Ѳедоровымъ. За канцелярскія услуги А. И. Тургеневъ наградилъ его статьями Карамзина и Батюшкова. Каково это“! („Русск. Архивъ“ 1880. II, стр. 505).

4) Екатерина Андреевна Карамзина (род. 1780 † 1851), супруга исторіографа Карамзина и сестра князя П. А. Вяземскаго.

5) О братьяхъ Булгаковыхъ Александрѣ и Константинѣ Яковлевичахъ см. „Воспоминаніе“ князя П. А. Вяземскаго, напечатанное въ „Русскомъ Архивѣ“ 1868 г., стр. 1436—1445. Константинъ Яковлевичъ былъ почтъ-директоромъ въ С. Петербургѣ, а Александръ Яковлевичъ занималъ ту же должность въ Москвѣ.

6) Сербиновичъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ пишетъ: находясь при министрѣ Шишковѣ, я имѣлъ часто отъ директора канцеляріи, кн. П. А. Шихматова разныя порученія, относившіяся къ дѣламъ просвѣщенія. Мой прежній начальникъ А. И. Тургеневъ снабжалъ меня изъ своей сокровищницы разными статьями, книгами и указаніями („Русск. Стирина“ 1874. XI, стр. 245).

7) Карамзинъ, думая кончить XII томъ своей исторіи за границею, поручилъ Д. Н. Блудову заняться его изданіемъ въ Петербургѣ. По кончинѣ Карамзина, Блудовъ „почелъ непремѣннымъ долгомъ своимъ исполнить его волю“ и издать XII томъ, хотя неоконченный. Въ сотрудники къ себѣ Блудовъ пригласилъ Сербиновича. Изготовленныя послѣднимъ „Примѣчанія“ къ тому были „тщательно пересматриваемы Блудовымъ, который, сличая ихъ содержаніе съ текстомъ, останавливался надъ всѣми подробностями“ („Русск. Старина“ 1874. XI, стр. 270—271).

8) Такъ называемая Латухинская рукописная Степенная Книга, получена Карамзинымъ отъ Болохпнскаго купца Латухина („И. Г. Р.“ I,

пр. 532). Ссылки на этотъ манускриптъ встрѣчаются въ I, VI, VII, VIII, IX, X, XI и XII томахъ „Исторіи Государства Россійскаго“.

9) Графъ Ѳ. А. Толстой (род. 1758 † 1849) знаменитый собиратель памятниковъ древней нашей письменности не былъ библіотафомъ. Строевъ и Калейдовичъ свидѣтельствуютъ: „хранилище нашего патріота доступно всѣмъ изыскателямъ древности. Россійскій исторіографъ извлекъ изъ него многіе матеріалы для безсмертнаго своего творенія“.—Свѣдѣнія о немъ помѣщены въ книгѣ нашей „Жизнь и Труды П. М. Строева“ Спб. 1878.

10) Купецъ Аугсбургскій Георгъ Паерле, въ 1606 году, съ дорогими товарами пріѣхалъ изъ Кракова въ Москву. Здѣсь его настигла смута, послѣдовавшая послѣ смерти Димитрія Самозванца. Едва спасшись отъ смерти, онъ нашелъ себѣ убѣжище во дворѣ посольскомъ, гдѣ вмѣстѣ съ другими иноземцами онъ прожилъ около 18 мѣсяцевъ. Въ этомъ заточеніи Паерле написалъ: „Записки о путешествіи изъ Кракова въ Москву, и обратно, съ 19 марта 1606 по 15 декабря 1608“.—Мартинъ Беръ жилъ въ Россіи болѣе 12 лѣтъ, при Борисѣ Годуновѣ, Димитріи Самозванцѣ, Василіи Шуйскомъ и во все время междуцарствія. Все видѣнное и слышанное имъ въ это время и составило предметъ его „Лѣтописи Московской съ 1584 по 1612“. Оба сочиненія въ русскомъ переводѣ изданы Устряловымъ: „Сказанія современниковъ Димитріи Самозванцѣ“. Спб. 1859 (ч. I, стр. 3—143; 147—234).

11) Екатерина Ѳедоровна Муравьева (урожденная баронесса Колокольцова), была супруга извѣстнаго писателя и царскаго наставника Михаила Никитича Муравьева, которому Карамзинъ обязанъ былъ исходатайствованіемъ званія исторіографа. Въ 1816 году, когда Карамзинъ пріѣхалъ въ Петербургъ, Е. Ѳ. Муравьева отвела ему помѣщеніе въ своемъ домѣ, у Аничкова моста (Бартеневъ „Русск. Арх.“ 1867, стр. 455—466).

12) Степанъ Петровичъ Жихаревъ, извѣстный авторъ „Записокъ Современника“, Спб. 1859, былъ товарищемъ А. И. Тургенева по Арзамасу, въ которомъ Жихаревъ имѣлъ прозвище Громобоя.

13) 13 іюня 1826 года, вскорѣ послѣ кончины Карамзина, семейство его отправилось въ Ревель. Съ нимъ вмѣстѣ поѣхалъ туда и князь П. А. Вяземскій („Русск. Стар.“ XI, стр. 269).

14) Князь П. А. Вяземскій писалъ къ И. И. Дмитріеву (изъ Ревеля, отъ 22 іюня 1826 года): „Бѣдный нашъ Тургеневъ! Къ жестокому безпокойствію его объ участи брата Николая, прибавилось не менѣе жестокое безпокойствіе о братѣ Сергѣѣ. Ему пишутъ изъ Дрездена, что онъ боленъ и болѣзнь его по всѣмъ признакамъ есть родъ помѣшательства въ умѣ, которое безъ сомнѣнія есть слѣдствіе сильнаго потрясенія при извѣстіи о судьбѣ, угрожающей брату“ („Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву“. Изд. Грота и Пекарскаго. Спб. 1866, стр. 428).

15) Зиму 1826 года и начало 1827 года Жуковскій, по болѣзни, провелъ въ Дрезденѣ. Въ маѣ онъ, вмѣстѣ съ Тургеневыми, отправился въ Парижъ, гдѣ Сергѣй Ивановичъ Тургеневъ вскорѣ и умеръ (кн. Вяземскій „Русск. Архивъ“ 1876, II, стр. 91).

16) Княгиня Софья Сергѣевна Мещерская (урожд. Всеволожская), род. въ 1775 г., скончалась въ Москвѣ въ 1852 году. Ее отпѣвалъ, по собственному вызову, митрополитъ Московскій Филаретъ. Въ день погребенія княгини, А. Н. Муравьевъ обѣдалъ у митрополита и, говоря съ нимъ о добродѣтеляхъ покойной, сказалъ ему: „я видѣлъ, что вы были очень тро-

нуты, когда посыпали лице ея землею, и я понималъ ваше чувство, потому что вы любили императора Александра I, а она пользовалась его любовію. Митрополитъ отвѣчалъ мнѣ:—я дѣйствительно уважалъ княгиню, и она кажется была ко мнѣ благосклонна, но не въ то время, когда пользовалась милостями Государя и принимала участіе въ дѣлахъ духовныхъ" („Письмо М. М. Филарета къ А. Н. М." К. 1869, стр. IV)

17) А. И. Тургеневъ былъ ученикомъ Шлецера и находился въ Геттингенѣ въ то время, когда Щлецеръ приступилъ къ изданію „Нестора" (Поповъ. „Шлецеръ. Разсужденіе о Русской Исторіографіи". Моск. Сборн на 1847 г., стр. 479).

18) Станиславъ Сестринцевичъ Богушъ, митрополитъ католическихъ церквей въ Россіи, род. 1731 † 1826 г.

19) Цѣцишевскій, епископъ Волынскій и Подольскій. Еще въ 1820 г. В. Н. Каразинъ указывалъ на него Министру Внутреннихъ Дѣлъ графу В. П. Кочубею, какъ на человѣка достойнаго быть преемникомъ митрополиту Сестринцевичу („Русск. Стар." 1870. II, 376).

20) Фесслеръ, сынъ отставнаго вахмистра австрійской службы, содержавшаго гдѣ-то въ Венгріи трактиръ, родился въ 1756 году и 17-ти лѣтъ былъ постриженъ въ капуцины, но вскорѣ оставилъ монашество, опредѣлился профессоромъ восточныхъ языковъ и философіи при Лембергскомъ университетѣ, и наконецъ, бѣжавъ въ Пруссію и перейдя изъ католицизма въ лютеранскую вѣру, женился и снискивалъ себѣ въ Берлинѣ хлѣбъ учеными занятіями и адвокатурою. Масонъ и иллюминатъ, человѣкъ необыкновенно умный, ученый, съ блестящимъ перомъ и даромъ слова, онъ, по мнѣнію многихъ, не щеголялъ, однакоже, нравственными своими правилами. Когда въ 1808 году въ Александроневскую Академію понадобился преподаватель еврейскаго языка, проф. Лоди рекомендовалъ на эту каѳедру Фесслера. По письму Сперанскаго, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ январѣ 1810. Фесслеръ былъ потомъ Саратовскимъ суперинтендентомъ и умеръ въ 1839 году, въ одинъ годъ съ Сперанскимъ. Оставилъ послѣ себя записки. (Корфъ. „Жизнь графа Сперанскаго". Спб. 1861. I, стр. 256—257). При открытіи Академіи преподаваніе философіи поручено было баккалавру Евгенію Казанцову (впослѣдствіи архіепископъ Ярославскій). Но когда прибылъ изъ Берлина Фесслеръ, вызванный на классъ еврейскаго языка, и показалъ отличныя свѣдѣнія въ философіи, то онъ опредѣленъ былъ профессоромъ этой науки. Въ своемъ преподаваніи онъ показалъ „особенную склонность къ мистицизму (Чистовичъ. „Исторія. Спб. Духовн. Академіи" Спб. 1857, стр. 193). Почтенный адмиралъ Шишковъ такъ отозвался въ комитетѣ гг. министровъ (24 мая 1824 г.) о дѣятельности Фесслера въ Саратовѣ: „Обширныя порученія иностраннымъ проповѣдникамъ и учителямъ, изгнаннымъ изъ ихъ отечества, или, по крайней мѣрѣ, признаваемымъ за людей худыхъ правилъ, и можетъ быть нарочно посылаемымъ къ намъ для разрушенія мира и тишины, необходимо долженствовали, какъ и слышно, произвесть немалые плоды посѣяніемъ въ простомъ народѣ всякихъ ересей и буйства („Записки". Берлинъ. 1870. II, 204—205).

Н. П. Барсуковъ.

II[1]).

Лондонъ, 28-го января 1831 г.
№ 9. Warwick-Street, pall-mall East.

Третьяго года я обращался къ вамъ съ просьбою и вы съ обыкновенною вашею исправностію исполнили оную; но я поздно, по пріѣздѣ въ Дрезденъ, получилъ письмо ваше и потому не благодарилъ васъ. Теперь снова обращаюсь къ вамъ съ новою просьбою, увѣренъ будучи, что ничто не перемѣнило въ васъ того дружескаго расположенія, которое вы нѣкогда ко мнѣ имѣли. И такъ къ дѣлу: въ теченіе прошедшаго года я писалъ нѣсколько писемъ къ Конст. Яковл. Булгакову; бо̀льшая часть оныхъ не требовала никакого отвѣта, ибо я, не зная къ кому обратиться и не зная гдѣ находился министръ внутреннихъ дѣлъ (21), посылалъ, чрезъ почтъ-директора, письма, брошюры и книги о холерѣ, для доставленія куда и кому слѣдуетъ, предоставляя все сіе на его, г. Булгакова, усмотрѣніе. Зная его безчисленныя занятія и глазную боль, я не ожидалъ отвѣта; но за два года предъ симъ Конст. Яковл. требовалъ, чтобы я ему и никому другому не поручалъ полученіе и препровожденіе ко мнѣ моего жалованья, или пенсіи—точно не знаю (9000 въ годъ) и арендной ежегодной суммы (около 1200 сер.), которую я получаю по продажѣ аренды имъ же, Константиномъ Яковлевичемъ. Не получая ни отъ него, ни отъ моего друга г. Жихарева никакого извѣстія о сихъ суммахъ, я, передъ отъѣздомъ изъ Парижа, писалъ къ сему послѣднему объ увѣдомленіи меня, сколько я могу позволить себѣ проживать въ чужихъ краяхъ, желая, подъ бременемъ лѣтъ и горестей, имѣть камердинера, если необходимость того потребуетъ. Ст. Петр. Жихаревъ отвѣчаетъ мнѣ отъ 15-го (27-го) декабря 1830 г.: «Жалованьемъ вашимъ располагаетъ Булгаковъ. Я писалъ уже къ нему, чтобы онъ вамъ оное выслалъ». Но объ арендѣ и Жихаревъ ничего не отвѣчаетъ, полагая, вѣроятно, и ее въ категоріи жалованья. Третьяго года Конст. Яковл. требовалъ отъ меня также (въ прошедшемъ году я не получалъ отъ него ни строки), чтобы я высылалъ къ нему свидѣтельства о жизни, отъ посольствъ, и я за два мѣсяца предъ симъ послалъ къ нему въ послѣдній разъ свидѣтельство о жизни, скрѣпленное нашимъ париж-

---

[1]) Послать сіе письмо немедленно къ г. Сербиновичу. Прочти его, если хочешь. А. Т.

скимъ посольствомъ. Но и на это ни письма, ни денегъ не получилъ. Теперь я прошу васъ, по полученіи сего письма, немедленно сходить къ К. Я. Булгакову и узнать отъ него, 1-е, получилъ-ли онъ всѣ мои письма, книги и записки о холерѣ къ Закревскому, чрезъ почту изъ Парижа одинъ разъ, и нѣсколько разъ съ посольскими курьерами посланныя? 2-е, получилъ-ли онъ свидѣтельство о жизни за два мѣсяца à peu près изъ Парижа, посланное чрезъ наше посольство, или по почтѣ, точно не упомню, 3-е, если получилъ, то приняты-ли для меня изъ казны деньги, когда и сколько и когда въ послѣдній разъ къ Жихареву посланы, или не посланы? 4-е, сколько слѣдуетъ мнѣ получить изъ казны и сколько арендныхъ и за какое время?—Присылать-ли новое свидѣтельство о жизни? 5-е, можно-ли надѣяться, что купившій аренду и теперь исправно будетъ присылать слѣдующія мнѣ суммы и посылалъ-ли онъ и по сію пору исправно, или не посылалъ, и въ семъ послѣднемъ случаѣ, 6-е, съ котораго времени и за который годъ онъ не доставилъ условленной суммы? и 7-е, какъ съ него вытребовать оную и какъ обезпечить вѣрное полученіе сего дохода на будущее время?

Прошу васъ, выписавъ сіи запросы, попросить на каждый изъ оныхъ отвѣтъ отъ Констант. Яковл. и прислать мнѣ оные сюда немедленно. Естьли же онъ скажетъ вамъ, что самъ будетъ отвѣчать мнѣ, то примите на себя трудъ, настоять на томъ, что вы хотите обо всемъ меня особо увѣдомить и потребуйте его отзыва на каждый вопросъ и перешлите мнѣ оный, оставивъ ему копію съ сихъ запросовъ и съ того, что въ письмѣ къ нему относится; въ случаѣ нужды можете показать и все письмо.—Адресъ мой на Лондонъ, въ началѣ сего письма. Пишите безъ всякихъ церемоній, и не дѣлая, безъ нужды, пакетовъ, дабы сократить ваши издержки и мои. Я съ благодарностію возвращу вамъ все, что вы на почту и на разныя обо мнѣ хлопоты издержите. Я давно сбирался къ вамъ обратиться, по дѣламъ моимъ въ Петербургѣ; но сихъ дѣлъ такъ не много и все мнѣ что-то совѣстно занимать теперь другихъ собою,—вамъ и другимъ не до насъ. Я то чувствую; но въ теперешнихъ обстоятельствахъ я необходимо долженъ былъ къ кому нибудь въ Петербургѣ прибѣгнуть, ибо соотчичи разстроили мой кошелекъ въ Парижѣ займами безъ уплаты и пр. Подумавъ же безпристрастно, а можетъ быть и пристрастно, я не нашелъ никого, кто бы съ подобною вашею акуратностію и съ вашимъ доброжелательствомъ ко мнѣ могъ взяться за такіе скучныя хлопоты. Я, можетъ быть, если холеры весною не будетъ въ Москвѣ, не болѣе 2-хъ мѣсяцевъ здѣсь пробуду и желалъ-бы, какъ можно скорѣе, имѣть вашъ адресъ, дабы,

прямо, а не чрезъ другихъ, писать къ вамъ. Увѣдомьте и о судьбѣ вашей по службѣ и въ частной жизни.

Вотъ еще нѣсколько запросовъ, не столь прозаическихъ какъ первые: 1) Сказать мнѣ откровенно и обстоятельно о здоровьѣ Жуковскаго, спросивъ о томъ хотя Ѳедора, его камердинера. Каково оно въ сравненіи съ дрезденскимъ или берлинскимъ, въ 1829 году?— Узнать, отъ его Ѳедора, цѣлы-ли всѣ мои вещи, бумаги, шкатулки и посмотрѣть гдѣ онѣ хранятся и отъискалъ-ли шлафрокъ моего Сережи, съ фельдъегеремъ посланный?—всѣ-ли мои письма Жуковскій получаетъ? 2) Увѣдомить подробно о Карамзиныхъ, въ числѣ коихъ въ моемъ сердцѣ вѣчно и Катенька княгиня Мещерская. (22) Гдѣ онѣ? что дѣти? получили-ли длинное письмо мое? (изъ Парижа прошлаго года). Чему и какъ учатся дѣти? Здорова-ли Кат. Андр. и весела-ли Сонечка (23)? Также читаютъ-ли дѣти по англійски? и не забыли-ли по нѣмецки?—3) Поклониться отъ меня Б. М. Ѳедорову; ибо мнѣ что-то сдается, что одинъ изъ немногихъ, помнящихъ меня въ Петербургѣ, хотя онъ и не прислалъ мнѣ своихъ дѣтскихъ изданій. 4) Если достанетъ досуга и бумаги—написать объ изданіи Б. Дельвига (24) (журнала) и что сдѣлано по собранію русскихъ законовъ (25)? или по проэкту новыхъ. 5) Поблагодарить г. Востокова за выписку о рукописяхъ Румянцова изъ здѣшней библіотеки; показать другу-благодѣтелю Жуковскому слѣдующія строки, изъ 2-й части жизни Бейрона, Мура: Бейронъ, сбираясь съ своими Сульотами, на турокъ, пишетъ къ Муру, изъ Кефалоніи, отъ 27-го декабря 1823 г. (стр. 700, изданія in 4, 11 части). If any thing in the way of fever, fatigue, famine, or otherwise, should cut short the middle age of a brother warbler, — like Garcilasso de la Vega, Kleist, Karner, Kutoffsky (a Russian nightingale—see Bowrings Anthology), or Thersander, or, or, somebody else—but never mind—I pray you to remember me in your «Smiles and wine».—Узналъ-ли себя Соловей-Жуковскій — въ этомъ Кутовскомъ? И думалъ-ли Муръ, что этотъ же соловей воспѣвалъ и его берлинскую Лала-рукъ, о коей онъ въ той же части на стр. 507 (26). Спросите у Козлова (27) читалъ-ли онъ 2-ю часть Мура: она интереснѣе 1-й, если только литература можетъ быть теперь интересна...

Я записалъ всѣ вопросы, вамъ сдѣланные, и вамъ стоитъ только отвѣчать на 1-е, на 11-е и пр. для избѣжанія труда. Увѣдомьте о здоровьѣ—Жихаревой (28). Жуковскій знаетъ ее.

A Son Excellence, Monsieur de Boulgakoff, Directeur des postes à St.-Pétersbourg (en Russie) pour Mr. Joukoffsky, au palais d'hiver.

Примѣчанія. 21) Министромъ внутреннихъ дѣлъ въ то время былъ Арсеній Андреевичъ, впослѣдствіи графъ, Закревскій.

22) Княгиня Екатерина Николаевна Мещерская, рожденная Карамзина, дочь исторіографа. Она вышла за мужъ за кн. П. И. Мещерскаго въ 1828 году („Письма Карамзина къ Дмитріеву", стр. 439).

23) Софья Николаевна Карамзина, старшая дочь исторіографа отъ перваго его брака съ Елизаветою Ивановною Протасовою. Род. въ 1802†1856.

24) Этотъ запросъ уже не засталъ барона Дельвига въ живыхъ, онъ скончался въ январѣ 1831 года. Съ 1-го января 1830 года онъ началъ издавать „Литературную газету"; а въ концѣ того же года онъ писалъ Пушкину: „Литературная газета выгоды не принесла и притомъ запрещена за то, что въ ней напечатаны были новые стихи Делавиня. Люди, истинно привязанные къ своему государю и чистые совѣстію, ничего не ищутъ и никому не кланяются, думая, что чувства вѣрноподданническія ихъ и совѣсть защитятъ ихъ во всякомъ случаѣ. Неправда: подлецы въ это время хлопочатъ изъ корыстолюбія марать честныхъ и выѣзжаютъ на своихъ мерзостяхъ" („Русск. Арх." 1880, II, стр. 508).

25) Труды Сперанскаго, который съ 1826 года поставилъ себѣ задачею уже „не ломку всего прежняго и дѣйствующаго, а живое, разумное его воспроизведеніе". Отсюда родились два великіе отечественные памятника: 1) Полное собраніе законовъ и 2) Систематическій Сводъ (Корфъ „Жизнь графа Сперанскаго", II, стр. 311—312).

26) Въ концѣ 1820 года в. кн. Николай Павловичъ съ своею августѣйшею супругою отправились въ Берлинъ, а 27-го янв. 1821 былъ тамъ устроенъ великолѣпный праздникъ съ рядомъ живыхъ картинъ, для которыхъ воспользовались сюжетомъ поэмы Мура „Лалла-Рукъ". Главную роль Лалла-Рукъ исполняла в. кн. Александра Ѳеодоровна, а в. кн. Николай Павловичъ исполнялъ роль поэта Алириса. Это дало поводъ Жуковскому написать стихотвореніе „Лалла-Рукъ" („Сочиненія В. А. Жуковскаго". Изд. П. А. Ефремова. Спб. 1878, II, стр. 325—329, 500. Яковлевъ. „Импер. Александра Ѳеодоровна". М. 1866, стр. 46—49).

27) Извѣстный писатель И. И. Козловъ былъ въ дружескихъ сношеніяхъ съ А. И. Тургеневымъ. Онъ написалъ ему посланіе, въ которомъ призываетъ его вернуться въ Россію:

Изъ края въ край судьбой носимый,
Безцѣнный другъ и гость любимый,
Пріѣдешь ты въ мой уголокъ,
Родными окружёнъ сердцами,
Найдешь ты съ тѣми же друзьями
Душистый чай и огонёкъ,—
И нашъ Жуковскій будетъ съ нами;
Другъ, безъ него, ты знаешь самъ,
Полна ли жизнь обоимъ намъ!

(„Собраніе Стихотвор.". Спб. 1840, II, стр. 132).

28) С. П. Жихаревъ былъ женатъ на Ѳедосіи Дмитріевнѣ Нечаевой.

Н. П. Барсуковъ.

III.

В. А. Жуковскому:

10-го мая 1831 г. Лондонъ.
9. Warwick-Street, pall-mall East.

Эти строки пишу только для того, чтобы увѣдомить чрезъ тебя Конст. Степ. Сербиновича, что я получилъ любезное письмо его отъ 2-го апрѣля, съ свидѣтельствами учителей о дѣтяхъ Кар. и что буду и ему я отвѣчать особо и писать къ Кар. Я и съ курьеромъ, и съ Кридеперомъ много писалъ и послалъ къ вамъ недавно. Надѣюсь, что заставлю васъ и ко мнѣ написать нѣсколько строкъ. Теперь прошу тебя о покровительствѣ Сашѣ Татаринову и благодарю за то, что ты уже оказалъ ему; родители его пишутъ ко мнѣ, что онъ служитъ въ моемъ бывшемъ департаментѣ, но вмѣстѣ, что онъ былъ прикомандированъ и къ Нейману. Я хотѣлъ писать къ Карташевскому и къ Нейману, но, не зная у кого именно онъ служитъ, прошу Конст. Степ. именемъ Жуковскаго и моимъ—есть-ли оно не повредитъ—попросить Григорья Ивановича и Неймана о принятіи моего племянника въ ихъ особое покровительство; онъ добрый и благовоспитанный мальчикъ, учился хорошо въ Дерптѣ и я надѣялся быть ему полезнымъ, въ теченіи службы его, и тѣмъ вознаградить недостаточнымъ родителямъ за ихъ трату на его воспитаніе; но надежды мои не сбылись. Онъ получаетъ маленькое жалованье, а состояніе отца разстроилось такъ, что онъ не можетъ давать ему и того, что давалъ ему на содержаніе въ Дерптѣ. Пусть Конст. Степ. попроситъ и того начальника отдѣленія, у коего Татариновъ служитъ и увѣдомитъ меня объ отзывѣ. Сашу заставить, хотя въ своемъ письмѣ, нѣсколько словъ написать ко мнѣ о своемъ житьѣ-бытьѣ въ Петербургѣ, о своихъ занятіяхъ: надѣюсь, что онъ не пересталъ учиться и на службѣ. Отъ Жихарева давно не имѣю ни слова, и только по надписи на письмѣ Татариновыхъ вижу, что онъ живъ.

Вчера газеты снова испугали меня новымъ явленіемъ холеры въ Москвѣ, но можетъ быть это новая выдумка недруговъ нашихъ.

С. П. Свѣчина (29) велѣла написать ко мнѣ, что сбирается съ дочерью Гр. Нес. (30) въ Брейтонъ, куда яко бы и вел. кн. будетъ, но здѣсь слышу, что квартиры для ея высочества взяты въ Сидмутъ въ Девонширскомъ графствѣ: гдѣ бы то ни была, отыщу Софью Петровну. На сихъ дняхъ я ѣздилъ за 90 миль отсюда на шумные

выборы—и видѣлъ буйство черни съ одной стороны, и власть закона съ другой; но объ этомъ до досуга.

Вотъ патріотическо-литературная просьба къ Конст. Степ.: вчера удалось мнѣ достать здѣсь рукопись англійскую: журналъ Александра Гордона (31), съ января 1684 до 1699 года, въ Москвѣ на дурномъ англійскомъ языкѣ писанный. Этотъ журналъ въ трехъ большихъ толстыхъ тетрадяхъ; на каждой отмѣчено по русски и кажется рукою архива московскаго, съ котораго по который годъ журналъ веденъ Гордономъ. Всякій почти день описанъ и обо всѣхъ государственныхъ происшествіяхъ, со временъ двоецарствія Петра и брата его, при Софіи; любопытнаго для русскихъ много. Я рѣшился было переписать весь журналъ, хотя онъ составитъ толстый фоліантъ, мелкою рукописью; но опасаюсь переписать то, что уже у насъ или напечатано, или хранится въ архивѣ.

Нельзя-ли справиться отъ моего имени у Аделунга, не было-ли что напечатано прежде Гордономъ или его родственниками о Россіи. (Я что-то темно помню, что у меня есть книга о Гордонѣ (32) или самаго Гордона). И нельзя-ли у Александра Яковлевича Булгакова спросить отъ меня, есть-ли оригиналъ сей копіи въ московскомъ архивѣ? Не хотѣлось бы мнѣ время и деньги тратить на списокъ того что у насъ хранится; а если нѣтъ, то эта рукопись—точно историческая драгоцѣнность, и объ истинныхъ государственныхъ дѣлахъ, какъ тогда ихъ разумѣли, а не о предметахъ одного ученаго или антикварнаго любопытства. Она годилась бы и Жуковскому для составленія историческаго руководства о сей эпохѣ нашей исторіи, бѣдной документами и подробностями.

Здѣсь былъ на нѣсколько дней Томасъ Муръ; скоро выйдетъ новое изданіе біографіи Бейрона, дешевое. В. Скотъ совершенно выздоровѣлъ: развѣ не захвораетъ-ли снова, съ горя, отъ реформы, которая должна возникнуть изъ новыхъ выборовъ, т. е. изъ новаго парламента, благопріятнаго реформѣ. Слышали-ли объ академической рѣчи Кузеня, заступившаго мѣсто Fourrier? Объ этой рѣчи сказали, что Кузень, какъ Бюфонъ, n'a rien perdu pour la science et pour l'art, pas même un discours de réception. Il a fait l'histoire de la science en voulant écrire l'histoire de Mr. Fourrier. Когда приняли Рас. Коляра въ академію, то люди смыслящіе и практическіе обрадовались, что въ немъ академія получила не только талантъ краснорѣчія и науку, но и представителя политики, и что академическое краснорѣчіе не будетъ ограничиваться однимъ пустоцвѣтомъ литературнымъ; Кузень желаетъ, чтобы это краснорѣчіе пород-

нилось и съ истинной философіей, съ исторіей, съ политикой, и «Дебаты» замѣчаютъ: «Le grand mal des Académies en général, c'est d'avoir isolé l'éloquence de tout, de la philosophie, de l'art, de l'histoire;—c'est d'avoir fait du langage une affaire de dictionnaire, une étude de sons cadencés, une musique vague et sans aucun sens; c'est d'être arrivé, à force de progrès dans cet art misérable de beaucoup parler, aux éloges de Thomas et de Mr. de la Harpe, aux tragédies et aux comédies de l'Empire; c'est d'avoir séparé les sciences, les belles-lettres, les beaux-arts, faisant de chacune de ces parties de l'art autant de sciences isolées et complètes, et ne laissant à l'Académie française que les vers et la prose, sans se soucier seulement de la substance de cette prose et de ces vers». Народный, общественный интересъ къ академіи возбудится только тогда, когда она чувствомъ и занятіями своими породнится съ народомъ: sympatisera.

Булгакову: Прошу Конст. Яковлевича отправить въ Симбирскъ немедленно письмо на имя Татаринова. Если любезный другъ Конст. Яковлев. прочтетъ конецъ сего письма, то онъ можетъ быть и самъ напишетъ къ Александру Яковлевичу, по моей просьбѣ, о рукописи—и передастъ ему мое дружеское привѣтствіе.

A Son Excellence Monsieur de Boulgakoff. Directeur des postes à St.-Pétersbourg. Russie.

Примѣчанія. 29) Софія Петровна Свѣчина, дочь Петра Александровича Соймонова. Скончалась въ 1857. Графъ де Фаллу написалъ о ней цѣлую книгу „Vie et oeuvres de m-me Swetchine". Paris 1859.

30) Графиня Елена Карловна, дочь государственнаго канцлера графа К. В. Нессельроде (род. 1813) и супруга графа Михаила Иринеевича Хрептовича.

31) Патрикъ Гордонъ (род. 1635 † 1699) въ 1661 году прибылъ въ Россію, гдѣ вступилъ маіоромъ въ войско царя Алексѣя Михаиловича. Петръ Великій умѣлъ оцѣнить таланты его и очень уважалъ его и Гордонъ пользовался безграничнымъ его довѣріемъ. Онъ умеръ въ Москвѣ генералъ-аншефомъ. Петръ посѣщалъ его во время болѣзни и находился при немъ при его кончинѣ. Гордонъ оставилъ собственною рукою писанный на англійскомъ языкѣ „Дневникъ", въ коемъ подробно описалъ всѣ обстоятельства своей жизни до самой кончины. Эта рукопись, составляющая шесть томовъ, хранится въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. (Аделунгъ, II, стр. 222—223). Въ нѣмецкомъ переводѣ Дневникъ этотъ изданъ въ Москвѣ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Tagebuch des Generals Patric Gordon zum ersten Male vollständig veröffentlicht» durch Fürst M. A. Obolenski und Dr. phil. M. E. Posselt, въ трехъ томахъ, 1849—1853.

32) На русскій языкъ часть Дневника Гордона была переведена Ке-

леромъ младшимъ. Многія извѣстія изъ рукописнаго Дневника Миллеръ издалъ въ свѣтъ во второмъ томѣ своего «Samml. Russ. Gesch.». Въ 1765 году въ Лейпцигѣ явился нѣмецкій переводъ „Дневника“ Гордона, сдѣланный Вихманномъ, въ 2 частяхъ 8⁰. (Аделунгъ, II, стр. 223).

Н. П. Барсуковъ.

IV.

Парижъ. Ноября 2 (14) 1835 г.

Очень жалѣю, почтеннѣйшій Константинъ Степановичъ, что такъ поздно (дней за 10 предъ симъ) получилъ милое письмо ваше отъ 28-го іюня; а книжекъ вашихъ и совсѣмъ еще не получалъ. Иначе давно бы отвѣчалъ вамъ и удовлетворилъ бы отъ всего сердца вашему желанію, вытрехнувъ изъ моей страннической котомки то, что, съ помощію вашей осторожности, могло бы пригодиться въ вашъ всеобъемлющій журналъ (33). Я писалъ сначала цѣлыя тетради писемъ отсюда, изъ Рима и Лондона; но все это останется, вѣроятно, безъ употребленія; а теперь какъ-то не хочется снова приняться за описаніе всего, что вижу и слышу въ европейскихъ салонахъ; да я же теперь почти исключительно занятъ старой Россіей; нахожу сокровища историческія въ библіотекахъ и въ архивахъ, не успѣваю прочитывать того, что современемъ должно быть главнѣйшимъ источникомъ нашей исторіи со времёнъ Петра Великаго. Долженъ спѣшить, ибо срокъ моего здѣсь пребыванія слишкомъ кратокъ, судя по массѣ которую я прочесть, пересмотрѣть и привесть въ порядокъ долженъ.

Это дѣло достойно бы было вашего просвѣщеннаго трудолюбія и вашего умѣнья въ хаосъ вносить порядокъ. Сколько ни увлекаютъ меня сіи занятія, но, по старой привычкѣ, я не оставляю и свѣта, и литературныхъ комеражей; бываю въ засѣданіяхъ академіи наукъ, встрѣчаюсь съ учеными и съ писачками всякаго рода; присутствую при сужденіи любопытныхъ процессовъ, коими полна теперь Франція, и едва успѣваю вносить, сухимъ реэстромъ, въ мой журналъ явленія нравственнаго и политическаго міра. Черезъ улицу журнальный салонъ, гдѣ съ американскими журналами лежитъ Сѣверная Пчела, и Петербургская французская газета, и вся журнальная и помѣсячная литература Европы. Жаль, что курьеры наши рѣдки и нѣтъ оказіи отсюда къ вамъ, иначе приложилъ бы къ письму то, что теперь любопытнаго въ словесности; но вы и безъ меня богаты книгами

новыми и сужденіями о нихъ. Кн. Мещерскій (34) все посылаетъ вамъ; а если вздумаете перечитать старыя мои письма, то обратитесь къ кн. Вяземскому. Онъ сообщитъ вамъ ихъ, если не отослалъ уже въ Москву. Я совершенно съ вами согласенъ съ мнѣніемъ о Кіевскомъ университетѣ: я былъ тамъ, на исторической лекціи, кажется, Цыха и описалъ ее въ письмѣ моемъ изъ Кіева. Онъ читаетъ по Герену и во вкусѣ его (35); я замѣтилъ тамъ вообще какое-то движеніе интелектуальное, котораго давно нѣтъ въ Московскомъ университетѣ, благодаря какому-то страху всего и всѣхъ и ничтожности бывшихъ кураторовъ (36). Какъ воспитанникъ университета московскаго, какъ сынъ бывшаго директора (37), отъ сердца порадовался назначенію гр. Строгонова (38). Авось онъ будетъ истиннымъ попечителемъ о наукахъ, а не полицмейстеромъ!

Я два раза былъ и въ Кіевской академіи, и въ библіотекѣ, и познакомился съ умнымъ и почтеннымъ ректоромъ оной (39). Въ библіотекѣ нашелъ я тамъ такія книги, какихъ не видѣлъ еще ни въ одномъ русскомъ университетѣ – и книги сіи были прочитаны, и вѣроятно, не разъ, судя по листамъ оныхъ. Тамъ есть еще искры, теплится огонёкъ въ умахъ и согрѣваетъ, освѣщаетъ ихъ. Брадке (40) мнѣ очень полюбился своею полезною дѣятельностію и жаромъ, съ какимъ онъ занимается ввѣреннымъ ему дѣломъ. Въ Казани меньше учатся: тамъ и менѣе средствъ.

Я познакомился и съ здѣшнимъ священникомъ (41); къ сожалѣнію, у него нѣтъ книжки: «Страстная седьмица» (42) хотя и онъ хвалитъ ее.

Благодарю васъ за извѣстіе о Карамзиныхъ; пожалуйста, когда вздумаете еще разъ порадовать меня письмомъ вашимъ, скажите мнѣ о нихъ, все что знаете; я увѣренъ, что они совершенствуются болѣе и болѣе въ характерѣ, въ умѣ и во всѣхъ Карамзинскихъ качествахъ. Обнимите ихъ за меня братски, а у дамъ, не исключая и кн. Мещерской, поцалуйте почтительно ручки. Чему учится Володя (43) въ Петербургскомъ университетѣ и есть-ли чему учиться?

Передайте дружескій поклонъ Борису Михайловичу Өедорову. Слышу о какихъ-то диковинкахъ нашей литературы; а здѣсь встрѣчаю, хотя и рѣдко, жертву его: Бальзака. На дняхъ вышла еще какая-то книга его; въ Бальзакѣ много ума и воображенія, но и странностей: онъ заглядываетъ въ самыя сокровенныя, едва примѣтныя для другихъ, щелки человѣческаго сердца и нашей искони прокаженной натуры. Онъ физіологъ и анатомъ души: его-ли вина, что дўши часто безъ душй? а кое-гдѣ еще и съ крѣпостными душами? (что хуже всякаго бездушія).

Пожалуйста, справляйтесь о курьерахъ въ иностранномъ департаментѣ и давайте знать и себѣ, и Вяземскому объ оказіяхъ въ Парижъ. Я совсѣмъ отвыкъ отъ счастія получать письма изъ Россіи. Милому Вяземскому не до писемъ (44); Жуковскій принимается за перо только тогда, когда ему необходимо должно сообщить мнѣ какое нибудь радостное извѣстіе, слѣдовательно очень рѣдко. Козловъ пишетъ ко мнѣ только 30-го августа: вотъ и всѣ: и und Einer nach dem Andern и ich! Я еще ни одной книжки «Наблюдателя» (45) не видѣлъ. Простите. Весь вашъ на вѣки.

Его Высокоблагородію Константину Степановичу Сербиновичу. Въ департаментѣ народнаго просвѣщенія.

А. И. Тургеневъ.

Примѣчанія. 33) Съ 1833 по 1856 г. К. С. Сербиновичъ состоялъ редакторомъ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія". („Русск. Стар." 1874. XI, стр. 272).

34) Князь Элимъ Петровичъ, (р. 1808 † 1844), который былъ женатъ на дочери Жихарева Варварѣ Степановнѣ. Въ 1839 году съ нимъ познакомился, въ Парижѣ, Погодинъ, который отмѣтилъ въ своемъ „Дорожномъ Дневникѣ": „Встрѣтился съ любезнымъ княземъ Э. Мещерскимъ, въ которомъ, при Европейскомъ образованіи, много русскаго духа, и который съ успѣхомъ знакомитъ Европу съ Россіей" (II, стр. 79).

35) О Цихѣ находятся любопытныя свѣдѣнія въ „Запискахъ" Е. Ѳ. фонъ Брадке. Тамъ сказано, что сначала онъ былъ профессоромъ въ Харьковѣ, гдѣ его ненавидѣли и дѣлали ему непріятности за его „строгія правила". Въ Харьковѣ въ короткое время смѣнилось три попечителя, изъ которыхъ «первый и послѣдній были очень привержены къ церкви, а второй явно безбожничалъ. Преподаватели мѣняли свои убѣжденія сообразно убѣжденію начальниковъ. Это такъ подѣйствовало на Циха, что онъ сталъ рѣшительно презирать человѣчество и пришелъ къ убѣжденію, что всѣ люди льстецы и притворщики». Фонъ Брадке, зная «объ его отличныхъ способностяхъ» пригласилъ его въ университетъ св. Владиміра на каѳедру исторіи. («Русск. Арх.» 1875, I, стр. 283).

36) А. И. Тургеневъ былъ въ Кіевѣ въ январѣ 1835 года. Университетъ св. Владиміра былъ открытъ 15-го іюля 1834 г. Вотъ свидѣтельство самовидца этого событія М. А. Максимовича: «Въ качествѣ новопріѣзжаго изъ Москвы ректора, сидѣлъ я у каѳедры, съ которой звучала латинская рѣчь проф. Якубовича; а сидѣвшій возлѣ меня графъ Протасовъ нашептывалъ мнѣ изрѣдка свои замѣчанія о ней. Съ любопытствомъ глядѣлъ я на многочисленную парадную публику, изъ четырехъ губерній собранную. Во главѣ ея былъ митр. Евгеній, благословившій открытіе новаго всеучилища. Какъ онъ прекрасенъ былъ въ своей величавой простотѣ! Объ руку съ нимъ красовался ближайшій другъ его въ Кіевѣ, престарѣлый герой

двѣнадцатаго года, фельдмаршалъ Сакенъ. Имъ обоимъ подносилъ я дипломы на званіе первыхъ почетныхъ членовъ университета. Но меня особенно занималъ отдѣльный рядъ духовныхъ лицъ: мнѣ хотѣлось угадать въ немъ знаменитаго ректора академіи (Иннокентія).... и я угадалъ его! По окончаніи акта, я успѣлъ подойти къ нему: и его первое, теплое слово мнѣ и рукожатье были залогомъ той пріязни, которою скрашена была моя семилѣтняя служебная жизнь въ Кіевѣ. Сколько разъ я приходилъ (къ нему въ Братскій монастырь) истомленный служебными дѣлами, кипѣвшими тогда подъ барабанною скороспѣшностью фонъ-Брадке; и каждый разъ возвращался оттуда освѣженный душею и мыслію».—(См. изданныя мною «Письма о Кіевѣ» Михаила Максимовича. Спб. 1871, стр. 9—10)

37) Отставной бригадиръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ другъ Новикова и первый руководитель Карамзина, Иванъ Петровичъ Тургеневъ былъ опредѣленъ въ директоры Московскаго Университета 15-го ноября 1796 года. Старшіе два сына его Андрей и Александръ воспитывались въ университетскомъ пансіонѣ. По свидѣтельству Шевырева, «узы духовныя воспитанія и просвѣщенія, узы кровныя семьи привязывали Тургенева къ университету. Религіозный характеръ его давалъ ему силу нравственнаго дѣйствія на все юношество» («Истор. Моск. Университета», стр. 289).

38) Попечительство графа С. Г. Строгонова продолжалось съ 1835—1847 и по свидѣтельству К. Д. Кавелина: „съ графомъ Строгоновымъ кончился блестящій періодъ Московскаго университета, начавшійся съ 1835 года, когда началъ дѣйствовать новый университетскій уставъ, пріѣхала масса новыхъ профессоровъ, приготовившихся къ каѳедрѣ за границей". Оставленіе графомъ Строгоновымъ поста попечителя «произвело тогда большую сенсацію и въ университетѣ, и въ цѣлой Москвѣ» (См мои «Русскіе Палеологи». Спб. 1880, стр. 98). Объ этомъ періодѣ мы находимъ также свидѣтельство въ „Воспоминаніяхъ" другаго современника: „Личныя отношенія профессоровъ къ студентамъ были самыя тѣсныя и простыя, безъискуственныя. Ничто не препятствовало ихъ сближенію; студенты тянули къ профессорамъ, профессора—къ студентамъ; начальство не становилось поперекъ между ними. Профессора трудились для студентовъ, студенты, ни чѣмъ не развлекаемые, слѣдовали за профессорами. Однимъ словомъ, существовалъ университетъ какъ нѣчто самостоятельное, цѣльное, живое, прямо и непосредственно дѣйствовавшее на жизнь („Изъ воспоминаній Ю. Ѳ. Самарина „Русь". 1880, № 1, стр. 19).

39) Рѣчь идетъ о знаменитомъ нашемъ проповѣдникѣ Иннокентіи, впослѣдствіи архіепископъ Херсонскій и Таврическій. См. примѣч. 36., біографію Иннокентія см въ „Русской Старинѣ" изд. 1878 г., т. XXI, 193—204; 547—572; т. XXIII, 367—398. Изд. 1879 г., т. XXIV, 651—708.

40) Свѣдѣнія о бывшемъ попечителѣ Кіевскаго учебнаго округа Егорѣ Ѳедоровичѣ фонъ Брадке, между прочимъ, находятся въ „Запискахъ" его, напечатанныхъ въ „Русскомъ Архивѣ" 1875, I, стр. 13 и 257; а также въ „Письмахъ о Кіевѣ" Михаила Максимовича, Спб. 1871 г. Любопытную характеристику ему сдѣлалъ Аракчеевъ: „Способенъ и достоинъ; но жаль, что часто забываетъ свой малый чинъ передъ старшими" („Русск. Арх." 1875, I, стр. 589).

41) Протоіереемъ посольской церкви въ Парижѣ былъ въ то время Д. С. Вершинскій, извѣстный своимъ „Мѣсяцословомъ православно-каѳолической

восточной церкви" (Спб. 1856). Для этого труда онъ пользовался иностранными библіотеками. (Чистовичъ. „Истор. Спб. Духовн. Академіи". Спб. 1857, стр. 380).

42) Покойный И. В. Киpѣевскій, восхищенный «Страстною седмицею» Иннокентія писалъ Максимовичу, чтобы онъ выслалъ ему въ Долбино все, что напечатано въ Кіевѣ Иннокентіемъ, и высказалъ подробно свое мнѣніе о немъ, сравненіемъ съ Массильономъ, Фенелономъ и другими проповѣдниками. Максимовичъ послалъ въ подлинникѣ это прошеніе о книгахъ къ Иннокентію, который отвѣчалъ: «Книги приготовлю, но съ мнѣніемъ о себѣ никакъ не согласенъ» («Письма о Кіевѣ», стр. 61). Впослѣдствіи Кирѣевскій высказалъ свое мнѣніе печатно: «Читая преосвященнаго Иннокентія, вы чувствуете, что ему не безъизвѣстны наши мысленныя волненія, что вся гордость разумнаго развитія, всѣ хитросплетенія современной науки, не могутъ представить ему никакого новаго возраженія, еще незнакомаго его многотрудившейся мысли, еще непобѣжденнаго вѣрою. Этимъ, кажется, объясняется всеобщее дѣйствіе его проповѣди, равно согрѣвающей сердце человѣка безграмотнаго и многоученаго: это теплое слово вѣры твердой, не безсознательной, но уже испытавшей упорную борьбу съ разумомъ, вѣры мыслящей и непобѣдимо прошедшей сквозь всѣ нападенія свѣтской мудрости, сквозь всѣ затрудненія оторвавшейся отъ неба науки («Полн. Собр. Сочиненій» М. 1861, II, стр. 208) «Тѣ, кто были современниками», пишетъ высокопреосвященный Макарій, ученикъ Иннокентія, «изданія этихъ словъ и особенно „Седмицъ", тѣ помнятъ, съ какимъ нетерпѣніемъ, восторгомъ, жадностію читались и перечитывались они людьми всѣхъ сословій отъ самаго высшаго до низшаго, и какъ имя Иннокентія огласилось во всѣхъ концахъ неизмѣримой Россіи» («Вѣнокъ на могилу Иннокентія», стр. 28—29).

43) Владиміръ Николаевичъ Карамзинъ, умершій въ 1879 году, въ званіи сенатора.

44) Въ 1835 году у князя П. А. Вяземскаго скончалась и погребена въ Римѣ дочь княжна Прасковія Петровна (р. 1817). Память ея почтила прекраснымъ стихотвореніемъ княгиня З. А. Волхонская («Русск. Арх.» 1867, стр. 313).

Въ стѣнахъ святыхъ она страдала,
Какъ мученица древнихъ лѣтъ;
Страдать и жить она устала;
Ужь все утихло... дѣвы нѣтъ!
И кипарисъ неперемѣнной
Стоитъ надъ дѣвственной главой...
Свидѣтель тайны подземельной,
И образъ горести родной.

«Еще не такъ давно», писалъ Гоголь къ князю Вяземскому, «былъ я вмѣстѣ съ княгинею Зинаидой Волхонской на знакомой и близкой вашему сердцу могилѣ. Кусты розъ и кипарисы ростутъ; между ними прокрались какіе то незнакомые два три цвѣтка. Я уважаю тѣ цвѣты, которые выростаютъ сами собою на могилѣ. Мнѣ все кажется, что это рѣчи усопшаго къ

намъ, но мы глядимъ, силимся и не можемъ понять ихъ. Потомъ я былъ еще одинъ разъ съ однимъ москвичемъ, знающимъ васъ, и вновь увѣрился, что эта могила не сирота: въ Италіи нельзя быть сиротою ни живущему, ни усопшему» («Русск. Арх.» 1865, стр. 789).

45) «Московскій Наблюдатель» сталъ издаваться съ 1835 года В. П. Андросовымъ при участіи С. П. Шевырева. Въ 1-й и 2-й книгахъ его между прочимъ помѣщено «Письмо изъ Флоренціи въ Симбирскъ», подписанное Арзамасскимъ прозвищемъ А. И. Тургенева—Эолова Арфа.

Н. П. Барсуковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ АЛЕКСАНДРА ЕФИМОВИЧА ПОПОВА.

1854—1856 гг.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1878 г. томъ XXI, на стр. 305—324 и 491—530 помѣщены интересныя Записки войска Донскаго генерала Александра Ефимовича Попова о пребываніи его въ Крымской арміи въ первый періодъ знаменитой осады Севастополя съ 1-го октября по 1-е декабря 1854-го года.

Полковникъ генеральнаго штаба въ 1854 году — Поповъ пользовался въ гвардейскомъ корпусѣ заслуженною извѣстностью опытнаго, распорядительнаго офицера, хорошо подготовленнаго Военною Академіею къ своей спеціальной службѣ. 19-го сентября 1854 г. кн. А. С. Меншиковъ пригласилъ его, чрезъ флигель-адъютанта Альбединскаго, прибыть въ Севастополь.—23-го сентября того же года — Поповъ въ Царскомъ Селѣ изъ устъ императора Николая Павловича выслушалъ повелѣніе отправиться въ Крымъ; при этомъ Государь, между прочимъ, сказалъ слѣдующія достопамятныя слова:

— „Скажи Корнилову, что я увѣренъ, что онъ употребитъ все для спасенія Севастополя, а въ случаѣ неизбѣжности потери его, не оставитъ въ немъ камня на камнѣ..... Желаю, чтобы ты засталъ въ Крыму все благополучно: но если бы и не такъ случилось, то я на тебя надѣюсь; ты мнѣ изъ чернаго—сдѣлаешь свѣтлый и радостный день. Я одобряю и смѣлыя дѣйствія, и все, что ты найдешь нужнымъ сдѣлать“.....

Въ этихъ крайне милостивыхъ словахъ государя Николая Павловича, вдохнувшихъ въ молодаго полковника энергію и самую самоотверженную готовность отдать жизнь свою на исполненіе воли Монарха,—какъ оказалось, заключенъ былъ и страшный приговоръ ему на судьбу весьма печальную: кн. А. С. Меншиковъ въ первый же день по пріѣздѣ въ Севастополь А. Е. Попова, свѣдавъ о томъ напутствіи, какое было сдѣлано ему, Попову, Государемъ — крайне ожесточился противъ присланнаго совѣтника, помощника, сочтя его чуть ни за навязаннаго ему руководителя и даже замѣстителя. На другой же день по пріѣздѣ Попова въ Севастополь, главнокомандующій съ своей

саркостической улыбкой прямо сказалъ Попову:—„вы мнѣ не нужны"—и готовъ былъ сдать его какъ какого либо незначительнаго офицера къ старцу вовсе уже ничего незначущемуся,—то былъ кн. Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ, но два дня спустя назначилъ его начальникомъ штаба къ командующему войсками въ Севастополѣ, отдаливъ такимъ образомъ Попова отъ себя.

Что было далѣе—въ теченіе двухъ мѣсяцевъ—о томъ повѣствуетъ А. Е. Поповъ въ указанныхъ выше Запискахъ.—Заключеніемъ къ нимъ—служитъ настоящій разсказъ о пріѣздѣ его изъ многострадальнаго Севастополя въ С.-Петербургъ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1855 г., въ моментъ въ высшей степени важный: государь Николай Павловичъ, уже тогда былъ озабоченъ вопросомъ, кѣмъ замѣнить кн. А. С. Меншикова, изнемогшаго подъ бременемъ трудовъ и нравственныхъ потрясеній.—Вотъ этотъ разсказъ А. Е. Попова.

Ред.

По пріѣздѣ изъ Севастополя въ С.-Петербургъ я явился къ начальнику штаба гвардейскихъ корпусовъ Витовтову; онъ принялъ меня съ обычною ему добротою и разспросилъ какимъ образомъ я получилъ откомандированіе изъ арміи? Я разсказалъ какъ это было. Затѣмъ я имѣлъ счастіе представиться Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу. Государь Императоръ Николай Павловичъ былъ боленъ въ это время.

Затѣмъ я явился къ генералъ-квартирмейстеру генералъ-адъютанту Бергу. Онъ высказалъ мнѣ свое неодобреніе за то, что я оставилъ Крымъ. «Я бы, сказалъ онъ, просилъ батальонъ въ командованіе, но не оставилъ бы армію». Очевидно, что отъѣздъ мой онъ объяснялъ себѣ щекотливостію съ моей стороны и проявленіемъ неудовольствія за то, что я не былъ допущенъ къ занятію Высочайше назначеннаго мнѣ въ арміи положенія. Я желалъ возстановить въ глазахъ Берга въ надлежащемъ свѣтѣ вопросъ этотъ, но онъ съ свойственною ему быстротою видоизмѣнялъ всякое высказанное мною положеніе, и скользилъ на сущности дѣла, а поэтому и не вникалъ въ него. Меня начинало обдавать холодомъ, при такомъ поверхностномъ пріемѣ, который встрѣчалъ я, какъ будто я возвратился изъ какой нибудь прогулки, предпринятой ради удовольствія.

На другой же день послѣ явленія моего по начальству, я получилъ предписаніе отъ начальника штаба гвардейскихъ корпусовъ, что по волѣ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича я командируюсь въ г. Вильно временно исправляющимъ должность оберъ-квартирмейстера гвардейскаго пѣхотнаго корпуса. Это уже не только обдавало холодомъ, но и каленымъ желѣзомъ прошло черезъ всѣ мои ощущенія.

Немедленно я отправился къ Витовтову и просилъ его быть добрымъ и справедливымъ ходатаемъ за меня у Наслѣдника Цесаревича, чтобы избавить меня отъ командировки въ Вильно, отъ незаслуженнаго мною униженія.

— «Я не понимаю, въ чемъ это униженіе»? сказалъ на это Витовтовъ.

— «Оно ясно, Ваше Превосходительство, въ томъ, отвѣчалъ я, что назначеніемъ меня въ должность начальника штаба войскъ, для обороны Петербурга назначенныхъ, не по старшинству моему, а по выбору, по заявленіямъ обо мнѣ, я уже ставился по службѣ на исключительную стезю, назначеніемъ же, затѣмъ мнѣ даннымъ въ дѣйствующей арміи, мнѣ давалось положеніе небывалое въ военныхъ лѣтописяхъ нашихъ для чина полковника, и затѣмъ разомъ быть командированнымъ въ мирно стоящее воинство, временно-исправляющимъ должность оберъ-квартирмейстера корпуса! это уже не изъ поповъ въ діаконы, а прямо въ дьячки».

— «Я васъ разсматриваю, какъ дивизіоннаго квартирмейстера», съ горячностію отвѣчалъ мнѣ Витовтовъ.

— «Да и ваше превосходительство, сказалъ я, были прежде батальоннымъ командиромъ, но васъ разсматривать и вамъ давать соотвѣтственныя тому назначенія, было бы крайне несправедливо».

— «И какъ вы смѣли?—Вы командируетесь по волѣ Государя Наслѣдника Цесаревича, а воля Его Высочества священна», отвѣчалъ Витовтовъ.

— «Я радуюсь быть исполнителемъ воли Его Высочества, быть можетъ болѣе, чѣмъ кто-либо, сказалъ я, но Его Императорское Высочество могъ не остановиться, ни на смыслѣ такого назначенія для меня, ни на отчетѣ, возложенномъ на меня Высочайшею волею при отправленіи меня въ Крымъ, который лежитъ на мнѣ; между тѣмъ, до сего времени меня еще никто не спросилъ объ этомъ. Вотъ почему я и прошу Ваше Превосходительство, для достоинства моего и для чести мундира, который я ношу, быть ходатаемъ у Его Императорскаго Высочества, чтобы отклонить отъ меня всякое назначеніе до выясненія обстоятельствъ моего сюда возвращенія».

— «Я не могу ходатайствовать у Его Высочества по вашей просьбѣ, воля Его Высочества священна», отвѣчалъ Витовтовъ.

Я оставилъ Витовтова въ полномъ смущеніи, не зная, что мнѣ дѣлать. Путей косвенныхъ у меня не было, а прямой служебный закрывался мнѣ. И я не могъ даже объяснить себѣ встрѣченнаго мною отсутствія обычной доброты Витовтова, по отношенію ко мнѣ.

Въ этомъ раздумьи, я отправился къ генералъ-адъютанту барону

Ливену, бывшему моему начальнику, который при отъѣздѣ моемъ въ Крымъ показалъ мнѣ доброе участіе свое совѣтомъ, какъ держать себя съ самолюбивымъ княземъ Меншиковымъ; къ сожалѣнію, ни совѣтъ этотъ, ни все искуство въ мірѣ, не могли приложиться къ дѣлу, въ виду той ненаполнимой бреши въ самолюбіи князя, которая была произведена смысломъ даннаго мнѣ назначенія. Баронъ Ливенъ встрѣтилъ меня съ обычнымъ ему вниманіемъ. Между прочимъ, по поводу командировки моей въ Вильно, Ливенъ разсказалъ мнѣ, что еще до пріѣзда моего, кажется на пути изъ Гатчины въ Царское, въ вагонѣ, Наслѣдникъ Цесаревичъ обратился къ Витовтову съ словами: «вотъ и Поповъ возвращается къ намъ, что же мы съ нимъ сдѣлаемъ? не назначить ли его опять къ Арбузову? онъ такъ сожалѣлъ объ немъ».

«Не знаю, Ваше Высочество, отвѣчалъ Витовтовъ, сколько мнѣ извѣстно, Арбузовъ очень доволенъ своимъ новымъ начальникомъ штаба» [1]), впослѣдствіи же я узналъ, что предписаніе о командировкѣ моей приготовлено до моего возвращенія въ Петербургъ и имѣлось въ виду вручить мнѣ оное еще на дорогѣ, чтобы свернуть меня въ Вильно до въѣзда въ Петербургъ. Очевидно, что мое возвращеніе не нравилось Витовтову. При торопливости выпроводить меня изъ Петербурга, забыли даже, что по Высочайшему приказу я значился состоящимъ при князѣ Меншиковѣ, и что нуженъ Высочайшій же приказъ, дающій мнѣ другое положеніе, чтобы другое лице могло распоряжаться мною; но все это покрывалось священною волею Государя Наслѣдника Цесаревича. Между прочимъ и я разсказалъ Ливену мое участіе въ составленіи диспозиціи къ Инкерманскому сраженію, и онъ осудилъ ее; пусть думалъ я,—одною интригою больше или меньше, пусть, одною очистительною статьею меньше, или одною осудительною больше. Окончательно, спросилъ я у барона, сколько я вижу, командировка въ Крымъ сломала мнѣ шею? «Конечно, да», отвѣчалъ баронъ.

Положеніе мое очертывалось все болѣе и болѣе въ тяжкомъ видѣ; мнѣ нуженъ былъ анализъ всего пройденнаго мною, мнѣ нуженъ былъ большой свѣтъ, освѣщающій до послѣдняго изгиба прожитыя мною событія, а я нашелъ лишь осудительный надъ собою приговоръ и видимое желаніе отодвинуть меня отъ самой возможности быть услышану; проникнуть все это хитросложеніе я не имѣлъ возможности.

---

[1]) Къ Арбузову нач. штаба на мое мѣсто былъ назначенъ Глинка, племянникъ Витовтова. А. П.

Еще прежде командировки меня въ Крымъ, уже было проявлено стремленіе уменьшить или уничтожить рождавшееся мое значеніе; командировка же въ Крымъ, при обстановкѣ, которую благоугодно было Государю Императору придать ей, возстановила противъ меня князя Меншикова, да и въ Петербургѣ дезоріентировала многихъ; тамъ, въ арміи,—князь Меншиковъ систематически дѣйствовалъ къ отклоненію меня отъ участія въ дѣлахъ; здѣсь, въ Петербургѣ, я встрѣтилъ холодность, чтобы не сказать болѣе. Что обо мнѣ писалось, или говорилось, что клалось въ основу, и какія избирались связи для образованія цѣлаго? все это дѣлалось не гласно, а скрытно отъ меня. И, странно, чѣмъ болѣе отягчающихъ обстоятельствъ возникало передъ мною, тѣмъ сильнѣе и явственнѣе развивалось во мнѣ мое убѣжденіе, мое сознаніе.

Однакоже черезъ два или три дня послѣ разговора моего съ Витовтовымъ, я получилъ сообщеніе, что Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ изволилъ приказать мнѣ на слѣдующій день быть у Его Высочества въ 1 часъ пополудни. Эта почти неожиданная для меня радость, очевидно, происходила непосредственно отъ воли Его Высочества. Въ назначенный часъ, я явился въ Зимній Дворецъ на половину Его Высочества и нашелъ тамъ нѣсколько лицъ, тоже по особому назначенію туда собравшихся; въ это время обычный пріемъ уже кончился; черезъ полчаса Витовтовъ вышелъ изъ кабинета Его Высочества съ докладомъ, и увидя меня, обратился ко мнѣ съ словами: «вотъ я доставилъ вамъ пріемъ Его Высочествомъ; я надѣюсь, что вы будете умѣть держать себя какъ слѣдуетъ носящему мундиръ и вѣрноподданному».

Я высказалъ на это благодарность за доставленный мнѣ пріемъ и продолжалъ: «по долгу и обязанности, лежащей на мнѣ, я буду говорить Его Высочеству одну только правду, и не позволю себѣ ни видоизмѣнить, ни утаить ее. Теперь позвольте мнѣ, продолжалъ я, снова просить предстательства вашего превосходительства къ отклоненію отъ меня командировки въ Вильно». «Я этого не могу», отвѣчалъ Витовтовъ. «Въ такомъ случаѣ, я буду принужденъ лично утруждать Его Высочество этою просьбою», сказалъ я. «Не совѣтую», отвѣчалъ мнѣ Витовтовъ.

Въ это время Бруновъ, бывшій посолъ при Великобританскомъ дворѣ, былъ позванъ къ Его Высочеству, а вслѣдъ затѣмъ мнѣ передано, что Его Высочество не имѣетъ времени принять меня теперь, и проситъ быть у него вечеромъ въ 7 часовъ.

Ровно въ назначенный часъ я былъ принятъ Его Императорскимъ Высочествомъ въ его кабинетѣ. «Разскажи мнѣ, сказалъ Его

Высочество, все, что со времени пріѣзда твоего въ Крымъ происходило въ дѣлахъ нашихъ, не выпуская ни чего, что лично къ тебѣ относится».

На этотъ милостивый вызовъ, я имѣлъ счастіе послѣдовательно изложить Его Императорскому Высочеству: пріѣздъ мой въ штабъ квартиру арміи; пріемъ, сдѣланный мнѣ княземъ Меншиковымъ; предположеніе назначить меня къ князю Горчакову, мою рекогносцировку, разговоръ по оной съ Меншиковымъ и опасеніе его покушенія союзниковъ отъ устьевъ Качи и Бельбека; мое назначеніе въ Севастополь и смыслъ онаго; кратчайшее, только для связи, очертаніе первыхъ дней бомбардированія; призывъ меня въ штабъ-квартиру и совѣщаніе къ наступленію съ прибытіемъ 12-й пѣхотной дивизіи; результатъ этого совѣщанія и вкратцѣ, только для связи, дѣло подъ Балаклавою; усиленіе опасности Севастополя послѣ этого дѣла; пріѣздъ генерала Даннеберга въ Севастополь; мой пріѣздъ въ штабъ-квартиру и составленіе диспозиціи къ Инкерманскому сраженію и мое личное въ немъ участіе.

Весь этотъ разсказъ мой соотвѣтствовалъ вполнѣ изложенному мною въ этихъ запискахъ, не только въ существѣ, но въ формѣ и даже въ самыхъ выраженіяхъ [1]); я только воздерживался по возможности отъ собственныхъ сужденій, заставляя самые факты говорить за себя. Его Императорское Высочество почти не прерывалъ моего разсказа и лишь изрѣдка выражалъ свое желаніе узнать какую нибудь подробность; но когда я окончилъ разсказъ лично видѣннаго мною въ Инкерманскомъ сраженіи, Его Высочество изволилъ выразить: «теперь только я понялъ ходъ Инкерманскаго сраженія; а то, съ полученіемъ перваго донесенія Даннеберга, мы ничего не могли связать въ немъ, тоже было и съ полученія болѣе подробныхъ донесеній князя Меншикова. Мы разспрашивали прибывающихъ изъ Крыма, поручали посылаемымъ туда лицамъ выяснить это дѣло, наконецъ прибыли и братья мои, сами тамъ бывшіе, и выясненія все же не послѣдовало».

— «Когда князь Меншиковъ въ донесеніяхъ утаилъ диспозицію, отданную имъ къ Инкерманскому сраженію, то естественно всякая связь въ этомъ дѣлѣ исчезала, и дѣйствія войскъ представлялись только отдѣльными явленіями», отвѣчалъ я.

При этомъ Его Высочество изволилъ взять планъ окрестностей Севастополя и прослѣдилъ всѣ передвиженія войскъ нашихъ на Киленъ-балочномъ плато, затѣмъ выразилъ желаніе свое слышать продолженіе моего пребыванія въ Крыму.

Продолжая разсказъ мой, я изложилъ общее стремленіе войскъ къ

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1878 г. томъ XXI.

новому бою; совѣщаніе къ выдвиженію на Рудольфову гору; мое отсутствіе на немъ и исходъ онаго; значеніе бури 2-го ноября, измѣнившей характеръ дѣйствій союзниковъ; наше гибельное бездѣйствіе; неоднократное посѣщеніе мною главнокомандующаго съ цѣлію уяснить ему необходимость наступленія, и тягостное впечатлѣніе этою настоятельностію, на него производимое; командировку мою съ 18-го ноября, для составленія предположенія къ расположенію и могущимъ послѣдовать дѣйствіямъ арміи, въ случаѣ новой высадки союзниковъ для угроженія нашимъ сообщеніямъ; мои донесенія по этому порученію; возвращеніе въ штабъ-квартиру арміи и полученіе откомандировки въ Петербургъ.

— «Странный человѣкъ князь Меншиковъ, сказалъ Его Высочество, когда я окончилъ разсказъ мой,—еще сегодня полученъ отъ него вмѣстѣ съ вашими документами отзывъ о васъ, и въ самыхъ лучшихъ выраженіяхъ, а то: чернитъ Кирьякова, мараетъ Моллера, (здѣсь Его Высочество назвалъ еще одно имя, которое теперь не упомню) да и всѣмъ достается, кромѣ васъ и Тотлебена».

«Названныя Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ лица могутъ имѣть и недостатки, отвѣчалъ я, но хорошій главнокомандующій будетъ умѣть воспользоваться хорошими ихъ качествами, возлагая на каждаго дѣла, соотвѣтственныя ихъ свойствамъ; и самъ князь Меншиковъ, при свѣтломъ умѣ своемъ, дознанной храбрости и обширныхъ военныхъ свѣдѣніяхъ, что же добраго могъ сдѣлать, когда у него не достаетъ силы воли? Какъ кабинетный дѣятель, онъ можетъ даже замѣчательно быть полезнымъ, какъ главнокомандующій ему нельзя ввѣрить и двухъ солдатъ въ команду».

— «Мы съ отцемъ уже прежде думали о смѣнѣ его, теперь же это дѣло рѣшенное, но вопросъ, кѣмъ замѣнить его? Мы останавливались на Горчаковѣ, Остенъ-Сакенѣ, Бергѣ и Лидерсѣ», сказалъ Его Высочество.

«Ежели Ваше Императорское Высочество съ такою милостію ко мнѣ изволили коснуться именъ тѣхъ лицъ, на которыхъ можетъ быть возложена надежда къ величію дѣлъ нашего отечества, то во имя чистѣйшихъ моихъ къ тому стремленій, дозвольте мнѣ высказать глубокое вѣрноподданнѣйшее по этому убѣжденіе. Князя Горчакова я не знаю лично, но онъ извѣстенъ всѣмъ благородствомъ своихъ побужденій и патріотизмомъ, извѣстенъ и военными дѣлами въ Турецкую и Венгерскую войну, но по разсѣянности и забывчивости своей, тоже общеизвѣстной, въ настоящихъ потребностяхъ нашихъ въ Крыму, гдѣ требуется отсутствіе суеты и путаницы,—онъ не годится быть главнокомандующимъ. Остенъ-Сакена я тоже лично не знаю,

но онъ уже заявилъ себя, въ короткое пребываніе въ Севастополѣ, совсѣмъ не въ томъ направленіи, котораго требуютъ обстоятельства. Берга я имѣю честь знать лично, онъ безспорно обладаетъ дарованіями, но самая живость ума его будетъ смущать и развлекать его отъ той сосредоточенности мыслей и воли, которая нужна въ положеніи нашемъ подъ Севастополемъ, и будетъ порождать суетню въ его окружающихъ. Лидерса я тоже лично не знаю, но въ Трансильваніи онъ велъ дѣла обстоятельно и умѣлъ заслужить общую любовь къ себѣ войскъ; по этимъ даннымъ онъ болѣе другихъ можетъ быть полезенъ подъ Севастополемъ; но дозвольте Ваше Высочество досказать мое слово до конца. Изъ всѣхъ генераловъ, извѣстныхъ мнѣ лично, или по репутаціи ихъ, по глубокому моему убѣжденію, одинъ только соотвѣтствуетъ потребностямъ нашимъ подъ Севастополемъ—это Н. Н. Муравьевъ, который теперь на Кавказѣ. И не потому Ваше Высочество, чтобы онъ отличался особеннымъ блескомъ ума, напротивъ, мышленія его угловаты, и медленны, но разъ, что онъ остановится на какомъ либо рѣшеніи, то ни окружающіе его, ни непріятель, своими демонстраціями, не въ силахъ даже малѣйше уклонить его отъ предпринятыхъ имъ дѣйствій и онъ умѣетъ подчинить дѣйствія другихъ своей волѣ».

— «Да, произнесъ Его Высочество, но онъ нуженъ за Кавказомъ, и его невозможно оттуда тронуть».

«Въ такомъ случаѣ», осмѣлился сказать я, «остается еще одна комбинація и превыше первой, это личное присутствіе Вашего Высочества подъ Севастополемъ, на одну недѣлю. Три дня считаю я для осмотра нашего положенія и принятія рѣшенія, и три дня для исполненія; такъ что ни одного врага не останется на землѣ Херсонеса. Присутствіе вашего императорскаго высочества безмѣрно одушевитъ войска, хотя въ порывѣ и мужествѣ ихъ и нѣтъ недостатка; но главное, оно придастъ то единство, и ту энергію дѣйствій, которыхъ до сихъ поръ у насъ не доставало, что и парализировало всѣ наши предпріятія».

— «Я и самъ останавливался на этой мысли», выразилъ Его Высочество, «но къ сожалѣнію, я никакъ, въ настоящее время, не могу исполнить этого. Государь боленъ и я часто вмѣсто него долженъ направлять важныя государственныя нужды».

Такимъ образомъ, все что относилось къ положенію дѣлъ нашихъ въ Крыму, и все что относилось ко мнѣ лично, благодаря незабвенной милости и вниманія его императорскаго высочества, было исчерпано и выяснено мною. Я сдалъ съ души ту великую нравственную отвѣтственность, которую Государю Императору благоугодно

было наложить на меня, и оправдать которую у меня не доставало власти. Но увлекаемый пламеннымъ желаніемъ торжества нашему оружію, я счелъ долгомъ резюмировать ту настоятельную потребность наступленія, въ которой я оставилъ дѣла наши въ Крыму.

«И такъ, Ваше Императорское Высочество, сказалъ я, кто бы ни командовалъ нашими войсками въ Крыму, пассивная оборона поведетъ насъ къ неизбѣжной погибели, раньше, или позже, это зависитъ уже не отъ насъ, а отъ предпріимчивости противника; для возстановленія же нашихъ дѣлъ, намъ необходимо наступленіе и безотлагательное, чтобы воспользоваться нашимъ перевѣсомъ въ силахъ. Направленіе нашего наступленія обусловлено мѣстностію, и должно быть направлено для занятія высотъ у верховьевъ Киленъ-балки, ибо только успѣхомъ такого выдвиженія мы связываемъ раздѣльныя части нашей арміи, и открываемъ сухопутное сообщеніе Севастополю съ основаніемъ дѣйствій. Предпріятія же, какъ съ праваго нашего фланга на Рудольфову гору, такъ и съ лѣваго на Федюхины высоты, даже при удачѣ первоначальнаго выдвиженія, не усиливаютъ насъ, а даютъ только возможность противнику съ бо̀льшею удобностію поразить ту или другую часть нашей раздѣльной арміи. Самое же наступленіе можетъ быть исполнено: или открытою силою, съ тѣмъ, что бы въ первый же день достигнуть цѣли нашего предпріятія, или постепеннымъ выдвиженіемъ нашихъ укрѣпленій, начиная съ Воронцовской высоты, какъ это было предположено къ дѣлу по прибытіи 12-й пѣхотной дивизіи. Которое изъ этихъ дѣйствій предпочесть—зависитъ отъ свойствъ главнокомандующаго; первое требуетъ находчивости и распорядительности, второе настоятельности. При отъѣздѣ моемъ изъ Крыма, прибавилъ я, въ нашей арміи по спискамъ состояло 101 тысяча человѣкъ, но, Ваше Высочество, въ числѣ ихъ другаго Попова нѣтъ».

Это было дерзновенно, и въ безусловномъ смыслѣ—крайне несправедливо; конечно, въ арміи нашей было не малое число лицъ, превосходившихъ меня способностями, но не было въ арміи человѣка, поставленнаго въ столь фальшивое и немощное положеніе, какъ я; и не было человѣка, столь близко стоявшаго къ рулю управленія дѣлами какъ я, и намѣренно отъ него отклоняемаго; наконецъ я былъ однимъ изъ тѣхъ, которые вполнѣ сознавали неурядицу и гибельность нашихъ дѣйствій. Поэтому я перечувствовалъ, я перестрадалъ всѣ ошибки наши, и въ этомъ то исключительномъ смыслѣ едва ли кто ближе меня понималъ наше положеніе въ Крыму, и едва ли кто правильнѣе меня могъ сдѣлать выводы изъ онаго, именно въ то

время, къ которому относится разсказъ мой. Хвалиться мнѣ было не чѣмъ; а только, чтобы означить неопровержимость, въ моемъ понятіи, изложеннаго мною плана дѣйствій, я употребилъ мое заключительное слово. И что же? Послѣдствія, какъ нельзя яснѣе подтвердили высказанное мною; во первыхъ, мы упустили три мѣсяца въ полномъ бездѣйствіи, и дали возможность непріятелю усилиться; во вторыхъ, начали выдвиженіе укрѣпленій съ самаго ничтожнаго пункта, и дали возможность непріятелю не только охранить важнѣйшіе свои опоры, но и отнять устроенные нами. Въ этомъ мы уподобились начальнику, направляющему войска свои на слабѣйшій, а не на важнѣйшій тактическій, или стратегическій пунктъ; въ третьихъ, для дѣйствій открытою силою, мы направились на Федюхины высоты, гдѣ и удача не могла доставить намъ успѣха.

Но если и съ теченіемъ времени, мы только претыкались въ ошибочныхъ дѣйствіяхъ, если и до нынѣ даже, есть многіе и многіе, которые ослѣпляясь блескомъ мужества и самоотверженія нашихъ войскъ, считаютъ оборону Севастополя славною, и дѣйствія обороны поучительными, то не въ правѣ ли былъ я, говоря о потребностяхъ нашего положенія въ половинѣ декабря 1854 года, употребить выраженіе, которое могло показаться заносчивымъ.

Дѣйствительно, войска наши покрыли себя безсмертною славою на удивленіе и подраженіе потомства,—но не распорядители; они только гвоздь за гвоздемъ вбивали въ тотъ обширный гробъ, который поглащалъ героевъ, до тѣхъ поръ, пока нельзя было шевельнуться болѣе, и онъ не поглотилъ и Севастополь, и весь флотъ нашъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ надолго и вѣками утвердившееся значеніе России.

При словѣ моемъ другаго нѣтъ я глубоко преклонился,—я высказался весь цѣликомъ. Его Высочество не отвѣчалъ ни слова, и былъ видимо погруженъ въ думу. Тогда я обратился къ нему съ словами: «теперь дозвольте мнѣ утруждать Ваше Императорское Высочество просьбою о себѣ. Я получилъ предписаніе отправиться въ Вильно, для временнаго исправленія должности оберъ-квартирмейстера гвардейскаго пѣхотнаго корпуса, поэтому, я обращался къ начальнику штаба Витовтову, прося его ходатайства предъ Вашимъ Высочествомъ отклонить отъ меня это назначеніе, объясняя ему, что послѣ занимаемыхъ мною передъ симъ должностей: начальника штаба войскъ въ окрестностяхъ Петербурга, и затѣмъ начальника штаба дѣйствующей арміи, назначеніе временно-исправляющимъ должность оберъ-квартирмейстера корпуса, было бы болѣе рѣзко, чѣмъ назначеніе изъ

поповъ въ діаконы, но начальникъ штаба отказался быть ходатаемъ за меня; а при возвращеніи моемъ къ нему съ тою же просьбою, онъ не совѣтовалъ мнѣ обращаться съ нею и къ Вашему Императорскому Высочеству; но мое положеніе чрезвычайно щекотливо: вся армія, читавшая Высочайшій приказъ объ моемъ въ Крыму назначеніи, не можетъ принять новаго даваемаго мнѣ назначенія иначе, какъ за карательный приговоръ; это значитъ безъ суда быть осужденнымъ, я бы желалъ суда, но судъ невозможенъ, поэтому мнѣ нужна реабилитація».

— «Я понимаю, произнесъ Его Высочество, всю неловкость этого назначенія, но за отсутствіемъ изъ Вильно оберъ-квартирмейстера, не кѣмъ замѣнить его»; при этомъ Его Высочество взялъ памятную книжку съ именами офицеровъ.

«Ежели бы отсутствіе не только оберъ-квартирмейстера гвардейскаго пѣхотнаго корпуса, но и простаго часоваго, было настоятельно нужно къ замѣнѣ, то я съ полною готовностью и въ этомъ случаѣ исполнилъ бы волю Вашего Императорскаго Высочества, но такой надобности не предстоитъ въ даваемой мнѣ командировкѣ, потому что, въ случаѣ движенія корпуса, всегда есть время восполнить этотъ недостатокъ», отвѣчалъ я.

— «Я постараюсь исправить это», произнесъ Его Высочество. Я поклонился снова, и высказавъ неизгладимую благодарность за милостивый пріемъ, которымъ удостоилъ меня Его Высочество, удалился.

Если высокое довѣріе, выраженное мнѣ Государемъ Императоромъ при отправленіи меня въ Крымъ, разлило во мнѣ чувство глубокаго удовлетворенія, то аудіенція Государя Наслѣдника Цесаревича, оставила по себѣ столь же глубокое сознаніе, что мною сдѣлано все отъ меня зависящее, для оправданія этого довѣрія.

Чрезъ три дня послѣ этого, я снова получилъ предписаніе начальника штаба, что по волѣ его императорскаго высочества наслѣдника цесаревича, я командируюсь въ г. Вильно для исправленія должности оберъ-квартирмейстера гвардейскаго пѣхотнаго корпуса.

На этотъ разъ, это распоряженіе не произвело уже на меня того впечатлѣнія, которое я ощущалъ, получивъ оное въ первый разъ; быть можетъ, я понималъ даже истинные къ тому двигатели. «Не ищите причинъ, писалъ я тогда престарѣлому отцу моему, къ перемѣнѣ моего послѣдняго назначенія, таковыхъ нѣтъ въ дѣйствительности, и это есть только игра страстей и личныхъ интересовъ, и конечно благая судьба отодвинула меня въ мирный уголокъ,—я испепелился-бы, соприкасаясь Крымскимъ дѣламъ.»

15*

Однакоже, черезъ два мѣсяца пребыванія моего въ Вильнѣ, смерть отца моего заставила меня просить отпускъ, чтобы распорядиться оставленнымъ мнѣ имуществомъ; одновременно съ тѣмъ, кончиною Государя Императора, Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ былъ призванъ стать самодержавнымъ распорядителемъ трудныхъ дѣлъ ввѣреннаго ему Провидѣніемъ государства. При отпускѣ моемъ, графъ Ридигеръ, главнокомандующій гвардейскими и гренадерскимъ корпусами, передалъ мнѣ, что Его Императорское Величество, предоставляя мнѣ кратковременный отпускъ, обязываетъ меня явиться къ сроку, такъ какъ Его Величество имѣетъ меня въ виду для важнаго назначенія. Не важность назначенія мнѣ была дорога въ этомъ, но тотъ смыслъ, который просвѣчивалъ въ переданномъ мнѣ намѣреніи, который указывалъ, что я не ошибся въ нравственной моей реабилитаціи въ понятіи Государя Императора; а онъ одинъ только и могъ судить меня, ибо никто кромѣ Его Величества не зналъ, и даже до сихъ поръ не знаетъ связи моей предшествовавшей службы съ обстоятельствами моей командировки въ Крымъ, и возвращенія изъ онаго.

Въ это время князь Меншиковъ, вслѣдствіе смѣны его въ Крыму, прибылъ въ Петербургъ; я посѣтилъ его, у насъ было такъ много общаго въ прошедшемъ; оно, конечно, видоизмѣнилось временемъ, но оставалось еще самымъ живымъ и могучимъ двигателемъ всеобщаго участія; я засталъ князя одного, но онъ меня не принялъ. Впослѣдствіи я встрѣчался съ нимъ въ англійскомъ клубѣ и мы говорили: о скачкахъ, оперѣ, охотѣ; но никогда ни однимъ словомъ не коснулся онъ прошедшаго. Какъ легко сильные положеніемъ смываютъ вины свои!...

Состоя, по возвращеніи моемъ изъ отпуска при графѣ Ридигерѣ, я имѣлъ порученія, относившіяся къ оборонѣ Петербурга и его окрестностей. Не смотря на ничтожность угрожавшихъ спокойствію столицы силъ, состоявшихъ изъ 15 т. дессанта, плававшаго у береговъ Балтики, общее стремленіе занимать и оберегать сколь возможно болѣе пунктовъ, угрожало намъ быстрымъ приведеніемъ въ разстройство силъ нашихъ, въ случаѣ демонстрацій непріятеля, а затѣмъ могло привести и къ существеннымъ потерямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ переѣздомъ моимъ въ Петербургъ, и событія въ Крыму живѣе и больнѣе отзывались въ душѣ, при всякомъ оттуда извѣстіи. Однимъ словомъ, я былъ глубоко пораженъ нравственно, и все, что тамъ дѣлалось, меня волновало.

Между тѣмъ, военныя дѣла наши въ Крыму все болѣе и болѣе клонились къ упадку. Севастополь палъ, и соотвѣтственно тому, труднѣе и труднѣе дѣлались наши дипломатическія отношенія къ сосѣднимъ государствамъ; въ предполагавшемся мнѣ назначеніи—не представлялось надобности.

Прежде, я никогда даже и не думалъ оставить службу; къ ней готовился я съ дѣтства и съ ней свыкся въ лучшемъ возрастѣ жизни, но обстоятельства сложились странно, дико; здоровье мое было потрясено въ основаніи, и мнѣ продолжительный отдыхъ былъ необходимъ, почему, съ начатіемъ переговоровъ о мирѣ—я подалъ въ отставку.

Въ отвѣтъ на эту просьбу мою, графъ Барановъ (начальникъ штаба гвардейскихъ и гренадерскаго корпусовъ) объявилъ мнѣ: «мнѣ поручено передать, что вы намъ необходимы, и просить васъ не оставлять службы». На это я отвѣчалъ: «только разстройство здоровья моего, и сознаніе невозможности быть полезнымъ заставило меня, по совѣсти, просить объ увольненіи отъ службы». «Но на васъ не будетъ возлагаться никакихъ дѣлъ, только оставайтесь въ службѣ, чтобы въ случаѣ надобности вы были при насъ.»

На послѣднія слова графа Баранова, я отвѣчалъ: «доложите, ваше сіятельство, что при нуждѣ во мнѣ я всегда отзовусь всею силою моего желанія и моей возможности, буду ли я носить мундиръ, или другое платье, а потому и теперь не настаиваю на моей просьбѣ».

Но бранныя тревоги стихали постепенно; весною 1856 года заключенъ парижскій миръ, и когда все улеглось и успокоилось, я снова просилъ объ увольненіи меня отъ службы, и на этотъ разъ получилъ всемилостивѣйшее увольненіе.

При отставкѣ моей Государю Императору благоугодно было явить мнѣ знакъ высокаго своего вниманія и милости. Графъ Барановъ, сообщая объ увольненіи меня въ отставку, сообщилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что Его Величеству благоугодно, чтобы при поступленіи моемъ вновь на службу, принять меня, какъ извѣстнаго офицера, генералъ-маіоромъ.

Я поспѣшилъ представиться къ Государю Императору, чтобы выразить глубочайшую мою благодарность за оживившую меня его ко мнѣ милость. Когда я былъ позванъ къ Его Величеству, онъ милостиво встрѣтилъ меня словами: «а ты таки ушелъ отъ насъ, сколько я тебя ни останавливалъ». «Не я ушелъ, Ваше Величество, но здоровье мое принудило меня искать помощи и отдохновенія», отвѣчалъ я. —«Однако я этого не вижу»—произнесъ Государь.

«Ваше Величество, отвѣчалъ я, наружность иногда бываетъ обманчива, но если бы Вы могли видѣть внутренность, то изволили бы усмотрѣть, что всѣ нервы мои пожжены, какъ каленымъ утюгомъ».

— «Ну отдохни, и ты поправишься скоро, я въ этомъ увѣренъ, и тогда опять на службу,—я такъ хочу», произнесъ Государь Императоръ и милостиво подалъ мнѣ свою державную руку.

А. Е. Поповъ.

1878 г

ИСТОРІЯ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Разсказъ бывшаго крѣпостнаго крестьянина Н. Н. Шипова.

1824—1827 гг. [1]

Съ 1824 года я очень часто началъ отлучаться изъ дому по торговымъ дѣламъ. Торговля была, попрежнему, уральскимъ скотомъ и пушнымъ товаромъ. Послѣ 1822 года, когда въ Оренбургскомъ краѣ стояла жестокая зима, барановъ тамъ много поубавилось, и цѣны на нихъ были не совсѣмъ подходящія. И вотъ, я задумалъ отправиться для покупки скота къ букеевскимъ киргизамъ въ барханы [2]. Хотя во время прежнихъ моихъ поѣздокъ я неоднократно имѣлъ дѣло съ киргизами и могъ немного говорить по киргизски, но счелъ за нужное нанять толмача. Таковой скоро нашелся, одинъ изъ уральскихъ казаковъ, и я подрядилъ его за 100 руб. асс. ѣхать со мной. Мы съ этимъ толмачомъ и нѣсколькими моими работниками отправились, на повозкахъ, въ киргизскіе аулы, верстъ за 40 отъ линіи, гдѣ киргизы кочевали въ своихъ кошомныхъ кибиткахъ. Пріѣхали въ аулъ, къ старшинѣ, который назывался Бекъ-Мухамедомъ-Утемисомъ. Онъ насъ принялъ. Я подарилъ ему чаю и сахару; Мухамедъ же далъ намъ особую палатку, угостилъ меня аряномъ (кислымъ молокомъ) и вареной ягнятиной. Арянъ мнѣ не понравился, вѣроятно потому, что онъ содержится киргизами обыкновенно въ сырыхъ кожаныхъ мѣшкахъ. Скоро мы съ Мухамедомъ сдѣлались хорошими знакомыми. Онъ пригласилъ меня съ толмачомъ въ гости къ своему двоюродному брату, Ковдобаю, который находился въ другомъ аулѣ, верстъ за 5 отъ нашего. Я, разумѣется, не отказался. Хозяинъ

---

[1]) См. „Русс. Старина" 1881 г. т. XXXI, май, стр. 133—148.

[2]) Барханами называются пески съ небольшими неровными возвышенностями: они простираются верстъ на 10), а далѣе носятъ названіе „рынъпески". Въ нашихъ обыкновенныхъ повозкахъ ѣздить по барханамъ весьма затруднительно. Н. Ш.

насъ встрѣтилъ радушно; мы посидѣли, покуда не было все прибрано въ кибиткѣ для пріема гостей. Потомъ, насъ пригласили въ кибитку. Въ ней были развѣшаны ковры: разноцвѣтные сундуки стояли открытыми; на полу тоже разосланы ковры и положены подушки, на которыя мы и сѣли. Хозяинъ спросилъ, что мы будемъ ѣсть: стараго барана, или ягненка? Мы согласились на послѣднее. Жена хозяина была въ шелковыхъ штанахъ и рубахѣ; голова покрыта платкомъ, на ногахъ надѣты красные киргизскіе, съ большими каблуками, сапоги: это для удобства при верховой ѣздѣ. Она начала раскладывать изъ тезека [1]) огонь посреди самой кибитки; потомъ, поставила на 4-хъ ножкахъ таганъ, а на него большой котелъ съ водою. Принесли кожаный мѣшокъ, изъ котораго хозяйка вытаскивала говядину или кобылятину и клала въ котелъ. Когда говядина сварилась, она вынимала ее изъ котла вилкой и накладывала въ красную деревянную чашку; хозяинъ же мелко разрѣзывалъ ее ножомъ. Послѣ того хозяйка варила ягненка; хозяинъ и его разрѣзалъ на мелкіе кусочки. Съ нами обѣдали 6 человѣкъ киргизовъ. Хозяинъ бралъ всѣми 5-ю пальцами кусочки говядины и угощалъ ими прямо въ ротъ; гости подползали къ нему на колѣняхъ, при чемъ старались, чтобы кусокъ не выпалъ изо рта, такъ какъ въ противномъ случаѣ имъ было-бы стыдно. Для меня хозяинъ положилъ говядины и ягнятины въ чашку. Затѣмъ, хозяйка изготовила еще два кушанья: жидкую молочную кашу съ сорочинскимъ просомъ и жареную въ маслѣ сметану, что по киргизски называется «ремчукъ». Обѣдъ продолжался довольно долго. Разговаривали о баранахъ, о лошадяхъ. Хозяинъ предложилъ мнѣ свои услуги: завтра онъ объѣдетъ свой родъ и объявитъ, чтобы киргизы приходили ко мнѣ для продажи барановъ; при этомъ будетъ стараться о выгодной для меня покупкѣ,—только я долженъ ему что нибудь подарить. Поблагодаривши хозяина, я въ свою очередь пригласилъ его къ себѣ на чай. Онъ не отказался. Пріѣхали въ мою палатку; пили чай. У меня были мягкія булки и пшеничные сухари; я далъ ихъ моему новому знакомцу. Онъ положилъ ихъ въ свою кожаную сумку. Такія сумки киргизы всегда носятъ при себѣ на ремнѣ, а русскій гостинецъ раздаютъ понемногу своимъ женамъ, дѣтямъ и пріятелямъ. Насталъ вечеръ, и мы отправились къ старшинѣ ужинать. На другой день я всталъ утромъ рано. Начали собираться киргизы; одни на лошадяхъ, другіе на верблюдахъ, а иные на быкахъ. Богатые киргизы были въ шелковыхъ бухарскихъ халатахъ, лисьихъ шубахъ, въ синемъ или красномъ чекменѣ, въ лисьихъ бархатныхъ шапкахъ. У нѣкоторыхъ лошади были въ серебряныхъ уборахъ. Черезъ толмача я сталъ торговать у киргизовъ барановъ; но они объявили дорогую цѣну и, не сторговавшись, разъѣхались

[1]) Тезекъ, или коровій кирпичъ служитъ обыкновеннымъ т плив мъ у киргизовъ.

по своимъ ауламъ. Вечеромъ пріѣхалъ ко мнѣ мой новый знакомецъ изъ киргизовъ, Ковдобай, и, узнавъ, что мы не сторговались съ его единоплеменниками, обѣщался завтра уговорить ихъ быть уступчивѣе. Мы разстались. На слѣдующій день киргизовъ собралось въ мой таборъ множество; иные пріѣзжали просто посмотрѣть на русскихъ людей. Прибылъ и Ковдобай. Онъ просилъ меня нѣкоторыхъ почетныхъ киргизовъ напоить чаемъ и дать имъ сухарей. Это я исполнилъ. Послѣ того, при киргизахъ, Ковдобай спросилъ меня: «почемъ даешь купецъ за дюнана, кунана, буйдака?» Дюнанъ—это самый старый баранъ, кунанъ—средній, а буйдакъ—молодой. Черезъ толмача я отвѣтилъ, что за перваго—9 руб. 25 коп, за средняго—8 руб. и за буйдака 6 руб. 25 коп. Тогда мой знакомецъ закричалъ: «я согласенъ на эту цѣну и завтра же пригоню своихъ барановъ; а другіе какъ хотятъ». Это подѣйствовало на киргизовъ, и они разъѣхались съ обѣщаніемъ пригнать барановъ. Въ продолженіе двухъ дней я купилъ около 3,000 штукъ, расплатился серебряными деньгами; славно угостилъ старшину Бекъ-Мухамеда съ Ковдобаемъ, простился съ ними и отправился въ Уральскъ. Здѣсь я купилъ еще до 7,000 барановъ, поручилъ ихъ прикащикамъ и рабочимъ, а самъ отправился домой, гдѣ мой отецъ встрѣтилъ меня съ моею новорожденною дочерью. Сердце мое забилось радостно.

Впослѣдствіи, мнѣ каждый годъ приходилось имѣть дѣло съ киргизами по покупкѣ барановъ на всемъ пространствѣ ихъ кочевья до Новаго-Узеня и далѣе. Я даже завелъ особую торговлю съ киргизами краснымъ товаромъ, который покупалъ въ Москвѣ и въ первыхъ мѣсяцахъ каждаго года отправлялъ его съ прикащиками къ Уральску, а потомъ въ барханы. По киргизски я научился говорить не дурно. Поэтому, мнѣ представлялось возможнымъ довольно хорошо познакомиться съ жизнью киргизовъ.

Киргизы—народъ очень любопытный; обыкновенно разспрашиваютъ: кто ѣдетъ, куда и зачѣмъ? Разъѣзжая по барханамъ, мы обыкновенно останавливались ночевать близь ауловъ; это—для безопасности, потому что у киргизовъ существуетъ обычай оберегать своихъ гостей. На степи рѣкъ почти совсѣмъ нѣтъ; во многихъ мѣстахъ вырыты колодцы, къ которымъ пригоняется скотъ для водопоя; ведра вездѣ кожаныя, а корыта сдѣланы изъ досокъ. У нѣкоторыхъ киргизовъ были большія стада барановъ, лошадей, рогатаго скота и верблюдовъ. Я зналъ одного киргиза, Танинскаго рода: у него было болѣе 7,000 лошадей. Киргизы питаются, главнымъ образомъ, овечьимъ и коровьимъ молокомъ; употребляютъ и верблюжье. Лѣтомъ они приготовляютъ молоко для зимы: сушатъ его на солнцѣ до того, что оно дѣлается твердымъ, и хранятъ въ кожаныхъ мѣшкахъ [1]. Такое молоко назы-

[1]) Киргизы вырываютъ не очень глубокія ямы, въ которыхъ коптятъ сырыя лошадиныя кожи; изъ этихъ кожъ и дѣлаютъ мѣшки какъ для твердаго, такъ и для жидкаго молока. Н. Ш.

вается по киргизски «крутъ»; его растворяютъ въ водѣ и ѣдятъ. Если въ дорогѣ киргизу путь лежитъ аулами, то онъ ничего не беретъ съ собою съѣстнаго, потому что киргизы имѣютъ обычай путешествующаго родича накормить и напоить безмездно.—Киргизы никогда долго не остаются на одномъ мѣстѣ; какъ только скотъ поѣстъ траву, они перекочевываютъ на другое мѣсто, отыскивая тучныя и привольныя пастбища. Зиму они проводятъ обыкновенно близь Каспійскаго моря, къ западу, съ мелкимъ скотомъ; лошадей же пасутъ на степи, подъ надзоромъ стараго опытнаго киргиза. Случается, что во время бурана скотъ замерзнетъ, но это бѣда не большая: киргизецъ, у котораго это случилось, отправляется въ отдаленные аулы, гдѣ бурана не было; здѣсь родичи дадутъ ему вдоволь скота, съ тѣмъ, что если и у нихъ случится такое же несчастіе, то онъ долженъ помочь имъ.—Киргизскія свадьбы совершаются такимъ образомъ: невѣстъ засватываютъ въ маломъ возрастѣ, лѣтъ 10-ти; при этомъ отецъ жениха даетъ родителямъ невѣсты «калымъ», т. е. будущее приданое скотомъ; количество калыма зависитъ отъ богатства или состоянія дающаго. Когда придетъ время отдавать невѣсту жениху, то приданое возвращается, и съ приплодомъ; кромѣ того, отецъ невѣсты даетъ близкимъ родственникамъ своего зятя разные подарки. Въ извѣстное время женихи на хорошихъ рѣзвыхъ лошадяхъ и невѣсты на иноходцахъ скачутъ по степи. Каждый изъ жениховъ старается догнать свою невѣсту и схватить ее за грудь. Впрочемъ, только та невѣста позволяетъ жениху брать себя за грудь, которая жениха любитъ; въ противномъ же случаѣ бьетъ его плетью.—Когда для женщины-киргизки наступаетъ время разрѣшиться отъ бремени, то всѣ ея домашніе принимаются отыскивать христіанскіе волосы. На вопросъ мой—для чего эти волосы?—мнѣ отвѣчали, что ихъ должно сжигать во время родовъ, въ кибиткѣ роженицы, отъ чего облегчаются и ускоряются роды. Вскорѣ послѣ родовъ, мужъ рѣжетъ барановъ, созываетъ гостей и происходитъ пиршество.

1828—1831 гг.

Въ 1828-мъ году, вскорѣ послѣ пасхи, я отправился, по обыкновенію, въ Уральскій край, на рѣку Узень, гдѣ съ моимъ прикащикомъ находились гурты барановъ. Здѣсь я получилъ извѣстіе, что отъ жестокой зимы погибло до 1,000 штукъ. Два табуна я отправилъ къ Уральску, приказавъ купить тамъ еще барановъ; а самъ вознамѣрился отправиться степями въ Астрахань съ красною юфтью, которой у меня было болѣе 100 пудовъ. Хотя меня и отговаривали ѣхать степною дорогою, гдѣ кочуютъ киргизы, калмыки, и трухменцы, но мнѣ непремѣнно хотѣлось узнать эту дорогу. Я взялъ двѣ повозки, 7 лошадей и 5 верблюдовъ; при мнѣ находились

два прикащика, два работника и одинъ киргизецъ—опытный по этой дорогѣ вожакъ. 17-го мая мы выѣхали. Дорога была жесткая. На третій день встрѣтили ужасные пески, называемые рынами, гдѣ кочевали киргизы. Этими мѣстами мы ѣхали нѣсколько дней, совершая не болѣе 15-ти верстъ въ день. Жара была нестерпимая; лошади уморились и не могли поспѣвать за верблюдами. Въ седьмой день нашего путешествія мы получили извѣстіе, что не вдалекѣ отъ насъ стоитъ лагеремъ букеевскій ханъ и покупаетъ верблюдовъ по случаю войны съ турками. Изъ любопытства, я съ вожакомъ отправился туда. Ханъ сидѣлъ въ палаткѣ съ киргизскими старшинами и казачьимъ маіоромъ; конвой его составляли 60 донскихъ казаковъ. Отдавъ хану надлежащее почтеніе, я объявилъ ему, кто я. Онъ нѣсколько времени разговаривалъ со мною по русски о нашей торговлѣ и предложилъ мнѣ купить у него барановъ. Распростившись съ ханомъ, пріѣхали къ своему каравану. На девятой день нашей ѣзды песку стало меньше, дорога становилась легче и удобнѣе, но трава повсюду совершенно засохла, воды нигдѣ не было. Ѣхали еще два дня, и вожакъ сказалъ намъ, что скоро будетъ колодезь. Мы съ усиліемъ и нетерпѣніемъ подвигались къ этому колодцу; однако воды въ немъ не оказалось. Съ досады, я началъ выговаривать вожаку, что онъ повелъ насъ такой скверной дорогой, гдѣ нѣтъ вовсе воды; вожакъ увѣрялъ, что въ прошломъ году здѣсь воды было достаточно, а нынѣ она отъ необыкновенной жары высохла. Нечего дѣлать: двинулись далѣе. Мы и лошади выбивались изъ силъ, да и верблюды изнурились. Наконецъ я послалъ вожака отыскивать воду, а сами медленно подвигались впередъ. Скоро, бывшія при насъ собаки, должно быть, почуяли воду и побѣжали; мы за ними. Спустя немного времени, мы дѣйствительно увидѣли воду. Но что это была за вода?—темно-бѣлаго цвѣта, густая, негодная къ употребленію не только для людей, но и для животныхъ. Я велѣлъ вскипятить эту воду къ чаю; но, устоявшись въ чаѣ, она превратилась въ тѣсто и чай нельзя было пить. Тогда я приказалъ налить воды въ котлы и насыпать туда соли; вода приняла обыкновенный цвѣтъ и хотя стала соленою, но годною для питья. Мы утолили жажду и отправились далѣе по назначенной вожатымъ дорогѣ. Отъѣхавши верстъ 10, мы встрѣтили нашего вожака, который объявилъ, что въ недалекомъ разстояніи находится колодезь съ хорошей водой. При нашей усталости и истощеніи лошадей, мы едва достигли до этого колодезя. Здѣсь мы отдохнули съ истиннымъ удовольствіемъ, давъ волю и скоту насытиться кормомъ и водою. Вода намъ показалась особенно вкусною и прекрасною, хотя на самомъ дѣлѣ она, быть можетъ, вовсе не была такою. При дальнѣйшемъ отсюда путешествіи, въ водѣ мы не нуждались; но у насъ истощались съѣстные припасы. Дорога стала твердая, жесткая и мы ѣхали скорѣе. Чрезъ нѣсколько времени мы увидѣли калмыцкіе аулы. Я послалъ

вожака купить въ этихъ аулахъ муки и крупы; сами же расположились на удобномъ мѣстѣ отдыхать. Это былъ 14-й день нашего странствованія. Солнце склонялось къ западу; наступилъ и вечеръ, а вожакъ не возвращался. Я подумалъ, что одно изъ двухъ: или калмыки взяли его въ плѣнъ, или же онъ измѣнилъ намъ и рѣшился предать насъ въ руки калмыковъ. Поэтому, на ночь я приказалъ рабочимъ взять ружья и пистолеты, и не спать. Около полуночи послышался топотъ лошадей и голосъ какихъ-то пѣсень. То были калмыки, которые скоро прискакали къ нашему табору. Я спросилъ по киргизски: «кто ѣдетъ?» Одинъ изъ нихъ отвѣчалъ: «калмыкъ, толмачъ барма», т. е. калмыки, есть ли переводчикъ? Я сказалъ, что нѣтъ, и просилъ ихъ не подъѣзжать къ нашему табору близко, такъ какъ въ противномъ случаѣ мы будемъ стрѣлять изъ ружей и пистолетовъ; если же что имъ нужно, то они могутъ переговорить съ нами завтра днемъ, а не ночью, когда ѣздятъ одни разбойники. Моя-ли угроза подѣйствовала, или что другое; только калмыки, поговоривъ о чемъ-то между собою, удалились, не причинивъ намъ никакого вреда. Спустя немного времени возвратился вожакъ. Я ему разсказалъ о случившемся; онъ замѣтилъ, что еслибы мы пустили калмыковъ въ таборъ, они непремѣнно разграбили-бы насъ. Въ эту ночь спать мы не ложились. Вожатый увѣрялъ, что до Сентовской пристани осталось не болѣе 35-ти верстъ, что скоро калмыцкіе аулы кончатся и начнутся кочевья трухменцевъ или волжскихъ ногайцевъ. Это народъ смирный и безопасный. Дѣйствительно, верстъ черезъ 15, мы увидѣли ногайскіе аулы; они очень отличаются отъ киргизскихъ. Почти при каждомъ изъ нихъ стоятъ для перевозки небольшихъ тяжестей арбы, или телѣги на двухъ колесахъ. Убранство въ кибиткахъ мнѣ не понравилось. У молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ въ ноздряхъ повѣшены серьги. Оставивъ караванъ съ рабочими и вожакомъ, самъ я отправился впередъ; доѣхалъ до рѣки Бузана. Отсюда оставалось до Астрахани 60 верстъ водянаго пути. Плаваніе по рр. Бузану и Волгѣ на лодкѣ было непродолжительно и я прибылъ благополучно въ Астрахань. Черезъ два дня пришли сюда съ товаромъ и прикащики, которыхъ я оставилъ въ ногайскихъ степяхъ. Юфть я размѣнялъ на бухарскіе товары—бумажные и шелковые халаты и кумачи.

Изъ Астрахани я опять отправился въ Уральскъ, но не степной дорогой, а другой, гораздо лучшей и удобной. Отсюда поѣхалъ въ Оренбургъ. Здѣсь, однако, не пришлось мнѣ купить барановъ по случаю дороговизны цѣнъ. Такъ какъ наступило время Макарьевской ярмарки, то я черезъ Казань отправился въ Нижній-Новгородъ. Проживъ три дня и оставивъ въ лавкѣ съ пушнымъ товаромъ прикащика, самъ поѣхалъ домой.

Здѣсь я услышалъ отъ отца, что къ нему въ помощники по управленію слободой назначенъ помѣщикомъ дворовый человѣкъ Тарховъ. Это извѣ-

стіе было для меня крайне непріятно, потому что Тарховъ, по какой-то злобѣ къ отцу, а также въ видахъ, можетъ быть, занять его мѣсто бурмистра, старался всѣми мѣрами навредить отцу и всему нашему семейству. Въ настоящее время онъ распустилъ слухъ, что на моемъ отцѣ состоитъ большой начетъ по управленію вотчиною и что, поэтому, нашъ скотъ и всѣ товары будутъ арестованы. Слухъ совершенно ложный; но онъ дошолъ до купцовъ, съ которыми мы имѣли торговыя дѣла, какъ правдоподобный. На Макарьевской ярмаркѣ, куда я вскорѣ пріѣхалъ изъ дому, купцы мнѣ въ долгъ не довѣряли, во вниманіе именно къ этому нелѣпому слуху. Мнѣ стоило большихъ хлопотъ и усилій, чтобы поддержать нашъ кредитъ. Хотя мнѣ и удалось этого достигнуть, но мы въ 1828-й годъ понесли убытку около 18,000 руб. асс.

Въ слѣдующемъ году Тарховъ продолжалъ свои коварные происки противъ моего отца; нѣкоторыхъ изъ крестьянъ онъ подговаривалъ подавать управляющему Рагузину на отца разныя жалобы. Былъ у насъ родной племянникъ отца и его крестный сынъ Раевъ, котораго отецъ очень любилъ, чуть ли ни больше меня. По наущенію и подговорамъ Тархова, этотъ Раевъ подалъ прошеніе Рагузину о томъ, будто бы мой отецъ не выдалъ ему всѣхъ денегъ, оставшихся послѣ смерти его матери. Эта непріятность такъ подѣйствовала на отца, что онъ сдѣлался нездоровъ.—Торговля наша пошла плохо. Мы получили опять значительный убытокъ. Оброкъ съ насъ не умаляли. За право торговли платили по-прежнему 800 руб. асс. въ годъ. Я видѣлъ, что если и впредь такъ пойдетъ дѣло, то мы совершенно раззоримся. Надо было что нибудь придумать къ улучшенію своего положенія. Но что именно? Мы попробовали обратиться съ просьбой къ управляющему Рагузину, чтобы онъ исходатайствовалъ у помѣщика мнѣ свободу за 50,000 руб. асс., съ тѣмъ, что отецъ мой останется крѣпостнымъ. (Моей мачихи въ это время уже не было въ живыхъ). Но управляющій наотрѣзъ отказался даже докладывать объ этомъ господину. Тогда я задумалъ бѣжать изъ дому и болѣе не возвращаться къ отцу. Хотѣлось попытать счастія на чужой сторонѣ. Это было въ концѣ 1830-го года.

Не говоря ни отцу, ни женѣ о своемъ намѣреніи, я собрался въ дорогу. Взялъ съ собою 13,000 руб. денегъ. Отцу сказалъ, что ѣду въ Уральскъ купить сала и рыбы. Когда я разставался съ отцомъ, сердце мое сильно тосковало; на глаза навертывались слезы, какъ я ни старался удержать ихъ. Прощаясь, отецъ твердилъ мнѣ: «пріѣзжай скорѣе». Жена проводила меня до Арзамаса. При прощаньи, я взялъ у ней ея обручальное кольцо, а свое отдалъ ей. Мнѣ было грустно. Я поѣхалъ въ Уральскъ, а отсюда на Узень, чтобы устроить нѣкоторыя дѣло по торговлѣ. 10-го января 1831-го года я прибылъ въ Самару. Здѣсь встрѣтилъ одного изъ нашихъ прикащиковъ, отъ котораго узналъ, что отецъ мой очень боленъ и его ле-

чить докторъ. Это извѣстіе меня поразило. Разныя мысли кружились въ моей головѣ. «Если я не пріѣду скоро домой,—думалъ я,—и обо мнѣ не будетъ никакого слуху, отецъ непремѣнно пошлетъ отыскивать меня въ Уральскъ; здѣсь меня не найдутъ, отцу скажутъ, что я пропалъ безъ вѣсти. Онъ—больной—не перенесетъ такого удара и умретъ; тогда я долженъ считаться его убійцей». При этой мысли сердце мое обливалось кровью. Жаль было моего добраго отца, не говоря объ оставленной женѣ и шестилѣтней дочери. Выѣхалъ я изъ Самары съ помянутымъ прикащикомъ. Въ дорогѣ я долго боролся съ своими мыслями и заливался горькими слезами. Я снова спрашивалъ прикащика: «въ какомъ положеніи остался отецъ?» Онъ твердилъ одно и то же, что отецъ очень слабъ. На третьей станціи находился поворотъ дороги: одна была на Сызрань, а другая въ Симбирскъ. Тутъ я приказалъ ямщику остановиться. Сердце мое сильно билось; во мнѣ не было рѣшимости: ѣхать ли на право, по дорогѣ въ домъ родительскій, или на лѣво—почти не извѣстно куда?—Наконецъ, я сказалъ самому себѣ: «Твори Господи волю свою! Я не оставлю отца въ его тяжкой болѣзни. Богъ дастъ, онъ выздоровѣетъ, и тогда свершу задуманное мною дѣло». Я велѣлъ ямщику ѣхать на право по симбирской дорогѣ.

Дома я засталъ отца лежащимъ въ постели. У него была водянка. Онъ сердечно обрадовался моему пріѣзду. Въ первые дни послѣ этого болѣзнь стала легче; отецъ началъ поправляться. Но тутъ неожиданно пріѣхалъ къ намъ управляющій Рагузинъ, по поводу новыхъ жалобъ на отца, которыя были поданы нѣкоторыми крестьянами, по наущенію Тархова. Это сильно подѣйствовало на отца: съ нимъ приключилась горячка, а черезъ 9 дней моего незабвеннаго родителя не стало.

Я не буду описывать горести, обуявшей мое сердце. У меня была одна только мысль, что болѣе нѣтъ моего дорогаго отца — руководителя и совѣтника въ моей жизни. Теперь живи, какъ знаешь; поступай, какъ умѣешь. Въ то же время я предчувствовалъ, что враги покойнаго отца, во главѣ съ Тарховымъ, не оставятъ меня въ покоѣ и будутъ вредить мнѣ. Предчувствіе не обмануло меня.

Отдавая послѣдній долгъ покойному, я устроилъ пышные и богатые похороны: пригласилъ архимандрита арзамасскаго Спасскаго монастыря, настоятеля Высокогорской пустыни Антонія [1]) и 16 священниковъ съ причтами. Народу собралось множество. Во время литургіи и панихиды пѣли пѣвчіе; священники говорили проповѣди и надгробныя рѣчи. На обѣдѣ, послѣ погребенія, присутствовало болѣе 100 человѣкъ родственниковъ и друзей покойнаго. На могилѣ былъ поставленъ гранитный памятникъ, подъ балда-

---

[1]) Нынѣ намѣстникъ Московской Сергіевской лавры.

Н. Ш.

хиномъ съ крестомъ, вызолоченнымъ червоннымъ золотомъ. Нѣкоторымъ бѣднымъ должникамъ я простилъ ихъ долги; роздалъ нищимъ и убогимъ болѣе 100 руб.; выкупилъ на волю двухъ бѣдныхъ дѣвушекъ. Потомъ я отправился къ управляющему Рагузину и донесъ, что за покойнымъ отцомъ не осталось никакого начета по управленію имъ вотчиной въ должности бурмистра. Вскорѣ Тарховъ назначенъ былъ преемникомъ моего отца.

Еще за нѣсколько дней до смерти родителя я, въ видахъ предосторожности, отдалъ арзамасскому купцу Подсосову 15,000 рублей подъ векселя, а движимое имущество, наиболѣе цѣнное, отправилъ въ 14-ти сундукахъ, къ своимъ родственникамъ—дядѣ Феоктистову и Потѣхину. Теперь я разсудилъ не торговать болѣе скотомъ и саломъ. Поэтому 13 котловъ изъ своей салотопни я продалъ помянутому купцу Подсосову на заводъ и велѣлъ своему прикащику туда ихъ перевезти. Это было 1-го марта. Въ тотъ же день я пріѣхалъ къ Подсосову. Черезъ нѣсколько времени пришолъ ко мнѣ прикащикъ и разсказалъ, что когда онъ съ рабочими повезъ котлы, то на дорогѣ нѣсколько человѣкъ крестьянъ, по распоряженію Тархова, ихъ остановили и возвратили ко мнѣ въ домъ. Я не мало этому подивился. Вслѣдъ за тѣмъ пришолъ сельскій староста, пріятель мнѣ и кумъ, Павельевъ, съ требованіемъ, чтобы я сейчасъ же явился въ контору къ Тархову. Контора помѣщалась у меня въ домѣ, занимая одну изъ угловыхъ комнатъ. Я пріѣхалъ домой, но въ контору не пошолъ, хотя присылали за мной неоднократно.

Къ вечеру этого дня послѣдовало такое распоряженіе: прикащиковъ и рабочихъ согнали со двора моего вонъ; дверь у одного крыльца заперли замкомъ, а къ другому крыльцу приставили караулъ, такъ что я не могъ выдти. На ночь около дома находились тоже караульщики. На другой день Тарховъ потребовалъ отъ меня паспортъ; я отдалъ. Родственниковъ и знакомыхъ ко мнѣ не допускали. Прошло недѣли двѣ. О такомъ несправедливомъ заключеніи меня я писалъ помѣщику и управляющему Рагузину; но никакого отвѣта или распоряженія отъ нихъ не послѣдовало. Наступилъ 40-й день послѣ смерти отца; я хотѣлъ помолиться на его могилѣ. Но мнѣ не позволили исполнить и это. Въ грусти и уныніи проходили для меня дни и ночи.

Ровно черезъ мѣсяцъ, именно 29-го марта, утромъ, я увидѣлъ въ окно, что караула у моего дома нѣтъ. Это было для меня непонятно. Но скоро все объяснилось. Въ комнату вошелъ сельскій староста Павельевъ, отдалъ мнѣ паспортъ и письмо отъ управляющаго Рагузина на мое имя. Рагузинъ писалъ: «Слободское начальство замѣтило за вами какое-то сумнѣніе, по которому сдѣлали надъ вами арестъ. Я предписалъ Тархову снять оный и куда вамъ угодно отлучаться. Распоряжайтесь своею торговлею, какъ и прежде». Я сейчасъ же пошелъ осмотрѣть дворъ, кладовыя, амбары; вездѣ

замки были сбиты и много товару расхищено. Написалъ объ этомъ объявленіе и послалъ его въ Земскій Судъ, а самъ отправился въ Петербургъ для личныхъ объясненій съ Рагузинымъ и помѣщикомъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, я остановился въ господскомъ собственномъ домѣ; здѣсь жилъ и Рагузинъ. Онъ принялъ меня ласково; сожалѣлъ о моемъ отцѣ и о случившемся со мною происшествіи; обѣщался взыскать съ виновныхъ причиненные мнѣ убытки и возстановить мой кредитъ. Я плохо вѣрилъ въ обѣщанія Рагузина; но приходилось ждать и надѣяться. Притомъ же, еще разъ я рѣшился попробовать откупиться у помѣщика на волю. Какъ-то за чаемъ, я началъ говорить объ этомъ Рагузину, указывая на то, что если теперь господинъ не сдѣлаетъ меня свободнымъ, то жить въ Выѣздной мнѣ будетъ невозможно. За свое освобожденіе я предложилъ 25,000 руб. асс. Рагузинъ съ недовольнымъ видомъ сказалъ мнѣ, что надобно повременить докладывать объ этомъ помѣщику; потомъ прибавилъ, что я, по прежнему, прекрасно могу жить въ нашей слободѣ и, можетъ быть, буду на отцовскомъ мѣстѣ бурмистромъ. Я рѣшительно возразилъ Рагузину, что отъ должности бурмистра навсегда отказываюсь: чрезъ то и отецъ мой умеръ, не получивъ отъ господина за свою службу никакой милости. Тѣмъ разговоръ нашъ и кончился. Идти къ помѣщику для личнаго объясненія по моему дѣлу я не посмѣлъ, такъ какъ это было совершенно противъ желаній Рагузина. Въ Петербургѣ я пробылъ дней пять. Ходилъ въ Казанскій соборъ, Александро-Невскій монастырь и въ Петропавловскій соборъ, гдѣ поклонился всѣмъ въ Бозѣ почившимъ императорамъ и императрицамъ. Я уже собирался ѣхать обратно на родину, какъ прошолъ слухъ, что 15-го мая долженъ быть на Царицыномъ лугу смотръ войскамъ, на которомъ будутъ присутствовать Государь Императоръ, Наслѣдникъ и только что пріѣхавшій изъ Тифлиса графъ Паскевичъ-Эриванскій. Я дождался 15-го мая и утромъ отправился къ павловскимъ казармамъ. Войска на плацу было множество, а народу смотрѣть собралось еще больше. Около полудня пріѣхалъ Государь съ Паскевичемъ верхами и начался смотръ. Наслѣдникъ въ парадной гусарской формѣ командовалъ взводомъ. По окончаніи смотра народъ побѣжалъ на плацъ, гдѣ находился Государь съ Наслѣдникомъ и Паскевичемъ. Мнѣ удалось попасть впередъ толпы и довольно насмотрѣться какъ на Государя съ Паскевичемъ, такъ и на Наслѣдника. У Государя взоръ былъ строгій, повелительный. Мнѣ показалось, что видѣвшій разъ эти взоры не могъ забыть ихъ во всю свою жизнь. На Наслѣдника я долго и пристально смотрѣлъ, и не могъ вдоволь насмотрѣться. Какъ сейчасъ вижу: премилый—бѣленькій, круглолицый, румяный, какъ наливное красное яблочко; улыбка добрая и невыразимо пріятная, на лицѣ выражалось что-то важное, царственное. Предчувствіе у меня тогда было, что этотъ царь будетъ великій и покровитель всѣмъ угнетеннымъ.—На другой день я отправился домой.

Въ это время мои торговыя дѣла шли плохо; но прекратить торговлю мнѣ было нельзя. Поэтому, пріѣхавъ изъ Петербурга домой, я отправилъ оставшійся у меня пушной товаръ на Коренную ярмарку (Курской губ.) съ прикащикомъ. Потомъ, чрезъ нѣсколько дней и самъ уѣхалъ туда же, какъ будто для продажи этого товара. На самомъ же дѣлѣ цѣль моего отъѣзда была та, чтобы розыскать шурина моего Степана Ланина. Этотъ Ланинъ, лѣтъ пять тому назадъ, бѣжалъ изъ дому въ Бессарабію; потомъ находился въ Валахіи, состоялъ во время похода русской арміи маркитантомъ. Шурина мнѣ надо было отыскать потому, что онъ своими указаніями и содѣйствіемъ могъ помочь мнѣ въ осуществленіи моего намѣренія—скрыться изъ дому, такъ какъ это дѣло ему было хорошо извѣстно по опыту. Гдѣ находился мой шуринъ, я не зналъ; но мнѣ былъ извѣстенъ адресъ одного купца въ Одессѣ, черезъ котораго Ланинъ получалъ письма отъ родныхъ и знакомыхъ. Такъ какъ, по случаю холеры, торговля на Коренной ярмаркѣ была очень плохая, то я съ товаромъ и прикащикомъ поѣхалъ на Ильинскую ярмарку въ Ромны (Полтавской губ.). Здѣсь продалъ товару тысячъ на 8; оставшійся товаръ препроводилъ съ прикащикомъ въ Харьковъ на Успенскую ярмарку. Самъ я отправился въ Одессу, гдѣ чрезъ извѣстнаго купца скоро отыскалъ моего шурина Ланина: онъ недавно прибылъ сюда съ виномъ изъ Константинополя и торговалъ въ погребѣ на Рыбномъ базарѣ. Я объяснилъ шурину свои обстоятельства и просилъ его помочь мнѣ бѣжать изъ дому. Онъ согласился съ радостію. Тогда я далъ ему 2,000 руб. асс. на расходы; онъ обѣщался приписать меня съ женою въ Кишиневѣ, или гдѣ окажется болѣе удобнымъ, и пачпорты лично мнѣ доставить въ Харьковъ на Крещенскую ярмарку слѣдующаго 1832 года. Разумѣется, все это должно было оставаться въ секретѣ.

Изъ Одессы я поѣхалъ въ Харьковъ, а отсюда домой, куда и прибылъ въ первыхъ числахъ сентября мѣсяца. Свое продолжительное отсутствіе я объяснялъ роднымъ и знакомымъ тѣмъ, что по дорогѣ изъ Роменъ, въ Полтавѣ, заболѣлъ холерою и долго лечился.—На другой день послѣ моего пріѣзда ко мнѣ пришли за оброкомъ на послѣднюю треть года и требовали 1150 руб. асс. Тогда я послалъ къ управляющему Рагузину слезное письмо, въ коемъ просилъ его сбавить съ меня хотя сколько нибудь оброка, по той именно причинѣ, что въ настоящій годъ я понесъ большіе убытки и разореніе. На это письмо мною полученъ былъ отъ Рагузина отвѣтъ, чтобы требуемый оброкъ я заплатилъ безпрекословно; а когда онъ самъ пріѣдетъ въ слободу, то дѣло разберетъ и оброкъ сбавитъ. Нечего дѣлать, отдалъ оброкъ. Послѣ этого, чего я могъ ожидать отъ Рагузина по тѣмъ обѣщаніямъ, которыя онъ далъ мнѣ въ Петербургѣ относительно взысканія убытковъ съ виновниковъ моего ареста и разоренія и относительно возстановленія моего кредита? Разумѣется, ничего. Мало того. Стороною, до меня начали доходить

слухи, будто бы все мое имѣніе скоро будетъ арестовано, а меня самаго если не отдадутъ въ солдаты, то навѣрное сошлютъ въ дальнюю вотчину Быть можетъ, эти слухи были преувеличены, не вѣрны. Но, вѣдь, кто знаетъ? Все можетъ случиться съ крѣпостнымъ рабомъ. Такъ мнѣ въ то время думалось.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ я началъ приготовляться къ побѣгу и сдѣлалъ послѣднія распоряженія. Рѣшено было ѣхать мнѣ съ женой; семилѣтнюю же дочь нашу оставить до поры, до времени на попеченіи ея бабушки Ланиной. Наступилъ новый 1832-й годъ. Не радостно привелось мнѣ встрѣтить его....

1832—1835 гг.

1-го января, ночью, выѣхалъ я съ женою на почтовыхъ въ Харьковъ. Здѣсь встрѣтился съ шуриномъ моимъ Ланинымъ, который привезъ мнѣ и женѣ годовые пачпорты подъ именемъ кишиневскихъ жителей Григорья и Елизаветы Кисловыхъ. Отсюда втроемъ отправились въ Могилевъ, что на Днѣстрѣ. Тутъ съ шуриномъ мы условились, что онъ немедленно поѣдетъ въ Кишиневъ, выхлопочетъ тамъ мнѣ съ женой заграничные пачпорты и отправитъ ихъ въ мѣстечко Бричани Бессарабской области, гдѣ мы должны уже быть и дожидаться. Сказано—сдѣлано. Шуринъ уѣхалъ. На другой день я подрядилъ одного жида везти насъ до мѣстечка Бричани. Санная дорога уже рушилась, а на колесахъ ѣхать было еще нельзя; словомъ, стояла распутица,—такъ, что мы съ трудомъ добрались до Бричани. Въ этомъ мѣстечкѣ не оказалось ни одного русскаго, все евреи. Нечего дѣлать: наняли квартиру у еврея. Комната оказалась весьма неприглядною, съ какимъ-то особеннымъ тяжолымъ запахомъ. Жена моя не видала такихъ скверныхъ покоевъ; ей и было противно. Прожили мы тутъ болѣе недѣли. Скука была непереносная. Наступила масляница. Жена какимъ-то манеромъ ухитрялась печь блины—и это составляло для насъ большое удовольствіе. Въ субботу на масляницѣ полученъ былъ отъ шурина заграничный пачпортъ и на другой день мы отправились на молдавскую границу. По переѣздѣ границы, ночевали у одного молдавана. Потомъ наняли у него двѣ повозки, уложили на нихъ свое имущество и двинулись въ путь по невѣдомой для насъ странѣ въ главный городъ ея—Яссы. Ѣхали то горами, то долинами, останавливаясь въ корчмахъ, гдѣ ничего нельзя было найти, кромѣ вина и водки. Молдованскаго языка я не зналъ, да и въ деньгахъ не понималъ счету; денегъ тогда находилось при мнѣ около 14,000 рублей. Впрочемъ, кое-какъ я изворачивался и понемногу привыкалъ. Наконецъ, мы прибыли въ первый молдавскій городъ—Батошаны; остановились на постояломъ дворѣ въ жидовской корчмѣ. Изъ повозокъ мы перенесли свое имущество въ большую комнату и сложили въ углу. Въ этой комнатѣ находилось множество жи-

довъ и молдаванъ полупьяныхъ; тутъ же продавали водку и вино. Я оставилъ жену при имѣніи, а самъ пошолъ на базаръ. Въ нѣкоторыхъ лавкахъ торговали чисто русскіе мужички, съ бородами. Я обрадовался; вступилъ съ ними въ разговоры. Оказалось, что они—закоренѣлые старообрядцы, давнишніе молдавскіе подданные: отцы и дѣды ихъ пришли сюда изъ Россіи еще во времена Петра I-го. По ихъ словамъ, въ Молдавіи много русскихъ; живутъ своими селеніями, занимаются хлѣбопашествомъ и садоводствомъ, особенно же торговлею. Жить имъ очень привольно, податей платятъ мало: въ рекруты ихъ не берутъ. Старообрядцы, въ свою очередь, распрашивали меня про Россію. Я имъ разсказывалъ, что для свободныхъ у насъ житье хорошее; но господскимъ крестьянамъ жить очень худо: бѣдность, барщина да оброки совсѣмъ ихъ измучили. Старообрядцы объ этомъ ни мало жалѣли.

Въ Баташанахъ мы пробыли менѣе сутокъ. Отсюда я нанялъ большой фургонъ на четверкѣ лошадей до Яссъ, куда пріѣхали 1-го марта. Остановились на постояломъ дворѣ, въ отдѣльной отъ другихъ комнатѣ. Нашъ хозяинъ умѣлъ говорить нѣсколько порусски. Это мнѣ пригодилось. Я послалъ о своемъ мѣстопребываніи письма въ Москву, Кишиневъ—къ шурину и въ Арзамасъ къ родственникамъ. Потомъ объявилъ свой пачпортъ русскому консулу.

Яссы—городъ обширный и многолюдный; улицы кривыя, узкія и грязныя. Окруженъ фруктовыми и виноградными садами. Въ городѣ много церквей; есть митрополія, въ которой живетъ митрополитъ. Въ церкви Іоанна Предтечи почиваютъ мощи св. Парасковіи. Старообрядцевъ, вышедшихъ изъ Россіи, здѣсь было довольно. Жили и скопцы. Молдаване употребляли больше хлѣбъ, подъ названіемъ мамалыга [1]). Чай, сахаръ, хлѣбъ, особенно фрукты и вино были дешевы. Напримѣръ, фунтъ обыкновеннаго чаю стоилъ 50 коп., а цвѣточный рубль сереб. Достоинствомъ этотъ чай хуже кяхтинскаго; жиды въ большомъ количествѣ тайно провозили его въ Россію.

Передъ Пасхою, я получилъ отъ одного арзамасскаго родственника письмо, съ извѣстіемъ, что гонитель мой—бурмистръ Тарховъ—наконецъ понялъ, что я бѣжалъ, о чемъ и подано объявленіе; мой домъ со всѣмъ находящимся въ немъ описали. Моему тестю и тещѣ начали дѣлать относительно меня строгіе допросы, съ разными угрозами, и при домѣ ихъ поставили караулъ, чтобы я не увезъ какъ нибудь своей дочери. Это извѣстіе сердечно насъ опечалило. Наступила Пасха. Въ Свѣтлое Воскресеніе ходили къ заутрени въ русскую церковь, а къ обѣднѣ—въ митрополію, гдѣ еван-

---

[1]) Это хлѣбъ, приготовляемый изъ кукурузы; на вкусъ довольно непріятный.
Н. Ш.

геліе читали на 12-ти языкахъ. Скучно и грустно проводили мы этотъ великій праздникъ. Молдаване находились болѣе въ корчмахъ, пили вино, плясали, а цыгане играли на какихъ-то инструментахъ: музыка выходила странная. При корчмахъ были качели, гдѣ жиды продавали разные фрукты. Но все это не веселило насъ. Къ довершенію горя, я получилъ изъ Арзамаса извѣстіе, что слободское начальство послало троихъ крестьянъ насъ розыскивать. Тогда мы отправились въ городъ Галацъ, стоящій на берегу р. Дуная, гдѣ находится пристань морскихъ судовъ, приходящихъ изъ Греціи и Турціи. Здѣсь мы встрѣтились съ шуриномъ Ланинымъ, который задумалъ ѣхать въ Константинополь для покупки товаровъ. Я хотѣлъ послѣдовать его примѣру; но моя жена боялась морскаго плаванія, а оставить ее было не съ кѣмъ. Поэтому мнѣ не пришлось ѣхать. Тогда мы условились съ шуриномъ такимъ образомъ: я далъ ему собственныхъ денегъ 6,000 рублей, подъ росписку, (которую не нашли нужнымъ засвидѣтельствовать у русскаго консула), и онъ купленный въ Константинополѣ товаръ пришлетъ въ Одессу; а я отправлюсь въ Ромны на ярмарку, чтобы получить, по довѣренности отъ шурина, съ нѣкоторыхъ купцовъ деньги около 4,000 руб. При этомъ я надѣялся развѣдать: дѣйствительно ли посланы изъ Выѣздной слободы за мной сыщики, и буде посланы, то кто именно? Послѣ этого, мы возвратились съ женой въ Яссы. Здѣсь я оставилъ жену у одного знакомаго скопца—Дубровина; купилъ 6 фунтовъ розоваго масла, по 100 руб. за фунтъ, надѣясь выгодно продать его въ Россіи, и отправился черезъ австрійскую границу въ городъ Черновицъ. Я думалъ провезти масло тайно, не платя никакихъ пошлинъ; но это мнѣ не удалось, масло мое таможенные чиновники открыли, арестовали, и вмѣстѣ со мною препроводили въ Черновицъ. Я смекнулъ, что дѣло можетъ быть худо, и потому, черезъ переводчика Ламиковскаго, показалъ коммисару всю правду. Масло свѣсили, выдали мнѣ въ принятіи его росписку и отпустили меня съ миромъ. Такъ какъ Ламиковскій увѣрилъ меня, что масло будетъ мнѣ возвращено, только не скоро, то я выдалъ ему довѣренность хлопотать по этому дѣлу, а самъ поѣхалъ черезъ Каменецъ-Подольскъ въ Ромны. Здѣсь денегъ, по довѣренности шурина, получить мнѣ не пришлось; но я узналъ достовѣрно, что меня розыскиваютъ. За поимку меня Тарховъ обѣщалъ 1000 рублей. Я сталъ остороженъ; перемѣнилъ свой костюмъ, бороду сбрилъ, волосы остригъ по-нѣмецки, выходилъ только по вечерамъ. Но все-таки долго оставаться здѣсь мнѣ было не безопасно; поэтому, сдѣлавъ кое-какія распоряженія, я поспѣшилъ въ Яссы.

Чрезъ нѣсколько времени я получилъ изъ Константинополя отъ шурина письмо, въ которомъ извѣщалъ, что онъ купилъ бакалейнаго товару на 7,000 руб. и отправилъ его въ Одессу на имя одного тамошняго купца. Почти въ то же время дошло до меня извѣстіе отъ арзамасскаго родствен-

ника Потѣхина, что на остававшіяся у него мои деньги, около 5,000 руб., онъ купилъ 100 пудовъ юфти и препроводилъ ее въ Одессу къ извѣстному мнѣ купцу. Кромѣ того, Потѣхинъ увѣдомлялъ меня, что Тарховъ послалъ крестьянина нашей слободы Павельева меня розыскивать, уполномочивъ его особой довѣренностью, въ которой было сказано, что я ушелъ съ большимъ имуществомъ и деньгами; но чьи эти деньги и имущество—помѣщичьи, или мои собственныя,—того въ довѣренности не значилось. Получивши такія извѣстія, я началъ думать о моей поѣздкѣ въ Одессу, такъ какъ присутствіе мое тамъ было необходимо. Однако эту поѣздку пришлось мнѣ на время отложить.—Былъ у меня знакомый, прежде меня бѣжавшій изъ нашей слободы, крестьянинъ Кожевниковъ; онъ также скрывался, какъ и я. Время-отъ-времени мы съ нимъ видѣлись, вели между собою секретную переписку по моимъ дѣламъ; за услуги и хлопоты я платилъ Кожевникову хорошо. Въ то время онъ находился въ Одессѣ. Вотъ, отъ этого-то Кожевникова я и получилъ письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ, что крестьянинъ Павельевъ пріѣхалъ въ Одессу съ цѣлію непремѣнно розыскать меня, или его самаго. Я немедленно извѣстилъ Кожевникова, чтобы онъ пріѣхалъ въ пограничное мѣстечко Скуляны для личнаго со мною объясненія. Тутъ мы условились, что Кожевниковъ будетъ, въ свою очередь, слѣдить за Павельевымъ; потомъ наблюдать за моимъ товаромъ, присланнымъ изъ Арзамаса, а также и относительно дѣлъ моего шурина,—и обо всемъ увѣдомлять меня безъ замедленія. Я далъ Кожевникову 25 червонцевъ и онъ уѣхалъ въ Одессу.

Скоро я началъ получать отъ Кожевникова извѣстія, одно за другимъ, но не радостныя, а грустныя и печальныя. Такъ, я узналъ, что прикащикъ, съ которымъ прислана была моя юфть изъ Арзамаса, тайно продалъ ее и съ деньгами скрылся не извѣстно куда.—Въ одесскомъ городскомъ правленіи было получено изъ русскаго консульства въ Константинополѣ свѣдѣніе, что шуринъ мой Ланинъ померъ отъ свирѣпствовавшей тамъ чумы; а такъ какъ въ бумагахъ покойнаго не найдено никакого распоряженія объ оставшемся послѣ него имуществѣ, то положено его продать и деньги отдать въ Приказъ общественнаго призрѣнія. Это извѣстіе меня очень опечалило, потому что главная моя надежда была на шурина. Я не зналъ, что дѣлать. Думалъ немедленно отправиться въ Константинополь самъ; но многія причины тому воспрепятствовали: и дальность пути, и дороговизна, и тамошняя чума. Къ тому же жена моя ходила послѣднее время беременности. Словомъ, ѣхать въ Царь-градъ мнѣ оказалось невозможно. Наскоро выхлопоталъ я на имя извѣстнаго мнѣ одесскаго купца довѣренность, послалъ ее, вмѣстѣ съ роспискою покойнаго шурина на 6,000 руб., въ Одессу къ этому купцу и просилъ его хлопотать о полученіи денегъ. Затѣмъ, все дѣло это предоставилъ волѣ Божіей.

Тяжело у меня было на душѣ..... 19-го января 1833 г. у меня родился сынъ, котораго назвали Николаемъ. Этому я очень обрадовался, но радость моя омрачилась печальными думами. Не задолго передъ этимъ, мой арзамасскій родственникъ прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ извѣщалъ, что, по приказанію слободскаго начальства, нашу дочь взяли отъ ея бабушки и отправили въ ту вотчину, гдѣ проживалъ управляющій Рагузинъ. Какая цѣль имѣлась въ виду при такомъ распоряженіи—мнѣ было не извѣстно; но я живо представлялъ невеселую жизнь дочери и ничего не могъ сдѣлать къ облегченію ея участи. И новорожденнаго сына моего что́ ожидало въ будущемъ? Правда, я надѣялся устроить какъ нибудь жизнь свою къ лучшему; не вѣкъ же я буду находиться въ гоненіи и преслѣдованіи отъ моихъ недруговъ. Но когда настанетъ это дорогое времячко?...

На масляницѣ я получилъ изъ Одессы отъ Кожевникова извѣстіе, что сыщика моего Павельева тамъ нѣтъ и, вѣроятно, онъ отправился въ Кишиневъ. Полагая, какъ бы не пожаловалъ этотъ непріятный гость ко мнѣ въ Яссы, я переговорилъ объ этомъ съ своимъ хозяиномъ Дубровинымъ, далъ ему 2,000 рублей денегъ и просилъ его, буде окажется нужнымъ, оградить меня отъ поисковъ Павельева. Тотъ согласился. Прошло нѣсколько дней. Однажды Дубровинъ прибѣжалъ ко мнѣ въ комнату, встревоженный, и сказалъ, что онъ видѣлъ Павельева съ какимъ-то неизвѣстнымъ ему мущиною и консульскимъ служителемъ; они идутъ, вѣроятно, сюда. Надо было куда нибудь скрыться. Тотчасъ же снарядили жену, съ ребенкомъ, посадили ее на дрожки и приказали ѣхать къ одному нашему знакомому скопцу. Затѣмъ, мы условились съ Дубровинымъ, чтобы онъ говорилъ Павельеву, что я уѣхалъ въ Константинополь, а имущество заложилъ у него за 4,000 рублей. Я заперъ комнату, отдалъ ключъ Дубровину, а самъ спрятался въ сарай на сѣно. Спустя не много, пришолъ на дворъ Павельевъ съ нѣсколькими лицами. Дубровинъ къ нимъ вышелъ навстрѣчу. (Я наблюдалъ чрезъ небольшое отверстіе въ стѣнѣ сарая).

— Гдѣ Кисловъ [1]) и его квартира?—спросилъ Павельевъ Дубровина.

— Онъ уѣхалъ въ Царь-градъ, отвѣчалъ Дубровинъ; а квартира его здѣсь. Ключъ отъ комнаты у меня. Имущество свое онъ оставилъ у меня въ залогѣ за 4,000 рублей.

— Я сегодня самъ видѣлъ Кислова,—говорилъ Павельевъ; онъ долженъ быть здѣсь.

— Если ты видѣлъ его,—сказалъ Дубровинъ, то почему же не взялъ его и не представилъ въ консульство?

---

[1]) Въ это время я жилъ подъ фамиліей Кислова. Н. Ш.

— А гдѣ жена Кислова?

— Я почемъ знаю. Спроси у мужа.

Тутъ кто-то сказалъ Павельеву, что жену мою отвезли къ одному скопцу. Пошли искать жену, но ее, разумѣется, не нашли.—Когда Павельевъ ушолъ, я вылѣзъ изъ сарая и на своей квартирѣ не остался, а отправился къ знакомому скопцу Александровскому.—Скоро многіе изъ скопцовъ узнали объ этой нашей исторіи, приняли въ насъ участіе и всячески старались скрыть меня и жену съ ребенкомъ отъ Павельева. Такъ, у скопцовъ, у того или другаго, мы и скрывались нѣсколько времени. Но потомъ это оказалось неудобнымъ по той причинѣ, что у скопцовъ въ домахъ дѣтей нѣтъ; а у насъ былъ ребенокъ. Тогда мы рѣшились оставить Яссы. При помощи и содѣйствіи знакомыхъ скопцовъ мы скоро собрались въ дорогу: они выхлопотали у прусскаго консула паспортъ на имя прусскаго подданнаго Петра Іогана съ женою Александрою и сыномъ Николаемъ, т. е. теперь я сталъ уже прусскимъ подданнымъ; купили для насъ фургонъ и пару лошадей; снабдили провизіей и дали рекомендательное письмо къ игумену пунгарацкаго монастыря Константину; въ провожатые нанятъ былъ молдаванъ, верхомъ. 2-го марта мы распростились съ гостепріимными скопцами и отправились въ путь.

Ѣхали мы на городъ Тыргофармосъ; отсюда отъѣхали еще верстъ 50 и ночевали въ молдаванской деревушкѣ. Утромъ, мы увидѣли Карпатскія горы, вершины которыхъ покрыты снѣгомъ, а ниже клубились облака. Видъ былъ величественный и прекрасный; мы любовались довольно. Потомъ, проѣхали черезъ городъ Кятръ, и за него верстъ 20; дорога пошла въ гору; мы подвигались впередъ медленно. Наконецъ, увидѣли церковь и вокругъ ея разбросанные молдаванскіе небольшіе домики. Это—монастырь Пунгарацы.

Игуменъ монастыря, о. Константинъ, принялъ меня ласково. Я ему по молдавански объяснилъ, что со мною жена и малое дитя, что мы пріѣхали сюда говѣть и что, поэтому, намъ нужно гдѣ нибудь помѣститься. О. Константинъ приказалъ приготовить для насъ особую келью, или комнату, и мы стали жить.—Черезъ недѣлю я съ женою началъ говѣть; исповѣдались и пріобщились св. таинъ. Странно: просфоры были изъ черной муки, должно быть потому, что бѣлой муки здѣсь вовсе нѣтъ, или трудно ее достать. Наступила Пасха. Въ первый день, послѣ обѣдни, въ 10 часовъ утра о. Константинъ прислалъ къ намъ монаха просить насъ на обѣдъ. Мы пошли. Обѣдъ былъ скоромный, съ мясомъ; приготовленъ хорошо и со вкусомъ. Въ Молдавіи не такъ, какъ у насъ: монахи ѣдятъ скоромное и мясо, разумѣется, кромѣ постовъ. Праздникъ проводили довольно скучно. Впрочемъ скуку разгоняли тѣмъ, что выходили изъ монастыря на прогулки по окрестностямъ. Тогда была тамъ уже настоящая весна, съ яснымъ солнышкомъ,

теплымъ, пріятнымъ воздухомъ; цвѣты расцвѣли, деревья покрылись зеленью. Видъ окрестностей монастыря былъ прелестный; особенно мы любовались Карпатскими горами, которыя на необъятномъ пространствѣ высились къ небесамъ. Въ этихъ горахъ находится много камней, употребляемыхъ на мельницахъ. Иногда прогуливались и вмѣстѣ съ о. Константиномъ; онъ любилъ ходить на рѣку Быстрицу, которая протекаетъ въ 3-хъ верстахъ отъ монастыря; она впадаетъ въ Дунай. Вода въ этой рѣчкѣ такъ быстра, что вполнѣ оправдываетъ данное ей названіе. На берегу рѣки живетъ постоянно рыболовъ, который собственно для монастыря и ловитъ рыбу, называемую здѣсь ласташъ. Эта рыба видомъ похожа на нашу лососину; но вкусъ имѣетъ другой, особенный. Если ласташъ попадался крупный, напримѣръ, болѣе аршина, то о. Константинъ посылалъ его въ Яссы митрополиту.

На фоминой недѣлѣ встрѣтилась надобность о. Константину съѣздить въ Яссы. Я воспользовался этимъ случаемъ и извѣстилъ скопца Дубровина съ товарищами, чтобы сообщили мнѣ о Павельевѣ и выхлопотали другой паспортъ для проѣзда въ Россію черезъ австрійскія владѣнія. Спустя нѣсколько дней, о. Константинъ возвратился изъ Яссъ; привезъ мнѣ денегъ 330 червонцевъ (съ небольшимъ 4,000 рублей) и письма съ пачпортомъ на проѣздъ Николаю Николаеву черезъ австрійскую границу въ предѣлы Россіи. Деньги 4,000 руб. были присланы на имя Дубровина однимъ моимъ пріятелемъ изъ Москвы, для передачи мнѣ; онѣ получены отъ купца Подсосова, у котораго я оставилъ передъ бѣгствомъ изъ дому 15,000 рублей. Дубровинъ писалъ, что Павельева въ Яссахъ нѣтъ; ему кто-то сказалъ, будто я нахожусь въ Бухарестѣ, и онъ уѣхалъ туда. Это извѣстіе для меня было какъ нельзя болѣе кстати. Немедленно мы собрались въ путь; 1-го мая распростились съ монастыремъ Пунгарацы и съ его добрымъ игуменомъ о. Константиномъ.

Переѣхавъ благополучно австрійскую границу, мы остановились въ городѣ Сычавѣ и прожили здѣсь около мѣсяца. Городъ не большой, но красивый и пріятный. Въ одной молдаванской церкви покоятся нетлѣнныя мощи Іоанна Сычавскаго. Недалеко отъ этого города находится извѣстное у нашихъ раскольниковъ селеніе Бѣлая Криница (по молдавански Фонтынъ-альба); тутъ живетъ старообрядческій митрополитъ, съ разрѣшенія австрійскаго правительства. Житье здѣсь раскольникамъ было привольное, льготное.—Изъ Сычавы мы поѣхали черезъ городъ Серетъ въ Черновицъ. Этотъ послѣдній городъ мнѣ былъ извѣстенъ по случаю моего пребыванія въ немъ въ прошломъ году. Здѣсь я узналъ отъ переводчика Ламиковскаго, что дѣло о моемъ арестованномъ розовомъ маслѣ, будто бы, поступило въ высшую инстанцію и скоро рѣшится въ мою пользу. Я былъ радъ и этому.

Изъ Черновицъ мы поѣхали Бессарабіею въ Могилевъ-на-Днѣстрѣ и черезъ Балту въ Одессу. Здѣсь я узналъ, что оставшійся послѣ шурина моего Лапина товаръ проданъ; деньги 7,100 руб. асс. положены въ Приказъ и получить ихъ можно только по истеченіи годичнаго срока публикаціи о вызовѣ кредиторовъ и наслѣдниковъ. Денегъ у меня оставалось мало, а полученіе ихъ въ скоромъ времени не предвидѣлось. Тутъ я вспомнилъ, что бѣжавшій изъ нашей Выѣздной слободы, лѣтъ 30 тому назадъ, крестьянинъ, дѣдушка жены моей, Марковъ, живетъ нынѣ въ Симферополѣ. Недолго думая, мы отправились туда. Ѣхали черезъ Николаевъ въ Херсонъ. Этотъ послѣдній городъ, по своему красивому виду и мѣстоположенію, мнѣ очень понравился; впослѣдствіи, много лѣтъ спустя, онъ сдѣлался какъ бы второю моею родиной. Изъ Херсона отправились въ Бреславль, а отсюда въ Перекопъ и Симферополь. Здѣсь я скоро розыскалъ дѣдушку Маркова. Онъ былъ оченъ радъ нашему пріѣзду. Оказалось, что онъ зналъ исторію моего бѣгства изъ дому: трое крестьянъ изъ нашей слободы розыскивали меня въ Симферополѣ и распрашивали обо мнѣ самаго дѣдушку; разумѣется, онъ не могъ сообщить относительно меня никакихъ свѣдѣній. Я занялъ у дѣдушки 500 руб. асс. и выдалъ ему открытое письмо—получить эти деньги отъ моего московскаго пріятеля. Въ Симферополѣ мы прожили недѣли двѣ, и поѣхали опять въ Херсонъ. Здѣсь мы расположились перезимовать, въ виду того, что этотъ городъ стоитъ какъ будто въ сторонѣ и Павельевъ, мой неутомимый преслѣдователь, могъ сюда не заглянуть; при томъ же я ожидалъ денегъ отъ московскаго пріятеля и извѣстій изъ Яссъ отъ Дубровина. Наконецъ, изъ Херсона мнѣ удобно было слѣдить за дѣломъ моего шурина, производящимся въ Одессѣ. Въ Херсонѣ мы прожили спокойно и благополучно до весны слѣдующаго 1834-го года. Потомъ мы поѣхали въ Бессарабію, къ австрійской границѣ; но это путешествіе оказалось совершенно безполезнымъ; только въ одномъ селеніи мы чуть было не встрѣтились съ Павельевымъ, который проѣзжалъ изъ Черновца черезъ Кишиневъ въ Одессу. Изъ Бессарабіи мы отправились въ Лубны (Полтавской губерніи) на ярмарку. Тутъ я рѣшилъ ѣхать на Кавказъ. Накупилъ нѣкоторыхъ товаровъ, особенно кожевеннаго, и препроводилъ это съ прикащикомъ, при обозѣ донскихъ казаковъ, въ городъ Новочеркаскъ. Здѣсь купилъ я 1,000 бутылокъ черкасскаго вина и со всѣмъ товаромъ отправились на волахъ далѣе, до Ставрополя. Ѣхали степями; дорога была трудная; подвигались по ней медленно. Въ Ставрополѣ я выправилъ у губернатора паспортъ для проживанія на Кавказѣ. Затѣмъ, мы отправились черезъ Георгіевскъ въ Пятигорскъ, гдѣ я намѣревался пожить подольше, заняться торговлею, или вообще чѣмъ придется. Еще далеко не доѣзжая до Георгіевска, мы увидѣли гору Бештау, а за нею—хребетъ Кавказскихъ горъ на подобіе облаковъ. Гора Бештау

была видна намъ на разстояніи слишкомъ 170-ти верстъ. Названіе ея—татарское и означаетъ пять горъ, т. е. 1) собственно Биштау, 2) Верблюдъ, 3) Лысая, 4) Зміева и 5) Машукъ, изъ которой вытекаютъ минеральныя горячія воды. Въ концѣ октября мѣсяца мы прибыли въ Пятигорскъ Я явился съ паспортомъ къ коменданту и полиціймейстеру, которые приняли меня вѣжливо и обласкали. Потомъ я нанялъ на базарѣ лавку съ квартирою, срокомъ на годъ. Перебрались мы въ это помѣщеніе и, съ разрѣшенія коменданта, начали помаленьку торговать.

Николай Шиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ МИЛЮТИНЪ.

Письма его къ Вас. Алексѣев. Лонгинову.

Помѣщаю на страницахъ достоуважаемаго историческаго журнала „Русская Старина“ два письма Н. А. Милютина, найденныя мною въ бумагахъ отца моего Василія Алексѣевича Лонгинова, умершаго въ 1873 г.

Письма эти дороги для меня какъ доказательство того, что отецъ мой нѣкогда былъ другомъ и ближайшимъ сотрудникомъ Н. А. Милютина. Надѣюсь, что и для будущаго біографа послѣдняго онѣ пригодятся какъ матеріалъ для оцѣнки душевныхъ качествъ одного изъ величайшихъ нашихъ государственныхъ людей. Письма относятся къ раннему періоду службы Н. А. Милютина, а именно—къ дѣятельности его въ хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Директоромъ упомянутаго департамента былъ въ то время Мих. Ив. Лексъ, при содѣйствіи котораго отецъ мой, окончившій курсъ въ Кіевской духовной академіи со степенью магистра, былъ опредѣленъ, въ 1842 г., въ хозяйственный департаментъ. Въ 1844 г. отецъ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ графѣ Перовскомъ и болѣе четырехъ лѣтъ управлялъ дѣлами временнаго отдѣленія, учрежденнаго для устройства городской части въ имперіи, занимаясь производствомъ болѣе важныхъ законодательныхъ дѣлъ. Такъ, напримѣръ, участвовалъ въ составленіи городоваго положенія для С.-Петербурга, проэкта преобразованія городоваго судебнаго управленія въ имперіи, положенія о квартирной повинности и т. под. Словомъ, до 1848 г. отецъ мой постоянно работалъ вмѣстѣ съ Николаемъ Алексѣевичемъ Милютинымъ. Затѣмъ, съ переходомъ отца на службу въ министерство финансовъ, близкія отношенія къ Милютину прекратились.

Аркадій Вас. Лонгиновъ.

г. Люблинъ.
21-го сентября 1880 г.

I.

Городъ Ревель. 11 августа 1844 года.

Василій Алексѣевичъ. Очень благодаренъ вамъ за письмо, но не благодаренъ за извѣстія. Судьба ваша меня занимаетъ столько же, сколько и моя собственная. Досадно, право, что вы такъ долго должны ожидать того, на что имѣете столько неотъемлемыхъ правъ. Въ участіи къ вамъ Михаила Ивановича [Лекса] я такъ увѣренъ, что долженъ приписывать неудачу одной несчастной судьбѣ нашей. Авось либо она перестанетъ оборачиваться задомъ. Первое мое движеніе, по получе-

ніи вашего письма, было написать М. И., но потомъ я побоялся испортить дѣло излишнею торопливостію. Буду ожидать дальнѣйшихъ извѣстій. Надѣюсь, что вы не оставите меня въ невѣдѣніи о такомъ дѣлѣ, которое интересуетъ меня не по одной дружбѣ къ вамъ, но еще и по чувству благодарности.

Не менѣе досадно мнѣ было узнать и о несчастныхъ нашихъ канцелярскихъ. Все это невольно охлаждаетъ усердіе.

Не думайте, чтобы я и самъ былъ очень доволенъ своею поѣздкою, она вышла очень неудачна. Неудачна, во-первыхъ, для здоровья отъ дурной погоды,—отъ занятія, которое я имѣлъ глупость принять на себя, и которое увлекаетъ меня слишкомъ далеко, ко вреду леченія,—наконецъ отъ лихорадки, которую я схватилъ здѣсь и которая мѣшаетъ мнѣ купаться уже болѣе недѣли. Неудачна, во вторыхъ, для кармана, потому что здѣшняя жизнь гораздо дороже, чѣмъ я предполагалъ, такъ что я не знаю съ чѣмъ и какъ доѣду. Ко всему этому присоединилась неожиданная непріятность, о которой смѣшно и гадко писать, но я хочу предупредить сплетни, которыя могутъ дойти до васъ. Въ здѣшней гостинницѣ, или лучше клубѣ, на меня наскочилъ пьяный и грубый нѣмецъ, который успѣлъ уже многимъ надѣлать бездну дерзостей; но судьба захотѣла, чтобъ я былъ одною изъ сильнѣйшихъ его жертвъ. Безъ всякаго повода, онъ мнѣ нагрубилъ до того, что привелъ даже всѣхъ постороннихъ въ негодованье. Тѣмъ менѣе могъ я самъ вытерпѣть. Выведенный изъ всякаго терпѣнія, послѣ тщетныхъ попытокъ остановить грубіяна, я ударилъ его и довольно сильно. Къ счастію, онъ отдѣлался однимъ наружнымъ знакомъ на рожѣ. Хотя все здѣшнее общество приняло мою сторону, особенно же здѣшній военный губернаторъ адмиралъ графъ Гейденъ (одинъ изъ его близкихъ пріятелей, здѣшній ландратъ, графъ Ребиндеръ былъ свидѣтелемъ сцены), но все же мнѣ крайне было не пріятно сдѣлаться героемъ такой глупой исторіи, тѣмъ болѣе, что въ такомъ провинціальномъ городишкѣ, подобное происшествіе дѣлается чуть-чуть не политическимъ дѣломъ. Вы не можете себѣ представить какого шуму надѣлала здѣсь эта исторія. Весь городъ чуть чуть не перессорился. Надобно знать, что здѣсь до сихъ поръ сохраняется рѣзкое различіе между дворянствомъ или (какъ оно себя называетъ) рыцарствомъ и мѣщанствомъ или бюргерами (т. е. среднее сословіе). Дворяне ужасно возстали на нѣмца, который мнѣ нагрубилъ, а бюргеры стали защищать его. Къ счастію, между послѣдними я уже сдѣлалъ себѣ прежде много пріятелей, и притомъ между людьми сильнѣйшими. Безъ того, право, возгорѣлась бы междоусобная война. Трудно вообразить себѣ, до какой степени все сохра-

нило здѣсь первобытное устройство и первобытные нравы. И по наружности городъ, и по общественному порядку, и по самымъ понятіямъ, Ревель есть ничто иное, какъ окаменѣлость среднихъ вѣковъ. И смѣшно, и жалко! Какъ бы то ни было, но теперь все утихло. Я упросилъ губ. нач. оставить моего нѣмца въ покоѣ, (губернаторъ далъ предписаніе посадить его въ острогъ), и кромѣ того далъ ему небольшую сумму на леченіе. Такимъ образомъ всѣ довольны. Меня одного только вся эта исторія до сихъ поръ бѣситъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь такая куча Петербургскихъ пріѣзжихъ, что вѣроятно найдутся добрые люди, которые повезутъ весь этотъ соръ съ собою на пароходѣ. Это заставило меня сообщить и вамъ эту странную повѣсть, дабы вы могли противупоставить истину сплетнямъ. Ожидали-ли вы подобныхъ новостей? Случаются же этакія диковинки.

Обращаясь отъ пустяковъ къ дѣлу, спѣшу препроводить къ вамъ:

1) Исправленный мною проектъ формы, по которой, съ бòльшими или меньшими отмѣнами и дополненіями, вы можете сообщить губ. наши общія соображенія объ устройствѣ городскаго хозяйства. Я заботился только о сущности. Не откажитесь почистить слогъ и прочее. Мнѣ кажется, можно бы теперь же написать по этой формѣ: С.-Петербургскому военному генералъ-губернатору (о Кронштадтѣ), Московскому (объ уѣздныхъ городахъ), Вологодскому, Казанскому, Тверскому, Орловскому (хотя объ одномъ Орлѣ), генералъ-губернатору Западной Сибири, и т. д.

2) Дѣло о квартирной повинности въ Ревелѣ. Пока здѣсь готовится отвѣтъ на запросъ департамента, я собралъ важнѣйшія свѣдѣнія, которыя помогутъ разрѣшить это дѣло. Между тѣмъ пусть оно остается въ покоѣ.

3) Дѣло о доносахъ на Ревельскій магистратъ и квар. ком. По возвращеніи я представлю объ этомъ особое донесеніе.

Тутъ же находятся бумаги, собственно мнѣ принадлежащія, а также двѣ книги, изъ которыхъ одну благоволите доставить Н. И. Надеждину вмѣстѣ съ письмомъ.

Мнѣ ужасно совѣстно, что до сихъ поръ не успѣлъ написать по двумъ важнѣйшимъ дѣламъ: о Московской торговой полиціи и Виленской квар. ком. Болѣзнь и здѣшнія занятія, (которыхъ право не такъ мало, какъ вы могли бы думать), помѣшали мнѣ. О торговой полиціи я уже началъ справлять записку, и съ слѣдующею почтою доставлю. Что касается до Виленскаго дѣла, то сдѣлайте одолженіе, потерпите недѣльки полторы—не болѣе.

Черезъ два дня (14 августа) я выѣзжаю въ Пернову, вмѣстѣ съ Штакельбергомъ, который выѣхалъ сюда ко мнѣ навстрѣчу;

тамъ мы пробудемъ недѣлю и потомъ отправляемся въ Ригу; оттуда начнется мое обратное путешествіе чрезъ Дерптъ. Пожалуста, прикажите отправлять ко мнѣ письма до 20 августа въ Пернову, а потомъ въ Ригу.

Вотъ еще убѣдительнѣйшая просьба: я просилъ выслать мнѣ изъ редакціи денегъ въ Ригу; если это еще не сдѣлано, то сдѣлайте одолженіе, похлопочите, чтобы выслали поскорѣе, и сколь можно болѣе. Безъ того я сяду на мели.

Передайте, любезнѣйшій Василій Алексѣевичъ, мое искреннее почтеніе Михаилу Ивановичу, а также род. департаменту. Напомните обо мнѣ всѣмъ нашимъ сослуживцамъ. Будьте здоровы, не скучайте и успѣвайте въ своихъ желаніяхъ. Это истинное, постоянное и вѣчное желаніе всею душою преданнаго вамъ Н. Милютина.

Григорій Ивановичъ совсѣмъ меня забылъ. Газеты я получилъ только по 23 іюля, и крайне нуждаюсь въ нихъ.

II.

6 (18) ноября 1845 года. Неаполь.

Больно мнѣ, любезнѣйшій и многоуважаемой мною Василій Алексѣевичъ, писать вамъ изъ Неаполя въ то время, когда вы такъ великодушно несете тягость моихъ обязанностей въ Петербургѣ. Еще больнѣе мнѣ думать, что вы приписываете это, вѣроятно, одному эгоизму, который былъ-бы непростителенъ послѣ столькихъ льготъ и облегченій, сдѣланныхъ въ мою пользу и къ вашему обремененію. Но что дѣлать? Тутъ нѣтъ ни моей воли, ни моей вины. Лѣтнее путешествіе мое не только не ослабило, но еще болѣе укрѣпило мое намѣреніе явиться осенью въ Петербургъ. Укрѣпившись въ силахъ, я приготовился къ этому съ сентября мѣсяца, и готовъ до сихъ поръ. Вмѣстѣ съ симъ я пишу подробно Михаилу Ивановичу [Лексу] причины, меня удержавшія противъ воли и сверхъ всякаго чаянія. Вамъ извѣстно, что я выѣхалъ съ сестрою, которая занемогла здѣсь и по мнѣнію всѣхъ докторовъ никакъ не можетъ возвратиться нынѣшнею зимою въ Петербургъ. Поэтому мужъ ея рѣшился немедленно ѣхать въ Италію, но вотъ уже 2 масяца, что мы его ждемъ и не дождемся. Когда вы получите это письмо, его вѣроятно уже не будетъ въ Петербургѣ, но до пріѣзда его сюда, я не могу бросить больной и слабой сестры своей, которой служу теперь единственной опорой и утѣшеніемъ. Войдите въ мое положеніе, и не обвиняйте меня. На моемъ мѣстѣ, вы безъ сомнѣнія поступили бы не иначе. Мнѣ очень хорошо извѣст-

но, какъ много теряю въ будущемъ отъ этой невольной неакуратности. Но не это безпокоитъ меня. Мнѣ тяжело за васъ и за любезнѣйшаго нашего Александра Карловича [Гирса]. Одна мысль эта была бы достаточна, чтобы перетащить меня изъ самаго Эдема къ нашимъ мрачнымъ и сухимъ Пенатамъ. Впрочемъ переходъ этотъ не былъ бы и такъ тяжелъ. Откровенно сказать: бездѣлье начинаетъ надоѣдать мнѣ, и дружба и привычка влекутъ туда, гдѣ сосредоточиваются всѣ интересы и всѣ привязанности.

И такъ, обвиняйте не меня, а судьбу. Мнѣ дорого сохранить и вашу дружбу, и ваше уваженіе. Вспомните, что вы несете крестъ за ближняго, не по его прихоти, но по волѣ Провидѣнія. Оно же и вознаградитъ васъ, а между тѣмъ, если дружескія благословенія и сердечная благодарность немощнаго товарища можетъ нѣсколько усладить ваши тяжелые труды, то повѣрьте, что благодарность эта съ каждымъ днемъ становится сильнѣе и исчезнетъ только вмѣстѣ со мною.

Не знаю, успѣю ли написать сего же дня Александру Карловичу [Гирсу], но прошу васъ передать ему то же самое. Я помню его намѣреніе проситься на зиму въ отпускъ, и мысль, что мѣшаю исполненію такого законнаго и понятнаго всѣмъ желанія, приводитъ меня въ отчаяніе. Бога ради, Бога ради, не много терпѣнія! Скоро колесо перевернется, и можетъ быть все будетъ къ лучшему.

Впрочемъ, я непремѣнно напишу ему особо. Братъ передалъ мнѣ, что онъ послалъ ко мнѣ письмо, но я его не получилъ до сихъ поръ. Подожду еще не много, и затѣмъ напишу еще милому А. К., чтобы успокоить его, если не философскими своими разсужденіями, то воззваніями къ его сердцу, которое мнѣ такъ извѣстно.

Что сказать вамъ о себѣ? Не смотря на Неаполитанское небо, я захворалъ немного простудою и желудкомъ, и теперь сижу на лекарствахъ. Надѣюсь, впрочемъ, на этихъ дняхъ совершенно облегчиться. Погода у насъ стоитъ не очень хорошая. Время отъ времени дуютъ вѣтры и льются дожди, но солнце еще печетъ, какъ у насъ въ августѣ. Такая зима, для сѣвернаго жителя, есть уже наслажденіе (хотя съ непривычки она можетъ быть опаснѣе нашей). Но все это ничего въ сравненіи съ прелестью здѣшней природы. Неаполитанскій заливъ, со всѣми его крутыми берегами, съ прекрасными островами, съ кучею бѣлыхъ дворцовъ, башень, домовъ и садовъ, и наконецъ съ фантастическимъ Везувіемъ, представляетъ дѣйствительно зрѣлище ни съ чѣмъ несравнимое. Каждый день я любуюсь и не налюбуюсь этимъ видомъ. За то здѣсь другаго наслажденія и нѣтъ. Что за народъ? Что за общество? Право, грустно вспомнить.

Но что дѣлается у васъ? Часто тоска беретъ отъ неизвѣстности. Какъ живетъ и ростетъ наше шумное Отдѣленіе? Все ли остается по прежнему въ Департаментѣ? Гдѣ наши Линкъ, Стобеусъ и проч.? Пожалуста, почтеннѣйшій другъ, напомните обо мнѣ всѣмъ моимъ любезнымъ сотоварищамъ, Г. И. Фролову, К. И. Рудницкому и всѣмъ прочимъ, которые не совсѣмъ еще забыли обо мнѣ.

До свиданія. Срокъ его опредѣлить еще не могу. Вы сами легче можете это расчитать, узнавъ отъ моихъ близкихъ о времени отъѣзда моего зятя изъ Петербурга, ибо немедленно по пріѣздѣ его сюда, я пущусь самымъ кратчайшимъ путемъ, нигдѣ не останавливаясь.

Между тѣмъ, будьте здововы и счастливы. Дай Богъ вамъ и всему вашему семейству столько благъ, сколько дружбы внушили вы навсегда преданному вамъ душою и сердцемъ Н. Милютину.

На оборотѣ: „Его высоблагородію Василію Алексѣевичу Лонгинову".

Сообщ. А. В. Лонгиновъ.

Примѣчаніе. Въ письмѣ своемъ Н. А. Милютинъ между прочимъ упоминаетъ объ одномъ изъ своихъ сослуживцевъ, столь недавно еще похищенномъ смертью, А. К. Гирсѣ († въ іюлѣ 1880 г.). Вотъ собственноручная запись его о себѣ самомъ въ нашемъ сборникѣ автографовъ русскихъ дѣятелей:

„Александръ Карловичъ Гирсъ родился 29-го мая 1815 г. Окончилъ курсъ въ императорскомъ Царскосельскомъ Лицеѣ въ 1835 г. Поступилъ на службу въ 1836 г. въ государственную канцелярію. Съ января 1838 г. перешелъ въ министерство государственныхъ имуществъ столоначальникомъ въ въ Д—тъ Сельскаго Хозяйства. Въ 1841 г. перешелъ чиновникомъ особыхъ порученій въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ принималъ участіе, между прочимъ, въ составленіи и исполненіи, т. е. приведеніи въ дѣйствіе городоваго Положенія для С.-Петербурга 1846 г.

„Въ 1859 г. назначенъ, бывъ уже членомъ совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, — членомъ Редакціонныхъ Коммисій. Въ 1862 г. назначенъ помощникомъ предсѣдателя Податной Коммисіи при Министерствѣ Финансовъ. 1-го января 1879 г. назначенъ товарищемъ министра финансовъ".

„13-го марта 1880 г.".

Некрологъ А. К. Гирса, составленный Д. Ѳ. Кобеко, помѣщенъ въ „Голосѣ" въ іюлѣ 1880 г. Ред.

УЧИЛИЩЕ ПРАВОВѢДѢНІЯ СОРОКЪ ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ

1836 — 1843 гг.

[Окончаніе].

VI [1]).

Тотъ годъ, когда Сѣровъ вышелъ изъ училища, 1840-й годъ, былъ для меня, во многихъ отношеніяхъ, годомъ перелома и началомъ новой эры. Вопервыхъ, я разставался съ человѣкомъ для меня самымъ близкимъ, съ которымъ привыкъ видѣться и жить вмѣстѣ чувствомъ и мыслями всякій день; во-вторыхъ, я перешелъ въ этомъ году изъ низшаго курса въ высшій и тѣмъ самымъ становился, по казенному училищному счисленію и по класнымъ занятіямъ,—юношей; въ третьихъ, съ этого года для меня начался новый, болѣе прежняго сильный приливъ художественной жизни и въ училищѣ, и внѣ его.

Отсутствіе Сѣрова въ моей ежедневной жизни было для меня ужасной потерей; Сѣровъ говорилъ, что для него тоже слишкомъ было чувствительно мое отсутствіе, не смотря на то, что онъ вышелъ на полную свободу и что у него началась совершенно новая жизнь. Чтобъ поправить нашу утрату, я предложилъ Сѣрову—переписываться. Онъ, конечно, согласился, и въ теченіе тѣхъ трехъ лѣтъ, что я оставался еще въ училищѣ, т. е. съ осени 1840-го по весну 1843-го года, я получилъ отъ Сѣрова около 50-ти писемъ, самъ написалъ ему, навѣрное, столько же, если не больше, и переписка эта, сдѣлавшаяся для насъ привычкою, продолжалась и впослѣдствіи, даже послѣ моего выхода изъ училища, особливо потому, что съ 1846-го года Сѣровъ былъ переведенъ на службу въ Симферополь, а потомъ во Псковъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1880 г., томъ XXIX (декабрь), стр. 1015—1042; изд. 1881 г., т. XXX (февраль) стр. 393—422; (мартъ) стр. 573—602.

Съ 1840-го по 1843-й годъ я посылалъ ему свои письма, обыкновенно по воскресеньямъ, черезъ одного товарища по классу, Жуковскаго, который всякое воскресенье бывалъ въ гостяхъ у Сѣрова, и вечеромъ, возвращаясь въ училище, приносилъ мнѣ конвертъ съ длиннымъ письмомъ Сѣрова, писаннымъ въ нѣсколько присѣстовъ, постепенно, въ теченіи всей недѣли, точно также какъ и я свое посланіе писалъ по кускамъ, постепенно, въ продолженіи всей недѣли. Писаніе такого письма, приготовленіе къ нему, наполняли, навѣрное, бо̀льшую долю всего моего училищнаго времени; только одна меньшая половина оставалась въ моемъ распоряженіи для классовъ, музыки, и всего болѣе для чтенія. И это было вовсе не худо, училище ничего не теряло черезъ такое хозяйство и распорядокъ: чтеніемъ и перепиской съ Сѣровымъ я въ самомъ дѣлѣ «воспитывался» и «росъ», т. е. достигалъ именно того, чего всего болѣе должно желать училище для своихъ воспитанниковъ.

Переходя въ высшій курсъ, каждый изъ насъ думалъ, что вотъ, наконецъ, мы вступаемъ въ настоящее «святое святыхъ», вотъ сейчасъ отдернутся какія-то завѣсы, вотъ мы, наконецъ, увидимъ тайны науки, великой, широкой, глубоко-серьезной. Скоро мы убѣдились, что ожиданія были напрасны. Никакихъ завѣсъ не отдернулось, и мы продолжали слушать то, что̀ прежде слушали. Никакихъ новыхъ, болѣе широкихъ взглядовъ не оказалось, продолжалась все та же узкость и ограниченность, только подъ другими заглавіями, что-то въ родѣ плохихъ гостинцевъ, завернутыхъ въ богатыя, цвѣтныя бумажки съ кружевомъ и золотомъ. Ничего живаго, двигающаго впередъ, одухотворяющаго, раздвигающаго горизонты мысли. Одна только самая ординарная схоластика, имена, цифры и голые факты—и болѣе ничего. Во-первыхъ, и самое время-то было такое, когда вовсе рѣчи не шло о томъ, какъ-бы развивать людей и дать рости ихъ интеллектуальнымъ силамъ, а во-вторыхъ и наши преподаватели были все такой народъ, который еслибъ и захотѣлъ, то не зналъ бы, чему еще насъ учить и въ чемъ насъ просвѣщать, кромѣ того, что̀ стоитъ въ книжкахъ, одобренныхъ самою невѣжественною, глубоко-темною цензурою тогдашнихъ временъ. Нашъ профессоръ уголовнаго права, Калмыковъ, считался тогда въ Россіи однимъ изъ свѣтилъ науки права, и училищное начальство считало за особенное для себя счастье, что успѣло его залучить къ себѣ въ училище. И дѣйствительно, какъ было бы и считать иначе? Калмыковъ былъ одинъ изъ молодыхъ студентовъ педагогическаго института, отправленныхъ за границу, по идеѣ Сперанскаго, за ихъ «блестящія способности и знанія», чтобы прослушать тамъ курсы лучшихъ профессоровъ и возвратиться

домой и самимъ зрѣлыми профессорами, столпами науки и знанія. Не знаю, какъ другіе, но Калмыковъ возратился такимъ же ординарнымъ человѣкомъ, какимъ поѣхалъ. Можетъ быть и тѣ нѣмецкія тогдашнія знаменитости права, которыхъ онъ съ благоговѣніемъ ѣздилъ слушать, тоже и сами не далеко ушли отъ пошлѣйшаго школьнаго доктринёрства, и потому-то онъ ничуть не удовлетворилъ наши ожиданія. «Да что-же это за высшая, глубокая наука, говорили мы послѣ лекціи другъ съ другомъ, когда тутъ ничего нѣтъ, кромѣ казенщины и ординарщины! Вотъ-то удивилъ, торжественнымъ и патетическимъ голосомъ выкрикивая съ каѳедры, что «наказаніе требуется самою идеею Божеской справедливости», и что ненаказанное преступленіе — есть оскорбленіе Божеству! О, педантъ толстокожій! Неужели такую непроходимую чепуху (да еще по Канту, какъ этотъ насъ увѣряетъ) читаютъ и въ-заправду въ нѣмецкихъ университетахъ, этихъ для насъ Монбланахъ и Чимборазахъ знанія и истины, въ Германіи, этой для насъ пучинѣ глубины, премудрости, недосягаемаго разума? Неужели тамъ у нихъ ничего лучше и нѣтъ? Чортъ съ нимъ совсѣмъ, съ этимъ Калмыковымъ,—но что дѣлать, давайте долбить его глупости».—Другой профессоръ, нѣкто Палибинъ, приводилъ насъ въ изумленіе, читая намъ, подъ заглавіемъ «Государственное право», прямо статьи изъ Свода Законовъ, которыя мы должны были заучивать слово въ слово по его литографированнымъ запискамъ, перечисляя, безъ малѣйшаго пропуска, всѣ «департаменты», «отдѣленія» и «столы» министерствъ, губернскихъ правленій и другихъ мѣстъ, и тутъ же должны были въ зубряшку пересчитывать «предметы ихъ вѣдомства». Спрашивается: какая разница была между такимъ зубреньемъ государственнаго права, въ «высшемъ курсѣ», у Палибина, и зубреньемъ географіи въ «низшемъ», у полковника Вранкена, съ его дубинными стихами «произведеній»: дегтя, канатовъ, сахарнаго тростника, щетины и всего прочаго? Ни того, ни другаго мы никогда не дозубрили, какъ ни старались наши высшіе и низшіе преподаватели. Но, надо замѣтить, всего болѣе поражалъ насъ тотъ паѳосъ и энтузіазмъ, съ которымъ Палибинъ, пришепетывая, и свистя, и шипя, но тоже вмѣстѣ и грозно рыча, произносилъ тѣ пасажи изъ статей Свода, которые всего болѣе любилъ. Когда же онъ громовымъ голосомъ провозглашалъ: «Императоръ Всероссійскій есть монархъ самодержавный и неограниченный, которому повиноваться не только за страхъ, но и за совѣсть самъ Богъ повелѣваетъ!!!», то для послѣднихъ словъ у него былъ всегда прибереженъ такой голосъ и такое выраженіе, отъ котораго всѣ стекла дрожали въ окнахъ, а мы думали, что мы чуть-чуть не сами евреи, а

передъ нами чуть-чуть не самъ Моисей, сходящій съ горы, со скрижалями въ рукахъ.—Еще одинъ профессоръ, Шнейдеръ, былъ человѣкъ великолѣпный, по прекрасной душѣ, благородству и энергіи своей. Его всѣ у насъ любили и уважали отъ всего сердца. Онъ многимъ изъ насъ сдѣлалъ великое добро, отстаивая въ совѣтѣ училища наши права и училищныя заслуги, помогая одному перейти изъ класса въ классъ, другому—получить, при выпускѣ, тотъ или другой чинъ, наконецъ, спасая еще болѣе многочисленныхъ изъ нашей среды отъ наказаній, а иногда и отъ исключенія изъ училища. Всѣ его у насъ любили, отъ мала до велика, и я думаю, нѣтъ никого изъ бывшихъ въ тѣ времена въ училищѣ, кто не сохранилъ бы о немъ самаго благодарнаго, полнаго симпатіи и уваженія воспоминанія. Но какъ профессоръ, онъ казался намъ тяжелымъ нѣмецкимъ педантомъ, со всѣмъ своимъ «римскимъ правомъ», котораго мы никакъ не соглашались признать чудодѣйственною силой, долженствующею прочистить, освѣтить и направить всѣ наши понятія о правѣ, о всемъ справедливомъ, несправедливомъ, законномъ и преступномъ. Намъ казалось, что тутъ излагаются все такія ординарныя вещи, которыя мы очень хорошо знаемъ и безъ всякаго классическаго римскаго права, наприм., что нельзя строить свой домъ на чужой землѣ, нельзя продавать яблоки изъ чужаго сада, и тому подобныя необыкновенныя, никому неизвѣстныя истины. «Къ чему это онъ намъ провозглашаетъ, да еще съ такимъ патетическимъ энтузіазмомъ, говорили мы другъ другу, что не должно признавать законнымъ тотъ договоръ, въ основу котораго положена нелѣпость? Вотъ онъ, Богъ знаетъ какъ торжественно, декламируетъ, что ничего не значитъ такой договоръ, гдѣ сказано, чтобъ одинъ изъ договаривающихся nu-dus sal-ta-ve-rit in fo-ro (проплясалъ бы голый на площади)? На что намъ этотъ вздоръ, да еще непремѣнно на латинскомъ языкѣ, да еще какимъ высокопарнымъ, гнусливымъ, протяжнымъ голосомъ! Точно мы и такъ не знаемъ, что чепуха есть чепуха! Чему тутъ учить, посредствомъ Римлянъ и Юстиніана?» Еслибъ мы уже и тогда знали всѣ каррикатурныя нелѣпицы Фрёбелевской системы, навѣрное, мы тогда такъ прямо и сказали бы: «Вся эта классическая ветошь, весь этотъ великій универсальный «юридическій разумъ»—тотъ же Фрёбель, разспрашивающій ребенка, гдѣ потолокъ и гдѣ дверь, гдѣ носъ и гдѣ правая рука, какъ называется стулъ, и какъ зовутъ господина учителя?—Профессоръ латинскаго языка, Гриммъ, издали казавшійся намъ необычайнымъ какимъ-то свѣтиломъ, оказался такимъ же обыкновеннымъ учителемъ, какъ прежній нашъ Мюхлеръ въ маленькихъ классахъ. Вся разница была только въ томъ, что у этого мы переводили изъ

однихъ латинскихъ писателей, а у того—изъ другихъ, вотъ и все. Впрочемъ оба были премилые, хотя немножко крикливые малые, одинъ помоложе, другой постарше, и оба почти совершенно не знали по русски, такъ что нерѣдко иные между нами, изъ глупаго, непристойнаго школьничества (впрочемъ, довольно забавлявшаго классъ) иной разъ переводилъ Гримму sacerdos—не «жрецъ», а «жеребецъ», и многое на тотъ же ладъ. По латынѣ у насъ никто не выучивался порядкомъ, и, я думаю, не только теперь, но черезъ 2—3 года послѣ училища всѣ лучшіе наши доки ни одного слова не поняли бы ни въ одной латинской надписи, очутившисъ, наприм., случайно въ какой-нибудь католической церкви, или разсматривая подпись подъ какой-нибудь старинной гравюрой. Въ томъ-то и бѣда, что солидности у насъ было мало въ ученьи, и слишкомъ много фольги на показъ! Въ высшихъ классахъ было у насъ «предметовъ» по 16, по 17. Что̀ это такое было, и на что? Не угодно ли допросить кого нибудь изъ старыхъ правовѣдовъ, начиная съ тайныхъ и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ и разныхъ орденовъ кавалеровъ, и кончая титулярными совѣтниками и губернскими секретарями, что̀ они помнятъ изъ «энциклопедіи права», проповѣданной намъ съ каѳедры (въ добавокъ ко всему остальному, по нѣмецки), нашимъ сухопаренькимъ музыкантомъ въ бѣломъ галстухѣ и съ Анной на шеѣ, Штёкгардтомъ, или изъ «мѣстныхъ законовъ», которые намъ мычалъ коровьимъ голосомъ бывшій землемѣръ Малиновскій, нѣчто въ родѣ добродушнѣйшаго гипопотама въ мундирѣ, неповоротливый, со сгорбленной шеей и никогда немытыми руками, или, наконецъ, изъ «логики съ психологіей», читанныхъ намъ нашимъ законоучителемъ старательно и серьезно, но въ томъ совершенно ничтожномъ духѣ, который былъ предписанъ трусливою и невѣжественною опекою тѣхъ временъ — «толкуй-дескать о сухихъ алгебраическихъ формулахъ сколько душѣ угодно, но до какого-нибудь настоящаго дѣла дотронуться — Боже тебя сохрани!» Какъ подумаешь, какая громада брошенныхъ денегъ, понапрасну истраченныхъ хлопотъ, безъ толку ухлопаннаго времени! И вѣдь за все это намъ ставили баллы, и мы отвѣчали (иные даже «очень хорошо» и «превосходно»), иныхъ награждали за всѣ эти классы, другихъ наказывали. Но была ли, въ сущности, большая разница между знающими и незнающими, между высоко и низко отмѣченными по ученью, особливо по части ученья права? Не думаю. Жизнь и служба совершенно иначе разсортировали, впослѣдствіи, гг. правовѣдовъ, и всѣ эти «энциклопедіи права» и многое другое — рѣшительно пошли прахомъ.

Всего лучше процвѣтали въ училищѣ, въ наше время, языки.

Французскому и нѣмецкому языку научались у насъ всего лучше, особливо первому, и это было очень кстати, такъ какъ наврядъ ли другое какое заведеніе доставило Петербургу и вообще Россіи столько ловкихъ танцоровъ и любезныхъ кавалеровъ, ну—а по этой должности, извѣстное дѣло, безъ французскаго языка и ступить невозможно. Находились такіе молодцы, которые даже и по части мертвыхъ языковъ оказывали способности: не только шли изрядно по латынѣ, но даже пожелали на свой счетъ учиться греческому. Вздумали, переговорили другъ съ дружкой, сложились на свой счетъ, спросили директора, тотъ позволилъ съ удовольствіемъ, и тогда сталъ ходить къ намъ, раза по два въ недѣлю, Шифнеръ—тогда еще начинающій молодой ученый, впослѣдствіи одинъ изъ знаменитѣйшихъ филологовъ нашей академіи наукъ по части всевозможнѣйшихъ восточныхъ языковъ: тибетскаго, монгольскаго, всяческихъ сибирскихъ и кавказскихъ. Съ удовольствіемъ теперь вспоминаю, что и я принадлежалъ къ маленькой кучкѣ «добровольцевъ» греческаго языка, и безъ всякаго зазрѣнія горжусь тѣмъ, что не былъ ничуть лѣнивъ (какъ многіе изъ товарищей), и находилъ время, не смотря на всю музыку и чтеніе, учиться по собственной охотѣ еще и греческому языку.

Кромѣ языковъ, въ высшихъ классахъ, составляли у насъ крупное исключеніе, среди остальной безцвѣтности, двѣ науки: политическая экономія и судебная медицина. Мы съ большимъ любопытствомъ ждали всегда и тѣхъ, и другихъ лекцій; и не мудрено—въ обѣихъ наукахъ было, наконецъ, что-то живое и жизненное для насъ. Преподаватели наши по этой части были далеко не Богъ знаетъ что̀, и очень мало имѣли понятія о современномъ положеніи своей науки въ Европѣ. Они все намъ читали свои лекціи по тѣмъ самымъ курсамъ, по какимъ сами учились. Притомъ же нашъ политико-экономъ. Уткинъ, былъ ревностный сельскій хозяинъ, и весь годъ сѣялъ и поливалъ свои огороды гдѣ-то въ глуши на Охтѣ, и говорилъ «тетерича» и «гостода» (потому что не могъ произносить букву п), чѣмъ до слезъ смѣшилъ насъ, а нашъ судебно-медицинистъ, Спасскій, будучи тоже и эскулапомъ училища, сильно надоѣдалъ всѣмъ сильною приверженностью къ паціентамъ изъ князей и графовъ, почему, напр., любилъ объявлять, прямо въ классѣ, одному князю Львову, что вчера видѣлся съ его мамашей, и вотъ сегодня привезъ ему въ лазаретъ, изъ особой дружбы, пол-фун-та ви-но-гра-ду, купленнаго имъ самимъ (на собственныя деньги!), и еще больше надоѣдалъ всему училищу тѣмъ, что каждаго мальчика, пожаловавшагося хоть на головную боль или на обрѣзанный палецъ, непремѣнно подозрѣвалъ въ «шалости»

и грозилъ передъ носомъ своимъ эскулапскимъ пальцемъ съ перстнемъ. Но не смотря на все это, мы любили ихъ курсы, хотя-бы и старые, и съ восхищеніемъ слушали теоріи Рикардо и Мальтуса о законахъ увеличенія народонаселеній, о правильности рожденій и смертей, о государственныхъ долгахъ и деньгахъ, о величіи Адама Смита, Росси и Жанъ-Батиста Сэ. Мы ничего подобнаго отроду еще нигдѣ не слыхали и не читали, все это такъ близко соприкасалось съ живою жизнью—и оттого-то всѣ мы вдругъ превращались въ прилежнѣйшихъ слушателей и никто худыхъ балловъ никогда не получалъ: всѣ знали и помнили очень твердо, что̀ было читано. Еще жгучѣе былъ интересъ на судебно-медицинскихъ лекціяхъ Спасскаго: вѣдь тутъ дѣло шло о еще бо̀льшихъ неслыханныхъ чудесахъ, о насильственныхъ смертяхъ, отравленіяхъ, ранахъ «тупыми и острыми орудіями», о преступленіяхъ, совершенныхъ въ «Schlaftrunkenheit», т. е. человѣкомъ еще не совсѣмъ проснувшимся отъ сна, о страстяхъ (слово совершенно для насъ новое, и строго вытолканное вонъ изъ всѣхъ нашихъ курсовъ логики и психологіи, словно ихъ вовсе не бывало на свѣтѣ), о волѣ и безволіи человѣка, о «невмѣняемости» по указанію самой природы и т. д. Отъ всего этого широко раскрывались у насъ глаза, никого уже не было, кто бы читалъ постороннюю книгу во время лекціи, а когда дѣло пошло о томъ, чтобъ идти въ Маріинскую больницу на вскрытіе трупа (куда—смѣшно сказать—начальство посылало не всѣхъ, а лучшихъ!), всѣ въ одинъ голосъ просились и хлопотали, чтобъ попасть въ списокъ. Многимъ сдѣлалось въ больницѣ дурно (всего больше первому нашему запѣвалѣ Оголину: каковъ онъ ни былъ молодецъ и храбрый изъ храбрыхъ, а сначала поблѣднѣлъ какъ полотно, а потомъ вдругъ упалъ въ обморокъ), даромъ что намъ, передъ походомъ въ больницу, дали по рюмкѣ мадеры: мы вѣдь были уже «большіе», со шпагами, въ высшемъ классѣ училища, значитъ пить вино уже позволительно. Интересъ къ этому тутъ совсѣмъ другой былъ, чѣмъ къ «Меровингамъ» Шульгина, къ его «борьбѣ буржуазіи съ аристократіей» и «папъ съ императорами»—все по Гизо̀. Это̀ все было такое далекое, чужое, мертвое какъ мумія,—то̀ такое близкое, свое, теперишнее, сейчасъ и вездѣ совершающееся!

Надо было тоже посмотрѣть, что̀ сдѣлалось съ училищемъ нашимъ въ 1841 году, весной, т. е. черезъ годъ послѣ выхода изъ училища Сѣрова съ его товарищами, когда происходили выпускные экзамены 2-го нашего выпуска, и одинъ изъ воспитанниковъ этого выпуска, Калайдовичъ, докладывалъ публично, какъ адвокатъ и судья, гремѣвшее тогда по всей Европѣ дѣло знаменитой французской отра-

вительницы Лафаржъ. Въ этотъ день къ намъ названо было, въ видѣ почетныхъ гостей, оппонентовъ и экзаменаторовъ, множество, считавшихся тогда лучшими, сенаторовъ, оберъ-прокуроровъ сената и начальниковъ отдѣленія министерства юстиціи: училище хвасталось тутъ однимъ изъ самыхъ даровитыхъ своихъ правовѣдовъ. Это былъ Калайдовичъ, сынъ знаменитаго русскаго филолога и историка древней нашей литературы, московскаго профессора К. Ѳ. Калайдовича, сподвижника и помощника графа Румянцова въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Молодой Калайдовичъ былъ дѣйствительно одинъ изъ самыхъ выдающихся товарищей нашихъ: прекрасно образованный еще дома, много читавшій и до училища, и во все время своего пребыванія въ немъ, горячій, пылкій, одаренный даромъ слова, умный, честный и свѣтлый головою, онъ былъ бы навѣрное однимъ изъ самыхъ отличныхъ адвокатовъ, еслибъ дожилъ до 1864 года и свободныхъ судовъ. Въ этотъ разъ, при выходѣ своемъ изъ училища, онъ вздумалъ публично защищать ту самую Лафаржъ, которую присудили къ смерти въ Парижѣ, и въ пользу которой все-таки многое можно было сказать, на основаніи разныхъ подробностей событій ея жизни и послѣдней дѣятельности, вовсе не разъясненныхъ процессомъ. Калайдовичъ взялся за такое возстановленіе невинности со всѣмъ жаромъ новичка и со всею ненавистью, къ казенному суду, 20-лѣтняго чистаго, великодушнаго юноши. Его рѣчь длилась нѣсколько часовъ, и чѣмъ дальше онъ шелъ, тѣмъ пламеннѣе разгорался и страстнѣе, увлекательнѣе становился. Когда онъ кончилъ, вся зала загремѣла аплодисментами; мы, товарищи, просто выходили изъ себя отъ восхищенія и радости, кричали и хлопали въ ладоши какъ сумасшедшіе: кого-то оправдали, кого-то вырвали, хотя бы даже не въ дѣйствительности, а въ стѣнахъ нашего училища, изъ когтей гнуснаго палача, и это сдѣлалъ одинъ изъ нашихъ—какое счастіе могло, въ ту минуту, сравниться съ нашимъ! Утопавшаго вытянули передъ нашими глазами изъ воды, какое же намъ было дѣло, преступникъ ли онъ, или не преступникъ! Да еще въ добавокъ, мы, какъ умѣли, протестовали тутъ противъ отвратительной казни, совершенной гдѣ-то, кѣмъ-то и зачѣмъ-то! Сами высокіе чиновники, въ звѣздахъ, бѣлыхъ галстухахъ и лентахъ, тутъ присутствовавшіе, были увлечены, сколько могли, тоже апплодировали и отпускали комплименты Калайдовичу. Но одинъ изъ самыхъ «важныхъ» и «солидныхъ», оберъ-прокуроръ уголовнаго департамента сената, Карніолинъ-Пинскій, считавшійся въ тѣ времена великимъ юридическимъ свѣтиломъ, подошелъ къ Калайдовичу, взялъ его за руку, жалъ ее въ своихъ пухлыхъ, лимфатическихъ рукахъ, сначала поздравлялъ и похвали-

валъ Калайдовича, но потомъ сталъ доказывать по пунктамъ, и потрясая пальцемъ, по своей всегдашней начальнической привычкѣ, почему Лафаржъ въ самомъ дѣлѣ отравительница, и почему ее оправдывать не слѣдовало. Мы слушали, столпившись кругомъ—и глядѣли на него въ ту минуту, какъ на врага. «Ты тамъ пой-молъ, что хочешь, а нашъ Калайдовичъ оправдалъ.... оправдалъ, и у насъ всѣхъ вотъ и до сихъ поръ сердце дрожитъ, а ты, негодный, мертвый сухарь, убирайся скорѣе вонъ со своимъ проклятымъ чиновничьимъ краснорѣчіемъ!» И только онъ кончилъ, только онъ отошелъ, мы опять стали хлопать въ ладоши Калайдовичу, и кричать ему bravo! и жать руки, и обниматься, и цѣловаться съ нимъ. День былъ чудесный, солнце свѣтило золотыми столбами во всѣ окна большой нашей залы, и мы были—счастливы, какъ рѣдко случается въ жизни.

Впослѣдствіи, я этому самому Калайдовичу обязанъ былъ первымъ выступленіемъ своимъ на литературное поприще. Въ 1847 году, уже будучи оберъ-секретаремъ сената, онъ былъ переведенъ въ Москву, и порекомендовалъ меня редакціи «Отеч. Записокъ», чтобъ продолжать, послѣ него, обзоры исторической литературы французской, англійской и нѣмецкой. Я же самъ предложилъ, въ добавокъ, писать въ томъ же журналѣ, фельетонъ музыкальный и художественный, что и было принято.

Да, чувство законности и справедливости было въ то время очень сильно въ насъ. Всякая неправда, несправедливость лично оскорбляли насъ, и мы не хотѣли оставаться пассивными жертвами или только зрителями: намъ хотѣлось тотчасъ-же высказать свое негодованіе, свою досаду, свою злобу—публично, всей своей массой, какъ одинъ человѣкъ, хотя-бы только въ стѣнахъ своего класса. Я живо помню одно событіе, которое очень ярко обрисовываетъ это наше настроеніе. Нашъ директоръ Пошманъ, вообще человѣкъ добрый и снисходительный, былъ неумолимъ и жестокъ только въ одномъ пунктѣ: это когда у кого-нибудь изъ воспитанниковъ (конечно старшихъ классовъ) оказывалась нѣкоторая неуказная болѣзнь. Это было для Пошмана нѣчто въ родѣ пункта помѣшательства: тутъ уже онъ становился не только упрямъ какъ оселъ, но просто жестокъ, и никакія просьбы, никакіе доводы и рѐзоны не помогали; и вмѣсто того, чтобъ пожурить, взыскать, наказать, (если уже это было такъ необходимо по училищнымъ, и вообще по тогдашнимъ правиламъ)—а главное, вмѣсто того, чтобъ поскорѣе и получше лечить больнаго—онъ становился вдругъ свирѣпымъ, неумолимымъ, доходилъ чуть не до бѣшенства, и виноватаго непремѣнно—выгонялъ изъ училища. Не правда-ли, какой прекрасный, какой умный педагогъ! Что̀, если бы весь свѣтъ вздумалъ такъ дѣй-

ствовать—вѣдь пожалуй пол-Россіи пришлось бы повыгнать отовсюду, изъ училищъ, университетовъ, полковъ, монастырей, откуда угодно, все это въ честь чистѣйшей доброй нравственности. Мы уже не разъ были свидѣтелями такого варварства. Вдругъ эта самая болѣзнь оказалась у одного нашего товарища, кн. Т., и никто-бы этого вѣроятно не зналъ, кн. Т. преспокойно-бы вылечился и дѣлу бы конецъ, но его дядя и попечитель, сенаторъ Горголи, когда-то прежде бывшій оберъ-полицмейстеромъ, на основаніи пріобрѣтенныхъ въ этой должности понятій и привычекъ, счелъ своею священнѣйшею обязанностью пріѣхать въ училище и разсказать Пошману, что вотъ-молъ какой ужасъ онъ открылъ у своего родственника. Пошманъ на другой-же день выгналъ Т. изъ училища. Мы пришли въ неописуемое бѣшенство. Не столько насъ приводило въ негодованіе дурацкое распоряженіе Пошмана, сколько предательство и полицейское усердіе сенатора-дядюшки. И вотъ, одинъ изъ насъ, взойдя на каѳедру, держалъ рѣчь къ «господину классу,» говоря, что если мы уже безсильны что нибудь сдѣлать Пошману и Горголи, если ничѣмъ уже не можемъ помочь бѣдному Т., то должны по крайней мѣрѣ для самихъ себя не оставить это дѣло «такъ», и выразить торжественно наше глубокое негодованіе. «Господинъ классъ» единогласно принялъ предложеніе, и, послѣ нѣкотораго общаго совѣщанія, совершено было слѣдующее: на классной черной доскѣ написали аршинными буквами, мѣломъ, фамилію «Горголи», и потомъ, послѣ маленькой рѣчи одного изъ насъ, въ ту минуту превратившагося въ прокурора и произнесшаго обвинительную рѣчь, весь классъ сталъ бросать мѣломъ, губками, перьями, карандашами, чѣмъ попало, въ фамилію на доскѣ, громко крича: «Горголи анаѳема! Горголи анаѳема!» Пускай не слишкомъ-то улыбается и насмѣхается мой читатель: ну да, наша расправа была микроскопическая, безвредная, но чѣмъ же, по существу своему, она была хуже любой оффиціальной расправы и оффиціальнаго обезчещенія? Всякій дѣлаетъ по своимъ средствамъ, ка̀къ можетъ, и что̀ можетъ, но довольны собою мы потомъ остались точь въ точь столько же, какъ будто надѣлали сенатору Горголи самаго сквернаго вреда на всю жизнь.

Впрочемъ, наши домашнія расправы бывали и не всегда такъ безвредны и безобидны какъ эта: у насъ бывали онѣ не только на кулакахъ, по простому, по естественному, но также и перочинными широкими ножами, и я, въ числѣ многихъ другихъ, не разъ тоже попадалъ въ передѣлку. Одинъ разъ нѣкто Обуховъ, юноша очень тупой и глупый, пришелъ въ такую ярость отъ моихъ насмѣшекъ надъ его бараньей натурой, что хватилъ меня ножемъ по рукѣ и

прорѣзалъ одинъ палецъ до кости; мнѣ потомъ насилу спасли этотъ палецъ, и шрамъ уцѣлѣлъ вотъ и до сихъ поръ, послѣ 40 почти лѣтъ. Въ другой разъ, я привелъ, совершенно того не желая, конечно, въ точно такое же бѣшенство другаго товарища, нѣкоего Ѳедорова, страдавшаго впрочемъ падучей болѣзнью: у него стала бить пѣна изо рту, и онъ вдругъ, обратившись ко мнѣ черезъ два ряда столовъ и скамеекъ, пустилъ въ меня своимъ раскрытымъ перочиннымъ ножомъ, въ родѣ того, какъ дикіе пускаютъ въ непріятеля своими дротиками и кинжалами. Ударъ былъ вѣренъ, и ножъ, пролетѣвъ по воздуху, вонзился мнѣ въ лѣвое плечо. Кровь полилась. Нечего дѣлать, пришлось отправляться въ лазаретъ; нашъ докторъ Спасскій сказалъ мнѣ потомъ: «ну, братъ, Стасовъ, счастье твое, что ножикъ промахнулся на одну линію; еще бы капельку, и онъ попалъ бы въ аорту и прорѣзалъ-бы ее; ты-бы изошелъ кровью—перевязать ее нельзя!» Я принужденъ былъ сказать Спасскому, кто мнѣ это сдѣлалъ, но подъ честнымъ словомъ, никому не говорить. Онъ слово сдержалъ. Вообще, фискальство было у насъ не принято, не въ ходу, не въ модѣ, не только у воспитанниковъ, но и у «воспитателей» и преподавателей нашихъ. Занимались этимъ одни солдаты (да и то не всѣ), да начальникъ ихъ, экономъ нашъ Кузьминъ, самъ изъ преображенскихъ солдатъ, помаленьку и полегоньку сколотившій себѣ на нашихъ обѣдахъ и ужинахъ порядочную кису, и всего болѣе любившій нафабривать, до степени проволокъ, свои рыжіе усы и затягивать свою мужицкую талью въ возможно узкій мундиръ. Эти элегантности ничуть не мѣшали ему быть гнуснѣйшимъ наушникомъ.

Мнѣ хочется разсказать здѣсь одно курьезное событіе изъ нашей тогдашней жизни. Оно еще новый разъ докажетъ нашу сплоченность, нашу дѣятельность сообща, цѣлой массой,—отнюдь не врозь, не въ разсыпную, какъ слишкомъ часто бываетъ.

Я выше уже разсказывалъ, какъ мы любили и уважали нашего законоучителя, священника Мих. Изм. Богословскаго. Но это не мѣшало намъ видѣть въ немъ порядочнаго деспота и порядочно прибаиваться его. Однажды, когда мы были уже во 2-мъ классѣ, онъ насъ долго мучилъ тѣмъ, что заставлялъ написать объясненіе, нѣчто въ родѣ маленькаго трактата, на тему: «Почему тѣло Христово называется церковью?» Не ручаюсь за полную вѣрность выраженій, послѣ 40-ка лѣтъ антракта (да и самъ М. И. Богословскій, съ которымъ мнѣ случилось снова встрѣтиться лѣтомъ 1880 года, тоже не помнитъ съ точностью этой задачи), но было что-то близкое къ написанному здѣсь мною. Мы бились, бились, подавали всякій понедѣльникъ, въ первый утренній классъ, когда приходилась лекція нашего законоучителя, все

новыя и новыя объясненія, сколько умѣли при своихъ очень необширныхъ знаніяхъ—нѣтъ, всякій разъ оказывалось все не то, и намъ снова задавали тоже рѣшеніе «къ будущему понедѣльнику». Что̀ намъ было дѣлать? Мы вдругъ выдумали такую штуку. Замятнинъ и я, въ одинъ прекрасный день, взошли на каѳедру, и предложили «господину классу» сходить, секретно, и допросить разомъ всѣхъ архіереевъ и знаменитыхъ законоучителей, какіе тогда были въ Петербургѣ. Классъ радостно расхохотался, всѣмъ ужасно понравилось такое экстраординарное предложеніе, часъ или два мы держали совѣтъ, какъ чему быть, кому именно изъ насъ и къ которому высокому духовному лицу отправляться въ первое же воскресенье, и дѣло состоялось. Кто отправился къ знаменитому протопопу Павскому, кто къ знаменитому протопопу Сидонскому; именъ тогдашнихъ архіереевъ я теперь уже болѣе не помню, но помню очень хорошо, что моему великому пріятелю Замятнину досталось, по разверсткѣ, идти на Васильевскій островъ, на рижское подворье, къ архіерею Иліодору курскому, а мнѣ—къ Аничкину мосту, на Троицкое подворье, къ самому митрополиту Филарету московскому, проживавшему тогда, по всегдашнему, нѣсколько зимнихъ мѣсяцевъ въ Петербургѣ. Мнѣ назначено было идти именно къ этой знаменитости, высшему лицу всего русскаго духовенства и по талантамъ, и по знаніямъ, на томъ основаніи, что моя тетка, родная сестра моего отца, Вѣра Петровна (о которой немало говорено въ 1-й главѣ моей автобіографіи) была довольно хорошо знакома съ этимъ митрополитомъ, еще по Москвѣ. Я тотчасъ-же написалъ ей письмо, прося ее побывать на недѣлѣ у митрополита, и выпросить у него позволеніе для меня явиться къ нему, въ первое же воскресенье, на нѣсколько минутъ, «по одному важному богословскому вопросу». Черезъ день или два я получилъ отвѣтъ, что мнѣ дозволено явиться къ митрополиту. Въ первое-же воскресенье, я полетѣлъ прямо отъ нашей обѣдни въ правовѣдской церкви (кончавшейся довольно рано) на Троицкое подворье. Служилъ самъ митрополитъ, значитъ служба была несравненно продолжительнѣе нашей. Я засталъ окончаніе молебна, и съ глубокимъ нетерпѣніемъ сталъ ждать «шапочнаго разбора». Скоро молебенъ кончился, и я, протѣснившись со своей теткой, сталъ въ одну изъ двухъ шеренгъ, стоявшихъ сквозь всю церковь, на дорогѣ митрополичьей, чтобы получить благословеніе отъ владыки. Еще нѣсколько минутъ, и митрополитъ Филаретъ уже шелъ, въ бѣломъ клобукѣ съ рубиновымъ крестомъ и въ фіолетовой мантіи съ длиннымъ шлейфомъ, ведомый подъ руки діаконами, опираясь лѣвою рукой на богатый посохъ, и благословляя правою. Наклоняясь подъ благословеніе, моя тетка шепоткомъ проговорила: «Ваше

высокопреосвященство... вотъ мой племянникъ». Вслѣдъ за моей теткой приложился къ митрополитовой исхудалой желтой рукѣ и я, и тутъ услыхалъ надъ ухомъ тихія слова: «Придите ко мнѣ въ покои». Мы съ моей теткой отправились туда. Митрополита еще не было, онъ переодѣвался въ домашнее платье, но въ гостиной, кругомъ стѣнъ, сидѣло уже много старыхъ княгинь и графинь, иныя съ молоденькими, расфранченными (но скромно!) дочками и племянницами. Было тутъ также нѣсколько пожилыхъ важныхъ баръ, въ мундирахъ и со звѣздами. Появился въ дверяхъ митрополитъ въ дорогомъ шелковомъ темномъ подрясникѣ, всѣ встали, произошло снова благословеніе и цѣлованіе руки, потомъ всѣ сѣли. Молодые служки стали разносить чай, дамы хвалили службу, при которой только что присутствовали, хвалили хоръ митрополичьихъ пѣвчихъ, рѣчь шла еще о здоровьѣ нѣкоторыхъ барынь, потому-то и потому-то не могшихъ сегодня присутствовать на литургіи. Я все сидѣлъ въ глубокомъ молчаніи, на стулѣ у окна, смотрѣлъ и слушалъ. Минутъ черезъ 20, всѣ уже, одни за другими, разъѣхались. Мы наконецъ остались вдвоемъ (ушла тоже и моя тетка). Тогда митрополитъ ласково сказалъ мнѣ: «Ну поди сюда, сядь возлѣ меня,—что̀ тебѣ надо спросить у меня?» Я разсказалъ ему подробно все наше дѣло, какъ оно было, и, утаивъ про прочихъ архіереевъ и протопоповъ, сказалъ только, что вотъ, въ такой крайности, мы всѣ, разомъ, рѣшились «прибѣгнуть къ помощи и разъясненію его высокопреосвященства, какъ высшаго духовнаго свѣтила всего нашего отечества». Такія заявленія, прямо въ лицо, намъ были не въ диковинку: мой пріятель Замятнинъ, какъ-то ѣхавши по желѣзной дорогѣ въ Царское Село, скоро послѣ ея открытія, въ 1838 году, случайно сидѣлъ рядомъ со Сперанскимъ; тотъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ, какъ съ правовѣдомъ (тогда нашимъ училищемъ всѣ интересовались) и постарался ловко наговорить всякихъ комплиментовъ Сперанскому, какъ творцу Свода Законовъ. «Да развѣ вы меня знаете?» спросилъ, улыбаясь и немножко гнуся, Сперанскій, по всегдашнему очень просто одѣтый. «Кто не знаетъ русскаго Требоніана?» отвѣчалъ галантерейно Замятнинъ, и Сперанскій остался, повидимому, очень доволенъ. Но на этотъ разъ мои комплименты духовному владыкѣ не достигли ожидаемаго результата. Митрополитъ разсердился. Его кроткіе, глубоко впалые глаза, столько мнѣ всегда нравившіеся на его желтомъ исхудаломъ лицѣ, зажглись огнемъ, исчезъ тотъ тихій и милый голосъ, какимъ онъ говорилъ съ графинями и произносилъ церковныя слова со своего амвона, этотъ голосъ замѣнился тономъ сердитымъ и немножко даже грознымъ. «Что̀-жъ это вы вздумали? заговорилъ онъ, я долженъ рѣшать вамъ, мальчишкамъ, задачи для вашихъ классовъ?

Мои слова должны потомъ идти на судъ вашего законоучителя? Да подумали-ли вы, къ кому вы шли? И позволительны-ли такія выдумки?» Я молчалъ. Митрополитъ прошелся раза два по комнатѣ, все продолжая сердиться и выговаривать мнѣ и «всѣмъ намъ». Но когда первый пылъ у него прошелъ, я самымъ тихимъ и почтительнымъ голосомъ сказалъ, что мы думали, что какъ бы ни худъ былъ нашъ резонъ, но мы считали себя счастливыми, что случай привелъ насъ обратиться къ высшему святителю и духовному просвѣтителю Россіи, и твердо надѣялись, что намъ, какіе мы ни маленькіе люди, все-таки не будетъ отказано въ той пастырской помощи, которую онъ одинъ на цѣломъ свѣтѣ можетъ намъ подать. Не знаю, отъ моихъ ли словъ, или вслѣдствіе своего собственнаго размышленія, но митрополитъ Филаретъ мало по малу смягчился, пересталъ на меня кричать, лицо и глаза приняли прежнее выраженіе, онъ сѣлъ на диванъ, и сказалъ: «Ну хорошо, садитесь. Я вамъ скажу, что̀ вы спрашиваете; но слушайте хорошенько, и вѣрно передайте вашимъ товарищамъ». Я, съ раскраснѣвшимися щеками, и порядочно-таки взволнованный, сталъ слушать тихую рѣчь, плавно и краснорѣчиво лившуюся,—съ такимъ чувствомъ преданности, благодарности и почтенія, какъ будто бы который нибудь изъ отцовъ церкви въ эту минуту собственною особою возвратился въ міръ и вѣщаетъ мнѣ глубочайшія откровенія. Когда митрополитъ кончилъ, онъ спросилъ: „Вы все поняли, вы все запомнили, что̀ я вамъ говорилъ?"—„Все, ваше высокопреосвященство", отвѣчалъ я, съ такимъ увлеченіемъ, и такимъ голосомъ, которые повидимому были пріятны владыкѣ. „Ну, такъ повторите", сказалъ онъ. Я повторилъ, и такъ вѣрно, такъ акуратно, такъ полно, что митрополиту Филарету пришлось подправить и пополнить очень немногое. Тогда онъ меня благословилъ и сказалъ, на прощанье, нѣсколько любезныхъ словъ про наше училище, какъ онъ его любитъ и какъ много ожидаетъ отъ него въ будущемъ. Я выбѣжалъ изъ Троицкаго подворья, самъ себя не помня отъ радости послѣ такого блестящаго успѣха моей экспедиціи, не зналъ, какъ дождаться вечера и возвращенія въ училище, и только разсказалъ всю сцену съ митрополитомъ своему отцу, повѣренному всѣхъ моихъ тайнъ и вообще всего мнѣ самаго важнаго. Онъ качалъ головой, удивлялся нашей вѣтренной, но отважной затѣѣ, но въ концѣ концовъ все-таки былъ, кажется, доволенъ. Вечеромъ, когда мы всѣ снова сошлись вмѣстѣ, оказалось, что и другіе наши товарищи имѣли столько же успѣха, какъ и я. Всѣ воротились съ отвѣтами отъ своихъ архіереевъ и протопоповъ. Въ понедѣльникъ, рано утромъ, мы раздѣлили отвѣты на 7—8 групъ, измѣнивъ ихъ понемножку у каждаго, въ родѣ варіацій, и когда

пришелъ батюшка въ классъ, подали ему наши отвѣты, довольно-таки разнообразные. Но что̀ же оказалось? Нашъ батька прочиталъ ихъ, и съ сердцемъ объявилъ, что опять „все не такъ", и ни одного толковаго слова нѣтъ во всемъ, что̀ мы написали. Затѣмъ, ничего путнаго уже отъ насъ болѣе не ожидая, онъ разсказалъ намъ свое рѣшеніе вопроса, сойдя съ каѳедры, и прохаживаясь, по своему обыкновенію, вдоль всего класса, отъ стѣны до стѣны, впереди нашихъ столовъ и скамеекъ. Ничего не разумѣя въ богословскихъ дѣлахъ и тонкостяхъ, да признаться сказать, и мало ими интересуясь, мы не могли рѣшить: кто болѣе правъ, архіерей-ли, или нашъ наставникъ по духовнымъ дѣламъ, но удивлены были не мало. Незадолго до выпуска, мы разсказали всю исторію, во всѣхъ подробностяхъ М. И. Богословскому, и онъ хохоталъ до слезъ, говоря: „Вотъ какіе негодные мальчишки! Съ ними просто бѣда! Вонъ что̀ затѣяли!"

Что касается музыкальной части, то она, въ теченіи трехъ послѣднихъ лѣтъ пребыванія моего въ училищѣ (1840—1843) была еще въ бо̀льшемъ процвѣтаніи, чѣмъ прежде. Количество „музыкантовъ" все болѣе и болѣе увеличивалось, и въ продолженіе рекреацій цѣлаго дня, все училище наполнено было музыкальными звуками, отъ одного конца до другаго. Играли на множествѣ фортепіанъ, на скрипкахъ, флейтахъ, віолончеляхъ, валторнахъ, контрбасахъ, не только въ однихъ дортуарахъ, но даже въ залѣ гимнастики, въ разныхъ закоулкахъ по корридорамъ,—рѣшительно уже мѣста не хватало для всѣхъ учащихся и экзерцирующихся. Концертовъ у насъ иногда бывало по два въ зиму, вмѣсто одного: на одномъ не успѣвали проявиться всѣ наши таланты, и притомъ-же столько сыпалось похвалъ нашимъ концертамъ со стороны родственниковъ! Что̀ лично до меня касается, то я, въ своей великой ревности къ музыкѣ, бралъ уроки разомъ у двухъ учителей: въ училищѣ—у Гензельта (начиная съ 1838 года, т. е. почти съ самаго пріѣзда его въ Россію; онъ тутъ тотчасъ-же былъ представленъ нашему принцу и сталъ учить въ училищѣ «лучшихъ» изъ тогдашнихъ нашихъ фортепіанистовъ); по воскресеньямъ же я бралъ еще уроки у Герке, и для этого отправлялся къ нему на домъ, у Михайловскаго дворца, въ домѣ Жербина, прямо изъ училища, послѣ обѣдни. Это были два музыкальныхъ преподавателя совершенно въ разныхъ родахъ, и ни чуть не похожіе другъ на друга. Гензельтъ былъ болѣе по части классицизма, но съ прибавкой собственныхъ сочиненій; Герке былъ скорѣе на сторонѣ всей новой музыки, и никогда не заставлялъ играть собственныхъ сочиненій, хотя ихъ были у него груды, и онъ иногда проигрывалъ своимъ ученикамъ то который нибудь свой громадный концертъ, то элегію, то Impromptu или этюду. У Герке мы играли

этюды Мошелеса, позже—Шопена; у Гензельта спасенія не было отъ Крамера, на которомъ онъ всѣхъ своихъ учениковъ душилъ въ продолженіи долгихъ лѣтъ, но съ прибавкой которыхъ нибудь собственныхъ этюдъ: «Si oiseau étais, à toi je volerais», «Prière après la tempête» и т. д. Впрочемъ онъ давалъ намъ еще играть, иной разъ, въ видѣ фортепіанныхъ этюдъ, «Clavecin bien tempéré», Баха. По части пьэсъ, у Герке мы играли нерѣдко Тальберга (наприм. фантазію на «Норму», на «Donna del Lago», и на разныя другія современныя оперы), иногда играли Листа (наприм. «Galop chromatique», великолѣпное переложеніе «Erlkönig»'а Шуберта, его же марши, нѣкоторые этюды и фантазіи на новыя оперы), у Гензельта ничего этого никогда не бывало въ репертуарѣ нашемъ: надо было вѣчно играть Гуммелевы «Septuor», «Trio», концертъ, фантазію на Оберона, либо сочиненія самаго Гензельта: «Poême d'amour», «Rhapsodie», „Wiegenlied“ и т. д. Листа и Тальберга Гензельтъ рѣшительно не признавалъ, и вовсе не хотѣлъ знать, считая вмѣсто нихъ величайшимъ композиторомъ сухаго формалиста Гуммеля, и говоря про него, нерѣдко, что онъ такъ великъ, такъ великъ, что ему тѣсна рамка одного только фортепіано, и по настоящему ему слѣдовало бы сочинять оперы и симфоніи. Герке проповѣдывалъ „jeu perlé“, разсыпающіеся жемчугомъ пассажи, точность и элегантность, и всего болѣе любилъ, куря длинный свой черешневый чубукъ, повторять вѣчную фразу, что хорошій піанистъ долженъ быть какъ хорошій кучеръ: и сдерживать лошадей, подобравши крѣпкой рукой поводья, а тоже подчасъ дать имъ порядочнаго кнута. Гензельтъ, вмѣсто того, всего болѣе настаивалъ на растягиваньи пальцевъ и руки, и для этого принуждалъ всѣхъ своихъ учениковъ покупать себѣ „нѣмое фортепіано“, т. е. маленькій ящикъ съ клавишами, но безъ струнъ, и на этихъ то нѣмыхъ инструментахъ мы потихоньку стучали у себя въ сквозномъ столѣ часто въ продолженіе многихъ классовъ, дѣлая гаммы и растягивая пальцы. Ни мы, ни Гензельтъ, тогда еще не знали презрительнаго и глубоко-правдиваго отзыва Шумана объ этихъ орудіяхъ пытки: «Изобрѣтены нынче такъ называемыя нѣмыя клавіатуры; испробуй ихъ, чтобъ убѣдиться, что онѣ никуда не годятся. У нѣмаго нельзя научиться говорить» (Musical. Haus-u. Lebensregeln). Шумана Гензельтъ вовсе даже и не зналъ, или не хотѣлъ знать, точно будто его и на свѣтѣ не существовало, нужды нѣтъ, что въ 1840 году Шуманъ собственною персоною пріѣзжалъ въ Петербургъ, и, въ домѣ у графа Віельгорскаго, исполнялъ оркестромъ или на фортепіано нѣкоторыя изъ самыхъ геніальныхъ своихъ созданій. Но пребываніе Шумана въ Петербургѣ не оставило по себѣ никакихъ слѣдовъ, о немъ никто даже тогда и не говорилъ,

и объ этомъ пріѣздѣ мы узнали только впослѣдствіи, изъ его біографіи и переписки. Напротивъ того, Герке слѣдилъ за всѣмъ новымъ въ музыкальномъ дѣлѣ, и я, именно благодаря ему, слышалъ и зналъ не только всѣ новыя фортепіанныя сочиненія того времени, множество пьесъ и этюдъ Тальберга и Листа, но даже и Шопена и Шумана. Моя старшая сестра, Софья, также какъ и я, брала уроки у Герке, играла прекрасно, и, въ числѣ новыхъ вещей, середины или конца 30-хъ годовъ, Герке ей давалъ играть концертъ Шопена E-Moll, и фантазію Шумана C-Dur, и самъ часто ихъ исполнялъ, въ видѣ примѣра ученицѣ своей: я былъ уже и тогда въ великомъ восхищеніи отъ этихъ пьесъ, хотя и не зналъ хорошенько, что́ это за такой Шуманъ, у котораго оказываются вдругъ созданія съ такой изумительной новизной и поэзіей, съ такими своеобразными формами, столь мало похожими на сухихъ Гуммелей и на сентиментальныхъ Гензельтовъ, какихъ мнѣ приходилось всего болѣе играть. На фантазіи C-Dur остановилось тогда все мое знакомство, остальнаго Шумана я началъ узнавать не ранѣе какъ 15 лѣтъ спустя, въ 1855 г., послѣ моего возвращенія изъ чужихъ краевъ. При такой разности направленія, нотнаго репертуара и ученья, казалось-бы, все преимущество на сторонѣ Герке, и ничего хорошаго не оставалось за уроками Гензельта. И однако же на дѣлѣ выходило не такъ: у Герке всѣ мы поучались только хорошей, чистой, аккуратной, выразительной и приличной техникѣ, все остальное, въ томъ числѣ извѣстное поэтическое настроеніе, элегантность, колоритность и художественное разнообразіе — всего этого требовалъ и старался развить въ насъ только Гензельтъ. Онъ самъ много намъ игралъ въ каждомъ классѣ, въ тѣ минуты, когда не бѣсился на насъ и не бранился на всѣ манеры, на баварскомъ своемъ жаргонѣ, и когда не билъ насъ по пальцамъ длиннымъ карандашомъ.

Съ конца 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ, мы стали слышать, даже не выходя изъ училищной сферы, гораздо болѣе музыки и музыкальныхъ исполнителей, чѣмъ прежде. Всѣ пріѣзжія тогда музыкальныя знаменитости играли и пѣли во дворцѣ у принца, и лучшихъ нашихъ музыкантовъ всегда водили на эти музыкальные вечера. Къ Пошману также всегда приглашали, на счетъ принца, лучшихъ изъ пріѣзжихъ солистовъ, «для образованія и развитія нашего вкуса и понятій», и мы такимъ образомъ слышали Тальберга (еще въ 1838 г.), Пасту, Росси, Липинскаго, Ольбулля, Дрейшока, Леопольда Майера и многихъ другихъ. Липинскій, какъ сейчасъ помню, игралъ у Пошмана на квартирѣ одинъ, безъ всякаго аккомпанимента, сидя посреди большой и низенькой залы директорской, и

какъ ни скученъ и ни бѣденъ звукъ уединенной скрыпки, все-таки мы были изумлены и приведены въ восхищеніе широкимъ, величавымъ тономъ, благородствомъ выраженія Липинскаго. Дрейшокъ былъ необыкновенно сухъ и деревяненъ, скученъ до неимовѣрности, но каждаго онъ поражалъ своей игрой на фортепьяно одной лѣвой рукой: тутъ техника у него была развита до изумительной степени. Леопольдъ Майеръ, хотя и блестящій піанистъ, поразилъ насъ только своимъ турецкимъ «маршемъ» (Osmanie), только что вывезеннымъ изъ Константинополя, и развозимымъ по цѣлой Европѣ: этотъ восточный элементъ былъ для насъ новинкой. Но главными предметами нашего восхищенія были: Тальбергъ, Росси и Паста. Въ тѣ времена Тальбергъ считался по всей Европѣ ровней и соперникомъ Листа, не только по сочиненію, но и по исполненію.

Мы, конечно, вполнѣ этому вѣрили. Не слыхавъ еще Листа, мы приходили въ безпредѣльный восторгъ отъ игры Тальберга—конечно, до тѣхъ поръ мы ничего подобнаго еще не слыхали, да, впрочемъ, и дѣйствительно, способъ игры и выраженія Тальберга, способъ употребленія имъ фортепіано, были совершенно новы и своеобразны, быть можетъ всего болѣе благодаря изумительнымъ усовершенствованіямъ въ фортепіанной конструкціи, произведеннымъ Эраромъ въ Парижѣ, а Тальбергъ тотчасъ-же воспользовался новооткрытыми способностями фортепіано, и направилъ къ тому всѣ свои сочиненія. Тягучесть тона въ мелодіяхъ, блескъ и легкость въ пассажахъ, окружавшихъ мелодію какъ кружево, и сыпавшихся золотистыми каскадами—это было ослѣпительно для всей тогдашней Европы, разумѣется выходило таковымъ и для насъ. Услыхавъ разъ Тальберга у принца, мы всѣ, училищные музыканты, выпрашивали себѣ потомъ отпуски на многіе его концерты въ Большомъ театрѣ или Энгельгардовой залѣ. Въ одномъ изъ нихъ мы были вмѣстѣ съ А. Н. Сѣровымъ, въ ложѣ, оба были одинаково восхищены, и (какъ читатель можетъ увидѣть изъ напечатанныхъ мною писемъ Сѣрова) мы оба продолжали восторгаться Тальбергомъ вплоть до самаго пріѣзда Листа въ 1842 году. Паста была уже почти старуха, когда пріѣхала въ Петербургъ, и часто фальшила своимъ натруженнымъ и попорченнымъ голосомъ. Но въ ея натурѣ присутствовала глубоко-трагическая сила, соединенная съ необыкновенною страстностью; въ добавокъ къ тому она была изумительно-превосходная актриса, пластика игры у ней была поразительна по красотѣ и силѣ, и хотя она исполняла все только старинную итальянскую дребедень, въ родѣ «Семирамиды» Россини и «Анны Боленъ» Доницетти, но мы были отъ нея въ восторгѣ, и она у насъ осталась на всегда въ памяти, какъ типъ, никѣмъ не превзойденный, великаго

трагическаго исполненія.—Графиня Росси была нѣчто совершенно противоположное. На сценѣ мы ея никогда не слыхали, она была теперь уже не Генріэтта Зонтагъ, а жена итальянскаго посланника Росси, о сценѣ давно уже забыла, проводила время во дворцахъ и аристократическихъ салонахъ, но все-таки иной разъ участвовала въ благотворительныхъ концертахъ Патріотическаго общества, гдѣ участвовали еще и другія княгини и графини; но, не смотря на все это, она сохранила всю свою ангельскую, чисто рафаэлевскую красоту и грацію выраженія, и Сѣровъ, всего прежде всегда наклонный къ граціозному въ искусствѣ, сходилъ отъ нея положительно чуть не съ ума. Много подробностей объ ея пѣніи и исполненіи читатель найдетъ въ восторженныхъ письмахъ Сѣрова ко мнѣ изъ періода 1841 года.

VII.

Пріѣздъ Листа въ Петербургъ, въ 1842 году, былъ для меня съ Сѣровымъ сущее міровое событіе. У насъ воображеніе было сильно настроено заранѣе, послѣ всего читаннаго и слышаннаго о Листѣ, но впечатлѣніе, произведенное на насъ имъ самимъ, было въ тысячу разъ сильнѣе всего, что мы могли предвидѣть. Необычайно дѣйствовалъ на насъ уже и составъ его концертовъ: почти всегда онъ игралъ совершенно одинъ, безъ всякаго оркестра, и безъ всякихъ помощниковъ, собою однимъ наполняя весь концертъ—это была тогда совершенная новость въ Европѣ. Но въ добавокъ къ тому, онъ являлся въ концертъ съ такимъ разнообразіемъ исполняемыхъ сочиненій, о какомъ никто до него не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Концертъ Листа являлся (тоже совершенная новость тогда!) сущей исторической выставкой музыкальнаго творчества. Онъ игралъ заразъ и старинныхъ сочинителей, Баха, Генделя, и разныхъ старыхъ итальянцевъ, и народныя мелодіи и мастерскія переложенія изъ ста плохихъ оперъ, и вальсы и марши Шуберта, и безчисленныя пьесы Шопена, и фортепіанныя сочиненія Вебера, множество собственныхъ сочиненій, множество самыхъ негодныхъ заплеснѣвшихъ ковыляній Гуммеля, Пиксиса, Калькбреннера и имъ подобныхъ, но рядомъ тоже—и крупные отрывки изъ величайшихъ созданій Бетховена и Берліоза (одного Шумана онъ, какъ и Гензельтъ, никогда не игралъ, кромѣ періода самыхъ юношескихъ лѣтъ своихъ въ Парижѣ). Все это вмѣстѣ являлось какой-то громадной эклектической массой, гдѣ самое дрянное и ничтожное было перемѣшано съ геніальнымъ, заставляя удивляться неразборчивой «всеядности» Листа—изумительная игра природы!—но что-же

дѣлать, когда только цѣною этой неразборчивости и безвкусія выигрывались тоже и изумительные алмазы, какихъ не было ни у одного піаниста. Мы въ концертахъ Листа впервые услыхали цѣлый міръ намъ невѣдомыхъ музыкальныхъ твореній, множество такого, чѣмъ гордится исторія музыкальнаго искусства за всѣ времена своего существованія, но какъ это исполнялось! Такъ какъ можетъ исполнять только величайшій музыкальный геній, создавшій изъ фортепіано невѣдомую и неслыханную вещь—цѣлый оркестръ, и играющій на этомъ оркестрѣ какъ съ сотворенія міра еще никто не игралъ.

Въ день перваго концерта Листа, 8 апрѣля 1842 г., мы оба съ Сѣровымъ уже часа за два до концерта, назначеннаго въ 2 часа дня, забрались въ залу Дворянскаго собранія, я—въ своемъ мундирѣ съ золотыми петлицами, Сѣровъ—въ свѣтло-коричневомъ длиннополомъ фракѣ съ свѣтлыми металлическими пуговицами, на распашку. Съ первой же минуты мы были поражены необычайнымъ видомъ залы. Была поставлена маленькая четырехъ-угольная эстрада на самой серединѣ залы, между царской ложей и большой противуположной ей ложѣ (называвшейся тогда «дипломатической», такъ какъ на парадныхъ балахъ и концертахъ тамъ всегда сидѣлъ «дипломатическій корпусъ»). На этой эстрадѣ помѣщалось два рояля, концами врозь, и два стула передъ ними: ни оркестра, ни инструментовъ, ни нотъ, никакихъ другихъ музыкальныхъ приготовленій во всей залѣ не было видно. Скоро зала стала наполняться, и тутъ я увидалъ, въ первый разъ своей жизни—Глинку. Это была маленькая приземистая фигурка, съ вихромъ на головѣ и гладко подстриженными бакенбардами, въ черномъ фракѣ, застегнутомъ до верху, съ раздутыми ноздрями и поминутно приподнимаемою вверхъ головою, со сдвинутыми бровями и остро смотрящими глазами, съ лицомъ и головой, вообще очень похожими на бюстъ, сдѣланный Степановымъ. Мнѣ его указалъ Сѣровъ, который незадолго до того съ нимъ познакомился, и, конечно, поспѣшилъ подойти къ нему, съ улыбками, вопросами и рукопожатіями. Однако Глинка не долго съ нимъ распространялся; его стала кликать одна знакомая дама, сухая и старая, какъ говорили, отличная тогдашняя піанистка—m-me Палибина. Я протѣснился и сталъ подлѣ: мнѣ до крайности интересно было услыхать и увидать собственными глазами, что̀ это за птица такая—Глинка, котораго оперу «Жизнь за царя» я мало любилъ (изъ за плаксиваго и ноющаго Вани, но именно болѣе всего, кажется, всѣмъ тогда нравившагося), а все-таки про автора я поминутно слышалъ и отъ Сѣрова и въ семействѣ Александровыхъ, гдѣ Глинка тогда часто бывалъ. Разговоръ шелъ громкимъ голосомъ, ничуть не интимный, и потому мнѣ казалось ничуть не

предосудительнымъ услыхать изъ него кое-что. Началось съ милыхъ упрековъ, зачѣмъ такъ давно не видать m-r Glinka, а она вѣдь живетъ такъ близко, такъ удобно, въ самомъ почти центрѣ города, вотъ тутъ рядомъ на Михайловской площади. Глинка разсыпался въ учтивостяхъ по французски, немного наклоняясь къ креслу своей дамы, и тутъ же оживленно повертывался на всѣ стороны, и, заложивъ палецъ за пуговицу фрака, объявлялъ, что никакъ не можетъ, некогда, кончаетъ свою оперу. «Ah, ce sera un opéra délicieux», объявляла m-me Palibine, пожимаясь на своемъ креслѣ, никогда не забуду, какъ вы у насъ пѣли романсъ или пѣсню.... comment appellez vous cela, этого... этого... Финна!»—Баллада, поправилъ Глинка,—«Oui, c'est admirable», лепетала m-me Palibine, поглядывая въ лорнетъ по залѣ. «Et vous êtes déja bien avancé, m-r Glinka, avec votre opéra?»—Я кончаю восточные танцы въ III-мъ актѣ. Imaginez, madame, ces maudites danses me donnent bien plus de peine que mes plus grands morcaux.»—«Ah, je sais, je sais, votre «Gorislawa», charmante, charmante! Je l'ai aussi entendue executée par vous-même, vous vous rappelez»..., повторяла мадамъ Палибинъ, продолжая водить лорнетомъ по залѣ. Потомъ она стала разспрашивать о разныхъ подробностяхъ оперы, и Глинка отвѣчалъ какъ-то вяло и неохотно, но въ это время сдѣлался какой-то шумъ въ залѣ, всѣ повернулись въ одну сторону, и мы увидали Листа, прохаживающаго по галлереѣ за колоннами, подъ ручку съ толстопузымъ графомъ Мих. Юрь. Віельгорскимъ, который медленно двигался, вращая огромными выпученными глазами, въ завитомъ à la Аполлонъ Бельведерскій кудрявомъ парикѣ и въ громадномъ бѣломъ галстухѣ. Листъ былъ тоже въ бѣломъ галстухѣ, поверхъ котораго красовался у него на шеѣ орденъ Золотой Шпоры, незадолго передъ тѣмъ данный ему папой, съ какими то еще орденами, на цѣпочкахъ, на отворотѣ фрака. Онъ былъ очень худощавъ, держался сутуловато, и хотя я много читалъ про его знаменитый «флорентинскій профиль», дѣлавшій его будто бы похожимъ на Данта, я ничего не нашелъ хорошаго въ его лицѣ. Мнѣ уже сильно не понравилась эта манія орденовъ, а потомъ, точно также мало нравилось его приторное и изысканное обращеніе со всѣми встрѣчавшимися. Но что сильно поражало—это громадная бѣлокурая грива на головѣ. Такихъ волосъ никто не смѣлъ тогда носить въ Россіи, они были здѣсь строжайше запрещены. Тотчасъ пошелъ глухой говоръ по залѣ, замѣчанія и отзывы про Листа. У моихъ сосѣдей разговоръ, на минуту прерванный, снова завязался. Мадамъ Палибина спрашивала Глинку, слышалъ ли онъ уже Листа. Тотъ отвѣчалъ, что да, слышалъ, еще вчера вечеромъ, у графа Віельгорскаго. «Ну и что же,

какъ вы его нашли?» спрашивала неотвязная знакомая. И тутъ я пришелъ въ неописанное изумленіе и негодованіе: Глинка, безъ малѣйшаго затрудненія отвѣчалъ, что иное Листъ играетъ превосходно, какъ никто въ мірѣ, а иное пренесносно, съ префальшивымъ выраженіемъ, растягивая темпы, и прибавляя къ чужимъ сочиненіямъ, даже къ Шопену и Бетховену, Веберу и Баху, множество своего собственнаго, часто безвкуснаго и никуда негоднаго, пустѣйшихъ украшеній. Я былъ ужасно скандализированъ. Ка̀къ! вотъ ка̀къ смѣетъ отзываться о великомъ геніальномъ Листѣ, отъ котораго съума сходитъ вся Европа, какой то нашъ «посредственный» русскій музыкантъ, еще ничѣмъ особеннымъ себя не заявившій! Я былъ ужасно сердитъ, мадамъ Палибина тоже, кажется, не совсѣмъ то расположена была раздѣлять мнѣніе Глинки, и смѣясь говорила: «Allons donc, allons donc, tout cela ce n'est que rivalité de métier!» Глинка тоже смѣясь и пожимая плечами, отвѣчалъ: «Какъ вамъ угодно!» но въ эту минуту Листъ сошелъ съ галлереи, протѣснился сквозь толпу и быстро подошелъ къ эстрадѣ; но вмѣсто того, чтобы подняться по ступенькамъ, вскочилъ сбоку прямо на возвышеніе, сорвалъ съ рукъ бѣлыя свои лайковыя перчатки и бросилъ ихъ на полъ, подъ фортепьяно, раскланялся на всѣ четыре стороны при такомъ громѣ рукоплесканій, какого въ Петербургѣ съ самаго 1703 году еще навѣрное не бывало, и сѣлъ. Мгновенно наступило въ залѣ такое молчаніе, какъ будто всѣ разомъ умерли, и Листъ началъ віолончельную фразу увертюры «Вильгельма Телля» безъ единой ноты прелюдированія. Кончилъ свою увертюру, и пока зала тряслась отъ громовыхъ рукоплесканій, онъ быстро перешелъ къ другому фортепіано, и такъ мѣнялъ рояль для каждой новой пьесы, являясь лицомъ то одной, то другой половинѣ залы. Въ этомъ же своемъ концертѣ Листъ игралъ еще Andante изъ «Лучіи», переложеніе «Аделаиды» Бетховена", свою фантазію на Моцартова «Донъ-Жуана», и взаключеніе всего — очень плохой и ничтожный по музыкѣ, но увлекательный по ритму и курьезный по гармоніямъ свой «Galop chromatique». Мы съ Сѣровымъ были послѣ концерта какъ помѣшанные, едва сказали другъ другу по нѣскольку словъ, а поспѣшили каждый домой, чтобъ поскорѣе написать одинъ другому свои впечатлѣнія, свои мечты, свои восторги: на единѣ съ бумагой, чернильницей и перомъ вѣдь намъ казалось гораздо лучше, превосходнѣе, возможнѣе, чѣмъ прямо въ лицо одинъ другому, высказывать что̀ намъ нужно было и что̀ кипѣло внутри. Тутъ мы, между прочимъ, клялись одинъ другому, что этотъ день 8-го апрѣля 1842 года отнынѣ и на вѣки намъ священъ и до самой гробовой доски мы не забудемъ ни одной его черточки.

Мы были какъ влюбленные, какъ бѣшеные. И не мудрено. Ничего подобнаго мы еще не слыхивали на своемъ вѣку, да и вообще мы никогда еще не встрѣчались лицомъ къ лицу съ такою геніальною, страстною, демоническою натурою, то носившеюся ураганомъ, то разливавшеюся потоками нѣжной красоты и граціи. Впечатлѣніе отъ Листовой игры было рѣшительно подавляющее даже тогда, когда онъ игралъ такія плохія вещи, какъ «Аделаида» Бетховена, или фаворитное у всѣхъ европейскихъ публикъ Andante изъ «Лучіи». Во 2-мъ концертѣ всего замѣчательнѣе явились у него мазурки Шопена и «Erlkönig», Шуберта—этотъ послѣдній въ его собственномъ переложеніи, но исполненный такъ, какъ навѣрное никогда не исполнялъ еще ни одинъ пѣвецъ въ мірѣ. Это была настоящая картина, полная поэзіи, таинственности, волшебства, красокъ, лошадинаго грознаго топота, чередующагося съ отчаяннымъ голосомъ умирающаго ребенка. Я думалъ, что никогда на своемъ вѣку не услышу больше ничего подобнаго, и однако вышло, что я жестоко ошибался: въ послѣдствіи я слышалъ много разъ и «Erlkönig'а», и мазурки Шопена въ исполненіи Рубинштейна, и долженъ былъ признаться, что тутъ Рубинштейнъ ни на единую іоту не уступалъ Листу. Но чего не далъ мнѣ никогда Рубинштейнъ, не смотря на всю геніальную талантливость своей игры (когда исполнялъ созданія Шопена и Шумана), это такого выполненія, на фортепіано, симфоній Бетховена, какое мы слышали въ концертахъ Листа. Рубинштейнъ, притомъже, никогда не бралъ себѣ задачею выполнять однимъ фортепіаномъ великія оркестровыя созданія, его задача была всегда болѣе сжатая и тѣсная: однѣ фортепіанныя пьесы.—Во 2-мъ концертѣ своемъ (11 апрѣля) Листъ сыгралъ всю вторую половину «Пасторальной симфоніи»: онъ началъ съ „пляски крестьянъ", потомъ воспроизвелъ ни съ чѣмъ несравнимую Бетховенскую „бурю", наконецъ—весь финалъ симфоніи. Мы съ Сѣровымъ этой симфоніи еще вовсе не знали, и оттого наше изумленіе, наша радость, наши восторги были тѣмъ неожиданнѣе и тѣмъ больше. Впослѣдствіи, мнѣ еще одинъ только разъ въ жизни привелось услыхать это скерцо и бурю въ подобномъ же исполненіи: это когда Берліозъ сыгралъ ихъ, въ Петербургѣ, на оркестрѣ. Ну, да вѣдь Листъ и Берліозъ, это были два родные братца по генію и глубокой поэзіи!—Въ третьемъ своемъ концертѣ (22 апрѣля), въ залѣ Энгельгардтъ, Листъ игралъ „Concertstück" Вебера и сонату Бетховена „Sonata quasi fantasia". Обѣ вещи были для насъ съ Сѣровымъ совершенно новыя. Какъ онѣ были сыграны—про то нечего и говорить. Но въ „Concertstück" насъ всего болѣе поразило, какъ Листъ распорядился съ маршемъ, стоящимъ посрединѣ

пьесы. Его исполняетъ одинъ оркестръ, сначала pianissimo, потомъ, во всемъ блескѣ, и со всею оркестровою силою. Листъ далъ сыграть первую половину оркестру, но потомъ, точно выхвативъ у него всѣ инструменты изъ рукъ, перебилъ его, и сыгралъ оркестровый tutti—одинъ, безъ единой ноты оркестра, но съ такою колоссальной силой, съ такимъ блескомъ и увлеченіемъ, что никогда бы, кажется, никакому оркестру за нимъ не угоняться и не достигнуть его страсти, величія, подавляющій энергіи. Но еще болѣе поразило меня въ это утро „Sonata quasi fantasia", которую я слышалъ въ первый разъ своей жизни. Это была та самая „драматическая музыка", о которой мы съ Сѣровымъ въ тѣ времена больше всего мечтали и поминутно обмѣнивались мыслями въ нашей перепискѣ, считая ее той формой, въ которую должна окончательно обратиться вся музыка. Мнѣ показалось, что въ этой сонатѣ есть цѣлый рядъ сценъ, трагическая драма: „въ 1-й части — мечтательная, кроткая любовь и состояніе духа, по временамъ наполненное мрачными предчувствіями; дальше, во второй части (въ Scherzo)—изображено состояніе духа болѣе покойное, даже игривое—надежда возрождается; наконецъ, въ третьей части—бушуетъ отчаяніе, ревность, и все кончается ударомъ кинжала и смертью» [1]). Сама-ли музыка и исполненіе Листа непосредственно дѣйствовали на меня съ громадной какой-то силой, или въ тотъ день мои нервы были слишкомъ сильно раздражены опасеніемъ не попасть въ этотъ концертъ, такъ какъ меня не пускали изъ училища, а когда отпустили, то было уже такъ поздно, что я, безъ денегъ поѣхалъ прямо въ концертъ, надѣясь встрѣтить при входѣ свою семью, и, значитъ, рисковалъ до послѣдней минуты, что ничто не состоится, и я постою-постою на подъѣздѣ, да тàкъ и ворочусь, въ невозможности войти въ залу—тàкъ или иначе, но я былъ до того возбужденъ и нервно раздраженъ въ этомъ концертѣ отъ мучительнаго слѣпаго страха, томленія, надеждъ, препятствія, и наконецъ внезапнаго исполненія страстнаго моего желанія, какъ никогда, мнѣ кажется, во всю жизнь ни въ какомъ концертѣ; а когда я услыхалъ, въ добавокъ ко всему, это страстное, глубоко-патетическое Бетховенское созданіе, «Sonata quasi fantasia», въ неподражаемомъ исполненіи Листа, я уже больше не въ состояніи былъ владѣть собою и разревѣлся истерично, сидя у себя на хорахъ, въ этой Энгельгардтовой залѣ, погруженной въ глубокое молчаніе. Сосѣди съ удивленіемъ и досадой посматривали на этого уморительнаго 18-ти лѣтняго правовѣда, ка-

---

[1]) См. письмо Сѣрова ко мнѣ отъ 26 апрѣля 1842, и мое къ нему: Примѣчаніе, „Русск. Старина" 1876, т. XVI, май.

жется уже не ребенка, разливающагося потоками горячихъ слезъ и прячущаго лицо на бархатномъ поручнѣ балкона, — состояніе духа, повидимому ничѣмъ особеннымъ не вызванное. Но именно это сильно потрясенное состояніе духа повлекло за собою, въ тотъ-же день, горячее письмо отъ меня къ Сѣрову, которое очень ему понравилось, и про которое онъ мнѣ напоминалъ даже много лѣтъ спустя, въ своихъ письмахъ и разговорахъ. Мы съ Сѣровымъ присутствовали послѣ того и на всѣхъ прочихъ концертахъ Листа, приходили въ безмѣрный восторгъ отъ всего имъ исполняемаго, и столько же безмѣрно радовались множеству доходившихъ до насъ разсказовъ о необыкновенной натурѣ Листа, о необычайномъ его владѣніи всѣми музыкальными средствами, наприм., разсказу о томъ, ка̀къ на вечерѣ у гр. Віельгорскаго онъ à livre ouvert игралъ многія мѣста изъ новой оперы «Русланъ и Людмила», которую видѣлъ въ первый разъ, и которую Глинка принесъ ему показать въ полной оркестровой партитурѣ. Каковъ былъ такой музыкантъ! Мы позабыли его и сравнивать съ какимъ-нибудь милымъ, элегантнымъ, но ординарнымъ Тальбергомъ. Одинъ былъ для насъ—недостижимый гигантъ, другой—только приличный салонный піанистъ. И мы, въ нашемъ энтузіазмѣ, взяли да написали пламенныя письма къ Листу. Сѣровъ самъ ихъ понесъ къ нему. Сѣрова ввелъ къ Листу и отрекомендовалъ нашъ общій знакомый, Герке, который былъ давно знакомъ съ Листомъ, и, въ своемъ добродушномъ, искреннемъ восхищеніи отъ него, проводилъ у него въ квартирѣ цѣлые дни, неразлучно съ нимъ. Листъ очень мило принялъ Сѣрова, прочелъ наши пламенныя письма та̀къ, ка̀къ всегда подобныя письма читаются — со снисхожденіемъ, самъ тотчасъ-же сталъ играть Сѣрову свою фантазію на «Донъ-Жуана», изъ которой дѣлалъ великолѣпный рядъ смѣняющихся картинъ, и потомъ распрощался съ нимъ, оставивъ въ немъ навѣки неизгладимое, ни съ чѣмъ несравненное чувство обожанія. Листъ не забылъ насъ обоихъ. Впослѣдствіи, спустя много лѣтъ, болѣе познакомясь съ Сѣровымъ, онъ ему напоминалъ про это первое наше знакомство, а въ 1869 году, когда я съ Листомъ встрѣтился въ Мюнхенѣ, и мы стали припоминать прежнія времена, онъ заговорилъ со мной и про нашу давнишнюю, пламенную юношескую выходку.

При такомъ обожаніи нашемъ къ Листу, мы были внѣ себя отъ негодованія, когда въ слѣдующемъ, 1843 году, постомъ, Листъ снова пріѣхалъ въ Петербургъ, и публика наша уже слишкомъ мало обратила на него вниманія. У публики была уже новая игрушка въ рукахъ, и гораздо болѣе для нея подходящая: итальянскіе пѣвцы и итальянская опера. Теперь уже Рубини всѣхъ сводилъ съ ума, такъ какъ

никто и ничто прежде. Глупѣйшее итальянское пѣніе, ложный паѳосъ, искусственная и совершенно условная страстность, отсутствіе всякой естественности, манежная выработанность и цѣлые потоки безвкусныхъ пасажей и фіоритуръ—все это было драгоцѣнно, мило и несравненно для толпы. О Листѣ никто больше и не думалъ. И мы отъ души ненавидѣли итальянцевъ, и всю ихъ нелѣпую музыку. Прежнее мое поклоненіе имъ, условленное первоначальнымъ моимъ полнымъ невѣжествомъ относительно всей остальной музыки, давно уже улетѣло какъ дымъ. Мы дѣлали единственное исключеніе—для Віардò, которая, не взирая на вѣчное свое исполненіе однѣхъ только «Сомнамбулъ» и прочей дребедени, была все-таки громадно-талантлива и дѣйствительно музыкальна. Но о нашемъ съ Сѣровымъ непримиримомъ отношеніи къ итальянизму, обуявшему Петербургъ съ 1843 года, мнѣ придется подробно говорить въ слѣдующихъ главахъ моей автобіографіи.

Въ послѣдніе годы моего пребыванія въ училищѣ правовѣдѣнія, наша переписка съ Сѣровымъ постоянно получала все болѣе и болѣе серьезное и дѣльное направленіе. Не только по одной музыкѣ, но также и по множеству другихъ предметовъ, интересовавшихъ насъ, мы выработывали и образовывали одинъ другаго. По нашему тогдашнему выраженію, мы «подсаживали» другъ друга вверхъ. О чемъ мы толковали тогда, тому слѣды остались въ уцѣлѣвшихъ (и напечатанныхъ) письмахъ Сѣрова ко мнѣ. Замѣчу здѣсь только, что я постоянно настаивалъ на томъ, чтобы онъ принимался пробовать себя въ сочиненіи, на чтò онъ, по всегдашней во всемъ робости и нерѣшительности, долго не смѣлъ отважиться, даромъ что его сильно тянуло къ композиторству—и наконецъ-таки рѣшился. Но онъ началъ Богъ знаетъ съ какихъ странныхъ сюжетовъ: съ „Rattenfänger"'а „Гёте!" Я былъ приведенъ въ необычайное удивленіе, кàкъ можно такой ничтожный, плоскій сюжетъ брать себѣ задачей, да еще въ первыя минуты позыва къ творчеству. Множество другихъ композицій, большихъ и малыхъ, затѣянныхъ Сѣровымъ въ это же время, остались почти всѣ только въ проэктахъ, а онъ самъ—при однихъ только слабосильныхъ потугахъ, въ чемъ онъ и самъ съ отчаяніемъ сознавался.

Кромѣ Бетховена, Берліоза, Листа и Глинки, которыми мы начинали тогда интересоваться, и которыхъ мы поминутно разбирали и анатомировали, на свой ладъ, въ письмахъ своихъ (Берліоза мы знали очень мало, по однимъ ф. п. переложеніямъ Листа, такъ какъ его сочиненій въ концертахъ нашихъ тогда еще не играли,)—кромѣ вообще музыки, мы съ Сѣровымъ много толковали, въ эту эпоху, и

про другія искусства. Всего болѣе про живопись, и въ ней всего болѣе про Брюлова, который тогда казался намъ (какъ и всей Россіи) величайшимъ художникомъ XIX-го вѣка и колосальнымъ геніемъ, двигавшимъ искуство на новые пути. Конецъ 30-хъ годовъ и начало 40-хъ было временемъ самой большой его плодовитости. Портретамъ, картинамъ и образамъ, выходившимъ поминутно изъ его мастерской, благодаря безчисленнымъ заказамъ, не было конца, и мы не пропускали, по возможности, ни одного великаго созданія великаго Брюлова безъ того, чтобъ добиться увидать его, а потомъ всласть и съ упоеніемъ наговориться о немъ лично и въ письмахъ. Я помню даже, что когда, въ 1840-мъ году, появилась въ Казанскомъ соборѣ, въ качествѣ запрестольнаго образа, знаменитая въ то время картина Брюлова: «Взятіе Божіей Матери на небо», то я, уже достаточно наэлектризованный ею незадолго передъ тѣмъ, на академической выставкѣ, дождался пасхи, когда царскія двери отворены, и каждое утро ранехонько бѣжалъ въ Казанскій соборъ, и дожидался, когда солнце придетъ съ этой стороны, и на нѣсколько часовъ ярко освѣтитъ мою драгоцѣнную картину, все остальное время дня погруженную въ глубокій мракъ, по совершенно негодному для картины расположенію оконъ. Тутъ я проводилъ нѣсколько часевъ въ безмятежномъ созерцаніи и ощущеніи великихъ красотъ поражавшей меня картины. Я возвращался домой къ утреннему чаю, совершенно счастливый и довольной собою. Точно также, много времени провелъ я тогда, по праздникамъ и на каникулахъ, въ созерцаніи «Распятія» Брюлова въ лютеранской церкви Петра и Павла на Невскомъ проспектѣ. Вся картина, въ своемъ цѣломъ, мнѣ и тогда не очень-то нравилась, по своей сентиментальной сухости и условности, но тѣло, и особенно грудь Христа написаны, дѣйствительно, съ неподражаемымъ рельефомъ, просто выходятъ изъ холста, и я на это любовался сильно. Впрочемъ, надо замѣтить, въ лютеранскую церковь меня часто влекла не одна картина Брюлова: сильной притягательной силой былъ еще громадный новый органъ, недавно привезенный изъ Лудвигсбурга, и въ тѣ времена очень красивый тономъ. Я скоро подружился съ органистомъ этой церкви, Билингомъ, который, правда, былъ несносенъ, когда исполнялъ собственныя сочиненія и фантазировалъ экспромтомъ, но часто игралъ, нарочно для меня, великолѣпнѣйшія фуги и прелюдіи Баха. Я тàкъ былъ внимателенъ и тàкъ прилежно разбиралъ и играемое, и играющаго, что Билингъ говаривалъ: «Для васъ стòитъ играть»!, и иногда по полу-часу продолжалъ играть для меня одного, когда уже вся толпа воскресныхъ нѣмцевъ и нѣмокъ разбрелась изъ церкви, и мы оста-

вались съ нимъ одни-одинехоньки на хорахъ. Я тутъ прослушалъ и узналъ много хорошаго, а выходилъ изъ церкви иногда совершенно потрясенный. не только исполненными сочиненіями, но даже и одними только несравненными, величавыми, колосальными звуками музыкальнаго мастодонта—органа.

Въ послѣдніе три года пребыванія въ училищѣ, нашъ классъ не только продолжалъ много читать, но читалъ все больше и больше. Время было такое, когда нельзя было не читать. Почти въ каждой новой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» появлялось одно или нѣсколько стихотвореній Лермонтова, отрывки изъ «Героя нашего времени», непремѣнно—одна большая статья Бѣлинскаго, и цѣлый рядъ мелкихъ, его разборы книгъ. Я помню, съ какою жадностью, съ какою страстью мы кидались на новую книжку журнала, когда намъ ее приносили, еще съ мокрыми листами, и подавали обыкновенно въ серединѣ дня, послѣ нашего обѣда. Тутъ мы брали книжку чуть не съ боя, перекупали одинъ у другаго право ее читать раньше всѣхъ; потомъ, всѣ первые дни, у насъ только и было разговоровъ, разсужденій, споровъ, толковъ, что о Бѣлинскомъ, да о Лермонтовѣ. Большинство чудныхъ мелкихъ пьесъ этого послѣдняго мы сейчасъ-же знали наизусть. Бѣлинскій-же былъ — рѣшительно нашимъ настоящимъ воспитателемъ. Никакіе классы, курсы, писанія сочиненій, экзамены и все прочее, не сдѣлали столько для нашего образованія и развитія, какъ одинъ Бѣлинскій, со своими ежемѣсячными статьями. Мы въ этомъ не различались отъ остальной Россіи того времени. Громадное значеніе Бѣлинскаго относилось, конечно, никакъ не до одной литературной части: онъ прочищалъ всѣмъ намъ глаза, онъ воспитывалъ характеры, онъ рубилъ, рукою силача, патріархальные предразсудки, которыми жила сплошь до него вся Россія, онъ издали приготавливалъ то здоровое и могучее интеллектуальное движеніе, которое окрѣпло и поднялось четверть вѣка позже. Мы всѣ—прямые его воспитанники.

Появленіе «Мертвыхъ душъ», въ концѣ лѣта 1842 года, было для насъ событіемъ необычайной важности. Эта книга пришла къ намъ въ руки въ концѣ лѣта, когда мы воротились съ каникулъ. Классы еще не начинались, нѣсколько дней оставалось совершенно свободными, и мы могли заниматься чѣмъ хотѣли—тѣмъ болѣе, что мы только что перешли въ 1-й, т. е. высшій классъ, получили шпаги, и были уже чѣмъ-то въ родѣ офицеровъ. Вотъ мы и употребили свободное время та̀къ, ка̀къ намъ было всего дороже: на прочтеніе залпомъ «Мертвыхъ душъ» всѣми нами вмѣстѣ, одной большой толпой, чтобъ

прекратить всѣ споры объ очереди. Время стояло чудесное, августъ былъ, въ тотъ годъ, жаркій, и мы всѣ полегли въ нашемъ классѣ, разстегнувъ куртки и снявъ галстухи, просто на полъ, а трое изъ насъ, Оголинъ, Замятнинъ и я, какъ лучшіе въ классѣ чтецы, взялись громко читать по очереди—и вотъ въ такомъ-то порядкѣ, мы въ продолженіи нѣсколькихъ дней, читали и перечитывали это великое, неслыханно-оригинальное, несравненное, національное и геніальное созданіе. Мы были всѣ точно опьянѣлые отъ восторга и изумленія. Сотни и тысячи Гоголевскихъ фразъ и выраженій тотчасъ-же были всѣмъ извѣстны наизусть, и пошли въ общее употребленіе. Гоголевскій лексиконъ нашъ, уже съ 30-хъ годовъ столько богатый, еще больше прежняго разростался.

Что касается чтенія на иностранныхъ языкахъ, то оно ничуть не замирало, не смотря на все преобладаніе русскихъ великихъ книгъ и авторовъ, такъ сильно завладѣвшихъ нашимъ воображеніемъ и мыслями. Мы продолжали довольно много читать и по-французски, и даже по-нѣмецки. Дорогіе наши «воспитатели» Шнёрингъ и Бушманъ, еще больше прежняго съ нами сблизившіеся, и почти переставшіе быть для иныхъ изъ насъ казенными «воспитателями», но становившіеся все болѣе и болѣе нашими друзьями, проводили много времени въ разговорахъ съ нами, теперь уже юношами, и давали намъ на прочтеніе множество хорошихъ книгъ. Бушману я обязанъ тѣмъ, что уже 18-ти лѣтъ прочелъ всего Винкельмана, даже со всѣми его письмами (нѣмецкое изданіе въ маленькихъ 12-и томикахъ), а Шнёрингу тѣмъ, что узналъ Гейне. Какъ я уже выше говорилъ, Гейне былъ въ тѣ времена подъ яростнымъ запретомъ по цѣлой Россіи, и мы всѣ, я въ томъ числѣ, не имѣли о немъ ни малѣйшаго понятія. Но случилось, что меня посадили въ карцеръ, когда я былъ уже въ 1-мъ классѣ, за что—не помню. Мой другъ Шнёрингъ, съ сожалѣніемъ отпуская меня туда, далъ мнѣ потихоньку книжечку очень маленькаго формата, которую удобно было спрятать въ рукавѣ или на груди, подъ курткой. Когда я пришелъ въ карцеръ (на тотъ разъ, къ счастью, свѣтлый), я тотчасъ же вытащилъ книжечку. Оказалось что это—«Salon» Гейне. Я читалъ, и не выпуская книгу изъ рукъ, всѣ три дня, что просидѣлъ въ карцерѣ, пораженный до глубины всего существа моего, этимъ безпримѣрнымъ соединеніемъ таланта, поэзіи, ѣдкой безпощадной сатиры, граціи, непримиримаго свободолюбія и свободомыслія. Я высидѣлъ свой карцеръ какъ ничего, ничуть не жалуясь и не сожалѣя, и вышелъ оттуда какъ въ чаду отъ новой силы, съ которою познакомился. Я полюбилъ Гейне страстно, на

вѣки, не взирая на разныя его странныя уродства и недостатки, которые сознавалъ очень хорошо. Первымъ дѣломъ для меня, по выходѣ изъ карцера, было—просить у Шнѣринга еще и еще другихъ сочиненій Гейне, и я скоро сталъ знать всего Гейне очень твердо, не хуже кореннаго нѣмца,—какъ одного изъ самыхъ дорогихъ для меня «великихъ».

Кончая перечисленіе всяческихъ подробностей, касавшихся нашей жизни въ училищѣ, скажу здѣсь, что еще въ 3-мъ классѣ прекратились оба журнала, издававшіеся нами, одинъ — «Зничъ» Церпинскаго, другой «Литературныя Записки», издававшіяся всѣми нами. Перейдя въ высшій курсъ, съ золотыми петлицами, мы бросили все это, убѣдившись во-первыхъ, въ скудости своихъ талантовъ, а во-вторыхъ, въ общей лѣни. Добывать статьи отъ авторовъ — это была работа, требовавшая неимовѣрныхъ усилій, напоминаній, просьбъ, споровъ, приставанья. Все это, наконецъ, надоѣло главнымъ дирижёрамъ, и мы бросили журналъ. Лучшею пьесою, появившеюся у насъ за все время существованія журнала, былъ «Самсонъ» Оголина, довольно большая поэма, очень картинная, со звучными и красивыми стихами, въ нѣкоторомъ родѣ отблескъ картинныхъ поэмъ Льва Мея, котораго Оголинъ обожалъ. Прочія вещи, наприм., повѣсть «Надина», «Очерки путешествія въ Ревель», „Въ деревнѣ" и тому подобные стихи и прозы, трактаты и разсказы—были, само собою разумѣется, очень плохи.

Послѣдніе мѣсяцы пребыванія нашего класса въ училищѣ ознаменовались совершенно необычайными событіями. Насъ всѣхъ, повально, чуть-чуть не „выгнали" изъ училища. Случилась такая исторія, что у насъ у всѣхъ отобрали шпаги и свезли ихъ во дворецъ къ принцу, значитъ мы стали въ родѣ какъ арестованные офицеры. Потомъ прекратились у насъ всѣ классы, профессора къ намъ перестали ходить; было схвачено съ десятокъ человѣкъ между нами, сочтенныхъ главными преступниками, и ихъ разсадили, въ одиночномъ заключеніи, по разнымъ мѣстамъ училища. Въ то же время была наряжена „слѣдственная коммиссія" подъ предсѣдательствомъ нашего священника, какъ человѣка суроваго, энергическаго и рѣшительнаго, состоящая изъ нѣкоторыхъ профессоровъ и „воспитателей". Дѣло состояло въ томъ, что классный солдатъ, Галанинъ, извѣстный фискалъ, донесъ, что у насъ играютъ въ карты, пьютъ вино и курятъ. Надо сказать, что тутъ дѣйствительно серьезнаго ничего не было, никакой настоящей игры и питья, а такъ, какое-то нелѣпое молодечество и щеголянье нѣсколькихъ самыхъ дрянныхъ и ничтожныхъ субъектовъ въ классѣ, что „вотъ-молъ

какіе мы уже выросли большіе, даже виномъ, и картами, и табакомъ умѣемъ заниматься". Это дурацкое ребячество очень легко было остановить самыми простыми, кроткими мѣрами, серьезно взыскивать за него вовсе и не стоило. Но нѣтъ, куда! У насъ забили тревогу и подняли пыль до небесъ. При помощи іуды-предателя, бывшаго сапернаго солдата Галанина, произвели обыскъ въ классѣ, нашли и карты, и какую-то несчастную бутылку съ мадерой, и папироски (которыя наши „молодцы" обыкновенно курили въ трубу). Ну, и вслѣдъ затѣмъ, сейчасъ коммиссія, слѣдствіе, угрозы исключенія. Однакожъ, не взирая на весь этотъ террористическій аппаратъ,— совершенно во вкусѣ тогдашняго неразмышляющаго, а только давившаго времени,—наши арестованные товарищи мужественно держались и не дѣлали никакихъ показаній передъ коммиссіею, никого не выдавали. Я радостно потиралъ руки, сидя у себя въ классѣ. Я былъ на свободѣ, потому-что всю жизнь свою терпѣть не могъ и карты, и вино, и табакъ, значитъ въ подобной исторіи попасться никогда не могъ. Сущность исторіи была мнѣ глубоко противна и презрѣнна, и никто болѣе меня не порицалъ моихъ товарищей за ихъ глупости, но я отъ всей души желалъ, чтобъ доносчиковъ между нами не было, чтобъ никто между нами не вышелъ трусомъ и подлецомъ. Вдругъ до насъ дошли слухи, что нѣкоторые изъ арестантовъ колеблются, собираются давать показанія, подъ вліяніемъ угрозъ и ложныхъ увѣреній коммиссіи, что вотъ-молъ такой-то и такой-то уже показалъ то-то и на такихъ-то. Я пришелъ просто въ ярость. Частію подкупомъ, частію ловкостью и просьбами, я сдѣлалъ тàкъ, что пробрался во всѣ карцеры, во всѣ мѣста заключеній, повидалъ всѣхъ арестованныхъ, со всѣми переговорилъ, оживилъ и укрѣпилъ каждаго, и, главное, разсказалъ имъ, что никто въ коммиссіи ничего еще не знаетъ, и никакихъ „раскрытій" никто изъ нашихъ не дѣлалъ. Это стоило мнѣ не малыхъ усилій. Нѣкоторые изъ любезныхъ товарищей, на порогѣ училища, уже настолько возмужали, что начинали проявлять тѣ прекрасныя собственныя качества, которыми впослѣдствіи ярко блистали: сухость, эгоизмъ, равнодушіе ко всему, кромѣ личной выгоды. Мнѣ особенно памятенъ одинъ изъ милыхъ моихъ товарищей (не хочу только называть его имени), котораго я засталъ сидящимъ въ лазаретѣ, уткнувъ голову въ обѣ руки: онъ былъ мраченъ, гадокъ и блѣденъ, глядѣлъ отвратительными какими-то глазами передъ собою въ полъ, не поднимая головы, и долго молчалъ, не слушая никакихъ моихъ представленій о томъ, что тàкъ гадко, что тàкъ скверно, если онъ, съ другими нѣкоторыми, хочетъ сдѣлаться предателемъ и до-

носчикомъ, и что есть что-то поважнѣе и поблагороднѣе грубаго личнаго интереса и спасенья. Наконецъ, онъ цинично объявилъ мнѣ, что что̀ бы я ни говорилъ, а онъ пойдетъ и завтра-же назоветъ коммиссіи всѣхъ настоящихъ виновниковъ. «Мнѣ-то какое до нихъ дѣло, твердилъ онъ мнѣ, ну пускай ихъ и выгоняютъ вонъ! Неужели мнѣ черезъ другихъ терять 9-й классъ? Очутиться вдругъ на улицѣ ни съ чѣмъ? Да что́ мое семейство мнѣ потомъ скажетъ!»... Ка̀къ онъ мнѣ былъ мерзокъ въ ту минуту! Я не позабылъ чувства этой минуты во всѣ 40 лѣтъ съ тѣхъ поръ, и никогда ему не простилъ. Однако въ то мгновеніе рѣчь шла не о его гаденькой личности, надо было другихъ выгораживать. Я умолялъ, упрашивалъ, доказывалъ со всѣмъ краснорѣчіемъ и оживленіемъ, къ какимъ только былъ способенъ, и достигъ наконецъ своей цѣли. Мнѣ кажется, на этого сухаря болѣе подѣйствовали мои угрозы мщеніемъ товарищей:—«Тебѣ, братъ, вѣдь это все равно даромъ не пройдетъ, говорилъ я, помни это — какая-же выгода»? Понятно, что подобные доводы должны были всего положительнѣе дѣйствовать на такого человѣка, какъ этотъ: вѣдь онъ впослѣдствіи, на службѣ, сдѣлался безсердечнѣйшимъ эгоистомъ и деспотомъ. Но такъ или иначе, а я достигъ своей цѣли. Я вырвалъ «честное слово», что онъ доносить и выдавать не будетъ. Мнѣ удалось наконецъ уговорить его, частью угрозами, частью перспективой несмываемаго позора—удалось уломать даже и этого любителя 9-го класса. Я воротился назадъ, въ полупустой классъ, съ полнымъ торжествомъ. Никто уже болѣе не сказалъ коммиссіи ни единаго слова, всѣ разомъ замкнулись въ себѣ, и никакихъ показаній не послѣдовало. Но за то все обрушилось на меня одного. Начальство узнало про мою вылазку, и про то, что я уговаривалъ арестованныхъ. Ихъ всѣхъ выпустили на волю, классы снова начались, но меня взяли и отправили вонъ изъ училища. Рѣшено было, что я поплачусь за всѣхъ. «Воспитатель» Берарь свезъ меня домой, къ моему отцу, и, не заставъ его дома, написалъ ему такую записку (сохранившуюся у меня и до сихъ поръ): «J'ai l'honneur de ramener à Votre Excellence votre fils Vladimir, dont M. le Directeur de l'Ecole de Droit a à se plaindre. Je regrette de ne pouvoir vous expliquer de bouche la cause qui a forcé notre chef de prendre cette mesure de rigueur».

Le précepteur de la dite Ecole Berrard. Ce 5 Décembre 1842.

Сначала мой отецъ горько выговаривалъ мнѣ за такое окончаніе моего 7-ми лѣтняго пребыванія въ училищѣ, за порванную будущность, за разрушенныя надежды, и изъ-за чего, изъ-за кого? Но потомъ, выслушавъ мой разсказъ и мои доводы, согласился, что я ни-

чего худаго не сдѣлалъ, а только исполнилъ долгъ—и мы съ моимъ отцомъ не только не поссорились, но жарко обнялись и поцѣловались, въ его маленькомъ, заваленномъ планами и чертежами кабинетѣ. Только онъ много дней потомъ былъ сильно грустенъ. Однако, пробывъ недѣли три дома, уже лишенный правовѣдской формы и уже принявшійся за приготовленія, чтобы поступить въ университетъ, я вдругъ получилъ стороной увѣдомленіе, что меня снова возьмутъ назадъ въ училище, если я напишу письмо какое слѣдуетъ къ директору Пошману. Я собралъ въ головѣ всю литературу, къ какой былъ способенъ, и написалъ къ директору письмо самое убѣдительное и самое трогательное, но всетаки ничуть не унизительное для автора. Послѣ новаго года, мнѣ дозволили воротиться въ училище (само собою разумѣется, тутъ всего болѣе подѣйствовало не мое письмо, а пріязнь къ моему отцу Пошмана, а можетъ быть и самаго Принца), и я снова зажилъ припѣваючи. Спустя немного мѣсяцевъ произошелъ уже и нашъ выпускъ изъ училища. Мнѣ за эту «исторію» сбавили огромное количество балловъ за поведенье, но послѣдніе экзамены были у меня такъ хорошо выдержаны, баллы ученья за послѣдніе три года были у меня такіе сильные, а главное, профессора, члены совѣта, имѣли обо мнѣ такое хорошее понятіе, что въ одинъ голосъ потребовали, чтобъ мнѣ были прощены какія-то недостававшія въ окончательномъ баллѣ итога дроби, и меня, не смотря ни на что, все-таки выпустили изъ училища съ IX классомъ. Всего болѣе мнѣ помогъ профессоръ Шнейдеръ, человѣкъ, сохранившій, какъ я уже говорилъ выше, весь свой вѣкъ золотое сердце и живое доброжелательство ко всѣмъ, особливо къ учащемуся юношеству, не смотря на все «Римское право», надъ которымъ прокорпѣлъ десятки лѣтъ.

VIII.

Не смотря на всѣ семь лѣтъ, проведенныхъ въ училищѣ правовѣдѣнія, изъ меня никакого правовѣда не вышло. Но, я думаю, для меня было великимъ счастіемъ то, что я случайно занесенъ былъ именно въ это училище, а не въ какое нибудь другое. Та обстановка начальниковъ и товарищей, въ которую я попалъ, была та самая, въ какой я всего болѣе нуждался, и какая была мнѣ всего сроднѣе. Во всякомъ другомъ училищѣ того времени, наприм., въ Лицеѣ, все было-бы для меня иное. Попади я, въ 1835 году, въ Лицей, я имѣлъ-бы себѣ товарищами многихъ несимпатичныхъ мнѣ уже и тогда (при первой встрѣчѣ въ Царскомъ Селѣ) людей, которые въ одно время со мной держали въ Лицей экзаменъ. Въ числѣ другихъ былъ М. Н. Лонгиновъ, сильно непонравившійся мнѣ надутостью, черствостью и прозаичностью своею (кажется, онъ на всю жизнь такимъ остался), и не заключалъ, вмѣстѣ съ другими товарищами своими, ни одного изъ качествъ, которые были мнѣ такъ нужны и дороги въ иныхъ изъ числа правовѣдскихъ моихъ товарищей. Со стороны начальственной, я, конечно, также не нашелъ-бы въ Лицеѣ такихъ директора и «воспитателей», какихъ нашелъ въ училищѣ правовѣдѣнія. Сверхъ всего этого я былъ-бы лишенъ, въ Лицеѣ, того художественнаго элемента, который преобладалъ у насъ въ училищѣ правовѣдѣнія. Всего-же болѣе, я былъ-бы лишенъ сосѣдства и сближенія съ Сѣровымъ. А именно близкія отношенія съ нимъ имѣли самое рѣшительное и самое громадное значеніе для меня, въ годы моего воспитанія и развитія.

Мнѣ никогда не пришлось тужить о малыхъ своихъ правовѣдскихъ способностяхъ и познаніяхъ. Въ теченіе 38 лѣтъ, протекшихъ со времени 1843 года, т. е. со времени моего выпуска, мнѣ много разъ, и въ разныхъ обстоятельствахъ собственной и общественной жизни, случалось встрѣчаться съ прежними товарищами. Многіе изъ нихъ считались великолѣпными юристами, но, признаться, я никогда не могъ имъ ни позавидовать, ни довѣрять ихъ славѣ и успѣхамъ. Большинство товарищей моихъ (и по классу, и по училищу) ничуть не проявили того свѣтлаго взгляда, того прямаго ума и пониманья, какіе должна давать наука. На всяческихъ мѣстахъ своихъ, и на мѣстахъ сенаторовъ, и секретарей, и всяческихъ слѣдователей,

и прокуроровъ, большинство выказалось такими-же ординарными чиновниками, съ темной, запутанной головой, загроможденной вздоромъ и предразсудками, какъ всѣ остальные, не бывавшіе отроду въ училищѣ правовѣдѣнія чиновники русской имперіи, не слушавшіе никакихъ курсовъ «Энциклопедіи права», «мѣстныхъ законовъ», Юстиніанова кодекса, государственныхъ и иныхъ правъ. Чувствительной разницы, кромѣ пышныхъ аттестацій, диплома, и понаторѣлости въ спеціальныхъ техническихъ подробностяхъ, никакой на дѣлѣ не оказывалось. Примѣровъ можно было-бы указать сотни, но всего яснѣе это доказалъ мнѣ тотъ процессъ, въ который мнѣ пришлось попасть однажды въ послѣдствіи. Тутъ я собственною персоною испыталъ, что такое «правовѣдѣніе» господъ моихъ товарищей, на самыхъ разныхъ ступеняхъ ихъ іерархіи. Этотъ процессъ я разскажу подробно въ своемъ мѣстѣ, въ одной изъ слѣдующихъ главъ моей автобіографіи, но здѣсь скажу только, что когда одинъ, обидчивый не по разуму, музыкальный писатель, нѣкто г. Фаминцынъ, сталъ преслѣдовать меня по суду за одну печатную статью мою, подъ заглавіемъ: «Музыкальные лжецы», въ которой ничего экстренно-непозволительнаго не присутствовало, если сравнить ее со всѣмъ тѣмъ, что поминутно печатается и у насъ, и въ остальной Европѣ,—то цѣлыхъ три судебныхъ инстанціи, составленныхъ все только изъ господъ нашихъ правовѣдовъ, нашли, что, правда, напрасно было преслѣдовать меня «за клевету», и нельзя меня наказать за нее, какъ этого желалъ обидчивый и жаждавшій моей крови музыкантъ, но все-таки «слѣдуетъ» наказать меня за то, о чемъ никто не просилъ: за «бранныя слова въ печати». О вѣрные рабы Ѳемиды! О неумытные оберегатели добрыхъ нравовъ, о свѣтлыя головушки, о стыдливые скромники, какъ я тогда жалѣлъ о пребываніи вашемъ на судейскихъ креслахъ! Какъ мнѣ вы жалки были со своимъ устарѣлымъ правовѣдѣніемъ, и съ темною своею головою! Только-то вы и научились, широкаго, свѣтлаго и глубокаго въ нашемъ училищѣ, что дескать-пусть только бы «словъ непріятныхъ» не появлялось, а на дѣлѣ пусть ты сто разъ правъ—это все равно, но ты долженъ быть наказанъ! О формалисты закоренѣлые! Да для пріобрѣтенія такихъ прекрасныхъ результатовъ, не стоило въ училище правовѣдѣнія и ходить. Вѣдь такъ, точь въ точь такъ, какъ вы ныньче, подумалъ и разсудилъ бы любой старинный законникъ изъ покойной управы благочинія, сотню лѣтъ тому назадъ.

Да, я думаю, лучше всѣхъ были между нашими правовѣдами тѣ, у кого всего менѣе было «правовѣдѣнія» въ головѣ.

И тѣхъ я любилъ всегда всею душою, за ихъ свѣтлый умъ, за ихъ прекрасныя дѣла на пользу русскому обществу и на помощь русскому человѣку. Въ образованіи ихъ умовъ и характеровъ наше училище можетъ быть осталось и не совсѣмъ безучастно.

В. В. Стасовъ.

Собраніе неизданныхъ рисунковъ-акварелей

профессора живописи Ѳ. Г. Солнцева.

1881 г

Въ 1876 году исполнилось 50 лѣтъ художественно-археологической дѣятельности академика Ѳ. Г. Солнцева. Императорское Русское Археологическое Общество почтило его большой золотой медалью, выбитой въ память этого событія, а совѣтъ Академіи Художествъ возвелъ его въ званіе профессора. Въ томъ-же 1876 году въ первыхъ шести книгахъ «Русской Старины» появилась автобіографія Солнцева: «Моя жизнь и художественно-археологическіе труды», въ которой авторъ, по предложенію редакціи, въ простомъ безъискуственномъ разсказѣ познакомилъ читателей съ своей дѣятельностью и лицами, имѣвшими на нее непосредственное вліяніе.

Въ настоящей замѣткѣ, считая излишнимъ перечислять многочисленныя работы почтеннаго профессора, мы позволимъ себѣ указать только на его главные труды, по поводу новаго неизданнаго собранія сдѣланныхъ имъ рисунковъ, на которое было бы весьма желательно обратить вниманіе русскаго общества.

Какъ извѣстно, Ѳ. Г. Солнцевъ, помимо своихъ этнографическихъ трудовъ, оказалъ неоцѣненныя услуги отечественной исторіи, археологіи и древнему зодчеству, сохранивъ самые разнородные памятники до-Петровскаго времени, начиная съ XI-го вѣка, въ высшей степени точныхъ и художественно выполненныхъ рисункахъ. Онъ отыскивалъ и срисовывалъ русскія древности въ Новгородѣ, Псковѣ, Изборскѣ, Кіевѣ, Твери, Рязани, Суздалѣ, Владимірѣ, Москвѣ, въ Троицкой Лаврѣ, Новомъ Іерусалимѣ и пр., такъ что врядъ-ли найдется какой либо древній русскій городъ, монастырь, храмъ или сколько нибудь замѣчательное историческое мѣсто, въ которомъ бы не побывалъ Ѳ. Г. Солнцевъ, не смотря на различныя, въ прежніе годы, трудности путей сообщенія. Вмѣстѣ съ

тѣмъ, онъ подвергалъ тщательной исторической оцѣнкѣ копируемые предметы на самомъ мѣстѣ находки, провѣрялъ время сооруженія храмовъ, выдѣлки утвари и оружія, покроя тѣхъ или другихъ одѣяній съ помощью лѣтописей, монастырскихъ грамотъ, описей и пр. Благодаря этому почтенному художнику, удалось сдѣлать нѣсколько важныхъ археологическихъ открытій: доказать подлинность вещей, древность которыхъ считалась сомнительною и открыть, что другія вещи, которыя признавались древними, принадлежатъ къ болѣе новому или даже новѣйшему времени.

Само собою разумѣется, что ученыя изысканія Ѳ. Г. Солнцева встрѣчали не мало препятствій со стороны мѣстныхъ духовныхъ и свѣтскихъ властей, особенно въ тѣ времена, когда большинство русской публики не имѣло никакого понятія объ археологіи. Этого рода препятствія устранялись, когда Ѳ. Г. Солнцевъ являлся, какъ оффиціальное лицо, по Высочайшему повелѣнію, или съ письмами отъ своего академическаго начальства. Но при своихъ неоднократныхъ поѣздкахъ въ сѣверную, среднюю и южную Россію, г. Солнцевъ посѣщалъ многія мѣста, по собственной инициативѣ; и тогда ему приходилось прибѣгать къ разнымъ ухищреніямъ для достиженія своей цѣли. «Въ тѣхъ случаяхъ—говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, (кн. V, май, Р. С. 1876) — когда у меня не было рекомендательныхъ писемъ или оффиціальныхъ предписаній, я выдавалъ себя за какого нибудь странствующаго богомольца, знакомился съ настоятелемъ церкви или монастыря и потомъ уже имѣлъ возможность посмотрѣть описи храмовъ. Въ видахъ устраненія препятствій при моихъ разысканіяхъ, я находился вынужденнымъ рисовать даромъ портреты настоятелей церквей, священниковъ и монаховъ......

Но помимо этихъ и другихъ болѣе важныхъ неизбѣжныхъ препятствій, о которыхъ скромно умалчиваетъ авторъ записокъ, трудность дѣла заключалась въ его новизнѣ. При отсутствіи фотографическихъ аппаратовъ и всѣхъ новѣйшихъ приспособленій, Ѳ. Г. Солнцеву приходилось создавать методъ сниманія рисунковъ и самый способъ изслѣдованія при исторической оцѣнкѣ копируемыхъ предметовъ. Но на его счастье въ своей ранней молодости онъ имѣлъ достойнаго руководителя въ лицѣ президента Академіи Художествъ А. Н. Оленина, знатока русской старины, извѣстнаго своими работами по археологіи и археологической живописи. Оленинъ съумѣлъ направить молодаго художника на родъ дѣятельности, наиболѣе свойственный его таланту, и развить въ немъ рѣдкую привычку къ труду, чему служитъ наглядным доказательствомъ невѣроятное количество сдѣланныхъ имъ работъ. Ѳ. Г. Солнцевъ съ глубокимъ уваженіемъ отзывается о своемъ учителѣ. „Для меня— говоритъ онъ въ своихъ запискахъ (кн. II Р. С. 1876)—Алексѣй Николаевичъ останется навсегда незабвеннымъ. Онъ первый вызвалъ меня къ художественной дѣятельности; съ отеческою заботливостью слѣдилъ за моими

работами и постоянно руководилъ меня своими наставленіями и содѣйствіемъ, всегда оказывалъ мнѣ помощь въ трудныя минуты жизни"....

Еще будучи ученикомъ Академіи Художествъ, куда Солнцевъ поступилъ въ 1815 году, онъ въ числѣ другихъ молодыхъ людей занимался въ кабинетѣ Оленина и подъ его непосредственнымъ руководствомъ срисовывалъ различныя древности, народныя одѣянія и составлялъ рисунки къ Илліадѣ и Одиссеѣ, по поводу переписки Оленина съ Гнѣдичемъ. Занятія эти начались въ 1822 году и продолжались, съ небольшимъ перерывомъ, по выходѣ Ѳ. Г. Солнцева изъ академіи, до 1830 года включительно, когда молодой художникъ былъ отправленъ Оленинымъ въ Москву и другіе русскіе города „для срисовыванія старинныхъ одѣяній, оружія, церковной и царской утвари, скарба, конской сбруи и прочихъ предметовъ, принадлежащихъ къ историческимъ, археологическимъ и этнографическимъ свѣдѣніямъ".

Эта поѣздка имѣла рѣшающее значеніе на судьбу дальнѣйшихъ работъ художника, потому что государь Николай Павловичъ, любитель русской старины, впервые положившій начала ея изученію въ широкихъ размѣрахъ, пріѣхалъ въ Оружейную Палату, гдѣ тогда занимался Солнцевъ, обратилъ на него вниманіе и, съ тѣхъ поръ, до самой смерти не оставлялъ его своимъ высокимъ покровительствомъ. Этому не мало способствовалъ Оленинъ, который постоянно представлялъ Государю рисунки, посылаемые Солнцевымъ изъ разныхъ городовъ Россіи и преимущественно изъ Москвы, гдѣ онъ жилъ всего долѣе.

Въ 1835 году вице-президентъ московской дворцовой конторы, баронъ Боде, по рекомендаціи С.-Петербургскаго архитектора Штакеншнейдера, бывшаго тогда въ Москвѣ, призвалъ къ себѣ г. Солнцева и предложилъ ему сдѣлать рисунки для возобновленія кремлевскихъ теремовъ, такъ какъ Государю угодно было возобновить этотъ драгоцѣнный памятникъ XVII вѣка, но ни одинъ изъ 14-ти представленныхъ проектовъ не удостоился высочайшаго одобренія. Сначала Солнцевъ долго не соглашался на это предложеніе, изъ боязни, что новыя занятія отвлекутъ его отъ работъ, порученныхъ ему Оленинымъ, но, уступивъ просьбамъ барона Боде, осмотрѣлъ терема и сдѣлалъ рисунки, которые были немедленно отправлены къ Государю и заслужили полное одобреніе его величества.

Весною, 1836 года, Ѳ. Г. Солнцеву предложено было приступить къ работамъ по составленнымъ имъ рисункамъ, съ помощью двухъ учениковъ московскаго архитекторскаго училища. Терема состояли изъ девяти комнатъ, которыя были совершенно запущены, и въ нихъ жили плотники и столяры. Солнцевъ старательно возобновилъ все, что уцѣлѣло изъ прежнихъ украшеній и, сообразно ихъ общему характеру, дополнилъ то, чего уже нельзя было разобрать или что уничтожилось безслѣдно. Что касается обстановки теремовъ, то образцами послужили вещи, сохранившіяся въ загородныхъ

дворцахъ: Измайловскомъ, Коломенскомъ и др. Нѣкоторые предметы сдѣланы по рисункамъ, тщательно выполненнымъ Солнцевымъ со старинныхъ украшеній XVII вѣка.

Эта трудная и кропотливая работа была окончена въ два года.

Въ 1838 году, по желанію Оленина, произведены были опыты литографированія рисунковъ Солнцева для предполагавшагося изданія „Древностей Россійскаго Государства". Но это изданіе, по своей дороговизнѣ, не могло быть выполнено частными средствами и состоялось послѣ смерти Оленина (въ апрѣлѣ 1843 г.), благодаря щедрости покойнаго Государя, пожертвовавшаго изъ собственныхъ денегъ 100,000 р. ас. Государь приказалъ возложить изданіе на особый комитетъ, „составивъ оный въ Москвѣ подъ предсѣдательствомъ попечителя Московскаго учебнаго округа гр. С. Г. Строгонова, изъ директора оружейной палаты Загоскина, помощника его Вельтмана, члена Археологической коммисіи П. Строева, гг. профессоровъ Московскаго Университета: Погодина и Шевырева и Солнцева, во время его нахожденія въ Москвѣ".

Это драгоцѣнное изданіе, заключающее до 500 рисунковъ, изученіе которыхъ обязательно для лицъ, занимающихся русской исторіей и русской исторической живописью, продолжалось съ 1846 по 1853 г. и разошлось большею частью за границей, такъ что полный экземпляръ его составляетъ теперь весьма дорогую рѣдкость. Къ сожалѣнію, изданіе осталось неоконченнымъ, хотя въ Оружейной Палатѣ хранится до 3000 приготовленныхъ къ изданію рисунковъ Ѳ. Г. Солнцева, преимущественно писанныхъ акварелью; всѣ они одного формата, кромѣ костюмовъ, которые нарисованы въ меньшихъ размѣрахъ.

Почти одновременно съ изданіемъ «Древностей», благодаря благосклонному вниманію покойнаго государя, Солнцеву удалось срисовать фрески и открыть извѣстныя въ археологіи мозаики Кіево-Софійскаго собора,—одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ XI вѣка,—скрытыя подъ штукатуркой и новѣйшей стѣнной живописью, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходилось снимать до семи слоевъ масляной краски. Но и этотъ трудъ, продолжавшійся около десяти лѣтъ и исполненный Ѳ. Г. Солнцевымъ съ полною добросовѣстностью, не смотря на всѣ представлявшіяся препятствія, не былъ доведенъ имъ до конца. Въ 1852 году покойный Государь, осмотрѣвъ его работы въ Софійскомъ соборѣ, сказалъ ему между прочимъ: «Когда кончишь работу здѣсь, я постараюсь отправить тебя въ Палестину и на Аѳонскую гору; ты съ удовольствіемъ поработаешь тамъ, а потомъ черезъ Римъ возвратишься въ Россію». Но Солнцеву, вслѣдствіе неожиданной кончины императора Николая Павловича, не суждено было окончить свой трудъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, ни совершить заманчивой для него поѣздки,

которая въ настоящее время уже сдѣлалась невозможною для него, по его преклонному возрасту.

Въ послѣдніе годы Ѳ. Г. Солнцевъ, помимо нѣкоторыхъ частныхъ работъ, преимущественно для св. Синода, окончилъ и привелъ въ порядокъ собранные имъ рисунки, начиная съ 1820-хъ годовъ и до послѣдняго времени, которые большею частью не вошли ни въ изданіе „Древностей Россійскаго Государства", ни въ число рисунковъ, хранящихся въ „Оружейной Палатѣ".

Благодаря любезности почтеннаго художника, намъ удалось на-дняхъ видѣть это новое собраніе, состоящее изъ 250 археологическихъ и этнографическихъ рисунковъ, писанныхъ акварелью и исполненныхъ съ необыкновеннымъ изяществомъ и живостью красокъ. Это собраніе имѣетъ не менѣе важное значеніе, чѣмъ бо̀льшая часть снимковъ г-на Солнцева, потому что съ каждымъ годомъ, вслѣдствіе разныхъ причинъ, исчезаютъ безслѣдно драгоцѣнные памятники русской старины и остатки стариннаго русскаго быта, въ видѣ народныхъ одѣяній, представляющихъ такія рѣзкія особенности въ разныхъ губерніяхъ, уѣздахъ и даже отдѣльныхъ деревняхъ нашего отечества. Такъ, нѣкоторыя изъ крестьянскихъ и купеческихъ одеждъ, воспроизведенныхъ въ „Новомъ Собраніи" рисунковъ Ѳ. Г. Солнцева, даже въ 1820-хъ и 1830-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, составляли рѣдкость, и теперь любитель старины напрасно сталъ бы отыскивать ихъ, хотя бы въ самыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ Россіи, потому что стремленіе къ новизнѣ охватило не только молодое крестьянское населеніе, но замѣтно даже въ старомъ отживающемъ поколѣніи.

Новое собраніе рисунковъ Ѳ. Г. Солнцева раздѣлено имъ на слѣдующіе отдѣлы:

I. Изображенія фресковъ стѣнной живописи: a) Кіево-Софійскаго собора, b) Кіевской церкви Спаса на Бору (первой половины XI вѣка), c) Спасо-Нерединскаго монастыря въ Новгородѣ.

II. Древнія и новѣйшія духовныя облаченія, не исключая и старообрядческихъ, съ нѣсколькими портретами.

III. Военные доспѣхи, хранящіеся бо̀льшею частію въ Оружейной Палатѣ.

IV. Боярскія, посольскія и царскія одежды московскаго періода съ портретами.

V. Польскія одежды 1790-хъ годовъ.

VI. Малороссійскія древнія и новыя одежды казаковъ и гетмановъ съ портретами.

VII. Крестьянскія и купеческія одежды: новгородскія, тихвинскія, бѣлозерскія, торжковскія, валдайскія, вышняго волочка, ржевскія, веневскія, тверскія, ярославскія, курскія, тамбовскія, боровскія, галича (костромскаго) мышкинскаго уѣзда, устюжины желѣзнопольской, тульскія, каширскаго уѣзда, а также смоленскія, витебскія, рязанскія, воронежскія и пр.

VIII. Старинная и новая одежда татаръ, преимущественно казанской губерніи.

IX. Финскія одежды.

X. Портретъ киргизской дѣвушки въ парадной одеждѣ.

XI. Славяне изъ Буковины.

XII. Албанцы, пріѣзжавшіе въ Россію въ 1828 году.

Любители русской старины и историко-археологической живописи могутъ видѣть новое собраніе рисунковъ Ѳедора Григорьевича Солнцева въ его квартирѣ на Пескахъ, 4-ая улица, домъ № 27, въ С.-Петербургѣ.

Было бы весьма желательно, чтобы лицо, которое пріобрѣтетъ это драгоцѣнное собраніе, издало рисунки съ надлежащими объясненіями и сдѣлало бы ихъ общимъ достояніемъ русской публики.

ИВАНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ БУЛГАКОВЪ

въ царствованія Анны Ивановны, Елисаветы I и Екатерины II

1737, 1751 и 1785 гг.

Читателямъ „Русской Старины" извѣстно весьма значительное собраніе историческихъ разсказовъ, записанныхъ со словъ разныхъ лицъ П. Ѳ. Карабановымъ („Р. Ст." изд. 1871 г., т. IV стр. 583, 685; изд. 1872 г., т. V стр. 129, 457, 670, 767; т. VI стр. 87 и друг.). Между прочими разсказами собиратель передаетъ со словъ Мавры Ивановны Приклонской, рожденной Булгаковой, любопытный случай, бывшій съ ея отцемъ въ царствованіе Анны Ивановны: будучи осужденъ къ смертной казни и уже выведенный къ эшафоту, Иванъ Булгаковъ былъ обязанъ спасеніемъ своей жизни только тому случайному обстоятельству, что послѣ страшныхъ морозовъ, бывшихъ наканунѣ дня казни, 10-го января, внезапно наступила оттепель; смѣнивъ жестокую стужу, оттепель вмѣстѣ съ тѣмъ смягчила сердце императрицы Анны Ивановны: вмѣсто смертной казни Иванъ Михайловичъ Булгаковъ битъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь („Р. Ст". изд. 1871 г. т. IV, стр. 690).

Приводимъ документъ, подлинный разсказъ пострадавшаго Ивана Булгакова, отца извѣстнаго дипломата временъ Екатерины II—Якова Ивановича Булгакова—о несчастіи, постигшемъ его въ царствованіе Анны Ивановны. Разсказъ этотъ изложенъ въ проектѣ прошенія къ императрицѣ Екатеринѣ II, который, при письмѣ, престарѣлый Иванъ Булгаковъ препроводилъ, 5-го декабря 1785 года, къ своему сыну Якову, для подачи императрицѣ.

Настоящій документъ, вполнѣ подтверждая справедливость разсказа Карабанова, хорошо рисуетъ нравы времени Анны Ивановны и знакомитъ съ русскимъ судопроизводствомъ прошлаго столѣтія. Настоящимъ сообщеніемъ мы обязаны талантливому артисту, просвѣщенному любителю и знатоку отечественной исторіи — И. Ѳ. Горбунову.

Считаемъ необходимымъ замѣтить, что г. Горбуновъ сообщилъ намъ эти документы еще въ ноябрѣ 1871 г. въ подлинникахъ, въ свою очередь получивъ ихъ отъ одного изъ нынѣшнихъ представителей фамиліи Булгаковыхъ.

Ред.

I.

Декабря 5-го дня 1785 года. Москва.

Другъ мой Яковъ Ивановичъ, вздравствуй, свѣтъ мой, на лѣта многа и буди надъ тобою милость Божія и мое благословеніе.

Во первыхъ, поздравляю тебя, свѣтъ мой, съ наступающими торжественными днями пришествія на землю воплотившагося Господа и Бога Слова и съ новымъ 1786 годомъ, въ которые усердно желаю вступить и препровождать во всякомъ благополучіи и счастіи, а паче въ добромъ здравіи.

Потомъ благодарствую, свѣтъ мой, за письмо твое подъ № 12-мъ, отпущенное отъ тебя ноября отъ 1 числа, которое я здѣсь получилъ сего декабря въ 1-й день, и радуюсь, что ты, свѣтъ мой, благодатію Божіею, здоровъ и желаю, чтобы Всевышній Богъ и впредь тоже продолжалъ и чтобъ я на старости моей всегда былъ тѣмъ же порадованъ.

Давно я сбирался послать къ тебѣ, свѣтъ мой, со учиненнаго въ Сенатѣ о деревняхъ матери твоей беззаконнаго опредѣленія, послать копію, которую при семъ и прилагаю, котораго беззаконія истинно стерпѣть не можно. То осмѣливаюсь тебѣ, свѣтъ мой, не можно ли къ ея императорскому величеству послать письмо, каковаго також прилагаю форму, написанную пространно со всѣми обстоятельствы, вмѣсто экстракта; которое, по благоразумію своему, можешь сократить и написать едину важность дѣла, ибо теперя ты одинъ остаешься къ прошенію челобитчикъ; дабы не царствовала неправда надъ правдою! ибо прежнее рѣшеніе и въ нихъ имянные какъ государя Петра Великаго 1718 году указы, которыми велѣно виннымъ женамъ ихъ имѣнія отдавать, да и по оному нашему дѣлу, императрицы Анны Іоанновны два указа обошли, а взялись за послѣдній, 1738 года іюля 10-го дня, указъ, который на жалобу полковыхъ штаповъ, что конфискація въ то беззаконное отписаніе не вступила, то государыня тѣмъ указомъ велѣла винныхъ имѣніе, а не женъ и отцовъ, имъ отдать, съ которымъ какъ хотятъ поступаютъ, или продаютъ, или сами владѣютъ. И нынѣшній сенатъ, водя меня пять лѣтъ, напослѣдокъ и концы схоронилъ, челобитныя матери твоей и тетки, и брата отослалъ въ вотчинную коллегію, а дѣло въ архивъ спряталъ; о чемъ усмотрите изъ приложеннаго формуляра; въ чемъ и сами сенаторы признавались мнѣ, графъ Остерманъ и Дурновъ, что сдѣлали не хорошо, отговариваясь, „что де намъ оберъ-прокуроръ предложитъ, то мы и подписываемъ;" о чемъ я и съ княземъ Гаврилою Петровичемъ Гагаринымъ говорилъ, яко апелляціоннаго департамента оберъ-прокуроръ, которой также удивляется; токмо оное производимо было въ 5 департаментѣ и „безъ повелѣнія де вступится мнѣ не можно, и ежели де Яковъ Ивановичъ (Булгаковъ) къ государынѣ отпишетъ и она повелитъ получить, то де я уже изъясню, чего де и сенаторы опасаются".

А ту неправду учинили Всеволожской, князь Щербатовъ и Обрѣсковъ, знатно завидуя твоему благополучію, и что ты сына его къ себѣ не принялъ. А при томъ можете изъяснить, что ты высочайшею, ея императорскаго величества милостію весьма награжденъ и не долженъ бы ея священную особу утруждать, но къ тому принуждаетъ тебя оставшаяся послѣ брата своего жена и три дочери, въ бѣдности находящіяся, которымъ я и усту-

паю; и также и самое правосудіе, чтобъ (не) лишится напрасно родоваго имѣнія, что все предаю въ ваше разсужденіе, а не то бы не пользовались дѣдовскимъ родоваго Дуровскаго насильно владѣтели. А когда-бъ то послѣдовало, чтобъ о томъ именно повелѣно бы изслѣдовать Симбирскому намѣстнику, то бы въ томъ краю прославилось бы имя твое и намѣстникъ тебѣ знакомъ, а за то сильное владѣніе слѣдуетъ, по уложенію и указамъ, за всѣ годы двѣсти тысячь рублевъ ко взысканію намъ.

Василій Андреевичъ и сестра твоя съ дѣтьми въ Новгородѣ всѣ здоровы и Василій Андреевичъ писалъ генералъ-прокурору, чтобъ ему позволено было пріѣхать въ Петербургъ хотя на недѣлю. Токмо отвѣту не получилъ, затѣмъ что онъ, князь Вяземскій, боленъ; также и господинъ Безбородко боленъ же, чего жалѣли и господа намѣстникъ и губернаторъ, токмо также отвѣту не получили и затѣмъ въ прошедшій праздникъ тезоименитства ея величества никому ничего не было.

Князю Михаилу Никитичу [1]) благодареніе твое приносилъ, а князь Александръ Михайловичъ Голицынъ прави.... на...[2]) мнѣ твоего письма, которому я прежде извиняясь въ твоемъ отвѣтѣ, что хотѣлъ ты на будущей почтѣ писать; „мнѣ де весьма хочется съ твоимъ сыномъ познакомиться". И тако съ любовію моею и благословеніемъ пребываю отецъ твой Иванъ Булгаковъ.

II.

Всемилостивѣйшая Государыня! Вашего Императорскаго Величества предецесоромъ россійскаго престола, императоромъ, отецъ мой, Иванъ Булгаковъ, служилъ, лейбъ гвардіи въ преображенскомъ полку, полковымъ секретаремъ многіе годы, и во время той службы, по волѣ Божіей, претерпѣлъ большія несчастіи: что въ Москвѣ въ 1731 и 1737 годахъ сгорѣли у него два дома, чего ради, на пропитаніе свое принужденъ былъ брать изъ полковой казны подъ росписки свои деньги, какъ и прочіе, того полку офицеры чинили. Чѣмъ и набралъ, въ десять лѣтъ до десяти тысячъ рублей, съ надеждою платежа, которые бы могъ и заплатить ежели-бы не учинилось препятствія отъ злобы того полку маіора Албрехта происшедшей, о чемъ подробно ниже сего будетъ донесено, а не въ кражу чему свидѣтельствуютъ въ полковой канцеляріи и по нынѣ подробныя его росписки, къ чему имѣлъ онъ и кредитъ въ людяхъ. Но когда въ царство государыни императрицы Анны Іоанновны по имѣющейся объ немъ, отцѣ моемъ, репутаціямъ, ея величество изволила его, отца моего, назначить къ себѣ въ комнатные свои секретари, что было неугодно тогда бывшему герцогу Бирону, а желалъ въ то мѣсто ввести свою клеатуру, иноземца Ехлера и чрезъ того полку маіора искали надъ отцомъ моимъ порока, къ чему и самъ отецъ мой еще къ раздраженію подалъ безвинный случай: что въ то время состоялся указъ, что ежели по присутственнымъ мѣстамъ, гдѣ не было прокуроровъ, чтобъ тое должность наблюдали секретари. А въ томъ полку случился быть казусъ, что герцога Бирона факторъ жидъ Литманъ взялъ въ Москвѣ того полку изъ полковой казны денегъ

---

[1]) Волконскому.

[2]) Два слова не разобрано.

тридцеть тысячъ рублевъ, чтобъ заплатить въ Петербургѣ въ шесть недѣль, а не платилъ шесть мѣсяцевъ, о чемъ представляемо было отъ коммисаровъ. По которымъ представленіямъ, обнадѣясь на вышепомянутое намѣреніе, написавъ опредѣленіе, чтобъ у того жида на столько имѣнія арестовать; къ чему принуждалъ отецъ мой онаго маіора Албрехта и другаго секундъ-маіора Воейкова подписать; токмо они долго не подписывали; то отецъ мой формално имъ объявилъ: ежели не подпишутъ, то онъ долженъ будетъ, по силѣ указу, гдѣ надлежитъ, протестовать; то оной маіоръ Албрехтъ ускорилъ этотъ протестъ отвратить, и вѣдая общій за всѣми офицеры порокъ, въ томъ числѣ и за отцомъ моимъ, что брали полковыя деньги, научилъ одного коммисара Ножнева, чтобъ у отца моего испросилъ, вмѣсто дробныхъ росписовъ, одну общую, въ которой бы написано было будто тѣ деньги браны по приказу подполковника графа Семена Андреевича Салтыкова и испрося, чтобъ подалъ въ полковую канцелярію ложное доношеніе и требовалъ о запискѣ въ расходъ указу. И когда тое факцію устроили, то по тому доношенію означенный маіоръ Албрехтъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ привелъ въ подозрѣніе и испросилъ чтобъ его, отца моего, арестовать. И получили оное повелѣніе; отца моего арестовалъ на полковомъ дворѣ, о чемъ тогда произнесся слухъ; тогда пріятели его знатныя и честныя люди, пріѣхали его посѣтить и освѣдомиться за что онъ арестованъ; которымъ онъ и объявилъ, что арестованъ за забранныя полковыя деньги, то они обнадежили, что они въ платежѣ тѣхъ денегъ по немъ поручатся. И на другой день, во дворцѣ, увидя онаго маіора Албрехта стали о томъ ему говорить; на что онъ, со злости своей, не утая самаго намѣренія сказалъ, что-де „не деньги надобны, а надобенъ онъ самъ". И того-жъ числа отданъ караульному сержанту приказъ, чтобъ къ нему, отцу моему, никого не допускать, почему уже и мать мою не допускали; а къ тому несчастію приключилось и большое несчастіе, что въ томъ году въ бывшей большой въ Моквѣ въ 1737 году пожаръ, сгорѣлъ домъ его и съ пожитками больше нежели на двѣнадцеть тысячъ рублевъ, чѣмъ къ платежу и вся надежда рушилась; и онъ, отецъ мой, на томъ полковомъ дворѣ содержанъ былъ цѣлой годъ, давая время дабы протчія афицеры могли деньги выплатить. А потомъ определенъ былъ генеральный крезрехтъ [1]), и какъ надъ нимъ, такъ и надъ протчими коммисары, о нихъ произведенъ судъ, по которому они были къ жестокому штрафу осуждены, въ томъ числѣ и отецъ мой, къ смерти.

Отъ которой (смерти) самъ Богъ послалъ препятствіе: средь зимы генваря 9 числа ниспосланіемъ вѣтра, которымъ возвысило изъ Невы воды до такой высоты, что по улицамъ ѣздили въ судахъ, чѣмъ собраніе полковъ препятство вало, а второе якȯ стремленіе рѣчное и сердце царево перемѣнило, и та казнь отмѣнена. Однакожъ по винамъ посланы были съ наказаніемъ въ Сибирь, а имѣніе ихъ, какъ по сентенціи суда, такъ и по данному объ отмѣнѣ казни, указу, велѣно отъ нихъ имѣніе отписать на государя, почему оное и отослано было въ тогда вновь учрежденную канцелярію конфискаціи. Въ которую въ реестрахъ, сверхъ собственныхъ ихъ имѣніевъ, написаны были отцовъ ихъ и женъ, которая видя противное указамъ требованіе, опредѣлила виновныхъ людей имѣніе принять въ тѣхъ городѣхъ, гдѣ оное состоитъ воеводамъ; а показанныхъ винныхъ Ножнева и Обрютина—за отцами, а Булгакова и Пущина—

---

[1]) То есть военный судъ.

за женами, за силою имяннаго 1718 г. мая 26 дня указу, отписки и продажи чинить не можетъ, понеже на то указовъ не имѣетъ; о чемъ въ тотъ полкъ дала знать, а въ сенатъ репортовала. И по полученіи того отвѣту, полковая канцелярія подавала ея императорскому величеству докладъ, испрашивая оное имѣніе себѣ. На который послѣдовалъ ея величества 1738 году іюля 10 числа имянной указъ, которымъ велѣно: винныхъ приличившихся по тому дѣлу, имѣніе изъ канцеляріи конфискаціи взявъ, отдать того полку штабъ-офицерамъ, дабы они отъ себя продавали или сами владѣли, токмо бъ недоставшее въ полковую сумму отъ себя заплатили, однакожъ не нарушая военной сентенціи и даннаго генваря 11 дня 1738 года своего указу не отцовъ и не женъ ихъ. Что получа въ свою власть поступили уже самовластно и не въ силѣ оной сентенціи и оныхъ указовъ, послали отъ себя въ тѣ городы солдатъ съ полномочными инструкціями, которымъ какъ отцовъ такъ и женъ, а матери моей отца родовое имѣніе отписывать и продавать. Которые егда пріѣхали въ Москву, тогда знающія учрежденный государственный порядокъ растолковали имъ, что безъ послушныхъ указовъ отъ сената въ городѣхъ ихъ не послушаютъ. То они яко къ главнокомандующему въ Москвѣ командиру и яко того полку подполковнику графу Семену Андреевичу Салтыкову явясь, и требовали послушныхъ указовъ. Которые имъ изъ сенатской конторы и даны, токмо о не возпрещеніи въ отпискѣ винныхъ же имѣніевъ; въ чемъ оные солдаты и поступили съ раззореніемъ и не токмо матери моей собственное имѣніе, но и отца ее дворянина Петра Дубровскаго, еще жалованное отъ царя Алексѣя Михайловича родовое имѣніе, отписали и продали.

И тако, всемилостивѣйшая государыня, описавъ ко отцу моему нападки и утѣсненіе и отнятіе къ платежу денегъ случая, теперь дерзаю утруждать священную вашу императорскую особу къ беззаконному отнятію собственныхъ имѣніевъ матери моей и отца ея, такожъ и сестры ея, а моей тетки, которыя ни мало въ томъ дѣлѣ отца моего были неучастны; рабски прошу терпѣливо выслушать.

Когда съ отцомъ моимъ тотъ несчастной случай происходилъ, тогда мать моя съ малолѣтными двумя дѣтьми, бо̀льшими моими братьями (ибо тогда еще я не родился) изъ дома были выбиты. Тогда пришла во дворецъ къ кабинету и стояла въ сѣняхъ. Тогда помянутой маіоръ Албрехтъ пріѣхавъ къ разводу и увидя ее, кликнувъ сержанта караульнаго и велѣлъ ее посадя на извощика и съ дѣтьми вывести изъ города въ ямскую слободу, чтобъ она ѣхала за мужемъ своимъ; которой ея и вывезъ; запретя ей, чтобъ она отнюдь въ городъ не возвращалась и оставилъ на улицѣ. А тогда была зима мѣсяцъ февраль, въ которомъ случаѣ не знала что дѣлать, ибо ямщики никто на дворъ пустить не смѣлъ, что привезена изъ дворца; а на такую оказію стеклось людей не мало. Но Всевышній Богъ наказуя насъ за грѣхи наши, подаетъ и помощь, ибо между стекающимся народомъ случился быть одинъ человѣкъ тайнаго совѣтника барона Александра Григорьевича Строганова. Поѣхавъ въ городъ вѣдая господъ своихъ природное къ злостраждущимъ милосердіе, донесъ о видѣнномъ и злостраждущемъ случаѣ. Которой хотя отецъ нашъ и мать были имъ незнакомы и дому ихъ неучастны, токмо, по врожденному въ нихъ милосердію, послалъ своего дворецкаго съ однимъ человѣкомъ и велѣлъ, нанявъ пару подводъ, и искупя одежду свои человѣкомъ, отправилъ въ Москву; которая отца моего постигла въ Москвѣ; но и тамо ея постигло-жъ несчастіе,

что бывшія въ Москвѣ данныя ей двѣ дѣвки отъ свекра ея, по ордеру онаго-жъ маіора Албрехта, бывшимъ при командѣ подпоручикомъ Аргамаковымъ отняты и проданы. И тако видя мать моя безпомощну, и будучи во опасеніи худыхъ съ нею поступокъ, принуждена была ѣхать съ мужемъ своимъ въ самовольную ссылку, въ Сибирь.

А въ полку оставалась еще сестра ее меньшая Марфа, въ замужствѣ за сержантомъ Самойловымъ, но и ее съ мужемъ своимъ, подъ видомъ службы, отправили въ Сибирь-же, въ гарнизонъ въ офицеры, дабы никого не осталось препятствующихъ въ продажѣ имѣнія, которое продавали беззаконно и бывшія на то всякія крѣпости тѣмъ купцамъ выдавали, дабы никакого виду не осталось.

А когда Всевышній Богъ соблаговолилъ на россійскій престолъ возвести любезную вашего императорскаго величества тетку, императрицу Елисаветъ Петровну, тогда безъ всякаго предстательства вспомня, по недавно прошедшему времени, и вѣдая о бывшемъ притѣсненіи и случаѣ избавленіе отъ смерти, соизволила нарочно посланнымъ, за подписаніемъ руки своей указомъ, отца моего изъ той ссылки свободить и давъ на выѣздъ денегъ сто рублевъ; почему отецъ мой и съ матерью моею въ 1742 году и пріѣхали въ Москву. Которому ея императорское величество соизволила вину отпустить и чтобъ никто его не порицалъ прикрытъ знамемъ. А мать моя въ томъ же 1742 году, по учрежденному порядку о возвращеніи деревень своихъ, била челомъ въ правительствующемъ сенатѣ. По которому съ полкомъ была справка: по какому указу матери моей и отца ея имѣніе было отписано и продано; по которымъ было отвѣтствовано, якобы по имяннымъ указамъ, и когда истребовано было военнаго суда и сентенціи и съ указовъ копіи, то и явилось, что на имѣніе отцовъ и женъ указу не имѣется, то въ 1751 году мая 22 дня правительствующій сенатъ оное дѣло слушали и рѣшили, о чемъ въ обыкновенномъ журналѣ записали и приказали учинить обстоятельной протоколъ, которой тогда у рекетмейстерскихъ дѣлъ и сдѣланъ, и тогда бывшимъ рекетмейстеромъ генералъ-маіоромъ Дивовымъ и товарищемъ его, полковникомъ Казариновымъ, подписанъ и по обычаю ко апробаціи—къ тогда бывшему генералъ-прокурору князю Трубецкому предложенъ, который его и пробовалъ десять лѣтъ. И какъ мать моя о учиненной резолюціи и мы не вѣдали, а паче о такой медленной апробаціи усумневались, что не безъ причины господинъ генералъ-прокуроръ медлилъ, а на прошенія наши только и отвѣтствовалъ, что за многими дѣлами будто времени разсмотрѣть не имѣетъ. А какъ онъ умеръ и тотъ протоколъ отъ секретаря его Голубцова, по прежнему отданъ къ рекетмейстерскимъ дѣламъ сенаторами неподписанной, да и предложенъ не былъ, тогда уже мать наша увѣдала, что въ томъ рѣшеніи положено было, между прочимъ, что мать наша того имѣнія лишилась напрасно, то за всѣ тѣ годы доправить того полку на штапахъ—кто о той опискѣ и продажѣ опредѣленіе подписалъ. А какъ господинъ князь Трубецкой былъ того полку маіоръ, а опредѣленіе или указы подписывалъ по интригамъ означеннаго маіора Албрехта, якобы по дежурству принцъ Гессенъ Гонбургской, яко чужестранный человѣкъ совершенной невѣдущей россійскихъ правъ, чего мать наша и мы не требовали, а желали единаго прибѣжища и пропитанія. А тѣ сенаторы, которые оное дѣло рѣшили, всѣ померли.

А вновь вступившія оное дѣло вновь 1761 г. февраля 13 дня паки слушали и прежнее не порочили, а токмо дополнили, чтобъ изъ преображен-

ской полковой канцеляріи истребовать извѣстіе: кто объ описи и о продажѣ того имѣнія, опредѣленіе крѣпили, чтобъ прислать съ того опредѣленія копію; на что изъ той полковой канцеляріи присланъ рапортъ, что то опредѣленіе и указы крѣпилъ означенной принцъ Гессенъ Гонбургской, ссылаясь на помянутой данной имъ 1738 г. іюля 10 дня указъ, чѣмъ оной принцъ былъ и обманутъ, ибо сила того указу гласитъ на имѣніе винныхъ а не женъ ихъ и отцовъ; въ томъ рапортѣ прибавили свое мнѣніе: можетъ-де онъ, Булгаковъ, на тѣ забираемыя деньги на имя жены своей купилъ,—и то не правда ибо по слѣдствію того дѣла при крезрехтѣ того не явилось.

А въ допросѣ своемъ отецъ нашъ показывалъ, что покупалъ дворы и деревни, что и подлинно нашлось: купилъ онъ на свое имя маленькія деревни, подмосковную сельцо Афанаскова 14 душъ, да въ Арзамаскомъ уѣздѣ деревню Бѣляево 4 души, да въ Москвѣ и въ Петербургѣ строилъ дворы, которые, по силѣ сентенцій и указу 1738 г. января 11-го дня, и проданы. И оное мнѣніе-жъ той канцеляріи недѣльное ибо по догадкамъ дѣлъ не дѣлаютъ, а дѣлаютъ по явнымъ и яснымъ обстоятельствамъ, да и Божію и гражданскому закону противно есть, ибо по божественному ветхаго закона писанію, когда Богъ явился Аврааму въ трехъ лицахъ у дуба мамврійскаго, что идетъ видѣть грады Содомъ и Гоморъ по воплю-ли ихъ дѣлается и на вопросъ Авраамовъ: ежели обрящетъ онъ въ нихъ отъ 50-ти до 5-ти человѣкъ праведниковъ, пощадитъ-ли ихъ? на что изъявилъ свое милосердіе, объявилъ, что и для пяти праведниковъ пощадитъ. А како Богъ всевѣдущій и всевидящій, не для той причины шелъ чтобъ видѣть, но дая намъ знать, что слухамъ другимъ не вѣримъ; а въ Святомъ Евангеліи и явно сказалъ: „что вижду и сужду и судъ мой праведенъ есть,“ да и по уложенію о свидѣтеляхъ положено, которой свидѣтель самъ не видѣлъ, а слышалъ отъ другихъ, тѣмъ не вѣрить, да и съ натурою не сходно: ибо за вину одного въ наддачи другихъ невинныхъ казнить не можно, чего въ христіанскихъ народахъ не слышно, да паче всего яснѣе, что въ благополучное ваше царствіе по недавно оказавшимся случаямъ въ каммисаріатѣ и артиллеріи и другихъ мѣстахъ, за пущее похищеніе казны мужьями, у женъ ихъ и у отцовъ, а кольми паче другаго рода, имѣніевъ не отбирается.

А понеже мать наша, по многомъ страданіи и таскотнѣ, въ 1778 году умерла; а къ тому имѣнію наслѣдниками оставались братъ мой ассесоръ Петръ Булгаковъ и замужняя сестра Мавра Приклонская; о чемъ помянутой мой братъ Петръ Булгаковъ въ правительствующемъ сенатѣ въ 5-мъ департаментѣ, въ 1780 году марта 13 дня, билъ челомъ, объявляя о смерти матери нашей, представлялъ, что къ тому имѣнію наслѣдники онъ и я, да сестра наша Мавра Приклонская, прося чтобъ то имѣніе отдано было намъ къ тому-жъ и сестра матери нашей Марфа изъ Сибири съ мужемъ своимъ выѣхала, и объ отеческомъ родовымъ имѣніи, въ томъ же департаментѣ и въ томъ же 1780 году въ октябрѣ мѣсяцѣ била челомъ, что отцовское ихъ имѣніе, за вину зятя ее, а нашего отца, отнято напрасно потому только, что когда мать наша въ 1731 г. была у отца своего въ Казанскомъ уѣздѣ и взяла съ собою меньшую свою помянутую Марфу, то отецъ ихъ, провождая до Синбирска, далъ имъ въ запасъ духовную; раздѣля помѣстную свою землю пополамъ, дабы въ случаѣ смерти не имѣли они какой вражды, и хотя она писана въ Синбирскѣ у крѣпостныхъ дѣлъ, токмо къ той духовной руку приложилъ не самъ и по законамъ должно было оную въ юстицкой коллегіи явить и его допросить. И какъ онѣ ее привезли въ Москву къ отцу нашему,

то онъ, отецъ нашъ, не принялъ и въ дѣйство не произвелъ, ибо у него другихъ дѣтей не было. А они, по смерти его, и безъ того законныя суть наслѣдницы, которую въ письмахъ матери нашей, при описи нашли и по ней якобы слѣдующая половина матери нашей, еще при живомъ отцѣ ихъ продали. О чемъ зная тетка наша, въ томъ своемъ челобитьѣ изъясняла: при живыхъ завѣщателяхъ духовныя никакого дѣйствія не имѣютъ, о чемъ приводила св. апостола Павла посланія ко евреямъ: въ 9-й главѣ изъяснено то, идеже бо завѣтъ нужно есть привнити смерти завѣщающаго завѣтъ бо во умершихъ извѣстенъ есть, понеже ничего же можетъ егда живъ есть завѣщеваяй. По которымъ прошеніямъ чинили многія недѣльныя справки и напослѣдокъ прошеніи какъ матери нашей, такъ и брата моего Петра, и означенной тетки нашей отослали въ вотчинную коллегію подъ видомъ якобы о справкѣ съ дачами, но самою вещію, чтобы оныхъ въ Сенатѣ не было; и требовали справясь съ дачами за кѣмъ оное состоитъ, мнѣнія, кому оное слѣдуетъ. Въ которой по архивѣ и съ канцеляріею конфискаціею тако-жъ продолжались годъ и четыре мѣсяца. И въ концѣ 1782 г. въ декабрѣ мѣсяцѣ въ правительствующій сенатъ внесли доношеніе со мнѣніемъ, что де по дачамъ состоитъ за матерью нашею въ Арзамаскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Калапинѣ земли 300 четвертей со крестьяны, да въ Галицкомъ уѣздѣ въ деревнѣ Аверкіевой 23 четверти съ третникомъ, на котораго слѣдуютъ, по силѣ законовъ, по смерти матери нашей, сестрѣ нашей указная часть, а достальное—мнѣ съ братомъ моимъ по поламъ. Однако-жъ оный братъ мой умеръ, а осталась послѣ него жена съ тремя дочерьми, а роду Дубровскихъ оказавшагося по дачамъ 156 году въ Казанскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Майнѣ, въ селѣ Богоявленскомъ, за Иваномъ Дубровскимъ 70 четвертей, да за прадѣдомъ моимъ Леонтіемъ Дубровскимъ въ селѣ Рождественскомъ 50 чет. оное слѣдуетъ правнукамъ ихъ, матери нашей и теткѣ Марфѣ по поламъ, токмо обѣ померли и Марфа умерла бездѣтна, послѣ которой, по силѣ законовъ, слѣдуетъ намъ-же. Токмо какъ по вышедонесенной неправильной и законамъ противной продажи изъ полковой канцеляріи хотя бы и духовная была правильна и законами утверждена, но матери нашей а не отцу, и то продана слѣдующая половина матери нашей 25 чет.

А купцы оной маіоры Михайла и Осипъ Висленевы и другою половиною т. е. всю землю дворомъ его и усадьбою сильно завладѣли и дѣда нашего изъ двора выбили, которой при самой древности скитаясь между дворъ восемь лѣтъ, умеръ.

И по тѣмъ прошеніямъ матери нашей, тетки и брата нашего и по мнѣнію вотчинной коллегіи правительствующаго сената 5-го департамента продолжающейся сорокъ три года, рѣшилъ, не уважая имянныхъ 1718 г. мая 26-го дня блаженныя памяти государя Петра Перваго и учиненной по тому дѣлу въ крезрехтѣ сентенціи и точнаго о имѣніяхъ винныхъ государыни императрицы Анны Іоанновны генваря 11-го дня 1738 г. указовъ, а только сославшисьна указъ 1738 г. іюля 10-го дня, будто за онымъ указомъ возвратить не можетъ, поставляя въ резонъ что-де на поданную въ кабинетъ отъ того полку вѣдомость объ описныхъ по оному дѣлу у подлежащихъ ко взысканію движимыхъ и недвижимыхъ имѣніевъ, какъ ихъ такъ и женъ и матерей собственнымъ, въ которыхъ и матери нашей описныя имѣнія показаны были.

Имяннымъ же 1740 г. мая 27-го дня указомъ велѣно по прошеніямъ поручика Пущина и подпоручика Бахтѣева, купленныя на имя жены Пущиной не-

движимыя имѣнія возвратить имъ во владѣніе; а о имѣніи матери нашей ничего-же не сказано; которой казусъ не токмо къ отказу, но паче когда они сами не смѣли сдѣлать, велъ ихъ къ докладу вашему императорскому величеству, ибо Пущина и Бахтеева жены были на лицо и просили, тѣмъ и пожаловано было; а мать наша и тетка, какъ выше донесено, были въ Сибирѣ въ политической ссылкѣ, то и просить способу не было, да мать наша хотя и приходила въ кабинетъ просить, но злодѣйствомъ маіора Албрехта вывезена подъ карауломъ за городъ. А какъ возвратились въ Москву, то мать наша и стала еще въ 1742 г. просить, то и слѣдовало имъ о семъ доложить, что соизволите ваше императорское величество повелѣть; а не такъ безгласно а паче чужое и другаго роду, т. е. дѣда нашего Дубровскаго и ни мало въ томъ дѣлѣ не участнаго въ томъ же заключили, въ чемъ велѣно намъ объявить, котораго объявленія учинить было некому, ибо мать наша и тетка померли.

А я, нижайшій вашъ рабъ, по высочайшему вашего императорскаго величества соизволенію, обрѣтаюсь въ другомъ государствѣ, о чемъ былъ несвѣдомъ и мнѣ знать не дано—къ тому-жъ по должности бывшемъ въ томъ департаментѣ оберъ-прокуроръ г. Обуховъ и оберъ-секретарь Ильинъ силу того 1738 года іюля 10-го дня (указу) господамъ сенаторамъ неистолковали; а какъ правительствующій сенатъ уже крайне и верхнѣй судъ есть, то идти уже некуда, но токмо осталось прибѣгнуть къ правосудному престолу вашего императорскаго величества и припавъ къ священнымъ стопамъ вашимъ и просить.

Всемилостивѣйшая государыня, повелите оное дѣло матери и тетки нашей правительствующаго сената изъ 5-го департамента, такожъ и поданныя челобитныя матери и тетки нашей и брата моего изъ вотчинной коллегіи взять 6-го департамента оберъ-прокурору и вашего императорскаго величества каммергеру князю Ивану Гагарину, и изъ обѣихъ рѣшеніевъ сдѣлать экстрактъ и донести вашему императорскому величеству, и учинить милостивое свое рѣшеніе и не предать насъ тѣмъ рѣшеніемъ во образецъ. А о имѣніи дѣда нашего дворянина Петра Дубровскаго, которой ничѣмъ былъ невиненъ, дать свое имянное повелѣніе Синбирскаго намѣстничества правящему должность генералъ-губернатора генералъ-поручику Осипу Андреевичу Игельстрому, чтобъ онъ вступился въ то дѣло яко безгласное вмѣсто меня, ибо я никакихъ повѣренныхъ не имѣю, послалъ одного изъ губернскихъ стряпчихъ, который бы ѣхалъ въ городъ Ставрополь, въ которомъ то имѣніе состоитъ и взявъ тамо земскаго судью и землемѣра и съ ними ѣхалъ-бы въ село Рожественское, что на верхней Майнѣ и собравъ тамо живущихъ дворянъ, изслѣдовалъ гдѣ было селеніе дворянина Петра Дубровскаго и пахатныя земли и кто ими владѣетъ, и по какимъ крѣпостямъ; и тѣ крѣпости отобравъ изслѣдовать въ губерніи въ гражданской палатѣ, подъ смотрѣніемъ его превосходительства. И ежели другихъ какихъ крѣпостей кромѣ беззаконно проданной лейбъ-гвардіи преображенскаго полку отъ полковой канцеляріи на 25 четвертей землю, всю отобрать и отдать тамо живущему, матери моей родственнику, секундъ-маіору Якову Михалникову, а за насильное владѣніе повелѣть учинить по силѣ уложенья и указовъ.

Высылка изъ Россіи членовъ „Общества свиней“

въ 1824 г.

Предъ нами лежитъ дѣло 1824 г., принадлежащее нынѣ собранію рукописей редакціи „Русской Старины“ и озаглавленное такъ: „дѣло о членахъ общества именуемаго свиней“. Въ находящемся здѣсь извѣщеніи правителя канцеляріи кронштадскаго военнаго губернатора Баженова, члены этого общества названы членами „Свинаго общества“.

Дѣло начинается предложеніемъ графа Милорадовича оберъ-полицеймейстеру генералъ-лейтенанту Ив. Вас. Гладкову, 7 августа 1824 г., за № 4,190. Графъ Милорадовичъ писалъ:

—„Государь императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему, высочайше повелѣть соизволилъ: всѣмъ членамъ Общества называемаго свиней, находящимся нынѣ подъ стражею, выдать паспорты на слѣдованіе за-границу, безъ возврата и приказать имъ сейчасъ выѣхать отсюда за-границу. Сверхъ того, взять съ нихъ подписки, что они въ Россію никогда не возвратятся и внушить имъ, что ежели и за сими подписками возвратится кто-нибудь въ Россію, тогда уже подвергнется строгому взысканію по законамъ“.

Днемъ раньше, 6 числа, по словесному приказанію графа Милорадовича, переданному Гладкову чиновникомъ М. Фогелемъ, оберъ-полиційместеръ предписалъ тѣмъ приставамъ, въ частяхъ коихъ содержались члены общества, „сдѣлать распоряженіе въ самой скорости касательно ихъ имущества по квартирамъ, куда и отправить за строгимъ карауломъ, но по домамъ ночевать не дозволять“. Одинъ изъ членовъ — Жюсти содержался въ Петропавловской крѣпости; почему Гладковъ просилъ коменданта Сукина передать для этой надобности арестанта квартальному надзирателю Навроцкому. Изъ донесеній приставовъ видно, что члены общества находились подъ арестомъ болѣе двухъ мѣсяцевъ; по крайней мѣрѣ, Марсиль былъ присланъ въ 4-ю адмиралт. часть 3 іюня, а съ 15 числа содержался по болѣзни въ больницѣ градской тюрьмы.

Въ теченіи 6 и 7 августа были кончены распоряженія по имуществу, командированы жандармы, заготовлены паспорты и отобраны отъ членовъ общества слѣдующія подписки: „С.-Петербургъ. 1824 г. августа 7 дня, я, нижеподписавшійся, по случаю высылки меня отсюда, за неблаговидные поступки, съ воспрещеніемъ мнѣ впредь въѣзда въ Россійскую имперію, обязываюсь въ предѣлы оной никогда не вступать, и подвергаюсь въ противномъ случаѣ законному взысканію, въ чемъ своеручно и подписуюсь“. Подписка имѣла и французскій текстъ. Всѣ арестованные, въ числѣ 9 человѣкъ, въ томъ числѣ и Жюсти, взятый изъ крѣпости квартальнымъ надзирателемъ Лефебромъ, вечеромъ 7 августа, были переданы жандармамъ с.-петербургскаго дивизіона, унтеръ-офицерамъ Степану Васильеву, Емельяну Иваникову и Петру Косолапову, назначеннымъ конвоировать ихъ до Кронштадта, и отправлены къ тамошнему военному губернатору при слѣдующей бумагѣ оберъ-полицеймейстера Гладкова:

„Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: выслать за-границу всѣхъ членовъ общества называвшагося свиней, находящихся здѣсь подъ стражею и прибывшихъ въ Россію въ 1806, 1811, 1820, 1821, 1822 и 1823 годахъ, именно же: швейцарскаго подданнаго изъ Женевы гувернера Вальньева? Фридриха Лебрюна (Willeneuve Ferdinand Le Brun, commis), парижскаго уроженца (зачеркнуто: „уволеннаго отъ нашей службы въ 1821 г. коллежскаго секретаря), Александра Жоффре (Alexandre Jauffret, professeur de littérature), итальянскаго подданнаго изъ Болоньи профессора музыки Марко Аврелія Зани, тосканскаго подданнаго изъ Флоренціи аббата Іосифа Жюсти; французскихъ подданныхъ: изъ Бордо, лекаря Жана-Эмануеля Плантена, парижскихъ уроженцевъ, купеческаго прикащика и занимающагося также писаніемъ портретовъ Луи-Августа Булана (August Bernard Bouland), доктора медицины Констанса-Альфонса Марсилья (Constant Alphonse Marsille), и учителей французскаго языка Пьера-Филиппа Ростейна (Rostainne), и родившагося въ Безансонѣ Жана-Баптиста Май". Гладковъ просилъ отправить ихъ за-границу съ первоотходящимъ кораблемъ.

Арестованные доставлены въ Кронштадтъ 8 августа 1824 г. Вслѣдъ за ними пришло разрѣшеніе графа Милорадовича, дозволявшее Плантену бракъ съ г-жею Глоховскою, если она пріѣдетъ въ Кронштадтъ до 11 числа. Но здѣсь встрѣтилось какое-то затрудненіе въ отправкѣ высылаемыхъ съ первоотходящимъ кораблемъ, почему графъ Милорадовичъ писалъ 12 августа Гладкову, что такъ какъ его импер. вел—во, „повелѣвъ выслать арестованныхъ за-границу, предоставилъ совершенно ему и отправленіе ихъ, то онъ, графъ, и сообщилъ военному губернатору, что онъ можетъ отправить ихъ по своему усмотрѣнію и по мѣрѣ возможности".

Этимъ дѣло и оканчивается. Въ немъ, правда, есть донесеніе Гладкову пристава литейной части о томъ, „что французскаго подданнаго, профессора литературы Де-Паяна или Пагна, по учиненной выправкѣ ввѣренной ему части въ жительствѣ не оказалось и не жилъ", но принадлежалъ ли этотъ французъ къ обществу свиней, или донесеніе о немъ попало въ это дѣло по ошибкѣ,—не извѣстно, и нигдѣ болѣе объ немъ не упоминается, какъ равно нѣтъ никакого указанія ни на дѣйствія, ни на цѣли общества. При настойчивомъ желаніи нашемъ дорыться болѣе подробныхъ данныхъ объ этомъ обществѣ намъ это не удалось. Что же касается единственнаго, попавшаго въ общество свиней русскаго — Сидорова, то объ немъ въ приведенномъ нами дѣлѣ вовсе не говорится.

Г. И. Студенкинъ.

Примѣчаніе. Характеристика членовъ „Общества свиней" 1824 г. почерпнутая изъ официальныхъ документовъ того времени, была уже напечатана въ „Русской Старинѣ" изд. 1881 г. томъ XXX, (январь), стр. 183—186.

Ред.

ПОРТРЕТЪ [1].

J'ai remarqué, que les hommes distraits sont toujours excellents.

La Duchesse d'Abrantès.

Есть въ мірѣ чудный человѣкъ,
Едваль не безпримѣрный:
Онъ въ странствіяхъ проводитъ вѣкъ,
Россіи посвященный.
Онъ нѣжный другъ, нѣжнѣйшій братъ,
Мудрецъ, эпикуреецъ,
Полу-Катонъ, Алкивіадъ,
И чистый европеецъ.

***

Гдѣ былъ, иль гдѣ онъ не бывалъ?
И къ дальнымъ—сердцемъ ближе:
Въ Парижѣ о Москвѣ вздыхалъ,
Въ Москвѣ же о Парижѣ.
Европу облетая вкругъ,
Вездѣ спѣшитъ явиться:
Изъ Рима рвется въ Петербургъ,
Оттуда въ Римъ умчится.

***

Пятнадцать лѣтъ—онъ самъ себя
Какъ будто ищетъ въ свѣтѣ;
Когда, разсѣянность любя,
Спѣшитъ, какъ на полетѣ,
И даже слухъ о немъ идетъ:
Скиталецъ вѣчный ожилъ!
За многихъ чувствуетъ, живетъ,
Одинъ—сто жизней прожилъ.

***

---

[1]) Въ настоящей книгѣ „Русской Старины" іюнь, стр. 187—206, напечатано нѣсколько писемъ Александра Ивановича Тургенева—живо воспроизводящихъ предъ нами нравственный обликъ этого замѣчательнаго человѣка. Здѣсь же перепечатываемъ—указанное намъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ — А. Н. Пыпинымъ,—весьма характеристическое стихотвореніе неизвѣстнаго автора въ шутливой, но весьма добродушной формѣ, рисующаго „портретъ" того же А. И. Тургенева. Стихотвореніе это было напечатано при жизни А. И. Тургенева въ „Литературной Газетѣ", изд. 1840 г. Ред.

Во всѣхъ столицахъ у него
Свои есть кабинеты,
Гдѣ куча книгъ, того-сего,
Брошюры и газеты;
Въ Парижѣ, въ Лондонѣ-ли онъ,
Въ архивахъ пыль глотаетъ,
И старину со всѣхъ сторонъ
Слѣдитъ и открываетъ.

* *
*

Такъ! въ жизни данъ ему въ удѣлъ
Предметъ его желаній:
Собрать минувшихъ память дѣлъ
И хартіи сказаній,
Россіи прежній бытъ раскрыть,
Петровыхъ лѣтъ картины,
Міръ новымъ блескомъ удивить
Въ дѣлахъ Екатерины.

* *
*

И въ Римѣ, въ ватиканской онъ
Сидитъ библіотекѣ;
Кому вопросъ, кому поклонъ,
Чтобъ знать о каждомъ вѣкѣ,
Что̀ любопытнаго въ дѣлахъ
Бывалыхъ дипломатовъ...
Съ Марини шепчетъ о звѣздахъ
За хартіи легатовъ.

* *
*

Готовъ всѣмъ музамъ для услугъ:
Вездѣ ихъ почитатель;
Онъ сорокъ лѣтъ съ Жуковскимъ другъ,
Карамзиныхъ пріятель.
Онъ съ Вяземскимъ одна душа,
Козлова утѣшитель,
И, можно молвить не грѣша,
Всѣхъ знаній онъ любитель.

* *
*

Онъ видитъ зорко, далеко,
Его повсюду око;
Онъ пишетъ сжато, коротко,
А чувствуетъ глубоко!

Влюбленъ въ писателей съ душой,
И, странствуя всемѣстно,
Со всей Европой онъ—какъ свой,
Вездѣ о немъ извѣстно.

***

У Вальтеръ Скотта онъ живалъ;
Съ Кювье онъ подружился.
У Гёте гостемъ пировалъ,
У Гумбольдта учился.
Съ Шатобріаномъ вечеркомъ
У Рекамье прелестной,
Всѣмъ знаменитостямъ знакомъ,
И гость вездѣ любезной.

***

И съ Ламартиномъ онъ ѣзжалъ,
Знавалъ друзей Байрона,
На балѣ въ Римѣ танцовалъ
Съ сестрой Наполеона;
Прахъ Пушкина отвезъ за Псковъ;
Чрезъ мѣсяцъ—онъ Парижѣ,
А тамъ[1] у шведскихъ береговъ,
Къ родимымъ снова ближе.

***

Какъ русскій—къ русскимъ онъ взывалъ
Двѣнадцатаго года,
Надеждой въ Промыслъ возвышалъ
Усердіе народа.
Благословеннаго любилъ,
Служилъ добру трудами,
И память Александра чтилъ
Сердечными слезами.

***

Искатель знаній съ правотой,
Изящнаго цѣнитель,
И славы русской и родной
Повсюду возвѣститель,
Причудливъ.... это не бѣда!
Онъ Русь въ лицо не хвалитъ;
Но въ сторонѣ чужой—всегда
Родное чтитъ и славитъ.

***

Знакомитъ съ русской стариной
И съ молодымъ талантомъ,
И съ лирой Пушкина златой,
И съ ветхимъ фоліантомъ....

***

Иной не высмотритъ и въ годъ,
Чтд онъ увидитъ въ сутки;
Другой удвоилъ бы доходъ
Слѣдя за нимъ,—безъ шутки!
Чтд день, предметъ къ замѣткамъ данъ:
Лишь слушайте, глядите,
И каждый день себѣ романъ—
Хоть въ двадцать главъ—пишите,

***

Онъ слушать проповѣдь спѣшитъ,
И къ лекціи поспѣетъ,
Двухъ, трехъ посланницъ посѣтитъ,
Къ больной зайти успѣетъ.
Оттуда онъ еще зайдетъ
Въ палату депутатовъ,
Къ Гизо, иль Тьеру на обѣдъ,
На балъ аристократовъ.

***

На двухъ балахъ, на трехъ балахъ,
Онъ въ вечеръ помелькаетъ,
Но не забудетъ о друзьяхъ:
Тамъ полночь провождаетъ,
И полусонный ѣдетъ спать,
Съ разсвѣтомъ чтобъ проснуться,
И прежде, чѣмъ свой день начать,
На прошлый оглянуться.

***

Въ одномъ письмѣ онъ пишетъ къ тремъ:
Друзей не забывая,
Сближаетъ ихъ, своимъ письмомъ
Дѣлиться заставляя,
Привѣты сердца обѣщать,
И шутки, и намеки,
И радуетъ, что всѣхъ опять
Ихъ вспомнилъ другъ далекій.

***

Онъ другъ живыхъ и мертвыхъ другъ,
И арфою Эола
Среди могилъ—имъ шепчетъ вслухъ:
«У Божія престола
Вы, братья, живы предо мной,
Я помню васъ, какъ прежде,
Люблю, и свидѣться душой—
Въ безсмертной я надеждѣ».

* *
*

Такъ занята душа его;
Все въ мысль его тѣснится,
И смѣсь и пестрота всего,
И чудно міръ кружится!
Все измѣняется предъ нимъ,
И гдѣ ни побываетъ,
Все недочетъ друзьямъ былымъ,
Все новое встрѣчаетъ.

* *
*

И рѣчь его—калейдоскопъ
Словъ острыхъ и блестящихъ,
И мчится мысль его въ галопъ,
Въ обгонъ всѣхъ говорящихъ;
Разсказъ его—какъ токъ бѣжитъ,
Жизнь свѣта отражая,
Забавитъ, трогаетъ, дивитъ,
Одно другимъ смѣняя.

* *
*

Какъ часто дремлетъ онъ въ гостяхъ!
Не вѣрьте,—онъ не дремлетъ:
Закрывъ глаза, въ своихъ мечтахъ
Воспоминанью внемлетъ.
Но васъ онъ слышитъ. Къ слову вдругъ
Словцо онъ кстати скажетъ,
Развеселитъ замолкшій кругъ,
Смѣшное вмигъ укажетъ,

* *
*

И вступитъ въ бѣглый разговоръ,
И весь одушевится,
Все жарче, жарче, въ громкій споръ,
Пока не утомится.

Тогда притихнетъ, и опять,
Тутъ въ кресла опустяся,
Себѣ позволитъ онъ дремать,
Прищурясь и смѣяся.

*
* *

Угодникъ дамъ онъ искони,
Ихъ помнитъ имянины,
Всѣ сердцу памятные дни
Гафиры, Клары, Нины:
Той шлетъ онъ вазу, той платокъ,
Другой перчатокъ датскихъ,
А той хрустальный башмачокъ—
Поклонникъ ножекъ дамскихъ!

*
* *

Очарователь нѣжныхъ дамъ,
За нищету проситель,
Неутомимъ и по дѣламъ
Гонителей гонитель.
Всѣ анекдоты ихъ слѣдитъ,
Все помнитъ, что̀ услышитъ,
Какъ Абрантесъ заговоритъ,
Чтобъ не забыть, запишетъ.

*
* *

Въ немъ пылокъ порицанья духъ,
И скоръ онъ въ заключеньяхъ;
То—слишкомъ громко мыслитъ вслухъ,
То легокъ онъ въ сужденьяхъ:
Онъ передъ истиной святой —
Какъ смертный, заблуждался,
Но все, съ младенческой душой,
Какъ былъ, такъ и остался.

*
* *

Добру онъ сердцемъ преданъ весь,
Отчета не страшится;
Онъ презираетъ низость, спѣсь,
Клеветъ онъ не боится.
И между тѣмъ готовъ бѣжать
На помощь сирымъ, бѣднымъ,
За нихъ просить и умолять,
И докучать надменнымъ.

*
* *

Хотите-ль встрѣтиться вы съ нимъ.
То случая вы ждите;
Онъ иначе неуловимъ.
Не тамъ его ищите,
Гдѣ онъ, а тамъ, гдѣ можетъ быть.
Когда жъ писать нужнѣе,
Старайтесь адресъ позабыть,—
Письмо дойдетъ вѣрнѣе.

*
* *

Вотъ Абулъ-Фацарій нашъ,
Герой Шехерезады.
Списать его пришла мнѣ блажь,
И въ спискѣ много правды.
Недовершенъ его портретъ,—
Кто хочетъ, пусть дополнитъ,
Исправитъ, если сходства нѣтъ,
Добавитъ что припомнитъ.

1840.

ЖИЗНЬ И ПРОИЗВЕДЕНІЯ ГРАВЕРА Л. А. СѢРЯКОВА

1824—1881.

V [1]).

Во время писанія біографіи Сѣрякова у меня не было подъ руками всѣхъ его гравюръ, поэтому я не могъ сдѣлать тогда должной оцѣнки его дѣятельности. Постараюсь восполнить этотъ пробѣлъ теперь. Всю дѣятельность Сѣрякова можно раздѣлить на три періода. Къ первому—относятся гравюры, дѣланныя имъ въ 1845—49 гг., для дѣтской книжки Ѳ. Студитскаго и для „Иллюстраціи"; разумѣется, гравюры эти не отличаются еще тѣмъ изяществомъ, какое мы видимъ въ его послѣдующихъ произведеніяхъ, хотя иныя изъ нихъ и стоятъ выше многихъ работъ другихъ русскихъ ксилографовъ того времени. Но послѣ копированія съ Одрана, Виля, Клаубера—въ 1850-хъ годахъ, Сѣряковъ сразу становится великимъ техникомъ и дѣлаетъ поистинѣ превосходную вещь—голову съ Рембрандта въ Эрмитажѣ, совершенно въ особенной манерѣ. Съ этого начинается второй періодъ его дѣятельности. Въ томъ же родѣ онъ гравируетъ въ Парижѣ для Беста; великолѣпные портреты его работы издатель „Magasin Pittoresque" преподноситъ своимъ читателямъ по одному въ годъ,

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1881 г., т. XXX, стр. 423—442. Замѣчу кстати, что въ 1-й моей статьѣ вкрались двѣ крупныхъ ошибки: 1) на стр. 438, въ 6-й строкѣ сверху, напечатано: (съ 1870 г.)—вмѣсто: (до 1870 г.), и 2) на стр. 441, въ 4-й строкѣ сверху,—пропущено слово: желаніе. Н. С.

вполнѣ сознавая все превосходство ихъ передъ другими гравюрами той же категоріи, работы другихъ ксилографовъ.

По возвращеніи въ Петербургъ въ 1864 г., Сѣряковъ первое время продолжаетъ еще работать въ той же манерѣ—для Московскаго художественнаго общества и проч.; но потомъ, заваленный спѣшными заказами, начинаетъ дѣлать очень обыкновенныя ксилографіи.

Съ 1870-хъ годовъ настаетъ третій періодъ въ его дѣятельности: подъ его руководствомъ работаетъ цѣлая граверная мастерская и выпускаетъ громадное число клише съ помѣтою „С. и Ко.“; такія гравюры встрѣчаются преимущественно въ разныхъ иллюстрированныхъ журналахъ того времени. Собственныя, немногочисленныя работы Сѣряковъ отмѣчаетъ тогда автографическою подписью своего имени, изъ извилистыхъ буквъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ изданіяхъ, какъ напр., въ „Исторіи Литературы“ П. Н. Полеваго, попадается подъ гравюрами похожая на его собственноручную подпись,—можетъ быть, она принадлежитъ его первой женѣ, А. А. Гавриловой, которая, будучи сама гравершей и ученицей Сѣрякова, помогала мужу въ его работахъ (гравюры, подписанныя ея именемъ, встрѣчаются въ „Семьѣ и Школѣ“); вѣроятно, не самимъ Сѣряковымъ дѣланы и нѣкоторыя изъ гравюръ, помѣченныхъ буквами Л. С.—Оригинальныя его произведенія этой эпохи помѣщались преимущественно въ „Русской Старинѣ“, которой посвящено болѣе четверти всей его дѣятельности. Съ переѣздомъ въ Парижъ и Ниццу въ 1876 г., Сѣряковъ гравируетъ уже все самъ.

Въ нашемъ спискѣ перечислены только работы Сѣрякова, подписанныя его именемъ или, если и неподписанныя, то исполненныя имъ несомнѣнно, какъ напр., указанныя въ его автобіографіи или въ письмахъ ко мнѣ В. В. Маттэ, въ послѣдніе годы ближайшаго къ нему ученика; о прочихъ, т. е. помѣченныхъ буквами: „С. и Ко.“, говорено у насъ въ особыхъ примѣчаніяхъ. Собственныхъ гравюръ Сѣрякова можно считать отъ 450 до 500, да дѣланныхъ въ его мастерской—отъ 850 до 900, а всего, пожалуй, наберется до 1,500; въ спискѣ онѣ расположены въ хронологическомъ порядкѣ и по изданіямъ, для которыхъ дѣлались.

Н. П. Собко.

VI.

I. Путешествіе вокругъ свѣта, изд. Ѳ. Студитскимъ. Южная Европа. Спб. 1846. 16°.

Политипажи: 1) Соборъ въ Кордовѣ (стр. 7); 2) Женевское озеро (стр. 13); 3) Чортовъ мостъ (стр. 20); 4) Симплонская дорога (стр. 30); 5) Сенъ-Бернардская собака (стр. 33); 6) Венеція (стр. 40); 7) Соборъ св. Петра въ Римѣ (стр. 45); 8) Колизей (стр. 51); 9) Неаполь и Везувій (стр. 54); 10) Этна (стр. 69); 11) Діонисіево ухо (стр. 79); 12) Греческіе метеоры (стр. 85); 13) Аѳины (стр. 95); 14) Константинополь (стр. 104); 15) Мечеть Ая-Софья. Соборъ св. Софіи (стр. 108)—всѣ безъ подписи Сѣрякова.

II. Иллюстрація 1846—1849 гг., въ малый листъ:

1) Гулянье на Смоленскомъ кладбищѣ (1846, т. III, № 27, стр. 422) [1]; 2) Домъ въ имѣніи Вѣрки и 3) Общій видъ имѣнія Вѣрки (стр. 431) [2]; 4) Тріумфальныя ворота на Невѣ въ 1714 году (№ 28, стр. 439) [3]; 5) Происшествіе на желѣзной дорогѣ во Франціи (стр. 450) [4]; 6) Принцевы острова, карт. Г. И. Айвазовскаго (№ 34, стр. 543) [5]; 7) Село Локотки Глуховскаго уѣзда, Черниговской губерніи (№ 42, стр. 659); 8) Типографскій наборъ по системѣ Гутенберга (№ 43, стр. 678) [6]; 9) Боярскій домъ временъ Петра Великаго (№ 45, стр. 714); 10) Гг. Віоль и ученикъ его Пачифико Авиньоли.—RZ (т. е. Rudolphe Zukowski).—Сѣряковъ (стр. 718) [7]; 11) Харьковъ. Ярмарочная площадь (№ 46, стр. 727); 12) Видъ изъ Куликовскаго сада на Захарьковскую часть (№ 47, стр. 742) [8]; 13) Поздравленіе съ Новымъ годомъ.—RZ.—Сѣряковъ (1847, т. IV, № 1, стр. 12); 14) Сергіевка, дача ея и. в. в. к. Маріи Николаевны (№ 3, стр. 40); 15) Садъ въ Бахчисараѣ.—RZ.—Сѣряковъ (№ 5, стр. 69); 16) Гетманъ Мазепа. — Сѣр...въ.—М К. (стр. 77); 17) Лотерея дѣтскихъ пріютовъ (№ 12, стр. 185); 18) Поздравленія, къ статьѣ: Шутки пера и карандаша (стр. 188—189); 19) Бюстъ Э. И. Губера (№ 14, стр. 221); 20) Переѣздъ съ квартиры на квартиру, къ статьѣ: Шутки пера и карандаша (стр. 222—223); 21) Русскій лагерь въ Султаніе (№ 15, стр. 230) [9]; 22) Больница всѣхъ скорбящихъ. Домъ умалишенныхъ.—Сркв (№ 17, стр. 267 bis) [10]; 23) Абхазецъ (№ 18, стр. 286); 24) Спасо-Преображенскій соборъ и Успенскій монастырь въ Холмогорахъ (т. V, № 25, стр. 5); 25) Мѣсто, гдѣ родился Ломоносовъ, въ деревнѣ Денисовой „Болото“ (стр. 8); 26) Зданія, называемыя домомъ Давидовымъ, — нынѣ мечеть въ Іерусалимѣ (№ 26, стр. 20);

---

[1]) Перепечатано въ «Иллюстрированной Газетѣ» Баумана 1865 г. (т. XVI № 30, стр. 69).

[2]) Тамъ же въ 1868 г. (т. XXI, № 12, стр. 181).

[3]) Тамъ же въ 1865 г. (т. XVI, № 50, стр. 397).

[4]) Тамъ же въ 1866 г. (т. XVII, № 14, стр. 220).

[5]) Тамъ же въ 1868 г. (т. XXI, № 10, стр. 152).

[6]) Тамъ же въ 1867 г. (т. XIX, № 6, стр. 92).

[7]) Тамъ же въ 1865 г. (т. XVI, № 44, стр. 301).

[8]) Тамъ же въ 1866 г. (т. XVIII, № 50, стр. 393).

[9]) Тамъ же въ 1866 г. (т. XVII, № 2, стр. 25).

[10]) Тамъ же въ 1867 г. (т. XIX, № 25, стр. 385).

27) Императоръ Александръ I въ Хапаланкангасѣ (№ 28, стр. 58); 28) Переѣздъ императора Александра I-го между Каяны и Сотарила (стр. 59); 29) Видъ казеннаго заведенія въ Лопухинкѣ (№ 29, стр. 74); 30) Общій видъ Лопухинки съ водолечебными заведеніями (стр. 75); 31) Петраркъ, Сальватора-Розы (№ 30, стр. 90); 32) Краковякъ на праздникѣ Карпатскихъ горцевъ.—Р. Ж.—Сѣряковъ—Спб. (№ 33, стр. 135); 33) Старинный національный мазуръ,—съ тѣми же подписями (стр. 139); 34) Дача гр. Строганова со стороны сада.—Р. Жуковскій.—Сѣряковъ—Спб. (№ 34, стр. 151); 35) Моментъ прощанія (воздухоплавателя) г. Леде съ отцемъ, 31-го августа 1847 года.—Р. Ж.—Сѣряковъ (стр. 159); 36) Видъ Гельсингфорса у Телескаго сада (№ 38, стр. 221); 37) Выходъ всякихъ народовъ изъ кабака, въ городѣ.—Г. Агинъ.—Сѣряковъ (№ 45, стр. 329); 38—40) Три рисунка къ разсказу Сереги.—Сѣряковъ.—Мамоновъ (№ 46, стр. 340—341); 41) Образцовый дѣтскій пріютъ въ С.-Петербургѣ. Видъ изъ сада (№ 47, стр. 361); 42) Нищіе (стр. 365); 43) Лѣтній садъ и домъ е. и. в. принца Ольденбургскаго.—Сѣряковъ—Спб.—П. Б. (т. е. Петръ Борель) (1848, т. VI, № 3, стр. 41); 44) Фарисей Фарисеевичъ Фарисеевъ, вводящій на драгоцѣнную стезю филантропіи своего... племянника.—П. (т. е. Петербургъ)—Сѣряковъ (стр. 44); 45) Принцесса Аделаида, сестра короля Французовъ (№ 6, стр. 98); 46) Святогорскій монастырь и могила А. С. Пушкина (№ 9, стр. 133); 47) Новый домъ кн. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго (т. VII, № 25, стр. 9); 48) Петровская площадь въ Кронштадтѣ (№ 29, стр. 77); 49) Воздушное путешествіе Гаэтан Жермани, изъ сада заведенія минеральныхъ водъ (№ 31, стр. 109); 50) Серебряная рака св. Александра Невскаго въ Троицкомъ соборѣ монастыря.—Сѣряковъ.—Р. Ж. (1849, т. VIII, № 1, стр. 5) [1]); 51) Почему художникъ не могъ выйти въ новый годъ изъ дома.—В. Т. (т. е. Василій Тиммъ)—Сѣряковъ (стр. 9); 52) Видъ Офена и Песта, съ тѣми же подписями (№ 2, стр. 21) [2]).

III. Альбомъ изъ 15 рисунковъ, представленный Сѣряковымъ чрезъ военнаго министра, А. И. Чернышева, императору Николаю I; въ томъ числѣ гравированная на деревѣ группа изъ трехъ фигуръ, вершка по 4 величиною, изображавшихъ: унтеръ-офицера преображенскаго полка и солдатъ кавалергардскаго и семеновскаго полковъ, въ 1847 г.

IV—VI. Отдѣльно: Гравюры на деревѣ съ Одрана, Виля, Клаубера, въ 1852 г.

VII. Отдѣльно: Голова старика въ профиль, съ подписью: „Л. Сѣряковъ 1853.—Рисовалъ и гравировалъ на деревѣ Лаврентій Сѣряковъ.—(Étude).—(съ картины Рембранта.)—Изъ галлереи Императорскаго Эрмитажа"; въ $^1/_2$ оригинала, въ малый листъ (доска погибла при переѣздѣ Сѣрякова моремъ изъ Петербурга въ Парижъ, въ сентябрѣ 1858 г.).

VIII. Историческій обзоръ дѣйствій Корчевской № 14-го дружины государственнаго подвижнаго ополченія Тверской губ. въ 1855 и 1856 гг., Г. Лаврентьева. Съ портретомъ автора и 25-ю политипажами, исполненными въ рисункахъ и гравированіи на деревѣ художниками императорской академіи: Сѣряковымъ, Куренковымъ, Берестовымъ, Марковымъ и Муравьевымъ. Спб.

---

[1]) Въ «Иллюстрированной Газетѣ», 1867 г. (т. XIX, № 10, стр. 149).

[2] Тамъ же въ 1865 г. (т. XVI, № 48, стр. 360).

1857. 8°: Портретъ Лаврентьева (поколѣнный, 3/4 вправо; въ овалѣ), безъ подписи, но съ помѣтою: грав. на деревѣ Л. Сѣряковъ.

IX. Отдѣльно: Невѣріе апостола Ѳомы, съ эскиза Рембрандта въ Эрмитажѣ; въ величину оригинала: в. 12, ш. 11½ верш. (Доска погибла во время пожара въ мастерской у столяра, которому дана была для задѣланія трещины).

X Ze Magasin pittoresque, publié sous la direction de M. Édouard Charton. Paris, Typographie de I. Best, 1859—72, pet. fol.: 1) Tombeau de la villa Querini, près de Padoue. Dessin de Thérond, d'après Jacquemin.—E. Thérond.—Л. Сѣряковъ. s. (1859, XXVII, № 19, p. 148); 2) Le Vivier, à la Haye.— Rouargue del.—Л. Сѣряковъ (№ 50, p. 393); 3) Pressoir Dezaunay.—Dessin de Lambert.—Л. Сѣряковъ. sc. (1860, XXVIII, № 7, p. 53); 4) Une Vue des Mines de Sel de Wieliczka, en Pologne.—Dessin de Lancelot, d'après la Pologne pittoresque.—Л. Сѣряковъ (№ 8, p. 61) [1]; 5) La Ville du Grand-Lac-Salé. D'après une image daguerienne prise par M. Jules Remy.—A. de Bar.— Л. Сѣряковъ sc. (№ 26, p. 208); 6) A. G. Decamps, d'après une photographie. —Henri Rousseau del.—Л. Сѣряковъ sc. (1861, t. XXIX, № 49, p. 389); 7) Une Chaire du dix-septième siècle, par Lepautre.—Dessin de Chevignard.— Л. Сѣряковъ (1862, t. XXX, № 11, p. 81); 8) La Boutique du forgeron, par Wright.—Dessin de Worms, d'après une estampe à la manière noire.—Л. Сѣряковъ sc. (№ 27, p. 209); 9) Le Cortége pontifical. — Dessin de Worms, d'après le tableau de M. de Coubertin (Salon de 1862).—Л. Сѣряковъ (№ 51, p. 400); 10) F. Halévy. Dessin de Rousseau, d'après une photographie de Carjat.— Henri Rousseau del.—L. Sériakoff sc. (1863, t. XXXI, № 33, p. 257); 11) Horace Vernet. Dessin de H. Rousseau, d'après une photographie de Tournachon jeune.—Henri Rousseau del.—L. Sériakoff sc. (1864, t. XXXII, № 45, p. 353); 12) Eugène Delacroix, mort le 13 août 1863. Dessin de H. Rousseau, d'après une photogravure de Carjat.—Henri Rousseau del.—L. Sériakoff sc. (1865, t. XXXIII, № 51, p. 401); 13) Meyerbeer. Dessin de H. Rousseau, d'après une photographie de Numa Blanc.—H. Rousseau del.—L. Seriakoff sc. (1866, t. XXXIV, № 9, p. 65); 14) François Rude, Sculpteur.—Dessin de Bocourt, d'après une photographie communiquée par la famille.—L. Seriakoff sc. (№ 42, p. 329); 15) Ingrès. Dessin de H. Rousseau, d'après une photographie de Carjat. — Henri Rousseau del. — L. Seriakoff sc. (1867, t. XXXV, № 30, p. 233); 16) Forster, graveur.—H. Rousseau del.—L. Seriakoff sc. (1872, t. XL, № 49, p. 385).

XI. Histoire de France, depuis les temps les plus anciens jusqu'à nos jours, d'après les documents originaux et les monuments de l'art de chaque époque, par MM. H. Bordier et Éd. Charton. 2 vol. avec un grand nombre de gravures sur bois. Paris 1859—60. 8°: 1) Le Cardinal de Richelieu. D'après la gravure de Michel Lasne. — Л. Сѣряковъ (II, 197); 2) André le Notre. D'après la gravure de Masson.—Л. Сѣряковъ (344); 3) 1 avril 1753. Remon-

---

[1]) Перепечатано во «Всемірной Иллюстраціи» 1869 г. (т. I, № 18, стр. 276).

trances du Parlement au roi. Gravure du temps.—I. Gagniet del.—Л. Сѣряковъ (377); 4) 4 mars 1857. Louis XV tenant les sceaux en personne pour la première fois. Gravure de Pasquier.—Л. Сѣряковъ.—Et. David. del. (380); 5) Turgot. D'après Cochin fils.—Л. Сѣряковъ (395); 6) 20 avril 1814. Adieux de Napoléon à sa garde dans la cour du château de Fontainebleau.—Horace Vernet. p.—J. Gagniet. del.—Л. Сѣряковъ (551).

XII. Акаѳісты съ Каноны... въ Кіево-Печерской Лаврѣ, въ лѣто ѿ сотворенія міра ЗТОА (7371), ѿ Рж҃тва же по плоти Б҃га Слова, АѾѮГ (1863), індікта Ѕ҃, м҃ца феврꙋарія. 4º: Успеніе Божіей Матери.—гр. на дер. Л. Сѣряковъ—Спб. (по рис. Ѳ. Г. Солнцева).

XIII. Отдѣльно: Голова старика, съ картины Рембрандта въ Луврѣ; въ 1863—64 гг. (осталась неконченною).

XIV. Отдѣльно: Антиминсъ, по рисунку Ѳ. Г. Солнцева, для св. синода; въ сентябрѣ 1864 г.

XV. Отдѣльно: Сатиръ и Нимфа, со статуи Ставассера, по заказу Общества поощренія художниковъ въ 1864 г.; съ подписью: „Работы Ставассера—грав. Сѣряковъ. — Сатиръ и Нимфа, снимокъ съ мраморной группы Императорскаго Эрмитажа.—Le Satyre et la nymphe d'après le groupe en marbre de l'Ermitage Impérial". Въ малый листъ.

XVI. Заглавный листъ къ изданію Московскаго общества любителей искусства, по рис. профессора Ив. Ив. Соколова; въ 1864 г.

XVII. Художественный сборникъ. Изданіе Московскаго общества любителей художествъ. Подъ редакціею графа А. С. Уварова. М. 1866. 8º: 1) Материнская любовь, статуя С. И. Иванова. Съ фотографіи.—Л. Сѣряковъ (къ стр. 75); 2) Д. Г. Левицкій. (Портретъ отца художника).—Л. Сѣряковъ sc. 1864. (къ стр. 127).

XVIII. Святые равноапостольные Кvріллъ и Меѳодій, просвѣтители Славянъ. Соч. А. С. Князева. Изображенія гравированы Л. Сѣряковымъ по рисункамъ Ѳ. Бронникова. Спб. 1866. 4º: 1) Загл. листъ съ изображеніемъ памятника св. Кирилла и Меѳодія и съ надписью: „Проповѣднические подвиги апостоловъ Славянъ святыхъ Кирилла и Меѳодія. Изданіе слѣпца Григорія Ширяева. С.-Петербургъ 1866".—Л. Сѣряковъ.—П. Марковъ рис.; 2) Св. Кvріллъ, семи лѣтъ, повѣдаетъ родителямъ знаменательный сѡнъ свой ѡ Софіи.—съ одной подписью Ѳ. Бронникова; 3) С Кvріллъ, еще ѡтрокомъ, умоляетъ св. Григорія Богослова быть ему наставникомъ; 4) Св. Кvріллъ обличаетъ Сарацынскихъ мудрецовъ въ богохульствѣ; 5) Крещеніе Хозаръ, святыми Кvрілломъ и Меѳодіемъ; 6) Жители города Филлы, по слову св. Кvрілла, посѣкаютъ суевѣрнѡ чтимое ими дерево; 7) Св. Кvріллъ подно-

ситъ царю Михаилу III, изобрѣтенную имъ Славянскую азбуку [1]); 8) Св Кѵріллъ и Меѳодій обучаютъ Славянскихъ дѣтей грамотѣ; 9) Преніе святыхъ Кѵрілла и Меѳодія въ Венеціи, съ Латинскимъ духовенствомъ ѡ святости богослуженія и на Славянскомъ языкѣ; 10) Торжественная встрѣча св Кѵрілла и Меѳодія въ Рімѣ, съ мѡщами св. Климента; 11) Папа Адріанъ II возлагаетъ на св. престолъ переведенныя св. Кѵрілломъ и Меѳодіемъ богослужебныя Славянскія книги; 12) Св. Кѵріллъ на смертномъ одрѣ оумоляетъ брата своегѡ Меѳодія, не покидать Славянъ; 13) Св. Меѳодій въ Швабской темницѣ, за правѡславное проповѣданіе Слова Божія на Славянскомъ языкѣ; 14) Возвращеніе св. Меѳодія изъ Ріма въ Паннонію; 15) Предсмертное прощаніе св. Меѳодія съ оучениками [2]); 16) Святотасвенное (sic) сожженіе богослужебныхъ Славянскихъ книгъ папистами, по кончинѣ св. Меѳодія; 17) Апостолы Славянъ святые Кѵріллъ и Меѳодій [3]), — всѣ гравюры съ подписями Бронникова и Сѣрякова.

Примѣч. Кромѣ того, въ этой книгѣ есть еще двѣ виньетки въ началѣ главъ: „Святые, равноапостольные Меѳодій и Кириллъ, просвѣтители Славянъ“ (надъ предисл.) и св. Троица (на стр. I); 9 заставокъ при заглавныхъ буквахъ: Б (стр. 22), двухъ В (стр. 18 и 32), трехъ К (стр. 1, 52 и 62), двухъ Н (стр. 9 и 36) и Р (стр. 4), и 10 виньетокъ въ концѣ главъ (на стр. 3, 8, 17, 21, 31, 35, 51, 61, 68, VIII). Но, вѣроятно, въ гравированіи рисунковъ для этой книги помогалъ Сѣрякову М. Стариковъ, подписавшійся подъ гравюрой: „Св. Кѵріллъ силою молитвы укрощаетъ ярость напавшихъ на него Угровъ“,—такъ какъ не на всѣхъ гравюрахъ подпись Сѣрякова автографическая.

XIX. Отдѣльно: Александръ II, — Императоръ Всероссійскій (поясной, $^3/_4$ вправо въ овалѣ).—Рисовалъ и гравировалъ на деревѣ академикъ Л. Сѣряковъ,—граверъ Его Императорскаго Величества.—1867.—Imprimé par I. Best; въ большой листъ.

XX. Отдѣльно: О. И. Комисаровъ-Костромской.

XXI. Конекъ Горбунокъ. Русская сказка въ трехъ частяхъ. Соч. П. Ершова. Съ семью картинками, рисованными на деревѣ Р. К. Жуковскимъ и гравированными Л. Сѣряковымъ. Спб. 1868, 1872, 1877, 1880. 16°, — картинки безъ подписей.

XXII. Отдѣльно: А. Ф. Кокориновъ (поколѣнный, $^3/_4$ вправо), съ подписью: „Рис. и гравир. на деревѣ Л. А. Сѣряковъ.—Печаталъ А. Траншель. Невск. пр. № 45.—Александръ Филиповичъ Кокориновъ—строитель и директоръ академіи художествъ (1726—1772).—Съ портрета Левицкаго, находящагося въ императорской академіи художествъ.—Премія общества поощренія художниковъ на 1869 годъ“. Въ большой листъ [4]).

XXIII. Всемірная Иллюстрація. Спб., изд. Г. Гоппе, 1869—74 гг., въ малый листъ: 1) Первая поѣздка Ильи Муромца.—Л. Сѣряковъ. гр.—И. Со-

---

[1]) и [2]) Перепечатаны въ «Иллюстрированной Газетѣ» Баумана, 1867 г. (т. XIX, № 12, стр. 181).

[3]) Перепечатано въ «Нивѣ» 1870 г. (№ 5, стр. 69).

[4]) Перепечатанъ въ «Нивѣ» 1870 г. (№ 47, стр. 740—741).

коловъ. (1869, т. I, № 3, стр. 40—41) [1]); 2—13) Петербургскіе типы.—(Рисовалъ С. Александровскій.—Грав. Л. А. Сѣряковъ) (№ 5, стр. 72—73); 14) А. С. Даргомыжскій (поясной, ³/₄ вправо), † 5-го января 1869 г. (Съ фот. А. Лушева грав. Л. А. Сѣряковъ).—С. (№ 6, стр. 92); 15) Кубокъ изъ собранія кн. Паскевича.—(Рисовалъ Колуччи, гравировалъ Л. А. Сѣряковъ) (№ 7, стр. 100); 16—26) Сцены (1-го и 5-го) акта и типы изъ комедіи г. Аверкіева „Фролъ Скабѣевъ".—(Рисовалъ С. Александровскій, грав. Л. А. Сѣряковъ) (стр. 108); 27) Св. Людовикъ. Картина Леонарда да Винчи. (Изъ собранія гр. Строгонова). — Рѣзалъ на деревѣ граверъ Его Императорскаго Величества академикъ Л. А. Сѣряковъ (1864 г.) (№ 10, стр. 148); 28 Царская охота на медвѣдей.—(Рисунокъ Ф. Тейхеля, рѣзалъ на деревѣ Л. А. Сѣряковъ) (стр. 149); 29) Князь В. Ѳ. Одоевскій (поясной, ³/₄ вправо).—(Съ фотографіи Робильяра, гравировалъ Л. А. Сѣряковъ) (№ 12, стр. 177); 30) Кресло XVI вѣка изъ собранія кн. Паскевича. — (Рисовалъ Колуччи, гравировалъ Л. А. Сѣряковъ) (№ 13, стр. 201); 31) Ходжентъ отъ Сыръ-Дарьи. — Рисовалъ съ натуры Н. Вележевъ, гравировалъ академикъ Л. А. Сѣряковъ (№ 19, стр. 297); 32) Русскій флотъ: Встрѣча Государя Императора въ Транзундѣ, эскадрою подъ командою адмирала Бутакова, 2 и 3 іюля 1869 г.—Рисов. на деревѣ, съ рисунка Беггрова, К. Савицкій, гравировалъ Л. А. Сѣряковъ (т. II, № 31, стр. 72); 33) Василій Васильевичъ Самойловъ (въ разныхъ роляхъ).—Рисовалъ на деревѣ профессоръ А. Шарлеманъ, гравировалъ академикъ Л. А. Сѣряковъ (№ 42, стр. 249); 34) Мстинскій мостъ Николаевской желѣзной дороги, сгорѣвшій 18-го октября 1869 г.—Л. Сѣряковъ sc. (по собствен. рис.) (№ 45, стр. 303); 35) Осада Великаго Новгорода въ 6677 году 72-мя Русскими князьями.—(Рисовалъ на деревѣ. И. В. Волковскій, гравировалъ Л. А. Сѣряковъ) (№ 49, стр. 360); 36—47) Петербургскіе типы.—(Рисов. съ натуры С. Ф. Александровскій, грав. Л. А. Сѣряковъ) (1870, т. III, № 67, стр. 272—273); 48) Картина, поднесенная Е. И. В. Государю Наслѣднику л.-гв. преображенскимъ полкомъ, работы художника Зичи.—(Рисов. на деревѣ О. Май, грав. Л. А. Сѣряковъ).—Мау.—Zichy 1870 (т. IV, № 80, стр. 488); 49) Картина, поднесенная Е. И. В. Государю Наслѣднику гренадерскимъ астраханскимъ полкомъ, работы художника Зичи.—(Рисовалъ на деревѣ А. О. Адамовъ, грав. Л. А. Сѣряковъ) (стр. 489); 50) Зала присутственныхъ мѣстъ Земли войска Донскаго.—(Съ фотографіи Т. Иванова, рисов. на дер. П. Ф. Борель, гравир. Л. А. Сѣряковъ) (№ 81, стр. 497); 51) Выставка въ академіи художествъ 1870 г.: „Присяга жителей г. Риги на подданство Россіи, 12 іюня 1710 г.", картина профессора Коцебу.—(Рисов. на дер. О. Май, грав. Л. А. Сѣряковъ) (№ 102, стр. 841); 52) Альбертъ Торвальдсенъ, картина Гораса Верне. — (Грав. Л. А. Сѣряковъ) (№ 102, стр. 849); 53) Сенатская площадь въ Петербургѣ. — К. Брожъ. — Л. Сѣряковъ (Загл. виньетка съ 1871 г.); 54) Людовикъ-Адольфъ Тьеръ. — (Грав. Л. А. Сѣряковъ)

[1]) Перепечатано, вмѣстѣ съ 8 гравюрами «С. и К°.», въ книгѣ: Альбомъ русскихъ народныхъ сказокъ и былинъ. Составленъ подъ ред. П. Н. Петрова. Изд. Г. Гоппе. Спб. 1875, въ л.

(1871, т. V, № 112, стр. 117); 55) Мраморное распятіе, работы профессора Бродскаго. — (Рисов. на дер. Л. Колуччи, грав. Л. А. Сѣряковъ) (№ 116, стр. 185); 56) Кобзарь-лирникъ.—Л. Сѣряковъ (по рис. В. Шпака) (т. VI, № 142, стр. 192); 57) Евграфъ Поярковъ до—и послѣ ортопедическаго леченія... г. Корженевскаго. — (Рисов. П. Ф. Борель, грав. Л. А. Сѣряковъ) (1872, т. VII, № 164, стр. 136); 58) А. Н. Островскій (по грудь, 3/4 влѣво). — Рис. на дер. П. Ф. Борель, грав. Л. А. Сѣряковъ (№ 165, стр. 137); 59) Матильда Маллингеръ. — (Рис. К. Брожъ, грав. Л. А. Сѣряковъ) (т. VIII, № 198, стр. 253); 60) Михаилъ Васильевичъ Дьяконовъ, директоръ с.-петербургской рисовальной школы (по грудь, 3/4 вправо; въ кругу).—Л. Сѣряковъ (по рис. К. Брожа) (1873, т. IX, № 225, стр. 276); 61) Русскій отдѣлъ (на Вѣнской всемірной выставкѣ). Модель паровaго молота Пермскаго завода, въ 1/5 величины ея. — Л. Сѣряковъ (т. X, № 239, стр. 81); 62) Площадь Александринскаго театра. — К. Брожъ. — Л. Сѣряковъ. (Загл. виньетка съ 1874 г.).

Примѣч. Затѣмъ, въ первыхъ 6-ти годахъ „Всемірной Иллюстраціи", насчитывается до 840 гравюръ, вышедшихъ изъ мастерской Сѣрякова съ помѣтою: „С. и К°", рѣдко „Сѣряковъ и К°". Онѣ дѣланы преимущественно по рисункамъ: А. О. Адамова, П. Ф. Бореля, К. О. Брожа, Г. Бролинга, Н. И. Соколова (515), а также: Агапи, А. К. Беггрова, Н. Н. Каразина, А. Колуччи, Липсберговъ, О. Мая, Н. С. Негадаева, А. Н. Нисченкова, И. С. Панова (235) и наконецъ: С. Ф. Александровскаго, Н. А. Богданова, В. М. Васнецова, И. В. Волковскаго, В. М. Резанова, Ф. Тейхеля, В. М. Шпака и мн. др. (90). Большинство изъ этихъ гравюръ, вѣроятно, даже совсѣмъ миновало рукъ Сѣрякова, но въ нѣкоторыхъ сильно замѣтно его участіе и вліяніе, какъ напр., въ гравюрахъ: 1) Конножелѣзная дорога Невскаго проспекта (1869, т. I, № 8, стр. 117); 2) Фельдмаршалъ графъ Ѳ. Ѳ. Бергъ (поясной, 3/4 вправо).—(Съ фот. „Клоха и Дуткевича", рис. П. Ф. Борель, грав. Л. А. Сѣряковъ).—С. и К°. (1872, т. VIII, № 202, стр. 305); 3) Лейбъ-медикъ, профессоръ С. П. Боткинъ (по грудь, 3/4 вправо).—(Съ фот. Досса, рис. К. Брожъ, грав. Л. А. Сѣряковъ).—С. и К°. (1873, т. IX, № 212, стр. 57); 4) Е. И. В. Вел. Кн. Елена Павловна, † 9-го января (по поясъ, 3/4 вправо).—С. и К°.—К. Брожъ (№ 213, стр. 77); 5) Е. И. Нассръ-Эд-Диnъ, Шахъ Персидскій. —(Рис. на дер. К. Брожъ, грав. Л. А. Сѣряковъ).—С. и К°. (№ 228, стр. 309). — Гравюры «С. и К°.» встрѣчаются также и въ другихъ изданіяхъ Г. Гоппе, какъ напр.: 1. Иллюстрированное описаніе всероссійской мануфактурной выставки 1870 г. Спб. 1870, въ л. (ок. 30 вещей), и 2) Альбомъ 200-лѣтняго юбилея Петра Великаго. Рисунки исполнены художниками «Всемірной Иллюстраціи». Текстъ П. Н. Петрова и С. Н. Шубинскаго. Спб. 1872, въ л. (35 вещей); но это почти все перепечатки изъ «Всемірной Иллюстраціи».

XXIV. Сказки, разсказы, очерки и рѣчи Лабулэ. Сборникъ избранныхъ произведеній. Спб. 1870. 16°: Загл. виньетка.—П. Марковъ.—Изданіе Н. И. Ламанскаго.—Л. Сѣряковъ (1869) [1].

---

[1]) Помѣщена была также во «Всемірной Иллюстраціи» 1869 г. (т. I, № 18, стр. 240).

XXV. Нива. Спб., изд. Маркса, 1870. 4°: 1) Загл. виньетка.—Богдановъ.—Л. Сѣряковъ (съ 1 № 1870 г. и до 14 № 1871 г.); 2) Н. В. Гоголь и В. Г. Бѣлинскій. — Л. Сѣряковъ (по рис. К. О. Брожа) (1870, № 3, стр. 37); 3) Покровскій соборъ (Василій Блаженный) въ Москвѣ.—Тоже (стр. 45); 4) Память сердца.—Съ картины Сентэна.—Л. Сѣряковъ (по рис. Н. А. Богданова) (№ 4, стр. 53); 5) Возвращеніе съ аукціона.—Л. Сѣряковъ (по ориг. рис. В. Е. Маковскаго) (№ 8, стр. 125); 6) Се діло треба разжувати!... — Съ факсимиле г. Шевченки. Сѣряковъ.—И. Пановъ. (№ 10, стр. 149); 7) Дарьяльское ущелье на Кавказѣ.—Съ картины профессора И. К. Айвазовскаго. — Л. Сѣряковъ sc. — р. В. Шпакъ (№ 12, стр. 181); 8) Иванъ Константиновичъ Айвазовскій (поясной, 3/4 влѣво). — р. В. Шпакъ. — Л. Сѣряковъ sc. (№ 34, стр. 533).

Примѣч. Сверхъ того, въ «Нивѣ» 1870–73 гг. было помѣщено гравюръ 10 съ помѣтою: «С. и Ко.»

XXVI. «Русская Старина». Спб. 1870—1881 гг. 8°:

1) А. Т. Болотовъ.—род. 7-го октября 1738 г., ум. 7-го октября 1833 г.—рис. А. Т. Болотовъ. 1789 г.—грав. Л. А. Сѣряковъ. (1870, т. I);

2) Емельянъ Пугачевъ (поясной, 3/4 вправо).—Род. 1742 г. казненъ 10-го января 1775 г.—Грав. Акад. Л. А. Сѣряковъ (т. II);

3) Т. Г. Рябининъ, крестьянинъ Олонецкой губ., пѣвецъ былинъ (поясной, впрямь).—род. 1793 г.—Л. Сѣряковъ sc. (1872, т. V) [1];

4) Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ,—проектъ академика Витберга.—1817 г.—Л. Сѣряковъ (тамъ-же);

5) Домъ въ Бунцлау, въ которомъ скончался 13-го апрѣля 1813 г. кн. М. И. Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій.—Памятникъ князю М. И. Голенищеву-Кутузову-Смоленскому въ Бунцлау.—Фотографіи сообщ. вице-адм. Ѳ. Д. Нордманъ.—Гравировалъ акад. Л. А. Сѣряковъ (тамъ-же);

6) Іоаннъ регентъ—и герцогъ.—De Biron (поясной, 3/4 вправо; въ овалѣ).—Сѣряковъ (1873, т. VII);

7) Моды въ Россіи—въ 1779 г.—Л. Сѣряковъ (тамъ-же);

8) А. Т. Болотовъ (поясной, 3/4 влѣво).—1737—1833.—Л. Сѣряковъ (т. VIII);

9) [Памятникъ] Императрицѣ Екатеринѣ II-й—въ царствованіе императора Александра II-го—1873 г.—Л. Сѣряковъ (по рис. К. О. Брожа) (тамъ-же);

10) Памятникъ Императору Павлу I и дворецъ въ Павловскѣ. — р. В. Шпакъ (тамъ-же, на стр. 649);

11) Генералъ-лейтенантъ—Сергѣй Ивановичъ Маевскій (поколѣнный, 3/4 влѣво).—1779—1848.—Гравировалъ Академикъ Л. А. Сѣряковъ (по рис. В. С. Шпака) (тамъ-же);

12) Дмитрій Васильевичъ Волковъ. — р. 1718 † 1785 г. — тайный секретарь императора Петра III (по грудь, 3/4 вправо).—Л. Сѣряковъ (1874, т. IX);

---

[1]) Перепечатанъ въ изданіяхъ: 1) Книга о кіевскихъ богатыряхъ. Составилъ В. П. Авенаріусъ. Спб. 1876. 8° и 2) Книга былинъ, его же. Спб. 1880. 8°.

13) Дѣти правительницы Анны Леопольдовны.—Рисовалъ бывшій при нихъ лекарь Карлъ Бошнякъ (4 силуэта) (тамъ-же);

14) А. С. Грибоѣдовъ (по грудь, 3/4 влѣво; въ овалѣ)—1795—1829.—Л. Сѣряковъ 1874 г. (по рис. К. О. Брожа) (т. X);

15) Памятникъ надъ частью останковъ кн. М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго близь Бунцлау.—р. В. Ш-къ.—Могила кн. М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго, въ Казанскомъ соборѣ въ С.-Петербургѣ (тамъ-же);

16) Михаилъ Леонтьевичъ Булатовъ (поясной, профилью вправо; въ овалѣ).—1760—1825.—К. Брожъ.—Л. Сѣряковъ (тамъ-же);

17) Памятникъ основанію города Павловска 1777 (по рис. Шпака) (тамъ-же, на стр. 735);

18) Маріенталь, построенный въ 1778 г., крѣпость Бибъ въ городѣ Павловскѣ (по рис. Шпака) (тамъ-же, на стр. 742);

19) Наталья Ѳедоровна Лопухина (по поясъ, впрямь)—1699 — 1763.—Л. Сѣряковъ (по рис. Шпака) (т. XI);

20) Представители державной власти въ Россіи 1682—1855 г. (Петръ I, Екатерина I, Петръ II, Анна Іоанновна, Елисавета Петровна, Петръ III, Екатерина II, Павелъ I, Александръ I, Николай I). Состав. профессоръ А. Шарлемань.—рис. К. Брожъ.—Л. Сѣряковъ (заглавный листъ съ 1875 г., къ каждому тому);

21) Моды въ Россіи—1791 г.—р. В. Шпакъ—1874 г.—Л. Сѣряковъ (1875, т. XII);

22) Атаманъ Войска Донскаго—А. К. Денисовъ (по грудь, 3/4 вправо; въ овалѣ)—1763—1841.—Л. Сѣряковъ (по рис. К. Брожа) (тамъ-же);

23) А. Ѳ. Воейковъ (поясной, 3/4 вправо)—1779—1839. Тоже (тамъ-же);

24) В. Н. Каразинъ—1773—1842—основатель Харьковскаго университета (поясной, 3/4 вправо). —Л. Сѣряковъ 1875 г. (по рис. Брожа) (тамъ-же);

25) Настоятель Новгородскаго Юрьева монастыря—Архимандритъ Фотій) (поясной, впрямь),—род. 1792 † 1838.—Л. Сѣряковъ (по рис. Брожа (т. XIII);

26) [Памятникъ] Князю Потемкину-Таврическому—въ Херсонѣ — Грав.-Акад. Сѣряковъ (т. XIV);

27) В. Г. Бѣлинскій—† 16-го мая 1848 г. (мертвый)—Писалъ Акад. К. А. Горбуновъ.—Грав. Акад. Сѣряковъ (1876, т. XV);

28) Францъ фонъ Клугенау (поясной, 3/4 влѣво; въ овалѣ).—Л. Сѣряковъ (по рис. Шпака) (тамъ-же);

29) Емельянъ Пугачевъ.—Съ портрета, находящагося въ Ревельскомъ историческомъ музеѣ (поясной, 3/4 вправо).—Л. Сѣряковъ (т. XVI);

30) Рядовой Архипъ Осиповъ и штабсъ-капитанъ Лико—22-го марта 1840 г.—[Проектъ памятника на Кавказѣ].—Л. Сѣряковъ (по рис. Брожа) (1877, т. XIX);

31) Иванъ Алексѣевичъ Яковлевъ (отецъ А. И. Герцена). (по грудь, 3/4 влѣво).—К. Брожъ.—Л. Сѣряковъ. Ницца (тамъ-же);

32) Николай Николаевичъ Муравьевъ [Карскій] (поясной, 3/4 вправо) — Л. Сѣряковъ. 1876 г. (тамъ-же);

33) Михаилъ Г. Кутузовъ (поясной, 3/4 влѣво; въ кругу).—Л. Сѣряковъ. Парижъ 1877 г. (т. XX);

34) Княгиня Іоанна Ловичъ,—род. 1795 г. † 17-го ноября 1831 г.—су-

пруга цесаревича Константина Павловича (по поясъ, ¾ вправо).—Л. Сѣряковъ 1877 (по рис. Брожа) (тамъ-же);

35) Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ.—1814 г. (поколѣнный, ¾ вправо)—Л. Сѣряковъ.—В. Шпакъ (тамъ-же);

36) Императоръ Александръ I—въ 1802 году (по грудь, ¾ вправо)—К. Брожъ.—Л. Сѣряковъ. 1877. Парижъ (съ ориг. Ж. Воаля) (1878, т. XXI);

37) Князь Василій Лукичъ Долгорукій,—членъ верховнаго тайнаго совѣта, казненъ 26-го октября 1739 г. (по грудь, ¾ вправо)—К. Брожъ.—Л. Сѣряковъ.—Парижъ 1878 г. (т. XXII);

38) Князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій,—оберъ-камергеръ и св. Андрея кав., род. 1708 г., казненъ 26-го окт. 1739 г. (по грудь, ¾ вправо)—К. Брожъ.—Л. Сѣряковъ (т. XXIII);

39) Г. В. Новицкій.—Генералъ отъ артиллеріи—1800—1877 (по грудь, ¾ вправо).—Издано иждивеніемъ М. Д. Новицкой.—Л. Сѣряковъ (по рис. Брожа) (тамъ-же);

40) Иннокентій,—Архіепископъ Херсонскій и Таврическій,—род. 1800 † 1857 г. (поясной, впрямь).—Л. Сѣряковъ. 1878. Ницца (по рис. Брожа) (1879, т. XXIV);

41) Степанъ Михайловичъ Жуковскій,—статсъ-секретарь, членъ и управляющій дѣлами главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія.—род. 1818 † 1877 (по грудь, ¾ влѣво; въ овалѣ).—Л. Сѣряковъ. 1878. Парижъ (по рис. Брожа) (тамъ-же);

42) Императоръ Іоаннъ Антоновичъ—1741 г. (поясной, впрямь; въ овалѣ)—Л. Сѣряковъ. Ницца. 1878 г. (по рис. Брожа) (тамъ-же);

43) Осипъ Максимовичъ Бодянскій,—профессоръ Московскаго университета.—род. 1808 † 1876 (поясной, ¾ влѣво; въ овалѣ).—Л. Сѣряковъ. 1878 г. Парижъ (по рис. Брожа) (т. XXV);

44) Графъ Ѳедоръ Петровичъ Толстой,—вице-президентъ Императорской Академіи Художествъ (поясной, ¾ вправо; въ овалѣ).—Л. Сѣряковъ. Ницца (по рис. Брожа) (тамъ-же);

45) Николай Васильевичъ Гоголь—въ 1834 году (по грудь, ¾ вправо).—Писалъ Венеціановъ.—Гравир. Акад. Л. А. Сѣряковъ (по рис. Брожа) (т. XXVI);

46) Арсеній Мацѣевичъ—въ Ревелѣ.—† 28-го февраля 1772 г. (поколѣнный, ¾ вправо) -Л. Сѣряковъ. 1879. Ницца (по рис. Брожа) (тамъ-же);

47) Иринней Нестеровичъ,—Архіепископъ Иркутскій въ 1830—1831 гг.—† 18-го мая 1864 г. (поясной, ¾ вправо)—Л. Сѣряковъ (по рис. Брожа) (тамъ же);

48) Императоръ Александръ II (поясной, ¾ вправо).—Л. Сѣряковъ 1880 г. (1880, т. XXVII);

49) Тарасъ Шевченко.—въ 1840 г. (по грудь, ¾ вправо; въ кругу)—Л. Сѣряковъ. 1879. Ницца (по рис. Брожа) (тамъ-же);

50) Станиславъ Романовичъ Лепарскій.—род. 1754, ум. 1837 (поясной, ¾ влѣво; въ овалѣ).—Съ акварели Н. А. Бестужева.—Л. Сѣряковъ 1879. Ницца (по рис. Брожа) (т. XXVIII);

51) Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ—29-го января 1837 г. (въ гробу).—Л. Сѣряковъ. 1880 г. Ницца (по рис. Брожа, съ рис. Мокрицкаго) (тамъ-же);

52) Герасимъ Петровичъ Павскій.—1787—1863 (поясной, ¾ вправо).—

Л. Сѣряковъ. 1880 г. Ницца (по рис. Брожа, съ ориг. Н. С. Волкова 1842 г.) (т. XXIX);

53) Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ—въ 1834 г. (по грудь, 3/4 вправо; въ овалѣ)—Л. Сѣряковъ. 1879 г. Ницца (по рис. Брожа, съ литогр. 1834 г.) (тамъ-же);

54) Михаилъ Илларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ—въ 1774 г. (поясной, впрямь; въ овалѣ).—Л. Сѣряковъ (по рис. Брожа) (1881, т. XXX);

55) Императрица Екатерина II въ 1762 г.—Л. Сѣряковъ [будетъ приложено при „Рус. Старинѣ"];

56) Генералъ-аншефъ Кашкинъ, одинъ изъ сподвижниковъ Екатерины II (поясной, въ овалѣ).—Л. Сѣряковъ (1879) (по рис. Брожа) [будетъ напечатанъ при „Русской Старинѣ"];

57) Историкъ С. М. Соловьевъ (поясной, 3/4 вправо), по фотографіи.—Это послѣдній предсмертный трудъ Акад. Сѣрякова, начатый имъ лѣтомъ 1880 г., въ горахъ близь Ниццы, но не оконченный вслѣдствіе болѣзни, сведшей художника въ могилу. Лаврентій Авксентьевичъ успѣлъ только проложить голову и сдѣлать фонъ. Гравюра окончена въ 1881 г., послѣ смерти Сѣрякова, его ученикомъ И. И. Матюшинымъ въ Спб. [Портретъ Соловьева будетъ приложенъ при „Рус. Старинѣ"] [1]).

XXVII. Жизнь и приключенія Андрея Болотова, описанныя самимъ имъ для своихъ потомковъ. 1738—93. Приложеніе къ „Русской Старинѣ" 1870 г.: политипажи (I. 15, 272, 376, 434, 450, 459, 460, 474, 475, 487, 498, 505, 506, 514).

XXVIII. Отдѣльно: издатель-редакторъ „Русской Старины" М. И. Семевскій, съ фотографіи Бергамаско гравиров. Л. А. Сѣряковъ въ Ниццѣ, въ 1879 г.

XXIX. Семья и Школа. Педагогическій журналъ, издав. подъ ред. Юл. Симашко, Спб. 1871. 8°: К. Ушинскій.—Род. 1824 г. умеръ 22-го дек. 1870 г. (поясной, 3/4 влѣво)—К. Б. (т. е. Брожъ).—Л. Сѣряковъ (кн. II, № 2).

Примѣч. Въ томъ же журналѣ встрѣчаются гравюрки, съ подписями: С. Л. (5), С. и К°. (12), А. Сѣрякова (2)

XXX. Народныя сказанія. Сборникъ для юношества (I. Кельтійскія сказанія о бардахъ.—II. Кельто-германскія легенды о феяхъ и эльфахъ.—III. Финскія сказанія о герояхъ Калевалы). Составилъ П. Полевой. Съ тремя картинками, рисованными художникомъ К. Брожемъ и рѣзанными на деревѣ художникомъ Л. Сѣряковымъ. Спб. 1871. 16°: 1)... „Старецъ пѣлъ тихимъ и торжественнымъ голосомъ"; 2)... „Эльфы любятъ плясать при лунѣ"...; 3)... „Вейнемейненъ увидѣлъ красавицу—дочку старой Лоухи"...; всѣ три съ подписью Сѣрякова.

XXXI. Исторія Русской Литературы въ очеркахъ и біографіяхъ. Соч. П. Полеваго. Гравюры исполнены Л. Сѣряковымъ. Спб. 1872, 2-е изд.

---

[1]) Изъ гравюръ Сѣрякова, помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ»,—три перепечатаны въ книгѣ: Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія Т. П. Пассекъ. 2 т. Спб. 1878—79. 8°, а именно: 4) проектъ Витберга и портреты—31) Яковлева и 44) гр. Ѳед. Петровича Толстаго.

1874, 3-е изд. 1878. 8°: 1) Памятникъ св. Кириллу и Меѳодію въ Прагѣ (стр. XVI); 2) Загл. виньетка.—Л. Сѣряковъ.—Пановъ (изд. 1-е стр. 1, 60, 128, 179, 214, 325, 445, 534; изд. 2-е стр. VII); 3) „Пишущій монахъ“—рисунокъ, приложенный къ Лаврентьевскому списку Несторовой лѣтописи (безъ подписи Сѣрякова; изд. 1-е стр. 16, 2-е 17, 3-е 21); 4) Кіево-Печерская лавра.—Л. Сѣряковъ.—И. Пановъ (изд. 1-е стр. 23); 5) Пещера преподобнаго Нестора лѣтописца въ Кіево-Печерской лаврѣ. — Л. Сѣряковъ sc.—И. Пан. (изд. 1-е стр. 32); 6) Древній соборъ св. Софіи въ Новѣгородѣ (изд 1-е стр. 41, 2-е 42, 3-е 12); 7) Графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ (съ ориг. Лампи: изд. 1-е стр. 52, 2-е 54, 3-е 59); 8) Троице-Сергіевская лавра, близь Москвы (изд. 1-е стр. 86, 2-е 72, 3-е 83); 9) Видъ печатнаго двора въ Москвѣ (изд. 1-е стр. 132, 2-е 119, 3-е 151); 10) Типографскій станокъ XVI вѣка (безъ подписи Сѣрякова; изд. 1-е стр. 133, 2-е 120); 11) Іоаннъ Грозный (изд. 1-е стр. 139, 2-е 127, 3-е 161); 12) Гербъ Курбскихъ (изд. 1-е стр. 145, 2-е 133, 3-е 166); 13) Петръ Могила (изд. 1-е стр. 160); 14) Никонъ (изд. 1-е стр. 172, 2-е 162) [1]); 15) Симеонъ Полоцкій (изд. 1-е стр. 174, 2-е 166); 16) Дмитрій Ростовскій (изд. 1-е стр. 187, 2-е 183); 17) Пещь Вавилонская (изд. 1-е стр. 189, 2-е 184, 3-е 215); 18) Петръ Великій (съ миніат. Беннера: изд. 1-е стр. 215); 19) Ѳеофанъ Прокоповичъ (изд. 1-е стр. 223, 2-е 225); 20) Кантемиръ (изд. 1-е стр. 235, 2-е 237, 3-е 270); 21) Татищевъ (изд. 1-е стр. 245, 2-е 247, 3-е 277); 22) Третіаковскій (изд. 1-е стр. 253, 2-е 257); 23) Ломоносовъ (изд. 1-е стр. 267, 2-е 275, 3-е 296); 24) Академія Наукъ во времена Ломоносова (изд. 1-е стр. 271, 2-е 281, 3-е 301); 25) И. И. Шуваловъ (съ ориг. Рокотова: изд. 1-е стр. 277, 2-е 285, 3-е 307); 26) Могила Ломоносова въ Александро-Невской Лаврѣ.—Л. Сѣряковъ. Рис. И. П. (изд. 1-е стр. 281, 2-е 292, 3-е 313); 27) Памятникъ Ломоносову въ Архангельскѣ (изд. 1-е стр. 290, 2-е 301); 28) Сухопутный Шляхетный кадетскій корпусъ (изд. 1-е стр. 300, 2-е 312, 3-е 325); 29) Сумароковъ (съ ориг. Лосенко: изд 1-е стр. 306, 2-е 311, 3-е 322); 30) Екатерина Великая (въ ростъ, съ ориг. Левицкаго: изд. 1-е стр. 324, 2-е и 3-е 336); 31) Эрмитажный театръ.—Л. С. (изд. 1-е стр. 332, 2-е и 3-е 345); 32) Е. Р. Дашкова (съ ориг. Левицкаго: изд. 1-е стр. 334); 33) Фонъ-Визинъ (изд 1-е стр. 349, 2-е 365); 34) Державинъ (съ ориг. Тончи: изд. 1-е стр. 382, 2-е 398, 3-е 379); 35) Казанская гимназія (изд. 1-е стр. 384, 2-е 399, 3-е 373); 36) Званка, усадьба Державина на Волховѣ (изд. 1-е стр. 393, 2-е 408, 3-е 378); 37) Памятникъ Державину въ Казани (изд. 1-е стр. 395, 2-е 410, 3-е 382); 38) Херасковъ (изд. 1-е стр. 414, 2-е 430, 3-е 387); 39) Богдановичъ (изд. 1-е стр. 421, 2-е 437, 3-е 395); 40) Хемницеръ (изд. 1-е стр. 424, 2-е 441, 3-е 399); 41) Новиковъ (съ ориг. Васильевскаго: изд. 1-е стр. 440, 2-е 460); 42) Карамзинъ (съ ориг. Варнека: изд. 1-е стр. 450, 2-е 471); 43) Памятникъ Карамзину—Л. С. (изд. 1-е стр. 466, 2-е 491); 44) Дмитріевъ (изд. 1-е стр. 472, 2-е 495, 3-е 446); 45) Озеровъ (бюстъ; изд. 1-е стр. 478); 46) Жуковскій (изд. 1-е стр. 491, 2-е 516, 3-е 460); 47) Розовый павильонъ, въ Павловскѣ (изд. 1-е стр. 500, 2-е 525, 3-е 470); 48) Батюшковъ—Л. С. (съ ориг. Кипренскаго: изд. 1-е стр. 506); 49) Крыловъ (поколѣнный, у стола; съ ориг. Эггинка: изд. 1-е стр. 520, 2-е 546, 3-е 484); 50) Памятникъ Крылову (изд.

---

[1]) Отпечатанъ также въ «Нивѣ» 1871 г. (№ 39, стр. 617).

1-е стр. 529, 2-е 555, 3-е 493); 51) Пушкинъ у стола; съ ориг. Тропинина: изд. 1-е стр. 537, 2-е 563); 52) Домикъ Пушкина въ сельцѣ Михайловскомъ (изд. 1-е стр. 546, 2-е 572); 53) Святогорскій Успенскій монастырь (изд. 1-е стр. 555, 2-е 583); 54) Грибоѣдовъ (изд. 1-е стр. 568); 55) Эчміадзинскій монастырь (изд. 1-е стр. 573); 56) Полевой (изд. 1-е стр. 584, 2-е 634, 3-е 544); 57) Лермонтовъ (изд. 1-е стр. 599, 2-е 650, 3-е 557); 58) Село Тарханы (изд. 1-е стр. 600, 2-е 651, 3-е 559); 59) Московскій университетъ (изд. 1-е стр. 602); 60) Могила Лермонтова—Л. С. (изд. 1-е стр. 607, 2-е 661, 3-е 567); 61) Гоголь (съ ориг. Моллера: изд. 1-е стр. 616, 2-е 669); 62) Нѣжинскій лицей (изд. 1-е стр. 620); 63) Бѣлинскій (изд. 1-е стр. 638, 2-е 682, 3-е 589); 64) Новѣйшій бюстъ Бѣлинскаго (раб. Н. Ге: изд. 1-е стр. 647, 2-е 701, 3-е 598); 65) Кольцовъ (съ ориг. Теребенева: изд. 1-е стр. 652, 2-е 707, 3-е 607); 66) Памятникъ Кольцову въ Воронежѣ (изд. 1-е стр. 657, 2-е 712, 3-е 612); 67) Казанскій университетъ (изд. 2-е стр. 719, 3-е 603)

Примѣч. Хотя почти всѣ гравюры въ книгѣ П. Н. Полеваго подписаны полнымъ именемъ Сѣрякова или его начальными буквами, но, вѣроятно, не всѣ онѣ дѣланы самимъ Сѣряковымъ, такъ какъ не всѣ онѣ одинаковаго достоинства, да и подпись въ большинствѣ случаевъ не автографическая. Поэтому, при 2-мъ и 3-мъ изд. книги, многія изъ гравюръ Сѣрякова были выключены и замѣнены другими — преимущественно раб. Паннемакера въ Парижѣ. По замѣчанію П. Н. Полеваго, только шесть вещей гравированы несомнѣнно самимъ Сѣряковымъ: 7) Мусинъ-Пушкинъ, 11) Іоаннъ Грозный, 26) Могила Ломоносова, 30) Екатерина Великая, 57) Лермонтовъ, 58) Село Тарханы.

XXXII. Отдѣльно: Д. В. Григоровичъ (Портретъ, дѣланный по заказу вел. кн. Маріи Николаевны или для поднесенія ей и пріобрѣтенный П. Н. Полевымъ для предположеннаго имъ, но несостоявшагося изданія сочиненій Григоровича).

XXXIII. Сказки кота-мурлыки, собранныя Николаемъ Вагнеръ. Изд. Стасовой и Трубниковой. С.-П.-Б. 1872; изд. 2-е 1880. 8⁰: 1) Фея Фантаста (По рисунку Г. Микѣшина). -Миша М. 1872 г.—Л. Сѣряковъ; 2) Папа-Пряникъ.—Верещагинъ.—Л. Сѣряковъ; 3) Максъ и Волчокъ.—(По рисунку профессора Якобій)—Л. Сѣряковъ; 4) Мила и Нолли.—(По рисунку барона Клодта)—Л. Сѣряковъ.—М. П. К. 1872; 5) Мила и Нолли.—Л. Сѣряковъ.—Зичи.

XXIV. Сборникъ рукописей, представленныхъ Е. И. В. Государю Наслѣднику Цесаревичу о Севастопольской оборонѣ севастопольцами. Спб. 1872—1873. 8⁰: 1) Загл. виньетка къ I т., съ портретами: Тотлебена, кн. Меньщикова и Нахимова, разными военными аттрибутами и надписью: „Рукописи о Севастопольской оборонѣ, собранныя Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ“; 2) Видъ Севастополя въ 1854 году; 3) Нахимовъ (въ ростъ, профилью влѣво); 4) Хрулевъ (въ ростъ, 3/4 влѣво); 5) Хрущовъ (поколѣнный, 3/4 вправо); 6) Загл. виньетка ко II т., съ портретами: кн. Васильчикова, кн. Горчакова и Корнилова (по рис. Панова) и съ той же надписью, какъ и въ I т.; 7) Корниловъ (поколѣнный, 3/4 вправо); 8) Батарея Корниловскаго (Малахова) бастіона—на которой убитъ былъ Корниловъ; 9) Тотлебенъ (поясной, 3/4 вправо); 10) Кн. Васильчиковъ (поколѣнный, 3/4 вправо); 11) Загл. виньетка къ III т., съ портретами: Истомина, Хрулева и Остенъ-Сакена (по рис. Панова) и съ той же надписью, какъ и въ первыхъ 2-хъ томахъ; 12) Кн. Горчаковъ (поколѣнный, 3/4 вправо; въ овалѣ); 13) Генералъ Данен-

бергъ (поколѣнный, 3/4 вправо; въ овалѣ); 14) Петръ Кошка (поясной, 3/4 влѣво; въ овалѣ); 15) Рыбаченко,—волонтеръ 15 лѣтъ, отличившійся на Камчатскомъ редутѣ (поясной, 3/4 вправо; въ овалѣ); 16) Юнги Черноморскаго флота—Рипицынъ, Боберъ, Фарасюкъ и Новиковъ (по колѣни, впрямь),—всѣ гравюры съ подп. Сѣрякова. Сверхъ того: 20 заставокъ съ загл. буквами—шесть В (I, 1=III, 283; I, 46; I, 55=III, 107; I, 347; 385; III, 329,—три съ полной подписью Сѣрякова и три—безъ нея), Д (I, 26—съ подписью), К (III, 359), Л (I, 197), Н (II, 3), О (II, 39), шесть П (I, 91; 183; 323; II, 71; II, 225=III, 3; II, 435,—два съ подписью и четыре безъ нея), два С (I, 123 и II, 47,—одинъ съ подп. и одинъ безъ нея), Т (I, 407); 3 заставки въ началѣ главъ (I, 113; 353; II, 199,—изъ нихъ 1-я съ подп.) и 25 виньетокъ въ концѣ главъ (I, 25=III, 279; I, 45, 52, 88, 109, 119, 179, 191, 311, 341, 352, 382, 404, 474; II, 35, 43, 67, 193, 291, 432, 488; III, 103, 295, 355, 446,—изъ нихъ пять въ I т. съ подп.).

XXXV. Отечественная исторія въ разсказахъ для народныхъ и низшихъ школъ и вообще для дѣтей старшаго возраста. Съ портретами замѣчательнѣйшихъ лицъ. Составилъ С. Рождественскій. Портреты рисованы И. Пановымъ, гравированы Л. Сѣряковымъ. Спб. 1873, 1875, 1877, 1880. 8°: 1) Рюрикъ (стр. 3); 2) Святая Ольга (стр. 7); 3) Владиміръ Святой и Равноапостольный (стр. 11); 4) Препод. Несторъ (стр. 18); 5) Ярославъ Мудрый (стр. 20); 6) Владиміръ Мономахъ (стр. 23); 7) Святой Александръ Невскій (стр. 46); 8) Димитрій Донской (стр. 57, 62); 9) Іоаннъ III (стр. 66, 71); 10) Іоаннъ IV Грозный (стр. 74, 79); 11) Ермакъ (стр. 88, 93); 12) Мининъ и Пожарскій (стр. 108, 113); 13) Михаилъ Ѳеодоровичъ (стр. 112, 117); 14) Царь Алексѣй Михайловичъ (стр. 116, 121); 15) Патріархъ Никонъ (стр. 119, 124); 16) Богданъ Хмельницкій (стр. 125, 130); 17) Русскій бояринъ (стр. 134, 138); 18) Бояринъ Матвѣевъ (стр. 149, 153); 19) Петръ Великій (стр. 155, 159); 20) Ломоносовъ (стр. 195, 192); 21) Иванъ Ивановичъ Шуваловъ (стр. 201, 198); 22) Екатерина II Великая (стр. 205, 202); 23) Суворовъ (стр. 210, 208); 24) Александръ I Благословенный (стр. 230, 226); 25) Кутузовъ (стр. 236, 232); 26) Императоръ Николай I (стр. 247, 251); 27) Александръ II, Царь-Освободитель (стр. 254, 258),—всѣ портреты поясные, съ помѣтами: И. Пановъ.—Л. Сѣряковъ (только подпись Сѣрякова не вездѣ автографическая).

Примѣч. I. Со 2-го изд. прибавлены 4 портрета, грав. Вейерманомъ: 1) Сперанскій (стр. 242); 2) Карамзинъ (стр. 244); 3) Крыловъ (стр. 246); 4) Пушкинъ (стр. 249).

Примѣч. II. Большая часть портретовъ изъ соч. Рождественскаго перепечатана въ другой его книгѣ, подъ заглавіемъ:

Краткая отечественная исторія въ разсказахъ. Для начальныхъ народныхъ училищъ и вообще для народа. Съ портретами замѣчательныхъ лицъ. Составилъ С. Рождественскій. Спб. 1874, 1875, 1877, 1878, 1879. 16°: 1) Рюрикъ (стр. 3, съ 4-го изд. 5); 2) Ольга (стр. 6, 8); 3) Владиміръ Св. (стр. 10, 12); 4) Несторъ (стр. 16, 18); 5) Ярославъ (стр. 18, 20); 6) Владиміръ Мономахъ (стр. 21, 23); 7) Александръ Невскій (стр. 34, 36); 8) Дмитрій Донской (стр. 41, 43); 9) Іоаннъ III (стр. 50, 51); 10) Іоаннъ IV (стр. 58, 59); 11) Ермакъ (стр. 68); 12) Мининъ и Пожарскій (стр. 78); 13) Михаилъ Ѳеодоровичъ (стр. 83); 14) Алексѣй Михайловичъ (стр. 88); 15) Никонъ (стр. 90); 16) Хмельницкій (стр. 96); 17) Петръ Великій (стр. 105); 18) Екатерина II (стр. 139, со

2-го изд. 142); 19) Суворовъ (стр. 146, 149); 20) Александръ I (стр. 173, 176); 21) Кутузовъ (стр. 179, 182); 22) Николай I (стр. 192, 195); 23) Александръ II (стр. 203, 206).

XXXVI Модный свѣтъ. Иллюстрированный журналъ для дамъ. Спб., изд. Г. Гоппе, въ малый листъ: Загл. виньетка—К. Брожъ.—Л. Сѣряковъ (съ 1874 г.).

XXXVII. Степные разбойники въ Техасѣ. Романъ капитана Маинъ-Рида. Спб. Изд. Г. Гоппе. 1874. 8°: Загл. виньетка—Л. Сѣряковъ.

XXXVIII. Іоаннъ III, собиратель земли Русской. Историческій романъ Нестора Кукольника. Спб. 1874. Изд. Г. Гоппе. 8°: Загл. виньетка (Іоаннъ III и скованный татаринъ).—Л. Сѣряковъ.

XXXIX. Художественная складчина, въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. 1875 годъ. Спб., въ листъ: № 11. Изъ Альбома молодой барышни.—А. Шарлемань 74 [1]).

XL. Русская Библіотека. IV. В. А. Жуковскій.—V. А. С. Грибоѣдовъ.—VI. И. С. Тургеневъ. Печатано въ тип. М. Стасюлевича. Спб. 1875—76. 16°: 1) Жуковскій (поясной, 3/4 вправо; въ кругу).—Л. Сѣряковъ; 2) Грибоѣдовъ (поясной, 3/4 влѣво).—Л. Сѣряковъ 1875; 3) Ив. Тургеневъ (по грудь, впрямь; въ овалѣ).—Л. Сѣряковъ.

XLI. Кругозоръ. Спб. 1876. 4°: 1) Литературный альбомъ. «Огородникъ» Некрасова.—Оригинальный рисунокъ М. О. Микѣшина...—Л. Сѣряковъ.—Миша М.—1875 (№ 1, стр. 13); 2) Аѳонскій образъ Пресвятой Богородицы, именуемый «Достойно есть».—Рисовалъ и на деревѣ рѣзалъ... Л. А. Сѣряковъ (№ 2, стр. 28); 3) Ея И. В. Государыня Цесаревна Марія Ѳеодоровна, (по поясъ, 3/4 влѣво). — Съ фотографіи С. Л. Левицкаго... — К. Брожъ.—С. и К°. (№ 13, стр. 203).

XLII. Павловскъ. Очеркъ исторіи и описаніе. 1777—1877. Составлено по порученію Е. И. В. Государя Вел. Кн. Константина Николаевича. Спб. 1877. 8°: 1) Дворецъ въ Павловскомъ въ 1780 г.—Л. Сѣряковъ — И. Пановъ (виньетка съ буквой П внизу, на стр. 7); 2) «Золотыя ворота».—И. Пан.—Л. Сѣряковъ (виньетка на стр. 10); 3) Маріенталь—(1778).—Л. Сѣряковъ.—Р. В. Шпакъ (къ стр. 14); 4) Домикъ пустынника.—Л. Сѣряковъ.—И. Пан. (вин. на стр. 30); 5) Памятникъ основанія Павловска—(1777).—Л. Сѣряковъ (къ стр. 34); 6) Театръ—(1783).—Л. Сѣряковъ.—В. Шпакъ (къ стр. 60); 7) «Храмъ Розы безъ шиповъ» въ 1793 г.—Л. Сѣряковъ (вин. на стр. 82); 8) Горбатый мостикъ чрезъ рукавъ Славянки.—И. Пан. — Л. Сѣряковъ (вин. съ буквой В внизу, на стр. 91); 9) Пиль Башня—(1785).—Л. Сѣряковъ.—В. Ш. (къ стр. 102); 10) Модель памятника въ честь Императора Павла Петровича, 1800 г.—Л. Сѣряковъ.—И. Пановъ (вин. на стр. 118); 11) Памятникъ Палатинѣ Венгерской, Вел. Кн. Александрѣ Павловнѣ.—К. Брожъ.—Л. Сѣряковъ (вин. съ буквой П внизу, на стр. 121); 12) Памятникъ Императору Павлу («Супругу Благодѣтелю»; фасадъ зданія).—Л. Сѣряковъ (къ стр. 138); 13) Внутренній видъ Воздушнаго

---

[1]) Перепечатано во «Всемірной Иллюстраціи» 1875 г. (т. XIII, № 330, стр. 340).

театра въ Павловскомъ паркѣ.—И. Пановъ.—Л. Сѣряковъ (вин. на стр. 143); 14) „Розовый павильонъ".—Л. Сѣряковъ.—И. Пановъ (вин. съ буквой Р внизу, на стр. 155); 15) Павильонъ Вел. Кн. Анны Павловны на островѣ княгини Ш. К. Ливенъ,—съ тѣми же подписями (вин. съ буквой Ц внизу, на стр. 183); 16) Каскадъ у Славянки, близь Стараго Шале.—И. Пановъ.—Л. Сѣряковъ (вин. съ буквой С внизу, на стр. 197); 17) Развалины близь Елисаветинскаго павильона,—съ тѣми же подписями (вин. съ буквой В внизу, на стр. 237); 18) Обелискъ въ Новой Сильвіи.—Л. Сѣряковъ.—И. Пановъ (вин. съ буквой В внизу, на стр. 267); 19) Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Павловичъ (въ ростъ, профилью влѣво).—И. Пановъ.—Л. Сѣряковъ (къ стр. 288); 20) Памятники.—Пан.—Л. Сѣряковъ (вин. съ буквой С внизу, на стр. 289); 21) Пиль-Башня.—И. Пановъ.—Л. Сѣряковъ (вин. съ буквой В внизу, на стр. 315); 22) Бельведеръ на границѣ парка. — Л. Сѣряковъ (вин. на стр. 342); 23) Старое Шале.—Тоже (къ стр. 346); 24) Храмъ Дружбы.—Л. Сѣряковъ 1876 (къ стр. 350); 25) Молочный домикъ.—Л. Сѣряковъ (къ стр. 354); 26) Памятникъ Родителямъ. — В. Ш. — Л. Сѣряковъ (къ стр. 356); 27) Любимое мѣсто покойнаго Цесаревича Николая Александровича.—Л. Сѣряковъ.—В. Шпакъ (къ стр. 358); 28) „Крикъ" (домикъ)—(1777), съ тѣми же подписями (къ стр. 360); 29) Константиновскій дворецъ. — Л. Сѣряковъ (къ стр. 372); 30) Памятникъ Императору Павлу (Мавзолей внутри зданія).—Л. Сѣряковъ.—В. Шпакъ (къ стр. 376); 31) Обломки статуи. — И. Пан.—Л. Сѣряковъ (вин. на стр. 378); 32) „Павильонъ Елисаветы".—И. Пановъ.—Л. Сѣряковъ (вин. съ буквой Е внизу, на стр. 379); 33) Новое Шале.—В. Ш.—Л. Сѣряковъ (къ стр. 386); 34) Храмъ Аполлона.—Л. Сѣряковъ (къ стр. 390); 35) «Памятникъ Вел. Кн. Еленѣ Павловнѣ». — И. Пановъ.—Л. Сѣряковъ (вин. съ буквой Е внизу, на стр. 391); 36) Дворецъ.—Л. Сѣряковъ (къ стр. 402); 37) «Библіотека» (рядъ книгъ).—Л. Сѣряковъ.—И. Пан. (вин. на стр. 417); 38) Николаевскія ворота.—К. Брожъ.—Л. Сѣряковъ. Ницца 1876 г. (вин. съ буквой Г внизу, на стр. 447); 39) Крѣпость Бипъ.—Л. Сѣряковъ (къ стр. 454); 40) Охотничій павильонъ.—Л. Сѣряковъ. — И. Пановъ (вин. съ буквой З внизу, на стр. 461); 41) Зубры,—съ тѣми подписями (вин. на стр. 465); 42) Портретъ Герстнера (по грудь, 3/4 вправо),—тоже (вин. съ буквой Ц внизу, на стр. 469); 43) Воксалъ.—К. Брожъ.—Л. Сѣряковъ (къ стр. 498); 44) Ферма въ первоначальномъ видѣ.—Л. Сѣряковъ.—И. Пановъ (вин. съ буквой В внизу, на стр. 501); 45) Бесѣдка на фермѣ.—И. Пан.—Л. Сѣряковъ (вин. на стр. 516).—Кромѣ того: 18 виньетокъ въ концѣ главъ (на стр. 45, 58, 88, 142, 202, 266, 286, 312, 498,—съ подписями Л. Сѣрякова и И. Панова, а также на стр. 81, 182, 229, 364, 400, 416, 446, 460, 563, — безъ подписей или съ подписью одного Панова) и 9 загл. буквъ—Б (на стр. 242), В (на стр. 11, 46, 205), Д (59, 345), З (365), М (401), Н (103), О (466), П (31, 300), С (230).

XLIII. Отдѣльно: Государыня Наслѣдница-Цесаревна (нынѣ Императрица) Марія Өеодоровна,—для общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ.

XLIV. Отдѣльно: А. А. Половцевъ (остался еще въ 1870 г. неконченнымъ).

Н. П. Собко.

Знаменательныя числа.

Къ замѣткѣ г. Раф. Ситовскаго „Знаменательныя числа“.

Еще до прочтенія замѣтки г. Ситовскаго, помѣщенной въ Апрѣльской книгѣ „Русской Старины“, изд. 1881 г., я не разъ задумывался надъ страннымъ сочетаніемъ чиселъ въ жизни въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича. Дѣйствительно, въ жизни Мученика-Царя Освободителя замѣчается сочетаніе цифръ 1 и 8, причемъ въ наиболѣе важныхъ случаяхъ цифры эти повторились по два раза:

1818-й—годъ рожденія.

1881-й—годъ кончины.

18-е февраля 1855 года—вступленіе на престолъ (которое праздновалось 19-го февраля).

Сумма чиселъ рожденія и кончины Его Величества составляетъ сочетаніе тѣхъ-же двухъ цифръ:

17 Апрѣля.
 1 Марта.
———
18.

Сумма цифръ, составляющихъ годъ рожденія и годъ кончины Его Величества, какъ это замѣчено и г. Ситовскимъ, равняется 36, т. е. возрасту, въ которомъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ вступилъ на престолъ.

Преждевременная кончина Его Величества послѣдовала на 27 году царствованія и 63-мъ году отъ рожденія. Оба эти числа сокращаются на 1+8 безъ остатка:

1+8, 1+8 и 1+8 = 27.

1+8, 1+8, 1+8, 1+8, 1+8, 1+8 и 1+8 = 63.

Августѣйшая Семья въ Бозѣ почившаго Государя Императора состояла изъ 8-ми членовъ; Самъ Его Величество былъ девятымъ членомъ.

Наконецъ, покушеній на священную жизнь Его Величества было девять:

1.	Въ 1866 году:	Каракозова.	
2.	„ 1867 „	Березовскаго.	
3.	„ 1879 „	Соловьева.	
4.	„ „ „	На Лозово-Севастопольской	ж. дорогахъ.
5.	„ „ „	„ Московско-Курской	
6.	„ 1880 „	взрывъ въ зимнемъ дворцѣ.	
7.	„ 1881 „	взрывчатый составъ въ видѣ пилюль Лежюжа.	
8.	„ „ „	мина подъ Малою Садовою улицею.	
9.	„ „ „	взрывъ двухъ метательныхъ снарядовъ.	

Изъ поименованныхъ девяти злодѣйскихъ покушеній, въ 8 случаяхъ Его Величество оставался невредимъ, девятое-же покушеніе было роковымъ и кончилось катастрофой, неизгладимо запятнавшей страницы родной лѣтописи.

І. А. Корозо.

г. Бирючъ,
Воронежской губерніи.

Бароны П. А. Фредериксъ и П. И. Фредериксъ.

Въ томѣ XXX уважаемаго журнала „Русская Старина“ изд. 1881 г. идетъ рѣчь о двухъ членахъ нашего семейства, нынѣ уже умершихъ, причемъ вкралась ошибка въ правописаніи фамиліи, и въ обоихъ случаяхъ пропущенъ титулъ бронскій.

На стр. 508 упоминается нѣсколько лицъ, раненыхъ княземъ Щепинымъ-Ростовскимъ 14-го Декабря 1825 года, и въ числѣ ихъ названъ „Фридериксъ“— это былъ родной дядя мой баронъ Петръ Андреевичъ Фредериксъ, бывшій въ то время командиромъ л.-гв Московскаго полка, раненый Щепинымъ-Ростовскимъ сабельнымъ ударомъ въ шею; и когда онъ раненый упалъ на мостовую, то Щепинъ пытался пристрѣлить его изъ двухъ бывшихъ при немъ пистолетовъ, но выстрѣла не послѣдовало вслѣдствіе осѣчки обоихъ пистолетовъ, происшедшей не случайно, а какъ потомъ разсказывали, оттого, что одинъ изъ унтеръ-офицеровъ (имя его я, къ сожалѣнію, забылъ) во избѣжаніе грѣха, сбросилъ порохъ съ полки (пистолеты были кремневые).

Разсказъ этотъ я лично слышалъ отъ покойнаго дяди моего въ 1849—51 годахъ, въ бытность его уже оберъ-шталмейстеромъ Высочайшаго двора.

На стран. 726 и 727 говорится о бывшемъ Ямбургскомъ уѣздномъ предводителѣ дворянства баронѣ Павлѣ Ивановичѣ Фредериксъ (тоже названъ просто Фридериксъ). Этотъ баронъ П. И. Фредериксъ, бывшій въ 1854 и 1857 году Ямбургскимъ Предводителемъ Дворянства, двоюродный братъ отца моего, покойнаго барона Александра Андреевича, и вышеназваннаго барона Петра Андреевича Фредериксъ.

Въ заключеніе добавлю, что усмотрѣнная мною ошибка встрѣчается и въ другихъ журналахъ въ правописаніи фамиліи нашей.

Баронъ Александръ Александровичъ **Фредериксъ**.

Тамбовъ.
17 апрѣля 1881 года.

и представляя сраженіе. Вставши, изволилъ одѣться въ фракъ. У Ея Величества сего дня была отпускная аудіенція аглинскому послу милорду Букингаму, и пріемная—на мѣсто его пріѣхавшему посланнику господину Макартнею. Пришолъ съ той половины къ Государю Его Сіятельство графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ. Разговорились между протчимъ о прежнихъ нашихъ послахъ въ чужія государства. Графъ Иванъ Григорьичъ сказывалъ о нѣкакомъ въ самыя старинныя времяна послѣ нашемъ Потемкинѣ: мимоѣздомъ велѣно было ему заѣхать ко Двору дацкому, и взять у короля аудіенцію. Въ инструкціяхъ обыкновенно писывалось имъ, что они представляютъ особу своего государя, и чтобъ для того отнюдь нигдѣ должныхъ сану его преимуществъ не уступали. Король дацкой случился на то время боленъ. Потемкинъ требовалъ аудіенціи. Говорили, что король боленъ и лежитъ въ постелѣ. Отвѣчалъ онъ имъ, что это не мѣшаетъ; чтобъ велѣли поставить подлѣ него другую постелю, на которую онъ легши, съ королемъ переговорить можетъ; что безъ того ждать онъ времяни не имѣетъ; „потому что-де къ такому-та числу велѣно поспѣвать еще въ Стекольной". Министры дацкіе, не хотѣвши потерять здѣшняго Двора дружбы, принуждены были то ему дозволить. Пріѣхалъ Потемкинъ во дворецъ, легъ на постелю и разговаривалъ съ королемъ. Потомъ поѣхалъ далѣе, куды въ инструкціи ему было назначено. Еще гр. Иванъ Григорьичъ сказывалъ о резидентѣ нашемъ Никифоровѣ у хана крымскаго. Ханъ нынѣ сверженъ, какъ прежде о семъ упомянуто. Новой не опредѣленъ еще. Управляетъ Диванъ. У Никифорова сбѣжалъ слуга и принялъ магометанскую вѣру. Онъ велѣлъ схватить его и привести къ себѣ. Засадилъ его подъ караулъ. У Турковъ по закону и по постановленнымъ съ нами трактатамъ положено, чтобъ того не выдавать уже, кто приметъ ихъ вѣру; напротивъ же того, кто изъ Турковъ нашъ законъ приметъ, тотъ по трактату у насъ остаться долженъ. Показывали Никифорову трактаты, показывали Алкоранъ; онъ напротивъ того утверждалъ, что оной человѣкъ его крѣпостной, и показывалъ крѣпости. Говорили ему, что до крѣпостей тутъ никакова дѣла нѣтъ; однакожъ совсѣмъ тѣмъ человѣка онъ не отдалъ; жалобы о томъ дошли до здѣшняго Двора, и нечего много изъяснять, какой господину Никифорову указъ вышелъ. Его Преподобіе Отецъ Платонъ у насъ же былъ и въ сихъ разговорахъ принималъ участіе. Разговаривали еще о Уніятахъ въ Польшѣ и о гоненіи на законъ нашъ, о склонности къ намъ Венгерскаго народа, и о горячести ихъ къ закону нашему. Зашла рѣчь о Іуліанскомъ исчисленіи времяни и о циклахъ. Его Преподобіе Отецъ Платонъ говорилъ, что ему хотѣлось (бы) побольше получить свѣденія о натурѣ и основаніи онаго исчисленія. Обѣщалъ я ему, собравшись со времянемъ, написать о томъ не большую диссертацію. Государь Великой Князь всѣ сіи разговоры слышалъ. Кушалъ Его Высочество въ опочивальнѣ одинъ.

Послѣ обѣда изволилъ разговориться со мною о русскихъ и французскихъ комедіантахъ. Были тутъ у насъ разсужденія, какъ бы театръ русской привесть въ лутчее состояніе; что многіе хулятъ комедіантовъ русскихъ для того только, чтобъ хулить; что намъ надобно въ семъ случаѣ не такъ быть строгимъ, и думать болѣе о исправленіи недостатковъ, нежели пустымъ насмѣшествомъ показывать свое легкомысліе и слабоуміе; что вѣтренная хула прилична только безмозглымъ вертопрахамъ; что надобно любить свое отечество, и всѣми силами стараться прикрывать какіе есть въ немъ недостатки, и исправлять между тѣмъ оные; что безъ того никогда выше посредственности вознестись не возможно и проч. Его Высочество забавляться изволилъ, строя изъ картъ домики. Англичанина заставилъ рисовать разныя перья

и (потомъ) оныя перья изволилъ вырѣзывать. Подъ-вечеръ читалъ я Его Высочеству Генріаду, и потомъ изъ итальяскова театру комедію „Arlequin, empereur de la lune“. Въ сіе время пришли съ той половины поздравить Его Высочество съ наступающимъ новымъ годомъ графы Захаръ Григорьичъ и Иванъ Григорьичъ Чернышовы. Побыли очень не долго. Великой Князь изволилъ сѣсть ужинать. Послѣ ужины, въ девять часовъ легъ опочивать. Въ постелѣ выкушалъ чашку травянаго чаю.

1765 годъ.

ГЕНВАРЬ.

1. Его Высочество проснуться изволилъ седьмаго часу было три четверти. Знаючи, что сего дня ввечеру большой столъ будетъ, говорилъ я за чаемъ Его Высочеству, чтобъ былъ онъ сего дня порядоченъ, вооружился бы всѣмъ возможнымъ терпѣніемъ, и не приключалъ бы мнѣ крайней скорби и печали, такъ какъ въ Екатерининъ день (см. выше). Обѣщался Великой Князь твердо, чтобъ моему совѣту послѣдовать. Зашло у насъ разсужденіе о новомъ годѣ и вообще о времяни. Говорили мы о его неизмѣримости, и какое это обширное позорище, когда себѣ представишь всѣ прешедшіе вѣки, наполненные безчисленными приключеніями и дѣлами, и всѣ слѣдующіе, кои теперь еще пусты и будутъ такожъ наполнены. Государь изволилъ сказывать мнѣ, что онъ прежъ сего плакивалъ, воображая себѣ такое времяни пространство, и что наконецъ умереть должно. Во время убиранья волосовъ, читалъ я Его Высочеству Генріаду; кончилъ четвертую пѣснь и много прочолъ пятой. Какъ читалъ я тамъ о извѣстномъ во Франціи за законъ смятеніи, то изволилъ сказать Его Высочество: мнѣ кажется, весьма страшно и опасно, какъ въ такое дѣло и чинъ священной вмѣшается. Одѣвшись, изволилъ пойтить къ обѣдни. Ея Величество въ церкви быть не изволила. По окончаніи божественной службы, сказывалъ Преосвященной Могилевской проповѣдь. Отъ обѣдни изволилъ Его Высочество пойтить во внутренніе покои къ Ея Величеству, и не долго тамъ побывши, къ себѣ возвратиться изволилъ.

За столомъ никого изъ постороннихъ у насъ не было. Его Превосходительство Никита Ивановичъ за столомъ изволилъ по большой части разговаривать со мною о судахъ, о училищахъ, о военныхъ распоряженіяхъ и о прошедшихъ времянахъ.

Послѣ обѣда, Его Высочество въ жолтой комнатѣ попрыгавши нѣсколько, приказать изволилъ, чтобъ я дочелъ ему пятую пѣснь въ Генріадѣ, что съ крайнимъ удовольствіемъ исполнено. Потомъ будучи одинъ со мною, изволилъ меня кое о чемъ весьма любопытно и повѣренно распрашивать. Старался я удовольствовать его со всевозможною подробностію и осмотрительностію. Часу въ шестомъ приказалъ Его Высочество перечесать себѣ волосы. Въ исходѣ седьмаго часу пошли на балъ. Открыть балъ изволилъ Государь съ фрейлиной Анной Алексѣевной Хитровой. Потомъ изволилъ танцовать съ графиней Прасковьей Александровной Брюсшей, съ княгиней Дарьей Алексѣевной Голицыной, и минуетъ четверной съ фрейлиной Анной Петровной Шереметевой. Въ другой парѣ танцовалъ пожалованной сего дня оберъ-шталмейстеромъ князь Петръ Ивановичъ Рѣпнинъ съ фрейлиной Вѣрой Николаевной Чоглоковой. Еще изволилъ Его Высочество танцовать минуетъ съ фрейлиной Анной Васильевной Панинной. Ея Величество на балѣ присутствовать не изволила. Изволила на краткое время выходить и играть въ ломберъ, въ комнатѣ подлѣ галлереи, гдѣ балъ былъ. Играли съ Государынею графъ Григорій Григорьичъ Орловъ и графъ Захаръ Григорьичъ Чернышовъ. Столъ былъ большой въ парадной аванзалѣ, гдѣ тронъ. Сидѣли по билетамъ. У Его Высочества былъ одиннадцатый номеръ, съ гофмейстериной Аленой Александровной Нарышкиной. Столъ кончился въ началѣ одиннадцатаго часу. Государь изволилъ сдержать данное мнѣ слово; весьма былъ веселъ и словоохотенъ. Пришедъ во свояси, расхвалилъ и разцѣловалъ я его за то. И самъ онъ весьма тѣмъ былъ доволенъ. Любо было, что такъ удалось съиграть свою ролю. Пришедши, тотчасъ изволилъ раздѣтся и лечь опочивать. Во время балу, въ оной комнатѣ изволилъ Государь, такъ какъ генералъ-адмиралъ, представлять Ея Величеству вновь произведенныхъ морскихъ офицеровъ.

2. Государь проснуться изволилъ въ семь часовъ. Одѣлся въ фракъ. Обѣдать, ужинать, и все время сегодня изволилъ быть въ опочивальнѣ, для отдохновенія. Привезъ я Его Высочеству по утру рисунокъ Ерменева работы, которой севодни принесъ онъ ко мнѣ. Государь въ день забавляться изволилъ, ставя на маленькомъ столикѣ оной рисунокъ и многіе другіе, вмѣсто театральныхъ украшеній. Ангилеичъ рисовалъ ему кое-что. Читали комедіи изъ итальянскова театру. Сегодня при Дворѣ былъ маскарадъ. Государь опочивать легъ въ 9 часовъ.

3. Его Высочество встать изволилъ въ седьмомъ часу въ исходѣ. Одѣлся какъ обыкновенно. Уволенъ только севоднишной день отъ ученія, потому что изволилъ говорить, что нездоровъ нѣсколько. Получа сію привиллегію, захотѣлось и другой. Просилъ, чтобъ дозволено было одному кушать въ опочивальнѣ, по такой выкладкѣ, что за большимъ столомъ сидятъ обыкновенно гораздо долѣе, также что и чиниться надобно: бываютъ часто гости, а въ опочивальнѣ запросто, и вольности болѣе. На послѣднюю сію привиллегію Его Превосходительство Никита Ивановичъ не согласился, что не очень пріятно было. Его Высочество имѣетъ за собою недостаточекъ, всѣмъ такимъ людямъ свойственной, кои болѣе привыкли видѣть хотѣнія свои исполненными, нежели къ отказамъ и къ терпѣнію. Все хочется, чтобъ (дѣлалось) по нашему. А нельзя сказать, чтобъ всѣ до одново желанія наши таковы были, на которыя бы благоразуміе и объ общей пользѣ попеченіе всегда соглашаться дозволяло. Однимъ словомъ, сѣли мы за большой столъ.

Обѣдали у насъ бригадиры князь Прозоровской и Измайловъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ разговаривалъ съ ними по большой части о житьѣ московскомъ, какъ

тамъ провождаютъ время, какъ веселятся, потому что они недавно изъ Москвы пріѣхали. Великой Князь, по причинѣ печали своей, очень мало изволилъ разговаривать.

Послѣ стола просилъ Никиту Ивановича, чтобъ хотя день можно быть ему въ опочивальнѣ. Сперьва отказалъ было Его Превосходительство; однако потомъ согласился, только съ тѣмъ, чтобъ ни Андрея Ангилеича, ни карликовъ въ опочивальнѣ не было, для того что когда Его Высочество въ опочивальнѣ, то для забавъ своихъ и для игры ихъ по большой части употреблять изволитъ. Отъ сего новая печаль и новое горе родились. Былъ Его Высочество въ опочивальнѣ, но съ несравненно меньшимъ удовольствіемъ, нежели прежде; разставливалъ свои карточки одинъ, заставлялъ читать театральныя піэсы; но при всемъ чувствителенъ былъ недостатокъ душевнаго спокойствія, которое для прямаго веселья столь необходимо. Ужинать изволилъ Великой Князь одинъ въ опочивальнѣ. Опочивать легъ въ девять часовъ. На придворномъ театрѣ была сего дня комедія французская „le sage étourdi;“ балетъ изъ маленькихъ; вмѣсто малой піэсы, комическая опера „Annette et Lubin.“

4. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, твердилъ рѣчь свою отвѣтную милорду Букингаму. Въ двѣнадцатомъ часу пріѣхалъ милордъ, и была ему отпускная аудіенція. Его Высочество очень хорошо изволилъ отвѣтствовать. Передъ обѣдомъ сѣли мы въ желтой комнатѣ всѣ рядомъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ тутъ же, и приказалъ господину Сакену читать въ италіянскомъ театрѣ комедію „Banqueroutier.“

За столомъ никого чужихъ у насъ не было. Никита Ивановичъ дѣлалъ мнѣ честь, что по большой части изволилъ разговаривать со мною.

Послѣ стола, просилъ я Его Превосходительство о кадетскомъ офицерѣ Валуевѣ, которой отъ посла нашего въ Варшавѣ князя Николая Васильевича Рѣпнина присланъ сюда съ дѣлами, послѣ коронаціи нынѣшняго короля; о немъ просилъ я, чтобъ у Ея Величества исходатайствовать ему изъ милости какое нибудь награжденіе, что мнѣ Его Превосходительство и обѣщать изволилъ. Его Высочество, выкушавши чашку кофе, изволилъ забавляться въ опочивальнѣ у маленькова стола, вырѣзываючи изъ картъ разныя фигуры. Потомъ дочитывали оную комедію Banqueroutier. Подъ вечеръ разговаривали мы о графѣ Дмитріѣ Михайловичѣ Матюшкинѣ. Онъ сегоднишняго утра проѣхалъ мимо дворца въ весьма странномъ нарядѣ. Поставлена на зимнемъ ходу маленькая колясочка, называемая Diable; заложена шестью лошадьми, коими самъ (онъ) въ колясочкѣ стоя правитъ; шляпа подъ пазухой и въ одной рукѣ бичъ, которымъ онъ уклоняя мимоѣдущихъ салютуетъ. Напереди ѣхалъ верхомъ шталмейстеръ его, французъ Pierre съ бичемъ же, и очищая дорогу кричалъ: gare, gare! Его Высочество очень сему смѣялся и весьма здраво разсуждалъ, какъ можно легко смѣшнымъ себя сдѣлать, естьли слѣпо послѣдуешь какому предубѣжденію. Его Превосходительство Никита Ивановичъ, стоючи въ то время у окошка, какъ Матюшкинъ мимо дворца ѣхалъ, сказалъ смѣючись: „l'Amour même ne sauroit se présenter avec plus de graces.“ Государь и севодни учиться не изволилъ. Все продолжался еще шабашъ. Ужинать изволилъ за общимъ столомъ. Я не ужиналъ. Послѣ ужины, пришелъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ: разговаривалъ съ Его Высочествомъ. Отвѣтствовалъ онъ ему на все весьма изрядно и былъ веселъ. Но какъ разговоръ нѣсколько продолжился, и Его Высочеству показалось, что уже поздно, то начали показываться слезы. Его Превосходительство нарочито пожурилъ его за такое нетерпѣніе и пошелъ къ себѣ.

Справились, такъ только еще девять часовъ было. Тутъ появились новыя слезы изъ сожалѣнія, для чего давича заплакалось безо всякой причины. Сіи послѣднія слезы конечно извинительнѣе, нежели первыя. Изволилъ Государь лечь опочивать, былъ десятой часъ въ половинѣ.

5. Сочельникъ. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, изволилъ пойтить въ учительную комнату и тамъ забавлялся. Изволилъ со мною заряжать одну изъ поднесенныхъ на сихъ дняхъ отъ морскаго оберъ-цейгмейстера Демидова двухъ пушечекъ съ приборомъ, на желѣзныхъ лафетахъ. Отвѣдывали сколько разъ въ минуту зарядить можно. Пороху у насъ не было. Я примѣръ только дѣлалъ, будто картузы кладу. Его Высочество посылалъ настоящей прибойникъ и банникъ, сдѣланные нарочно по калибру оныхъ (пушекъ), въ дуло. Веревочкой, представляющей фитиль, я прикладывалъ къ затравкѣ и палилъ будто. Такимъ образомъ отъ тринадцати до пятнадцати разъ въ минуту мы палили. Пріѣхалъ Его Преподобіе Отецъ Платонъ. Съ нимъ поговоривши, изволилъ Его Высочество сѣсть читать Священное Писаніе. Играли потомъ въ воланы. Отецъ Платонъ пошелъ въ церковь.

Сѣли мы за столъ. Изъ постороннихъ никого у насъ не было. Разговаривали сперьва о пріемѣ и отпускѣ чужестранныхъ министровъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ разсказывалъ о употребляемыхъ при томъ обрядахъ и распоряженіяхъ. Послѣ сего зашла рѣчь о самоубивствѣ. Его Превосходительство изволилъ разсуждать со мной объ ономъ. Пришолъ тутъ обѣдать шталмейстеръ князь Сергѣй Васильевичъ Гагаринъ. Государь изволилъ сказать ему: Ваше Сіятельство все по сочельникамъ только приходите къ намъ обѣдать. Его Превосходительство Никита Ивановичъ шутилъ надъ нимъ много, объ опредѣленіи оберъ-шталмейстеромъ князя Петра Ивановича, о деревенской его экономіи и проч. Я уже выше коснулся нѣсколько, какой правъ имѣетъ князь Сергѣй Васильевичъ; совсѣмъ тѣмъ душа у него добрая и совѣсть не широкая.

Откушавши, изволилъ Его Высочество пойтить въ церковь, часъ былъ третей по полудни. Было тамъ послѣ обѣдни и вечерни водоосвященіе и многолѣтіе. Ея Величество также при божественной службѣ изволила присутствовать. Проводя Ея Величество во внутренніи покои, изволилъ Его Высочество возвратиться къ себѣ. Сѣлъ въ опочивальнѣ у маленькова стола (и) вырѣзывалъ изъ картъ полоски, представляя полки, кои завтра по Невѣ-рѣкѣ стоять будутъ. Между тѣмъ изволилъ разговаривать со мною о графѣ Матюшкинѣ и вообще о петиметрствѣ. Часу въ седьмомъ пріѣхалъ опять Его Преподобіе Отецъ Платонъ. Разговорились мы о разныхъ родахъ стихосложенія, о ямбѣ, о хореѣ и о дактилѣ. Читалъ я шестую духовную оду г. Ломоносова, преложеніе псалма 143, также и осьмую, выбранную изъ Іова Зашла у насъ съ Его Преподобіемъ рѣчь о употребленіи металловъ въ дѣло и о изобрѣтеніи музыки. Пріискали мы четвертую главу въ книгѣ Бытія. Тамъ о Іувалѣ написано: „сей бяше показавы пѣвницу и гусли.“ А о Ѳовелѣ: „сей бяше млатобіецъ, ковачь мѣди и желѣза“. Его Высочество все сіе прилежно изволилъ слушать. Въ семь часовъ началъ Его Преподобіе всенощную въ жолтой комнатѣ. Его Высочество быть тутъ изволилъ. Въ восемь часовъ вся служба кончилась, и Его Преподобіе поѣхалъ. Сѣли мы ужинать. Разговаривали мы, какъ поздно сего дня начиналася служба при покойной Государынѣ Елисаветъ Петровнѣ. Потомъ зашла рѣчь о печатаніи книгъ. Его Высочество не имѣлъ въ ономъ явственнаго понятія; разсказывалъ я ему сколько могъ подробно, какъ льютъ литеры, какъ набираютъ, какъ тередорятъ, какъ пунцонятъ, и какъ по

напечатаніи опять разбираютъ; заключилъ я разговоръ свой тѣмъ разсужденіемъ, что неизобразимое удовольствіе и благодѣяніе симъ изобрѣтеніемъ принесено роду человѣческому, и изъяснялъ, какія прежде того въ перепискахъ были трудности. Его Высочество очень любопытно слушать и распрашивать изволилъ; подъ конецъ изволилъ спросить: а какъ давно зачали печатать книги? Доносилъ я, что по Калвизіеву счисленію 325 лѣтъ тому назадъ, какъ сыскано сіе рукодѣліе. Изволилъ дивиться, что такъ недавно. Отъ сего новое опять родилось примѣчаніе, какъ трудно сыскивать что нибудь новое. Послѣ ужины все еще продолжались оные же типографскіе вопросы. Опочивать изволилъ лечь Его Высочество въ половинѣ десятаго часу.

6. День Богоявленія Господня. Государь встать изволилъ въ осьмомъ часу. За чаемъ изволилъ разговаривать со мною о севоднишномъ праздникѣ, и еще кое о чемъ. Во время обуванья, читалъ я Государю новопереведенную съ французскаго на россійской языкъ книгу: „товарищъ разумной и замысловатой." Тамъ разныя повѣсти и замысловатыя рѣчи, кои Его Высочеству весьма понравились. Одѣться изволилъ въ адмиралтейской мундиръ; чрезвычайно тому радовался, потому что вчерась еще съ вечера хотѣлось, чтобъ севодни надѣть оной мундиръ. Одѣвшись, изволилъ пойтить въ церковь. Прежде еще выходу приходилъ къ Его Высочеству графъ Григорій Григорьичъ. Въ сіе время маршировали мимо окошекъ полки гвардіи на Іордань. Какъ поровнялся полкъ семеновской, то хулилъ Его Высочество графу Григорью Григорьичу, что солдаты маршируютъ худо. Какъ Ея Величество на сдѣланную противъ дворца Іордань за церковнымъ соборомъ шествовать изволила, то и Его Высочество такожъ послѣдовалъ; но дошедъ до дверей аванзаловъ, изволилъ пойтить въ оныя аванзалы, и тамъ изъ окна смотрѣть оной процессіи. Всѣ чужестранные министры и здѣшніе бояра, кои не при должности въ сей день были, и коимъ измокнуть не захотѣлось, (на дворѣ снѣгъ шолъ), смотрѣли тутъ же. Отъ берегу до построенной надъ Іорданью большой бесѣдки, по разосланному сукну и коврамъ стояли Кавалергарды. Между ими Ея Величество, въ предшествіи всего священнаго клира, на Іордань проходить изволила. Войско стояло вкругъ Іордани продолговатою и регулярною фигурою. Во время водоосвященія пришолъ къ намъ вверхъ гр. Захаръ Григорьичъ, и поднесъ Его Высочеству планъ, какъ расположено оное войско, и сколько онаго. Всѣхъ на все и съ гвардіею въ парадѣ было восемь тысячь девять сотъ и нѣсколько человѣкъ. Сносили къ Іордани отъ всѣхъ полковъ знамена, кропили ихъ освященною водою, и при погруженіи святаго Креста былъ троекратной бѣглой огонь. По окончаніи онаго огня, изволила Ея Величество сѣвши въ сани, по Невѣ кругомъ всѣхъ полковъ объѣхать. Графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ ѣхалъ подлѣ саней верхомъ, въ полномъ римско-россійскомъ уборѣ кавалергардовъ, такъ какъ новопожалованной шефъ онаго корпуса, въ шишакѣ съ бѣлымъ перомъ, что весьма прекрасной и казистой видъ дѣлало. Его Высочество изволилъ между тѣмъ пойтить въ галлерею и ожидать тамъ прибытія Ея Величества. Помянутые Кавалергарды въ уборѣ своемъ стояли, по обѣимъ сторонамъ въ галлереѣ, въ одну шеренгу. Сей улицею Ея Императорское Величество и за нею Государь Великой Князь изволили проходить въ свои покои. Какъ пришли мы къ себѣ, то фельдмаршалъ графъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ, которой всѣмъ вышепомянутымъ войскомъ командовалъ, поднесъ Его Высочеству планъ севоднишняго параду, которой Его Высочество уже имѣлъ отъ графа Захара Григорьича. Вицъ-адмиралъ Алексѣй Ивановичъ Нагаевъ поднесъ Государю ра-

портъ о состоянiи кронштатской своей команды. До обѣда разговорились о старшинствѣ морскихъ и сухопутныхъ войскъ нашихъ. Морскiе держали сторону морскихъ, а сухопутные сторону сухопутныхъ. Совсѣмъ тѣмъ изъ сего балагурства вышло разсужденiе о началѣ морскихъ и сухопутныхъ войскъ нашихъ, что для Его Высочества слышать не безъ пользы было.

Сѣли мы за столъ. Обѣдали у насъ графъ Захаръ Григорьичъ, графъ Иванъ Григорьичъ, Иванъ Лукьяновичъ Талызинъ, Алексѣй Иванычъ Нагаевъ, графъ Александръ Сергѣичъ Строгановъ и еще какой-то Менденъ, Лифлянецъ. За столомъ, Его Высочество, взглянувши на шитой свой адмиральской мундиръ, изволилъ сказать: ну, ежели будетъ кто Генералиссимъ, такъ гдѣ жъ ему вышивать еще мундиръ свой; швовъ не осталось. Графъ Захаръ Григорьичъ отвѣчалъ ему на то: „генералиссима никогда не будетъ и быть не должно, потому что тѣмъ государь отдаетъ войско свое въ руки другова, а это такая узда, которую всегда въ своемъ карманѣ поближе держать надобно.“ Великой Князь изволилъ на то сказать только: а! а! Впротчемъ во все почти время стола разговаривали о Государѣ Петрѣ Великомъ съ должными ему похвалами, и о нѣкоторыхъ тогдашнихъ анекдотахъ, о Князѣ-цесарѣ Ромодановскомъ и проч.

Послѣ стола оной же разговоръ продолжался. Какъ разошлись гости, изволилъ Его Высочество пойтить въ опочивальню, и сѣвши тамъ у маленькаго стола, устанавливалъ изъ карточныхъ жеребейковъ полки, какъ они сего дня въ парадѣ стояли. Потомъ изволилъ въ придворномъ календарѣ считать, сколько котораго ордена кавалеровъ. Не успѣлъ дочесть кавалеровъ ордена Св. Анны, какъ пришолъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ, и пошли къ Государынѣ. Ея Величество изволила играть въ карты, а Его Высочество въ биліардъ съ княземъ Сергѣемъ Васильевичемъ Гагаринымъ. Какъ позамѣшкались тамъ (нѣсколько) долго, то у Великаго Князя на глазахъ начали показываться слезы. Пошли мы къ себѣ. Никита Ивановичъ, пожуря за то гораздо Его Высочество, пошелъ къ себѣ. Сѣли за столъ. Разговаривали о полкахъ, кои сего дня были на Іордани. Въ половинѣ десятаго легъ Государь опочивать.

7. Его Высочество встать изволилъ въ началѣ осьмаго часу. Одѣлся по обыкновенному. Сей день былъ день отдохновенія. По утру изволилъ только съ Отцемъ Платономъ читать Священное Писаніе.

Изъ стороннихъ никто у насъ не обѣдалъ. Я весь день не былъ; имѣлъ у себя дѣло. Государь послѣ изволилъ мнѣ о всѣхъ слѣдующихъ сего дня происшествіяхъ разсказывать. Ввечеру приходилъ Григорій Николаичъ Тепловъ, и разговаривали о собакахъ. Пришелъ гофмаршалъ князь Николай Михайлычъ Голицынъ. Зашла рѣчь о ариѳметическихъ дѣйствіяхъ, и какъ князь Николай Михайлычъ сказалъ Его Высочеству, чтобъ ему надобно прежде долей учить тройныя правила, то Великой Князь изволилъ сказать ему: знать, что не надобно, когда мнѣ инымъ образомъ показывали; а тому человѣку (ссылаясь на меня) больше Вашева Сіятельства въ этомъ случаѣ извѣстно, что прежде надобно показать и что послѣ. И въ самомъ дѣлѣ, послѣдуя натуральному порядку, возможно-ли тройныя правила, основанныя на геометрической пропорціи, толковать прежде нежели свойства и дѣйствія чиселъ ломаныхъ. Есть русская пословица: „зналъ бы сверчокъ свой шестокъ.“ Я никогда не вступлю въ споръ, сколько свѣчь надобно въ которую комнату, и которое блюдо надобно поставить на краю стола, которое о срединѣ. Еще читали сего дня ввечеру Бюффонову Натуральную Исторію о зрѣніи и слухѣ. Пришелъ Его Превосходительство Никита Ивано-

вичъ. Разсуждалъ объ оной книгѣ, также и о Lettres Juives, Lettres Persannes, Lettres cabalistiques, Lettres Chinoises, и Lettres Russiennes. Говоря о сей послѣдней, сказалъ Его Превосходительство о авторѣ ея господинѣ Штрубе: „il a dit tout ce qu'il a pû dire, а Монтескіу все Монтескіу останется." Въ восемь часовъ изволилъ Государь сѣсть за столъ. Въ четверти десятаго изволилъ лечь опочивать.

8. Въ седьмомъ часу проснувшись, Государь изволилъ жаловаться, что голова болитъ. Послали за г-мъ Фузадье. Между тѣмъ боль по-маленьку прошла, и Его Высочество одѣлся по обыкновенному.

Кушалъ за большимъ столомъ. Обѣдалъ у насъ только г. Салдернъ. Сей день однакожъ Государь не учился. По утру изволилъ ходить во внутренніи покои къ Ея Величеству, и тамъ крестить съ Ея Величествомъ у камеръ-юнкера Михайлы Баскакова и у подполковника Якова Перфильева.

Послѣ обѣда попрыгавши, изволилъ пойтить въ опочивальню, и сѣвши у маленькова стола устанавливать изъ картъ декораціи. Между тѣмъ читали Натуральную Исторію Бюффонову, я, перемѣняясь съ г. Остервальдомъ. Потомъ изволилъ Государь сѣсть со мною къ другому столу, и читать служебникъ, Литургію Святаго Іоанна Златоустаго. Въ восемь часовъ сѣлъ ужинать. Разговаривали о прежнемъ житьѣ Великаго Князя, когда мамы при немъ еще были. Изволилъ онъ между протчимъ сказывать, что случалося, что и ночью кушать ему давали, какъ попросить изволитъ. Въ половинѣ десятаго изволилъ Его Высочество лечь опочивать. До ужины все мы думали, что пойдемъ къ Государынѣ. Ея Величество обѣщать изволила для Его Высочества сдѣлать у себя въ покояхъ игрище; однакожъ ничего не было. Государыня не очень была здорова.

9. Воскресенье. Государь, одѣвшись, изволилъ читать съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ Священное Писаніе. По окончаніи сего чтенія изволилъ пойтить въ церковь; а послѣ обѣдни, къ Государынѣ во внутренніе покои. Ея Величество выходить сего дня не изволила. Сказываютъ, что не очень здорова. Побывши тамъ съ-полчаса, изволилъ Государь Цесаревичъ пойтить къ себѣ. Позвали тотчасъ аглинскаго посланника Макартнея, и была ему у Его Высочества аудіенція. Государь отвѣтствовать изволилъ изрядно и твердо; только нѣсколько тихо. Были у насъ графы Захаръ и Иванъ Григорьичъ Чернышовы; играли въ шахматы. Его Превосходительство Никита Ивановичъ представлялъ Его Высочеству новопріѣзжаго смоленской дивизіи генералъ-маіора Нумерса. Пожаловавши его къ рукѣ, изволилъ Великой Князь сказать мнѣ: съ лица видно, что Нѣмчинъ; мнѣ кажется, братецъ, что не онъ выдумалъ порохъ.

Спустя нѣсколько времяни сѣли мы за столъ. Обѣдали у насъ только помянутой генералъ-маіоръ Нумерсъ и г. Салдернъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ по большой части разговаривалъ съ Нумерсомъ, давно ли онъ здѣсь не бывалъ, какъ давно онъ служитъ, и о вещахъ тому подобныхъ, о коихъ для тово говорятъ только, чтобы гость не сказалъ послѣ: (Seine Excellenz sind so ungnädig gewesen und haben kein Wort mit mir besprochen), Ваше Превосходительство изволили изъ гнѣву говорить со мной только одно слово, а не для того, чтобы распространить разсужденія свои или знанія. M. de Panine connaissait son homme.

Послѣ стола забавлялся Его Высочество въ жолтой комнатѣ, и потомъ въ опочивальнѣ. Ввечеру изволилъ ходить въ галлерею на куртагъ. Ея Величество присутствовать тутъ не изволила. Разговаривалъ Великой Князь съ чужестранными министрами, съ графомъ Захаромъ

Григорьевичемъ Чернышовымъ, и съ вице-канцлеромъ кн. Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ. Побывши на куртагѣ съ три четверти часа или съ часъ, изволилъ ретироваться. Покушавши, опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу.

10. Государь изволилъ встать въ семь часовъ. Одѣвшись по обыкновенному учился. Отучась, изволилъ играть въ воланы, потомъ со мною въ шахматы. Сего дня по утру ходилъ я къ Его Превосходительству Никитѣ Ивановичу съ дѣлами морскими и по Павловской больницѣ. Исходатайствовалъ такожъ дозволеніе о печатаніи катихизиса Отца Платона, о чемъ Его Преподобіе столь долго старался, не потому чтобъ Никита Ивановичъ на печатаніе не соглашался, но что книга у Его Превосходительства заложена была въ бумагахъ далеко, и отыскать времяни не доходило. Увѣдомилъ я о семъ Отца Платона, и получилъ отъ него отвѣтное письмо, въ коемъ онъ между протчимъ ко мнѣ пишетъ, что я оной вѣдомостью такъ его обрадовалъ, какъ древле обрадовала летящая голубица Ноя и все его ковчежное сообщество. Подполковника Якова Перфильева новорожденнаго сына пожаловалъ Государь Великой Князь въ морской кадетской корпусъ сержантомъ. О семъ написалъ я отъ Его Высочества въ государственную адмиралтейскую Коллегію сообщеніе, которое подписавъ Великой Князь приказалъ отослать туда. Передъ обѣдомъ пришелъ кирасирской полковникъ князь Сергѣй Никитичъ Трубецкой. Его Высочество, онъ и я, ставши въ кучку, до самаго почти обѣда разговаривали о новыхъ воинскихъ штатахъ, о содержаніи полку, о обученіи онаго и о снабженіи всѣмъ потребнымъ, о полковой экономіи.

Сѣли мы за столъ. Обѣдали у насъ г. Салдернъ, Карлъ Федоровичъ Крузъ и полковникъ князь Трубецкой. Разговаривали о нынѣшнемъ расположеніи полковъ, о мѣстоположеніи около Ревеля, гдѣ стоитъ полкъ онаго Трубецкова. Сказывалъ онъ, что мѣста весьма тамъ каменистыя и множество камней величины ужасной. Изъ сего Никита Ивановичъ вывелъ генеральное разсужденіе о ращеніи камней; изъ ращенія камней и изъ морскаго хрящу, коимъ дно покрыто, о древности міра. Пришла рѣчь и о китайскомъ исчисленіи времяни. Въ сихъ разговорахъ всякой сказалъ, кто что смыслилъ. Иной и ничево не сказалъ, для того что сказать было нечево. Не смысля, молчать всегда лутче; авось иной еще молчаніе припишетъ и одной только скромности.

Вставши изъ за стола, изволилъ Его Высочество въ жолтой комнатѣ на столѣ дудинскія шашки въ строй устанавливать. Потомъ сѣлъ учиться. У меня очень хорошо учился. Часовъ въ шесть пошли мы въ театръ. Комедія сего дня была французская, сочиненія комедіанта Л'Анжа: „le bienfait rendu;" балетъ Нейвилевъ „la jalousie villageoise;" маленькая піэса „le Deuil." Ея Величество быть не изволила. Великой Князь напросился самъ сего дня, чтобъ итти въ комедію, болѣе для угожденія Никитѣ Ивановичу, нежели по собственной охотѣ. Вообще сказать, Его Высочество театральныя позорища не весьма изволитъ жаловать, частію отъ того, что они иногда долго продолжаются и онъ принужденъ сидѣть все на одномъ мѣстѣ, что живости его почти несносно; такожъ, что въ такомъ случаѣ и опочивать лечь противъ обыкновеннаго опоздаетъ, что намъ всего тяжеле; частіюжъ и въ самыхъ оныхъ (позорищахъ,) по собственному Его Высочества увѣренію, не изволитъ онъ находить большаго веселья и удовольствія. Великой Князь несказанно похвалялъ автора выборныхъ Исторій изъ свѣтскихъ писателей („histoires choisies des auteurs profanes") за то, что въ артикулѣ о позорищахъ, которой мы съ Его Высочествомъ нѣкогда читали, разсуждаетъ, что театральныя позорища развращаютъ нравы, отвлекаютъ отъ дѣлъ, и человѣка въ нѣкоторое тунеядство приводятъ.

Возвратясь изъ комедіи, изволилъ онъ пойтить къ Государынѣ во внутренніе покои. Мы дожидались въ биліардной. Болѣе четверти часа быть тамъ не изволилъ. Пришедъ къ себѣ, сѣли мы за столъ. Разговаривали по большой части о актерахъ. Опочивать изволилъ Государь лечь, было три четверти десятаго.

11. Его Высочество встать изволилъ въ седьмомъ часу въ исходѣ. За чаемъ изволилъ онъ мнѣ разсказывать, что въ прошлые дни случилось, когда меня не было, что выше сего внесено уже мною. Во время обуванья изволилъ распѣвать онъ французскія пѣсенки. Я сидя подлѣ, писалъ. Одѣвшись, изволилъ пойтить со мною въ жолтую комнату и сѣсть на канапе. Тутъ сказалъ я Его Высочеству о разсѣваемыхъ о немъ въ липштадскихъ вѣдомостяхъ подъ артикуломъ изъ Кельна злодѣйскихъ слухахъ. Докладывалъ я о томъ третьяго дни Его Превосходительству Никитѣ Ивановичу, и получилъ отъ него позволеніе, чтобы сказать между рѣчей Великому Князю. Никита Ивановичъ на оной артикулъ приказалъ написать возраженіе. Какъ разсказалъ я обстоятельно Его Высочеству, то перемѣнившись въ лицѣ изволилъ сказать мнѣ: экъ кто-то меня жалуетъ; je m'en moque. Говорилъ я Его Высочеству, что пользуясь бездѣльническимъ онымъ разглашеніемъ, надобно вести себя осторожнѣе, и съ состояніемъ своимъ сходственнѣе, особливо въ публикѣ; и притомъ безъ нужды больнымъ не сказываться, дабы злобные недоброхоты не имѣли поводу къ завистливымъ навѣтамъ. Очень благодарилъ меня Великой Князь за совѣтъ и что я ему сказалъ о семъ. Съ полчаса времяни поговорили мы о сей матеріи. Въ десять часовъ изволилъ Его Высочество сѣсть за свои ученія. Послѣ ученья, изволилъ перебирать книги въ своей библіотекѣ.

Сѣли мы за столъ. Обѣдалъ у насъ изъ постороннихъ только г. Салдернъ. Разговаривали о бывшихъ здѣсь въ свитѣ французскаго посла маркиза Лопиталя, кавалерахъ Деонѣ и Данжелѣ. Сей послѣдней сочинилъ книгу о прибыткахъ и убыткахъ комерціи въ Англіи и во Франціи. Объ оной книгѣ разсуждали. Его Превосходительство Никита Ивановичъ изволилъ говорить, что онъ все выкралъ изъ одного аглинскаго автора. Зашла тутъ рѣчь вообще о системѣ государственныхъ доходовъ. Никита Ивановичъ хулилъ французскую. О нашемъ государствѣ изволилъ сказывать, что казна имѣетъ доходу слишкомъ двадцать милліоновъ рублей. Говорилъ, что наши двадцать милліоновъ рублей, вразсужденіи разныхъ государственныхъ обстоятельствъ и причинъ гораздо болѣе, нежели сто милліоновъ ливровъ во Франціи. Отъ сего вышло довольно плодовитое разсужденіе, и видно было, что Никита Ивановичъ говорилъ уже не съ Нумерсомъ.

Послѣ стола позабавясь нѣсколько, изволилъ Его Высочество сѣсть за обыкновенныя свои ученія. Послѣ ученья, часу въ пятомъ началась у Его Высочества въ парадной залѣ генеральная проба его балета. Онъ самъ тутъ же танцовать изволилъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ былъ тутъ, и я сказалъ, что ему-то можно теперь выговорить: „се азъ и дѣти мои“, потому что около его никово почти свыше тридцати лѣтъ не-было. Какъ до балету фрейлины пришли нѣсколько еще рано, то Его Высочество изволилъ играть съ ними въ фанты. Ему по фанту досталося по комнатѣ попрыгать; и безъ фантовъ не рѣдко у насъ это случается. Послѣ балету гораздо усталъ Его Высочество. Приказалъ подать себѣ чаю. Устанавливалъ потомъ дудинскія шашки такимъ порядкомъ, какъ балетъ сего дня танцовали. Въ началѣ девятаго часу изволилъ сѣсть ужинать. За ужиною тихо было. Въ четверть десятаго часу легъ опочивать.

12. Государь изволилъ встать въ седьмомъ часу въ исходѣ. Одѣвшись, по обыкновенному учился. Передъ обѣдомъ изволилъ играть въ воланы.

Сѣли за столъ. Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ только князь Сергѣй Васильевичъ Гагаринъ. Говорили почти во все время стола о придворной конюшнѣ и о власти, какую оберъ-шталмейстеръ имѣетъ надъ кн. Гагаринымъ. Князю Сергѣю Васильевичу жестоко то было досадно. При семъ случаѣ спросилъ Никита Ивановичъ у Его Высочества: „какъ вы думаете, повелѣвать-ли лутче, или повиноваться?“ На сіе изволилъ сказать Государь: все свое время имѣетъ; въ иное время лутче повелѣвать, въ иное лутче повиноваться.

Послѣ стола, попрыгавши по комнатамъ, изволилъ Его Высочество сѣсть учиться; у меня очень хорошо учился. Потомъ съ танцовщикомъ Гранже изволилъ твердить роль свою изъ балета. Разговаривалъ со мною Государь Цесаревичъ о вчерашнемъ балетѣ и о тѣхъ, кои въ немъ танцуетъ. Разговоръ его утверждалъ всегдашнее мое мнѣніе о чувствительности его сердца и подавалъ мнѣ поводъ думать, что онъ со временемъ не будетъ лѣнивымъ или не послушливымъ обитателемъ въ странахъ цитерскихъ. Въ шесть часовъ пошли мы въ театръ. Комедія была сего дня русская: „Русской Французъ“ (Jean de France de Mr. Holberg); балетъ „la coquette punie,“ маленькая піэса „слѣпой видущей.“ Возвратясь изъ комедіи, изволилъ Его Высочество ходить къ Государынѣ. Ея Величество все еще не очень была здорова. Пришедъ оттуда къ себѣ, заставилъ меня Государь читать новой адресъ-календарь, которой Государыня пожаловать ему изволила. Черезъ четверть часа сѣли мы ужинать. За ужиной разговаривали о каруселѣ, которой Ея Величество къ будущему лѣту собирать изволитъ. Ѣздоки въ ономъ карусели одѣты будутъ въ платье разныхъ народовъ, и раздѣлятся на четыре части. Въ первой части, такъ какъ Его Высочество изволилъ сказывать, предводителемъ будетъ Ея Величество; во второй графъ Григорій Григорьичъ Орловъ; въ третьей, графъ Алексѣй Григорьичъ Орловъ; въ четвертой, оберъ-шталмейстеръ кн. Петръ Ивановичъ Рѣпнинъ. Государь изволилъ говорить, чтобъ я шолъ въ оную кадриль. Не хотѣлось мнѣ, и я сказалъ, что тогда пойду (уже) въ кадриль карусельную, какъ онъ выростетъ. Послѣ стола, изволилъ Его Высочество лечь опочивать, часъ былъ въ половинѣ десятой.

13. Государь изволилъ проснуться въ семь часовъ Одѣвшись учился, какъ обыкновенно. Послѣ ученья изволилъ читать въ жолтой комнатѣ, на канапе сидя, Histoires choisies des auteurs profanes. Передъ обѣдомъ пришли съ той половины за Его Превосходительствомъ Никитою Ивановичемъ, кн. Петръ Ивановичъ Рѣпнинъ и графъ Иванъ Григорьичъ Чернышовъ. Говорили о упоминаемой вчерась карусели, или лутче сказать говорилъ, потому что говорилъ почти только одинъ князь Петръ Ивановичъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ изъ эстампнова кабинету Его Высочества тѣ приказалъ принести книги, гдѣ изображены бывшіе во Франціи карусели. Смотрѣли мы оныя книги, и князь Петръ Ивановичъ на время себѣ ихъ выпросилъ.

Сѣли за столъ. Обѣдали у насъ изъ постороннихъ только Его Сіятельство князь Петръ Ивановичъ и г. Салдернъ. Говорили сначала, продолжая прежнюю рѣчь, о карусели, а потомъ по большой части разсуждали о верховой ѣздѣ, о лошадяхъ и о учрежденіяхъ конюшенныхъ. Видно, примѣтно и чувствительно было, что за столомъ былъ оберъ-шталмейстеръ.

Послѣ стола, попрыгаючи нѣсколько, изволилъ Его Высочество сѣсть ко мнѣ на канапе въ учительной комнатѣ. Читалъ я ему нѣкоторыя подробности о Генрихѣ Четвертомъ, въ запискахъ, служащихъ къ исторіи госпожи Ментенонтши. Въ четвертомъ часу изволилъ сѣсть Государь учиться. У меня очень хорошо

учился. Приходилъ танцовщикъ Гранжѐ, и Его Высочество изволилъ твердить съ нимъ роль свой изъ балета. Въ шестомъ часу въ исходѣ, пошли мы на комедію. Комедія была французская: «le Sage étourdi;» маленькая піэса «François à Londres;» балетъ съ саботами. Его Высочество довольно апплодировать изволилъ. Ея Величество присутствовать не изволила. Послѣ комедіи, читали мы вчерашней адресъ-календарь. Сѣли ужинать. Разговаривали за столомъ о академіи художествъ. Доносилъ я Его Высочеству о новомъ ея штатѣ, съ своими на то мнѣніями и примѣчаніями. Вставши изъ за стола, черезъ нѣсколько времени изволилъ онъ опочивать улечься, десятаго часу было двадцать минутъ.

14. Его Высочество проснуться изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись учился по обыкновенному. По окончаніи ученія, списывалъ нѣкакой живописецъ Французъ съ Его Высочества портретъ на финифти. Пришолъ танцовщикъ Гранжé, и Государь изволилъ съ нимъ твердить роль свой изъ балета. Послѣ сего изволилъ сѣсть со мною на канапе, и разговаривать о намняшнемъ балетѣ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ долго былъ у Ея Величества съ докладами. Дожидаясь его, читалъ я Его Высочеству Генріаду. Весьма прилежно изволилъ слушать, особливо въ томъ мѣстѣ, гдѣ описанъ приступъ Великаго Генриха къ городу Парижу, храброе нападеніе осаждающихъ и мужественный отпоръ осажденныхъ. Пришолъ Никита Ивановичъ. Не успѣли дочитать шестой пѣсни.

Сѣли за столъ. Обѣдалъ у насъ Григорій Николаевичъ Тепловъ, г. Салдернъ и Карлъ Федоровичъ Крузъ. За обѣдомъ разговаривали по большой части о развращенномъ экономическомъ управленіи при Дворѣ. Сколь много расходитъ, естьли кому при Дворѣ опредѣленъ столъ, чай и кофе; и какъ напротивъ того все дурно изготовлено. Поводъ къ сему разговору подало то, что Григорій Николаичъ о своемъ придворномъ столѣ сказывалъ, какъ его подчиваютъ. Раза три или четыре принужденъ онъ былъ докладывать Ея Величеству и на многія бездѣлицы выпрашивать имяннаго указу. Столъ его, какъ (онъ) сказывалъ, до семи тысячь въ годъ Государынѣ стоитъ. Просилъ деньгами: деньгами не даютъ. Послѣ сего рѣчь зашла о скупости. Его Превосходительство Никита Ивановичъ разсказывалъ о нѣкакомъ прежде бывшемъ въ гвардіи капитанѣ Рудаковѣ, которой, естьли кто придетъ къ нему ввечеру говорить съ нимъ о какой нуждѣ, обыкновенно зазженную передъ нимъ самую тоненькую свѣчку погашивалъ, говоря: „намъ и безъ свѣчки говорить видно: что ей горѣть напрасно, погасимъ-ка ее лутче.''

Встали изъ за стола. Пришолъ прусской министръ графъ Сольмсъ съ флейтою играть въ оркестрѣ. Сего дня положено быть у Его Высочества пробѣ балету. Его Превосходительство Никита Ивановичъ пошолъ на часъ къ себѣ съ Григорьемъ Николаичемъ. Пришли между тѣмъ фрейлины. Пока собиралися танцовщики, изволилъ Государь съ фрейлинами сѣсть играть въ фанты. Досталось Его Высочеству по фанту плясать по-русски. Изволилъ плясать онъ съ маленькимъ графомъ Шереметевымъ. Черезъ часъ времяни пришелъ и Никита Ивановичъ. Пошли въ парадную залу. Начался тамъ балетъ. Какъ перьвой разъ танцовали, все стоялъ я въ самой дали у стѣны, противъ оркестру, съ Его Высочествомъ. Пока дошло до его ролю, изволилъ онъ разговаривать съ Шереметевымъ, съ Олсуфьевымъ, съ нѣкоторыми изъ кадетскихъ офицеровъ, кои въ балетѣ, и съ фрейлинами. По окончаніи балета, зачали его танцовать въ другой разъ. Говорилъ мнѣ Его Высочество, чтобы я шелъ къ оркестру и примѣтилъ въ танцующихъ то и то. Пошелъ я туда, и стоялъ во все время какъ балетъ танцовали. Продолжался оной по моимъ часамъ ровно три четверти часа. Какъ въ дру-

гой разъ оттанцовали, изволилъ Его Высочество пойтить къ себѣ, а протчіе по домамъ. Почти до осьми часовъ сидѣлъ у насъ Никита Ивановичъ. Изволилъ по большой части разговаривать со мною о нѣкоторыхъ придворныхъ обстоятельствахъ, во владѣніе Императрицы Елисаветъ Петровны, о графѣ Петрѣ Ивановичѣ Шуваловѣ, о заведеніи здѣсь банковъ, о прошлой войнѣ и проч. Его Высочество спросить тутъ между протчимъ у меня изволилъ: что легче, пудъ-ли пуху или пудъ свинцу? Изъяснялъ я ему о равенствѣ вѣсу и о разности протяженія матерій. Его Превосходительство Никита Ивановичъ, услышавши о семъ, также присталъ къ рѣчи и толковалъ объ ономъ Его Высочеству. Говорили о вѣсахъ справедливыхъ и подложныхъ, и тому подобномъ. Никита Ивановичъ пошелъ къ себѣ. Его Высочество въ девятомъ часу сѣлъ кушать. Въ десятомъ въ половинѣ легъ опочивать. При Дворѣ сего дня маскарадъ былъ.

15. Государь встать изволилъ въ осьмомъ часу въ началѣ. Одѣвшись, учился какъ обыкновенно. Отучась, изволилъ играть въ воланы. Передъ обѣдомъ заставилъ его Никита Ивановичъ въ желтой комнатѣ ходить взадъ да впередъ, чтобъ шелъ прямо, вольно и осанисто. Его Превосходительство вчерась въ балетѣ примѣтилъ, что когда Его Высочество впередъ выступаетъ, (такъ выступаетъ) очень на солдатскую стать.

Сѣли за столъ. Изъ стороннихъ никого у насъ не было. Сперьва было очень тихо. Потомъ поразговорились. Его Превосходительство Никита Ивановичъ изволилъ разговаривать со мною о Французахъ, кои здѣсь въ домахъ слывутъ учителями. Разсказывалъ мнѣ о своемъ учителѣ. Доносилъ я Его Превосходительству, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ у одного московскаго дворянина Чухонецъ нанялся въ учителя, назвавъ себя Французомъ, и дѣтей его вмѣсто французскаго языка, чухонскому выучилъ. Съ тѣхъ поръ (всѣмъ) таковымъ учителямъ положено давать прежде аттестаты изъ академіи, освидѣтельствовавъ ихъ въ знаніи. Говорили еще о книгахъ и о учрежденіи библіотекъ.

Послѣ (стола) зашла рѣчь о Телемакѣ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ изволилъ говорить, что ему сей книги на русскомъ языкѣ никогда видать не случалось. Доносилъ я ему, что есть она переводу г. Хрущова, и что я для Его Превосходительства ее достану. Разговорились также о привычкѣ Великаго Князя, чтобъ все новое нюхать, книга-ли бы то была, или кафтанъ, или пушка, или столъ, или бъ что такое ни было. Его Превосходительство шпынялъ (шутилъ) при семъ случаѣ надъ Его Высочествомъ. Онъ, попрыгиваючи, отшучивался. Пошелъ Никита Ивановичъ къ себѣ. Разсказывалъ я Государю нѣкоторые анекдоты, касающіеся до покойнаго его Прадѣда Государя Петра Великаго и до Бабки его Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны. Въ четвертомъ часу изволилъ Его Высочество сѣсть за ученья. У меня очень хорошо учился. Послѣ ученья, читалъ я Государю Генріаду. Потомъ долго со мною самъ-другъ изволилъ онъ ходить и сидѣть, разговаривая съ наисовершеннѣйшею откровенностью и довѣренностію. Приходилъ камеръ-юнкеръ Александръ Федорычъ Талызинъ. Сказывалъ о смерти покойнаго князя Бориса Александровича Куракина. Его Высочество между протчимъ сказать изволилъ: отъ ево смерти и государству потеря; человѣкъ онъ былъ достойной, и за дѣла принялся было очень прилежно. Талызинъ сказывалъ, что покойнаго Куракина большому сыну Ея Величество дозволила жить во дворцѣ, у Никиты Ивановича. Въ девятомъ часу сѣли мы за столъ. Разговаривали о кадетскомъ корпусѣ, о пожарѣ, бывшемъ въ кунсткамерѣ, также вообще о пожарахъ и о пожарныхъ распоряженіяхъ.

Послѣ ужины долго Его Высочество не ложился опочивать, и чуть было до того феномену не дошло, которой мы у себя en termes de l'art дожжемъ называемъ. Изволилъ лечь, одиннадцатаго уже часу было пять минутъ.

16. Воскресенье. Его Высочество встать изволилъ въ началѣ осьмаго часу. Одѣвшись, читалъ съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ Священное Писаніе, какъ то обыкновенно по праздникамъ и по воскреснымъ днямъ передъ обѣднею бываетъ.

Часу въ одинадцатомъ Его Высочество изволилъ пойтить къ обѣдни. Ея Величество сего дня обѣдню изъ той же боковой комнаты слушать изволила, гдѣ обыкновенно Его Высочество въ нынѣшнее зимнее время становится. Изъ церкви проводя Ея Величество до внутреннихъ покоевъ, изволилъ Великой Князь возвратиться къ себѣ.

Сѣли за столъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ кушалъ у себя; отдыхалъ, потому что ночь всю просидѣлъ за дѣлами. Изъ постороннихъ обѣдали у насъ только г. Салдернъ и флотской генералъ-интендантъ Кутузовъ. Разговаривали о кавалерской комедіи, и шутили кое о чемъ. Заспорилъ г. Салдернъ съ Его Высочествомъ въ одномъ дѣлѣ. Государь по своей ко мнѣ милости сдѣлалъ мнѣ честь ту, что выбралъ меня судьею, чтобы послѣ обѣда разрѣшить споръ ихъ. Его Высочество чрезвычайно былъ веселъ и порядоченъ. Въ ономъ спорѣ, шутя, такими околичностьми господина Салдерна вызывалъ будто па поединокъ: Nous irons Monsieur, s'il vous plait, cet après-diner converser un peu dans cette salle vide. Nous ferons fermer les portes. Nous serons tête à tête. Il y aura là seulement un petit seigneur, qui m'accompagne toujours du coté gauche, quand je sors quelque part (то есть шпага) etc. Послѣ обѣда также все время Его Высочество очень былъ веселъ. Изволилъ поскакивать, и кое чѣмъ забавляться. Вечеръ дню не соотвѣтствовалъ; пошли мы на куртагъ. Ея Величество изволила тамъ присутствовать, и играть въ пикетъ съ чужестранными министрами и съ нѣкоторыми изъ здѣшнихъ знатныхъ. Его Высочество изволилъ стоять тутъ же въ кругу. Сперьва веселъ былъ: разговаривалъ съ министрами, и изъ нашихъ съ князь Петромъ Ивановичемъ Рѣпнинымъ, съ вице-канцлеромъ, съ графами Петромъ и Иваномъ Григорьевичемъ Чернышевыми. Наконецъ скучилось ему. Началъ подзывать Никиту Ивановича домой. Его Превосходительству хотѣлось дождаться того, какъ Государыня изволитъ ретироваться, и для того отказывалъ ему. Началъ Великой Князь съ ножки на ножку переступать, помигивать и смотрѣть на плафонъ, чтобъ скрыть свое нетерпѣніе. Между тѣмъ очень оно видно было, и сбирающіяся на глазахъ тучки еще болѣе оное показывали. Никита Ивановичъ принужденъ былъ иттить съ Его Высочествомъ. Какъ скоро добрались мы до своихъ предѣловъ, и вошли въ жолтую комнату, остановились всѣ. Никита Ивановичъ приказалъ съ Великаго Князя снять тутъ шпагу, и чтобъ онъ далѣе никуды не ходилъ. Давъ ему наижесточайшей выговоръ, оборотился къ намъ и сказалъ, чтобъ мы на сей вечеръ Великаго Князя всѣ оставили, и никто не говорилъ бы съ нимъ ни слова. Сказавъ сіе, пошелъ Его Превосходительство къ себѣ, оставивъ у насъ по себѣ тишину неописанную. Великой Князь выговоромъ весьма огорченъ былъ, и стоя у печи разными знаками показывалъ свое неудовольствіе. По предписанію, никто не говорилъ ему ничево. Разговаривали мы между собою, показывая будто совсѣмъ на него не примѣчаемъ. Были у меня при семъ случаѣ кое какія разсужденія, кои отчасти сообщалъ я тѣмъ, на ково по-болѣ полагался, отчасти обращалъ только въ головѣ своей. Оныя разсужденія пусть при мнѣ останутся. По приказанію Его Превосходительства

Никиты Ивановича, ужинать сѣлъ Его Высочество уже въ десятомъ часу, опочивать легъ въ одиннадцатомъ, что для него было школою терпѣнія. Весь вечеръ происходилъ въ тихости. Вотъ такъ-то и во всѣхъ дѣлахъ бываетъ: па суслѣ пива не узнаешь. День начался такъ хорошо и весело, а кончился наискучнѣйшимъ образомъ.

17. Его Высочество проснуться изволилъ въ седьмомъ часу. Очень сожалѣлъ и раскаивался о вчерашнемъ приключеніи. Одѣвшись, изволилъ учиться, какъ обыкновенно. Послѣ ученья попрыгивалъ въ жолтой комнатѣ, и никто съ нимъ по вчерашнему заказу не вступалъ еще ни въ какіе (почти) разговоры.

Сѣли за столъ. И тамъ очень тихо было. Изъ стороннихъ никто не обѣдалъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ по большой части сидѣлъ задумавшись.

Послѣ обѣда, въ четвертомъ часу, изволилъ Его Высочество сѣсть за ученія. У меня очень хорошо учился. Окончавъ свое дѣло, изволилъ говорить мнѣ о вчерашнемъ своемъ поступкѣ, что онъ весьма сожалѣетъ, что оное сдѣлалось, что показалось ему поздно и скучно; не могъ преодолѣть себя, изволилъ просить у меня наигорячнѣйшимъ и повѣреннѣйшимъ образомъ совѣту, какъ бы сдѣлать, чтобъ таковыхъ, какъ самъ онъ выговаривать изволилъ, проказъ впередъ не было. Отвѣчалъ я Его Высочеству:

— „Инова способа я, Милостивый Государь, не знаю, какъ только что когда въ публикѣ придетъ къ Вамъ такое нетерпѣніе и такая скука, то дайте тотчасъ волю Вашему разсужденію: представьте себѣ, что полчаса или четверть часа разницы никакой почти не дѣлаютъ; что Вы отъ тово ни занеможете, ни похудѣете; что всѣ на Васъ смотрятъ, и примѣтя такое нетерпѣніе и малодушіе, послѣ называть станутъ ребенкомъ, и никакого почтенія имѣть не будутъ. Скажутъ, что-де Его Высочеству одиннадцатой годъ уже, а ведетъ себя какъ пяти-лѣтней мальчикъ: знать, что впередъ надежды на нево не много. Сверхъ того, Милостивый Государь, продолжалъ я, Вы уже чрезъ искуство знаете, что всякой разъ, какъ Вы такой поступокъ сдѣлаете, ужинаете Вы позже и опочивать ложитесь гораздо позже, и всѣ на Васъ сердятся. и показываютъ свое неудовольствіе, и такъ вмѣсто мнимаго Вами выигрышу, изволите видѣть явной во всемъ проигрышъ и весьма худыя слѣдствія. Я увѣренъ, что когда Ваше Высочество во время перьваго къ вамъ приступу нетерпѣнія, оными разсужденіями вооружиться изволите, то конечно непріятеля далеко отгоните, и никогда мы Васъ отъ него побѣжденнымъ не увидимъ.“ Выслушавши сію проповѣдь со вниманіемъ, бросился ко мнѣ Его Высочество, и цѣлуя изволилъ увѣрять меня, что онъ не преминетъ предложенныя отъ меня наставленія при перьвомъ случаѣ произвести въ дѣйство и употребить въ свою пользу. Въ шесть часовъ пошли мы въ театръ. Ея Величество также присутствовать тамъ изволила. Комедія была французская г. Детуша: „l'obstacle imprévu;“ балетъ г. Гранжé „Аполлонъ и Дафна;“ маленькая піэса «l'épreuve réciproque.» Послѣ комедіи, пришедъ къ себѣ, изволилъ забавляться Его Высочество, разставливая по столу шахматы. Приходили къ Великому Князю камеръ-юнкеръ Бибиковъ и Александръ Сергѣичъ Строгановъ. Положили, какъ завтра быть пробѣ комедіи и балету. Въ девять часовъ сѣлъ Его Высочество ужинать; въ десять легъ опочивать.

18. Его Высочество проснуться изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, учился по обыкновенному. Отучась изволилъ ходить въ опочивальню и смотрѣть въ библіотекѣ своей книги. Принесли купленныя по моему совѣту для Его Высочества двѣ книги: magazin des enfans, и magazin des adolescens. Переплетены

онѣ были а ла грекъ чрезвычайно хорошо. Его Высочество очень любоваться ими изволилъ. Перьвую началъ и читать сего дня. Говорилъ я Великому Князю, что есть ли бы попросилъ онъ Никиту Ивановича, чтобъ приказать мнѣ для Его Высочества собрать небольшую комнатную библіотеку, тобъ подлинно я ее учредилъ. Во всякомъ родѣ досталъ бы наилучшія книги, и всѣ велѣлъ бы такъ переплесть, какъ оныя двѣ книжки. Большая, купленная у Корфа библіотека, хотя и будетъ, но та (не) для всегдашняго употребленія. Его Высочеству очень сіе предложеніе понравилось. Хотѣлъ просить Никиту Ивановича.

Въ началѣ втораго часу сѣли за столъ. Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ г. Салдернъ и камеръ-юнкеры графъ Матюшкинъ и Александръ Федоровичъ Талызинъ. За столомъ очень тихо было. Его Превосходительство Никита Ивановичъ мало разговаривалъ.

Вставши изъ за стола, какъ время пришло, учился Его Высочество по обыкновенному. Приходилъ князь Петръ Ивановичъ Рѣпнинъ, и слушалъ какъ Великой Князь изволилъ играть на клавикортахъ. Въ пятомъ часу въ исходѣ пошли мы въ театръ. Его Высочество изъ своей ложи смотрѣть изволилъ, какъ репетиція была кавалерской комедіи и маленькой піэсѣ. Потомъ, какъ начался балетъ, изволилъ сойтить на театръ. Какъ стало доходить до его роли, то изволилъ сѣсть на свое мѣсто, вдали на театрѣ приготовленное. Весь почти партеръ полонъ былъ смотрителей. Отъ хлопанья въ ладоши, въ танцованьи Его Высочество нѣсколько сбился и обробѣлъ. Конецъ балету танцовали еще разъ. Тутъ шло полутче. Пришедъ къ себѣ, гнѣвался Его Высочество, для чево бьютъ въ ладоши. Изволилъ сказать: не успѣлъ еще выйтить я, такъ уже и апплодирують; то-то ужъ настоящіе персики, (персики значатъ у насъ ласкательство: есть тому особливая деривація изъ нѣкоего случившагося при Дворѣ анекдоту); ой Дворъ, Дворъ! Въ десятомъ часу изволилъ Его Высочество сѣсть за столъ. Разсужденіе было о томъ, что человѣкъ самъ внутреннее чувствуетъ удовольствіе, когда сдѣлаетъ что нибудь хорошее. Въ половинѣ десятаго часу изволилъ Великой Князь лечь опочивать.

19. Государь встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, по обыкновенному учился. Отучась, изволилъ читать magasin des enfans. Его Превосходительство Никита Ивановичъ представлялъ Его Высочеству новопріѣзжихъ господина Рижскаго Регирунгсъ-Рата Фитингофа и генералъ-маіора Билау.

Сѣли мы за столъ. Обѣдали у насъ оные господа новопріѣзжіе и еще генералъ-порутчикъ Веймарнъ, Александръ Ильичъ Бибиковъ, Александръ Петровичъ Сумароковъ и Карлъ Федоровичъ Крузъ. Говорилъ почти только (одинъ) Александръ Петровичъ, съ обыкновенною своею бѣглостію и остротою. Разсуждалъ о кулачныхъ бояхъ, о подъячихъ, о авторахъ, о стѣнахъ Іерусалимскихъ (bon mot его), о обновленіи храма и проч. Его Превосходительство Никита Ивановичъ разговорами его очень много веселился.

Послѣ обѣда забавлялся Его Высочество. Александръ Петровичъ сказывалъ мнѣ о новосочиненной имъ комедіи, называемой «опекунъ»; дѣлалъ мнѣ ту честь, что увѣрялъ меня въ своемъ ко мнѣ почтеніи, и паговорилъ мнѣ похвалъ съ три кузова. Въ доказательство, что его ко мнѣ почтеніе не ложное, приводилъ онъ между протчимъ то, что наканунѣ представленія вышепомянутой его комедіи, намѣренъ онъ раздать шесть только экземпляровъ, а имянно: 1, Государынѣ; 2, Великому Князю; 3, Никитѣ Иванычу; 4, (гр.) Григорью Григорьичу; 5, г. Остервальду; 6, мнѣ. Вотъ у нево какой списокъ. Въ четвертомъ часу сѣлъ Его Высочество учиться; у меня очень хорошо учился. Въ шестомъ часу изволилъ пой-

тить въ театръ; комедія была русская „Мотъ“; балетъ съ саботами; маленькая піэса „Болтунъ“. Обѣ сіи піэсы оригинальныя сочиненія г. Лукина, секретаря при Иванѣ Перфильичѣ Елагинѣ. Аплодированы были обѣ очень много. Ея Величество присутствовать не изволила. По окончаніи большой піэсы, изволилъ Его Высочество автора призывать къ себѣ въ ложу; пожаловалъ его къ рукѣ, и хвалилъ за трудъ. Послѣ комедіи, изволилъ Государь ходить къ Ея Величеству. Побывши тамъ съ четверть часа, возвратился въ свои покои. Государыня изволила быть въ биліардной, въ спальномъ платьѣ. Пришедъ къ себѣ, послали мы за кушаньемъ. Сѣвши за столъ, разговаривали по большой части о севоднишной комедіи. Опочивать Его Высочество изволилъ лечь въ исходѣ десятаго часу.

20. Государь изволилъ встать въ исходѣ седьмаго часу. Какъ одѣвшись изволилъ войтить въ учительную комнату, то пришелъ съ той половины гр. Иванъ Григорьичъ Чернышовъ, и показывалъ Его Высочеству конфирмованные Ея Величествомъ доклады. Его Сіятельству поручено главное смотрѣніе надъ галернымъ флотомъ. Какъ ушолъ онъ, изволилъ Его Высочество сѣсть за свои ученія. По окончаніи оныхъ забавлялся Государь около своихъ пушечекъ, и корабли устанавливалъ въ боевой порядокъ.

Сѣли за столъ. Обѣдали у насъ графъ Иванъ Григорьевичъ, князь Сергѣй Васильевичъ Гагаринъ, генералъ-поручикъ Веймарнъ, Александръ Ильичъ Бибиковъ, графъ Александръ Сергѣичъ Строгановъ, г. Салдернъ и Карлъ Федоровичъ Крузъ. За столомъ ни до какихъ почти примѣчательныхъ разговоровъ не доходило. Его Превосходительство Никита Ивановичъ по большой части трунилъ надъ кн. Сергѣемъ Васильевичемъ. Веймарнъ и Бибиковъ имѣютъ съ Никитою Ивановичемъ какую-та конференцію о пограничныхъ дѣлахъ польскихъ; и для того такъ часто и съѣзжаются.

Послѣ обѣда, попрыгавши, изволилъ Великой Князь сѣсть учиться. У меня очень хорошо учился. Часу въ шестомъ пошли мы за Его Высочествомъ въ театръ. Комедія была французская „le bienfait rendu“ сочиненія комедіанта Ланжа; балетъ Нейвилевъ „la jalousie villageoise“; вмѣсто маленькой піэсы, комическая опера „Annette et Lubin“. Ея Величество присутствовать не изволила. Государь очень много аплодировать изволилъ, особливо въ балетѣ и въ комической оперѣ. О сей оперѣ изволилъ разсуждать онъ, что сентиментовъ въ ней хорошихъ очень много, а что такихъ явленій совсѣмъ почти нѣтъ, кои бы въ глаза бросались. Послѣ комедіи, изволилъ Его Высочество ходить къ Государынѣ. Ея Величество въ биліардную выходить не изволила; слѣдовательно сей разъ не имѣлъ я счастія Ея видѣть. Пришедъ отъ Государыни, сѣли мы ужинать. Разговаривали о севоднишной комедіи, о Лукина комедіи и о кавалерскомъ зрѣлищѣ. Отужинавши, изволилъ Государь скоро лечь опочивать; десятаго часу было тридцать пять минутъ.

21. Его Высочество проснуться изволилъ въ началѣ осьмаго часу. Не успѣлъ я еще одѣться, какъ изволилъ войтить ко мнѣ, и звалъ пить чаю. Сказывалъ я Его Высочеству, что не могу очень, правой бокъ такъ простудилъ, что съ трудомъ дышу и ворочаюсь. За чаемъ изволилъ онъ открывать мнѣ, что какъ вчерась былъ у Государыни, то Ея Величество изволила спросить его, подозвавъ къ себѣ тихонько: отъ чево Никита Ивановичъ такъ не веселъ? и что какъ онъ отвѣтствовалъ, что не изволитъ знать, то Государыня сказать ему изволила: „n'est ce pas vous qui l'avez chagriné? Si c'est vous, je vous prie de ne le point faire à l'avenir“. Его Высочество признаваться мнѣ изволилъ, что оное увѣщаніе такъ его тронуло, что у него

слезы навернулись. На сіе говорилъ я, что надобно себя вести такъ, чтобъ Ея Величеству причины никогда не было подумать, чтобъ Его Высочество Никиту Ивановича когда нибудь чѣмъ могъ опечалить. Какъ во время обуванья примѣтилъ я, что Его Высочество очень не веселъ, и спросилъ у него тому причины, то изволилъ отвѣтствовать мнѣ: какъ мнѣ не запечалиться; давича какъ я вошелъ къ тебѣ звать тебя пить чаю, такъ ты такъ меня холодно принялъ, что нельзя больше: развѣ эдакъ дѣлается между пріятелями? Сія Его Высочеству чувствительность крайне меня тронула, и я разцѣловавъ у него руки, увѣрялъ его, что давишному моему угрюмому пріему не иное что причиною, какъ то, что я не могу очень. Пріѣхалъ господинъ Фузадье. Надобно знать, что господинъ Фузадье каждое утро въ десятомъ часу къ Его Высочеству пріѣзжаетъ; спроситъ, въ добромъ ли Великой Князь здоровьѣ, обмоетъ у него маленькую на лѣвой щекѣ отъ золотухи ранку и уѣдетъ. Это уже всякой день, какъ по нотѣ, происходитъ. Какъ скоро господинъ Фузадье пріѣхалъ, то Государь изволилъ разсказывать ему о моей болѣзни, и просить его, чтобы написалъ мнѣ рецептъ. О рецептѣ долго просить господина Фузадье нѣтъ нужды; не знаю другова, кто бы писалъ ихъ съ такимъ усердіемъ и съ такою охотою. Лишь только скажи въ разговорахъ, что чѣмъ нибудь не можешь: не знаешь ни вѣдаешь, тотчасъ уйдетъ онъ, напишетъ тебѣ рецептъ, и вотретъ въ руки. И такъ рецептъ мнѣ скипѣлъ тотчасъ. Его Высочество весьма милостиво и съ особливою горячностію изволилъ прощаться со мною, и просить меня, чтобы я побылъ дома, и поберегъ себя, дабы болѣзнь опасною не сдѣлалась. Пустился я на лекарство и на діэту. Былъ дома до 25 числа сего мѣсяца. Что въ сіе время безъ меня происходило, разсказывать мнѣ послѣ изволилъ самъ Его Высочество. Одѣвшись, изволилъ онъ учиться, какъ обыкновенно.

Обѣдали у насъ генералъ-маіоръ Гудовичъ, (которой при покойномъ Государѣ Петрѣ III былъ генералъ-адъютантомъ) и полковникъ Гурчевъ. Оба они пріѣхали на сихъ дняхъ изъ Парижа. Его Высочество изволилъ разспрашивать ихъ о Парижѣ и о Иванѣ Ивановичѣ Шуваловѣ, которой нынѣ живетъ тамъ. Скоро, какъ они сказывали, намѣренъ онъ ѣхать въ Лондонъ, и оттуда въ Италію.

Какъ скоро встали изъ за стола, послали за маленькими господами кадрильи Его Высочества, чтобы въ маскарадъ были. Часу въ четвертомъ приходилъ графъ Григорій Григорьичъ, и показывалъ Его Высочеству новую какую-то трагедію, имянуемую: «смерть Сенеки». Государь изволилъ мнѣ сказывать, что оная трагедія ему понравилась. Въ шестомъ часу зачали маленькіе господа въ маскарадъ съѣзжаться. Перьвой пріѣхалъ гр. Николай Петровичъ Шереметевъ. Его Высочество очень много изволилъ съ нимъ забавляться. Потомъ какъ и протчіе посъѣхались, и пріѣхали Вадковскіе, то зачали ихъ гонять и надъ ними посмѣиваться, что всякой почти разъ случается. Изволила заходить къ Великому Князю Ея Величество въ маскарадномъ платьѣ въ провожаніи Ивана Ивановича Бецкова. Въ седьмомъ часу въ исходѣ изволилъ и Его Высочество иттить въ маскарадъ со всѣмъ своимъ сообществомъ. Изволилъ танцовать тамъ въ обоихъ залахъ, въ дворянскомъ и въ мѣщанскомъ, по большой части съ фрейлиной Вѣрой Николаевной Чоглоковой и съ меньшой дочерью Григорья Николаича Теплова. Изъ маскараду изволилъ возвратиться, было девятаго часу сорокъ минутъ; кушалъ за большимъ столомъ, какъ обыкновенно. Опочивать легъ въ исходѣ десятаго часу.

22. Его Высочество встать изволилъ въ началѣ осьмаго часу. По утру прино-

сили примѣривать танцовальное платье. Передъ обѣдомъ, отучась, изволилъ Его Высочество твердить роль свой изъ балета съ танцовщикомъ Гранжé; маленькой Олсуфьевъ танцовалъ тутъ же.

Сѣли за столъ. Изъ постороннихъ обѣдалъ графъ Александръ Сергѣичъ Строгановъ. Разговаривали о репетиціи, также и о графинѣ Аннѣ Михайловнѣ, женѣ графа Александра Сергѣича. Никита Ивановичъ при семъ случаѣ много забавлялся и шутилъ о житьѣ ихъ, о домашнихъ ссорахъ и о разводѣ ихъ. Гр. Строгановъ подавалъ о томъ недавно письмо Ея Величеству.

Послѣ обѣда изволилъ Государь учиться. Часу въ пятомъ пришолъ Григорій Николаевичъ Тепловъ. Великой Князь изволилъ при немъ играть на клавикортахъ. Тепловъ послалъ въ театръ за дочерьми своими. Пришолъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ. Играли при немъ Теплова дочери концертъ на клавикортахъ очень хорошо. Григорій Николаичъ и самъ хорошо играетъ. Я примѣтилъ, что иногда цѣлая фамилія къ чему нибудь особливую склонность и способность имѣетъ. Есть родовые пороки, есть родовыя и добродѣтели, хотя и нельзя о семъ сдѣлать общаго заключенія. Бываетъ цѣлой родъ музыкантовъ, цѣлой родъ комедіантовъ, цѣлой родъ дураковъ, цѣлой родъ людей умныхъ; повседневное искуство сему научаетъ. Послушавши маленькихъ музыкантовъ, изволилъ Его Высочество пойтить въ театръ. Тамъ была проба сперьва комедіи, состоявшей все изъ благородныхъ, потомъ балету. Его Высочество роль свой весьма хорошо танцовать изволилъ, и Никита Ивановичъ очень тѣмъ былъ доволенъ. Пришедъ къ себѣ въ девятомъ часу, изволилъ Государь сѣсть ужинать. Послѣ ужины о послѣдней Волтеровой трагедіи Танкредѣ разговаривать изволилъ, и многіе стишки оттуда наизусть декламовалъ. Въ десятомъ часу въ половинѣ легъ опочивать.

23. Воскресенье. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, читалъ съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ Священное Писаніе. Въ исходѣ одиннадцатаго часу изволилъ пойтить въ церковь. Оттуда проводя Ея Величество до внутреннихъ покоевъ, и побывъ тамъ въ биліардной нѣсколько времяни, изволилъ къ себѣ возвратиться.

Обѣдали у насъ Его Сіятельство вице-канцлеръ [Голицынъ]. Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ, Иванъ Логиновичъ Кутузовъ и господинъ Салдернъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ очень много издѣвался надъ приближающеюся старостью Его Сіятельства князя Александра Михайловича.

Послѣ обѣда забавлялся Его Высочество, и попрыгиваючи сзади Алексѣя Петровича Мельгунова колотилъ по пальцамъ. Разошлись всѣ: остался только г. Салдернъ, и пробылъ долго, что Его Высочеству, какъ сказывать мнѣ изволилъ, не очень было пріятно. Часу въ седьмомъ изволилъ Государь пойтить на куртагъ. Разговаривалъ тамъ съ графомъ Петромъ Борисовичемъ Шереметевымъ, съ графомъ Григорьемъ Григорьевичемъ Орловымъ и съ тайнымъ совѣтникомъ гр. Минихомъ. Куртагъ кончился въ десять минутъ девятаго часу, чему Его Высочество весьма радъ былъ. Ужиналъ у насъ графъ Александръ Сергѣичъ Строгановъ; говорилъ о госпожѣ Шмидтъ, называя груди ся брустверомъ. Послѣ ужины Его Высочество скоро изволилъ лечь опочивать. Былъ десятой часъ въ началѣ.

24. Государь проснуться изволилъ въ седьмомъ часу. Одѣвшись по обыкновенному учился. Часу въ двѣнадцатомъ изволилъ ко мнѣ прислать Его Высочество скорохода, спросить о моемъ здоровьѣ.

Обѣдали у Его Высочества генералъ-поручикъ Лачиновъ, генералъ-поручикъ Веймарнъ, г. Салдернъ, Кропотовъ, Бибиковъ, Александръ Фи-

лозофовъ, Набоковъ. Разговаривали о Воронежѣ, о Оренбургѣ и о границахъ польскихъ.

Послѣ обѣда изволилъ Государь читать древнюю Ролленеву Исторію, и музыкѣ учился. Ввечеру изволилъ ходить въ театръ. Комедія была французская: „l'homme du jour;“ балетъ Гранжеевъ „Аполлонъ и Дафна;“ маленькая піэса „l'heureusement“. Пришедъ изъ комедіи, скоро изволилъ сѣсть ужинать. За ужиною разговаривали о ѣздѣ въ Москву и изъ Москвы, какъ мы въ дорогѣ время препровождали. Послѣ ужины обрѣзывалъ господинъ Фузадье Его Высочеству ногти. Опочивать Государь изволилъ лечь въ половинѣ десятаго часу.

25. Государь проснуться изволилъ въ началѣ осьмаго часу. Одѣвшись, учился какъ обыкновенно. Часу въ двѣнадцатомъ имѣлъ у Его Высочества аудіенцію курляндской гофмаршалъ баронъ Книге.

Сѣли за столъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ не кушалъ тутъ. Изъ постороннихъ обѣдали у насъ тайной совѣтникъ графъ Минихъ и Григорій Николаевичъ Тепловъ.

Послѣ обѣда, поучась, изволилъ Государь поѣхать на новоселье къ графу Алексѣю Григорьичу Орлову въ Вульфовской домъ, что на набережной. Я не заставши уже Его Высочества во дворцѣ, прямо туды поѣхалъ, и весьма милостиво тамъ отъ него былъ принятъ. Изволилъ спрашивать о состояніи моего здоровья, и какъ я прошедшіе дни препровождалъ время. Часу въ осьмомъ изволила прибыть туда и Ея Императорское Величество. Изволила сѣсть играть въ ломберъ. Въ залѣ изволилъ и Его Высочество къ столу игорному сѣсть и пуентировать. Нарочно для него банкъ сдѣлали. Въ девятомъ часу зажгли приготовленной передъ домомъ на Невѣ фейерверкъ, которой сдѣланъ былъ и горѣлъ весьма изрядно. Какъ за вензловымъ имянемъ Его Высочества огненныя колеса весьма быстро вертѣлись, то изволилъ сказать Великой Князь: вотъ видно, что Мелиссино (артиллерійской полковникъ, которой оной фейерверкъ дѣлалъ), меня знаетъ, и видалъ, какъ я у себя прыгаю: окружилъ имя мое рѣзвыми колесами. Прежде нежели зажгли фейерверкъ, подносилъ хозяинъ описаніе его на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Послѣ, какъ подошелъ Государь къ столу, гдѣ множество оныхъ описаній лежало, изволилъ сказать, что онъ и еще экземплярецъ хотѣлъ бы взять, то графиня Прасковья Александровна Брюсша, взявъ одинъ, поднесла ему. Увидѣвъ, что написано по-нѣмецки, изволилъ Его Высочество сказать ей: извольте этотъ у себя удержать; я бы лутче арабской взялъ, естьлибъ былъ, нежели нѣмецкой. Часу въ десятомъ сѣли ужинать. Сидѣли по билетамъ. Его Высочество изволилъ сидѣть съ графиней Варварой Алексѣевной Шереметевой: между ими сидѣлъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ. Ея Величество подлѣ себя въ парѣ указала сѣсть хозяину, графу Алексѣю Григорьевичу. Въ одинадцатомъ часу, вставъ изъ за стола, изволилъ Его Высочество тотчасъ поѣхать во дворецъ. Ея Величество тутъ еще изволила остаться. Прибывъ къ себѣ, Государь тотчасъ изволилъ раздѣться и лечь опочивать; былъ двѣнадцатой часъ въ началѣ.

26. Его Высочество встать изволилъ въ осьмомъ часу въ началѣ. Одѣвшись, по обыкновенному учился. Сдѣлался у Его Высочества поносъ, и продолжался февраля по первое число, въ которые дни учился Государь по-немногу.

ФЕВРАЛЬ.

1. У Его Высочества за ушьми показалась опухоль. Приложили припарку. Одѣться Государь изволилъ въ фракъ, и былъ весь день въ опочивальнѣ. У графа Петра Борисовича Шереметева была

сего дня ввечеру представлена въ домѣ комедія, на которой Его Высочество по оной причинѣ быть не изволилъ. Ея Величество изволила тутъ присутствовать. Комедія представлена была господина Детуша „le philosophe marié", т. е. женившійся философъ. Роли раздѣлены были слѣдующимъ образомъ: Аристъ кн. Петръ Васильевичъ Хованской. Дамонъ кн. Андрей Михайлычъ Бѣлосельской. Лизимонъ кн. Андрей Николаичъ Щербатовъ. Жеронтъ графъ Александръ Сергѣичъ Строгановъ. Маркизъ Делоретъ графъ Сольмсъ, прусской министръ. Мелита графиня Анна Петровна Шереметева. Целіанта графиня Дарья Петровна Чернышова. Финета (гр.) Наталья Петровна Чернышова. Маленькая піэса была „les moeurs du tems", т. е. испорченные нравы нынѣшняго вѣку. Дѣйствующія лица изъ тѣхъ же были, кои въ большой комедіи, выключая графа Николая Петровича и сестры его графини Варвары Петровны Шереметевыхъ, кои такожъ въ маленькой піэсѣ играли. Смотрителей было сто девять человѣкъ. Входили по билетамъ. Собирателемъ билетовъ былъ Его Сіятельство графъ Захаръ Григорьичъ Чернышовъ; указательницею ложъ графиня Анна Александровна Чернышова, невѣстка его; директоромъ всего позорища графъ Иванъ Григорьичъ Чернышовъ; директоромъ оркестру князь Петръ Никитичъ Трубецкой. Я былъ на оной комедіи; имѣлъ билетъ Его Высочества: также отъ графа Петра Борисовича и еще одинъ билетъ имѣлъ. Съ сего числа, по самое 13-е число, изволилъ Его Высочество кушать и во весь день забавляться въ опочивальнѣ. Одѣвался въ фракъ. За ушьми прикладывали припарку. Забавы по большой части состояли въ разставкѣ по столу декорацій. Читали Волтерова Задига всякой (день) по немногу. 7-го числа началъ Государь въ опочивальнѣ своей до обѣда и послѣ обѣда слегка учиться порядочно.

6. Воскресенье. Началась сырная недѣля. Его Высочество, какъ выше упомянуто, совсѣмъ изъ опочивальни выходить не изволилъ до 13 числа сего мѣсяца. Для публики на сей недѣлѣ нижеслѣдующія были увеселенія. Сего числа ввечеру была на большомъ придворномъ театрѣ дворянская комедія: „мнѣніемъ больной". Входили по билетамъ. Дѣйствующія лица были: Арганъ Иванъ Иванычъ Кропотовъ. Бералдъ г. Титовъ, офицеръ гвардіи. Діафорій Александръ Андреичъ Волковъ. Фома Діафорій Василій Ильичъ Бибиковъ. Докторъ Пургюнъ Волковъ меньшой. Аптекарь меньшой Бибиковъ. Женскія роли всѣ играли сестры Василья Ильича Бибикова, выключая дочь Аргантову, которую представляла какая-то дѣвушка Ушакова. Балетъ былъ „Ацисъ и Галатея". Танцовали все фрейлины и кавалеры. Роль Его Высочества, тожъ Именея, танцовалъ графъ Николай Петровичъ Шереметевъ. Маленькая піэса была: „Филантропъ". Филантропъ былъ Титовъ; жена его жену Филантропову представляла; кучера Александръ Волковъ игралъ очень хорошо.

7. Ввечеру французская комедія была: „surprise de la haine;" маленькая піэса „le triple mariage;" балетъ Гранжеевъ.

8. Ничево для публики не было. У графа Петра Борисовича Шереметева маскарадъ былъ, гдѣ и Ея Императорское Величество присутствовать изволила. Тутъ всѣ были званые.

9. Ввечеру вышепомянутая-жъ дворянская комедія и тѣми же лицами была представлена. Балетъ былъ тотъ же, и маленькая піэса та же. Передъ комедіей имѣлъ у Ея Величества аудіенцію Полякъ Малаховской.

10. На придворномъ театрѣ ввечеру комедія была французская „le joueur"; маленькая піэса „Arlequin Hula"; балетъ „Аполлонъ и Дафна". По окончаніи по-

зорища, изволила Ея Величество поѣхать въ штегельманской домъ, къ графу Григорью Григорьевичу Орлову. Изволила тамъ кушать и забавляться разными играми.

11. Повѣстка была, чтобъ въ комедію съѣзжаться въ маскарадномъ платьѣ и оттуда, кто изволитъ, ѣхать въ маскарадъ къ Локателію, въ старой деревянной дворецъ. Оному маскараду положено продолжаться отъ сего вечера до воскресенья до утра. Съѣхались въ маскарадномъ платьѣ въ комедію. Комедія была французская „l'homme du jour;" балетъ новой Гранжеевъ со зміею; вмѣсто маленькой піэсы, комическая опера „on ne s'avise jamais de tout". Послѣ зрѣлища, отужинавши у Его Высочества, поѣхалъ я въ маскарадъ. Тамъ, по приказу его, кланялся отъ него одному человѣку. Ея Величество изволила быть въ маскарадѣ, закрывшись въ мужской кофейной доминѣ. Изволила ходить съ графомъ Григорьемъ Григорьичемъ и съ фрейлиной Анной Васильевной Паниной, ухватясь за руку. Встрѣчаючись со мной, раза два изволила мнѣ кланяться. Напослѣдокъ подозвала меня къ себѣ и болѣе получаса разговаривать и шутить изволила, не сказывая о себѣ; но нельзя Ее было не узнать, хотя я того и не показывалъ. Въ маскарадѣ тѣснота была ужасная.

12. Весь день, какъ упомянуто, маскарадъ продолжался. Государь сей день въ опочивальнѣ своей со мною забавляючись, изволилъ сочинять списокъ полкамъ. Назначивалъ къ нимъ полковниковъ изъ офицеровъ, коихъ знать онъ изволитъ. Въ число полковниковъ и самъ себя включить изволилъ, подъ имянемъ Павла Романова, которое имя всегда присвоять себѣ изволитъ отъ высокоимянитой фамиліи Романовыхъ, по большой части по моему внушенію и истолкованію. Надъ всѣмъ онымъ, въ воображеніи пребывающимъ, войскомъ, изволилъ учредить меня шефомъ. Сей списокъ приложенъ при семъ въ подлинникѣ собственной руки Его Высочества [1]).

13. Воскресенье. Государь одѣвшись, изволилъ выйтить въ церковь. Ввечеру изволилъ пойтить на куртагъ. Куртагъ былъ въ той комнатѣ, гдѣ стоятъ Кавалергарды. Ея Величество изволила тутъ присутствовать. Съ куртагу пошли въ театръ. Входили всѣ по билетамъ. Какъ Его Высочество совсѣмъ уже выздоровѣлъ и опухоль миновалась, то изволилъ онъ пойтить тудажъ. Была трагедія (русская) „Синавъ и Труворъ". Играли благородные: Синавъ Иванъ Ивановичъ Кропотовъ; Труворъ Петръ Ивановичъ Мелиссино. Гостомыслъ господинъ Титовъ. Ильмена жена госп. Титова: очень хорошо играла. Вѣстникъ Василій Ильичъ Бибиковъ. Пажъ артиллерійской кадетъ. Балетъ былъ прежней же „Ацисъ и Галатея". Маленькая піэса была „Пустомеля", сочиненія господина Лукина. Роль пустомели игралъ Василій Ильичъ Бибиковъ. Играть было графу Григорью Григорьичу Орлову; но отмѣнилось, не знаю за чѣмъ. Симъ и кончилась честная масленица. Я думаю, что и кромѣ театру въ городѣ сего дня такихъ пустомель довольно было. Вино и молчаливова говорливымъ дѣлаетъ, а въ масленицу на Руси вину расходъ не малой.

14. Чистой понедѣльникъ. Его Высочество какъ сего дня такъ и во всю (сію) недѣлю одѣваться изволилъ въ обыкновенное время, кушалъ за большимъ столомъ, и учился каждой день. Въ среду и въ пятницу изволилъ быть въ церкви у прежде-освященной обѣдни. А подробно дней на сей недѣлѣ записывать не имѣлъ я времяни; да не много и происходило примѣчанія достойнаго. Тишина была

---

[1]) Списокъ этотъ напечатанъ въ числѣ прочихъ приложеній въ концѣ книги.

Изд.

повсюдная. 17 числа послѣ обѣда стошнилось Его Высочеству. Раздѣлся онъ и легъ въ постелю; заснулъ, и послѣ спа гораздо стало легче. Сѣлъ я подлѣ его постели. Читалъ Государю походы французскаго короля Людвига XV и смотрѣли мы съ нимъ въ оной книгѣ эстампы. Часу въ шестомъ изволилъ встать онъ съ постели. Пришолъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ. Показывалъ намъ Его Превосходительство картошную игру, берланъ называемую; Государь тотчасъ понялъ ее, и играли мы болѣе часа. Опочивать изволилъ Государь лечь въ десятомъ часу.

На другой день, то-есть 18 числа, изволилъ Государь одѣться какъ обыкновенно; учился и былъ у обѣдни. 19 число провождено такожъ въ ученіи и въ разныхъ забавахъ. Ея Величество сего дня Святыхъ Таинъ пріобщаться изволила. Часу въ двѣнадцатомъ ходилъ Государь на ту половину, поздравлять Ея Величество.

Обѣдалъ у насъ Его Преподобіе Отецъ Платонъ и г. Салдернъ. Передъ обѣдомъ, рифмачъ Владыкинъ, надворной совѣтникъ съ Парнасу поднесъ Его Высочеству поэму „на ложь и истину", довольно вздорно сложенную. Послѣ обѣда, по ученіи, Его Высочество въ берланъ самъ-другъ со мною играть изволилъ. Потомъ на столѣ ставилъ бумажную крѣпость и около ея полки деревянные; одною половиною полковъ онъ изволилъ командовать, другіе у меня были, и дѣлали мы ими по столу разные контрамарши. Опочивать изволилъ лечь въ половинѣ десятаго часу.

20. Воскресенье. Государь встать изволилъ въ осьмомъ часу. Одѣвшись, читалъ съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ Священное Писаніе. Изволилъ пойтить въ церковь. По возвращеніи оттуда, была у Его Высочества аудіенція польскому министру Малаховскому. Подполковникъ Нартовъ поднесъ Государю переводу своего книжку, называемую „Торжество Философіи".

Сѣли за столъ. Обѣдали у насъ Его Превосходительство Петръ Ивановичъ, Александръ Ильичъ Бибиковъ и г. Аргамаковъ. Разговаривали сперва о межеваніи, которое разсмотрѣть вчерась поручено Его Превосходительству Петру Ивановичу съ нѣкоторыми другими; потомъ говорили о уложеніи и о законахъ; потомъ о легкихъ войскахъ нашихъ; о храбрости казаковъ и проч.

Послѣ обѣда забавлялся Его Высочество разными своими увеселеніями. Подъ вечеръ зашла рѣчь о короновании Ея Величества; и какъ Его Высочество въ то время въ Москвѣ жестоко былъ боленъ, то изволилъ онъ приказать мнѣ, чтобъ я объ ономъ разсказалъ ему подробно; въ чемъ Его Высочество и былъ отъ меня удовольствованъ. Покушавши, опочивать легъ въ половинѣ десятаго. Куртагу сего дня не было.

21. Его Высочество изволилъ сего дня принимать лекарство. Одѣтъ былъ въ фракъ, и кушалъ одинъ въ опочивальнѣ. Ученія сего дня не было. Государь забавляться изволилъ, устанавливая картинки вмѣсто театральныхъ украшеній, и распоряжая полки свои, изъ деревянныхъ дощечекъ сдѣланные.

22. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, учился какъ обыкновенно. Часу въ двѣнадцатомъ пришолъ къ Государю новой ордена Александра Невскаго кавалеръ генералъ-поручтикъ Лачиновъ, которой на сихъ дняхъ на Воронежъ въ губернію свою отъѣзжаетъ. Его Высочество изволилъ къ нему выйтить въ жолтую свою аудіенцъ-комнату. Разговаривалъ съ нимъ о состояніи воронежской губерніи; спрашивалъ, въ чемъ тамъ изобиліе, въ чемъ недостатокъ. Между тѣмъ ходилъ я на половину къ Государынѣ. Ея Величество изволила смотрѣть въ дальныхъ парадныхъ покояхъ поставленнаго своего

портрету, гдѣ Ея Величество на конѣ въ мужскомъ платьѣ представлена. Портретъ написанъ весьма сходно. Возвратясь оттуда, изволила Ея Величество во внутреннихъ своихъ покояхъ играть въ биліардъ съ графомъ Алексѣемъ Григорьичемъ Орловымъ. Оборотясь ко мнѣ, изволила улыбаючись сказать: я чаю, вамъ въ нынѣшнее время безъ маскарадовъ и скушно. Знать что о послѣднемъ (маскарадѣ) изволила вспамятовать, въ которомъ разговоромъ своимъ меня почтила. Пришедъ съ той половины за Его Превосходительствомъ Никитою Ивановичемъ, скоро сѣли мы за столъ.

Обѣдали у насъ графъ Иванъ Григорьичъ Чернышовъ, Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ, генералъ-поручтикъ Лачиновъ и Василій Евдокимычъ Ададуровъ. Разговаривали о путешествіяхъ подъ линіею, о новопріѣзжемъ французскомъ полковникѣ Конфлансѣ, о вступившемъ было въ службу нашу контръ-адміралѣ Дукласѣ, которой недавно въ отечество свое Англію возвратился и нашу службу оставилъ и проч.

Вставши изъ за стола, часу въ четвертомъ изволилъ Государь сѣсть за свои ученія. Часу въ шестомъ пришолъ къ намъ отъ Никиты Ивановича графъ Иванъ Григорьичъ, и началось у насъ засѣданіе комнатной Адмиралтействъ-Коллегіи. Чтò она такое, и чтò значатъ оныя засѣданія, о томъ гдѣ нибудь ниже опишу обстоятельно. Въ исходѣ седьмаго часу пришолъ къ намъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ. При немъ такожъ съ четверть часа (еще) присутствіе у насъ продолжалось. Пошли потомъ на половину къ Ея Величеству. Государыня въ биліардной комнатѣ изволила играть въ ломберъ съ генералами кн. Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ и Петромъ Ивановичемъ Панинымъ. Въ началѣ девятаго часу возвратился Его Высочество къ себѣ. Откушавши, легъ опочивать, десятаго часу было тридцать пять минутъ.

23. Государь изволилъ встать въ седьмомъ часу въ исходѣ. Одѣвшись, учился. Передъ обѣдомъ пришолъ къ намъ графъ Захаръ Григорьичъ. Сказывалъ о будущемъ сего году кампементѣ подъ Петербургомъ. Около сорока тысячь въ лагерѣ будетъ. Станутъ дѣлать разныя военныя движенія. Съ одной стороны сама Ея Величество командовать изволитъ: надъ первою ея дивизіею будетъ фельдмаршалъ графъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ; надъ второю генералъ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ. Съ другой стороны командовать будетъ Его Превосходительство Петръ Ивановичъ Панинъ. Армія его представлять будетъ непріятельскую армію. Кирасирской Его Высочества полкъ будетъ въ дивизіи князь Александра Михайловича.

Сѣли мы за столъ. Обѣдали у насъ графъ захаръ Григорьичъ и Григорій Николаичъ Тепловъ. Разговаривали по большой части о медицинскомъ здѣшнемъ факультетѣ, также и о медицинской Коллегіи, особливо о ея президентѣ: нельзя сказать, чтобъ съ похвалами. У Его Превосходительства Никиты Ивановича съ Тепловымъ превеликой споръ былъ, въ армію докторовъ медицинской-ли Коллегіи опредѣлять по своему благоизобрѣтенію, или давать того, котораго командующій дивизіею генералъ требовать будетъ; также должна-ли медицинская Коллегія смѣнять докторовъ и опредѣлять другихъ по требованіямъ генеральскимъ, хотябъ она сама того за нужное и не признавала. Никита Ивановичъ и графъ Захаръ Григорьичъ были того мнѣнія, что все оное оставлено быть должно на попеченіе и разсмотрѣніе командующаго генерала. Григорій Николаичъ былъ противныхъ мыслей. За столомъ приказалъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ послать на конюшню, чтобъ были кареты для выходу Его Высочества. День севодни былъ прекрасной. Какъ скоро выговорилъ Никита Ивановичъ, чтобъ бы-

ли кареты, то у Его Высочества особливая па лицѣ веселость изобразилась и заигралъ радостной румянецъ. Для сей причины, какъ разговоръ о Медицинѣ нѣсколько продолжался, изволилъ онъ сказать Никитѣ Ивановичу: вить вы севодни всево курсу медицины не пройдетежъ; такъ не лутче-ли до другова дни оставить.

Вставши изъ за стола, скоро мы поѣхали. Ѣздили до самаго Катерингофа. Возвратились уже въ шестомъ часу. Его Высочество усталъ очень. Приказалъ подать себѣ чаю съ молокомъ и съ сухарями. Послѣ обѣда сего дня уже не учился. Часу въ осьмомъ изволилъ ходить къ Государынѣ въ самые внутренніе покои; потому что Ея Величество въ биліардную комнату выходить не изволила. Возвратясь отъ Государыни, изволилъ Его Высочество читать французскія вѣдомости. Ужинать сего дня не изволилъ; не было апетиту. Опочивать легъ въ девять часовъ.

24. Его Высочество встать изволилъ въ исходѣ седьмаго часу. Одѣвшись, сѣлъ за обыкновенныя свои ученія. Какъ маршировалъ мимо караулъ гвардіи, и Государь изволилъ увидѣть офицера Лунина, то сказалъ о немъ: что̀ это значитъ, иногда вижу я ево въ прапорщичьемъ мѣстѣ, а иногда въ подпорутческомъ; онъ по чинамъ-та ѣздитъ. Часу въ двѣнадцатомъ спросилъ у меня Его Высочество, не помню-ли я, котораго числа онъ пожалованъ генералъ-адмираломъ, и приказалъ мнѣ пріискать данной о томъ указъ Сенату въ печатной указной книгѣ. И какъ я тамъ онаго указу не нашолъ, то гнѣвался Государь, для чего онъ не внесенъ туда. Передъ обѣдомъ изволилъ Его Высочество ходить со мною въ парадныя свои комнаты, смотрѣть принесеннаго изъ лѣтняго дворца корабля. Оной корабль принесенъ былъ на рукахъ, Его Высочества гребцами. Гребцы всѣ ребята видные, и Государь весьма любовался ими. Не оставилъ я присоединить къ тому и свои похвалы, дабы Его Высочеству съ хорошей стороны представить народъ россійской.

Сѣли мы за столъ. Обѣдалъ у насъ одинъ только гость Карлъ Ѳедоровичъ Крузъ. За столомъ очень тихо было. Никита Ивановичъ съ Крузомъ разговаривалъ только по большой части о домашнихъ обстоятельствахъ и о болѣзняхъ.

Послѣ обѣда попрыгаючи, изволилъ Его Высочество сѣсть учиться. У меня изрядно учился; въ томъ только неудовольствіе мое состояло, что не съ довольнымъ вниманіемъ входилъ въ предлагаемыя заданія. Сего дня пріѣхалъ изъ чужихъ краевъ канцлеръ графъ Михайло Ларіоновичъ Воронцовъ. Ввечеру назначено ему было видѣть Ея Императорское Величество. Его Высочество изволилъ открываться мнѣ, что онъ опасается, чтобъ не удержали его долго за тѣмъ у Государыни, какъ итти туда изволитъ; что быть тамъ ему скучно и принужденно, и что принужденіе такое ему несносно. Въ семъ не оставилъ я, чтобъ не дать Государю надлежащаго увѣщанія. Послѣ ученья, захотѣлось Его Высочеству читать русскую трагедію „Синавъ и Труворъ.“ Не нашли мы ея въ его библіотекѣ. Послалъ я къ фрейлинамъ Аннѣ Алексѣевнѣ Хитровой, къ Елисаветѣ Николаевнѣ и къ Вѣрѣ Николаевнѣ Чоглоковымъ; тамъ трагедіи не сыскали. Проговорилъ я только оттуда Государю нѣкоторыя стишки на-изусть, кои могъ упомнить. Въ началѣ осьмаго часу пошли мы къ Государынѣ. Ея Величество въ биліардную комнату выходить не изволила. Канцлеръ былъ уже у Государыни и уѣхалъ. Въ самые внутренніе покои указала послать къ себѣ графа Захара Григорьича Чернышова, Петра Ивановича Панина, Семена Кириловича Нарышкина, генерала князь Александру Михайловича Голицына и князь Якова Петровича Шаховскаго. Его Высочество, побывши тамъ не съ большимъ часъ, возвратился къ себѣ.

Сѣли мы за столъ. Разсказывалъ Государь, что онъ сего дня отъ Ея Величества слышать изволилъ, что недавно пойманъ на разбоѣ въ московской губерніи одинъ дворянинъ, за коимъ душъ около четырехъ сотъ было. Оной дворянинъ былъ въ отпуску изъ службы, просрочилъ долго, къ полку не смѣлъ явиться и пошолъ въ разбой. Разговаривали мы потомъ вообще о разбойникахъ и о ихъ злодѣйствахъ. Вставши изъ за стола, въ половинѣ десятаго часу легъ Государь опочивать.

25. Его Высочество встать изволилъ въ началѣ осьмаго часу. За чаемъ изволилъ разговаривать со мною о графахъ Разумовскихъ и о роднѣ ихъ; о бывшемъ ихъ случаѣ во владѣніе Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны. Во время убиранія волосовъ читалъ я Государю въ новопереведенной на россійской языкъ книгѣ господина Шоффена „о житіяхъ славныхъ государей и великихъ полководцевъ“ изображеніе Дюка Бургонскаго. Въ ономъ изображеніи описаны обстоятельно нравъ, душевныя качества, привычки и упражненія сего Дюка. Государь изволилъ слушать съ крайнимъ вниманіемъ, и вездѣ старался на себя апликацію дѣлать. Какъ зачалъ я его умывать, и онъ нѣсколько заупрямился (не захотѣлось въ ушахъ у себя давать вычистить), то тотчасъ сказалъ я тутъ Его Высочеству: „Бургонской Дюкъ конечно уже такъ неупрямился.“ Сіе присоединясь къ твердости, съ какою я сталъ въ происходящемъ у насъ дѣлѣ, принудило Государя къ повиновенію. Не хотѣлося мнѣ, чтобъ онъ на своемъ поставилъ изъ одного только своенравія. Одѣвшись, забавлялся со мною Его Высочество очень долго въ жолтой комнатѣ, и какъ я поѣхалъ домой, то проводилъ меня и отпустилъ съ крайнимъ лобызаніемъ. Одѣвшись и съѣздя къ генералу фельдцейгмейстеру Вильбуа съ порученною мнѣ отъ Его Превосходительства Никиты Ивановича коммиссіею, пріѣхалъ я обѣдать къ Его Высочеству.

Обѣдали у насъ изъ постороннихъ только г. Салдернъ и Эпинусъ. Никита Ивановичъ по большой части былъ задумчивъ, и до пространныхъ разговоровъ за столомъ не доходило. Говорили только о графѣ Александрѣ Сергѣичѣ Строгановѣ, въ какомъ онъ теперь смущеніи, что графиня Анна Михайловна возвратилась. Вчерась о томъ же говорили, и для того сказалъ Государь: мнѣ кажется теперь это la nouvelle du jour.

Откушавши, изволилъ Его Высочество ходить въ биліардную. Тамъ играли мы въ биліардъ двѣ партіи. Часу въ четвертомъ сѣлъ Государь за обыкновенныя свои ученія. Ввечеру приходилъ къ нему графъ Григорій Григорьичъ Орловъ; онъ сего дня лишь пріѣхалъ изъ деревни своей Ропши. Сказывалъ, какъ онъ тамъ убилъ медвѣдя, и принялъ его самъ на рогатину, и какъ самъ загонялъ лисицу. Отужинавши, легъ Государь опочивать въ половинѣ десятаго часу.

26. Его Высочество встать изволилъ въ седьмомъ часу. Одѣвшись, учился какъ обыкновенно. Послѣ ученья, приказалъ принести карту дороги отсюда до Москвы и оную разсматривалъ.

За столомъ у насъ сего дня изъ посторонних никово не было. Его Превосходительство Никита Ивановичъ такожъ тутъ не кушалъ; поѣхалъ провожать Ея Сіятельство княгиню Катерину Романовну, которая сего дня въ Москву отъѣзжала.

Откушавши, въ четвертомъ часу сѣлъ Государь учиться. У меня очень хорошо учился. Послѣ ученья изволилъ точить и потомъ разговаривать со мною о рудокопахъ и о землетрясеніи. Подъ симъ и небольшая нѣкоторая аллегорія заключалась. Ввечеру ходилъ Государь на половину къ Ея Величеству. Государыня въ биліардной комнатѣ въ ломберъ играть изволила. Побывши тамъ, возвратился

Его Высочество къ себѣ въ девятомъ часу. Сѣлъ кушать. Отужинавши, опочивать легъ, было десятаго часу двадцать восемь минутъ.

27. Воскресенье. Одѣвшись, изволилъ Его Высочество читать Священное Писаніе съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ. Часу въ двѣнадцатомъ пошли въ церковь. По окончаніи обѣдни, сказывалъ Его Преподобіе Отецъ Платонъ проповѣдь: „о побѣжденіи страстей.“ Изъ церкви проводя Ея Величество во внутренніе покои, и побывъ тамъ очень недолго, изволилъ Его Высочество возвратиться къ себѣ. Передъ обѣдомъ Тимофей Иванычъ, г. Остервальдъ и Карлъ Федоровичъ Крузъ играли партію въ шахматы. Великой Князь изволилъ поставить рубль за Остервальда, а я другой рубль поставилъ за Круза. Крузъ выигралъ, и оба рубля мнѣ достались.

Сѣли мы за столъ. Передъ обѣдомъ имѣлъ у Его Высочества аудіенцію графъ Ржеутской. Изъ постороннихъ обѣдали у насъ князь Сергѣй Васильевичъ Гагаринъ, графъ Александръ Сергѣичъ Строгановъ и Иванъ Иванычъ Кропотовъ. Говорили по большой части о дѣлахъ конюшенныхъ и о дѣлѣ Строганова съ женою. Его Превосходительство Никита Ивановичъ въ обоихъ сихъ толь разнаго роду разговорахъ очень много сатирствовалъ. Какъ дошла рѣчь до оберъ-шталмейстера князь Петра Ивановича, и Никита Ивановичъ спросилъ у князя Гагарина, любитъ-ли онъ его, то Его Высочество тотчасъ, вмѣсто князя Гагарина, Никитѣ Ивановичу отвѣтствовалъ: онъ сударь князя Петрата Иваныча любитъ, да оберъшталмейстера не любитъ, подая тѣмъ знать, что онъ команды никакой терпѣть надъ собою не можетъ. И для того смѣючись называлъ (его) Его Превосходительство Никита Ивановичъ республиканцомъ, бунтовщикомъ, и говорилъ, что естьлибъ можно было, тобъ и Государыни онъ не слушался, что уже сжавъ сердце Ей повинуется. Сему очень много смѣялись. Великой Князь изволилъ между протчимъ сказать къ тому: мнѣ кажется, кто повиноваться не можетъ, тотъ и повелѣвать не умѣетъ.

Послѣ обѣда часу въ третьемъ въ исходѣ поѣхали мы прогуливаться. Ѣздили на Литейную. Въ каретѣ Его Высочество по большой части сидѣлъ тихо. Его Превосходительство Никита Ивановичъ разговаривалъ со мною о строеніяхъ, также разсуждалъ о разныхъ путяхъ, коими люди доходятъ до благополучной жизни. Возвратясь, накушался Государь чаю. Принесли къ нему собачку его Филидора, которая была отдана на воспитаніе егерю. Долго забавлялся съ нею Его Высочество. Бросалъ поноску, и заставлялъ сидѣть ее. Въ началѣ осьмаго часу изволилъ пойтить на куртагъ. Куртагъ былъ безъ музыки, въ той комнатѣ, гдѣ стоятъ па часахъ Кавалергарды. Ея Величество, какъ обыкновенно, изволила играть въ пикетъ. Его Высочество разговаривалъ по большой части съ шпанскимъ министромъ графомъ Герейріа, съ графомъ Иваномъ Григорьичемъ Чернышовымъ, съ генералъ-фельдцейгмейстеромъ Вильбоа и съ Семеномъ Ивановичемъ Мордвиновымъ. Ея Величество Никитѣ Ивановичу говорить изволила, что она будущимъ лѣтомъ намѣрена проѣхать ладожскимъ каналомъ и вверхъ по рѣкѣ Волхову, примолвя къ тому: „c'est très nécessaire, plus nécessaire que vous ne vous imaginez peut-être; car nous radottons furieusement.“ Сіе послѣднее разумѣлось, думаю я, о фельдмаршалѣ Минихѣ. Волховскіе пороги подъ его смотрѣніемъ. Куртагъ кончился въ началѣ девятаго часу. Возвратясь къ себѣ, изволилъ Его Высочество сѣсть ужинать. Говорили мы о бывшемъ кавалерскомъ зрѣлищѣ, о Ильменѣ, какъ хорошо она представляла, и какъ дурно напротивъ того игралъ Иванычъ Иванычъ Кропотовъ. Еще, между протчимъ, изволилъ мнѣ

сказывать Его Высочество, какъ ему нѣкто указывалъ на одного морскаго человѣка, которой иногда имѣетъ честь быть при столѣ Его Высочества, и будто со всякова блюда, какъ бы далеко оно ни стояло, громкимъ голосомъ проситъ: слушай каты, братецъ, отрѣжъ мнѣ пожалуй цыпленочка-та, а какъ станутъ рѣзать, то будто онъ громчае еще прежняго закричитъ: не тутъ, не тутъ, крылышка-та мнѣ пожалуй. Извинялъ я его и заглаживалъ сколько могъ передъ Его Высочествомъ. Говорилъ при томъ, чтобъ Его Высочество иногда и въ глаза не сказалъ тово сему господину, (что) онъ тѣмъ весьма будетъ опечаленъ. Откушавши, попрыгалъ Государь, и очень былъ веселъ. Опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу.

28. Государь изволилъ встать въ началѣ осьмаго часу. Одѣвшись сѣлъ за обыкновенныя свои ученія. Послѣ ученья точить изволилъ.

Сѣли за столъ. Изъ чужихъ обѣдалъ у насъ только г. Салдернъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ по большой части былъ задумчивъ, и разговаривалъ не много.

Послѣ обѣда, часу въ четвертомъ пришолъ къ Его Высочеству Иванъ Ивановичъ Бецкой сказать, что Ея Величество скоро садиться въ карету и въ Сарское село отбыть изволитъ. Послалъ Государь за Его Превосходительствомъ Никитою Ивановичемъ. Дождавшись его, пошли мы къ Ея Величеству; побыли тамъ съ полчаса времяни. Государыня изволила отбыть въ Сарское село, а Великой Князь возвратился въ свои покои. Сѣлъ учиться. У меня сего дня весьма хорошо учился. Послѣ ученья изволилъ онъ разсматривать со мною подробно карту дороги отсюда до Москвы и вспоминать гдѣ мы въ послѣдней пріѣздъ какъ время препровождали. Читалъ я Его Высочеству Вертотову Исторію объ Орденѣ Мальтійскихъ кавалеровъ. Изволилъ онъ потомъ забавляться, и привязавъ къ кавалеріи своей флагъ адмиральской представлять себя кавалеромъ Мальтійскимъ. Въ девятомъ часу сѣли мы ужинать. Разговаривали о Москвѣ и о драматическихъ представленіяхъ. Хотѣли было изъ за стола уже вставать, какъ не помню кто-то изъ насъ попросилъ масла и сыру. Великой Князь, осердясь тутъ на тафельдекера, сказалъ: для чево прежде не ставите? и потомъ оборотясь къ намъ: это они все для себя воруютъ. Вооружились мы всѣ на Его Высочество и говорили ему по французски, какъ дурно оскорблять такимъ словомъ человѣка, о которомъ онъ конечно заподлинно знать не можетъ, виноватъ ли онъ или нѣтъ. Вставши изъ за стола продолжалась сія проповѣдь. Госп. Остервальдъ и я говорили Его Высочеству весьма сильно, какъ дуренъ оной поступокъ былъ, и какъ онъ тѣмъ у людей въ ненависть привести себя можетъ. Признавался онъ въ томъ и раскаивался. Зашла по семъ рѣчь о трудахъ, въ коихъ Государю обращаться всегда должно. Его Высочество между протчимъ молвилъ тутъ: чтожъ, вить Государю-та не все-таки трудиться. Онъ не лошадь, надобно и отдыхъ, также иногда и свои увеселенія. На сіе говорилъ я Великому Князю, „что никто того не потребуетъ, чтобъ государь никогда не имѣлъ отдохновенія, и для того, что сіе сверхъ человѣчества, а государь такой же человѣкъ, какъ и протчіе; только, что онъ возвышенъ отъ Бога въ сіе достоинство не для себя, а для народа; что для того безпрестанно пещись и стараться долженъ всѣми силами о народномъ благосостояніи и просвѣщеніи; что увеселенія и удовольствія его въ томъ состоять должны, что онъ вѣдаетъ и представляетъ себѣ живо, коликое множество его подданныхъ отъ его трудовъ и попеченій наслаждаются благополучіями и неисчетными довольствами, и государство цвѣтущимъ своимъ состояніемъ, въ которое отъ его трудовъ приходитъ, сохраняетъ имя его

съ праведною славою до позднѣйшаго потомства.“ Сіи суть точныя слова, которыя говорилъ я Его Высочеству. Слушалъ онъ ихъ весьма внимательно. Въ десятомъ часу какъ камердинеры за ужиной позасидѣлись, а Государю опочивать позахотѣлось, дошло было до слезъ, слѣдовательно и до ссоры. Со всѣмъ тѣмъ легъ опочивать въ исходѣ десятаго часу.

МАРТЪ.

1. Его Высочество встать изволилъ въ началѣ осьмаго часу. Какъ одѣвшись вышелъ въ учительную комнату, и пріѣхалъ я, то показывалъ я Государю сочиненія господина Буало съ эстампами, и потомъ чертежи, кои меньшая сестра моя чертила, и которые я получилъ недавно съ пріѣхавшимъ изъ Сибири братомъ своимъ. Чертежи Его Высочеству весьма понравились; изволилъ хвалить ихъ, и послѣ многимъ показывать. Въ десять часовъ сѣлъ Государь Цесаревичъ за свои ученія. Приходилъ между тѣмъ Иванъ Перфильичъ Елагинъ прощаться. Отъѣзжалъ онъ въ Сарское село. Его Высочество спросилъ его: скоро ли вы ѣдете? И какъ Иванъ Перфильичъ отвѣтствовалъ, что зайдетъ только къ Никитѣ Ивановичу взять отъ него нѣсколько бумажекъ, и потомъ тотчасъ поѣдетъ, то сказалъ Государь: конечно Никита Иванычъ бумаги для тово даетъ вамъ, чтобы поприбавить грузу, чтобы вы дорогой не перепрокинулись. Разговорились тутъ о опредѣленномъ отъ Ея Величества пенсіонѣ для бѣдныхъ. И какъ сказалъ Иванъ Перфильичъ, что онаго положено сто тысячъ, то Государь изволилъ было сказать сперьва: куды какъ много; но потомъ какъ изъяснено о государственныхъ доходахъ и о множествѣ бѣдныхъ офицеровъ, сиротъ и вдовъ, то изволилъ войтить въ дѣло и согласиться, что не худо опредѣлять по стольку пенсіону или бъ и болѣе. Откланялся Иванъ Перфильичъ, и Его Высочество продолжалъ свои ученія. По окончаніи оныхъ, изволилъ точить. Пришолъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ. Съ нимъ пришли графъ Кирила Григорьевичъ Разумовской, которой недавно изъ Москвы пріѣхалъ, свойственникъ Кирилы Григорьича камергеръ Михайло Власьичъ Будлянской, пріѣхавшей недавно изъ чужихъ краевъ, бывшей въ Москвѣ въ Павловской больницѣ докторъ г. Леклеръ и Григорій Николаичъ Тепловъ.

Спустя нѣсколько времяни были (сѣли) за столъ. Всѣ оные у насъ обѣдали. До разговоровъ примѣчанія достойныхъ совсѣмъ почти не доходило.

Вставши изъ за стола, сказывалъ Григорій Николаичъ Тепловъ о Салтыковѣ, которой прежде отъ Ивана Ивановича Шувалова посыланъ былъ къ Волтеру, а потомъ былъ у Григорья Николаича. Объ ономъ Салтыковѣ сказывалъ онъ, что нынѣ отъ себя его отбросилъ, за дурнымъ его поведеніемъ. Тутъ зашла рѣчь о путешествіяхъ, что иные путешествуя, небо только перемѣняютъ, а разума и нравовъ своихъ не перемѣняютъ. Его Высочеству сравненіе сіе понравилось. Отвелъ онъ Григорья Николаича Теплова и меня, и изволилъ забавляяся съ часъ времяни распрашивать то про того, то про инаго, перемѣнилъ-ли онъ путешествуя и разумъ свой, такъ какъ перемѣнялъ небо. Много сыскалося такихъ, кои путешествуя, небо только перемѣняли, а разума своего не просвѣтили, ничему не научились, и ничего не примѣтили. Произошло отъ сего и общее у насъ разсужденіе о путешествіяхъ. Въ четвертомъ часу сѣлъ Государь за свои ученія. По окончаніи оныхъ, читалъ я Его Высочеству въ Боаловыхъ сочиненіяхъ третью и десятую сатиры. Въ семъ упражненіи нашелъ насъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ. Пріятно то ему было, сколько могъ (я примѣтить. Изволилъ онъ) сѣсть самъ, и читать въ оной же книгѣ

одну изъ одъ господина Боало. Подали между тѣмъ карты. По окончаніи чтенія, стали мы играть въ берланъ. Играло насъ пятеро: Его Высочество, Никита Ивановичъ, г. Остервальдъ, маленькой князь Куракинъ и я. Пулю выигралъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ. Въ девятомъ часу сѣли мы ужинать. Никита Ивановичъ пошелъ къ себѣ. За столомъ очень веселъ былъ Его Высочество. Откушавши, изволилъ играть партію въ шахматы съ маленькимъ кн. Александромъ Борисовичемъ. Опочивать положилъ я Великаго Князя въ исходѣ десятаго часу.

2. Государь изволилъ встать въ семь часовъ. Не успѣлъ я еще одѣться, какъ изволилъ прибѣжать ко мнѣ, очень веселъ былъ, цѣловалъ меня и попрыгивалъ. Пошли мы пить чаю. За чаемъ разговаривали, между протчимъ, о происхожденіи здѣшнихъ фамилій, и я изъяснялъ Его Высочеству объ ономъ, сколько мнѣ слыхать и читать случилось. Потомъ разговорились мы о лакеѣ Его Высочества Полянскомъ, котораго Государь, жалуя предъ протчими, намѣренъ давно выпросить въ офицеры. Совѣтовалъ я Его Высочеству, чтобъ приказалъ кликнуть Полянскаго, и изволилъ самъ сказать ему о томъ, а при томъ спросить, куды онъ опредѣленъ быть желаетъ. Согласился на то Государь Цесаревичъ. Велѣлъ я послать Полянскаго, и положили, чтобы его, по пожалованіи офицеромъ, выпросить къ кому нибудь изъ генераловъ въ адъютанты. Во время убиранья волосовъ, читалъ я Государю Боалову героикомическую поэму, называемую: Lutrin т. е. „Налой". Его Высочество весьма забавлялся симъ чтеніемъ. Убравшись, изволилъ выйтить со мною въ желтую комнату. Попрыгаючи изволилъ тамъ много разговаривать со мною, и повѣрять всѣ свои таинства (тайны). Въ десять часовъ изволилъ сѣсть за свои ученія. Послѣ ученья точилъ, и устанавливалъ въ строй шахматы.

Изъ посторонныхъ обѣдалъ у насъ только г. Салдернъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ кушалъ у своего брата.

Послѣ обѣда учился Государь, какъ обыкновенно. У меня весьма хорошо дѣло свое сдѣлалъ. Часу въ пятомъ приходилъ къ намъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ. Тутъ между протчимъ опять возобновилась матерія о геометріи. Г. Остервальдъ говорилъ, что Эпинусъ намѣренъ съ Его Высочествомъ начать оную науку. У меня уже написана она, и я представлялъ о томъ Никитѣ Ивановичу. Приказалъ Его Превосходительство, чтобѣ я къ г. Эпинусу съѣздилъ, сказалъ ему о томъ его имянемъ, и на всегда бы съ нимъ постановилъ, какимъ порядкомъ впредь у насъ пойдетъ Его Высочества математическое ученіе. Ѣздилъ я къ г. Эпинусу, былъ у него часа съ два, и постановилъ слѣдующій порядокъ: по окончаніи ариѳметики, буду я предлагать Государю Великому Князю геометрію теоретическую и практическую, потомъ фортификацію и артиллерію, и начальныя основанія механики и идростатики, наконецъ генеральныя правила о тактикѣ. Господинъ Эпинусъ нынѣ проходить будетъ съ Великимъ Княземъ физику, независимо отъ математики; какъ же скоро отъ меня свѣдаетъ, что Его Высочество довольно уже твердъ въ геометріи, то начнетъ съ нимъ математическую часть физики, пространную механику, правила оптики и астрономіи, основываясь на моей геометріи. При томъ г. Эпинусъ покажетъ Его Высочеству и алгебру. Сіе пересказалъ я и Его Превосходительству Никитѣ Ивановичу и онъ весьма похваля, апробовать изволилъ все оное сіе расположеніе. Ввечеру изволилъ Его Высочество играть въ берланъ. Часовъ въ восемь началъ Великой Князь очень часто позѣвывать и жаловаться головою. Никита Ивановичъ приказалъ подать ему чашку чаю съ лимономъ; потомъ раздѣли Его Высочество и положили опочивать. Часъ былъ въ половинѣ девятой.

3. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ, и ни чѣмъ не жаловался. Одѣвшись учился по обыкновенному.

За обѣдомъ изъ постороннихъ никого у насъ сего дня не было, кромѣ дежурнаго гвардіи маіора Любима Артемьича Челищева. Его Превосходительство Никита Ивановичъ ѣздилъ къ Ея Величеству въ Сарское село съ дѣлами. Въ четвертомъ часу по полудни сѣлъ Государь за свои ученія. У меня очень хорошо учился. Послѣ ученья, изволилъ смотрѣть книгу „le temple des Muses". Между тѣмъ ѣздилъ я заказывать для Его Высочества къ будущему кампементу разные кирасирскіе приборы. Какъ пріѣхалъ я назадъ, сѣли мы играть въ берланъ. Играло насъ пятеро. Его Высочество, Тимофей Ивановичъ Остервальдъ, князь Иванъ Сергѣичъ Борятинской, Петръ Ивановичъ Пастуховъ и я. Пулю я выигралъ. Послѣ игры разговорились мы о стихотворствѣ. При семъ случаѣ много говорили о Ломоносовѣ, о Валлерѣ и о Гинтерѣ. Сѣли мы ужинать. За столомъ говорили о кузнецахъ, о столярахъ, о кучерахъ и о иныхъ ремесленникахъ, и о ихъ жизни. О купцахъ такожъ разсужденіе у насъ было. Послѣ ужины говорили мы о балетахъ, и особливо о Нейвилевомъ; также и о комедіантахъ французскаго театру, прежнихъ и нынѣшнихъ. Десятаго часу было сорокъ минутъ, какъ Его Высочество опочивать легъ.

4. Государь встать изволилъ въ седьмомъ часу въ исходѣ. Одѣвшись, сѣлъ за свои ученія. По окончаніи оныхъ приходилъ къ намъ графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ. Съ нимъ взадъ да впередъ въ жолтой комнатѣ разхаживая, разговаривалъ Его Высочество о лагерѣ и о кавалерійской службѣ. Уѣхалъ графъ Иванъ Петровичъ.

Сѣли мы за столъ. Обѣдали у насъ Иностранной Коллегіи членъ Иванъ Осиповичъ Пуговишниковъ, князь Сергѣй Васильевичъ Гагаринъ, которой нынѣ пожалованъ въ Москву сенаторомъ и Коллегіи Экономіи президентомъ на мѣсто покойнаго князя Бориса Александрыча Куракина, и еще гвардіи маіоръ князь Матвѣй Алексѣичъ Гагаринъ. За столомъ разговаривали по большой части о рыбной ловлѣ и о другихъ дѣлахъ экономическихъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ пошутилъ нѣсколько надъ князь Сергѣемъ Васильичемъ.

Послѣ обѣда учился Его Высочество, какъ обыкновенно. По окончаніи ученія забавлялся, привѣся къ кавалеріи своей флагъ адмиральской. Представлялъ себя посломъ Мальтійскимъ, и говорилъ передъ маленькимъ княземъ Куракинымъ рѣчь; потомъ игралъ съ нимъ въ шахматы. Послѣ ужины изволилъ лечь опочивать около половины десятаго часу.

5. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись учился, какъ обычайно. Послѣ ученія изволилъ играть въ биліардъ à la guerre. Пулю онъ выигралъ.

Сѣли мы за столъ. Обѣдали у насъ г. Салдернъ и Карлъ Федоровичъ Крузъ. Разсужденіе было о разности климатовъ и о преимуществѣ сѣверныхъ нашихъ странъ предъ жаркими полуденными. Говорили тутъ о заразительныхъ язвахъ и о множествѣ ядовитыхъ гадинъ, кои въ жаркомъ поясѣ господствуютъ. Его Высочество приставалъ такожъ къ разсужденіямъ и противъ тѣхъ, кои съ восхищеніемъ о полудни говорили, твердо защищалъ востокъ и сѣверъ.

Послѣ обѣда позабавясь, сѣлъ Государь за свои ученія. У меня весьма хорошо учился. Ввечеру ходили мы на половину къ Государынѣ. Ея Величество въ биліардную комнату выходить не изволила. Государь Цесаревичъ былъ у Ея Величества въ опочивальнѣ, и получилъ отъ Нея сего дня въ подарокъ картину, гдѣ на тафтѣ нарисована и вырѣзана маленькая собачка. Возвратясь къ себѣ, скоро изволилъ Его Высочество сѣсть

кушать. За столомъ по большой части разговаривали мы о здѣшнемъ строеніи, какъ оное положено дѣлать по новому плану, и въ какихъ мѣстахъ; какія будутъ съ домовъ полицейскія подати, и сколько домы хозяевамъ своимъ могутъ приносить прибыли. Я покушался было тутъ брать себѣ мѣсто для дому, но только одно находилъ препятствіе, что строиться не чѣмъ. Вставши изъ за стола изволилъ Государь долго разговаривать со мною о полку своемъ кирасирскомъ и вообще о военной службѣ. Доносилъ я Его Высочеству, сколько по новому штату кирасирской полковникъ какого прибору имѣть и сколько заводныхъ лошадей содержать долженъ. Забавлялся онъ и изволилъ говорить, что не имѣя столько у себя заводныхъ лошадей, сколько положено по штату, принужденъ онъ будетъ взять извощичьихъ, и накрыть мундирными попонами. О лошади своей шутить изволилъ, что какъ она не той шерсти, какія въ полку Его Высочества, то прикажетъ ее подъ тотъ цвѣтъ выкрасить. Государь сего вечера очень былъ веселъ. Опочивать изволилъ лечь въ половинѣ десятаго часу.

6. (Воскресенье). Его Высочество проснуться изволилъ въ седьмомъ часу. Одѣвшись, читалъ съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ Священное Писаніе. Въ двѣнадцатомъ часу изволилъ пойтить въ церковь. Послѣ обѣдни, проводя Ея Величество во внутренніе покои, возвратился къ себѣ. Забавлялся съ графомъ Захаромъ Григорьичемъ Чернышовымъ и съ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ. По утру откланивался у Его Высочества генералъ-фельдцейхмейстеръ Вильбоа, которой на годъ уволенъ въ отпускъ. Переводу г. Козельскова книга «житіе генераловъ», сочиненное г. Шофеномъ поднесена сего дня.

Сѣли за столъ. Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ только флота генералъ-интендантъ Кутузовъ. Съ нимъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ разговаривалъ о нѣкоторыхъ морскихъ учрежденіяхъ.

Послѣ обѣда забавлялся Его Высочество, по сдѣланнымъ на паркетѣ звѣздамъ съ одной на другую перепрыгивая, и представляя себѣ, что между ими мѣста болотныя. Въ исходѣ седьмаго часу изволилъ Государь пойтить на куртагъ. Куртагъ былъ въ той комнатѣ, гдѣ на часахъ стоятъ Кавалергарды, безъ музыки. Ея Величество изволила тутъ присутствовать, и играть въ пикетъ. Его Высочество стоялъ подлѣ стола, гдѣ игра была. Изволилъ между тѣмъ разговаривать съ ишпанскимъ министромъ графомъ Герейріа, съ графомъ Захаромъ Григорьичемъ, съ графомъ Иваномъ Григорьичемъ, съ генераломъ князь Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ и съ графомъ Иваномъ Петровичемъ Салтыковымъ, котораго просилъ Государь, чтобъ завтра пріѣхалъ къ нему обѣдать. Никита Ивановичъ на куртагѣ по большой части говорилъ особо съ дацкимъ министромъ графомъ Остеномъ. Куртагъ кончился въ началѣ девятаго часу. Возвратясь къ себѣ, скоро изволилъ Его Высочество сѣсть кушать. За столомъ разговаривали мы о проказахъ и похожденіяхъ нѣкоего Италіянца Казанова. Послѣ ужины изволилъ Его Высочество съ маленькимъ княземъ Куракинымъ играть въ шашки, въ волки. Опочивать положилъ я его въ половинѣ десятаго часу.

7. Государь проснуться изволилъ въ началѣ осьмаго часу. Надѣвши шлафрокъ и туфли, изволилъ войтить ко мнѣ въ учительную свою комнату, и попрыгавши и поваляясь на моей постелѣ, звалъ меня пить чаю. За чаемъ изволилъ онъ меня о многихъ распрашивать, какого они разуму и какихъ способностей люди. Между протчими спрашивалъ и о графѣ Иванѣ Петровичѣ Салтыковѣ, котораго хвалилъ я, сколько хвалить можно, зная его доброе сердце и другія изрядныя качества. Убравши волосы, обло-

журналѣ за іюль 1786 г. и озаглавлена: Домовая Записка о заразѣ новомодной ереси и о средствахъ, исцѣляющихъ отъ ной, подъ псевдонимомъ Правдубаевъ».

Письма Гримма къ императрицѣ Екатеринѣ II, изд. по поруч. Импер. рус. истор. общ. Я. Гротомъ. Спб. 1880. 439 стр. Ц. 2 р.

Сношенія Гримма съ импер. Екатериною начались съ 1764 г. (Гротъ, Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Спб. 1879, стр. 8, по государ. архиву). Онъ сталъ присылать ей свою литературную корреспонденцію, которою она осталась очень довольна и просила продолжать ее. Повидимому эти отношенія завязались при участіи Жоффренъ (письма Екатерины къ Жоффренъ, Сборн. рус. ист. общ. I, 271). Въ своей запискѣ о сношеніяхъ съ Екатериною II (ibid. II), Гриммъ ведетъ разказъ только съ 1773, т. е. со времени пріѣзда своего въ Россію. Въ 1877 г., подъ редакціею г. Грота, были изданы уже тѣмъ же обществомъ письма Екатерины къ Гримму (т. XXIII). Появившіяся теперь письма Гримма большею частію даже не предвидились тогда, такъ какъ онѣ только потомъ были отъисканы въ Госуд. архивѣ. Небольшое количество ихъ было найдено П. И. Бартеневымъ въ Воронц. Архивѣ и передано въ общество. Изъ этихъ двухъ коллекцій и составилось настоящее изданіе—весьма важное какъ дополненіе къ напечатаннымъ прежде письмамъ императрицы, безъ котораго нельзя было бы вполнѣ понять самаго характера этой переписки. Гриммъ былъ дорогъ Екатеринѣ какъ чрезвычайно умный, искусный коммиссіонеръ: это человѣкъ практическій, смышленый, свѣдущій, представляющій рѣдкое соединеніе самаго изящнаго француза съ глубокомысленнымъ нѣмцемъ (какимъ онъ былъ по рожденію), довѣренный наперсникъ всѣхъ нѣмецкихъ принцевъ и принцессъ, пламенный ревнитель всѣхъ интересовъ русской императрицы. Въ письмахъ своихъ къ ней онъ, посреди самыхъ разнообразныхъ интересовъ, постоянно занимаетъ ее только однимъ... именно ею самою. Таковъ общій характеръ его писемъ. Только къ г-жѣ Бельке и къ Гримму Екатерина писала прямо начисто, съ полною откровенностію, и потому такъ хлопотала, чтобы ея письма къ нему не попали въ чужія руки. Многія изъ его писемъ имѣютъ характеръ обширныхъ докладовъ о всемъ важномъ и неважномъ. За исключеніемъ трехъ первыхъ нумеровъ (1764 и 1765 гг.). всѣ остальныя письма Гримма обнимаютъ періодъ съ 1776—1796 г., т. е. до смерти императрицы. Въ приложеніяхъ къ нимъ помѣщены записки педагогическаго содержанія, представленныя Гриммомъ по желанію императрицы, и два письма—одно къ Потемкину и другое къ служившему при немъ барону Бюлеру. Изъ замѣтки, приложенной при этомъ, видно, что Гриммъ велъ переписку съ Потемкинымъ, которая составляетъ порядочную тетрадь, хранящуюся въ Моск. главн. арх. мин. ин. дѣлъ.

Сборникъ московскаго главнаго архива мин. иностр. дѣлъ. Вып. I. Изд. коммисіи печатанія грамотъ и договоровъ. М. 1808, 211 стр. Ц. 75 к.

Нельзя не порадоваться, что одно изъ важнѣйшихъ архивныхъ учрежденій въ Россіи предприняло подобное изданіе. Оно доставитъ возможность служащимъ и занимающимся въ моск. арх. ин. дѣлъ помѣщать свои отчеты и статьи, касающіеся матеріаловъ означеннаго архива, а отчасти и самые матеріалы, заслуживающіе особеннаго вниманія, но которые почему либо не могутъ найти мѣста въ другихъ изданіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ начальство архива обѣщаетъ издать въ Сборникѣ матеріалы для исторіи самаго архива, собираемые уже нѣсколько лѣтъ. Въ первый выпускъ вошли статьи объ архивѣ, помѣщенныя прежде въ другихъ изданіяхъ архива, между прочимъ въ сборникѣ на франц. языкѣ, (о которомъ см. «Рус. Стар.» 1881 г. № 2) или въ журналахъ и потому сохранились въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, это именно: 1) Свѣдѣнія объ устройствѣ архивной части въ Россіи (отвѣты на запросы иностран. правительствъ); 2) Вопросъ о прусскомъ союзѣ въ первую половину Сѣверной войны; 3) Янтарная комната Царскосельскаго дворца; 4) Русскіе великаны въ прусской службѣ; 5) Первые русскіе гардемарины за границею въ XVIII стол. Кромѣ того въ первомъ выпускѣ помѣщенъ одинъ изъ каталоговъ архива первой четверти XIX столѣтія, составленный подъ руководствомъ управлявшаго моск. архивомъ А. Ѳ. Малиновскаго.

В. И.

Издатель-редакторъ **М. И. Семевскій.**

BOUND BY